

OZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

30 - NASHRI

SAMARQAND - 1999

Посвящается

70-летию со дня рождения
кандидата исторических наук
Хуана Ибаррече Дуке

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ**

30 - НАШРИ

Тарих фанлари доктори Т.Ш. Ширинов тахрири остида

Самарқанд - 1999

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА**

ВЫПУСК - 30

Под редакцией доктора исторических наук Т.Ш. Ширинова.

Самарканд - 1999

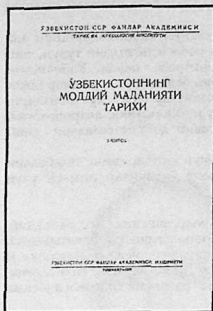
ACADEMY OF SCIENCES
OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN**

30 - EDITION

Edited by T.Sh. Shirinov, doctor of historical sciences

Samarkand - 1999

От редактора

История материальной культуры Узбекистана была задумана в конце 50-х годов с целью поднять на качественно новый уровень изучение яркой и самобытной истории нашей Родины и её популяризации во всем мире. У истоков этой программы, ежегодника стояли патриархи узбекской археологии Я.Г.Гулямов, И.М.Мушинов, В.А.Шишкин, Б.В. Лукин и др.

Археологические материалы, наряду с письменными, были подняты до уровня первоисточников, началось их активное использование в реконструкции исторических процессов на территории нашей Родины.

Первый выпуск ИМКУ вышел в свет в 1959 году. С тех пор, за сорок лет, было издано 29 выпусков. И вот, у вас на руках, уважаемый читатель, 30 выпуск.

Редакционная коллегия ИМКУ придерживается доброй традиции объективного освещения истории материальной культуры Узбекистана и Средней Азии в контексте мировой цивилизации.

Справедливости ради могу отметить, что ИМКУ появилась не на пустом месте. Достаточно вспомнить более 20 выпусков "Протоколов ТКЛА", первый из которых был опубликован более чем 100 лет тому назад - 1895 г. в г.Ташкенте.

В первые послевоенные годы вышло в свет несколько выпусков "Трудов Института истории и археологии" АН Узбекистана.

ИМКУ отличается от другой периодики своей академичностью, глубиной научных разработок, строго придерживается хронологического порядка в изложении исторических процессов, максимальной объективности в изучении имеющихся источников. Основной задачей редколлегии является публикация на страницах ИМКУ археологических источников, в меньшей степени - исторических реконструкций.

В связи с этим, ИМКУ не касается тем, связанных с коммунистической идеологией и воинствующим атеизмом в эпоху "развитого социализма". На страницах ИМКУ нашли своё отражение археологические комплексы, начиная со времени ашельской культуры и кончая эпохой посттемуридов, теоретические и методологические разработки проблем реставрации и консервации археологических материалов и т.д.

Одна из первых на своих страницах ИМКУ дала информацию о Хорезмской и Бактрийской цивилизациях, самобытных культурах Согда, Ферганы, Чача и Уструшаны, новейшие и уникальные материалы о зороастризме и буддизме, исламе и христианстве на территории Средней Азии.

На страницах ИМКУ печатались ученые с мировыми именами: Я.Гулямов, Г.Пугаченкова, А.Аскаров, А.Окладников, М.Массон, В.Массон, У.Исламов, Р.Сулайманов, В.Ягодин, Ю.Бурыков, Э.Ртвеладзе, К.Рапен, С.Хмельницкий и многие другие.

Только благодаря высоким мировым стандартам научных разработок, отражённых на страницах ИМКУ, сборник пользуется большим спросом в библиотеках учреждений и университетов всего мира, которые так или иначе связаны с археологией и востоковедением.

Уважаемый читатель !

Вот наконец долгожданный очередной юбилейный 30 выпуск ИМКУ у Вас в руках, где строго соблюдены преемственность и традиции, присущие предыдущим номерам.

30 выпуск ИМКУ ознакомит Вас с новейшими источниками, освещающими историю материальной и духовной культуры нашей Республики. В нем 36 авторов, они разные и по уровню знаний и по возрасту - с одной стороны, маститые ученые с мировыми именами: Г.П.Деревянко, Б.Д.Кочнев, Э.Ртвеладзе, Ш.Р.Пидаев, К.Абдуллаев, Г.Пугаченкова, Д.Хуфф, В.Массон и др., с другой, молодые специалисты, делающие свои первые шаги в науке - Н.Торежанова, С.Ильясова, А.Маликов и др.

Но их всех, безусловно, объединяет одно - любовь к археологии, скрупулезное отношение к материалу и максимальный объективизм к избранной теме. Я надеюсь, что для пытливого ума читателей ИМКУ, в 30 выпуске найдется много интересного и полезного.

Ответственный редактор,
д.и.н. Т.Ш.Ширинов.

Ушбу тўпламда Ўзбекистон ҳудудига ўтказилган археология тадқиқотларининг энг янги натижалари ёритилган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий тузум, тош асрдан сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олади. Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар - меъморчилик тарихи, кўҳна яшаш маконларининг лойиҳаси, топографияси хусусиятлари, ҳунармандчилик ва ҳунармандчилик технологияси, санъат, нумизматика, антропология, ирригация, маълум тарихий даврининг маънавий, мафқуравий ҳаёт масалалари очиб берилган.

Тўплам тарихчилар, археологлар, этнографлар, Олий ўқув юртларининг талабалари ва қадимги давр моддий - маданияти билан қизиққан кенг ўқувчилар оммаси учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных на территории Республики Узбекистан. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для историков, археологов, студентов гуманитарных ВУЗов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Д. Джуракулов,
доктор исторических наук Р.Х. Сулейманов.

Печатается по решению Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

История материальной культуры Узбекистана
выпуск 30

Редактор:

Технический редактор: Очилов Т.Х.

Корректоры: Пардаев М.Х., Грицина А.А., Мирзаахмедов Д.К.

Набор: Кондрикова М.В., Курманова А.Р., Маджидова Н.

Сдано в набор 15.09.99 г. Подписано к печати 12.10.99 г.
Заказ 27. Формат 60х84 1/8. Усл. печ. лист. 41,75, Уч.изд.л. 42,25.
Бумага офсетная. Тираж 500 штук. 1-й завод 200 штук.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева 3.

ХУАН ИБАРРЕЧЕ ДУКЕ (к 70-летию со дня рождения)

В 1999 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения одного из старейших ученых Института археологии АН РУз, кандидата исторических наук Хуана Ибаррече Дуке.

Х.И.Дуке родился 24 июня 1929 года в рабочей семье Баскской провинции, в г.Бильбао. Гражданская война в Испании 1931-1939 гг., начавшаяся с антимоноархического режима и завершившаяся фашистской диктатурой перевернула всю его жизнь. В период войны в 1937 г. 8 летним мальчиком он был вывезен в Советский Союз и воспитывался в испанских детских домах в Подмоскowie.

В 1950 г. он поступил в Московский государственный университет и сразу же увлекся археологией: сначала Поволжье, затем древние культуры Востока. Окончив университет со специализацией по Сибири и Средней Азии, он уезжает в Узбекистан, в Бухару, где работает сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим отделом и, наконец, заместителем директора по научной

части Бухарского историко-краеведческого музея (1955 - 1964 гг.).

В 1964 г. академик Я.Г. Гулямов рекомендует его известному ученому Ленинградского отделения Института археологии - М.П.Грязнову. С этого времени Х.И.Дуке - бессменный участник Сибирской археологической экспедиции. Он окончил аспирантуру по бронзе Сибири и работал в Ташкенте в Институте истории и археологии. А когда открылся Институт археологии в Самарканде Х.И.Дуке становится одним из первых сотрудников этого крупного научного учреждения.

При первом знакомстве Х.И.Дуке производил впечатление несколько замкнутого, «закрытого» человека. Но это впечатление быстро рассеивалось, особенно в экспедиции, где люди хорошо узнают друг друга. Спокойный и трудолюбивый, никогда не перекладающий на других полевые тяжести, неприхотливый в быту, в жару и холод, он был доброжелателен ко всем окружающим.

Внешне легко относился к шуткам в свой адрес. Никогда не взрывался, хотя иногда чаще необходимого курил сигарету за сигаретой. В общем, это был надежный товарищ в трудных условиях, честный и ответственный. И не случайно он становился участником многих экспедиций.

Х.Дуке работал в экспедициях в Сурхандарье и Кашкадарье, Самарканде, Ташкенте и Ташкентской области. Но главной темой, которой он отдал всю душу, была одна - древнейшие культуры земледельцев и кочевников оазисов и степных районов Средней Азии эпохи палеометалла.

Еще со времени аспирантуры Х.Дуке занимается сравнительным анализом степных культур от Приаралья до Сибири и защищает диссертацию по вопросам периодизации позднебронзовой эпохи Средней Азии, Казахстана и Сибири, участвует в исследовании памятников бронзовой эпохи Сурхандарьи и Ферганы.

Однако больше всего его интересовали культуры Средней Азии поздней бронзы и раннего железа. С именем Х.И.Дуке связано изучение памятников этих культур в контактных зонах земледельцев и скотоводов.

Особенно ценными являются его разработки по бургулюкским древностям (1978, 1982). Прежде всего, они расширили наши представления о земледельческих племенах лепной расписной керамики, обитавших на территории Чача в эпоху бронзы и раннего железа. Данные материалы значительно полнее, чем работы предшествующих исследователей, осветили экономику, хозяйство, быт и связи ее носителей. Они же позволили Х.И.Дуке пересмотреть хронологию бургулюкского комплекса и датировать его более ранним временем - IX-VII вв. до н.э.

Не все выводы, сделанные Х.И.Дуке по бургулюкской культуре, могут показаться убедительными и строго доказанными. Кстати, и сам исследователь в своих работах указывал на дискуссионность некоторых вопросов (генезис, хронология) или же на полную неизученность ряда проблем (этническая принадлежность и духовная культура), что связано либо с ограниченностью, либо с отсутствием материалов, характеризующих данные аспекты жизни носителей лепной расписной керамики. Несмотря на это, многое было отмечено Х.Дуке правильно. Его публикации прибавили много нового к нашим знаниям по истории древней культуры Ташкентской области.

Х.Дуке был заботливым семьянином, тепло и нежно относился к жене и двум своим дочерям.

В последние годы, когда улучшились отношения с Испанией, Х.Дуке несколько раз ездил к себе на Родину - в Бильбао. Однако, переезжать в Испанию на постоянное жительство он не собирался, оставаясь верным и преданным исследователем своего дела - археологии Средней Азии.

Несмотря на свой довольно солидный возраст, Х.И.Дуке мог работать в поле с весны и до поздней осени. Уже с ранней весны, подготовив отчет, он «бомбардировал» письмами и телефонными звонками своего друга, сотрудника Института Кабула Алимова и спрашивал: «Как на Кавардане, когда выезжаем?»

Х.И.Дуке опубликовано около 40 статей, в том числе несколько монографий, посвященных в основном, эпохе бронзы и раннего железа.

Х.Дуке почти не болел, казался очень прочным. Тем невероятнее стало сообщение о его внезапной кончине, когда он в 1990 г. на несколько дней приехал на майские праздники в Самарканд из экспедиции.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Х.И.ДУКЕ

1. *К сравнительной характеристике керамики эпохи поздней бронзы в Узбекистане* // ОНУ, 1969, № 6.
2. *О некоторых параллелях ташкентской и карасукской керамики* // ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969.
3. *Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии, Казахстана и Сибири*. Автореф.... канд. ист. наук. Ташкент, 1970.
4. *К вопросу о хозяйстве и общественных отношениях племен эпохи бронзы* // ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1972.
5. *Раскопки курганов у селения Бурчмула* // ОНУ, 1972, № 2.
6. *Чиракчинское поселение* // УСА, вып. 2. Л., 1972.
7. *Археологические исследования в Сохской долине* // ОНУ, 1974, № 9.
8. *Мозильник Обишир* // ИМКУ, вып. 11. Ташкент, 1974.
9. *Пшактепа - памятник культуры Северной Бактрии* // ОНУ, 1974, № 12.
10. *Новый мозильник тюркского времени в Южном Узбекистане* // УСА, вып. 3. Л., 1975.
11. *Работы в Ташкентской области* (соавт. Алимов К., Буряков Ю.Ф.). АО, 1974. М., 1975.
12. *К вопросу о бургулюкской культуре* // ОНУ, 1976, № 8.

13. *Исследования в Ташкентской области* (соавт. Алимов К., Буряков Ю.Ф.) // АО, 1975. М., 1976.
14. *Древности Чарвака* (соавт. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ташкенбаев Н.Х., Кабиров Д., Ростовцев О.М., Ходжайов Т.К.) Ташкент, 1976.
15. *Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г.* // ИМКУ, вып. 13. Ташкент, 1977.
16. *Работы по Своду археологических памятников Ташкентского оазиса* (соавт. Аминов В., Буряков Ю.Ф.) // АО, 1976. М., 1977.
17. *Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976* // ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978.
18. *Древности Туябугуза* (соавт. Буряков Ю.Ф., Алимов К., Тетюхин Г.Ф., Касымов М.Р., Ерназарова Т.С., Кочнев Б.Д.) Ташкент, 1978.
19. *Работы в Ташкентском оазисе* (соавт. Аминов В., Буряков Ю.Ф.) // АО, 1977. М., 1978.
20. *Древняя и средневековая культура Чача* (соавт. Буряков Ю.Ф., Тереножкин А.И., Алимов К., Набоков В.И., Брусенко Л.Г., Галиева З.С., Кочнев Б.Д.) Ташкент, 1978.
21. *Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области* // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979.
22. *О новых данных по каменному веку Туябугуза* (соавт. Касымов М.Р., Гречкина Т.Ю.) // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979.
23. *Исследования в зоне Туябугузского водохранилища* // АО, 1980. М., 1981.
24. *Чиракчинское поселение* // ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982.
25. *Туябугузские поселения бургулюкской культуры*. Ташкент, 1982.
26. *Исследования в зоне Туябугузского водохранилища* // АО, 1981. М., 1983.
27. *Раскопки в зоне затопления Туябугузского водохранилища* // АО, 1982. М., 1984.
28. *Бургулюкское погребение* // ОНУ, 1984, № 12.
29. *Тошкент денгизи - бобо деҳонлар макони* (савт. А.А.Аскарлов) // Фан ва турмуш, 1985, № 11.
30. *Исследования в зоне Туябугузского водохранилища в 1980 г.* (соавт. Абдуллаев Б.Н.) // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
31. *Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981-1982 гг.* (соавт. Абдуллаев Б.Н.) // ИМКУ, вып. 21. Ташкент, 1987.
32. *Памятник кауначинской культуры в Кавардане* (соавт. Алимов К.) // ОНУ, 1988, № 11.
33. *Некоторые итоги исследования в 1986-1987 гг. курганов кауначинской культуры* (соавт. Алимов К.) // Я.Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов. Ташкент, 1988.
34. *Археологические исследования на Кавардане в 1985 г.* (соавт. Алимов К.) // ИМКУ, вып. 23. Ташкент, 1990.
35. *О древнейшем поселении на Шаитепе в Ташкенте* (соавт. Филанович М.И.) // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
36. *О результатах исследования на безымянном тепе № 1 в Янгиоле* (соавт. Алимов К.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
37. *Археологические исследования курганов кауначинской культуры в 1986-1987 гг.* (соавт. Алимов К.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
38. *Некоторые итоги исследования Каварданского могильника в 1988 г.* (соавт. Алимов К.) // Времен связующая нить. Ташкент, 1992.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ

*Г.П. Деревянко, У.И. Исламов, В.Т. Петрик, Р.Х. Сулейманов,
Ж.К. Таймагамбетов, А.И. Кривошапкин, А.А. Анайкин, А.Н. Зенин,
К.А. Крахмаль, К.А. Алимов.*

В полевом сезоне 1998 г. совместная Узбекистанско-Российская палеолитическая экспедиция возобновила раскопочные работы на памятнике мустьерской эпохи гроте Обирахмат. Целью совместной данной программы является корреляция хронологии основных палеолитических местонахождений Центральной Азии и Южной Сибири от Восточного Прикаспия на западе до Монголии на востоке. Дело в том, что открытые за последние тридцать лет индустрии мустьерской эпохи от предгорий Тянь-Шаня до Саян и Южного Алтая обнаруживают поразительную близость по технике расщепления и типологии орудий с материалами гротов Обирахмат, Тешикташ и других, так называемых пластинчатых или леваллуазских индустрий Узбекистана, что позволило впервые ввести в научный оборот понятие "культурного пласта", подразумевая под этим обширную центральноазиатскую палеолитическую общность, характеризующую единством ландшафтно-экологических условий, занимаемых неандертальцами - носителями культур вышеуказанных местонахождений.

Это были зоны предгорий и среднегорий Тянь-Шаня, Алая, Алтая и южной части Саян, объектом охоты их служил сходный набор диких животных, в котором преобладали копытные представители фауны рассматриваемого региона.

Материальная культура этих местонахождений характеризуется каменной индустрией леваллуазского и протопризматического расщепления. Процент орудий обработанных ретушью относительно невелик. Есть отдельные костяные орудия в виде шила или прокола с отсырми и сильно залощенными концами, что указывает на изготовление одежды из шкур этих людей.

Но самое главное, выявление столь обширной историко-культурной общности поставило перед нами вопрос хронологии. Каковы были истоки этого комплекса памятников, каково их расположение во

времени или их относительная хронология? На части этих местонахождений наблюдается процесс постепенного перехода от мустьерской стадии развития к верхнепалеолитической. На эти вопросы принципиальной важности поставленные в публикации материалов стоянки Карабом и должны ответить разработки совместной Узбекско-Российской программы, начатой с грота Обирахмат (Деревянко А.П. и др., 1998).

В палеоэкологическом и физико-географическом отношении район исследования относится к северной части Узбекистана, входящей в Западно-Тянь-Шаньскую горную Чаткало-Кураминскую систему структур.

К Чаткало-Кураминской системе структур относятся территории Каржантауской, Угамской, Пскемской, Чаткальской, Кураминской горных областей и предгорно-равнинные, адрынные, межадрынные, доадрынные части и долины рек. В данном регионе расположены основные памятники эпохи каменного века. Начиная от древнесашельских Кызылалта, Ташсай; ашельских - нижние слои Кульбулака; мустьерских - Кульбулак, Ходжикент, Акташ, Обирахмат и др.

Природные условия изучаемого региона довольно сложные, территория относится к сейсмоактивной. Здесь широко развиты такие физико-геологические процессы и явления как просадка, оползни, обвалы, овраго- и карстообразования, лавины, тектонические нарушения и т.д., распространение и развитие которых определяют рельефом, геологическим строением, климатическими, гидрогеологическими условиями, особенностями тектоники и современных движений, составом и свойствами пород.

Современное орографическое строение изучаемого региона формировалось в основном в неоген-четвертичное время, в периоды первоначального обживания древнейшим предком человека. Развитие палеорельефа, на котором формировались культуры каменного века, происходило в

результате эндогенных и экзогенных процессов и полностью обусловлено ритмами тектонических движений. Интенсивность этих движений в различных частях региона была неодинаковой, и они происходили не одновременно, отличаясь как качественно так и количественно. Именно такое различие привело к формированию зон высокогорья, среднегорья, низкогогорья, предгорья и предгорных равнин, а между ними - межгорных впадин и речных долин. Формируются их основные элементы - абсолютная и относительная высота, глубина, форма, направление и простираие. С тектоническими движениями связано образование и развитие горных структур.

Характерной особенностью зоны является то, что вся длительная геологическая история проходила в геосинклинальный, платформенный, и постплатформенный - орогенный этапы развития, в результате чего здесь отложения дислоцированы и местами приподняты на разную высоту. Амплитуда поднятий за неоген-четвертичное время в районе Бурчмулы составила 1000-1200 м. Поэтому поиск памятников каменного века и их относительное датирование проводилось в основном по геолого-геоморфологическим признакам. В данной сложной ситуации особое значение приобретает изучение литолого-фашиальных особенностей отложений включающих в субстрат культурные слои эпох каменного века.

Для уточнения относительного хронологического периода обживания грота Обирахмат и корреляции этих слоев с отложениями в бассейне реки Чирчик, было решено произвести также детальное литолого-фашиальное стратиграфическое изучение в прилегающем к стоянке районе.

Геоморфологическая характеристика района производится на основании результатов исследования методом геоморфологического картирования и анализа по историко-генетическому принципу.

При геоморфологической характеристике использовались результаты наших полевых исследований, а также опубликованные данные Ю.А.Скворцова, С.С.Шульца, Н.П.Костенко, Т.Ф.Тетюхина, М.М.Маматкулова, И.И.Атаджанова, Ш.А.Абдуллаева и др. В районе расположения грота Обирахмат было проведено расчленение рельефа и выделено три зоны. Для верхней зоны характерны скалистые вершины водоразделов с относительно глубокими ступенчатыми склонами, распространением преимущественно палеозойских осадочных метаморфических пород с развитием осыпей. Из четвертичных отложений здесь развиты аллювиально-пролювиальные генетические типы, занимаю-

щие значительную площадь. Общий контур этой зоны был намечен в палеогене в результате интенсивных тектонических движений с последующими неоген-четвертичными регионально-глыбовыми поднятиями.

Вторая зона является промежуточной между верхней древней и нижнегорьем. ее характерная особенность заключается в том, что рельеф развивается за счет сильной расчлененности первой зоны и вовлечения ее в общее расширяющееся поднятие. Рельеф глубоко расчлененный, более пологий, задержанный. Склоны хребтов и борта долины покрыты мощными отложениями элювиально-делювиальных, аллювиально-пролювиальных образований. С подобных горных образований сносится 90 % основной массы отложений, транспортируемых рекой Пальтау, иногда в виде селевых потоков. С условиями залегания поверхностей данной зоны связаны местонахождения памятников палеолита в изучаемом районе.

В четвертичных отложениях долины р.Чирчик выделено 9 наиболее крупных террас: Искандерская, Ходжикентская, Хумсанская, Кызылсуйская, Троицкая, Угамская I и II, Карачатауская и Каржантауская. В районе Бурчмулы наиболее крупные аллювиальные террасы сопряжены в свою очередь с пролювиальными и делювиальными отложениями. Террасы, как правило, имеют цокольное строение, причем чаще всего в их основании выходят третичные осадки. Все это позволяет сделать вывод о том, что в течение четвертичного периода в районе исследований происходили общие поднятия, сопровождавшиеся интенсивной эрозией. Временами поднятия приостанавливались, и в эти периоды эрозийные процессы сменялись аккумулятивными, приводившими к формированию речных террас и самостоятельного аллювия на них. На отмеченных выше поверхностях был обнаружен ряд местонахождений эпохи палеолита таких как Купрюкбашии др.

Накопление же культурных отложений грота Обирахмат приходится на период формирования IV-III террас самого сая Пальтау, что соответствует среднечетвертичному времени.

Раскопные работы грота Обирахмат было решено произвести в наиболее сохранившейся и ранее изучавшейся юго-западной части площади стоянки.

Вскрытие носило частичный характер с целью уточнения стратиграфии данного участка культурных отложений. При этом также был получен достаточно представительный комплекс каменных изделий и фаунистического материала. Была произведена прирезка вдоль северного и западного краев

раскопа прежних лет. В широтном направлении это по линии Ж и меридианальном направлении по линиям 4, 5, 6.

При этом наиболее мощные по толщине отложения восьмого и двенадцатого слоев были разделены на более мелкие горизонты. В принципе характеристика вскрытых в этом году слоев не отличается от слоев открытых ранее на соседних квадратах.

Полученный комплекс артефактов дает возможность проследить эволюцию индустрии Обирахмата. При работе над коллекциями Обирахмата прежних лет находки из всех слоев были сгруппированы пять комплексов: А, Б, В, Г, Д. Они охватывают период от конца мустерского времени: А (XX-XV слой); переходный период: Б (XIV-IX слой); и самое начало верхнепалеолитической стадии развития индустрии грота Обирахмат: комплексы В (VIII-VII слой), Г (VI-IV слой), Д (III-I слой) (Сулейманов Р.Х., 1972, с. 105, сл.). В этом полевом сезоне дополнительно были вскрыты слои с II по XII, т.е. были получены материалы переходного и верхнепалеолитического комплексов. Находки переходного комплекса характеризуются крупными грубыми пластинами и небольшим количеством орудий со вторичной обработкой. Нуклеусы сильно сработаны. Преобладают двуплощадочные нуклеусы параллельного расщепления. Несмотря на то, что они сильно сработаны, явственно сохраняют свои основные морфологические признаки в виде негативов от параллельных и других снятий. В одних случаях они имеют уплощенную форму, когда сколы сняты с широкой лицевой поверхности, в других случаях, сколы сняты с узкой боковой стороны, это уже прототипы более поздних торцовых нуклеусов. И те и другие изготавливались из плитчатых отделистей окремненных сланцевых пород, представленных в изобилии в осыпях и обнажениях бортов сая, где находится сам грот. Очень часто, это отмечено и ранее подобные сильно сработанные нуклеусы превращались в нуклеидные орудия. Один из них, из слоя XII представляет собой комбинированное орудие, на обоих концах которого нечто среднее между массивным резцом и высоким скребком типа карене. Орудия подобного типа вероятно все использовались при обработке дерева. Подобные же режущие кройки оформлялись обычно лезвия выделенных в индустрии Обирахмата стругов и скобелей, изготовленных на узких концах пластин или отщепов.

Единичными экземплярами представлены нуклеусы ортогонального, прямоугольного расщепления и дисковидные нуклеусы. Несколько нуклеусов сильно сработанных

бессистемного расщепления, они в диаметре 3-5 см, у них отдельные края обработаны ретушью и превращены в небольшие нуклеидные орудия для скоблящих и скребущих функций.

Заготовки представлены большой серией крупных пластин, нуклеусов, которые могли бы соответствовать этим сколам нет, они были выработаны, при производстве этих сколов. Они обычно в длину имеют 10 и более сантиметров и использовались, видимо, без ретуши, т.к. имеют ровные и острые края. Часть их обрабатывалась ретушью по краям уже, видимо, в процессе утилизации.

Ретушью обработано где-то 20-30 % этих пластин. Ретушь в этом переходном комплексе преобладает двух типов: тонкая, чешуйчатая заостряющая; крупная зубчатая, режущее лезвие этих пластин напоминает лезвие пилы и, как правило, эта ретушь оформляет толстые края заготовок, в отличие от чешуйчатой, которая заостряла тонкие края пластин. В отдельных случаях ретушь наносится со стороны боюшка.

На втором месте по количеству находятся резцы. Они обычно изготовлены на концах пластинчатых заготовок или на сечениях их. Преобладают резцы угловые, на отсеченном конце удлиненной заготовки. Срединных резцов меньше, они обычно в комбинации с другими типами орудий: на ретушированной пластине, в комбинации со стругом или скобелем на другом конце заготовки. Струги и скобели изготавливались также и на отдельных плитках.

Незначительным количеством экземпляров представлены остроконечники, по существу это те же самые двухсторонние ретушированные пластины, у которых треугольно заостренный конец имела сама заготовка. Есть редкие ретушированные отщепы, с отдельным из которых применимо название скребло. Значительное количество усеченных заготовок и сечений пластин. Причем, усечению подвергались не только заготовки при изготовлении из них орудий, но и готовые ретушированные орудия, если из них решено было сделать орудия других типов. В этом убеждают нас, например, короткие сечения пластин, края которых были обработаны интенсивной чешуйчатой ретушью.

Комплекс индустрии VIII-VII слоев Обирахмата, отнесенный в своей время к самому началу верхнепалеолитической стадии этой культуры, отмечается от изделий нижележащих слоев тем, что сколы начинают обретать подтреугольный характер и уменьшаются в размере, увеличивается также процент вторично обработанных орудий, широко применяется техника сечения и фрагментирования пластин.

Нуклеусы все сильно сработаны, однако среди типологически определенных типов выделяются грубо-призматические и нуклеусы треугольной формы для подтреугольных сколов типа острий. В принципе это развитие левалуасского приема расщепления для получения подтреугольных сколов, с тем отличием, что треугольные нуклеусы Обирахмата этого периода рассчитаны на получение не 1-2 сколов, а серии удлиненных сколов с острым концом, что хорошо иллюстрируется заготовками.

В орудийном наборе преобладают ретушированные пластины и удлиненные или подтреугольные отщепы, ретушированные вдоль продольных краев. Некоторые из них близки обычным мустьерским остроконечникам.

В комплексе много разнообразных резцов, преобладают резцы изготовленные на сечении заготовки. Много нуклеидных орудий, они изготавливались на сильно сработанных нуклеусах, небольших массивных сколах или просто кусках породы. Эти орудия не имеют четких типологических особенностей. Рабочие края их имеют скребловидные лезвия на концах. Некоторые из них, изготовленные на толстых отщепах, можно классифицировать в качестве скребел тешикташского типа. Они имеют грубую двустороннюю отеску.

Есть комбинированные орудия как резцы и скобели на концах ретушированных пластин. Как отмечалось, увеличивается количество сечений заготовок, это чаще концы их, но есть и сечения ретушированных пластин в средней части их, причем иногда и сама грань сечения имеет ретушь, что подчеркивает преднамеренность этого технического приема.

К верхнему комплексу Г относятся материалы, полученные из VI-IV слоев грота. Количество изделий в этих слоях достаточно представительно, но не в такой обилии как из слоя VII.

Нуклеусы немногочисленны, сильно сработаны, выделяются грубопризматические, одноплоскостные и двухплоскостные, есть небольшой дисковидный нуклеус, края которого грубой ретушью превращены в лезвие нуклеидного орудия для скобящих и скребущих функций.

Заготовки преобладают удлиненные подтреугольных очертаний в виде острий, но есть и сколы прежних типов в виде крупных пластин. Следует подчеркнуть, что в принципе эволюция форм заготовок тут идет тем же путем, что был характерен для Палестины, где в процессе перехода от мустье к верхнему палеолиту левалуасские сколы сменяют острия типа эмира, в виде удлиненных подтреугольных пластин с тонкими краями.

Хотя технология расщепления и типология нуклеусов эмирской и обирахматской культур заметно отличаются. Первая развивалась на основе левалуасской техники расщепления, а вторая исходит из мустьерской техники дисковидного нуклеуса и параллельного расщепления двуплоскостного нуклеуса. Однако, логика технологического процесса приводит к конвергенции, тому пример треугольный нуклеус из слоя III морфологически повторяющий все признаки нуклеусов для получения острий эмира.

Среди орудийного набора преобладают ретушированные пластины, и острия. Очень много сечений ретушированных пластин и острий не исключено, что большая часть их представляет собой результат непреднамеренного фрагментирования. Характерны фрагменты тонких отщепов с ретушью по краям. Есть целые ретушированные отщепы, однако к типу скребел их отнести трудно, т.к. ретушь слегка заостряет или зазубривает края заготовок, следуя контуру их, не придавая орудью ту или иную форму.

Есть характерные для Обирахмата и уже отмеченные в нижележащих слоях резцы и скобели. В основном издании материалов грота Обирахмат, касаясь историко-культурной интерпретации материалов относимых к единой культуре индустрий, полученной из этого грота отмечалось, что, возможны два варианта происхождения комплексов этой мустьерской культуры, наиболее раннее в Средней Азии местонахождение, которой грот Тешик-Таш расположено на юге Средней Азии в отрогах Байсунского хребта, а наиболее позднее - Обирахмат в отрогах Западного Тянь-Шаня, на севере Средней Азии. В случае, если в этой зоне предгорий и среднегорий Памиро-Алая и Тянь-Шаня будут обнаружены другие местонахождения этой культуры, синхронные уже известным, значит она оставлена несколькими разными группами неанертальцев Средней Азии обживающими среднегорные и предгорные ландшафтные зоны этого региона и приверженные единой и видимо, генетически связанной традиции каменной индустрии. Эти группы, как отмечалось, можно было бы сопоставить с гипотетическими предплеменами реконструируемыми Г.П.Григорьевым на основе костенковско-виллендорской общности эпохи верхнего палеолита. В случае же отсутствия нескольких синхронных местонахождений не исключено и иное, а именно, то, что все эти местонахождения могли быть оставлены одной и той же гомогенной группой охотников, которые обживая указанную экологическую нишу и специализируясь на добыче копытных животных, в основном *Capra Sibirica*, в течение тысячелетий

медленно осваивали предгорную зону Средней Азии, двигаясь с юга на север.

Однако, сейчас после выявления целого пласта или большой группы палеолитических местонахождений аналогичных и синхронных по технике и типологии материалам грота Обирахмат, занимающих гигантские пространства от Средней Азии до Саян и Алтая можно полагать, что мы имеем дело с обширной историко-культурной общностью мелких родовых групп населения Центральной Азии, объединяемой единством экологической ниши среднегорного и предгорных

ландшафтных зон центральной части Евразийского континента, охотничьей специализацией на крупных и средних копытных животных этой зоны и единством технико-технологических традиций в обработке каменных орудий, на что указывает общность типологии орудий и, возможно, промысловых приемов этих мелких охотничьих групп. Возможно, для них была характерна также расовая и лингвистическая близость, но судить об этом пока у нас нет оснований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Деревянко А.П., Петрин В.Г., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М., Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-бом. Новосибирск, 1998.
2. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент, 1972.

САМАРҚАНД ВИЛОЯТИНИНГ ЮҚОРИ ПАЛЕОЛИТ ЁДГОРЛИКЛАРИНИ ЎРГАНИШ МУАММОЛАРИ.

Н. Тошкенбоев.

Ўзбекистон халқлари тарихининг энг қадимги ибтидоий жамоа даври моддий маданиятини ўрганиш тарих фақининг долзарб маммуларидан биридир.

Қўп йиллардан бери ўлкамиз илмий жамоатчилиги дунёсида машхур бўлиб қолган УЗР ФА-нғ Археология институтининг илмий гуўлами «Ўзбекистон моддий маданияти тарихи» китоби археология фанига, «Ватан тарихига» оид муаммоларни ечиб келмокда ва оммалаштирмокда.

Тўпламнинг ўттизинчи - юбилей наشريдаги ушбу маколамизда Самарқанд вилоти юқори палеолит давр ёдгорликларини ўрганиш муаммоларига қаратилган.

Қадимги жамиятда ибтидоий гурухларнинг иктисодий хаёти пойдевори, ишлаб чиқариш фаолияти тош қуролларни ишлатиш масалалари яшаш ва уларни билан узвий боғлиқ бўлган.

Самарқанд вилоти худудида жойлашган Кўтурбулок (1,2), Зирабулок (3,4) - мустье даври, Самарқанд манзилгоҳи (5) ва Хўжамозгил (4,6,7) - юқори палеолит даври ёдгорликлари маданий қатламларида ушбу тарихий жараёнларни кўриш мумкин.

Юқори палеолит даврига қарашли энг йирик, маданий қатламлари яхши сақланган ёдгорликлардан бири Самарқанд манзилгоҳидир.

Маълумки, бу ёдгорлик 40 - чи йилларда топишган, 70-80 -чи йилларда дастлаб Самарқанд Давлат Дорилфунунининг доценти Д.Н.Лев кейинчалик проф. М.Ж.Журакулов раҳбарлигидаги гурух томонидан тадқиқот этишган.

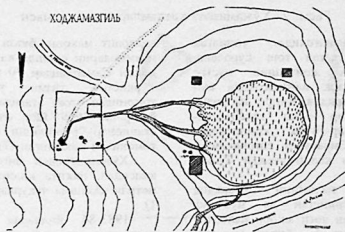
Самарқанд манзилгоҳи Чашма-Сиеб сойининг ўнг бағрида (Самарқанд шаҳри марказида, «Динамо» стадиони ёнида) топишган бўлиб, манзилгоҳнинг маданий қатламлари плейстоцен геологик даврининг икки хил ёшдаги сатхлари (эртароқ вужудга келган қадимгиси 10-11 м. баландликда, кейин вужудга келган ёшроғи 4-5 м. баландликда) устини қоплаган пролювиал вақтинча оқим натижасида вужудга келган ётқизиклар, чўкинди жинслар қатлами ичида жойлашган.

Асосий қазилмалар қуйи сатхда ўтқазилиб, 800 кв.метргача бўлган майдон қазиб текширилган.

Манзилгоҳдан йиғиб олинган тош буюмлар II мингдан ошиқ нусхани ташкил қилади.

Бу ерда олиб борилган қазилшлар натижасида оралари тоза қатламчалар билан ажратилган учта маданий қатлам аниқланган.

Тузли қатламлардан топишган топишмаларни қурол турларига қараб солиштириб ўрганиш улар орасидан тош ишлаш услубида ҳам, қурол турларида ҳам бирор - бир ахамиятли фарк борлиги қайд

Расм.1. Хўжамозгил манзилгоҳининг плани

этилмаган. Учала маданий қатламлардан гулхан қолдиқлари, қизил табиий бўёқ парчалари ва доғлари топишган. Манзилгоҳда ибтидоий одам суяклари ҳам бор.

Самарқанд манзилгоҳининг асосий тош индустрияси кескичлардан, ўзақсимон қирғичлардан, кўп қиррали қирғичлардан, понасимон қуроллардан, тешгичлардан ва иборат. (5).

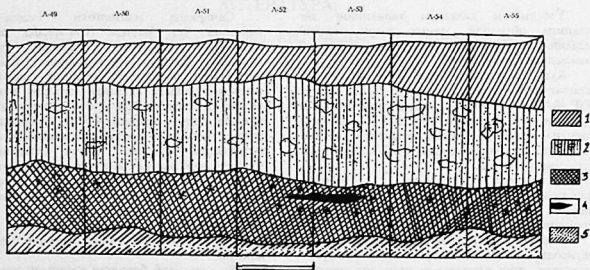
Қуролларнинг қадимги турларига ўхшаш кўп сонли қайроқтош қуроллар, найзасимон қуроллар, мустье давридагига ўхшаган катта қирғичлар, тишлисимон тигли қуроллар ва бир неча хил бошқа қурол турларини киритиш мумкин. Айнан шу хилдаги қуролларнинг манзилгоҳ материаллари орасида учраши таджикотланнинг илк босқичларида манзилгоҳнинг ёшини юқори палеолит материаллари ичида жуда қадимги сана билан белгилашга асос бўлиб хизмат қилади.

Буларнинг бир қисми юқори палеолитдан олдинги давр қуролларининг белгиларига ўхшаш хусусиятига эга.

Бу ёдгорликдан олинган топиламаларнинг кўпларида Самарқанд манзилгоҳи топиламаларига ўхшашлик бор. Сиеб топиламаларида пичоксимон қуроллари, тешгичларни, қирғичларни, қайроқтош қуролларни борлиги бу фикримизни янада тасдиқлайди (1).

Самарқанд вилояти Булунгур тумани ҳудудида топилган Хўжамазгил юқори

ХЎЖАМАЗГИЛЬ

Расм. 2. Хўжамазгил қатламларининг кесмаси

Самарқанд манзилгоҳида топилган қадимги турларга ўхшаган тош қуроллар, Самарқанд вилоятида жойлашган мустье даврига оид Қутурбулоқ манзилгоҳида кўп учрайди. Демак, Самарқанд юқори палеолит манзилгоҳида қуроллар яшаш технологиясининг генезиси Зирабулоқ комплексига кирган (Қутурбулоқ, Зирабулоқ ёдгорликлар) яъни мустье давридан келиб чиққан бўлиш мумкин.

Бу генезиснинг тасдиғини Самарқанд вилояти ҳудудида топилган ва муаллиф томонидан текширилган янги юқори палеолит манзилгоҳлари: Сиебча ва битта маданий қатлами сақланган - Хўжамазгил тош қуролларида кўриш мумкин.

Сиебча - Самарқанд манзилгоҳидан 1,5 - 2 км. шимолроқда, Чашма-Сиебнинг эски ўзани билан Сиеб сойи туташган ерда жойлашган.

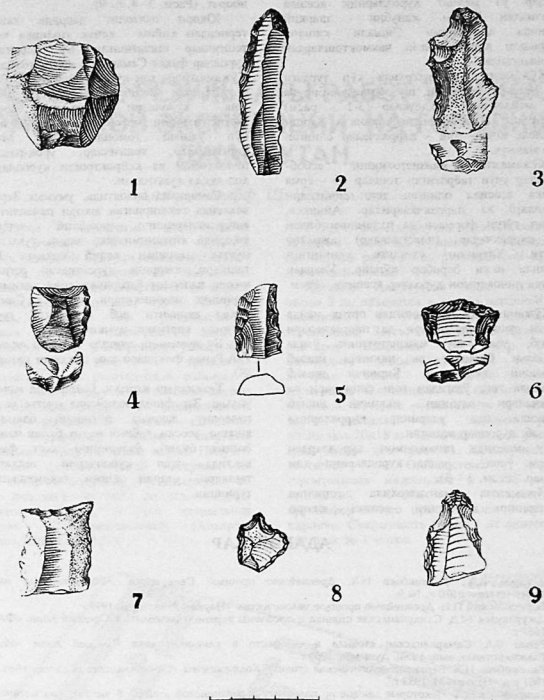
Сиебча манзилгоҳида ер юзасидан, сой қирғоқларнинг тик тушган жойларини тозалаш ва қидирув - қазिशма чуқурларидан 300 дан ортиқ тош буюмлар, асосан, юқори палеолит даврига хос тош қуроллар топилади.

палеолит макони, баъзи бир тош асрига оид муаммоларни ечишда катта роль уйнайди. Бу макон Самарқанддан 70 км. жануби - шарқда Туркистон тизма тоғларининг ғарбий томонидан тоғ этагига жойлашган бўлиб, ёдгорлик 1969 йил очилган (6) ва унинг стационар ўрганилиши 1981 йилдан муаллиф томонидан бошланган (7).

Хўжамазгилдан йиғилган топиламалар ер юзасидан, иккита қидирув ва асосий 48 кв. метрли қазिशма чуқурларидан олинган. (Расм. 1).

1983-84 йилларда 8x6 м. майдонда сақланган маданий қатламдан юзлаб тош қуроллар ва хайвон қолдиқлари олинган (Расм. 2).

Шуниси қизиқки, Л-52, 53 квадратларда 2-2,10 м. ортиқ ер юзидан чуқурликда диаметри 1,0-1,2 м., қалинлиги 10-20 см. дасмақ шаклидаги кул қатламчаси аниқланди. Шу жойда қадимги гулхан бўлганлигини билдиради, чунки унинг атрофида чакмоқтошнинг синиклари ва майда парчалари кайд этилган.

Расм.3. Хўжамазгилнинг тош қворллари

Лекин, маданий қатлам, асосан, қазилма майдонининг ўргаларида яхши сақланган, баъзи черток жойлари камрок безовта этилган. Бунга қарамадан, манзилгохнинг ўзига хос специфик хусусиятларини белгилаш мумкин. Эҳтимол, бу ерда бир даврда кроманьон одамларининг бир гуруҳи яшаган бўлиш

мумкин, бунга манзилгохнинг ёнидаги қадимий бўлоқ чашмаси ҳам сабаб бўлган исботлаб бераёлди. Умуман, Хўжамазгилнинг зилнинг маданий қолдиқлари: тош топилдиқлар ва ўчоқ излари бир қатламда жойлашган.

Хўжамазгил маконида яшаган қадимий одамлар ўз меҳнат қуролини ясада ёдгорликдан 8 км. жанубий - шарқий томонида аниқланган. Ишчи қишлоқ атрофидаги яшил рангли чакмоқтошлардан фойдаланганлар.

Хўжамазгил манзилгоҳида кўп турдаги тош қуроллар топилган, шу жумладан бир ва икки майдончали нуклеуслар (3-1 - расм) нуклеуснинг юзга қисмида қарама - қарши параллель ҳолда тош - парракчалар олинган излар мавжуд.

Хўжамазгил манзилгоҳининг асбоб-ускуналар учун таёрланган тошлар бу - ёрма техника асосида олинган тош синиклари (отщеплар) ва парракчаларидир. Айниқса, ўзининг тўғри формаси ва иккамчилиги билан тош парракчалар (пластиналар) ажралиб турибти. Уларнинг узунлиги кентлигига қараганда икки баробар кўндр. Улардан кўпинча пичоқсимон қуроллар ясашган. (Расм. 3-2, 5).

Хўжамазгилда бир мингдан ортиқ майда ўлчовли тош булакчалари ва парракчалари терилиб, улар шу манзилгоҳнинг ўзида хомашёдан биринчи ва иккинчи ишлаб чиқаришни қилганлар. Биринчи ишлаб чиқаришда тош ўзагидан тош синиклари ва парракчалари олинган, иккинчи ишлаб чиқаришда эса уларнинг қирраларини ўткирлаб, қуроллар ясашган.

Бу маконда пичоқсимон қуроллардан ташқари ўроқ - ранда қуролларини ҳам маганлар. (Расм. 3 - 3).

Хўжамазгил манзилгоҳида топилган қуролларнинг кўпчилиги, асосан, юқори

палеолитга ҳос хилма - хил қирғичлардан иборат. (Расм. 3- 4, 6, 9).

Юқори палеолит даврида хайвонлар терисидан кийим - кечак тикишда ҳар хил тешгичлар ишлатишган. Бу хилдаги тош қуроллар фақат Самарқанд манзилгоҳида эмас. Хўжамазгилда ҳам кўп учрайди (Расм. 3 -7,8).

Шундай қилиб, Хўжамазгилда топилган тош қуроллари билан Самарқанд манзилгоҳининг материаллари ўртасида жуда кўп ўхшаш томонлар бор. Масалан, қирғиччалар, тешгичлар, ўроқ-рандалари, пичоқсимон ва қайроқтошли қуролларда бу ҳол яққал кузатилади.

Самарқанд вилоятида, умуман Зарафшон воҳасида текширилган юқори палеолитга оид ёдгорликларнинг маҳаллий илдизлари, юқорида айтганимиздек, олдин ҳукм сурган мусте давридан келиб чиққан. Бундан ташқари, юқорида кўрсатилган регионнинг юқори палеолит ёдгорликларини қадимги тош асрининг маданиятлари ичида - Самарқанд локал варианты деб номланган ғуруҳига, эҳтимол, қирғизиш мумкин.

Бу муаммони ечишда таниқли олим акад. В.А.Ранов фикрлари кам диққатга сазовордир. (8).

Таъкидлаш жоизки, Самарқанд вилоятида, умуман Зарафшон водийсида мусте ва юқори палеолит даврида ибтидоий одамларнинг яшashi, асосан, табиий муҳит билан чамбарчас боғлиқ бўлиб, ўзларининг ҳаёт фаолияти вақтида тош қуролларни ишлатишдан ташқари, уларни доимо такомиллаштириб туришган.

АДАБИЁТЛАР

1. Аскарв А.А., Ташкенбаев Н.Х. Древнейшее прошлое Самарқанда. «Общественные науки в Узбекистане». 1970 г. № 9.
2. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. «Наука», Ленинград, 1979 г.
3. Джуракулов М.Д. Самарқандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. «ФАН». Т., 1987 г.
4. Ранов В.А. Самарқандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии. «Изв. АН Таджикстана», вып. 4 (58), Душанбе, 1969 г.
5. Ташкенбаев Н.Х. Верхнепалеолитическая стоянка Ходжамазгиль (Самарқандская область). «Арх. Откр. 1981 г.», «Наука». М. 1983 г.
6. Ташкенбаев Н.Х. Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины. В кн: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987 г.
7. Ташкенбаев Н.Х. О работах на Зирабулакской палеолитической стоянке. «Археологич. Открытия 1978 г.», изд. - во «Наука». М. 1979 г.
8. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. «ФАН». Ташкент, 1980 г.

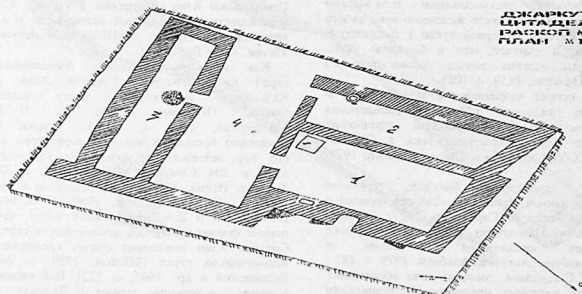
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ УЗБЕКСКО-ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ГОРОДИЩЕ ДЖАРКУТАН.

Дитрих Хуфф, Ш. Шайдуллаев.

Джаркутан - столичный центр эпохи поздней бронзы. Это самый крупный памятник Северной Бактрии, общей площадью около 100 га. Он состоит из «цитадели», городища и огромного некрополя (Аскаров, 1977; Аскаров, Абдуллаев, 1983; Аскаров, Ширинов, 1993). Под руководством академика АН РУЗ А.Аскарова и доктора исторических наук Т.Ширинова узбекскими археологами здесь проведены широкомасштабные раскопочные работы, в результате чего открыт и исследован дворец Джаркутана, храм Джаркутана индоиранского характера, крепостные стены цитадели, квартал керамистов, жилые кварталы общинников и более 2 тысяч могил. Получен богатейший археологический материал, на основе которого показано, что Джаркутан во второй половине II тыс. до н.э. являлся городским центром, а его социальная структура - раннеклассовой (Аскаров, Ширинов, 1993, стр. 121).

С 1994 года Джаркутан является основным объектом узбекско-германской экспедиции, где ведутся работы под руководством авторов настоящей статьи.

Цитатель Джаркутана общей площадью около 3 га, находится в северо-западной части памятника и является обособленной территорией. Здесь, кроме дворца Джаркутана (Аскаров, Ширинов, 1993, стр. 54-56), находились жилые кварталы, изучением которых также занимается узбекско-германская экспедиция. На одном из таких массивов, которые расположены на западной части цитадели, был заложен раскоп площадью 20x15 м. Здесь полностью раскопан один жилой дом (рис. 1). Культурный слой достигает 1 м. Он состоит из остатков строительных материалов и хозяйственных отложений. Стены сложены из крупноформатного прямоугольного сырцового кирпича. Сохранность стены - от одного ряда кирпича до 1 метра.

**ДЖАРКУТАН - ЦИТАДЕЛЬ
РАСКОП №5
ПЛАН М 1:50**

Открытый жилой дом состоит из 4 помещений и относится к одной патриархальной семье. Здесь в восточной стене помещения № 1 открыт камин-очаг, сохранившийся полностью (рис. 2).

Рис.2. Общий вид камина - очага

В помещении (№ 2) над полом обнаружен фрагмент деревянной рукоятки бронзового ножа, которая была прикреплена к бронзовому черенку с помощью железных заклепок. Рукоятка в разрезе имеет форму сегмента (рис. 3. 7).

Вместе с фрагментами бронзового ножа были найдены фрагменты керамики (конический сосуд, бокалы с ножками) которые характерны для джаркутанского периода культуры Сапалли, датируемый XV-XIII вв. до н.э. (Аскаров, Абдуллаев, 1983). Это наиболее древнее изделие из железа, известное в Средней Азии, где время возникновения раннего железного века до сих пор остается дискуссионным. В.М.Массон относит начало раннего железного века на юге Средней Азии к первой трети I тысячелетия до н.э. и считает, что в Среднюю Азию железные изделия начали проникать через Иран (Массон, 1959, с. 108).

На основе найденного железного ножа и шлаков железной руды из Дальверзина (Фергана) Ю.А.Заднепровский предложил считать начало железного века в Средней Азии X-VIII вв. до н.э. (Заднепровский, 1978, с. 32).

На территории Бактрии, согласно В.И.Сарианиди, раннежелезный век начался с периода Тилля II (Сарианиди, 1977). Близкую трактовку хронологии раннежелезного века Бактрии предложили А.Аскаров и Л.И.Альбаум (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 18).

А.С.Сагдуллаев, составив свод древнейших находок железных предметов на территории Средней Азии, пришел к выводу, что X-VIII вв. до н.э. следует относить к переходному времени от позднебронзового века к

раннежелезному, а VII-IV вв. до н.э. считает раннежелезным веком (Сагдуллаев, 1982, с. 228-234).

На территории Ирана ранние железные предметы датируются второй половиной II тысячелетия до н.э. Железные кинжалы и наконечники копий из Гиана I, шило и кинжал из могильника Синак являются ранними железными предметами Ирана (Forbes, 1950, p. 443).

Видимо, правы исследователи, которые считают, что железные предметы в различных регионах Средней Азии появились в разное время (Археология СССР, М., 1985, с. 180). Железная находка из Джаркутана свидетельствует о том, что уже XV-X вв. до н.э. предметы из железа нашли применение в хозяйстве поселения сапаллинской культуры.

В центре «цитадели» нами был заложен раскоп № 4 размерами 20x20 м. Здесь, вопреки ожиданиям, архитектурных сооружений не обнаружено - выявлены только мусорные и хозяйственные ямы, общим количеством 18. Они относятся к разным периодам сапаллинской культуры и к периоду Кучук I. Диаметр устья мусорных ям колеблется от 1,5 м до 4 м, глубина до 1,20 м, а хозяйственных - до 2,5 м. Надо отметить, что из этих ям получен очень богатый, ранее не-известный археологический материал. Среди них костяная рукоятка от кинжала (?), (рис. 4. 5), керамические статуэтки слона и быка, богато украшенные каменные миниатюрные сосуды - сурмадоны (рис. 5. 1, 2, 3), бронзовый двухлопастный наконечник стрелы (рис. 3. 2), аналогичный по форме кремневым наконечникам стрел, бронзовый двухлопастный черешковый наконечник копья (рис. 3. 5), характерные для степной культуры Центральной Азии (Аванесова, 1991, стр. 47). Они известны в единичных экземплярах и на территории Ирана (Meldgaard, Morlensen, Thrane, 1963, fig. 32, 1).

Как известно, бронзовые наконечники стрел на территории Средней Азии и Казахстана появляются в эпоху поздней бронзы. (Кузьмина, 1966, с. 31-37; Медведская, 1969, с. 62-64). Вопрос о появлении бронзовых наконечников стрел до сих пор остается дискуссионным. (Schmidt, 1937, p. 204; Смирнов, МИА, № 101, с. 37; Толстов, Итина, 1966, с. 62; Маргулан и др. 1966, с. 376; Медведская, 1969, с. 62-64). В.М.Массон и Б.А.Литвинский считают, что ранние формы бронзовых наконечников стрел Средней Азии повторяют форму кремневых наконечников стрел (Массон, 1959, с. 46; Литвинский и др., 1962, с. 222). Найденный бронзовый наконечник стрелы из Джаркутана подтверждает это мнение.

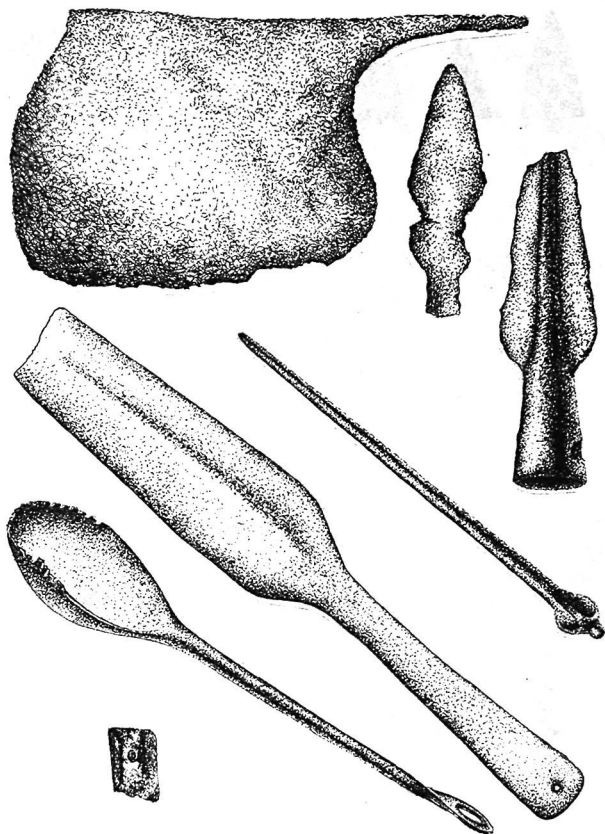

Рис.3. Джаркутан. Бронзовые находки.

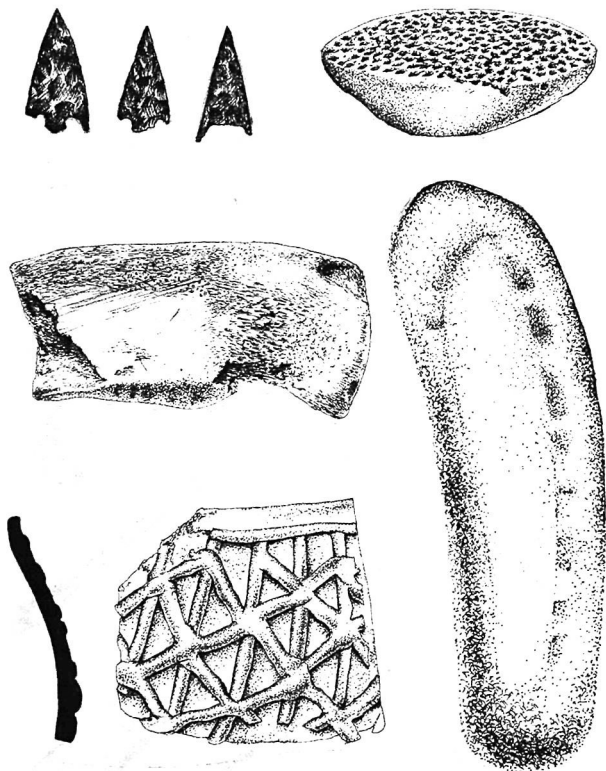

Рис.4. Находки из Джаркутана.

Рис.5. Джаркутан. Каменные находки.

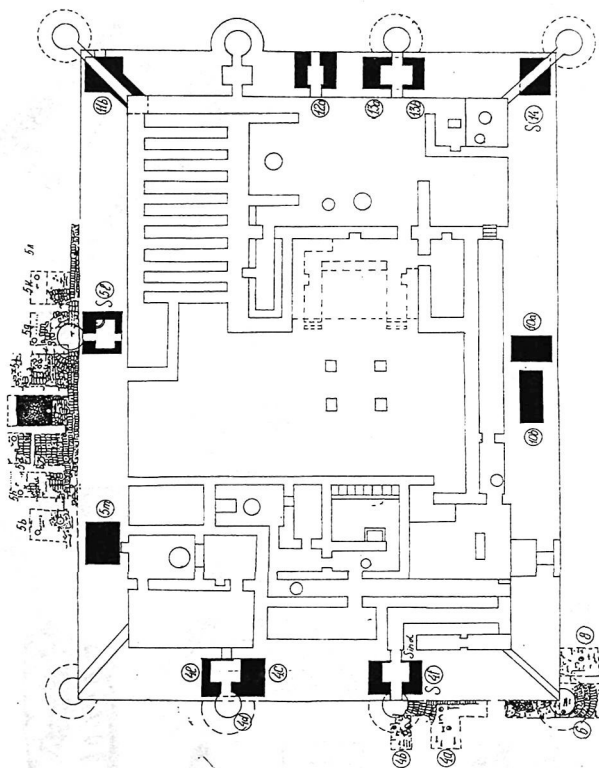

Рис.6. Холм 6. План храма Джаркутан.

Рансе в «цитадели» Джаркутана были обнаружены керамические комплексы периода Кучук - I (Аскаров, 1976; Шайдуллаев, 1990). Но тогда их был немного. На основе новых раскопок можно полнее представить материальную культуру Джаркутана данного периода.

Как известно, на холме № 6 открыт прямоугольный в плане храм (44,5х60 м), защищенный обводной стеной. (Аскаров, Ширинов, 1993). Авторы утверждают, что «линия направления обводной стены строго прямоугольна, башен или других элементов не наблюдается». Обнаруженное на северной стене полукруглое сооружение, по их мнению, не является фортификационной башней, а представляет собой круглое помещение - хранилище огня - атешга, построенное прямо в теле обводной стены (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 63). В результате дальнейших работ на западном, северном и восточном фасадах храма выявлено в общей сложности девять круглых бастиионов. Западный и восточный фасады находились по отношению друг к другу в позиции зеркального отражения - каждый с двумя бастиионами, расположенными между угловыми башнями. (рис. 6).

Центральная часть здания, прямоугольная в плане, размерами 13х31 м, выложена из кирпичей (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 64). В результате наших работ выяснилось что, это центральная «сакральная платформа» уходит за пределы северной крепостной стены более, чем на 6 м (рис. 6) (Ditrich Hupf, 1995, p. 792-794). Среди находок следует отметить псалтий, характерный для степной культуры Евразийских степей (Генинг, Зданович, Генинг, 1992). Важно то что эта находка очерчивает самую южную границу распространения такого типа изделий (рис. 7).

При раскопках храма и холма № 4 найдены находки, характерные для культур Древневосточной цивилизации: каменные наконечники стрел с опущенными жалами (рис. 4. 1, 2, 3), два астроголических предмета из слоновой кости и черного камня, два фрагмента фаянсовых сосудов - один с голубым покрытием, другой - с грязно-белым фоном и с изображением растительного орнамента. Эти находки еще раз свидетельствуют о тесном контакте населения сапаллинской культуры с высокоразвитыми центрами древневосточной цивилизации и со степными племенами Евразии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. «ФАН» Ташкент., 1991.
2. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР, «НАУКА», М., 1985.
3. Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. «ФАН». Ташкент., 1977.
4. Аскаров А.А. Расписная керамика Джаркутана // Бактрийские древности. Л., 1976
5. Аскаров А.А. Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент., 1979
6. Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент., 1983.
7. Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканда., 1993.
8. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.Б. Синташта (Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей). Челябинск., 1992.
9. Ditrich Huff. Fzandaulat-Tene und Dzarkutan // Archaeologischer Anzeiger. Berlin., 1995.
10. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники железного века Средней Азии. Автореф. дисс. докт. ист. наук. А. 1978.
11. Кузмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ, вып. 4-9, 1966.
12. Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962
13. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. // МИА № 73. М.- Л., 1959.
14. Маргулян А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата., 1966.

15. Медведская И.Н. О происхождении бронзовых черешковых наконечников стрел Средней Азии. // КСИД, 119. М., 1969.
16. Meldgaard, J. Mortensen P, Thrane H. Excavations at Tepe Guran, Luristan. // Acta Archaeologica. V. 34, 1963.
17. Сагдуллаев А.С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии. // СА, вып. 2, 1982.
18. Саринида В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977
19. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. // МИА, № 101.
20. Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937
21. Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи // СА, № 2, 1966
22. Forbes R.J. Metallurgy in Antiquity Leiden., 1950.
23. Шайдуллаев Ш.Б. Памятники раннежелезного века Северной Бактрии. Автореф.дисс.кандист.наук. Самарканд., 1990

Вопрос происхождения бронзовых черешковых наконечников стрел Средней Азии является одним из наиболее сложных и дискуссионных в археологии. В настоящее время существует несколько точек зрения на этот вопрос. Одни исследователи считают, что эти наконечники являются местными изделиями, другие же предполагают, что они могли быть привнесены извне. В данной работе мы попытаемся проанализировать имеющиеся данные и сделать вывод о происхождении этих предметов.

Бронзовые черешковые наконечники стрел являются одним из наиболее распространенных предметов вооружения древних народов Средней Азии. Они встречаются в большом количестве в различных археологических памятниках. Вопрос о происхождении этих наконечников является одним из наиболее сложных и дискуссионных в археологии. В настоящее время существует несколько точек зрения на этот вопрос. Одни исследователи считают, что эти наконечники являются местными изделиями, другие же предполагают, что они могли быть привнесены извне. В данной работе мы попытаемся проанализировать имеющиеся данные и сделать вывод о происхождении этих предметов.

СИМВОЛИКА ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам исследования могильника Бустан VI)

Н.А. Аванесова, Н. Ташпулатова

Обрядовое употребление огня - наиболее древний и повсеместный культ. Он столь же древнее явление, как и само человечество. Исследование могильника Бустан VI выявило редкостное многообразие культа огня в ритуально - символической практике. Погребальный обряд отмечен значительным своеобразием и имеет ряд принципиально важных черт, отличающих его от погребальных комплексов ранних этапов сапаллинской культуры.

На площади 3792 м² исследовано 230 погребений разной степени сохранности, 6 строений (трапецивидной и прямоугольной формы), выполненные кирпичной кладкой на глиняном растворе, 7 грунтовых алтарей (квадратной, округлой и прямоугольной формы), множество кострищ. Погребение совершалось в могильниках ямах в основном подбойного устройства, но встречаются и камеры катакомбного типа, а также прямоугольной формы с сильно закрученными углами и овальными или округлыми ямными погребения. Последние в двух случаях отмечены каменными выкладками на горизонте. Иногда прослеживаются следы деревянных конструкций. Размеры погребений варьируют в пределах 1,6 (2,1) x 1 (1,8) м, глубина ямы чаще составляет 0,8 - 1,08 м. Строгой закономерности в ориентировке камер (преимущественно вытянуты по оси В - 3) и погребений не наблюдается. Преобладают одиночные погребения. В погребальной практике бустанцев помимо ингумации известны: частичное или полное трупорасчленение («вторичные» погребения); кремация; кенотафные погребения, в которых отсутствуют погребенные и инвентарь, фиктивные (сооружения, по конструкции и инвентарю идентичные обычным могилам, но в которых нет погребенного), погребения с «благодарственными» или искупительными жертвоприношениями человека (части тела умершего разрублены по костям). Важной составной частью погребального обряда является наличие большой группы

символических погребений (захоронение животных, скульптур, кисти рук, астрагалов и др. символов). Традиционным в погребальном ритуале является наличие погребальной и поминальной пищи (остатки тризны). Находки костей животных позволяют считать, что бустанцы практиковали размещение в камере регламентированных частей (задняя ножка овсячей туши, грудинка, лопатка) жертвенных животных (овца, коза, реже корова и лошади) в качестве заупокойной пищи.

Неординарный характер данного могильника по отношению к синхронным могильникам определяется полиритуальностью погребальной практики, топографической структурой памятника, где выделяются культово-церемониальные участки в которых, значительна роль культа огня. Многообразие ритуально-символической функции огня представлены в виде: 1 - сооружений для кремации усопших; 2 - полной или частичной кремации человека; 3 - кремации остатков жертвенных животных от тризны; 4 - остатков кострищ и зольников; 5 - почитания очага-алтаря; 6 - вотивных алтарей с угольком и золой; 7 - помещения угольков или охры в сосуды; 8 - наличия охры на костях человека и в качестве подстилки; 9 - такого условного символа огня как меловая и гипсовая подстилка; 10 - признаков кратковременного возведения огня на дне некоторых погребений; 11 - из кирпичей в глину которой добавляли кости животных, предварительно пережженных, золу и угольки. Данные примеры, естественно, не исчерпывают всего многообразия символики огня. Они отражают некоторые аспекты мировоззрения сапаллинского общества на исходе II тыс. до н.э. За каждым нестандартным явлением стоит какая-то особая черта культа, сущность которой еще предстоит выяснить. Различная символика огня, отражает, скорее всего, особенности религиозного мировоззрения. Это особый мир, где символикой насыщена вся культовая практика бустанцев.

Наиболее интересным объектом на могильнике, определяющим роль культа огня, являются остатки архитектурных строений, трактуемых нами как сооружения для кремации усопших. Назначение этих сооружений подтверждается находками кальцинированных костей человека, степенью обожженности стен и стратиграфическим заполнением камер. Последнее является материальным свидетельством погребального акта, где происходило полное сжигание тела умершего. Эти строения представляют собой совершенно новое явление среди известных сейчас погребальных комплексов эпохи бронзы Евразии. Сооружения 1-3 занимают юго-западную, 4-6 северо-западную, самые высокие части некрополя. Вытянуты по линии восток-запад и в целом носят наземный характер (стены ящиков углублены в грунт незначительно). Строения эти по способу кладки кирпичей сочетают в своей конструкции черты ящиков и цист. Площадь первых соизмерима с площадью погребальных камер. Вокруг них на уровне древней поверхности зафиксированы кострища - остатки от жертвенных костров (Avanesova, 1995. Fig. 3; 1997. Abb. 1, 3, 4). Известно, что у ведических ариев, особую роль в ритуалах играли жертвенные костры. (Ригведа. X-18).

Не подлежит сомнению, что участок вокруг кремационных ящиков иллюстрирует обычай, связанные с культом покойников через призму огненной стихии. На сопровождение погребального обряда различными ритуалами указывает наличие кострищ, алтарей всевозможных назначений, кенотафов, остатков помпальной трюны и др., сосредоточенных вокруг кирпичных строений. Перед нами пример совмещения обрядовой практики с местом захоронения (Avanesova, 1995. С. 66-67). Надо полагать, что джаркутанский храм в период функционирования нашего могильника не действовал и вероятно некрополь использовали как святилище, где проходили культово-обрядовые процедуры.

Существенным дополнением к характеристике функциональной значимости огня является наличие такого способа обращения с останками умерших как кремация. Погребения с кремацией не рассеяны по территории могильника, а занимают определенное место. Могильные ямы с остатками от кремации, кроме самого обряда, ничем не отличаются от других погребений. Нами исследовано 22 погребения с полной кремацией и 8 с частичной.

Погребение совершалось в могильниках ямах, в основном подбoidalного устройства. Есть случаи, когда дно камеры обрамлено

рваным камнем и речным валуном в виде ящика. Отмечено присутствие между входом и камерой невысокого порога и есть случаи, когда вход расположен на одном уровне с камерой. Прослеживается устойчивая тенденция к удлинению пропорций камеры. Размеры варьируют в пределах 1,6 (2,4) x 1,1 (1,8) м. На уровне древней поверхности вход в камеру был закрыт кирпичной кладкой. Как мы уже отмечали, обряд трупосожжения осуществлялся вне могилы в специальных сооружениях. Сожжение носило полный характер, о чем свидетельствуют кальцинированные мелкие осколки костей (менее 1 см и не более 3 см). Весовые данные костных останков колеблется от 10 гр. до 160 гр. (без пепла).

После кремации остатки сожжения собирались, тщательно очищались от примесей костра, складывались в мешочек, который зашивался в кукулю или манекен умершего, сшитого в натуральную величину, последний предавался земле с полагающимися похоронными церемониями. Аналогичный способ представлен в погребениях андроновской и в хорошо сохранившихся материальных остатках таштыкской культур (Грязнов, 1979. С. 93). Именно этим объясняется, что могилы с трупосожжением, по размерам, находящимся в них вещам и их расположению, подобны могилам с труположением. Только вместо скелета на дне таких могил лежит пепел и кальцинированные кости сожженного человека. Украшения, обнаруженные в могилах, свидетельствуют о ритуале обряда покойного и позволяют восстановить посмертный костюм (рис. 1-2).

После совершения погребения на перекрытии или у входа разводили костер, от которого сохранились углистое пятно и обожженная почва.

Обращает на себя внимание некоторое своеобразие погребений с сожжением: в устройстве могильных сооружений иногда используется камень, встречаются несколько камер больших размеров (более 2 м), в которых помещены маленькие кучки кальцинированных костей.¹ Ориентировка могильных ям достаточно стабильная, наблюдается значительная пестрота только в западных направлениях (ЮЗ-СВ, СЗ-ЮВ и др.), погребения с кремацией занимают юго-западные окраины могильника. В двух случаях зафиксировано помещение кальцинированных костей в сосуд, в трех случаях имело место частичное сожжение (кости

¹ Согласно древнеиндийской погребальной традиции, яма для погребения должна быть глубиной в 12 палыса, шириной в 5 палей и иметь длину тела с вытянутыми руками. (Пансей, 1982. С. 200).

большей частью обуглены, но не кальцинированы, сохранили анатомический порядок). Есть случаи, когда погребальный инвентарь состоит из преднамеренно разбитых сосудов, предварительно

побивавших в огне. Своеобразием отличается и незначительная коллекция андроновской керамики, обнаруженная небольшими отдельными фрагментами, в основном в алтарных устройствах.

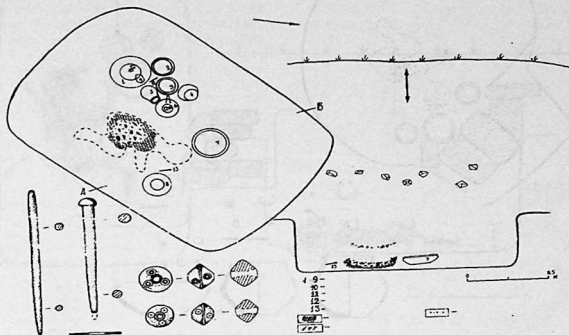

Рис.1. Бустон VI мог.

Согласно древнеиндийской традиции в качестве жертвы богам рассматриваются не только дары в виде пищи и священных напитков, но и тело самого умершего.

Предназначение огня в обряде кремации связано с очистительными и охранно-магическими функциями во время перенесения души умершего на небо. «Бог огня Агни ведет души умерших в царство смерти, отгоняя демонов» (Ригведа X, 18). Иными словами, огонь при сожжении умершего выступает как посредник между миром живых и небесной обителью предков.

Несмотря на большое количество исследованных могил (230), кремация занимает относительно незначительное место (22 могилы) в ритуальной практике бустандцев. Это требует разъяснения. Можно допустить, что кремация существовала вместе с другими способами захоронения на одном памятнике как особый способ обращения с определенной социальной группой усопших (привилегированный слой), которые имели, возможно, преимущественное право на бессмертия. Так, в хеттском обществе кремации подвергались цари и представители царского дома (Ардзинба, 1988. С. 156). Обряд трупосожжения хеттских царей повторяется в «Царских» погребениях

триалетской культуры (Джапаридзе, 1969. С. 255, 270). Эти представления вызывают определенные ассоциации и с обычаям кремации героев гомеровского эпоса (кремация Патрокла, см. Илиада, песнь XXIII). В погребальной практике многих народов известны трупосожжения и везде она применялась к определенной группе членов общества.

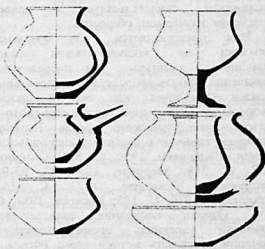

Рис.1а. Бустон VI

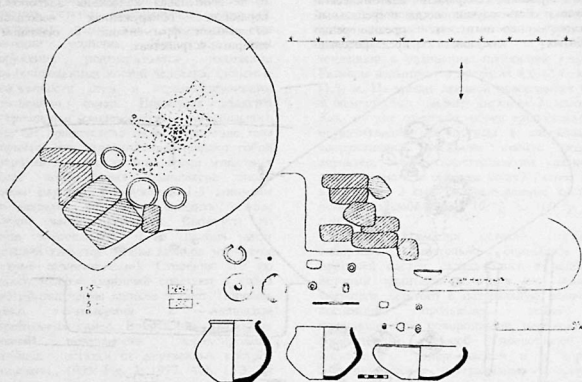

Рис.2. Бустон VI. мог. 117

Однако следует отметить, что сосуществование диаметрально противоположных способов захоронения (кремация и ингумация) могло быть вызвано и другими причинами, например: половозрастными признаками, условиями смерти, как следствие межплеменных контактов. Опровергнуть или подтвердить предложенные варианты, определяющие кто именно подвергся сожжению, трудно. Но совершенно очевидно, что выбор кремации, как одного из способов захоронения, свидетельствует о некоем разделении изучаемого общества.

Нам представляется, что появление кремации на заключительном этапе сапаллинской культуры - это параллельное проявление общендоиранских погребальных обрядов. Кремация, как особый способ захоронения на огромной территории ското-водческо-земледельческого ареала Евразии, считалась типичным явлением андроновских племен (Сальников, 1950, С. 311; Смирнов, 1957, С. 218; Мерперт, 1958, С. 93-98; Федорова - Давыдова, 1973, С. 165; Отрошенко, 1976, С. 185; Косарев, 1981, С. 265). Однако последние свидетельства позволяют удревнить время появления кремации, и связать истоки этого обряда с ямно-полтавскими племенами (Васильев, Пятых, 1976, С. 46). Одновременно на

рубеже Ш тыс. до н.э. кремация появляется в долине Исыяхи (Юго-Восточная Турция) в протохеттском могильнике Гедикли (Дж.Маккуин, 1983, С. 134). В конце II - начале I тыс. до н.э. обряд кремации широко распространяется в Европе, на Кавказе и Центральной Азии.

В андроновской среде обряд кремации как моноритуальный акт господствует только на Южном Урале (Сальников, 1967, С. 280 и сл.). По мере удаления с запада на восток ведущим способом погребения становится ингумация, которая сосуществует с кремацией (Максименков, 1978, С. 60-61).

Появление кремации в Средней Азии специалисты связывают с федоровскими племенами андроновской историко-культурной общности (Грязнов, 1970, С. 37-42). Андроновский обряд кремации в чужой среде приобретает иную окраску. Своеобразие материальной культуры и погребального обряда андроновских племен позволяет с легкостью узнать их среди инокультурных комплексов любого региона, в том числе, и в протобактрийских памятниках. О влиянии пастушеских племен на материальный и духовный облик сапаллинцев в литературе уже указывалось (Аскаров, 1990, С. 3-4; 1987, С. 57-58; Рахманов, Шайдуллаев, 1985, С. 58-63).

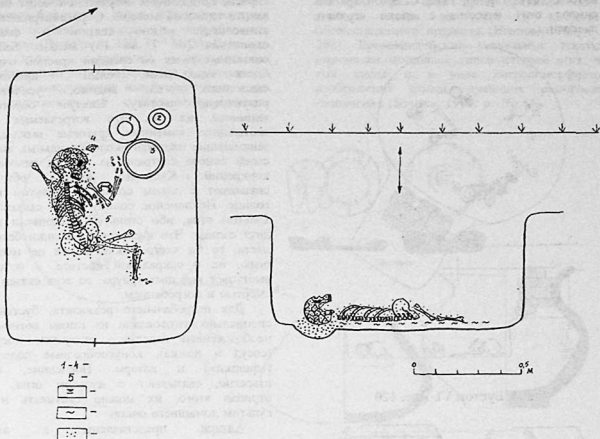

Рис.3. Бустон VI. могила 116

Новые исследования могильников Бустан VI и VII, материалы которых представляют собой сложный процесс ассимиляции разнокультурных элементов, дополняют эту аргументацию (Аванесова, 1992, С. 35).

Новым в погребальном обряде сапаллинского общества на заключительном этапе следует считать также проявление таких условных знаков - заменителей огня, как угольки, зола, охра, гипс, отдельные глиняные поделки.

Угольки встречались отдельными скоплениями, которые прослеживались на дне могилы, у входа под кирпичной кладкой. В отдельных случаях в тесто для приготовления кирпичей добавляли угли. Неоднократно фиксировались следы угольков в погребальных сосудах, как в вотивных, так и повседневной посуде, как правило, это крынки и горшки. Во всех случаях присутствие угля не было результатом разведения огня в самой могиле.

Помимо угля в погребениях с ингумацией зафиксирована зола в виде плотно слежавшейся светло-серой массы в небольших углублениях, в ногах или у

головы погребенного. В трех случаях - это были детские погребения - золой был засыпан весь костяк, а ямка с зольным наполнением находилась под черепом покойного (рис. 3). В одном случае золой был заполнен вотивный плоский дисковидный алтарь с круглым чашевидным углублением в центре. Использование огня или продуктов горения (уголь, зола) как средство очищения покойника или могилы известно, с эпохи неолита.

К проявлениям культа огня мы относим и редкие для сапаллинской культуры случаи присутствия в могилах охры. Последняя встречается в виде мелких комочков в сосудах, крошек под сосудами, пятнами на дне, окрашивает костяк (охра осела на костях после разложения мягких тканей). Часто места нахождения охры связаны с фалангами стоп, рук и берцовыми костями. В четырех погребениях кости жертвенных ягнят были со следами охры. Ею натирали и вотивные необожженные сосуды (рис. 4). Красная краска (охра) у различных народов символизировала не только огонь, но и кровь, свет, жизнь (Липс, 1954, С. 58; Неклюдов,

1976, С. 221; Тэрнер, 1972, С. 38). Охра как символ огня известна с эпохи верхнего палеолита.

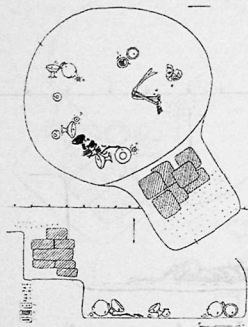

Рис.4. Бустон VI. мог. 120

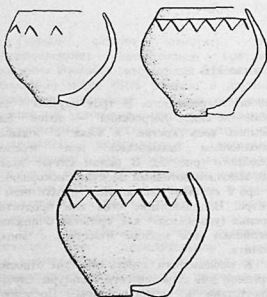

Рис. 4а.

Общепризнанна ритуальная символика белого вещества (мел, гипс, камень и др.) в качестве заменителя огня (Смирнов, 1964, С. 94 и сл.). В таком качестве у нас фигурирует природный гипс,² который встречается в виде крошки, порошка, гипсовой обмазки на дне кенотафов и символических могил. Известен

случай, когда морда жертвенной овцы была залита гипсовой массой. С рассматриваемой символикой можно связать и факты скопления (от 7 до 13) мелких белых окатанных галек со следами красной охры. Здесь синкретизм (белый - красный) символики огня, видимо, усиливает ритуальную чистоту. Следует обратить внимание на то, что встречаемые на могильнике каменные круговые выкладки, занимающие площадь около могильных ям, в своей основе состояли из рваных гипсовых конкреций. Каменные кольца обычно связывают с таким солярным культом как солнце. Поклонение солнцу тесно связано с культом огня, ибо огонь рассматривали как дитя солнца. Что касается символики белого цвета, то он часто тождественен не только огню, но и сакральной чистоте, а потому выступает как цвет траура, то есть связан со смертью и погребением.³

Для погребального реквизита, бустанцы специально изготовляли из глины вотивные необожженные изделия - статуэтки, посуду (сосуд и ложка), конусообразные поделки («фишки») и алтари. Последние, как известно, связывают с культом огня. Не отрицая этого, их можно связывать и с культом домашнего очага.

Алтари представлены в виде дисковидного круга, квадрата, плоского диска с чашевидным углублением по центру и дисковидного круга с головой птицы. Все они с угольно-зольным заполнением. Размеры от 10 до 6 см, высота бортов 2-1 см, ширина 2-1,5 см. Это миниатюрные модели алтарей, которые встречаются в культовых памятниках Евразии с энеолитического времени. Форма алтаря в виде круга, колеса обычно символизирует солнце. У понятия солнца очень много семантических аспектов. Согласно некоторым древневосточным мифам, солнечное божество в зависимости от времени года выступало в образе птицы (Пропп, 1986, С. 281-287). В этой связи интересен обнаруженный нами «алтарь-птица» с округлой головой, подчеркнутую большую глазницей и острым хищным клювом. Длина «птицы» - 12 см.

Образ птицы, представленный в сочетании с солнечным диском, особенно ярко отразился в индоарийских источниках, где он выступает с одной стороны, как дериват неба, а с другой, как земной образ (Ригведа X, С. 144, 4). Быть может изображение птицы с эмблемой солнца надо рассматривать как попытку путем синкре-

³ О многообразии символики (ритуальной, социальной, географической и др.) цветообозначения см. работы: Иванов В.В., 1981; Неклюдов, 1978; Тэрнер В.У., 1972; Крюков М.С., 1968; Ардинба В.Г., 1982.

² Химический анализ произведен Медиковой Е.Ю. в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

тизации двух символов солнца, представить главное божество - огонь, ибо именно культ огня особенно связан с погребальным обрядом (Ригведа, I, 130, 9; 174, 5). И то, что в этом погребении присутствовал дисковидный алтарь с круглым углублением в центре, заполненный золой, укрепляет наше предположение об особенностях функции

«алтаря-птицы» (рис 5). В древнехеттских текстах алтарь выступает в качестве обожествляемого предмета (Иванов, 1962, С. 268). Древнеиндийские ритуальные тексты описывают несколько типов алтарей огня, в том числе и в виде антропоморфного изображения птицы, имеющих различное назначение (Sharma, 1960, p. 16).

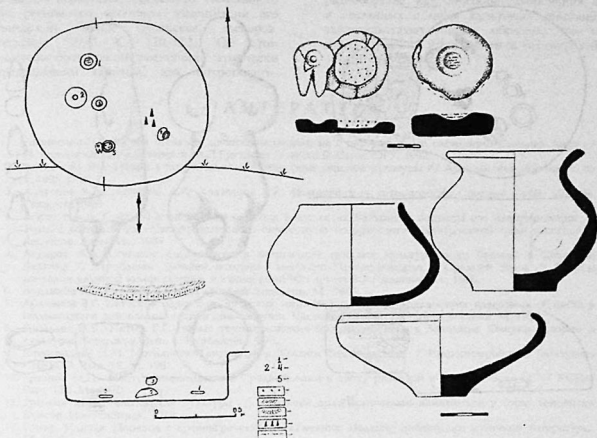

Рис.5. Бустон VI. мог.40

Конусовидные поделки встречаются в погребениях по три экземпляра. Одна пара представлена усеченно-конусовидной формой. Изделия аналогичных форм, только терракотовые и из камня, широко известны с периода раннеземледельческих поселений (Массон, 1971, С. 203, табл. XI). Обнаружены они и у очагов таких андроновских комплексов Приуралья и Сибири как Успенского селища, (Синицын, 1949, С. 214), Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова, 1955, С. 76), в погребении могильника Сопка - 2 (Молодин, 1985, С. 71). Среди исследователей нет единодушия относительно их назначения. Большинство специалистов считают их игральными фишками.

Мы полагаем, что все глиняные поделки в погребениях несли культовую атрибутику независимо от того, в каком виде они

выступали в системе ритуального оснащения. В семантическом контексте конусовидные поделки могли олицетворять три жертвенных огня, трехчленность мира, и возможно, выполняли коммуникативную функцию (рис.6). Сама форма располагает нас видеть в них языки пламени огня. Главный ведический бог Агни - бог огня, ему посвящено больше гимнов, чем какому-либо другому божеству. Ригведа начинается гимном Агни, который восхваляется здесь как бог жертвенного огня, руководитель жертвоприношения, божественный жрец, охватывающий жертву своим пламенем и дымом, передающий ее богам (Елизаренкова, 1989, С. 545). Языки пламени костра Агни рассматриваются как части тела. С их помощью он переправляет богам то, что люди кладут на жертвенный костер (Ригведа, 1989, I, 1, 26, 31, 44, 45, 65-79 и др.). В

ведической литературе три жертвенных огня сопоставляются с тремя мировыми сферами (земля, воздушное пространство, небо) (Пандей, 1982, С. 307). Сакральная магия числа 3 известна у многих народов, в том числе, о ней сказано и в Ригведе, где она неотделима от Агни (X, 14, 16, 45, 1-3, 88, 10). В.И.Молодин, пытаясь объяснить

семантику конусовидной поделки, описывает рассказ этнографа о Забайкалье, когда после смерти ламы тело кремировали, а пепел подмешивали в глину и изготавливали из этого материала «пирамидки», которые помещали на культовом месте (Молодин, 1985, С. 72). Таким образом, культовые назначения их очевидно.

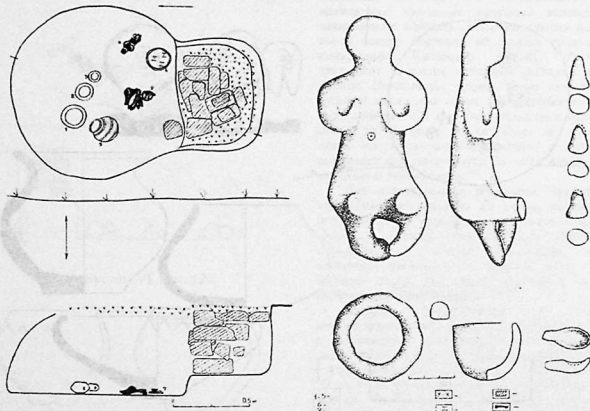

Рис. 6. Бустон VI. мог. 82

Проявление культов - заменителей огня носило выборочный характер, что находит отражение в религии, мифологии и фольклоре всех индоевропейских народов. Определяющее значение для решения назначения культа огня в погребальном обряде сапалинской культуры имеют специфические андроновско - индоиранские, в особенности индоарийские, соответствия семантики огня. Речь идет о религиозных церемониях одного и того же содержания. Огнепоклонничество в сочетании с кремацией, с активным жертвоприношением животных и человека, наличие символических погребений и др., находят впечатляющие аналогии в андроновско-фedorовской среде (Малютина, 1994, С. 9-15), в ритуальной практике хеттов (Маккуин, 1983, С. 119-136; Ардзинба, 1982) и ведических ариев (Пандей, 1982, С. 190-219). У последних двух культ Агни присутствует в

качестве ритуального очищения, как священная сила; символ божественной справедливости; источник жизни, всесокрушающая сила, посредник между небом и землей, культ очага, возжигание огня связано с поминальным обрядом по покойнику и ритуальным сожжением животных и др. (Иванов, 1962, С. 266-272; Елизаренкова, 1989, С. 441-505). Можно допустить, что аналогичное обрядовое употребление огня имело место и у бустанцев.

Комплекс факторов, характеризующих особенности культурно-хозяйственного типа сапалинцев и историческую обстановку в протобактрийском обществе в конце II тыс. до н.э. свидетельствует о наличии предпосылок, необходимых для возникновения и распространения новой идеологии. Серьезным стимулом трансформации послужило влияние и непосредственное внедрение в древне-

бактрийский регион отдельных групп скотоводческого населения, (андроновцы, срубники, бешкентцы), которые, не внося серьезных изменений в этническую и демографическую ситуацию, все же повлияли на систему мировоззрения. Некоторые наблюдения позволяют считать, что здесь имел место процесс медленной инфильтрации пришлого населения, постоянно заселявшего этот регион, со временем изменявший его этнический облик (Алексеев, Аскарлов, Ходжайов, 1990. С. 118-122). Об этом свидетельствует такой важнейший этнически определяющий признак, как антропологический

материал и некоторые предметы материальной культуры. Действием степного фактора вызвано распространения новых форм погребальной обрядности и усиление роли огня. Материалы, полученные при исследовании могильника Бустан VI, ставят интересные проблемы, хотя не всегда разрешимые. Они демонстрируют разнообразие, как способов захоронения, так и связанных с ними культовых действий и свидетельствуют, таким образом, что мир идеологических представлений бустанцев был достаточно сложен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Н.А. Новое о связях древних земледельцев с пастушескими племенами Средней Азии // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова // часть II. Омск. ОГУ, 1992.
2. Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапалинской культуры // Археологические вести. № 4, 1995, СПб.
3. Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К. Историческая антропология Средней Азии. «ФАН», Ташкент. 1990
4. Аскарлов А.А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.
5. Аскарлов А.А. Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 90 - летию Б.А.Латынина. Л., 1990.
6. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
7. Ардзинба В.Г. Хеттское царство и Эгейский мир. // Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть II. История Древнего Востока. М. 1988.
8. Васильев И.Б., Пятых Г.Г. Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье. Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 1. Куйбышев, 1976.
9. Виноградова Н.М. Могильник Таңдыркул в Южном Таджикистане / Информационный бюллетень UNESCO. Вып. 18. М. 1991.
10. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. // КСИА. Вып. 122. М., 1970.
11. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
12. Гомер. Илиада. Перевод с древнегреческого. Н.Гнедича. Издание Библиотеки античной литературы. М. 1978.
13. Джапаридзе О.О. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. 1969.
14. Иванов В.В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии // Балто-славянские исследования. М. 1981.
15. Иванов В.В. Культ огня у хеттов // Древний мир. Сборник, посвященный В.В. Струве. М. 1962.
16. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. 1981.
17. Кривошапкин - Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. 46. 1955.
18. Крюков М.В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирования классового общества. М. 1968.
19. Липс Ю. Происхождение вещей. М. 1954.
20. Маккуин Д.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М. 1983.
21. Массон В.М. Поселение Джейтул. МИА. 180. Л. 1971.
22. Максимова Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л. 1978.
23. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 68.
24. Молодин В.И. Вараба в эпоху бронзы. Новосибирск. 1985.
25. Неклюдов С.Ю. О функционально - семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семантика и художественное творчество. М. 1976.
26. Отрошенко В.В. Погребения с трупосожжением у срубных племен Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. 1976.
27. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М. 1982.
28. Рахманов У., Шайдуллаев Ш.О. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапалинской культуры // ОНУ. 1985. № 11.
29. Ригведа. Избранные гимны. Перевод. Комментарий и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой. М. 1972.
30. Ригведа. Мандалы I - IV. Перевод. Комментарий и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой. М. 1989.
31. Салыников К.В. Хаандино - андроновские курганы у с. Порожного // СА. 1950. Вып. 13.
32. Силин И.В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. // СА. XI. 1949.

33. Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. // СА. 1957. Вып. 27.
34. Смирнов К.Ф. Савроматы. М. 1964.
35. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. 1989.
36. Тэрнер В.У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах // Семантика и искусствометрия. М. 1972.
37. Тэрнер В.У. Символ и ритуал. М. 1983.
38. Токарев С.А. Обычай и обряд как объект этнографического исследования. СЭ. № 3. 1980.
39. Федорова - Давыдова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно - алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. 1973
40. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М. 1980.
41. Шури Г. История первобытной культуры. М. 1932.
42. Sharma G.R. The Excanations at Kausambi (1957 - 1959) bad, 1960 (2 institute of Archeology, Allahabad University publication, №1).
43. Avanessova N. Bustan VI, une ne' cropole de l'a^ge du Bronze dans l'ancienne Bactrane // Arts Asiatiques. Tome L - 1995. Paris.
44. Avanessova N. Spätbrouzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Fluboaase nach den Befunden der Nekropole Bustân 6 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 29, 1997. Berlin.

К ВОПРОСУ О ИСТОКАХ ОЛОВЯНИСТЫХ БРОНЗ В МЕТАЛЛОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВАХ ПЛЕМЕН ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ.

В.Д. Рузанов

В 60-х годах нашего столетия у историков бронзового века Средней Азии сложилось мнение о том, что в области развития оловянной индустрии в среднеазиатском регионе главную роль сыграли северные степные племена (Кузьмина, 1966). Согласно этой версии основными поставщиками сырья - меди и олова - южным производствам являлись горняки-металлурги степных племен. Особенно значительным, как считают исследователи, был импорт металла северного происхождения в начале I тыс. до н.э. в период так называемой "варварской оккупации". Обоснованием этому послужили металлические находки из комплексов степных племен с повышенным содержанием олова (15-20 %) и географическая близость древних рудников олова к памятникам степного типа. Другим аргументом стали анализы химического состава металла изделий южных оседлоземледельческих племен. Как выяснилось, коллекции металла с памятников II тыс. до н.э. подгорной полосы Копет-Дага и дельты р. Мургаб Южной Туркмении бедны оловянистыми бронзами. К тому же в большинстве своем это низкооловянистые сплавы. Совершенно иным пропорциональным соотношением сплавов характеризуется комплекс культуры типа Яз I, существовавший в Мургабском оазисе в первой трети I тыс. до н.э. В это время оловосодержащие бронзы резко увеличивают свою долю и доминируют над остальными типами сплавов. Многие исследователи связывают формирование южных культур расписной керамики типа Яз I, Анау IVa и Кучук I с миграцией скотоводческих племен в южные области Средней Азии и взаимодействием последних с оседлоземледельческими культурами. И как следствие этого процесса, считают они, являются инновации в металлообработке (в морфологии изделий и типах сплавов) у

племен южных оседлоземледельческих культур первой трети I тыс. до н.э.

Однако в те же 60-е годы уже были известны материалы подвергавшие сомнению правомочность если не всего данного тезиса, то некоторых его положений. К таковым относится Хакский клад из Северной Ферганы. Некоторые вещи этого клада оказались изготовленными из оловянистых бронз (Богданова-Березовская, 1962). И хотя исследователи предполагают не среднеазиатское, а иранское происхождение хакских изделий, однако сам по себе факт наличия оловянистых бронз говорит о многом. Во-первых, он свидетельствует о употреблении бронз с добавками олова ранее второй половины II тыс. до н.э. Во-вторых, эти находки указывают на южное происхождение рецептуры оловянистых типов сплавов.

Проведенные в последние два десятилетия спектроаналитические исследования новых металлических материалов расширили ареал распространения оловянистых бронз на южной территории Средней Азии. Теперь оловосодержащие сплавы выявлены не только в Южной Туркмении, но и в Южном Узбекистане и Южном Таджикистане. Предметы, изготовленные из сплавов меди с оловом, обнаружены в 38 памятниках юга Средней Азии. На исследованной территории древнейший сплав меди, легированный оловом, появляется в эпоху ранней бронзы в подгорной полосе Копет-Дага в Южной Туркмении. Данный образец выявлен в комплексе середины - второй половины III тыс. до н.э. на поселении Ак-депе под Ашхабадом. Находка представляет собой полуфабрикат или, возможно, слиток оловянной лигатуры в виде прутка, имеющий паз (его длина 19,8 см, ширина 0,9 см и толщина 0,6 см). Как показал спектральный анализ, пруток был отлит из оловянистой бронзы (7 %). Содержание остальных

примесей низкое. Находка этого времени с искусственной добавкой олова пока единственная в среднеазиатском регионе. Основным видом сплава в металлообработке эпохи ранней бронзы была "чистая" медь. Мышьяковистые и свинцовистые бронзы использовались редко. Следует отметить, что для этого периода серия химически изученных предметов мала. Поэтому, сделанные сегодня выводы о характере и сочетании типов сплавов в эпоху ранней бронзы условны и приблизительны.

В эпоху средней бронзы в период Намазга V (XXII-XVIII вв. до н.э.), хотя число оловосодержащих сплавов на юге Средней Азии возрастает, однако их количество остается небольшим (10 %). В материалах памятников Южной Туркмении, в подгорной полосе Копет-Дага и в Мургабском оазисе, эпохи средней бронзы фиксируются маленькие серии оловянистых бронз (соответственно, 8,2 % и 10,8 %).¹ В металлообработке у здешних племен по-прежнему ведущую роль играет "чистая" медь. Реже используются мышьяковистые, свинцовистые и свинцово-мышьяковистые бронзы.

В эпоху поздней бронзы в период Намазга VI (XVII-VIII вв. до н.э.) оловянистые сплавы получают большое распространение на данной территории. Правда, более 2/3 образцов этой металлургической группы происходит с памятников Южного Узбекистана, Юго-Западной Туркмении и Южного Таджикистана. В металлообработке данных областей оловосодержащие сплавы преобладают. Например, в Южном Узбекистане в памятниках сапалинской культуры 44,6 % предметов коллекции изготовлены из оловянистой бронзы. На юго-западе Туркмении в металле сумбарской культуры их доля еще выше (65 %). Бронзы с искусственной примесью олова выявлены также в Южном Таджикистане, где они доминируют (68,9 %) над прочими типами сплавов. Только в подгорной полосе Копет-Дага и Мургабском оазисе в эпоху поздней бронзы оловянистые сплавы по-прежнему занимают подчиненное положение: из них изготовлены менее 1/4 изделий коллекции.

Анализ географического распространения образцов металлургических групп показывает, что на юге Средней Азии во II тыс. до н.э. выявляются две группы памятников, в металле которых наблюдаются значительные различия в рецептурном составе. В первой группе, объединяющей материалы из прикопетдагских

и мургабских памятников, фиксируется доминирование сплавов из "чистой" меди при незначительной доле оловянистых бронз. В металлообработке второй группы, куда входят памятники Южного Узбекистана и Южного Таджикистана, а также Юго-Западной Туркмении, основным компонентом являлись оловосодержащие сплавы. Металлургически "чистая" медь играла подчиненную роль в производствах этих областей. Выявленные различия металлургического характера могут быть связаны с различными технологическими традициями. Очевидно, во II тыс. до н.э. на юге Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана функционировали две группы металлообрабатывающих очагов с различными традициями употребления типов сплавов. Они были тесно связаны с Ирано-Афганской металлургической провинцией и входили в ее состав. Поэтому сделанное выше заключение о сосуществовании двух групп очагов на юге Средней Азии, видимо, будет верно и для металлообработки метрополии Ирано-Афганской металлургической провинции.

В начале I тыс. до н.э. в материальной культуре южных племен происходят кардинальные перемены. В это время оловянистые бронзы преобладают над другими типами сплавов в металлообработке у племен на большей части территории юга Средней Азии. В Южном Узбекистане в материале кучукской культуры (комплексе Кучук II) доля оловянистых бронз составляет 77,3 %. Судя по анализам металла с поселения Яз-депе (комплекс Яз I), оловянистые сплавы доминируют (75 %) и в металлообработке в Мургабском оазисе (Кузьмина, 1966). Продолжает преобладать этот тип сплавов на юго-западе Туркмении в культуре архаического Дахистана (55 %). Остаются пока неясными для этого времени пропорции между сплавами в материалах памятников подгорной полосе Копетдага в Южной Туркмении и в Южном Таджикистане. Металлические изделия начала I тыс. до н.э. из этих областей немногочисленны и в химическом плане слабо изучены.

Судя по геологическим данным, рудная база юга Средней Азии бедна месторождениями касситерита. В публикациях, посвященных древнему горному делу в Туркмении, сведения о оловянистых объектах и их разработке в древних периодах отсутствуют (Лаптева, 1991; Худайназаров, Ротко, 1991). В Южном Узбекистане и Южном Таджикистане известны единичные источники олова - полиметаллические месторождения Чуйякан и Янгикан в восточном Кугитанге (Рузанов, Буяков, 1997) и медно-оловянное месторождение в долине р.Сандадarya в Южном Гиссаре (Новиков,

¹ К сожалению, остались спектрально не проанализированными изделия из мотыльки Пархай 2 в Юго-Западной Туркмении. Однако не исключено, что оловянистые бронзы были известны на данной территории в эпоху средней бронзы.

Радиловский, 1990). Все они, скорее всего, разрабатывались в средневековый период. Следовательно, металлообработка у южных племен Средней Азии в эпоху бронзы базировалась на привозном сырье: сюда доставлялись либо уже готовые оловянистые бронзы, либо оловянная лигатура. Также не исключается вероятность импорта самих предметов, сделанных из оловянистых сплавов.

Установлено, что в эпоху бронзы металлообрабатывающее производство на юге Средней Азии базировалось на металле, выплавленном из руд ряда месторождений трех типов (Рузанов, 1982). К первому типу относятся полиметаллические месторождения с высокой концентрацией естественной примеси мышьяка (более 0,3 %), при пониженных содержаниях сурьмы. Второй тип объединяет также несколько месторождений, но уже с низким содержанием мышьяка (менее 0,3 %). Третий тип включает полиметаллические месторождения, обогащенные сурьмой (до 1,5-2 %). В металле этого типа источников концентрация мышьяка также достаточно высока. Однако здесь количество мышьяка, как правило, уступает содержанию сурьмы.

Месторождения первого типа в Южной Туркмении, Южном Узбекистане и Южном Таджикистане не известны. Не находит связей металл, обогащенный мышьяком, с северными источниками меди и с материалами северных культур. Поэтому его источники, очевидно, следует искать на территории Афганистана и Ирана. Вместе с медью на юг Средней Азии завозили оловянистые бронзы. Источниками олова, по-видимому, являлись полиметаллические месторождения и рудопроявления с минерализацией олова, меди, свинца и золота Западного и Центрального Афганистана (Геология и полезные..., 1980). На некоторых из них зафиксированы следы древней эксплуатации. По сообщениям P.R.S.Moorey (1985), аналогичные месторождения имеются на Юго-Востоке Ирана.

Иное северное происхождение имеет металл обедненный мышьяком (второй тип месторождений). Его источниками могли служить медные месторождения Кызылкумских гор Западного Узбекистана и, видимо, месторождения Центрального и Восточного Казахстана. В пользу этого предположения свидетельствует близость химического состава металла в культурах существовавших в этих металлоносных зонах и на территории прилегающих к ним. Картографический анализ образцов оловянистых бронз, встреченных на территории среднеазиатского региона и за его пределами, позволяет предполагать разработку месторождений

касситерита в Зирабулак-Зиятдинских горах в Центральном Узбекистане в эпоху поздней бронзы. Некоторые из этих месторождений несут следы древних работ (Литвинский, 1950; Рузанов, 1979, Alimov et al., 1998).

Сырье для металла с высоким содержанием сурьмы (третий тип месторождений), очевидно, добывали в Зарафшано-Гиссарских горах в Центральном Таджикистане и в Чаткальском горнорудном районе в Северо-Восточном Узбекистане. Именно здесь встречаются полиметаллические месторождения с высокой примесью сурьмы в руде (Рузанов, 1980; Литвиненко, Радиловский, Якубов, 1994). Там же известны полиметаллические месторождения, обогащенные оловом, со следами древних работ и металлургического производства. Медь с высокой естественной примесью сурьмы, искусственные медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковитые и медно-оловянно-сурьмяно-мышьяково-свинцовитые бронзы, установленные в коллекциях оседлоземледельческих культур последней трети II тыс. до н.э. на юго-востоке Средней Азии (Южный Узбекистан и Южный Таджикистан), находят соответствие в материалах памятников Центрального Таджикистана и Северо-Восточного Узбекистана. Концентрация находок, изготовленных из многокомпонентных бронз с искусственными добавками олова, сурьмы, мышьяка (и свинца), в Центральном Таджикистане относит эту зону к исходному району приготовления такого рода сложных сплавов (Рузанов, 1994).

Кроме того, в комплексах южных культур Средней Азии эпохи поздней бронзы выявлены импортные изделия из оловянистых бронз, связанные с производствами северных областей Средней Азии (Кызылкумы) и Евразийской металлургической провинции (Волго-Уралье и Казахстан).

Как мы видим, для производственных центров металлообработки племен юга Средней Азии большую роль играли афганско-иранские и узбекистано-таджикистанские источники меди и олова. На разных отрезках времени развития металлообработки их вклад был различным. В эпохи ранней и средней бронзы основную роль играли афганско-иранские источники сырья. В эпоху поздней бронзы ведущее место в металлообработке у племен юго-восточных окраин Средней Азии занимает металл узбекистанских и таджикистанских источников сырья. На юго-западе Средней Азии в Южной Туркмении в это время по-прежнему важную роль в металлообработке у местных племен играет сырье афганско-иранского происхождения. Вместе с тем увеличивается экспорт меди и

олова на юг Туркмении из металлургических очагов степных племен.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа // МИА, № 118, Л., 1962.
2. Геология и полезные ископаемые Афганистана. В кн. 2: Полезные ископаемые. М., 1980.
3. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М., 1966.
4. Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистана // Тр. САГУ. Вып. XI. Ташкент, 1950.
5. Литвиненко К.И., Радиловский В.В., Якубов Ю.Я. Древнее горнорудное производство бассейна реки Зеравшан // История и перспективы горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы доклад. Худжанд, 1994.
6. Лаптева Т.М. Состояние геологических знаний у древних народов Туркменистана // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Душанбе, 1991.
7. Новиков В.П., Радиловский В.В. К истории горнорудных промыслов и металлургии древнего Гиссара // В сб.: Очерки по истории геологии Таджикистана. Душанбе, 1990.
8. Рузанов В.Д. О некоторых древних оловянных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979.
9. Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чувшской культуры. // СА, № 4, 1980.
10. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. МГУ, М., 1982.
11. Рузанов В.Д. Древняя металлургия Таджикистана // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы. Худжанд, 1994.
12. Рузанов В.Д., Бураков Ю.Ф. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ, вып. 28. Самарканд, 1997.
13. Худайназаров Г., Ротко М.А. К истории горных промыслов на территории Туркменистана // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Тезисы. Душанбе, 1991.
14. Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjakov J., Cierny S., Jakubov J., Iuts S., Parzinger H., Pernicka E., Radililovskij V., Ruzanov V., Sirinov T., Starsinin D., Weisgerber G. Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasiu // Eurasia Antiqua. Band 4. Berlin, 1998.
15. Moorey P.R.S. Materials and manufacture in ancient Mesopotamia // The evidence of archaeology and art. BAR internat. Series 237. Oxford, 1985.

Посвящается памяти Учителя
Юрия Александровича Заднепровского
(1924-1999 гг.).

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б.Х. Матбабаев

Расписная керамика, как отмечают исследователи, наиболее чутко отражает временные и территориальные изменения. На памятниках чустской культуры в Фергане она представлена на 20 поселениях, что позволяет остановиться на её анализе, изучении и интерпретации.

Для расписной керамики чустской культуры характерны узоры черной или коричневой краской с их оттенками на красном, темно-красном фоне, преобладание геометрических узоров. По обработке поверхности (по цвету фона, на который наносилась краска) расписная керамика делится на несколько разновидностей. В Дальверзине выявлены следующие разновидности:

1. Черная роспись по красному фону.
2. Красноватая роспись по светлому и коричневому фону;
3. Буро-коричневая роспись по грубой светло-коричневой поверхности кухонной посуды. (Заднепровский Ю.А., 1978. С.24).

Ошское поселение по вышеуказанным признакам очень близко к Дальверзинскому поселению. От них несколько отличается Чустское поселение, на котором определены следующие разновидности расписной керамики:

1. Роспись нанесена черной или коричневой краской по красному, красно-бурому фону;
2. Роспись нанесена темно-красной или каштановой краской по светлому фону;
3. Роспись нанесена коричневой краской по красновато-буроватому или желтовато-буроватому фону;
4. Роспись нанесена черной краской по темно-пепельному фону. Интересно отметить, что, несмотря на меньшее

количество расписной керамики, в Чусте оказалось больше ее разновидностей.

Для классификации орнамента керамики культуры было привлечено 716 фрагментов и 182 археологически целых сосудов из Дальверзина, 516 фрагментов и 80 археологически целых форм из Чуста, 739 фрагментов и около 20 археологически целых форм из Оша.² В процессе работ над классификацией орнамента учитывались уже имеющиеся в литературе разработки среди которых следует отметить работу Б.Бишони и М. Булгарелли по изучению орнамента керамики Шахри Сохте (Bishione, Bulgarelli; 1981, pp. 211-264), а также работы Л.Б.Кирчо успешно применявшей законы симметрии в систематизации расписной керамики Южной Туркмении (Кирчо Л.Б., 1980 а, 1981), В. С. Сорокина (Сорокин В.С., 1962), В.С. Иванова 1963 и др.

Мы склонны придерживаться традиционного мнения, рассматривающего орнамент как составную группу следующих частей: элемент, мотив, композиция. **Элемент** - первоначальная часть орнамента; сочетанием элементов образуются мотивы. **Мотивы** - основная часть орнамента, по своей структуре более сложная стадия в системе орнаментации. **Композиция** - законченная целостная система в орнаментальном искусстве, образованная соединением или композицией системы мотивов на поверхности сосуда, или элемент + мотив -> композиция = орнамент.

² В данной статье использованы опубликованные и не опубликованные материалы Ю.А.Заднепровского, В.И. Спришевского, а также автора этих строк, проводившего раскопки в 1982-1983 гг. на Чустском поселении. Материалы хранятся в фондах ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, Анджанского, Наманганского, Ошского областных музеев. Конечно мы не смогли привлечь все материалы ибо их несколько тысяч. Думаю расписная керамика тема будущей обобщающей работы, которая ждет своего исследователя.

¹ В определении цветов использовано пособие А.С.Бондарцева «Шкала цветов», Москва-Ленинград, 1954.

Сравнительное исследование орнамента чувской культуры проводится на уровне мотивов и композиций. Для этого осуществлена классификация мотивов и композиций орнамента керамики. Мотивы по мере усложнения их структуры, по стилю выполнения объединяются в 5 групп (А.Б.В.Г.Д.). Количество мотивов - 112.³ Таким же путем определяются мотивы отдельных памятников (Чуст, Дальверзин и Ош).

По композиции орнамента составлены сводные таблицы по каждому памятнику. При сравнении мотивов и композиций выявляются общие и специфические черты орнамента расписной керамики из различных памятников чувской культуры. (табл. I-IV). Приведем описание мотивов орнамента расписной керамики, которое осуществляется впервые (табл. I).

Группа «А» (I-11)

- А 1-5 - простые мотивы: точки, кольца, линии, полосы;
- А 6 - наклонные линии вправо;
- А 7 - наклонные полосы вправо;
- А 8 - вертикальные полосы;
- А 9 - наклонные линии влево;
- А 10 - наклонные полосы влево;
- А 11 - волнистые линии.

Группа «Б» (I-22).

- Б 1 - зубчатые (вниз);
- Б 2 - зубчатые (вверх);
- Б 3 - зубчатые (влево);
- Б 4 - зубчатые (вправо);
- Б 5-6 наклонные зубчатые;
- Б 7 - сплошь залитые треугольники, обращенные вершиной вниз;
- Б 8 - зубчатые узоры наклонные, отдельно стоящие;
- Б 9 - треугольник вершиной вниз;
- Б 10 - треугольник вершиной вверх;
- Б 11 - наклонные треугольники, обрамленные линиями;
- Б 12 - ромбы, обрамленные горизонтальной линией;
- Б 13 - отдельно стоящие треугольники с горизонтальной штриховкой;
- Б 14 - треугольники с вертикальной штриховкой;
- Б 15 - треугольники, обращенные вершиной влево и заполненные косой штриховкой;
- Б 16 - широкие полосы сплошной заливкой, соединением которых образуется треугольник;

- Б 17-19 - ленты с просветами неправильных четырехугольников и ромбов;
- Б 20 - «башня» из треугольников, обращенных вершинами вниз;
- Б 21 - вертикальная цепочка сплошь залитых ромбов;
- Б 22 - сложный мотив в виде двух отогнутых из одного ствола изображений с Т-образно перекинутой поверху веточкой.

Группа «В» - «шахматные» (I-11).

- В 1 - горизонтальная полоса, заштрихованная в шахматном порядке;
- В 2-7,10 - мотивы, выполненные наподобие шахматной доски;
- В 8-9 - двойная полоса с косой шахматной штриховкой;
- В 11 - наклонная двойная полоса с косой шахматной штриховкой.

Группа «Г» - «сетчатые» (I-41).

- Г 1 - горизонтальная линия с поперечными штрихами;
- Г 2 - вертикальная линия с поперечными штрихами;
- Г 3,6,7,8 - мотивы «лесенки»;
- Г 4,5,9,10 - мотивы двойной «лесенки»;
- Г 11 - простая сетка;
- Г 12 - косая сетка;
- Г 13,13А - широкая горизонтальная полоса с сетчатым заполнением;
- Г 14 - наклонная широкая полоса влево с сетчатым заполнением;
- Г 15 - наклонная широкая полоса вправо с сетчатым заполнением;
- Г 16 - вертикальная широкая полоса;
- Г 17 - дугообразная широкая полоса;
- Г 18 - трапециевидная сетка;
- Г 19-23 - комбинация треугольников с сетчатым заполнением;
- Г 24 - узкий треугольник с сетчатым заполнением;
- Г 25 - цепочка ромбов с сетчатым заполнением;
- Г 26 - вертикальная трапеция с сетчатым заполнением;
- Г 27 - мотив незаконченной полосы (трапеций?) с сетчатым заполнением;
- Г 28 - многоугольник с сетчатым заполнением;
- Г 29 - вытянутый шестиугольник с сетчатым заполнением;
- Г 30 - «флажок» с сетчатым заполнением, обращенный вниз;
- Г 31 - узкий флажок, обращенный вниз;
- Г 32 - сегмент, обращенный дугой вниз;
- Г 32 А - сегмент, обращенный дугой вверх;

³ Порядковые номера каждой группы ставятся отдельно и каждый выделенный мотив имеет свой условный номер.

ТАБЛ. I. МОТИВЫ РАСПИСНОГО ОРНАМЕНТА
ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9
A10	A11	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
B8	B9	B10	B11	B12	B13	B14	B15	B16
B17	B18	B19	B20	B21	B22	B1	B2	B3
B4	B5	B6	B7	B8	B9	B10	B11	Г1
Г2	Г3	Г4	Г5	Г6	Г7	Г8	Г9	Г10
Г11	Г12	Г13	Г13А	Г14	Г15	Г16	Г17	Г18
Г19	Г20	Г21	Г22	Г23	Г24	Г25	Г26	Г27
Г28	Г29	Г30	Г31	Г32	Г32А	Г33	Г34	Г35
Г36	Г37	Г38	Г39	Г40	Г41	A1	A2	A3
A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12
A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20	A21
A22	A23	A24	A25					

ТАБЛ. II. МОТИВЫ РАСПИСНОГО ОРНАМЕНТА
ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9
			—	—	/	/		\
A10	A11	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
\	~~~~~					▶		▲▲▲
B8	B9	B10	B11	B12	B13	B14	B15	B16
	▽	▽▽▽						
B17	B18	B19	B20	B21	B22	B1	B2	B3
●●●●	●●●●	●●●●			▼			
B4	B5	B6	B7	B8	B9	B10	B11	Г1
			■					
Г2	Г3	Г4	Г5	Г6	Г7	Г8	Г9	Г10
Г11	Г12	Г13	Г13A	Г14	Г15	Г16	Г17	Г18
Г19	Г20	Г21	Г22	Г23	Г24	Г25	Г26	Г27
▲	▲	▲	▲	▲	▲	▲	▲	▲
Г28	Г29	Г30	Г31	Г32	Г32A	Г33	Г34	Г35
●	●	●	●	●	●			
Г36	Г37	Г38	Г39	Г40	Г41	A1	A2	A3
✕		■	■	■	■			X
A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12
	X	X		V	W	W	~~~~~	~~~~~
A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20	A21
X		▶	▶	▲	■			
A22	A23	A24						

ТАБЛ. III. МОТИВЫ РАСПИСНОГО ОРНАМЕНТА
ПОСЕЛЕНИЕ ДАЛЬВЕРЗИНА

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9
A10	A11	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
B8	B9	B10	B11	B12	B13	B14	B15	B16
B17	B18	B19	B20	B21	B22	B1	B2	B3
B4	B5	B6	B7	B8	B9	B10	B11	Г1
Г2	Г3	Г4	Г5	Г6	Г7	Г8	Г9	Г10
Г11	Г12	Г13	Г13A	Г14	Г15	Г16	Г17	Г18
Г19	Г20	Г21	Г22	Г23	Г24	Г25	Г26	Г27
Г28	Г29	Г30	Г31	Г32	Г32A	Г33	Г34	Г35
Г36	Г37	Г38	Г39	Г40	Г41	A1	A2	A3
A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12
A13	A14	A15	A16	A17	A18	A19	A20	A21
A22	A23	A24						

ТАБЛ. IV. МОТИВЫ РАСПИСНОГО ОРНАМЕНТА
ОШСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9
A10	A11	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7
B8	B9	B10	B11	B12	B13	B14	B15	B16
B17	B18	B19	B20	B21	B22	B1	B2	B3
B4	B5	B6	B7	B8	B9	B10	B11	Г1
Г2	Г3	Г4	Г5	Г6	Г7	Г8	Г9	Г10
Г11	Г12	Г13	Г13A	Г14	Г15	Г16	Г17	Г18
Г19	Г20	Г21	Г22	Г23	Г24	Г25	Г26	Г27
Г28	Г29	Г30	Г31	Г32	Г32A	Г33	Г34	Г35
Г36	Г37	Г38	Г39	Г40	Г41	Д1	Д2	Д3
Д4	Д5	Д6	Д7	Д8	Д9	Д10	Д11	Д12
Д13	Д14	Д15	Д16	Д17	Д18	Д19	Д20	Д21
Д22	Д23	Д24	Д25					

Г 33 -34 - широкая полоса с сетчатым заполнением в виде треугольника;

Г 35 - зигзагообразная полоса с сетчатым заполнением;

Г 36 - широкие пересекающиеся полосы в виде буквы «Х»;

Г 37 - косая сетчатая решетка с черными полями;

Г 38 - широкая горизонтальная сетчатая полоса с просветами неправильных четырехугольников;

Г 39 - небрежно нанесенная сетка;

Г 40 - небрежно нанесенная косая сетка в виде треугольника;

Г 41 - небрежно нанесенный треугольник с косым сетчатым заполнением.

Группа «Д» - отдельно стоящие фигуры и знаки (1-25)

Д 1 - ёлочный орнамент обращенный по горизонтали;

Д 2,3,5,6,7, - фигуры, напоминающие букву «Х»;

Д 4,15,16 - в виде «бабочки»;

Д 8,9,10 - в виде букв;

Д 11,12 - одиночные и двойные зигзаги;

Д 13,14 - отдельно стоящие непонятные фигуры;

Д 17 - фигуры в форме «ёлочки»;

Д 18,19 - схематичные изображения «птицы»;

Д 20 - изображение солнца;

Д 21,22 - изображение человека;

Д 23,24,25 - изображение козлов.

Следует отметить, что орнаментация сосудов, наносившаяся с внутренней стороны венчика, в виде несложных по композиции узоров, в настоящей классификации не учитывалась.

Расписная посуда (V - VII).

Особенности набора форм и орнамента Чуста, Дальверзина и Оша выявляются при сопоставлении расписной керамики (табл. V-VII).

Чустское поселение (табл. V).

Для классификации использованы все имеющиеся археологически целые формы (80 экз.).

I класс - горшки. Все имеют плоское дно, венчики прямые (заостренные и закругленные).

I тип - с прямым вогнутым венчиком и выпуклым туловом (табл. V, 1);

II тип - с прямыми стенками и округлым венчиком (табл. V, 3, 4); Имеется вариант этого типа: с прямой стенкой, заканчивающейся заостренным краем - венчиком (табл. V, 5);

III тип - с прямыми стенками и слегка отогнутым заостренным венчиком (табл. V, 6);

IV тип - кубковидный горшок с выделенным доном, венчик заострен (табл. V, 7).

II класс - чашки.

I тип - круглодонная с отогнутым выделенным заостренным венчиком (табл. V, 8);

II тип - круглодонная с прямым венчиком (табл. V, 9). Имеются два варианта, которые различаются оформлением венчика - подпрямоугольный или заостренный (табл. V, 11-12);

III тип - плоскодонные чаши с трубчатым сливом; венчик слегка вогнутый и заострен (табл. V, 13-14).

III класс - миски и IV класс - кувшины в Чусте отсутствуют.

V - VI классы - миниатюрные и редкие формы. Отметим впервые обнаруженный тройной сосуд, который представляет собой три небольших, соединенных вместе горшочка (табл. V, 17), внутри сосуда - три сообщающиеся отверстия. Внешняя сторона тулова этих соединенных вместе горшочков и донца их покрыты росписью, нанесенной черной краской. Тройной сосуд, был культовым (подробнее см. Матбабаев Б.Х., 1983. С. 44-46).

На Чустском поселении обнаружены расписные хумы и хумчи (табл. V, 16, 18).

Дальверзинское поселение (табл. VI).

I класс - горшки (табл. VI, IV - 16-20, V - 21-25).

I тип - плоскодонные со слегка вогнутыми или прямыми стенками и заостренным или закругленным венчиком (табл. VI, 16-20);

II тип - плоскодонные с прямыми стенками, заканчивающимися заостренным и закругленным венчиком (табл. VI, 21-25).

II класс - чаши (табл. VI, 1-7). Они бывают плоскодонными, круглодонными, с отогнутым и вогнутым венчиком. Обнаружены чаши с трубчатым сливом.

I тип - плоскодонные с вогнутыми стенками и слегка выделенным венчиком (табл. VI, 1, 4, 5, 6). Вариант - плоскодонная чаша с ярко выраженным отогнутым венчиком и выпуклым туловом (табл. VI, 2);

II тип - плоскодонные, с вогнутыми стенками и заостренным венчиком (табл. VI, 3);

III тип - плоскодонные, с вогнутыми стенками и трубчатым сливом (табл. VI, 7);

III класс - миски (табл. VI, 8-15). Они были плоскодонные и, вероятно, круглодонные.

I тип - с заостренным венчиком и выпуклым туловом (табл. VI, 8-9). Вариант - с

подпрямоугольным или закругленным венчиком (табл. VI, 10-11);

II тип - плоскодонная миска с отогнутым венчиком и резким перегибом при переходе от тулова к придонной части (табл. VI, 12, 13, 15). Вариант - с прямым венчиком (табл. VI, 14).

IV класс - кувшины (табл. VI, 26-32).

I тип - с отогнутым закругленным венчиком и узкой горловиной (табл. VI, 26-27);

II тип - с узкой небольшой горловиной и шаровидным туловом (табл. VI, 29).

Ошское поселение (табл. VII).

I класс - горшки.

I тип - плоскодонный горшок, венчик выделенный отогнутый, тулово выпуклое (табл. VII, 12);

II тип - с прямыми стенками, заканчивающимися заостренным венчиком (табл. VII, 10).

II класс - чаши.

I тип - плоскодонная, с вогнутым венчиком (табл. VII, 6). Вариант - то же, но круглодонная (табл. VII, 7).

III класс - миски.

I тип - с отогнутым выделенным венчиком, с резким перегибом при переходе от тулова к придонной части (табл. VII, 11);

II тип - с расширяющимися сверху стенками, заканчивающимися заостренным венчиком; резкий перегиб при переходе от тулова к придонной части (табл. VII, 13).

IV класс - кувшины.

Кувшин узкий высокий, с расширяющейся сверху горловиной (табл. VII, 9).

Кроме этих форм, на Ошском поселении выявлены горшкообразные сосуды (табл. VII, 3, 4, 5).

Имеющиеся в нашем распоряжении 80 расписных сосудов из Чустского поселения дают следующую картину: 37,5 % (или 30 экз.) горшки, 27,5 % (22 экз.) чаши, 10 % (8 экз.) миски, 11,2 % (9 экз.) миниатюрные и редкие формы, 3,8 % (3 экз.), крупные сосуды, 10 % (8 экз.) прочие формы. Набор форм в Дальверзине разнообразнее и богаче; 27,5 % (50 экз.), горшки 19,3 % (35 экз.), чаши, 13,7 % (25 экз.) кувшины, 8,3 % (15 экз.), миниатюрные и редкие формы 6,6 % (12 экз.), прочие формы. Эти подсчеты конечно, предварительные. учитывают материалы раскопанных участков и дают лишь примерное состояние набора форм.

Расписные горшки. В количественном отношении как в Чусте, так и на Дальверзине они представлены одинаково. Но горшки Дальверзина выделяются более оригинальным и богатым решением композиционного сюжета

орнамента (табл. VI, 21-24). Между тем, на поселении Дальверзин некоторые формы горшков вообще отсутствуют: III тип по Чусту (с прямыми стенками и слегка отогнутым заостренным венчиком) и IV тип по Чусту (кубкообразный горшок с выделенным дном) (табл. V, 6-7).

Расписные чаши. Чаши и чаши со сливом представлены также примерно одинаково. Чаши Дальверзина выделяются более «пышным» украшением (табл. VI, 1, 4, 5, 7).

Чаши 1-2 варианта II типа Чуста (круглодонные с прямым венчиком, под прямоугольным или заостренным венчиком) (табл. V, 11-12) в Дальверзине, а чаши варианта I типа Дальверзина (плоскодонная с ярко выраженным венчиком и выпуклым туловом), II типа Дальверзина (плоскодонная, с вогнутыми стенками и заостренным венчиком в Чусте не обнаружены (табл. VI, 2, 3).

Расписные миски и миски с перегибом стенок от тулова к придонной части встречаются только среди коллекции Дальверзина и Оша (табл. VI, 12, 13, 15; VII, 11, 13). Определенные закономерности обнаруживаются и в их украшении. Композиции обычно довольно простые, состоящие из одного или двух мотивов, повторяющихся ритмично (табл. VI, 8-15). Расписные кувшины также характерны только для Дальверзина и Оша. Хумы в Чусте в отдельных случаях украшены расписным орнаментом (табл. V, 18), тогда как случаев украшения росписью крупных сосудов в Дальверзине не обнаружено.

Сопоставление орнамента расписной керамики (элементы, мотивы, композиции).

Для сравнимых памятников общим является, прежде всего, геометрические узоры, техника выполнения орнамента: сплошная заливка, сетчатое заполнение и т.д. Роспись поверхности сосуда (Заднепровский Ю.А., 1962. С.2 в; Горбунова Н.Г. 1961. С.43). Украшалась также внутренняя часть венчика (бортик сверху) сосудов простыми узорами. Как уже отмечалось, сравнительное изучение расписной керамики проводилось на уровне мотивов и композиций.

В Чусте выделено 68 мотивов, и они по технике выполнения объединены в 5 групп (табл. II).

Мотивы орнамента Чустского поселения распределяются следующим образом.⁴

1. Группа А (простые мотивы) - 9 экз. (13,2%);

⁴ Здесь и далее количество мотивов дается в абсолютных цифрах, в скобках их процентное соотношение к общему количеству мотивов.

2. Группа Б (зубчатые, ленты с просветами неправильных четырехугольников и ромбов) - 13 экз. (19,1 %);
3. Группа В (мотивы, выполненные наподобие «шахматной доски» - 1 экз. (1,5 %);
4. Группа Г (разные геометрические фигуры с сетчатым заполнением) 31 экз. (45,6%);
5. Группа Д (отдельно стоящие фигуры и знаки) - 14 экз. (20,6 %).

Почти половину мотивов орнамента Чустского поселения составляет группа «Г». Одинаково по количеству представлены группы «Б» и группа «Д». Очень редко встречается группа «В», которая на этом памятнике зафиксирована лишь три раза.

В Дальверзине расписная керамика украшена более богатыми и разнообразными мотивами орнамента. Здесь выделено 80 мотивов, объединенных в 5 групп (табл. III).

1. Группа А - 10 (12,5%);
2. Группа Б - 16 (20,0%);
3. Группа В - 10 (12,5%);
4. Группа Г - 26 (32,5%);
5. Группа Д - 18 (22,5%);

Мотивы орнамента Ошского поселения ближе к мотивам орнамента Дальверзина. Выделяются 72 мотива, из них группа А - 7 (9,7%), группа Б - 15 (20,8%), группа В - 8 (11,1 %), группа Г - 24 (33,3%), группа Д - 18 (25,0%).

Таким образом, группа А на обоих поселениях встречается одинаково (в Чусте - 13,2%, в Дальверзине - 12,5 %).

Это, видимо, объясняется тем, что исходные элементы в композиции орнамента Чуста и Дальверзина были одинаковы.

В группе «В» для Чустского поселения являются характерными мотивы зубчатых наклонных, отдельно стоящих узоров (Б 8) (на 102 фрагментах учтено 30 случаев) подобные материалы в коллекции Дальверзина практически отсутствуют.

Особо следует отметить группу «В», которая характерна только для Дальверзинского и Ошского поселений.

Некоторые количественные различия наблюдаются в группе «Г». В этой группе для Чуста преобладающими мотивами являются Г19-Г23, Г25, Г29, Г30, Г31, Г32, Г32 А. По сравнению с Чустом, в Дальверзине такие мотивы встречаются довольно редко, а некоторые (Г19, Г20, Г26, Г27, Г29, Г30, Г32, Г32 А) вообще отсутствуют, в Чусте, на оборот, мотивы Г33, Г34, Г35 не обнаружены.

Мотивы Г39, Г40, Г41 - небрежно нанесенная косая сетка различной формы, характерна только для Чуста. Расписная

керамика с такими мотивами качественно отличается от остальной. Как правило, с другими мотивами они не сочетаются.

По количеству группа «Д» на обоих поселениях представлена примерно в равном количестве. Но несмотря на это, в Дальверзине и Оше такие мотивы усложняются и становятся более разнообразными, появляются изображения человека (Д22) и солнца (Д20), а в Оше - изображения козлов (Д24). Последние мотивы среди материалов Чуста не имеются.

В процессе работ удалось установить некоторые закономерности в нанесении и расположении отдельных мотивов. Например, количество зубцов в группе «Б» (Б1) зависит от места нанесения их на плоскую поверхность сосуда; если они нанесены между фигурами, расположенными на венчике, то количество зубцов обязательно бывает 3,5,7 и в дальнейшем они повторяются ритмично в таком же порядке. А в Дальверзине такой мотив (т.е. Б1) нанесен разнообразно и количество зубцов бывает от 2 до 11. Вообще, зубчатые мотивы (Б1 - Б3) в Дальверзине употреблялись сравнительно часто; встречаются сосуды сплошь украшенные зубчатыми узорами; сосуды с аналогичными узорами в Чусте не обнаружены.

Для детального анализа мотивов орнамента чустской культуры нами был осуществлен учет взаимной встречаемости их. Надо отметить, что анализ мотивов орнамента по взаимовстречаемости не обнаружил каких-либо заметных закономерностей. Но несмотря на это, путем взаимной встречаемости удалось установить специфические мотивы орнамента расписной керамики. В результате выделены следующие специфические мотивы орнамента.

1. Мотивы, встречающиеся со многими другими (комбинирующиеся мотивы);
2. Мотивы, однообразные по своей структуре.

Композиции орнамента в Дальверзине и Оше разнообразны и образуются с помощью более сложных композиций мотивов. В этом убеждает нас сравнение количества мотивов на одинаковом числе фрагментов расписной керамики Чуста и Дальверзина. Например, на 102 фрагментах из Дальверзина было нанесено 305 комбинаций мотивов, а в Чусте на то же число фрагментов приходится 217 комбинаций мотивов (до 10 со взаимной встречаемостью), а в Дальверзине отдельные комбинации имеют по 6 мотивов (до 15 со взаимной - встречаемостью). Следовательно, мастера Дальверзина при построении орнамента применяли более сложные узоры.

Таким образом, сравнительное изучение расписной керамики Чуста и Дальверзина показало, что при общей однородности

ТАБЛ. V. ЧУСТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ,
РАСПИСНЫЕ СОСУДЫ

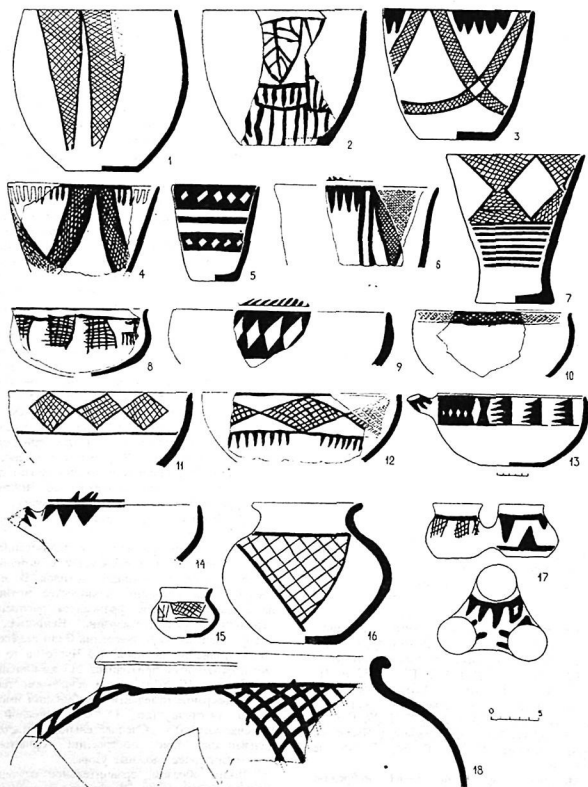

ТАБЛ. VI. ПОСЕЛЕНИЕ ДАЛЬВЕРЗИН. РАСПИСНЫЕ СОСУДЫ (ПО Ю.А. ЗАДНЕПРОВСКОМУ).

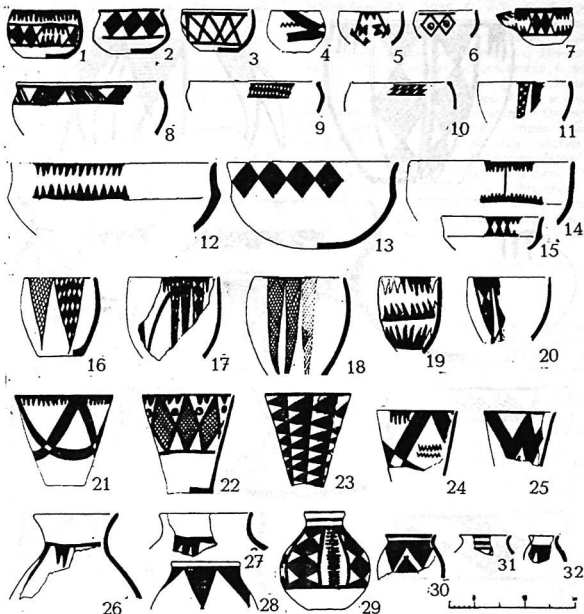
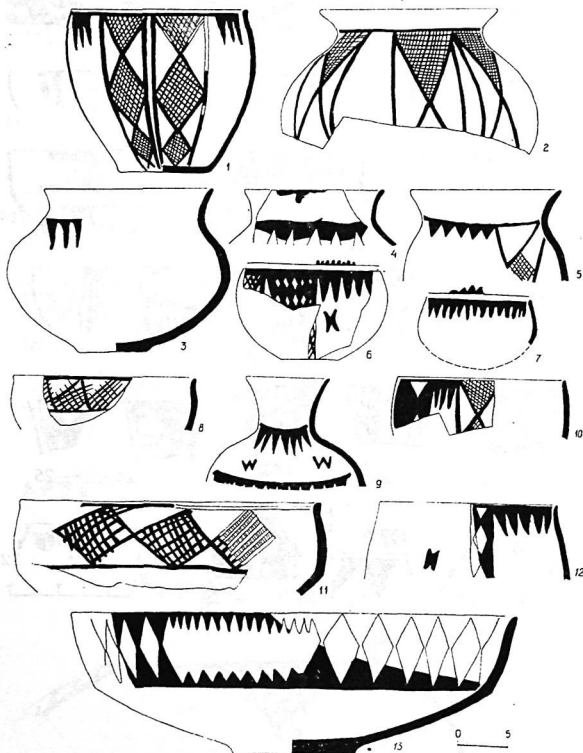

ТАБЛ. VII. ОШСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ. РАСПИСНЫЕ
СОСУДЫ (ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ
Ю.А.ЗАДНЕПРОВСКОГО).

мотивов и композиций орнамента, бесспорно, имеется их определенное локальное своеобразие. В Чусте 26 мотивов (из 68) не имеют аналогий в материалах Дальверзина. Это указывает на то, что более 30 % мотивов Чуста не были сходны с мотивами Дальверзина (здесь их 80). 35 (31%) мотивов Дальверзина не имеют аналогий ни на одном памятнике чустской культуры. Свообразие Чуста проявляется в преобладании геометрических фигур с сетчатым заполнением, которые составляют около 50% от общего количества мотивов. В Чусте отсутствуют антропоморфные и зооморфные изображения, а также узоры наполюбие «шахматной доски».

Следует отметить, что при сопоставлении расписной керамики чустской культуры с материалами кучукской культуры в Южном Узбекистане (Аскаров А. Альбаум Л.И. 1979: Шайдуллаев Ш. 1990) и с коллекциями Согда (Раимкулов А. Исамиддинов М.Х. 1990), а также с комплексами юга Туркмении. Яздепе (Массон В.М., 1959, с. 29-62), Елькендепе и Анау IV^а наглядно выступает своеобразие ферганских материалов. Это, прежде всего, наблюдается в количестве и разнообразии расписной керамики. Тем более что расписная керамика вышеуказанных памятников опубликована в незначительном количестве, её трудно сопоставить с чустскими обширными коллекциями. Все - так некоторые узоры орнамента расписной керамики Чуста могут быть сопоставлены с орнаментом памятников юга Узбекистана и Туркмении. Мотивы - крупные треугольники с разным заполнением, ромбы, различные знаки находят аналогии в комплексе Кучук I (Аскаров А. Альбаум Л.И., 1979, с. 32-34; рис. 13-14). Но материалы Кучук I, тем более Кучук II, по качеству росписи хуже и они небрежно нанесены, далеки от совершенства. Некоторые материалы Кучук I, скорее всего, могут быть сопоставлены с материалами верхних слоев на чустских поселений (раскопки в 1982 - 1983 гг. автора этих строк). Среди них имеются некоторые образцы, аналогичные Кучуку: фрагменты, на которых роспись нанесена красной краской по светлому фону. Зеленовато-белым был фон расписных сосудов комплекса Яздепе I. Как отмечают исследователи, в Яздепе формы расписной керамики очень ограничены и мотивы росписей довольно однообразны (Массон В.М. 1959. С.39). В целом, керамика Яздепе I разделена на две группы: на гончарную и на лепную. Напомним, что только на Чустском поселении встречаются единичные фрагменты гончарной керамики, причем, имеется фрагмент гончарного хума с расписным орнаментом (табл. V, 18). В связи

со сравнительным изучением чустской расписной керамики естественно возникает вопрос: удалось ли выделить мотивы с датирующими признаками? Отметим, попытка проследить хронологическое различие между отдельными композициями узоров орнамента пока не дали результатов. Правда, кое-какие наблюдения по керамике Чуста у нас имеются (Матбабаев Б.Х., 1985. С. 6-7). Необходимо отметить, что датировка чустских памятников хорошо согласуется с данными радиоуглеродных определений возраста. Несмотря на то, что некоторые исследователи к этим датам относятся скептически, хронологические данные по чустской культуре более и менее соответствуют действительности. Отметим, этот метод в последнее время часто применяется в археологии (см. статью в настоящем сборнике М.Исмаиловой и К.Рапена). Сюда следует добавить, что радиоуглеродные даты в Фергане не одиночны, их уже несколько: из Чуста пять образцов, Дальверзина два и Оша три. В результате выделяются хронологические группы:

1 - наиболее древняя, около II тыс. до н.э.

2 - XV - XIV вв. до н.э.

3 - IX - VII вв. до н.э.

Нижняя дата ближе к датам Намаздадепе и вопрос о её достоверности остается открытым. Верхняя дата (X - VIII вв. до н.э.) соответствует шкалам Яздепе (Заднепровский Ю.А., 1997. С. 74-76). Тенденция к удревнению нижней даты чустских памятников имеется в других работах. В частности, В.Д.Рузанов на основании химических и типологических показателей металлических изделий Дальверзина и Чуста предлагает в качестве даты - середине XIV - VII вв. до н.э. Причем, дата Чустского поселения ограничивается концом IX - VIII - VII вв. до н.э. (Рузанов В.Д., 1998. С. 33-36). Близкое мнение по поводу датировки Чуста имеет и Г.П.Иванов (Иванов Г.П., 1999. С. 7-12). Конечно, может быть, что Чустское поселение моложе других памятников. Отметим, что и у нас были отдельные образцы расписной керамики, в которых явно присутствуют более поздние признаки (орнамент в виде сплошь залитых крупных треугольников, обращенных вершиной вниз; роспись нанесенная красной краской по светлому фону и т.д.). Но определять очень узкую дату Чустского поселения концом IX - VIII - VII вв. до н.э. - мы считаем пока преждевременным. Этой дате противоречат следующие данные. Во-первых, у В.Д.Рузанова и у Г.П.Иванова не имеются собственных материалов по стратиграфии чустских памятников. Приведенное В.Д.Рузановым в

качестве датирующего материала - часть удила (которое датировано В. Рузановым не ранее IX в. до н.э.) происходит почти из верхнего или среднего горизонта (на глубине 50 см) Чустского поселения (см. отчет В.И. Спришевского за 1958 г.). Если учесть местонахождение удила, тогда верхний (?) - средний горизонт датируется не ранее IX в. до н.э. Во-вторых, более двухсот лет обживания Чустского поселения, которое определяют эти исследователи, явно противоречит мощности культурного слоя - до 3,5 м (Спришевский В.И., 1963. С. 7). Справедливости ради отметим, что в Дальверзине толщина культурных отложений достигает 4 м. Если принять датировку Рузанова - Иванова, тогда VIII - VII вв. до н.э. для Чуста и XIV - VIII вв. до н.э. (700 лет(!)) для Дальверзина, то при почти одинаковой мощности культурных слоев - она пока необъяснима. Получается слишком растянутая хронология памятников. В - третьих, у этих авторов единый комплекс (керамика, бронза, каменные изделия и т.д.)

рассматриваются отдельно как составные части (металл и его химический состав). Учитывая вышеуказанные данные и материалы из чустских памятников и Чустского поселения в том числе, в настоящее время для этой культуры можно предположить наличие двух комплексов: ранний и более поздний. Это основано, прежде всего, на стратиграфических наблюдениях и изучении комплекса керамики (фактурно - технологические признаки, типология сосудов и особенности расписного орнамента). К верхнему периоду относятся железные предметы из Дальверзина и соответствующие находки Чуста (VIII - VII вв. до н.э.), а к нижнему - материалы из Чуста, - комплекс керамики из Оша, Дальверзина (XII - IX вв. до н.э.). В связи с этим, расписная керамика Согда (Чиракчи, Турткультепа, Сангир I, Узункыр I) может быть сопоставлена именно с верхними слоями Чустского поселения (II-III периоды Чуста по нашей периодизации).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аскаров А. Альбаум Л.И., 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.
2. Bishione P, Bulgarelli M.C. 1981. Painted Geometrical Dekaration of the Shahr-i-Sohta Buff ware: Approach to a Systematic Classification In: Reports and memoirs, vol. XIX, 1: Prehistore Seistan, I; Edited by M.Tosi; Roma, 1981, pp. 211-264.
3. Горбунова Н.Г. 1961. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине // СГЭ, 21.
4. Заднепровский Ю.А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы М-Л. // МИА, № 118.
5. Заднепровский Ю.А. 1978. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Москва.
6. Заднепровский Ю.А. 1997. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек.
7. Иванов В.С., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по матер. XIX -нач. XIXвв). М - Л.
8. Иванов Г.П., 1999. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканда.
9. Кирчо Л.Б. 1980. Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Автореф. дисс... канд.ист. наук. Ленинград.
10. Кирчо Л.Б. 1981. Классификация орнамента древней расписной керамики // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад.
11. Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргiana. М-Л. // МИА, № 73.
12. Матбабаев Б.Х., 1983. Уникальный сосуд с Чустского поселения // ОНУз, № 11.
13. Матбабаев Б.Х. 1985. Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ленинград.
14. Рамкулов А. Исамидинов М., 1990. Турткультепа - новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
15. Рузанов В.Д. 1998. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (по материалам типологического и химического исследований металлических изделий) // Древний Ош в среднеазиатском контексте. Тезисы докладов. Ош.
16. Сорокин В.С. 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты - Бутак I в Западном Казахстане М-Л. // МИА, № 120.
17. Спришевский В.И., 1963. Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент.
18. Шайдуллаев Ш. 1990. Памятники раннежелезного века Северной Бактрии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканда.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И СЮЖЕТНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ ВАРЗИКА

М. Хужаназаров

Село Варзик находится в 30 км к северу от г. Чуст Наманганской области, в предгорной части южного склона Чаткальского хребта, на высоте около 700 м над уровнем моря, между правыми притоками Сырдарьи-Гавасаем и Сумсарсаем (рис. 1). К востоку от селения Варзик расположены плосковершинные холмы, покрытые четвертичными делювиально-пролювиальными отложениями. На склонах холмов обнаружены наскальные рисунки и более 300 курумов-могильников. По определению С.Р.Баратова эти курганы датируются I в. до н.э. - VI вв. н.э. (Баратов, 1991, с.16).

Наскальные рисунки выбивались на поверхности валунов разных размеров, в том числе, и курганских камнях. Основная масса наскальных изображений сгруппирована на юго-восточных и восточных склонах, на валунах с относительно ровной поверхностью и сильной патинизацией.

Холмы разделены сухими руслами ручьев. С трех сторон они обрамлены хлопковыми полями. Только с севера соединяются горами Чаткала. Флора очень бедна. Сельские потоки проходят в основном, в весеннее время.

На холмах Варзика обнаружено 200 камней с рисунками, насчитывающими 775 отдельных изображений и сцен. Для удобства обработки все камни условно разбиты на несколько групп. Отсчет камней был начат по западному склону с юга на север. По противоположному склону холма отсчет велся с севера на юг. Несколько десятков камней с изображениями разбросаны на северном склоне. Переходим к описанию наскальных изображений Варзика.

Камень 1. Ю.З. Поверхность горизонтальная, гладкая. Козел. Силуэт. Выбивка мелкоточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный¹ (Рис. 2).

Камень 2. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Фигура человека изображена

линейно схематично. Рядом козел и неясное изображение. Выбивка среднеточечная, глубина около 1 мм. Загар слабый.

Камень 3. Ю.З. Поверхность горизонтальная, шероховатая. Неопределенное изображение (черепаха?), и козел. Выбивка мелкоточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный² (Рис. 3).

Камень 13. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Арабские надписи и козлы. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Абрис четкий. Загар арабской гравировки, светлый, а у животных - плотный (Рис. 4).

Камень 14. Ю.В. Поверхность наклонная, шероховатая. Арабская гравировка и неопределенная фигура животного. Выбивка среднеточечная, неглубокая. Загар светлый (Рис. 6).

Камень 17а. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Человек и козлы. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар слабый (Рис. 8а).

Камень 18. Ю.В. Поверхность наклонная, гладкая. Многофигурная композиция. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар плотный (Рис. 9).

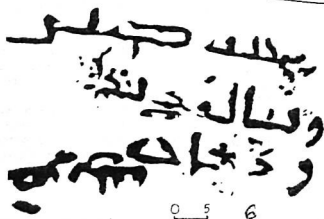
Камень 22. Ю.З. Поверхность горизонтальная, гладкая. Три фигуры животных и круг с рогами животного. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар плотный (Рис. 12).

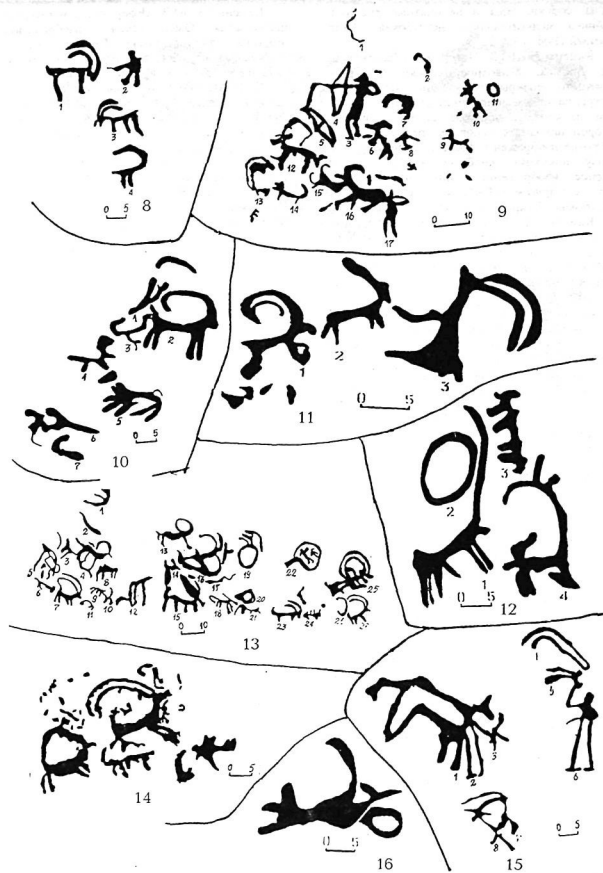
Камень 24. Ю.З. Наклонная, поверхность гладкая. Козел и несколько неопределенных изображений. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар плотный (Рис. 10).

Камень 28. Ю.В. Поверхность вертикальная, гладкая. Многофигурная композиция. Рисунки расположены в два ряда. В верхнем ряду изображены несколько кругов с отростком. В нижнем ряду изображены

¹Здесь мы в дальнейшем первое число обозначает порядковый номер камня, второе - в какую сторону обращена плоскость, фигура, стиль, техника, загар.

²На камнях 4, 8, 9, 15-17, 20-21, 25-27, 30, 36, 47, 50, 52, 55-61, 64, 68-74, 82-84, 87-89, 96, 111, 113-одиночные или несколько фигур козлов; на камнях 5, 11, 12, 32, 34, 39, 44, 56, 57, 60, 70, 73, 78, 86, 90, 94, 99, 101, 103, 104, 106, 107, 115, 118-фигуры козлов и неясные рисунки; на камнях 23, 43, 48, 62 - фигуры козлов и дугообразные линии.

козлы, собаки, змея и непонятные рисунки. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар плотный (Рис. 13).

Камень 29. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Животное (собака?). Грудь животного перекрывает туловище человека. У фигуры человека видны лишь длинные прямые ноги, на которых показаны ступни и рука, в которой находится какой-то предмет (пук?). Напротив изображен человек с длинной ногой. Внизу показано животное (собака?) и неясное изображение. Они соприкасаются друг с другом. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Загар плотный (Рис. 15).

Камень 31. Ю.З. Поверхность горизонтальная, шероховатая. Центральная фигура собака (?) со щенком. Над рисунками изображены неясные рисунки. Выбивка среднеточечная, глубина больше 1,5 мм. Загар плотный. (Рис. 18).

На вертикальной поверхности этого камня изображено животное, напоминающее ослика (?), длинный хвост соприкасается с ногой животного (собака?). Другое неясное изображение перекрывает лишайниками. Выбивка мелко-точечная, среднеточечная, неглубокая. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 16).

Камень 35. Ю.В. Поверхность наклонная, шероховатая. Человек и неопределенное животное. Силуэт. Выбивка среднеточечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Загар плотный (Рис. 19).

Камень 38. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Козлы. Выбивка мелкоточечная, средне-точечная, неглубокая. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 20).

Камень 40. Ю.З. Поверхность вертикальная, поверхность гладкая. Животное. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Загар плотный (Рис. 22).

Камень 41. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Много-фигурная композиция. Выбивка мелкоточечная, шлифованная, неглубокая. Загар темный. Внизу много неопределенных фигур. Выбивка среднеточечная, неглубокая. Загар плотный. (Рис. 23).

Камень 42. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая и неясные фигуры. За трещиной камня выбиты змея. Выбивка мелкоточечная, среднеточечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Загар плотный (Рис. 24).

Камень 45. Ю.В. Поверхность вертикальная, гладкая. Змея, ползущая вверх. Мелкоточечная, неглубокая. Абрис четкий. Загар плотный (Рис. 25).

Камень 49. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Человек. Выбивка среднеточечная, неглубокая и средней глубины. Абрис нечеткий. Загар плотный. (Рис. 29).

Камень 53. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Овал, неясное изображение, контурная фигура козла. Выбивка мелко-точечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Выполнено грубо. Загар слабый (Рис. 26).

Камень 54. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Неясное животное (олень?). Силуэт. Выбивка мелкоточечная, неглубокая. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 27).

Камень 63. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Неопределенная фигура животного (бык?). Рога покрыты неясными рисунками. Все оно выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 30).

Камень 65. Ю.В. Поверхность наклонная, шероховатая. Много-фигурная композиция. Выполнено грубовато. Выбивка мелко-точечная, неглубокая. Силуэт. Загар плотный (Рис. 28).

Камень 66. Ю.З. Поверхность вертикальная, шероховатая. Животное (фантастическое?). Часть хвоста повреждена. Выбивка среднеточечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Загар плотный (Рис. 29).

Камень 67. Ю.З. Поверхность вертикальная, шероховатая. Многофигурная композиция. Выбивка среднеточечная, неглубокая. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 31).

Камень 71. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Неясное изображение. Выбивка мелкая и среднеточечная, неглубокая. Абрис четкий. Загар плотный (Рис. 33).

Камень 72. Ю.В. Поверхность наклонная, гладкая. Овал, от него отходит короткая линия. Напротив изображен козел. Выбивка мелкая и среднеточечная, неглубокая. Абрис четкий. Загар плотный (Рис. 34).

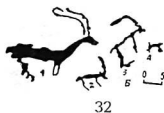
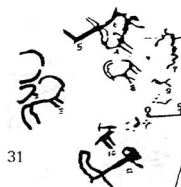
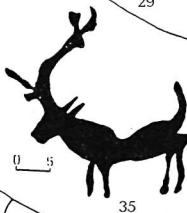
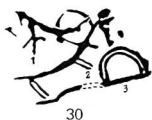
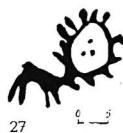
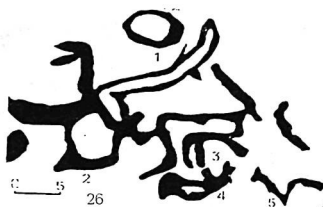
Камень 75. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Животное. Силуэт. Выбивка мелкая и среднеточечная, средней глубины. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар светлый (Рис. 35).

Камень 76. Ю. Поверхность наклонная, гладкая. Много-фигурная композиция. В центре камня изображен очкообразный знак. На нижней части камня выбита изогнутая линия с несколькими выступами, змея ползущая вправо. Выбивка мелкая и среднеточечная, неглубокая. Абрис нечеткий. Загар плотный (Рис. 36).

Камень 79. Ю.З. Поверхность горизонтальная, гладкая. Человек. Силуэт. Неясное изображение в виде буквы "А". Выбивка мелкоточечная, неглубокая и средней глубины. Абрис четкий. Загар плотный.

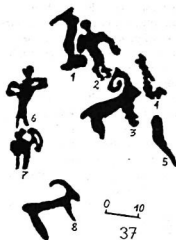
Камень 81. Ю.В. Поверхность наклонная, шероховатая. Много-фигурная композиция. Двенадцать изображений козлов, идущих друг за другом и стоящих друг против друга.

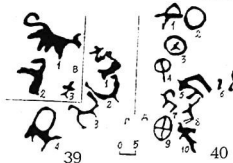
36

37

38

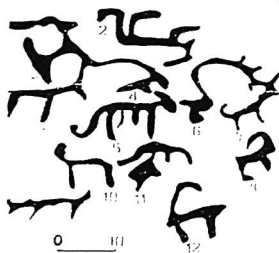
39

40

41

42

43

44

Вокруг этих рисунков выбиты изогнутая линия, собака и неясное изображение. Выбивка мелкоточечная и среднеточечная, неглубокая. Загар плотный.

Камень 88. Ю.З. Поверхность вертикальная, шероховатая. Многофигурная композиция. Изображены три человека, архар, козел и неясные рисунки. Силуэт. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 37).

Камень 93. Ю.З. Поверхность вертикальная, гладкая. Животное и олкообразный знак. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Абрис четкий. Выполнено тщательно. Загар плотный (Рис. 38).

Камень 95. Ю.З. Поверхность вертикальная, шероховатая. Человек, животное и неясное изображение. Выбивка мелкая и среднеточечная. Силуэт. Загар плотный (Рис. 39).

Камень 97. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Четыре круга разного размера и вида. Рядом козел и непонятные рисунки. Выбивка среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 40).

Камень 98. Ю.В. Поверхность наклонная, гладкая. Лучник, рядом с ним собака. Выбивка мелкоточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 41).

Камень 100. Ю.З. Поверхность наклонная, шероховатая. Много-фигурная композиция. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 42).

Камень 102. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Много-фигурная композиция. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 43).

Камень 109. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Много-фигурная композиция. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный, слабый. (Рис. 45).

Камень 110. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Человек, рядом изображение козла и несколько пятен. Выбивка мелкая и среднеточечная, глубина до 1 мм. Загар плотный (Рис. 47).

Камень 112. Ю.В. Поверхность горизонтальная, гладкая. Всадник. Выполнено тщательно. Выбивка среднеточечная. Загар светлый (Рис. 48).

Камень 117. Ю.З. Поверхность наклонная, гладкая. Большой овал разделенный несколькими линиями на десять секторов разных размеров. Выбивка мелкоточечная. Абрис четкий. Загар плотный (Рис. 51).

Камень 119. Ю. Поверхность наклонная, шероховатая. Много-фигурная композиция. Выбивка мелкоточечная. Загар плотный (Рис. 53).

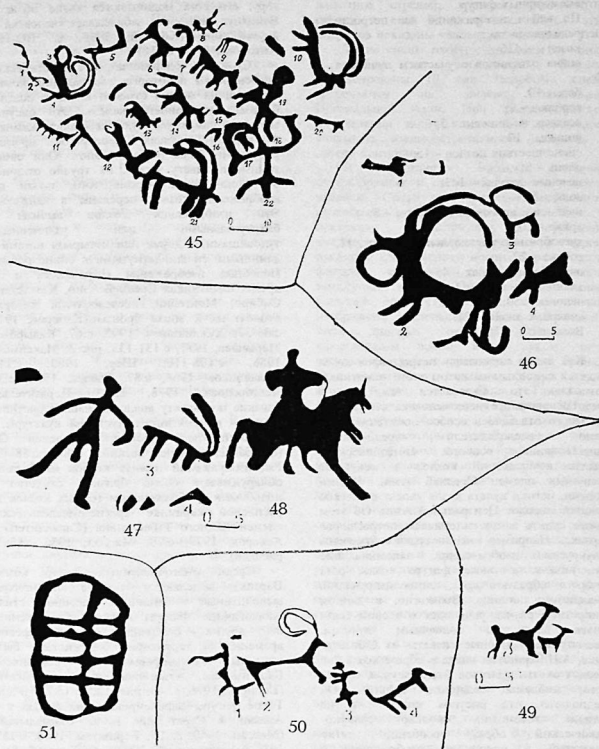
Камень 120. Ю.В. Поверхность горизонтальная, гладкая. Много-фигурная композиция.

Вывивка мелкоточечная. Загар плотный (Рис. 54).

Все рисунки, в основном, нанесены на горизонтальные, наклонные и реже на вертикальные плоскости и имеют небольшие размеры. Стиль, техника нанесения рисунков, пустынный загар разнообразны. При выполнении рисунков применялись, в основном, два технических приема: выбивание, процарапывание. Большинство рисунков нанесены посредством первого приема и имеют округлые, удлиненные, каплевидные, треугольные и квадратные очертания. Чаще всего фиксируются следы круглой, треугольной и квадратной форм. Они выбиты неглубоко, имеют мелкие и средние размеры. Такие рисунки выполнены тщательно и имеют достаточно четкие контуры. В результате выветривания следы инструмента слегка разрушены и сглажены. Этот факт, а также наличие сильного пустынного загара иногда затрудняют точное определение ряда рисунков. Углубления каплевидной и удлиненной формы встречаются довольно редко. На многих рисунках можно проследить неглубокие следы различной формы. Они выбиты очень грубо, края выбоин неровные, рваные. В последнем случае нередко фиксируются следы ударов, расположенные за пределами самой фигуры. По пустынному загари они более светлые. Петроглифы, нанесенные с помощью второго приема (процарапывания), встречаются значительно реже.

Изображения выполнены тремя стилями: силуэтно, линейно-схематично и контурно. Еще при полевых исследованиях мы обратили внимание на связь между стилистическими особенностями и плотностью пустынного загара рисунков. Наиболее "загорелыми" были изображения силуэтного стиля, затем линейного и контурного. Однако надо отметить, что рисунки силуэтного стиля в некоторых случаях оказались светлее, чем линейные или контурные, но в процентном отношении они очень малочисленны.

В результате статистической обработки петроглифов стало ясно, что один и тот же образ может быть передан разными изобразительными приемами, которые и определяют особенности каждого стиля в целом. Более того, при трактовке туловища животных и людей наряду со специфическими особенностями существует определенный набор стилистических элементов, не меняющихся при переходе от одного рисунка к другому. Взаимозаменяемость таких изобразительных элементов и создает особый, характерный для той или иной культуры облик изобразительного искусства и позволяет

отличать ее изобразительные приемы от изобразительных особенностей других культур.

Среди петроглифов Варзика несколько раз встречается перекрывание рисунков. Такие изображения подтверждают, что здесь рисунки выбивались в течении столетий. По видовому

составу Варзикские петроглифы явно не выделяются среди наскальных рисунков Ферганской долины, но характеризуются преобладанием фигур козлов, у которых туловище изображалось с помощью одного прямоугольника или двух нечетких

треугольников. Встречается также много антропоморфных фигур.

По видам изображений все петроглифы распределяются так:

- козел - 436;
 - сцена охотников с участием лучников - 10;
 - бык - 10;
 - верблюд - 2;
 - всадник на лошади - 5;
 - лошадь - 10;
 - сцена шествия козлов - 15;
 - олень - 8;
 - неясные фигуры - 143;
 - волк - 5;
 - надписи с арабским шрифтом - 3;
 - архар - 10;
 - дугообразные параллельные линии - 11;
 - собака - 22;
 - очкообразный знак - 4;
 - змея - 10;
 - человек - 50;
 - солярные знаки - 21.
- Всего: 775

Как видно по составу петроглифов козел является основным сюжетом этого памятника. Возможно, это объясняется тем, что в представлениях древнего человека этому виду животного отдавалось особое почитание. Уже давно исследователи предполагают существование особого символического смысла изображений козлов в искусстве различных племен Средней Азии. Иными словами, истоки культа козла уходят в далекое прошлое народов Центральной Азии. Об этом можно судить и по материалам петроглифов Варзика. Например, неоднократно отмечены полукруглые изображения, напоминающие рога козлов, а также фигура козла, рога которого образуют круг, символизирующий, по-видимому, солнце. Возможно, в данном конкретном случае речь идет о тесной связи культа козла с солнечным культом. Рассматривая подобные сюжеты из Саймалиташа, А.Н.Бернштам видел в образе козла "не предмет охоты, а символ благополучия, скорее всего, эмблемы солярного культа". Он предполагал, что рисунок козла "это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ, особенно четко раскрытый в одном из изображений в Саймалиташе, где "козлы шествуют среди изображений солнечных дисков" (Бернштам, 1952, (1), с. 223). Распространено мнение, что козел "ведет солнце из мира дальнего в горные области", он по своей козьей природе "из долин стремится на самые крутые и высокие утесы" (Робертсон, 1923, с. 207). В алтайском эпосе "Когутэй" фигурирует черный горный козел-хозяин земли и вод

(Когутэй, 1935, с.18). Он похож на черную гору, его рога поднимаются выше облаков. Взмахнув ими, он забрасывает человека в другой мир (Когутэй, 1935, с. 162-164; Антонова, 1984, с.216).

Судя по содержанию и стилистическим особенностям некоторых изображений козлов Варзика, их можно отнести к эпохе поздней бронзы или раннего железа. Эти рисунки занимают самую удобную поверхность камня и в редких случаях перекрыты другими рисунками более поздних эпох. Они самые темные по цвету загара, их трудно отличить от фона камня. Кроме того, почти все изображения козлов переданы в движении. Эти изображения козлов выбиты с битреугольными или удлиненными туловищами, с двумя или четырьмя ногами и длинными, сильно загнутыми к спине рогами. Подобные изображения встречаются и на других памятниках Средней Азии, Казахстана, Сибири, Монголии, исследователи которых относят их к эпохе бронзы (Кабилов, 1976, с.36-37; Хужаназаров, 1995, с.67; Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.131-133, рис.2; Максимов, 1958, с.108-110; Шер, 1980, с.110; Окладников, 1964, с.87; Дзавлет, 1982, с.36, Новгородова, 1978, с.92). Поразительно близкие по сюжету аналогии нашим рисункам имеются в памятниках Чустской культуры, в частности на керамике поселения Ош (Матбабасев, Заднепровский, 1984, с.38-40). Ряд изображений горных козлов из Варзика обнаруживают очень близкое сходство с подобными изображениями горных козлов на расписной керамике древнеземледельческих племен Южного Узбекистана (Сапалиташа // Аскаров, 1977, с.78; Массон, 1956, табл.5, рис.5, 6).

Среди многочисленных фигур козлов Варзика выделяются особые экземпляры, выполненные в типичном зверином стиле. Аналогичные фигуры козлов, обнаруженные на других памятниках сако-скифского времени, на территории Узбекистана были описаны А.Кабириным в Сармисае, Башкызылсае, Ахангаране и других местах (Кабилов, 1976, с. 43, рис. 12, 3, 15, 27 и др.). Такие фигуры зафиксированы на скалах у с. Араван, в Сура-Таше и на Саймалиташе (Массон, 1940, с. 53; Бернштам, 1948, с.155-161; Заднепровский, 1962, с.128, рис.2, 3) и др. Изображения горных козлов находят прямые аналогии среди археологических материалов, в памятниках скифо-сакского времени на всей обширной степной полосе Евразии. В 1939 г., при строительстве Большого Ферганского канала найден бронзовый котел. Верхний его край украшен четырьмя скульптурными изображениями горных козлов, которые очень сходны с

изображениями Варзика. Этот котел датируется V-III вв. до н.э. (Рутковская, 1956, с.41-43, рис. 1). Подобные нашим изображения горных козлов, выполненные в "зверином стиле", нередко встречаются и в произведениях сако-скифского искусства (Руденко, 1960, с.271, рис. 139). На основании многочисленных аналогов изображений козлов с материалами ряда памятников близких и отдаленных территорий можно сказать, что рассматриваемые нами рисунки козлов возможно относятся к периоду VII-II вв. до н.э.

Надо подчеркнуть, что фигуры козлов описанного типа, в свою очередь, служат опорой для датировки целой серии композиций и сцен, где помимо козлов имеются и другие рисунки. Кроме рассматриваемых изображений козлов имеется еще одна группа изображений, вероятно, относящаяся к тюркскому и к последующим периодам времени. Эти фигуры более светлые по загару, а иногда и вовсе не имеют следов патинизации. Техника выбивания грубая, края выбоин рваные, а глубина выбивки незначительна. В некоторых случаях они соседствуют с более ранними гравировками, в нескольких случаях они перекрывают более древние изображения.

Особое место в петроглифах Варзика занимают изображения человека. Он изображен в составе многофигурных композиций, отдельно и в сценах охоты. Очень интересная многофигурная композиция с участием человека на камне 120. Возможно - это ритуальный танец. Здесь, видимо, запечатлены весьма сложные обряды и ритуалы, связанные с животными. Почти все рисунки связаны друг с другом. На правом нижнем углу камня выбиты три человека с поднятыми руками. Их позы напоминают движения танцоров. А.П.Окладников заметил, что коллективный характер подобных плясок может служить указанием на архаичность этой обрядности. (Окладников, 1964, с.146). По мнению исследователей, пляски имели разное назначение (Окладников, 1974, с.110-111; Богоевский, 1934, с.110; Соколова, 1972, с.57). В некоторых случаях, это могли быть танцы, исполняемые во время весенних праздников, связанных с культом плодородия (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.217). Это подтверждается этнографическими данными. Аналогичные композиции особенно наглядно прослеживаются на скалах Сайханская, Каракиясая, Сармишская (Хужаназаров, 1988, с.60-62), а также в Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.217) и др. местах. Эти рисунки датируются VII-II вв. до н.э.

На камне 119 высечены сцены охоты с участием лунчиков и собак. Охотники

околожи животное, один из них поранил животное стрелой, впереди животного - собака и еще один лунчик. Внизу этих рисунков показаны человек и животное.

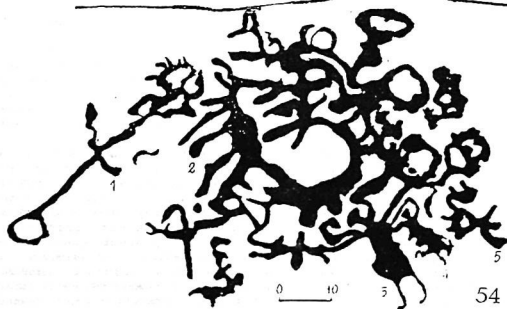
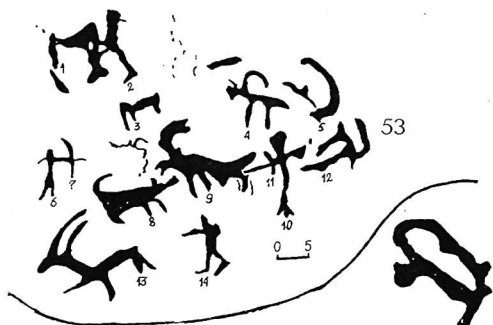
Такие сцены охоты с участием лунчиков и собак на петроглифах Варзика зафиксированы 10 раз. Подобные сцены встречаются на многих памятниках Центральной Азии. При хронологическом определении таких композиций необходимо учитывать взаимовстречаемость сюжетов и другие критерии.

В петроглифах Варзика отмечены ферттаобразные и схематические изображения человека. Среди этих рисунков чрезвычайно своеобразен рисунок на камне 98, где показано схематическое изображение человека, с широко раскинутыми в сторону руками и клювовидным носом. Верхние части фигуры человека окружены большим замкнутым кругом. Он очень напоминает большой лук (?). Рядом с человеком изображена маленькая собака. Возможно, здесь показан охотник. Человек с клювовидным носом и с луком часто встречается среди петроглифов эпохи бронзы. Они напоминают ржениные фигуры людей эпохи бронзы, Сармишская, Тамгалы и Минусинской котловины (Кабилов, 1976, с. 41; Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с.183). Таким образом, некоторые изображения людей датируются с эпохи поздней бронзы и сакским временем. Однако большинство петроглифов с фигурами людей пока еще плохо поддаются датировке.

Изображения "собаки" в количественном отношении занимают четвертое место среди петроглифов Варзика. Они выбиты отдельно в сценах охоты и других композициях. Эти рисунки по стилю и технике не отличаются от изображения козлов, людей и других. Они изображены на многих камнях в единой смысловой композиции с другими рисунками.

Такие картины выполнены очень тщательно, с высоким художественным достоинством. На камнях встречаются также искаженные фигуры, сделанные неумелой рукой. Эти рисунки больше всего подражают древним рисункам.

Изображения змеи также занимает особое место среди петроглифов Варзика. Они выполнены ползущими, в линейно-схематическом стиле. Их в комплексе 10. Они также по пустынному загару более темные, выполнены очень аккуратно, встречаются в составе как многофигурных композиций, так и в одиночестве. Основываясь на вышеперечисленных критериях датировки, рисунки Варзика можно датировать эпохой поздней бронзы, сакским и более поздними периодами.

Таковы характерные черты и признаки основных сюжетов петроглифов Варзика. Они, в свою очередь, датируют и другие рисунки, которые выбиты с ними рядом. Некоторые изображения не поддаются датировке, из-за несовершенства существующей методики.

Изучая петроглифы Варзика мы пришли к выводу, что до появления курганов это место являлось родовым святилищем или почитаемым обрядовым местом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М. Наука, 1984, с.262.
2. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Т. Фан, 1977, с.231.
3. Баратов С.Р. Культура скотоводов Северной Ферганы в древности и раннем средневековье (по материалам курумов и мучханы). Автореф. дисс. канд. истор. наук - Самарканд, 1991, с.24.
4. Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и даванская Ферганская столица Эрши. СЭ, 1948, № 4, с.155-161.
5. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.Л., 1952 (АН СССР. Институт археологии МИА, 26).
6. Богоевский Б.Л. Минотавр и Пасифая на Крите. // Сборник АН СССР в честь 50-летия научной общественной деятельности академ. С.Ф.Ольденбурга. Л., 1934, с. 95-113.
7. Давлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., Наука. 1982, с.128.
8. Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айырмактау (Фергана), СЭ, 1962, № 5, с.125-128.
9. Кабиров А. Сарминшойнинг код тошаридаги расмлар. Т., 1976, с.109.
10. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата. Наука, 1977.
11. Когутэй. М.Л., 1935, с.201.
12. Максимова А.Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. ВАН Каз.ССР, 1958, № 9, с.108-110.
13. Матбабаев Б.Х., Заднепровский Ю.А. Новые данные о древнеземледельческой Чустской культуре Ферганы. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. Вып. 7. М., 1984, с.38-45.
14. Массон М.Е. Экскурсия археологического надзора на строительство Большого Ферганского канала. - КСИИМК, 4. 1940, с.42-54.
15. Массон М.Е. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А.Куфтина. - Т.ТБКЭ. Т. VII, с.291-373.
16. Новгородова Э.А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии.-СА. 1978, № 4.
17. Окладников А.П. Олень - золотые рога. Л.М. "Искусство". 1964, с.239.
18. Окладников А.П. Петроглифы Байкала - памятники древней культуры народов Сибири, Новосибирск, 1974, с.123.
19. Робертсон Д. Евангельские мифы. М., 1923.
20. Рутковская Л.М. Бронзовый котел из Ферганы. - Труды САГУ им. Ленина, вып. 18, Ташкент, 1956, с.41-46.
21. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.Л., Изд-во АН СССР, 1960, с.361.
22. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972, с.214.
23. Хужаназаров М. Наскальные изображения сцен танца из Сайхансая. ОНУ, 1988, № 5, с.60-62.
24. Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжахента и Каракиятая. Самарканд., 1995.
25. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

К СТРАТИГРАФИИ ГОРОДИЩА КОКТЕПА.

М.Исамитдинов, К.Рапен.

В Самаркандском Союзе изучение эпохи культуры лепной расписной керамики было всегда актуальным. Это было связано, в основном, с отсутствием крупных городищ или поселений со слоями этого периода.

Что касается самого Афрасиаба, то наличие здесь древних слоев не вызывает сомнений. В разные годы на территории городища были собраны каменные орудия, относящиеся к эпохе палеолита, что свидетельствует о том, что где-то на самом Афрасиабе или его округе находились стоянки первобытных племен, откуда селевыми потоками, или в результате земляных работ в поздние культурные слои попали орудия труда первобытных людей (Ташкенбаев, 1974, с. 25-27).

На берегу Сиаба Н.А.Аванесовой обнаружено погребение андроновского скотоводческого населения эпохи бронзы (Аванесова, 1991, рис. 43, 77; рис. 47,1; рис. 52, 58; рис. 60, 2-3). Однако на самом Афрасиабе следы земледельческого населения прослеживаются где-то с VIII в. до н.э. Эти племена оставили оборонительный вал, поднятый из глины методом ломбоз. Следует напомнить и о наличии двухметрового слоя, образованного с внутренней стороны городища, вдоль оборонительного вала (Туребеков, 1990, рис. 22). В этом слое обнаружены сосуды баночной формы, среди которых находились и лепные расписные (Туребеков, 1990, рис. 25, 1).

Кроме этого, на территории Самаркандского Союда следы культуры лепной расписной керамики выявлены на поверхности мезолитических и неолитических памятников в районе Сазаганских гор (Джурракулов, Аванесова, 1984, с. 32-40).

Вместе с тем, до недавнего времени здесь не были известны поселения или городища со

слоями культуры лепной расписной керамики, а также комплексы переходного периода от культуры лепной расписной керамики к комплексам ахеменидского периода. Положение изменилось после обнаружения городища Коктепа, расположенного в 5 км юго-восточнее г.Челека. Оно простирается между селения Шамот и Чандыр, на поверхности естественных холмов правой верхней террасы канала Булунгур.

Городище состоит из двух частей. Внутреннее городище имеет неправильную форму близкую к квадрату, площадь которого составляет около 23 га (рис. 1). Оно окружено отдельной оборонительной стеной, в которой видны места древних ворот в виде седловин. Ворота имелись посередине каждой стены. В частности, южная стена имеет в центре широкую седловину и мы считаем, что здесь

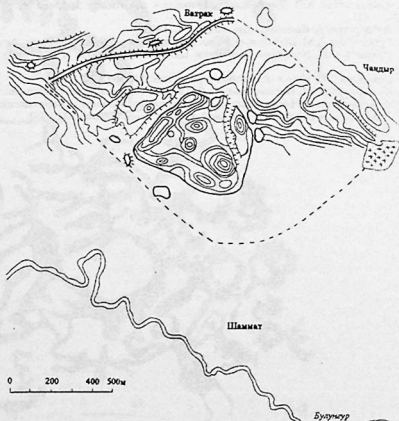

Рис. 1. Общий план городища Коктепа. Пунктирной линией показана примерная линия внешней крепостной стены.

располагались центральные ворота. Отсюда можно было попасть к основному зданию, расположенному в центре города. Судя по микрорельефу, в южной стене имелось двое боковых небольших ворот (рис. 2). В южной, восточной и северной стенах также сохранились помимо центральных и боковых ворота. Видимо, они были рассчитаны для пешеходов. Только западная стена городища имела одни ворота.

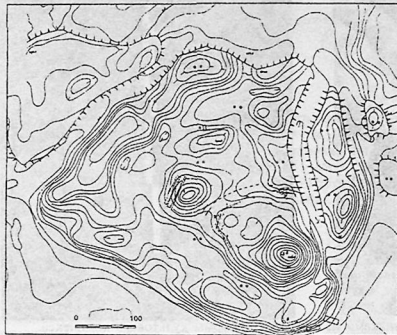

Рис.2. Общий план внутреннего города городища Коктепа.

В северной стене, кроме основных центральных ворот, оформленных боковыми башнями, имелось место, где пролегал акведук для пропуска воды в город. В рельефе внутреннего городища четко выделяются два крупных холма. Один из них расположен в центре городища и раньше, видимо, имел размеры 70х70 м. В настоящее время холм почти на 80 % разрушен. Однако, на старой топографической карте этот холм хорошо виден в виде квадрата со скругленными углами. В рельефе между южными воротами и центральным холмом отсутствуют какие-либо сооружения, видимо, к нему постепенно и плавно поднимается пандусный подъем.

Второй большой холм на территории внутреннего городища - это тепа с вышкой (рис. 2), размерами около 200х100 м, которая сильно выступает с восточной стороны. Она имеет прямоугольную форму размерами 100х80 м, и высотой более 10 м, к которой с запада примыкает площадка приблизительно равная площади самой вышки. Сама площадка была не очень велика и возвышалась над

окружающей местностью на 2-3 м. На аэрофотосъемке, снятой еще в 70-е годы, видно два достаточно четких квадрата. Один из них в центре городища примыкает к центральному холму, а второй - к резиденции правителя. Эти два сооружения напоминают расположение наиболее поздних парных храмов на территории Согда (Еркурган и Пенджикент). Кроме двух вышеотмеченных холмов, прослеживаются сплошные плоские вытянутые холмы, которые лучше прослеживаются возле оборонительной стены. Это видимо, остатки жилых построек.

За пределами оборонительной стены, с западной стороны, за рвом находится примыкающий к нему плоский холм, треугольной формы. В настоящее время он полностью сnivelирован. Два небольших отдельно стоящих овальных холма имеются и в восточной части городища. Они сильно разрушены во время вспашек.

На расстоянии 500 м на северо-запад от первой стены проходит вторая оборонительная стена, сохранившаяся более чем на 1000 м. Небольшой кусок этой стены обозначен и на старой топографической карте с восточной стороны. На аэрофотосъемке видны отдельно

стоящие холмы и с южной стороны городища. Учитывая все вышеотмеченное, мы восстановили приблизительный контур внешней стены городища (рис. 1) По нашим подсчетам городище имело около 100 га площади. Однако, в пределах внешней стены городища отсутствовала плотная застройка. Здесь располагались отдельно стоящие холмы и большое пустое пространство.

В целях изучения стратиграфии памятника в 1993-1996 гг. произведены небольшие раскопки и зачистки на основных крупных объектах городища.

Раскоп 1 заложен на холме с квадратным основанием, размерами 70х70 м, расположенном в центре городища. В настоящее время холм значительно нарушен, особенно с восточной стороны. Центральная часть холма и часть западного склона оставались непотревоженными. Траншеи, оставленные трактором, тянутся по линии север-юг.

Зачистка разреза позволила выявить сплошную кладку кирпичей, выложенных небольшими вертикальными блоками. В плане каждый блок стены состоял из двух или трех рядов плоско-выпуклых кирпичей, между

которыми встречаются и прямоугольные кирпичи (рис. 3). Формат кирпичей: 46х24х7-8; 44х24х6-7; 60х23х7-6 см. На кирпичах имеются клейма, нанесенные пальцами в виде

нуля, иногда дополнительного продольной прочерченной поверху линией (рис. 3). Есть клейма Ф-образной формы.

Рис. 3. Коктепа. Кирпичи со знаками из кладки платформы культового комплекса.

В отличие от Коктепа, на Афрасиабе клейма более разнообразны, и среди них преобладают в виде цифры «8».

Общая сохранившаяся высота кладки на раскопе 1 превышает 2 м. В юго-восточной части стены при зачистке обнаружена ровная поверхность, которая, видимо, являлась основанием кирпичной платформы. Прослежено около 2 м кв. площади. На ней обнаружено несколько костей от пальцев рук человека и мелкие фрагменты сосуда, возможно, оссуария.

Небольшой шурф заложен и с внутренней стороны холма, где на верху прослежена платформа из плоско-выпуклых кирпичей, а внизу - пол в виде сильно обожженной земли. С уровня пола была опущена целая и совершенно пустая яма, а внизу шла серовато-зеленая, насыщенная органикой и золой земля. Здесь обнаружен фрагмент каменного серпа (рис. 5, 1) и точильный камень (рис. 5, 2-3), а также очень много обломков сосудов лепной работы (рис. 6). Мощность слоев, насыщенных органикой, золой и лепной - расписной керамикой, составляет более 2 м.

Раскоп 2 заложен на двухъярусном холме в юго-восточном углу городища. Здесь при

нивелировочных работах задета техникой и повреждена западная площадка двухъярусного холма. В результате зачистки образовавшегося «разреза» в верхнем метровом слое выявлены остатки длинной стены (рис. 4). Крупное здание определяется единой планировкой и наличием над полом кладки из двух рядов кирпичей (рис. 4, 7-8).

Для выявления планиграфии и определения стратиграфии юго-западного конца разреза, раскоп был расширен до 10х7 м. В результате установлено, что ниже этого здания идут рыхлые зольно-гумусные слои, толщиной 2-2,5 м. Как видно по стратиграфии она повторяет ситуацию на раскопе 1. Однако, здесь в нижних слоях было выявлено два уровня строительного горизонта.

Самый нижний уровень представлен в виде небольших жилищ типа полуземлянок, вырытых в материке (рис. 4, 1-3). На площади около 10х7 м, выявлено три полуземлянки, и задета четвертая. Полуземлянки полуовальной формы, длиной около 3 м и шириной около 2 м. В полуземлянке № 2 в северном конце выделяется круглый отсек диаметром 1,5 м. Полы полуземлянок ровные, выявлены они на глубине 2,8 м. Нижний припольный слой

полужемлянки толщиной около 30-35 см, был

заполнен рыхлыми слоями, смешанными с

631.

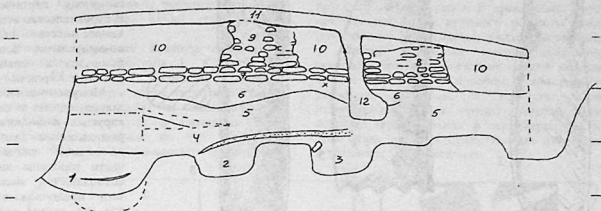

Рис.4. Разрез основного стратиграфического раскопа, заложенного в юго-западном углу резиденции правителя (Р-2) городища Коктепа. 1-3 полуземлянки; 4-6 рыхлые, серовато-зеленые наслоения; 7-9 кладка здания (резиденции правителя) из плоско-выпуклых кирпичей; 10 - заполнение помещений; 11 - слои раннеэллинистического времени; 12 - средневековая могила; крестом обозначено место взятия образца для радиоуглеродного определения даты

зеленовато-серыми по цвету органическими остатками. Верхние слои ямы более глинистые, чем нижние. На полу полуземлянки никаких существенных находок не обнаружено. В заполнении имелись фрагменты керамики, кости животных, точило, зернотерки и другие каменные орудия. Среди важных находок надо отметить куски шлаков от керамических печей, которые не были известны в синхронных слоях других объектов древнего Согда, Чача и Ферганы.

Процесс заполнения полуземлянок со шлаком шел одинаково. Кроме того, в заполнении найдены фрагменты лепных сосудов, каменных зернотерок, костей животных и т.д. Заполнение полуземлянок перекрыто большим кострищем, от которого осталась зола черного цвета, толщиной более 10-15см, распространяющаяся по верху полуземлянок 1, 2 и 3. Характер золы напоминает остатки сгоревшей кошмы. Только от шерсти могла остаться такая жирная и мягкая зола.

Мы назвали вскрытые помещения «полуземлянками» условно, т.к. они вполне могут оказаться обыкновенными хозяйственными ямами внутри жилого комплекса. Для того, чтобы выявить это необходимы дополнительные раскопки на этом объекте.

Судя по следам кострища, заполнение полуземлянок чистое и не смешано с более поздними или ранними слоями. Над поверхностью кострища фиксируются уже следующий слой обживания (рис. 4, 4-6). По структуре он аналогичен слоям в полуземлянках и относится ко второму этапу. Общая толщина

этого зольно-мусорного слоя превышает 100-120 см, в некоторых местах доходит до 150 см. В отличие от предыдущего слоя в них не обнаружено следов полуземлянок. Однако, остатки материальной культуры аналогичны нижним слоям, в основном, она представлена керамикой лепного производства, каменными орудиями, обломком серпа, зернотерками, точилами, костями животных и т.д.

Из верхней части вышеотмеченных слоев, и из под кирпичной кладки стены резиденции правителя взяты пробы для радиоуглеродного анализа (рис. 4, крест). Радиоуглеродный анализ, проведенный в Лаборатории Французского Национального Центра научных исследований дал дату пробы 2690 ± 50 лет. Поскольку эта проба была взята под фундаментом резиденции правителя, она дает дату строительства этого здания из плоско-выпуклых кирпичей и самую верхнюю дату нижних комплексов.

Характерной особенностью нижних слоев городища Коктепа является отсутствие остатков каких-либо монументальных построек из сырового кирпича или пахсы (рис. 4, слои 1-6). Прослежены только зольно-гумусные слои, остатки деревянных арматур, полуземлянки, каменные орудия, зернотерки и лепная расписная керамика.

Стратиграфия раскопов 1 и 2 городища Коктепа показывает, что на самом последнем этапе культуры лепной расписной керамики появляются крупные здания или культовые сооружения из плоско-выпуклых кирпичей.

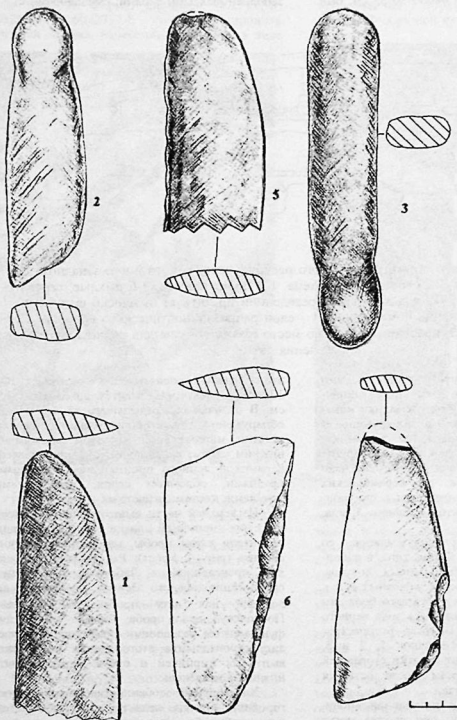

Рис.5. Каменные изделия из городища Коктепа. 1, 4-6 - каменные серповидные ножи; 2-3 точильные камни.

В результате исследования небольшими зондами этого объекта установлено, что он является остатками крупного здания, построенного одновременно по единой, продуманной планировке. Об этом говорит обводная стена, ооконтурившая все это здание, которое имеет общее сnivelированное основание, единый

уровень пола с фундаментом, состоящий из двух рядов плоско-выпуклых кирпичей. В строительстве этого здания вместе с плоско-выпуклыми использовали и прямоугольные кирпичи.

Монументальность здания, единая и двухъярусная планировка, расположение здания на самой высокой части городища дает возможность высказать предположение, что это здание является остатками резиденции правителя.

Кроме вышеотмеченных, в самом верхнем полуметровом слое городища прослеживаются комплексы периода Афр-II (рис. 4, сл. 11). В частности, слои этого времени были прослежены в замке правителя, т.е. в верхнем ярусе этого объекта, где зафиксированы стены здания, поднятого из квадратных кирпичей. К этому же времени относится и строительство внутренней оборонительной стены городища. На городище Коктепа стены эллинистического периода зафиксированы на двух объектах: на раскопе 6, расположенном в юго-восточном углу и на раскопе 7, расположенном в юго-восточном углу внутреннего городища. В обоих случаях стены были коридорно-галерейного типа и относились к эллинистическому периоду.

Кроме этой стены, городище было окружено второй, внешней стеной. Она зафиксирована на расстоянии 500 м к северо-западу от внутренней стены и тянется с севера на юг (рис. 10). Небольшой участок стены сохранился на старой топографической карте с восточной стороны. Предварительное

исследование одного из разрезов показало, что стена была сооружена из прямоугольных кирпичей, среди которых были и плоско-выпуклые. Поэтому можно предположить, что строительство внешней стены относится к VII-VI вв. до н.э.

Итак, на городище Коктепа выделяется три комплекса - Коктепа I, Коктепа II, Коктепа III. Коктепа I стратиграфически делится на два этапа: а) на городище самые ранние поселенцы живут в землянках или полужемлянках, вырытых в материке. Они занимались земледелием, на что указывает наличие большого количества зернотерок,

каменных серпов и точил. О занятии населения скотоводством свидетельствует и большое количество костей мелкого и крупного рогатого скота. В древнейших слоях преобладали кости крупного рогатого скота (определение А.Батирова), свидетельствующее о занятии населения именно домашним скотоводством. Керамические сосуды изготавливают лепным способом, поверхность украшают росписью. В хозяйстве часто используют каменные орудия - серпы, ножи, лошिला, терки, точила и зернотерки, б) на этом этапе никаких существенных изменений в хозяйстве не происходит.

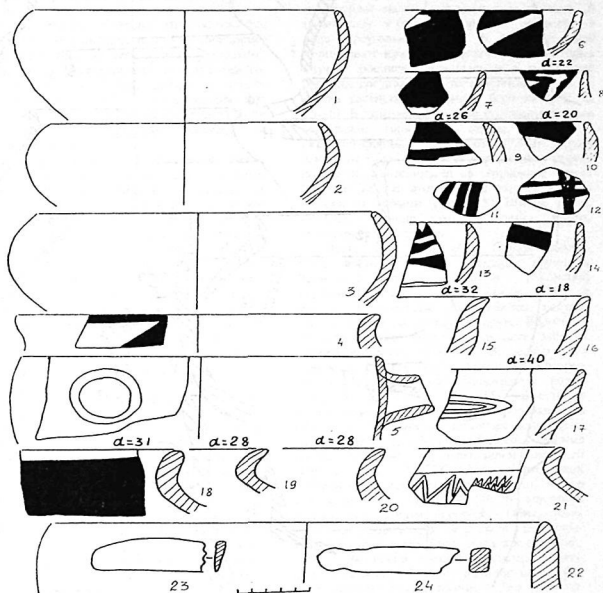

Рис.6. Керамика (1-22), каменный серп и точила (23-24) из золисто-рыхлых слоев шурфа заложенного под платформой раскопа I (культового комплекса) городища Коктепа (комплекс Коктепа-I).

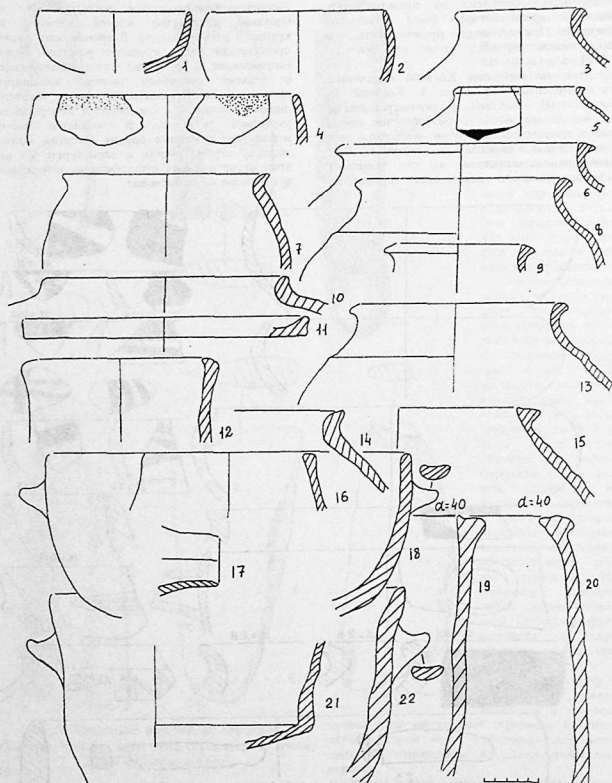

Рис.7. Керамика из заполнения резиденции правителя (Р-3) городища Коктепа (комплекс Коктепа-II).

2. В периоде Коктепа II, в ходе урбанизационного процесса, наблюдаются существенные изменения. Появляются

монументальные сооружения - культовый комплекс, (кладку из плоско-выпуклых кирпичей мы считаем платформой под

культавый комплекс, расположенный в центре внутреннего городища).

В это время, рядом появляется другое крупное здание - резиденция правителя. В архитектуре используются плоско-выпуклые кирпичи, вместе с прямоугольниками. Этот период соответствует как доахеменидскому, так и ахеменидскому времени. Конкретно, сооружение резиденции правителя относится, скорее всего, к началу VII в. до н.э., которое продолжало функционировать и в ахеменидском периоде, т.к. в кладке находилось много и прямоугольных кирпичей. Среди керамических материалов редко, в единичных случаях, встречались и цилиндрико-конические сосуды.

3. В период Коктепа III сооружается внутренняя оборонительная стена коридорно-галерейного типа из стандартных квадратных кирпичей, соответствующих раннеэллинистическому времени. Зафиксировано и строительство новых зданий в замке правителя. Вот такая общая стратегическая ситуация была прослежена на городище Коктепа к сегодняшнему дню.

В период Коктепа I мы имеем четко определенное поселение с типичными жилыми комплексами, аналогичными землянкам и полужульямкам бургулюкской культуры Ташкентского оазиса и чустской культуры Ферганской долины. По типу жилищ, имеются близкие аналогии с нижними слоями поселения Шаштепа в Ташкенте, где на площади 84 кв. м раскопано несколько углубленных в лёсс жилищ полужульямочного типа с очагами и находками бытового характера: зерноотерки, терочниками и лепной керамикой (Филанович, Дук, 1990, с. 39-49). Подобные землянки и полужульямки характерны и для туягузских поселений бургулюкской культуры (Дук, 1982, 94 с.). Схожие с нашими полужульямки с ямами выявлены в культурных напластованиях Чиракчинского поселения, хотя там больших ям не обнаружено. Все расчищенные на Чиракчинском поселении 12 ям Х.Дук причисляет к хозяйственным, в которых хранили зерно и другие сельскохозяйственные продукты (Дук, 1982 а, с. 19-29).

Как отмечалось выше, для периода Коктепа I является характерным отсутствие остатков монументальных сооружений. Это и является одним из характерных признаков всех памятников чустской культуры. На Ошском поселении обнаружены типичные жилища чустской культуры. Там впервые в условиях Средней Азии выявлены жилые комплексы, расположенные на террасах склонов гор (Заднепровский, 1981, с. 91-94; его же, 1984, с. 54-59). На этом памятнике, кроме керамики чустской культуры, найдены

каменные поделки, массивная овальная ступка и, самое важное, обломок каменного серпа - один из предметов, характерных для чустской культуры. Имелись также зерноотерки, отбойники и т.д. (Заднепровский, 1981, с. 91-94).

В период Коктепа I, в основном, выпускается лепная и расписная керамика. Характерный комплекс этого периода получен из нижних слоев раскопа I (рис. 6). Набор типов сосудов скуден и состоит из нескольких ведущих форм. Это полусферические чаши с округлым бортиком (рис. 6, 1-3, 9-10), некоторые из которых расписаны (рис. 6, 6-14). В росписи преобладали небрежно нанесенные мазки, иногда в виде потеков. В небольшом количестве имелся орнамент в виде треугольников (рис. 6, 4), нанесенный коричнево-красной краской. В некоторых случаях роспись наносилась и с внутренней стороны сосудов. Есть толстенные чаши со слегка выпуклым профилем бортика (рис. 6, 15-16). В комплексе больше половины сосудов составляли горшки и котлы. Горшки - округлой формы со слегка отогнутыми наружу венчиком (рис. 6, 4, 21), украшенные иногда полосами, нанесенными на горловине сосуда (рис. 6, 18). В этот период выпускаются и горшки со сливами (рис. 6, 5). Вместе с тем, имелись большие хумы и хумчи, котлы, цилиндрической формы.

Итак, на территории Самаркандского Согда впервые получен комплекс керамики периода культуры лепной расписной керамики. В период Коктепа II в массовом количестве выпускаются сосуды, изготовленные на гончарном круге. Видимо, в это время заново возрождается давно забытая сапалитепинская традиция. Во-первых, это тонкостенные горшки и кувшины, которые имели слегка округлую, шаровидную форму (рис. 6, 5, 6, 8, 13, 15). Вместе с вышеотмеченными сосудами распространяются отдельные фрагменты цилиндрико-конических сосудов (рис. 7, 19-21), появляются лепные котлы, ставшие в дальнейшем ведущей формой (рис. 7, 18, 22). Характерной особенностью комплекса является то, что в это время еще около 40-50 % керамики выпускается лепным способом. Обнаружены чаши со сферическим бортиком, но среди этой керамики встречались и расписные (рис. 7, 4-5). Возможно, расписные сосуды в этот слой попали случайно, но наличие около 40-50 % лепных сосудов налицо и это является характерной чертой комплекса переходного периода от культуры лепной расписной керамики к так называемому ахеменидскому комплексу.

Характерной особенностью комплексов является наличие лепной керамики, в то же

время, наблюдается увеличение числа сосудов, изготовленных на гончарном круге. Вместе с тем, по мере движения с юго-запада на север и северо-восток число сосудов, изготовленных лепным способом увеличивается. В частности, в комплексе Яз II почти вся керамика изготовляется на гончарном круге (Массон, 1959, с. 39), в то же время, в комплексе Бандыхантепа II лепная керамика составляет около 20 % (Ртвеладзе, 1976, с. 97-99).

Исследователи Кучуктепа попытались получить более дробные комплексы и в пределах только древнебактрийского времени выделили три этапа развития: ранний, развитый и поздний. Для раннего периода характерно сочетание гончарной керамики с лепной, а на его позднем этапе преобладает гончарная керамика, а вместо клювовидных венчиков появляется керамика с манжовидными венчиками (Аскаров, Рахманов, Аминов, 1978, с. 55).

На городище Кызылтапа II, также как и на других объектах, вместе с клювовидными венчиками, датируемые 700-550 гг. до н.э., и наряду с лепной расписной керамикой обнаружен сосуд станковой работы с росписью (Сигдуллаев, 1979, с. 13; он же, 1987, рис. 24).

Как шел этот процесс на территории Согда? Продолжается ли общий процесс перехода от одной культуры к другой одинаково в двух историко-культурных областях - в Согде и Бактрии?

Как известно, такие же комплексы переходного периода нами были выделены на городище Еркурган (Исамиддинов, 1982, с. 60-77, рис. 5; Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 26-30, рис. 15, рис. 21). Синхронные, но смешанные комплексы получены и на территории Самаркандского Согда (Бурякова, 1981, с. 3-22; Туребеков, 1991, с. 44-56).

В отличие от памятников Бактрии и, тем более, Маргианы, в Согде в комплексах переходного периода число лепных сосудов значительно выше и составляет около 50 % от общего количества.

Однако, во всех ли памятниках Согда этот процесс шел одинаково? Где проходит северная и северо-восточная границы распространения комплексов керамики баночной формы?

В частности, на городище Коктепа культура лепной расписной керамики не заменяется целиком керамикой баночной формы, а такая керамика появляется в ограниченном количестве. В течение нескольких раскопанных сезонов на раскопе 2 городища Коктепа была встречена керамика баночной формы. Здесь еще наблюдается продолжение старой традиции. Вместе с тем, появляются новые формы городской гончарной керамики. Видимо мы улавливаем

северную границу распространения керамики баночной формы, т.е. на городище Коктепа такая керамика не была широко распространена.

Почти аналогичную картину наблюдал М.Х.Хасанов на стратиграфическом раскопе, заложенном на городище Сангиртепа в Китабском районе Кашкадарьинской области. Там тоже культура лепной расписной керамики заменяется культурой значительно отличающейся от так называемого ахеменидского комплекса.

Наши предварительные наблюдения над стратиграфией отдельных памятников, в частности, Коктепа, Афрасиаб, Лайлакутепа и Сангиртепа показывают, что на территории Согда распространение комплексов типа Яз-II. Кучук-II, Кызыл - II шло неравномерно. Видимо, носители культуры древней Маргианы и Бактрии на территории Согда располагались в отдельных населенных пунктах и их северная и северо-восточная границы распространения в середине I тыс. до н.э. проходила по реке Зарафшан.

На территории древней Уструшаны уже давно ведутся как стратиграфические, так и разведочные работы, однако нигде на этой территории не было зафиксировано наличие керамики баночной формы (Грицина, 1990а, с. 39-40; он же, 1990б, с. 24; он же, 1992, с. 68).

Вместе с тем, материальная культура древней Уструшаны, которая являлась частью Согда мало отличается от согдийской. На городище Нуртепа зафиксировано наличие полужемлянок, вырытых в материке, наличие в большом количестве лепной керамики. Керамические комплексы близки к керамике Коктепа II.

Немаловажное значение имеет здесь то, что преобладающее большинство исследователей связывают зону распространения керамики баночной формы с территорией ахеменидской империи. Если это так, то самая северная и северо-восточная граница этой империи должна была доходить до Кирополя, отожествленного с территорией современного Ура-Тюбе или Нуртепа (Грицина, 1992, с. 67-70) Ленинабадской области Таджикистана. Однако в этих краях совершенно отсутствует керамика баночной формы.

Отсутствует такая керамика и на городище Нуртепа. Сильно отличается также керамика самого Ахеменидского Ирана, особенно территория Западного Ирана. Центром керамики баночной формы была территория Бактрии и Маргианы.

Какова причина различия культуры в пределах одного региона? Изучая антропологические материалы II - середины I тыс. до н.э. М.Дж.Джуракулов и Т.К.Ходжайов считают, что «граница между северными и

южными европеоидами проходила по
Зарафшанской долине» (Джуракулов,

Ходжайов, 1987, с. 19).

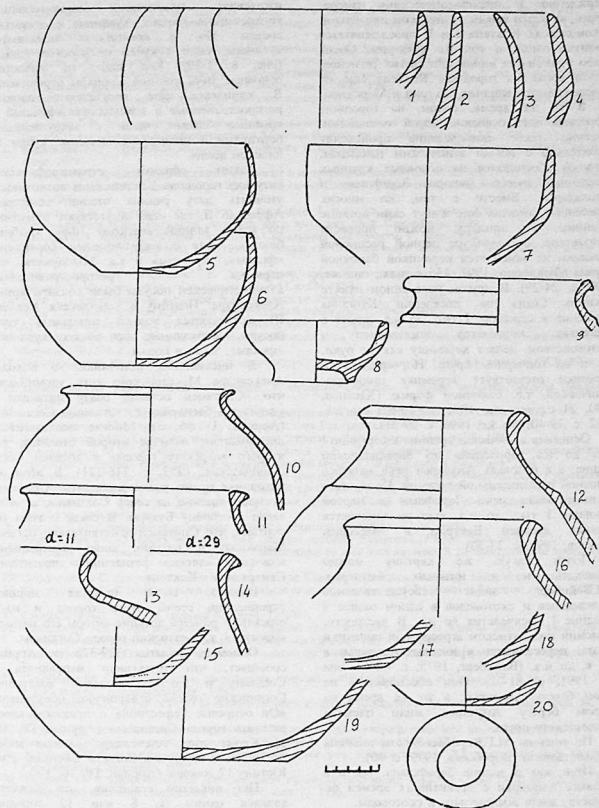

Рис. 8. Керамический комплекс из верхних слоев раскопа 2 городища Коктепа (комплекс Коктепа III).

Результаты антропологических измерений подтверждаются археологическими материалами. Различие в материальной культуре, подтвержденное и антропологическими измерениями, является явным этническим признаком, в комплексах Коктепа I и II прослеживается развитие одной и той же культуры. Очень слабо отмечаются инновации других регионов. В это время на городище Коктепа еще не прослеживается влияние Бактрии и Маргианы.

В то же время, рядом, на городище Афрасиаб идет освоение новой технологии. Конечно такое нововведение происходит обязательно с новым этническим наплывом, который обосновался на основных крупных населенных пунктах долины Зарафшана и Кашкадары. Вместе с тем, во многих населенных пунктах еще живут сами древние согдийцы. К примеру, можно привести Сангиртепа, где культура лепной расписной керамики не заменяется керамикой баночной формы (Лушпенко, 1997, 155 с. илл.; она же, 1990, с. 24-29). В другом населенном пункте Южного Согда на поселении Курганча население в середине I тыс. до н.э. живет в землянках, занимается земледелием и скотоводством, делает керамику как от руки, так и на гончарном круте. Но, среди этой керамики отсутствует керамика цилиндрико-конической, т.е. баночной формы (Хасанов, 1990, 21 с.; его же, 1991, с. 56-62; его же, 1992, с. 39-40; его же, 1996, с. 29-31).

Основная этническая граница в середине I тыс. до н.э. проходила по Зарафшанской долине, а в низовьях Амударьи река являлась основной разделительной полосой. Из-за этого и в низовьях реки Зарафшан в первой половине I тыс. до н.э. еще не замечается влияния древней Бактрии и Маргианы (Адылов, 1998, с. 23-30).

Почти такую же картину можно наблюдать и в низовьях Амударьи. Б.И.Вайнберг видит сосуществование земледельцев и скотоводов в одном оазисе в середине I тысячелетия до н.э. В частности, хорасми под натиском агрессивной политики Мидии переселились в низовья Амударьи в VII в. до н.э. (Вайнберг, 1975, с. 42-47; она же, 1991, с. 81-82). Они обосновались на левом берегу Амударьи, в то же время на правом берегу Амударьи жили племена массагетского круга.

По мнению М.Г.Воробьевой эти племена сосуществовали (Воробьева, 1979, с. 40).

Итак, как в долине Зарафшана, так и в низовьях Амударьи с древнейших времен по соседству жили земледельцы и скотоводы.

В период Коктепа III уже начинается сильное влияние эллинистической культуры, совершенно исчезают сосуды комплексов

Коктепа I и II. Вместе с тем, в это время появляются сосуды, изготовленные на новом гончарном круте, давшем возможность изготавливать пластически выразительные, тонкостенные горшки, кувшины и открытые сосуды. Но, в комплексах появляются кувшины, чаши и кубки на плоских донцах (рис. 8, 1-20). Как видно из описания, основные типы сосудов слишком ограничены. В комплексах еще отсутствуют широко распространенные в комплексах Афрасиаб II «рыбные блюда», чаши с закругленными бортиками и цилиндрико-конические кубки на плоском донце.

Таким образом, стратиграфическая ситуация городища Коктепа дает возможность уточнить дату ранних этапов комплекса Афрасиаб II, где еще отсутствуют известные по всему эллинистическому миру «рыбные блюда», чаши с закругленными бортиками, «фиалы», «кратеры» и т.д. Мы думаем, что первыми распространителями эллинистической посуды были солдаты армии Александра. Поэтому в комплексах Коктепа III встречаются только отдельные типы посуды, необходимые для солдат: кувшины, «фиалы», чаши и котлы.

В письменных источниках о походах Александра Македонского есть упоминание, что «Спитамен оставил осаду цитадели и удалился в базилию (т.е. столицу) Согдианы» (Арриан, IV, 5, 3). Многие исследователи предполагают наличие второй столицы, т.е. второго «царского города» в древнем Согде (Мончадская, 1959, с. 116-121). В этом же источнике прямо указывается, что Спитамен отступил именно на север Согдианы, а не на запад на сторону Бухары. В связи с этим мы считаем, что Спитамен действительно оставил Мараканду и, видимо, занял укрепленную, возможно, «летнюю резиденцию» правителей Самарканда - Коктепа.

Видимо, из-за наличия мощной укрепленной стены этого города и из-за огромного размера древние авторы его называли «басилей», т.е. «царский город» Согдианы.

Описывая события 329-328 гг. Арриан сообщает, что Александр направился в Согдиану и жестоко подавил восстание. Согдийские города совершенно обезлюди. «Он отправил Гегестина с приказом вновь заселить города Согдианы» (Арриан, IV, 16, 3). Кроме того, Александр приказал вновь построить 8 городов в Согде и Бактрии, а по Юстину 12 городов (Арриан, IV, 16, 3-4).

Нет никакого сомнения, что Коктепа являлся одним из 8 или 12 городов, построенных по приказу самого Александра. Именно к этому периоду и относятся внутренняя стена и верхние слои Коктепа III.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Т., Фан, 1991.
2. Аддолов Ш.Т. Истоки и возникновение цивилизации и государственности в Западном Согаде. ОНУ, № 4-5, Т., 1998.
3. Арриан. Поход Александра. Перевод М.Е.Сергеевко. М.-Л., Наука, 1962.
4. Аскаров А.А., Рахманов У., Амлюнов В. Новые данные о поселении Кучуктепа. ОНУ, № 11, 1978.
5. Бурякова Э.Ю. Поселение Лолазор - предшественник города на Афрасиабе. В кн. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Т., Фан, 1981.
6. Вайнберг Б.И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыккмышской дельте Амударьи // УСА, вып. 3, 1975.
7. Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыккмышской дельты Амударьи в 70-х - 80-х годах. В сб. Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М., 1991.
8. Воробьева М.Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. 1979.
9. Грицина А.А. Древнеуструшанский компонент в интеграции согдийской культуры // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согада. ТД советско-французского коллоквиума. Т., Фан, 1990 а.
10. Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тыс. до н.э. - начале XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканда, 1990.
11. Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. Т., Фан, 1992.
12. Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Новые данные по Сазаганскому поселению // ИМКУ, вып. 19, Т., Фан, 1984.
13. Джуракулов М.Д., Ходжайов Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. Учебное пособие. - Самарканда, изд-во СамГУ, 1987.
14. Духе Х.И. Бургулюкская культура. В кн. Древности Туябугуза. Т., Фан, 1978.
15. Духе Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Т., Фан, 1982.
16. Духе Х.И. Чиракчинское поселение // ИМКУ, вып. 17, Т., Фан, 1982 а.
17. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение бронзового века // Известия Академии Наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1981, № 2.
18. Заднепровский Ю.А. Ошский оазис в древности // Известия Академии Наук Киргизской ССР, 1984, № 2.
19. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, «Мурас», 1997.
20. Исамидинов М.Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане // СА, М., 1978, № 3.
21. Исамидинов М.Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // ИМКУ, вып. 17, Т., 1982.
22. Исамидинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Т., 1984.
23. Исамидинов М.Х., Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Тезисы конференции, посвященной 60-летию Ю.Ф.Бурякова. Самарканда, 1994.
24. Лушпенко О.Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология юга Средней Азии (К проблеме истории культуры). Т., 1990.
25. Лушпенко О.Н. Культура раннежелезного века Южного Согада (по материалам памятников Китаба-Яккабага). Автореф. канд. ист. наук. Т., 1997.
26. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, 73, М., 1959.
27. Мончадская Е.А. О «царском городе» или «второй столице» Согдианы // ВДИ, 1959, № 2.
28. Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. В сб. Бактрийские древности. Л., 1976.
29. Сагдуллаев А.С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии. Автореф. канд. ист. наук. Л., 1978.
30. Сагдуллаев А.С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // СА, 1985, № 4.
31. Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Т., 1987.
32. Сагдуллаев А.С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. доктора ист. наук. М., 1989.
33. Ташкенбаев Н.Х. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб. Сб. Афрасиаб-III, Т., 1974.
34. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согада (VII-VI вв. до н.э. - VII в. н.э.) Изд-во «Каракалпакстан», 1990.
35. Филинович М.И., Духе Х.И. О древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ, вып. 24, Т., 1990.
36. Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согада. Автореф. канд. ист. наук. Самарканда, 1990.
37. Хасанов М. Лепная керамика поселения Курганча // ИМКУ, вып. 25, Т., 1991.
38. Хасанов М. О жилищах раннеантичного времени юга Узбекистана // ТД конф. молодых ученых Узбекистана. Самарканда, 1992.
39. Хасанов М. К характеристике материальной культуры поселений южного Согада IV-III вв. до н.э. (по материалам поселения Курганча) // ИМКУ, вып. 27, 1996.

RESEARCH AT KARNAB, UZBEKISTAN

PRELIMINARY NOTES FROM THE 1997 CAMPAIGN

by K. Alimov, N. Boroffka, Ju. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Ruzanov, T. Shirinov and G. Weisgerber

The geographic position of Karnab, Region Samarkand, Uzbekistan¹, is N 39° 50. E 65° 30 (fig. 1). In the centre of the locality, just a few kilometres from a tin ore deposit to the northeast, lies a tell of ca. 120 m diameter, the edges of which have been destroyed by erosion and modern building activity. No archaeological research has been done previously on the tell, while the tin deposit has been prospected since the 1940's, including some investigation of the old mines².

Archaeological work

In order to establish the stratigraphy of the tell settlement and its relationship to the tin deposit, two sections were excavated (S I and S II)³. S I lies on the northern edge of the tell, in the area of

a still visible fortification wall, is orientated north-south and has a surface area of 5.00 x 4.00 m. The depth attained in 1997 was maximally 4.80 m, but sterile soil was not reached. S II, in the form of the letter L, was

placed on the eastern edge of the tell, at a place where a modern path had cut into the tell. The north-south arm, along the tell edge, was 8.00 x 4.00 m, while the east-west part, towards the interior of the tell was 4.00 x 1.80 m large. The maximum depth reached was 4.30 m and ended on limestone.

In S I the top complexes consist of several pits datable to the 11th-12th century A.D. They had been dug into leveling layers that overlie

Fig. 1. Tin mining areas in Central Asia. 1 Karnab, 2 Lapas, 3 Changali, 4 Makiston.

¹ In order to study the geological situation, possible prehistoric tin mining and connected archaeological remains the research project "Prehistoric tin exploitation in Central Asia" is conducted by the German Archaeological Institute, Eurasia-Department, Berlin (H. Parzinger, N. Boroffka), the Institute for Archaeometallurgy of the Mining-Academy, Freiberg (E. Pernicka, J. Lutz), the Institute of Mining Archaeology of the German Mining Museum, Bochum (G. Weisgerber, J. Cierny) in collaboration with the Archaeological Institute of the Uzbek Academy of Science, Samarkand (T. Shirinov, Ju. Burjakov, V. Ruzanov) and its Tashkent branch (K. Alimov) and the Institute for Archaeology, History and Ethnography of the Tajik Academy of Science, Dushanbe (J. Jakubov, M. Buhnova, V. Radililovsky). The project is financed by the Volkswagen Foundation, to whom we are very grateful for the support. The present article presents some preliminary results of the 1997 campaign in Karnab, Uzbekistan. For more information on the project and first results see Alimov et al. 1998 and Parzinger 1998.

² Литвинский 1950, 57-62 fig. 1.1,3; 3-6; Литвинский 1954, 20-21 fig. 8-12; Литвинский 1962, 175-176. The tell was considered, by Litvinsky, as possible settlement related to the tin mining. Some presumed Bronze Age pottery was found in the mining region, but is not conclusive.

³ Besides the authors, T. Gylstark, S. Reinhold and V. Nabokov took part in the excavations.

the fortification wall. This was built of pounded mud and mud brick with two rows of slots. On the inside of the fortification, built onto it, a 0.60-0.70 m thick mud brick wall with three phases was found. At a distance of 2.20 m a second, parallel wall of similar construction was uncovered, so that an interior corridor was formed. In this corridor floors corresponding to the three building phases could be identified. Perpendicular to the fortification a pounded mud wall of 0.50-0.70 m thickness, again with three phases, had closed off the corridor. The street formed in this way had not been paved in any phase and was filled with debris. The oldest floor belonging to the first construction of the fortification, showed burnt areas. Under the oldest fortification phase leveling layers of 0.80

m thickness were found, covering other wall remains, which will be excavated in the future.

In S II the excavated stratigraphy began only at a depth of 3.50 m under the actual surface of the tell, due to an erosion step. Here a package of up to 2 m thickness with uniform debris from a fallen mud brick wall was unearthed. Underneath this four layers without architecture were found, which contained large amounts of pottery. They rise towards the tells interior and probably represent erosion strata from a time, when the settled area was smaller than before. In any case these layers seal the oldest identified architecture in S II.

The latest building remains consisted of two rooms in agglutinated construction, orientated north-south, with at least two phases. The walls, especially in their upper part, had been disturbed by later pits. The western wall, towards the edge of the tell, was of pounded mud and had an entrance for each room, which had been closed later (in phase 2) with mud bricks. The partitioning wall, running west-east, was made from mud brick with a plaster, that had been renewed at least six times. The southern wall was constructed of alternating layers of mud brick and pounded mud. Two floor levels, each with renewals, were uncovered in each room. In

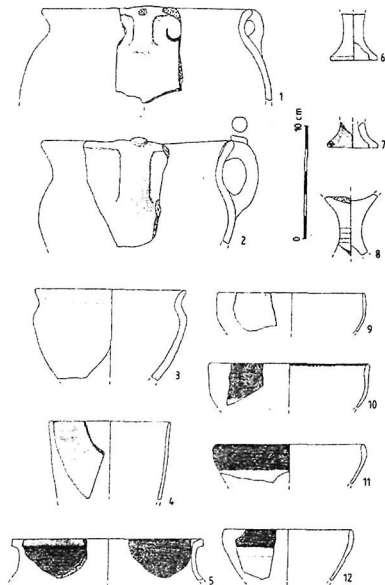

Fig. 2. Karnab, Tell. Pottery finds. 1-3: 5-8. century A.D.; 4-12: 1. century B.C.-4. century A.D.

the later phase of this building there was a fireplace only in the southern room, which also had a mud brick platform of 20 cm height along the partition wall. In the older phase a fireplace, with isolated mud bricks around it, lay in the northern room. Nearby a handmill and several spindle-whorls were found. A second handmill was found in the north-eastern corner of the room. On the floors of both rooms several complete pots had been crushed by earth pressure. The southern room did not have a fireplace in the older phase.

their floors directly on the latter. They lay in one row, orientated NNW-SSE, thus slightly different from the later plan. At the northern end one pit house had two carefully plastered floors. Under the later floor two front legs (with shoulderblades) of a young ovi-caprid were found in anatomical coherence. Underneath the older floor several long bones and phalangeae had been packed into a shallow pit. In the south-western corner of the house a stone block with a central hollow was found. Approximately 1 m to the south and slightly to the east, the entire

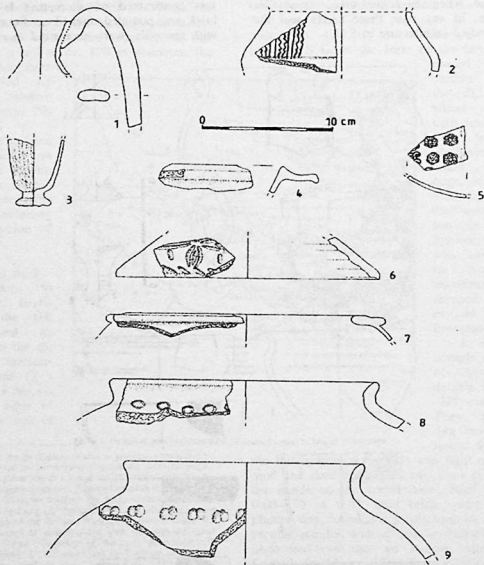

Fig. 3. Karnab, Tell. Pottery finds. 1-7: 9.-12. century A.D.; 8-9: 5.-8. century A.D.

The oldest architectural remains, immediately below the above described building, are represented by three excavated pit houses, dug into the erosion layer of the limestone, with

western half and southern side of a second pit house were uncovered, whose dimensions were ca. 2.50 x 4.00 m. In the western half of the southern wall a platform of mud brick had been

build, behind which the wall had a semicircular niche containing ash. To the east of the platform a second stone block with central hollow was discovered. The third pit house again lay ca. 1 m south of the second and was excavated only on its northern side.

Pottery makes up the majority of the finds. Stratigraphically the oldest is the material from the pit houses in S II. There are only a few sherds amongst which open bowls and pots with sharp bends towards the base may be mentioned. The ware is almost exclusively wheel made and slipped. The material can probably be dated to the late Achaemenid or early Hellenistic period⁴.

The mud brick architecture in S II and the building of the fortification wall in S I may be associated with somewhat different ceramics. Open bowls or bowls with inward curved, sometimes thickened, rims (fig. 2, 9-12), stemmed cups (fig. 2, 4, 6-8) and pots with hammer-shaped rims in profile (fig. 2, 5) may be mentioned. All these are wheel made and of very fine quality. Occasionally the vessels have a red or black slip, which usually forms a band along the rim on the open bowls. Some hand made pottery, mainly voluminous pots, is present. The material may be dated to the 1st century B.C. - 4th century A.D.⁵.

In the erosion layers covering the brick architecture of S II and in the latest levels of the fortification in S I the hand made pottery reaches a relative presence of 90%, only 10% being wheel made. Two main forms are used: 1) voluminous pots with narrow neck and everted rim, which may have lug handles at the rim and can be decorated with red paint, circular or paired impressions and plastic appliances (ribs, lentils) (fig. 2, 1-2; 3, 8-9); 2) bowls with short carinated neck and everted rim (fig. 2, 3)⁶. Some wheel made jugs were probably imported from Erkurgan or the Karshi region⁷. We may also mention some smoke-stands⁸ and a clay

pintadera with an unpierced handle⁹. These strata may be dated to the 4th/5th - 8th century A.D.

Later periods (9th - 10th and 11th - 12th centuries) are represented only by material from the pits, dug from the present surface of the tell. No architectural remains may be connected to these, although they may have existed¹⁰. From this period we may mention jugs, often decorated with comb-incisions (fig. 3, 1-2), globular, thin walled pots (fig. 3, 7), large open bowls (fig. 3, 4), fragments of pilgrim-flasks with mould-pressed decoration (fig. 3, 5), relief-ornamented lids (fig. 3, 6) and a glass cup (fig. 3, 3)¹¹.

Karnab I	5 th (?) - 3 rd (?) century B.C.	S II, pit houses
Hiatus (?)		
Karnab II	1 st century B.C. - 4 th century A.D.	S I, fortification; S II, mud brick architecture
Karnab III	5 th - 8 th century A.D.	S I, last fortification stage (?) and layers covering this S II, erosion strata
Karnab IV	9 th - 12 th century A.D.	S I and S II, pits.

Summing up the present preliminary results, the tell in Karnab shows four principal settlement layers, which may be differentiated more finely after future work:

Geology of the tin deposit

The tin deposits of Karnab are part of a zone with tin mineralisations running northwest-southeast, which continues into the Serabulak mountains to the south east. The deposit was formed in the contact region of a granitic intrusion of Carbonic age to Devonian limestone¹². Due to the thermal influence of the granite, the limestones at the direct contact were metamorphosed to marble. The ore crops out only in the eastern part of the deposit and is covered by later Cretaceous sediments (conglomerates and clays) in the southwest and west. The part with ancient mining traces is approximately 1.5 km long in an east-west direction and roughly 0.5 km wide. The entire area has been intensely prospected since the 1940's.

Karnab is a typical example of a tin deposit connected genetically to granites. The tin is present as cassiterite (SnO₂), especially in quartz veins in the granite. The quartz veins with tin

⁴ Analogies are known from Afrasiab II (Кабанов 1973; Шишкина 1974), where they date to the 4th - 1st century B.C., Erkurgan (stage Ep III-IV) (Исламийинов/Сулейманов 1984), where they are dated approximately 500-100 B.C. and several other sites (Мухамеджанов et al. 1988; Пугаченкова 1989).

⁵ See Afrasiab (3rd - 4th century A.D.) (Кабанов 1973) and Erkurgan (stage Ep V and, better, VI - 2nd - 5th century A.D.) (Исламийинов/Сулейманов 1984) for the best analogies. Further examples may be found in Пугаченкова 1989. Similar forms remain in use up to the 8. century in Paikend (Мухамеджанов et al. 1988).

⁶ Most parallels are found in the developed Kaunchi stages: Ленин 1971; Исаков 1977; Мухамеджанов et al. 1988; Пугаченкова 1989.

⁷ The best parallels are found in Erkurgan (Ep VII): Исламийинов/Сулейманов 1984 and unpublished material in the Archaeological Institute Samarkand. The ware is identical to the material from Karnab.

⁸ See Исламийинов/Сулейманов 1977 for a complex of this date with similar smoke-stands.

⁹ These are fairly typical of Kaunchi II: Ленин 1971.

¹⁰ Villagers in Karnab have reported, that the tell surface was settled until the beginning of the 20th century, so that the top layers have probably been removed.

¹¹ See Немцева 1969; Кабанов 1973; Кабанов et al. 1974; Мухамеджанов et al. 1988 for analogies.

¹² Some general information on the geology of the Karnab region was provided by the geologist Achmedov Djura.

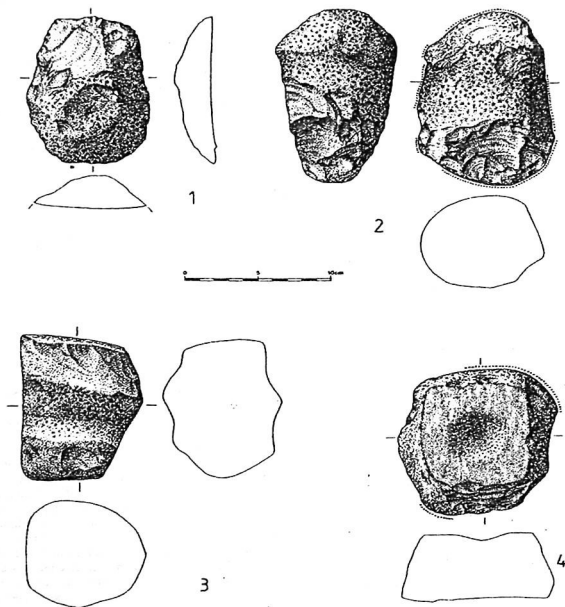

Fig. 4. Karnab, Mining area. Stone mining tools.

contents are concentrated at the edges of the granite intrusion, while veins further from the contact zone contain no tin. The thickness of the veins varies from a few centimeters to several meters, however the tin carrying veins rarely surpass a thickness of one meter. Large veins may sometimes be followed over several hundred meters. They dip, generally, over 70° and often appear in groups striking between E-W and NE-SW. During the formation of the deposit, the granite itself was altered, especially

in direct contact with the marble, but also along the edges of larger quartz veins. This alteration has changed the original mineral composition, mainly the feldspar and mica, by hydrothermal solutions. New minerals were formed, mainly kaolinite, but also sericite (fine muscovite) and microcline (alkalic feldspar). This process reduced the original hardness of the granite.

Besides these quartz veins tin enrichment was identified by the modern prospectings at the contact to the marble. These may be considered

as contact-metasomatically formed ores, where the more reactive carbonatic rocks were replaced by ore minerals. In ancient time this ore type does not seem to have been exploited, since no such ores were found in the region of the uncovered deposit during our field campaign.

The tin bearing veins consist mainly of quartz, however they do contain other minerals as well, amongst which we find plagioclase, microcline, tourmaline and calcite. The cassiterite is usually finely distributed, but often forms layers. Generally it is hardly visible by the unaided eye. The ore is optically not very remarkable - in contrast to copper ores - and very difficult to recognize. The size of the tin crystals is under 0.2 mm in all samples studied. The ore is very hard due to the high quartz content. A typical secondary mineral in Karnab, but only accessory, is scheelite (CaWO_4). Sulfide components are relatively high, especially arsenopyrite (FeAsS), pyrite (FeS_2) and sphalerite (ZnS). Accessory sulfides are galenite (PbS) and bismutite (Bi_2S_3). These components are also very finely disseminated, so that ores with high sulfide contents appear dark grey or black.

The main scope of the field work in 1997 was the sampling of the ores in order to determine their tin content in view of estimating the importance of Karnab as a possible tin source in pre-Islamic times. Most useful are samples from old mines, since these, evidently, are closest to the ores mined in antiquity. However, since most of the old mines were filled and are being cleared only by prospecting and the ongoing studies, this was possible only on a limited scale. For this reason some samples from the modern dump were also included, besides those from old mines. The highest tin contents of more than 1% tin were found in the ore veins of the old mines 3/3 and 6/1.

The vein in mine 3/3 strikes exactly E-W and dips about 80° to the south. In the area of the sampling, the vein is about 75 cm thick, thinning out slightly towards the west. The granite is strongly altered. The vein is not uniform but composed of a zone of 50 cm thickness with hard quartz and accessory tourmaline and another zone of 25 cm thickness with quartz and feldspar. The tin contents of both are similar (1.33% and 1.09%).

The vein exploited in mine 6/1 is much thinner, only 5-10 cm. It also strikes E-W and dips about 80° to the north. A clear alteration zone is missing. With 1.35% tin the grade is quite similar to mine 3/3.

The sample from mine 5/1 yielded a very much lower tin content of only 0.13%. The vein in this gallery, leading down obliquely, is roughly 30 cm thick. Probably no exploitation

took place here, but rather a gallery had been dug to prospect the vein.

The tin content of the other samples is generally below 1%. The low tin content seems to indicate, that ancient miners exploited only those veins or sections with tin contents of more than 1%.

Archaeological research on the tin ore mining

Informed by the geological prospectors B. A. Litvinskij in 1946 studied ancient mining traces in the Serabulak and Zijaddin mountain ranges, where he had been sent by M. Masson and V. Porjakov. These mountain ranges lie approximately half way between Samarkand and Buchara, south of the present highway. At the time the principal aim was to check the possibility of tin exploitation, besides the numerous copper mines, for the Central Asian Bronze Age. Two possible areas were found: Karnab and Changali. A third, at Lapas, was identified in 1997.

The mining area of Karnab lies about 2.5 km northeast of the village. The area with ancient mining traces is roughly 1.5 km long and 0.5 km wide at a height of 450-500 m above sea level. According to verbal information by locals, the site was discovered in 1944 and prospected in the following year. Mining activity lasted from 1951 to 1958. Further prospecting, and apparently exploitation, seems to have taken place in the 1980's. Only the foundations of the modern mining and one structure from a mining shaft have remained. In the early years, the geologists had identified and mapped about 20 groups of ancient workings.

B. Litvinskij accompanied this work from the archaeological side and published his results in several articles¹³, discerning three types of ancient remains:

a) slot-shaped open mines of 10/15 to 100 m length, 1-8 m width at the surface and 2-10 m depth;

b) mines with lateral galleries, whose length could not be determined, running at a depth of around 2 m;

c) underground caverns, of which two had been cut by the modern mines in 18.5 m depth; both were 6 m long, 1-2.5 m wide and up to 2.7 m high.

B. Litvinskij further mentioned an open cast mine of 140 m length, which today is 3 m deep and 20 m wide. The geologists considered this as a fallen section above underground cavities in 1948. Today no mining traces can be recognized and large scale research would be necessary to clarify the situation.

¹³ Литвинский 1950; Литвинский 1954; Литвинский 1962.

During archaeological research by Litvinskij several hundred stone tools were found, that he grouped into four types: 1. hand held, pyramidal hammers of quartzite, 2. grooved hammers, that were hafted, 3. small anvil stones and 4. stone wedges.

Besides the mining tools, correctly recognized as preislamic by Litvinskij, the associated pottery was identified as medieval. From the observed ash layers the presumed mining method was by fire setting. These strata could not be dated by Litvinskij.

Since Litvinskij mentions an area of only 10 ha and only 10 sites probably only a part of the area had been uncovered during his four week stay. At present the area is scarred by the modern prospections and the surface has been strongly altered. Several hundred geological prospection ditches (1 m wide, 10-300 m long) were dug crossing the ore bearing veins and the visible ancient workings. Bulldozer sections of 5 m width and up to 200 m length were added. The denomination of these prospection ditches was preserved in our systematic registration of the mining traces in 1997. Some parts are covered by the remains of the modern exploitation and hinder a clear picture.

Modern and ancient mining traces may be observed. In 1997 we mapped the area, documenting the Tash-Kanchi Sai (sai = periodically dry stream bed), recent shafts, pronounced ditches and pits in order to make a better orientation possible. Some grooved hammers and many fragments of such tools were found. The old mining groups no. 3 and no. 5, with the best visible traces of ancient activity, were also studied by soundings. Mining trench 3/3 lies at the edge of the stream bed and the ore bearing vein must have been clearly visible whenever water was flowing.

Pit 3/1 lies at the eastern end of the long trench 3/3. At the start of our investigation a roundish, filled shaft was visible. At a depth of roughly 1 m the upper edge of galleries leading to the north and south could be observed. Due to the round contour it was presumed, that this might be an old shaft (modern shafts are generally rectangular), however drill holes proved it to be modern.

Pit 3/2, on the left bank of the sai, 20 m uphill from pits 3/1 and 3/3, was visible as a trench of 0.9 m width and 4-5 m length. It runs parallel to the ore vein at the sai and to trench mine 3/3. Here a small quartz vein had been exploited, which was no longer visible, since it appears to have ended at the eastern end of the trench. The western profile shows dump material and loess, the vein being completely worked out here. The remaining cavity is inclined at 80° to the north. Clearing was stopped at a depth of 3.7 m due to the narrowing in the lower region

(0.6 m) and the danger of collapse of the loose sediments. During excavation 20 stone hammers and fragments were recovered. In the profile at least four different layers may be seen. Topmost are 0.55 m of loess with three clearly recognizable strata following below. The middle stratum consisted of fine, ash-coloured sediment with sharp edged stones of up to 10 cm size. In one sample, carbon particles could be recognized under the magnifying glass. It contained 3% carbon which could be dated to around 800 B.C. (cal. BC 905-775, 2 σ).

Trench mine 3/3 lies directly on the edge of the sai and is the longest open trench of the area. It is 27 m long, 1.8 m wide at the surface and 6-7 m deep, following the quartz vein. In two places the bottom had been cut by a modern gallery, whose roof has a depth of 8-9 m. At these points the old trench had evidently been deeper. The modern gallery is flooded. The water level, 2 m below the roof of the gallery, lies at 10-11 m depth. The eastern limit of the trench is formed by rock containing the quartz vein. At the western end a 2.5 m long and 4 m deep original stretch had been preserved. Clearing this, a total depth of 5.9 m was reached. The western profile, consisting of clay and sharp edged dump overlain by 0.30-0.50 cm of loess, was cleaned. Between 4.6 and 5.4 m below the surface carbon particles were recognized. However, the analysed samples did not contain enough carbon for dating. 11 stone hammers and fragments were found during excavation.

Group 5 is located in the western part of the area, near the modern shaft no. 3 and is characterized by several long trenches that are hardly visible on the surface but may be followed quite well in the prospection ditches. Near the shaft no. 3 the partly filled mouth of a gallery was observed, showing typical traces of fire setting. 9 stone hammers were found on the surface.

Pit 5/1 is the mouth of a gallery, 25 m southwest of the concrete base of shaft no. 3. Before excavation it was around 2 m wide and 1 m high. After clearing, four steps made with large flat stones appeared, which had been placed by soviet geologists or miners as was evident from the occurrence of iron nails, newspaper remains and cigarette packets found in the upper 30 cm of the fill. The gallery seems to have been used as a shelter, probably due to the constant temperature of 19-20° C, while outside already at 8 a.m. 28° were recorded and 38-40° at noon (May 1997). The roof is still 1.5 m high and decreases to 30 cm inside. The gallery is 6.9 m long.

The gallery runs at 240° (WSW-ENE) and is wedge shaped. The entrance is still 2 m wide, narrowing to 1.5 m after 3.5 m and to 0.4 m

after 6.5 m. The ore vein could be observed along the entire roof. At the end of the modern steps at 2 m distance from the entrance, the fill was excavated to a depth of 1.6 m without reaching the floor. Below the modern fill, the old dump consisted of dark clay with sharp edged stone flakes. A remarkable quantity of animal bones and also ceramics, mostly dating to pre-Timurid times, were recovered. At that time, and probably also before, the gallery had been used as shelter or living quarter. 17 stone hammers or fragments were also found.

While the gallery appears to end in the west it probably continues below the entrance towards the east, since in its continuation, at a depth of only 2 m from the surface, a modern shaft has cut a gallery (5/4) exploiting the same vein. This will be studied in a future campaign.

Pit 5/2 is part of a trench mine in continuation of the gallery (5/1) at 10 m to the west. It had been cut by the prospection ditches and had been cleared to a depth of 2 m. In 1997 we excavated this section to the floor (5.08 m from the surface). The trench was 0.8 m wide at the surface and only 0.5 m at the floor. The ore vein, inclined at 80° to the north, had been completely worked out. The fill is of clay laced earth, sand and remarkably few stones. It may be presumed that the pit was filled by natural sedimentation. Three stone hammers were found in the lower fill. The eastern end of the trench is formed by rock, so that it has no connection with the gallery 5/1, although they are perfectly aligned.

Pit 5/3 had been cut by the same prospection ditch as pit 5/2 and lies 11 m south of the latter. It is open to a depth of 6 m. Two stone hammers were found in a cavern of 1.5 x

2 m in the lower part and samples were taken from the quartz vein.

Gallery 5/4 was mentioned above (see pit 5/1) and is cut by the modern shaft no. 3. Its roof is about 2 m below the rock surface, the floor about 2 m above the water level in the flooded shaft. The gallery was cleared over a length of 3 m. Besides animal bones, some pottery and two dozen stone hammers were found.

About 9 km north of the locality Ingichka, southwest of Kattakurgan the village of Changali (fig. 1, 3) may be found. The ore deposits here are separated from the village by a sai. Since the terrain is fairly steep and strongly altered by modern prospection ditches and also due to erosion many of the old mining trenches could not or hardly be recognised. The exploitation had taken place in open trenches of 0.7 to 1.2 m width, 20 m (or more) length and up to 12 m depth according to Litvinskij. During the geologic prospection many stone tools, typical for prehistoric mining, were found.

800 m west of the present-day village, on the northern bank of a stream lies a tell settlement (diameter 40-50 m at the base, 22 m at the top, about 18 m of cultural layers). The site is exploited for building-clay today. Surface finds may date back to the 5th century A.D.

During the geologic prospection tin slags were recorded in the passing stream(8). In 1997 the site of Changali was visited only for one day. One heavy grooved hammer was found.

Lapas also lies near Karnab (fig. 1, 2) and was apparently not known to Litvinskij. The site was also visited for one day and stone hammers were found.

BIBLIOGRAPHY

1. K. Alimov/N. Boroffka/M. Bubnova/Ju. Burjakov/J. Cterny/Ju. Jakubov/J. Lutz/H. Parzinger/E. Pernicka/V. Radilovskij/V. Ruzanov/T. Kirinova/G. Weisgerber. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien. Vorbericht der ersten Kampagne 1997. *Eurasia, Antiqua* 4, 1998, in print.
2. H. Parzinger, *Archäologie am Rande der Steppe. Die Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts. Antike, Welt* 29.2, 1998, 97-108.
3. A. И. Исаков, "Цитадель древнего Пенджикента (Душанбе 1977).
4. М. Исамиддинов, Р. Х. Сулейманов, Еркурган (Стратиграфия и периодизация) (Ташкент 1984).
5. С. К. Кабанов, Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. *Афрасиаб* 2 (Ташкент 1973), 16-84.
6. С. К. Кабанов, М. И. Филанович, М. Х. Урманова, Раскопки части жилого массива IX-XI вв. Афрасиаб 3 (Ташкент 1974), 63-83.
7. Л. М. Левина, Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. *ТХАЭЭ* 7 (Москва 1971).
8. Б. А. Литвинский, К истории добычи олова в Узбекистане, *Труды Среднеазиатского Государственного Университета* 11, Гуманитарные науки 3, 1950, 51-68.
9. Б. А. Литвинский, Древнейшие странники истории горного села Таджикистана и других Республик Средней Азии. *Научно-популярная Библиотека* 19 (Сталинибад 1954).
10. Б. А. Литвинский, Ручная база, металлургия и литейное дело. In: Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Рамов, Древности Капга-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), Академия Наук Таджикистана ССР (Душанбе 1962), 170-195.
11. А. Р. Мухамеджанов, Ш. Т. Ахмедов, Д. К. Мирзаамедов, Г. Л. Семенов, Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии (Ташкент 1988).
12. Н. Б. Немецкая, Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб 1 (Ташкент 1969), 153-205.
13. Г. А. Пугаченкова, Древности Минакал, Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (Ташкент 1989).
14. Г. В. Шишкина, Керамика конца IV-II вв. по н. э. (Афрасиаб II). *Афрасиаб* 3 (Ташкент 1974), 28-51.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА (этапы и пути самоидентификации)

В.М.Массон

Географическая ситуация низовьев Амударьи в трех соотношениях могла сказываться на развитии культуры. Определенная обособленность от других центров земледельческой культуры безусловно стимулировала поиски самостоятельных ценностей. Во-вторых, эта определенная изолированность не была абсолютной. Водная артерия Амударьи обеспечивала не только водный маршрут торговых связей, но и обеспечивала постоянным водным источником караваны, продвигающиеся по пустынной местности вдоль ее берегов. В-третьих, сами низовья Амударьи и ее древних дельт создавали благоприятную среду для развития земледелия, начиная с самых архаических этапов.

Последний фактор проявился самым положительным образом уже в бронзовом веке в пору существования тазабэгябской культуры, принадлежащей к типу пастушеско-земледельческих культур степной зоны. Ее формирование, как было отмечено еще С.П.Толстовым связано с продвижением на юг племен степной бронзы, как теперь можно с уверенностью говорить с традициями срубно-алакского типа (Итина, 1986). Судя по всему это было лишь одно из проявлений длительного и постепенного продвижения племен индо-иранской языковой группы в Среднюю Азию и далее в Индостан. Представляющее население, представленное охотниками и рыболовами кельтиминарской культуры, принадлежавшими скорее всего к угро-финской языковой группе, было вытеснено и лишь в малой степени ассимилировано. Во всяком случае в материальной культуре Тазабэгяба такие проявления кельтиминарских традиций не проявляются.

Это время, приходящееся в основном на вторую половину II тыс. до н.э. весьма важно в двух отношениях. Во-первых, тазабэгябское население образовывало как бы южный форпост обширного мира степных племен, сохраняя в своей материальной культуре основные соответствующие традиции от лепной керамики с несложными резными орнаментами до жилищ полуподземного типа. В то же время тазабэгябцы

единственные из племен этого культурного арсала перешли к поливному земледелию. Проведенные ими каналы стали подлинным началом большой ирригации Хорезма. Во-вторых, область их обитания стала важным и видимо, престижным центром, откуда происходило дальнейшее расселение племенных групп на юг в дельту Мургаба, древнюю Маргиану, и на юго-восток в низовья Зарафшана, области, входившие в состав другой древней страны - Согды.

Эта область, расположенная в низовьях Амударьи имела важное значение для восточно-иранского мира и, видимо, уже тогда получила наименование Хорезма нашло отражение в Авестийской традиции. В гимне богу Митре, известном как Михр-Яшт, описывается как Митра взирает на "весь арийский простор", расположившись в горах, откуда судоходные реки стремят свое течение к Маргиане, Согду, Арес (область Герата) и к Хорезму. В списке же стран, созданных Ахурамаздой, приведенном в Видевдате, Хорезм странным образом отсутствует, зато там на первом месте находится область Арьянем Вайджа ("арийский простор") бывшая первой из благословенных стран, созданных Ахурамаздой, где его известный враг дух зла Ариман создал зиму длящуюся десять месяцев. Уже Бленевист не без оснований заключил, что здесь под Арьянем Вайджа имеется в виду именно Хорезм. Как уже говорилось как раз Хорезм был первой областью достаточно широко освоенной степными племенами. Продолжительность зимы в десять месяцев могла служить как бы синонимом особо холодной погоды для обитателей остальных областей названных в этом списке и находящихся много южнее. Таким образом, тазабэгябская культура, основанная на развитии ирригационного земледелия, стала исходной точкой отсчета развития древнехорезмийской цивилизации.

В первой трети I тыс. до н.э. в правобережном Хорезме развивалась культура Амирабад, продолжая тазабэгябские традиции в сфере материальной культуры и поливного земледелия. В левобережном Хорезме существовала культура Кюсай убедительно выделенная Б.И.Вайнбергом (Вайнберг, 1979).

Ее облик, с преобладанием лепной керамики и жилищ земляночного типа также достаточно архаичен. Она интересна в двух отношениях. Во-первых, погребальный обряд с вынутыми костками и курганными насыпями свидетельствует о связях с традициями сакского мира в его широком понимании. Видимо, инфильтрация племен с севера продолжалась, что могло найти отражение в приводимых Ктесием рассказах о мидийско-сакской войне из-за обладания областями Парфии. Во-вторых, в Куяусе бесспорны свидетельства южных связей с Маргианой и прикаспийскими областями, где находилась другая страна хорошо известная авестийской традиции - Гиркания. Именно из этих двух центров куяусяцы импортировали превосходную гончарную посуду ремесленного изготовления.

Эти южные связи определили пути формирования хорезмийской цивилизации. Как и другие цивилизации древней Средней Азии, Согд и Бактрия, Хорезм был урбанистической цивилизацией. С точки зрения культурогенеза под урбанизацией следует понимать именно культурный процесс ведущий к формированию городского образа жизни, что прежде всего отражается в новых материальных стереотипах, в менталитете и в интеллектуальных и идеологических ориентирах.

Процесс начальной урбанизации древнего Хорезма протекал в непростой политической ситуации. Как и все основные оседлые области Средней Азии он был включен в состав государства Ахеменидов, где образовывала отдельную сатрапию, судя по официальным перечням подвластных стран в списках времен Дария I и Ксеркса. Этому казалось бы противоречит сообщение Геродота о вхождении Хорезма вместе с Согдом, Парфией и Арсией в XVI податный округ ахеменидской державы (Нер. III, 93). Судя по всему правы те исследователи, которые считают, что это свидетельствует об изменениях происходивших в административном делении державы Ахеменидов. Надписи Дария I и Ксеркса отражают ситуацию, когда Хорезм, названный в надписях термином страна - *dahyu* был отдельной сатрапией, тогда как список Геродота восходит к официальному документу времени Артаксеркса I (465-424). Одна из копий этого документа хранилась в Милете и была использована в греческих источниках, которыми пользовался Геродот. Вскоре Хорезм вообще отпал от Ахеменидов и в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. в армии Дария III уже отсутствовал воинский контингент хорезмийцев. Это подтверждается и источниками, характеризующими поход

Александра Македонского. В 329/328 гг. до н.э. во время зимовки Александра в Бактрии к нему прибыл, как сообщает Арриан "Фарсаман, царь Хоразмие; с конницей в полторы тысячи человек" (An. Anab., IV, 15, 4).

Время VI-IV вв. до н.э. было эпохой формирования цивилизации древнего Хорезма как одного из важных центров среднеазиатского региона. Исходным пластом для этого стала земледельческо-скотоводческая культура наследников Тазбагыяба, представленная комплексами типа Амирабада и, видимо, в определенной мере Куяуса. В Хорезме создаются крупные ирригационные системы сменяющие каналы и арыки предшествующей эпохи (Андрянов, 1969), культура приобретает отчетливые урбанистические черты. Появляются крупные центры типа Кюзели-гыра и Каталы-Гыра. Орошаемые ирригационными системами оазисы плотно застраиваются небольшими городками и усадьбами, одна из которых Дингильдаб, полностью раскопана (Воробьева, 1973). Строительные и керамические эталоны явственно следуют стандартам выработанным в более южных оседлых областях прежде всего в Парфии и Маргиане. В ранний период существования крепостных стен Кюзели-гыра для строительства использовался сырьевой кирпич размером 52х26х10 см следующий стандарту уже многие столетия использовавшемуся южными соседями. Позднее в употребление вошел квадратный кирпич размером 40х40х10 см, также повторяя процесс смены формата основного строительного материала, происходящий повсеместно в оседлых оазисах Средней Азии. Гончарная керамика Хорезма стандартных, т.н. баночных форм является локальным проявлением той огромной керамической провинции, в которую входили также цивилизации Бактрии, Согда, Парфии и Маргианы. Следование уже выработанным стандартам культуры вполне обычное явление для эпохи урбанизации, когда в пределах взаимодействующих общностей имеются устойчивые и видимо, модные стандарты и эталоны. Уже в поселениях Куяуса относящихся ко времени накануне древнехорезмийской урбанизации, весьма многочисленна южная ремесленная глиняная посуда, в том числе и баночных форм. Этот переход на новую качественную ступень культурного развития скорее всего был совершен потомками носителей местных комплексов типа Амирабада и Куяуса скорее всего также при целенаправленной поддержке ахеменидских властей. Как общесреднеазиатская черта показательно большое значение, которое при устройстве крупных

центрах придавалось функции убежища. В пределах крепостных обводов Кюзели-гъра и Калалы-Гыр оставались обширные незастроенные участки. Такую же картину можно наблюдать для мидийского и ахеменидского времени в Бактрии (Кызыл-тепе) и Согде (Куктепа, ранний Афрасиаб). Видимо, в условиях определенной военно-политической нестабильности эти крупные центры должны были обеспечить укрытие окрестному населению вместе со стадами.

Таким образом, в середине I тыс. до н.э. произошло формирование древнехорезмийской цивилизации как одного из феноменов древней истории Средней Азии. Для общей системы весьма существенна типология культурных комплексов древней эпохи. Можно говорить о некоем эпохальном типе, к которому относились древние цивилизации, часто не связанные друг с другом, но имеющие ряд общих стадийальных признаков в том числе спланированные города, возведенные под регулирующим воздействием центральной власти и развитое денежное обращение, опирающееся на монетную систему. Второй тип - региональный, объединяющий цивилизацию и географически близкие и обладающие некими общими историческими судьбами и находящиеся в тесном взаимодействии. Наконец, третьим типом будет конкретная локальная культура или цивилизация обладающая полным набором признаков как эпохального, так и регионального характера и, вместе с тем, отчетливыми чертами неповторимого местного своеобразия (Массон, 1994, с. 35). К числу таких локальных формопроявлений и относится цивилизация древнего Хорезма. При этом весьма показательно, что сформировавшись с широким использованием уже выработанных в других центрах стандартов и эталонов хорезмийская цивилизация все явственнее проявляет черты своеобразия и особого пути развития. Можно сказать, что происходит своего рода самоидентификация хорезмийской культуры и видимо, хорезмийского народа.

В яркой форме это проявилось уже в следующий период истории древнего Хорезма, который исследователи хорезмийских древностей называют кангойским. Это название было предложено в начале разработок по хорезмийской археологии С.П.Толстовым, который исходил из отождествления Хорезма с Кангюем (Толстов, 1948). Хотя эта позиция сейчас мало кем разделяется, сам термин в археологической номенклатуре остается. Предполагалось, что кангойский период следует датировать IV-I вв. до н.э., но убедительных свидетельств в пользу исходной датировки нет.

Возможно, в IV в. до н.э. продолжался процесс трансформации комплекса баночной керамики с появлением чисто "кангойских" элементов как это можно наблюдать на материалах Дингильдже.

Хорезмийская культура III-I вв. до н.э. отражает кардинальные изменения, происходившие во всех основных среднеазиатских цивилизациях. Налицо постепенный отход от баночных форм сосудов и их замена иными типами. После многовекового перерыва возобновляется изготовление мелкой терракотовой скульптуры. В этом можно видеть и воздействие эллинистической среды с традицией мелкой скульптуры и определенные изменения в культово-обрядовой практике. Специфика культуры Хорезма этого времени определяется двумя особенностями: незначительностью эллинистических воздействий и целевым следованием определенным восточным традициям. В Хорезме, во всяком случае в массовом инвентаре, отсутствуют плоские тарелки подражающие т.н. рыбным блюдам и столь многочисленные в Бактрии и, в определенной мере, в Согде. Малочисленны в Хорезме бокалы и почти нет двуручных кувшинов, которые в Бактрии, видимо, функционально и по использованию именно двух ручек, скорее всего, следуют типу популярных в эллинистическом мире амфор. Уникальным и единичным для Хорезма остается здание на крепостной стене Каладжик - где в значительном числе использовались такие чисто греческие компоненты как черепица и антефаксы.

По крайней мере три группы изделий в керамическом комплексе выявляют чисто хорезмийскую специфику и своеобразие. Прежде всего это одноручные кувшины, на краю ручки которых отсиснута голова льва как бы впившегося зубами в край сосуда (Воробьева, 1958). Сосуды эти тщательно выделаны, покрыты красным ангобом и распространены достаточно широко. М.Г.Воробьева справедливо указала, что их прототипом следует считать золотой кувшин с аналогичной ручкой из амударьинскогоклада (Dalton, 1905, табл. I, 17). Возможно, красный цвет должен был подчеркнуть следование парадным золотым образцам. Второй формой, также следующей и древним восточным образцам, являются глиняные ритоны рогообразной формы, увенчанные протомой животных. Главным образом, это кони, но есть также фигура крылатого грифона (Воробьева, 1959, с. 109-110; Кой-Крылан-кала, 1967, с. 111-112). Эти сосуды также отличаются тщательностью выделки и их образцы найдены на целом ряде памятников. Эта традиционная восточная форма широко

представлена в торовитке ахеменидского времени (Смирнов, 1909, табл. IV, I; табл. V, 17).

В керамическом производстве Хорезма III-I вв. до н.э. имеются и другие, достаточно устойчивые оригинальные типы изделий. Это фляги с художественными рельефами и явно принадлежащие к числу парадных или даже культовых изделий (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 201-206). Сами рельефы достаточно разнообразны. На Кой-Крылган-кале, в частности, отмечены четыре образца с фигурой всадника. На другом памятнике найден фрагмент уникального рельефа, изображающего катафракта в панцире едущего на коне, облаченном в тяжелые металлические доспехи (Мамбетуллаев, 1977). Судя по сопровождению царя Фарасмана именно конница играла особую роль в его вооруженных силах. Возможно, что фляги с рельефами, также как ритоны и львиночурные горшочки, следуют металлическим прототипам, но таковые пока не обнаружены. Во всяком случае показательно, что это именно оригинальный компонент хорезмийского керамического комплекса, не имеющий аналогий за пределами Хорезма. То же можно сказать и о хорезмийских керамических оссуариях, увенчанных фигурами людей и животных и поэтому именуемых статуарными (Рапорт, 1971). Другая оригинальная черта ранней хорезмийской цивилизации проявилась в архитектуре. Мы имеем в виду круглые в плане культовые комплексы - Кой-Крылган-калу в правобережном Хорезме и круглый храм в крепости - Калалы-гыр 2 в Хорезме левобережном. Культовая атрибуция этих монументальных зданий едва ли может вызвать сомнения, хотя конкретная атрибуция таких культов и верований не вполне ясна. Здесь весьма примечательна да и поразительна сама идея планировки, построенной на концепции концентрических окружностей. Их в Кой-Крылган-кале целых два - внутренний, самого храма и внешний, охватывающий подсобные жилые и хозяйственные строения. Обоим обводам приданы фортификационные черты в виде бойниц и башен. Таких круглых культовых комплексов в это время не известно в других областях Средней Азии. Так называемый круглый храм Старой Нисы является не отдельным строением, а вписанным в систему прямых обводных коридоров, дающих в плане правильный квадрат. Видимо, здесь речь может идти о глубинных традициях, восходящих еще к поре индо-иранской общности, к периоду бронзового века. Таков прежде всего круглый храм Дашлы-3 в северном Афганистане также имеющий два обвода, которым приданы фортификационные черты (Сарианиди, 1977,

с. 28, рис. 11). Сама планировка этого культового комплекса Южной Бактрии и недвусмысленно перекликается с двуховальной планировкой при помощи стен с элементами фортификации в приуральских поселениях типа Аркаим (Зданович) скорее всего, принадлежавших индо-иранским племенам еще обитавшим в степных просторах. Хотя у нас пока нет полной цепочки генетической преемственности этого вида культовой архитектуры само обращение к древним азиатским, а не эллинским традициям весьма показательно. Наконец, весьма важно, что по крайней мере во II-I вв. до н.э. наблюдается широкое распространение письменности на арамейской основе, видимо, уже приспособляемой к специфике хорезмийского языка и указывающей также на административную систему хозяйственного учета, практикуемую в государстве наследников независимого Фарасмана. Так на территории Большая Айбугир-кала найден хум, на котором была воспроизведена надпись, указывающая на объем содержащихся в нем продуктов. Хозяйственные документы на черепках, т.н. остраконы обнаружены в храмовом комплексе Калалы-гыр 2 и на сравнительно небольшом поселении Хамбуз-тепе (Лившиц, Мамбетуллаев, 1986). Сам хум с городища Большая Айбугир-кала, как и его археологический контекст указывают на кангтойский, если даже не позднекангтойский комплекс и поэтому датировка надписи ранее II в. до н.э. мало вероятна. О широком распространении в это время письменности и соответственно грамотности свидетельствует такая интересная находка как кость из Бурлы-кала, где перечислены имена нескольких лиц, в том числе с таким ярким именем как "меч дахов" (публикация Манылов, Ходжаниязов, 1980, с. 38, рис. 3, 2, чтение - Лившиц, Мамбетуллаев, 1986, с. 38).

Таким образом, оригинальность самутверждающегося Хорезма ярко проявляется в области культуры по материалам памятников, открываемых усилиями археологов. Следующим этапом было утверждение новых атрибутов независимости и самостоятельности на этот раз политической.

Этот период, приходящий на I-IV вв. н.э. именуется исследователями Хорезма кушанским, что как указание на определенную эпоху вполне приемлемо, хотя вхождение Хорезма в состав кушанской державы, как это предполагала школа С.П.Толстова, маловероятна (Массон, 1965). Хорезм этого времени представлял собой процветающую страну. Многочисленные усадьбы, крепости, городки и города разной величины теснились по берегам каналов, объединенных в сложные ирригационные

системы. Правда, здесь не было городских суперцентров наподобие Бактр или древнего Мерва, но сам уровень урбанизированной культуры, охватывающей как городские центры, так сельскую округу все больше подкреплялись зримыми символами независимой государственности, которую обрела молодая цивилизация.

Таким важным шагом стало установление собственной хорезмийской эры летоисчисления. О наличии в Хорезме собственной эры или даже нескольких систем летоисчисления знал и великий хорезмиец Бериун. Археологические изыскания открыли тому документальные подтверждения. При раскопках топраккалинского дворца были найдены документы, датированные от 188 по 252 годы некоей эры. С.П.Толстов, увлеченный идеей "кушанизации" Хорезма, хотел видеть здесь кушанскую эру Канишки, для которой он предпочитал как исходную дату 78 г. н.э. (Толстов, 1961). Затем последовало открытие надписей с датами по местной, хорезмийской эре на оссуариях раннесредневекового некрополя и археологический контекст, где имелись и арабские монеты, позволили уверенно отнести начало этой эры, учрежденной правителями Хорезма к первой половине I в. н.э. (Гудкова, Лившиц, 1967). Того же мнения придерживался и автор этих строк (Массон, 1966, с. 144).

Постепенно хорезмийские правители утвердили символику своей легитимности и в монетном деле. Как и согдийская и юечжийская нумизматика монетное дело Хорезма выросло из греко-бактрийских традиций, следование которым видимо, составляло одну из сторон претензий на определенную легитимность. В 1953 г. была издана хранящаяся в Эрмитаже монета, подражающая чекану Евкратиды с изображением на оборотной стороне скачущих Диоскуров и оригинальной тамгой, отличной от тамг, помещавшихся на кушанских монетах (Массон, 1953). Затем Б.И.Вайнберг обнаружила в собрании Самаркандского музея монету, продолжающую эту традицию. Здесь на оборотной стороне воспроизведены скачущие Диоскуры в сопровождении тамги, близкого типа, тогда как на лицевой стороне был помещен портрет местного правителя в тяжелой парадной короне (Вайнберг, 1962). Поскольку тип тамг затем получил генетическое продолжение в монетах древнего Хорезма, можно было заключить, что перед нами первый царь Хорезма, поместивший на монетах свое изображение, вместо искаженного портрета Евтидема. Второй царь уже произвел замену и оборотной стороны, поместив там свое изображение в виде всадника едущего на коне. По аналогии с

монетами Герая, где также имеется фигура конного государя эту монету можно отнести ко времени после начала нашей эры (Вайнберг, 1977). Наконец, третий царь сделал еще один шаг по пути утверждения самостоятельного монетного типа: наряду с искаженной почти до неузнаваемости греческой легендой была помещена хорезмийская надпись достаточно отчетливо читаемая "царь Артав". С небольшими изменениями этот монетный тип с портретом государя на лицевой стороне и конной фигурой, сопровождаемой специфической тамгой на оборотной сохраняется в Хорезме вплоть до VIII века. В этом отношении Хорезм, в отличие от монетного дела как бухарского так и самаркандского Согда, строго блюдет древние традиции.

Весьма важным является вопрос о датировке топраккалинского дворца. Сама Топрак-кала это типичный "царский город", возведенный по четкому плану при централизованном контроле, что и характерно для цивилизаций поздней древности в Средней Азии. Завершающие этапы жизни самого дворца, собственно говоря уже этап его запустения и разрушения определенно относятся к концу III - началу IV в. н.э. Но само сооружение монументального дворцового комплекса было бесспорно делом не только трудоемким, но и длительным. Первоначально, была сооружена платформа четырнадцатиметровой высоты, имевшая размеры 80х80 м декорированная по наружной стороне пилястрами.

Затем к этой платформе были пристроены три огромные башни частично замуровавшие более ранние пилястры. Сами помещения дворца располагавшиеся на этом основании перестраивались по крайней мере трижды.

Первоначально сам С.П.Толстов был склонен датировать топраккалинский дворец именно концом III-началом IV веков, когда по его разработкам Хорезм обрел независимость от кушанской державы. В дальнейшем, по мере выявления сложной истории функционирования монументального комплекса эта датировка все более растягивалась. Ю.А. Рапопорт относил возведение трех башен ко второй половине II-III векам нашей эры (Рапопорт, 1981, с. 128). Б.И.Вайнберг считала возможным говорить о постройке всего комплекса во второй половине II в. н.э. (Топрак-кала, 1981, с. 128). Нижние слои на самом городище скорее всего относятся уже к I в. н.э. Постройка такого сложного и неоднократно переделываемого комплекса и обеспечение его должным и весьма разнообразным и добавим, разнотипным декором, видимо, занимали не

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

СПЛАНИРОВАННЫЕ
ГОРОДА

МОНЕТНАЯ
СИСТЕМА

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

IIa. ИРАНО-ПАРФЯНСКИЙ

IIб. ИНДО-БАКТРИЙСКИЙ

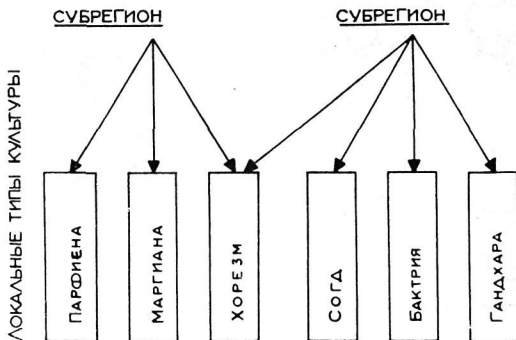

Рис. 1. Эпохальный, региональный и локальный типы культуры.

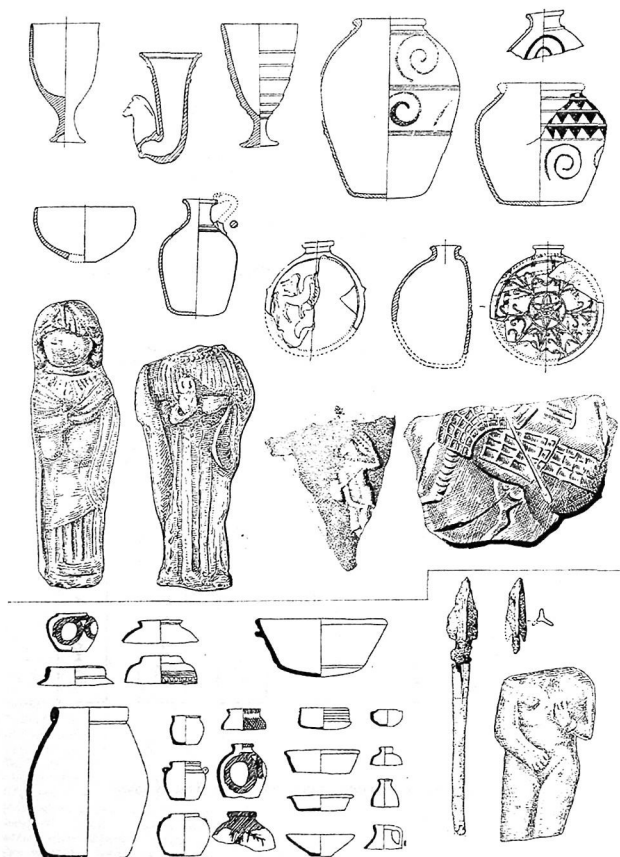

Рис. 2. Археологические комплексы древнего Хорезма. Вверху - кангуйского периода (III-I вв. до н.э.), внизу - кушанского периода (I-IV вв. н.э.).

одно десятилетие. Вполне вероятно, что первоначальная квадратная платформа, как и сам город была воздвигнута уже в первом веке нашей эры. И не исключено, что это произошло под эгидой того же правителя, который вел собственную хорезмийскую эру и начал выпуск монеты с легендой на родном языке.

Такими вырисовываются судьбы древнехорезмийской цивилизации, которая пройдя стадию становления в середине I тыс. до н.э., затем уверенно продвинулась по пути сначала культурной, а затем и политической самобытности.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Андрианов Б.А. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. Вайнберг Б.Н. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки // ВДИ, 1962. № 1.
3. Вайнберг Б.Н. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
4. Вайнберг Б.Н. Памятники кангуйской культуры. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т. XI, М., 1979.
5. Воробьева М.Г. Изображение льва на ручках сосуда из Хорезма. Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXX, IX, М., 1958.
6. Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т. IV, М., 1959.
7. Воробьева М.Г. Диялтиджи. М., 1973.
8. Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблемы хорезмийской эры. Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР. № 1, 1967.
9. Зданович Г.Б. Аркаим: на Урале как несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследование, поиски, открытия. Челябинск, 1995.
10. Итина М.А. Могилиник Кокча 3: новые раскопки // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский А.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XV, М.
11. Кой-Крыган-кала. Памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. т. V, М., 1986.
12. Массон В.М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ, № 2, 1953.
13. Мамбетуллаев М. Хум с городища Большая Айбутир-кала с древнейшей надписью Средней Азии // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 2, 1979.
14. Массон В.М. Хорезм и кушаны. Эпиграфика Востока, XVII. А., 1965.
15. Массон В.М. Страна тысячи городов. М., 1966.
16. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
17. Рапопорт Ю.А. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
18. Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
19. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
20. Толстов С.П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблемы "Эры Шака" и "Эры Каниши". Проблемы востоковедения. № 1, М., 1961.
21. Delton O.M. The txasun of Oxus, London, 1905.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОДОСНАБЖЕНИЯ АФРАСИАБА

(по материалам раскопок магистрального канала в 1996-1997 гг.)

И.Д.Иваницкий, О.Н.Иневаткина

Изучению водоснабжения Афрасиаба уделяли внимание уже первые исследователи древнего Самарканда. В.Л.Вяткин, основываясь на микрорельефе городища, один из первых определил направление трех главных магистралей, снабжавших водой основные районы города - восточную, центральную и западную (Вяткин, с. 13-14). В.В.Бартольд, располагая данными нивелировки проведенной инженером-ирригатором Н.Ф.Петровским в 1904 году, подтвердил предположение В.Л.Вяткина о том, что подача воды на Афрасиаб шла с юга, «из местности нынешнего мучного базара около мавзолея Биби-Ханым к мечети Хазрети Хызыр на Афрасиаб». (Шишкин В.А. с. 51). Археологическому решению проблемы древнего водоснабжения придавалось большое значение и руководителям Афрасиабской комплексной экспедиции Института археологии академии наук Узбекистана (1958-1989 гг.).

В 1959-1965 гг. Немцевой Н.Б., при изучении юго-восточной части городища, был обнаружен один из отводов первых веков н.э. от восточной магистрали. Русло имело ширину не менее 4 м и глубину ок. 1 м. (Немцева, с. 169). Остатки северо-западного канала шириной около 3,5 м и глубиной 0,9 - 1,5 м, прорытого в материке обнаружены Г.В.Шишкиной в 60-е годы (Шишкина, с. 224, 227-228). В эти же годы специальное исследование центрального канала было проведено М.Н.Федоровым. Ему удалось установить три периода функционирования канала, отличающимися друг от друга своими руслами. Ширина первоначального канала датируемого 1-3 вв. н.э. более 6 м, глубина 0,7-0,8 м. Во втором периоде в 5-6 вв. прорывается новое русло более узкое (3 м) и глубокое (1,5 м). И русло последнего канала конца 8-нач. 12 вв., составляло ширину не более 2-х метров и по дну не более 0,8 м. Однако на вскрытых участках керамический материал не позволил дать ему полную хронологическую характеристику.

Общим недостатком этих исследований являлось отсутствие единой нивелировочной привязки, что существенно затрудняло определение уровня тока воды в разных каналах. И кроме того, как правило разрезы каналов, например центрального магистрального, были ограничены средневековыми массивами стен, что не позволяло открыть первоначальные берега.

Проблема изучения древнейшего водоснабжения возникла и перед узбекской - французской миссией на Афрасиабе (соучастники М.Исамитдинов и Ф.Грене). По инициативе П.Жантеля в 1996 г. на магистральном канале, близ 3-ей крепостной стены, к западу от большого хауза в наиболее широкой его части между разрезами М.Н.Федорова был заложен новый разрез длиной 20 м. Исследования разреза позволили значительно изменить периодизацию канала и охарактеризовать каждый из его периодов.

Канал 1. Вырыт в материковом слое (098) имевшим понижение на восток в сторону большого хауза. Перепад склона на расстоянии 15 м составляет 0,4 м. Ширина канала не менее 6,6 м глубина 0,85 м. Дно русла (101) покрыто твердой коркой орудиневшего крупнозернистого песка и мелких фрагментах керамики. На дне канала скопились глинистые отложения болотистого характера голубовато-серого цвета с ржавчиной. В заполнении канала прослежено еще не менее трех аналогичных по структуре коркообразных слоев, но несколько менее твердых: (05-08). Выделенные слои, видимо, представляют собой постепенно нарастающее дно канала. Но уровень западного берега оставался по крайней мере с 3-1 вв. до н. э. о чем свидетельствует керамика из прослойки на его склоне (200-300, 02). В процессе чистки русла (0,4 0,3) донные отложения полностью не уничтожались, определенная часть керамики предыдущего периода оставалась в канале смешиваясь с материалами последующих периодов. При этом фрагменты древней посуды попадали в слои лежащие

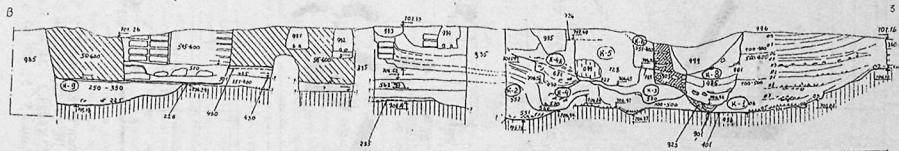

Рис. 1. Р-9. Разрез центрального канала, южная стена.

Первая цифра в трехзначном числе означает хронологический отрезок, а две последующие - слои, стены и другие существенные детали в их стратиграфической последовательности внутри периода 098-лесс; 099-поверхность лесса, 100-6-4 вв. до н.э.; 220-300 - 3-2 вв.; в. до н.э.

400 - 1в. до н.э. - 3 в. н.э.; 500 - 4-5 вв. н.э.; 600 - 5-6 вв. н.э.; 700-800 - 7-8 вв. 900- 9-20 вв. 100-500 канал 1; 5 в. до н.э. - 4 в. до н.э.

200-300 - слой на берегу к-1. 200-350 - канал 9. 360-500, стена на западном берегу канала 1. 351-552 - канал 2. 580 - канал 3. 560-570 канал 4, 630-631 - 4А, - 5-6 вв. н.э. 727-728 - канал 5, 7-8 вв. н.э. 901-925 - канал 8-9-13 вв. 985 - запустение канала 8. 991-995 - средневековые могилы. 999 - промоина. 996 - дерн.

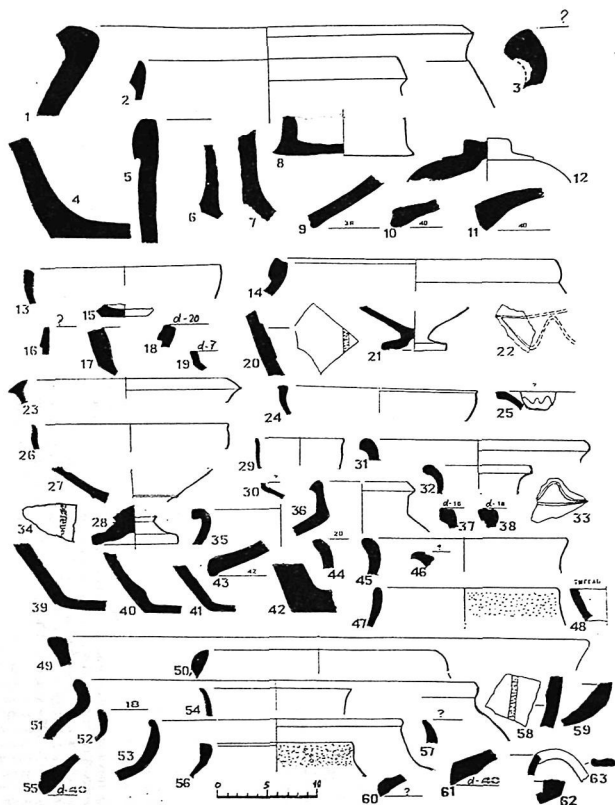

Рис. 2. Керамика из Каналов 1, 2, 3, 4, 4А, 5, 7.

Канал 1. 1-23; слой 1-13, 15, 16, 17, 18, 19; слой 2-10, 23; слой 3-3, 4, 7, 8, 12.
 Ямка в дне канала - 14, 20, 21, 22. Канал 2 - 24, 46. Канал 3 - 42, 49. Канал 4 - 47, 48.
 Канал 4А - 51, 58, 59. Канал 5 - 52, 57, 60, 61. Канал 7 - 50, 62, 63.

выше слоев содержащих более поздний керамический материал. Характерной особенностью слоев канала 1 является наличие в них разновременной керамики определяющей длительность функционирования канала. Приблизительно с отметки 706,40 характер заполнения меняется: исчезают характерные для канала илесто-болотные отложения. Их сменяют пакки тонких прослоек серого цвета характерных для дорожных наслоений (500-600, 01-05). Лежащие выше слои (05 и 06) сплошь представляют собой полотно дорог (700-1000, 06-09), доходящие до современной дневной поверхности (1001). Специального покрытия сплошным настилом на данном участке не зафиксировано, но иногда полотно дорог подсыпано боем из толстостенной керамики (500-600, 03). Древнейшая керамика, датированная серединой 1-го тыс. до н.э. встречена в трех нижних слоях (рис. 2, 1-3, 5-8). Вместе сней найдена керамика характерная для периодов Афр 2-Афр 4 (рис. 2, 13, 15, 16, 23). На дне канала, в слое 1 обнаружена керамика известная на Африкабве в слоях 4-пп. 5 вв. н.э. (рис. 2, 9-12, 14, 18-22). Находки материала этого периода наиболее часты и залегают почти во всех слоях канала, включая и наслоения дорог.

Судя по материалам из русла, в истории канала 1 можно выделить три основных этапа:

Этап А - конец 6-4 вв. до н.э.

Этап Б - 3-й в. до н.э. - 3-й в. н.э.

Этап В - 4 пп. 5 вв. н.э.

На протяжении всех трех этапов размеры русла оставались неизменными.

В 9 м к востоку от центрального канала, в материке, вырыто русло канала 9 (250-350). Восточная часть канала срезана средневековой ямой. Сохранившаяся ширина 2,6 м, глубина 0,6 м. Дно (225) покрыто тонким слоем илистого голубоватого налета. Заполнение (250-350) представляет собой плотную сероватую глинистую массу. Керамический материал из наслоений русла может быть отнесен к первым векам до н.э. - первым векам нашей эры. (рис. 3, 1-13). Керамика других периодов в канале не обнаружено. Таким образом, время функционирования канала 9 синхронно этапу Б канала 1.

На уровне древнего горизонта между каналами 1 и 9, прослежено скопление илестых отложений зеленовато-голубоватого цвета (235), образовавшегося, видимо, в результате нерегулируемого разлива вод каналов и подтопления берегов. Канал постепенно приходит в запустение, поверхность русла и по берегам (226) образуется илестый слой 351-400, возникший в результате длительного застоя воды. На образовавшихся открытых поверхностях, (425-

498) прослежены следы временных очагов или костров в виде прокаленных пятен (430, 460). По всей вероятности, время прекращения функционирования канала 9, как видимо, и временное запустение канала 1 приходится на 2-3 вв. н.э.

Таким образом, основываясь на синхронности материалов из канала 9 и канала 1, приходящихся на этап Б, можно допустить, что в первые вв. до н.э. от центрального канала был прорыт боковой, восточный отвод, подававший воду в район к северу от большого хауза. Эта система функционировала приблизительно до 3 вв. н.э., затем наступает период запустения, длительность которого определить затруднительно из-за малочисленности материала.

Не позднее начала 4 века наступает новый этап в истории канала 1 - этап В. В это время происходит реконструкция прилегающей территории, которая выразилась в подтеске (501) древних культурных слоев и сооружении небольших террас (520). На подготовленных площадках, лежащих над каналом 9 и его западным берегом, возводятся монументальные здания из сырца и пахсы (510-600, 515-600, 520, 545-600). С уровня (706, 39) примыкающего к западной стене здания, производится ремонт центрального канала. В пределах этапа В, видимо не позднее середины 5 в. н.э. появляется канал 2 (550-551) подрезавший восточный берег канала 1. Дно его несколько углублено (705, 74) относительно канала 1. Сохранившаяся ширина канала 2 (нарушен бадрабом 4 10-11 вв.) не менее 1,6 м, глубина 0,48 м. Канал заполнен плотной илестой массой зеленоватобурого цвета (552) и керамикой рис. 2, (24-46).

По мере накопления слоев начинается повышаться береговой уровень каналов. Канал 4 (560,570), прорыт с уровня соответствующего уровню появления дорог над руслом канала 1 (706, 62, 565). Заполнение канала состоит из плотных, слоистых илестых отложений. Канал действовал недолго, так как на дне нет оруденных корок. Ширина русла 2,2 м, глубина 0, 6 м. Русло канала 4А (630) поднялось еще на пол метра выше (706,09). Сохранившаяся ширина канала не менее 1-1,2 м, глубина 0,7 м. Русло заполнено плотными бурами отложениями, что может указывать на процесс затухания канала.

Хорошо сохранился канал 5, ширина русла по дну 1,5 м, глубина 0,9 м. Береговая линия канала (726) лежит выше предыдущего на 0,3 м (707, 40 - восточный берег, дно канала 706, 45). Русло (725) заполнено твердыми болотистыми глинами зеленоватобурого цвета с налетами ржавчины (730). Характер заполнения каналов 4-5, видимо,

свидетельствует о быстром залипании русла и медленном течении воды. Судя по немногочисленной керамике из каналов 4, 4А, 5, время их существования может быть отнесено к концу 5-6 вв. Такое частое повышение уровня дна каналов на протяжении не менее двухсот лет может быть связано с потерей инженерных навыков, отсутствием специалистов в области водоснабжения города, расположенного на высоких холмах.

Канал 6. Западная часть уничтожена руслом канала 8. Сохранившаяся ширина 0,5 м, глубина не менее 0,6 м. Дно канала (751) поднялось до критической отметки и достигло уровня берега канала 1 (706, 70). Высокое расположение дна русла должно соответствовать повышению ложа русла подводящего воду к Афрасиабу. Время функционирования канала 6, по стратиграфической ситуации и некоторым косвенным данным, может быть отнесено к 7-8 вв.

Канал 8. Береговая линия канала подходит под современную дневную поверхность, а дно (901) опущено на уровень дна канала 1. Конструкция канала значительно отличается от всех предыдущих. В котловане (901), шириной около 2-х м и глубиной не менее 1,6 м, с восточной стороны оставлен уступ (шириной 0,7 м). На нем возведено подпорная стенка (903) из крупных камней и вышедших из употребления орудий труда: жернова, зернотерки, песты, подпятники и т.д. Кладку вели на плотных болотистых глинах. Таким образом, собственное русло приобрело ширину 1,1 м. В средней части ложа выкопана узкая продольная траншея шириной 0,4 м, глубиной 15-20 см.¹ В ней скопились тонкие слоистые отложения в виде песка и голубоватого ила (925). Видимо траншея специально предназначалась для сбора осадочных отложений. Все остальное пространство канала было заполнено рыхловатыми слоями серого грунта без признаков длительного застоя воды, а также большим количеством чупанатинского сланца и кусков жженого кирпича (995). По характерным признакам, керамика извлеченная из канала может быть датирована 9 - нач. 13 вв.

То обстоятельство, что в канале отсутствовали мощные илистые образования, в отличие от всех предыдущих, свидетельствуют с одной стороны о том, что русло поддерживалось в чистоте до самого последнего момента своего существования, а с

другой, что оно по всей вероятности, было закрытым.²

В результате проведенных исследований удалось проследить основную периодизацию в истории центрального канала Афрасиаба. Каждому периоду соответствует определенный тип конструкции каналов и инженерно-технические характеристики.

Первый период охватывает хронологический отрезок почти в десять веков: от середины 1-го тысячелетия до н.э. и до середины 1-го тысячелетия нашей эры. Внутри периода намечается три этапа: этап А - возникновение городской магистрали - конец 6-5 вв. до н.э. В это время сооружается широкое (более 6 м) и относительно неглубокое русло (0,75) выроем в материке.

Этап Б - 3 в. до н.э. - 3 в. н.э. Сечение канала остается прежним. Видимо, начинают появляться боковые отводы (канал 9).

Этап В - 4-5 вв. н.э. В начале этапа продолжает функционировать старое и широкое русло. Видимо, к концу этапа происходит переход к новому типу русел - узким и неглубоким каналам.

Второй период - конец 5-8 вв, характеризуется господством узких (1,5 м) и неглубоких русел (0,6-0,7 м). Это каналы 4, 4А, 5, 6. Эта система способствовала меньшей потере воды на испарение, но тенденция к непрерывному повышению уровня дна каналов вела к сокращению скорости течения воды и быстрому залипанию русла.

Третий период - 9-нач. 13 вв. В этот период происходят коренные изменения в конструкции канала. Канал при ширине 1,1 м достигает максимальной глубины - 1,6 м. Канал имел специальное устройство - неглубокую канаву в дне ложа для сбора осадочных отложений, что облегчало чистку русла. Вторым конструктивным новшеством было применение подпорной стены предохранявшей правый берег от разрушения. Левый берег, видимо более надежный и не нуждался в дополнительном креплении. Третья важная особенность заключалась в сооружении перекрытия канала, что исключало испарение воды и предохраняло русло от неизбежного засорения и залипания. На раскопанном отрезке могли быть использованы для перекрытия крупные плиты, а на участке севернее (разрез Федорова) возможно применение ложного свода.

Существенно дополнить историю водоснабжения древнего Самарканда удалось во время земляных работ на территории бывшего медресе Биби-ханым в 1996 году.

¹ Это же устройство было зафиксировано при повторных зачистках разреза М.Федорова в 100 метрах севернее нашего разреза.

² Остатки ложного свода из сланца и жженого кирпича над каналом 8 были зафиксированы при дополнительных зачистках в старых разрезах М.Н.Федорова.

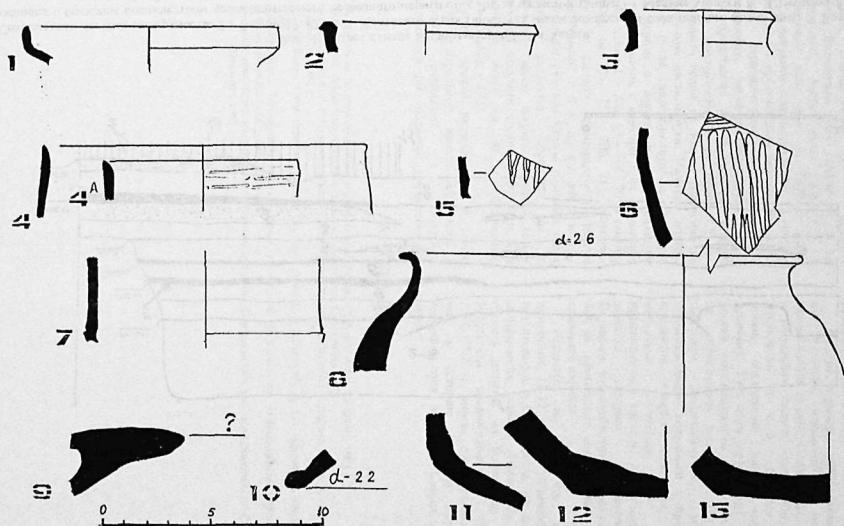

Рис. 3. Керамика из канала 9.

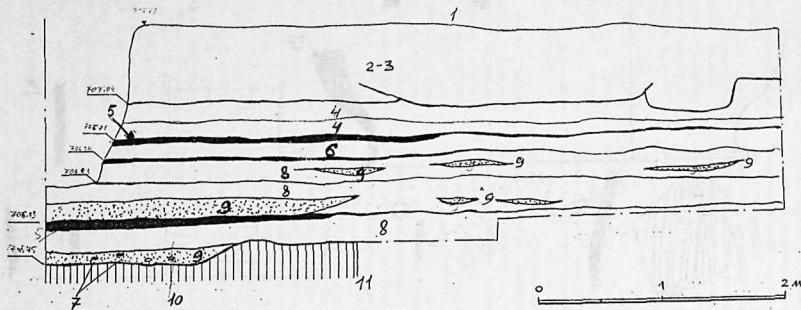

Рис. 4. Разрез канала возле мавзолея Биби-Ханым.

1 - Современная дневная поверхность. 2 - 3 - слои 11-12 вв. 4 - Желтовато-серая глинистая масса без песка и слоя полного запустения. 5. Болотистая прослойка с большим количеством лесса длительного безводного периода 6 - Линза слоистой глины 7 - Мелкие угольки 8 - Отмученный лесс с песком. 9 - Линза серого песка. 10 - Мелкие фрагменты окатанной керамической крошки. 11 - Материковый лесс.

Близь сохранившегося мавзолея Биби-ханым по нашей инициативе была сделана траншея поперек русла, местоположение которого предполагали В.Л.Вяткин и В.В. Бартольд, отождествляя его с древним каналом Джакардиза. Под слоями 11-12 вв. обнаружилась часть русла вырытого в материковом лессе (рис. 4). Глубина русла 0,95 см. вскрытая ширина не менее 12 метров. Русло забито прослойками черного песка со следами периодического прекращения и последующего возобновления тока воды. Канал представлял собой мощную водную артерию, протяженностью не менее 7,5 км. Снабжавшего водой не только Афрасиаб но значительную часть округа. Наличие черного песка в русле свидетельствует о связи его через Даргом с Зеравшаном, а совпадение высотных отметок с каналом 1 на Афрасиабе (сравни: канал 1 - 705, 85 - 706, 70 и канал у Биби-Ханым 705, 75 - 706, 71), позволяет говорить о единой ирригационной системе существовавшей с 6 в. до н.э. по 5 в. н.э. Значительные размеры канала сближает его с древними каналами Хорезма, где в архаическую эпоху ширина канала между береговыми отвалами достигала 30-40 м, а в кангюйскую эпоху до 20 м (Андрианов, Мужамеджанов, с.173).

Таким образом периодизация и этапы развития центрального канала Афрасиаба в основном совпадают с выводами исследователей по эволюции ирригационной

техники среднеазиатских государств - постепенный переход от неглубоких и широких каналов древности к более узким и глубоким каналам средневековья (Андрианов, Мужамеджанов, с.173).

Видимо, в раннем средневековье происходят какие-то изменения в гидросистеме прилегающей округи Самарканда, приведшие к запустению канала возле Биби-Ханым. Не исключено, что с 6 - го века появляется новый подводящий канал, параллельный древнему. При этом происходит повышение уровня ложа каналов на Афрасиабе что вело к их интенсивному заливанью. По видимому, городское водоснабжение, не будучи непосредственно связанным с производством продуктов сельского хозяйства, технически несколько отставало от развития ирригационной системы, от которых всецело зависела аграрная периферия города. Городское водоснабжение Самарканда периода 8-9 вв. происходит значительное усовершенствование каналов.

Несмотря на то, что письменные источники 11-12 вв. не упоминают крытых водопроводов в Самарканде, но исследование центрального канала Афрасиаба позволяют считать наличие их более чем вероятным. Результаты археологического исследования 1996-1997 гг. вносят существенные дополнения в историю развития ирригации и водоснабжения древнего Самарканда и его округа.

ЛИТЕРАТУРА.

1. А.Анорбаев. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981 г.
2. В.Л.Вяткин. Афрасиаб-городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926 г.
3. Б.В.Андрианов, А.Р.Мужамеджанов. К изучению истории орошения Средней Азии. // ИМКУ, вып. 14, Ташкент, 1978 г.
4. Н.Б.Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. // Сб. Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1966 г.
5. Г.В.Шишкина. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе городища // Сб. Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1966 г.
6. В.А.Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. // Сб. Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1966 г.

ГАЗАБА - ГОЗБОН

Э.В.Ртвеладзе.

Согласно Квинту Курцию Руфу, Александр на третий месяц выступил с войском из зимних квартир, отправляясь в область, называемую Газаба или Габаза (6, VII, V, 2 - 14). По Арриану, Александр зимовал в области Наутака (I, IV, 18), локализация которой в восточной части Кашкадарьи, предложенная в прошлом веке (Tomashchek, с. 183) подтверждается сейчас данными археологии, свидетельствующими о значительной концентрации здесь поселений VI-IV вв. до н.э. (Ртвеладзе, 1981, с. 97-98; Сагдуллаев, 1981, с. 38). В последнее время выявлен и административный центр области Наутака - городище Узункур (пл. Около 70 га) с мощной фортификационной системой, расположенное в 9 км. к северу-западу от Китаба (Крашенинникова, с. 459; Сагдуллаев, 1984, с. 103).

И.В.Пьянков на основании критического анализа письменных источников реконструировал последовательность и направление маршрута последнего похода Александра из Согдианы в Бактрию таким образом: путь из Наутаки в область Габазы вплоть до ущелья или перевала, где македонскую армию застала сильная буря, занял три дня. В районе этого ущелья находилась крепость Сисимитра, которая по его мнению, соответствует крепости Хориена, упомянутой Аррианом. После осады и взятия крепости, Александр через страну паретаков прошел вблизи какой-то крепости и, переправившись через Оке, прибыл в Бактры, где произошло соединение всех отрядов македонской армии, пришедший из Парейтакены и Бубакены. Восстановленный маршрут из Наутаки в Бактры, И.В.Пьянков сопоставил с данными средневековых арабских дорожников о расстоянии, затрачиваемом по пути из Кеша в Балх. Он считает, что согласно этим данным, путь от Кеша (Шахрисябза) до Железных ворот (Дар-и Ахани) в Байсунских горах через область Гузара занимал четыре дневных перехода, а от Железных ворот до Балха - пять переходов. Сопоставив все эти данные, И.В.Пьянков помещает область Габазы в районе Гузара, а крепость Сисимифра - Хориена вслед за В.Томашеком и В.В.Григорьевым (Tomashchek, с. 27; Григорьев, с. 192) в районе Железных ворот, трактуя ее как пограничный пункт на

большой дороге, отмечающий рубеж между Бактрией и Согдом (Пьянков, с. 43-46).

Предложенная И.В.Пьянковым локализация, по нашему мнению, достаточно убедительна, но требует ряда уточнений, прежде всего, что он ошибочно полагает, что арабские дорожники отмечают четырехдневную дорогу от Кеша до Железных ворот через область Гузара (Пьянков, с. 45). Дело в том, что эта дорога большой протяженности от Кеша (Шахрисябза) до Гузара - 100 км., от Гузара до Железных ворот - 80 км., всего - 180 км., что примерно занимает шесть дневных переходов. Арабские же дорожники определяют путь от Кеша до Железных ворот в четыре дня по иному направлению, по так называемой Кальтаминорской дороге, являющейся до недавнего времени кратчайшим путем сообщения между долиной Сурхандарьи и Кашкадарьей. В этой связи вкратце остановимся на историко - географической характеристике обширной горной страны, расположенной между двумя земледельческими оазами: Кашкадарьинским с севера и Сурхандарьинским с юга. В широтном и меридиальном направлении она прорезана цепью горных хребтов: Чакчар, Байсун, Кугитанг, Сарымас и Сузистаг и др., объединенными географами в общее понятие «Западный Гиссар».

Примерно в центре ее горные хребты Сарымас и Сузистаг разделены сравнительно широкой долиной Шуробсая, впадающей в Шерабадарью. Здесь находится кишлак Дербент, а в 9 км. к западу от него по долине Шуробсая - горное ущелье Бугзалахана - Железные ворота.

Главная дорога из Бактрии - Тохаристана от переправ Термеза, Шуроб, Чушка-гузар шла по долине Шерабадарьи; у северной окраины г.Шерабада, там, где начинается подъем в горы и долина резко суживается, с западной стороны в кушанское время находилась мощная крепость Кафыр-кала, контролирующая вход в ущелье реки, позднее здесь же находилась и кала шерабадских беков (Ртвеладзе, 1980, с. 31-34). От Кафыр-калы дорога шла прямо на север до Дербента, а затем резко поворачивала на запад и по долине Шуробсая и через ущелье Железные

ворота выходила к селению Кендек. В этом месте дорога разветвлялась: одна шла на северо-запад к Несефу (Карши) через селение Дилеги - один переход, от него к Субаху (район Гузара) - один переход, и от Субаха к Несефу - один переход. Другая дорога от Кендека поворачивала прямо на север и шла к Кешу, до которого именно по этому направлению считалось три дня пути (Бартольд, с. 192). Таким образом, узловым пунктом главной дороги из Бактрии - Тохаристана в Кеш и Согд являлось селение Кендек. В.В.Бартольд предложил локализацию Кендека на месте к. Карахаваль в долине Кичик-Урядары (Бартольд, с. 192), видимо основываясь на данных Н.Маева, который писал, что ниже к. Карахаваль от основной дороги из Шахрисябза ответвляется дорога на Карши (Маев, с. 247). Однако здесь было второстепенное, но не главное направление дороги на Карши (Несеф). Основным же местом, в котором, дорога расходилась по двум направлениям, являлся Ак-рабад, где по нашему мнению, вероятнее всего, находилось селение Кендек. Ак-рабад и позднее был известен как важный узловой стратегический пункт и место остановки караванов - здесь нами отмечены находки средневековой керамики X-XI вв.; в XVI в. на этом месте находился караван-сарай, построенный, по преданию, Абдулла - ханом, а в начале XX в. русскими инженерами была возведена крепость с угловыми каменными бастиянами.

Дорожники определяют расстояние от Железных ворот до Кендека в один дневной переход (Бартольд, с. 192), но по всей вероятности, оно дано не от самого ущелья Бузгала - хана, вблизи которого отсутствуют следы средневековых поселений, а от Дербента. В северной части нами выявлено крупное средневековое поселение X-XII вв., с цитаделью, расположенной в местности Капчигай. Расстояние от Дербента до Ак-рабада более 20 км, что вполне укладывается в один дневной переход, учитывая к тому же сложный рельеф дороги по долине через ущелье и трудный подъем к Ак-рабаду, расположенному в высшей точке перевала.

Подробный путь от Ак-рабада в Шахрисябз с указанием расстояний и физико-географической характеристикой всей местности описан Н.Маевым. Согласно его данным, вся дорога занимала расстояние в 112 верст, т.е. 119 км., 504 м. Промежуточными станциями были Карахаваль (24 версты - 25,6 км. от Ак-рабада), Кальта-минор (20 верст - 21,3 км. до Карахавали), Яр-тубе (28 верст - 29,8 км. от Кальта-минора), не доходя 6 верст до Яр-тубе, дорога покидала горы и через ущелье Кям Дарваза выходила на равнину, Чим Курган (24 - 25 верст - 25,6 км. от Яр-тубе) и от Чим-

Кургана до Шахрисябза 16 верст - 17 км. (Маев, с. 241-249, 271-271).

Согласно арабским дорожникам, путь от Кеша в Кендека равнялся трем дням пути (Бартольд, с. 192). Тремя днями пути определялся Квинтом Курцием Руфом путь войск Александра в области Габузу (VII, IV, с. 2-12).

Таким образом, учитывая эти данные, можно полагать, что данный маршрут был совершен Александром по кальтаминорской дороге, причем отсчет расстояний от зимних квартир в Наутке велся, вероятно, от района Шахрисябз-Китаба, где находился, судя по концентрации археологических памятников, центр этой области. Как мы упомянули выше, расстояние по этой дороге от Шахрисябза до Ак-рабада около 120 км, до ущелья Бузгала-хана-Железных ворот около 130 км, что вполне укладывается в три дня пути по 40 км. в день, учитывая высокую мобильность армии Александра. Следовательно, допустимо предположить, что северная часть области Габаза-Габаза находилась в горной местности, простиравшейся от ущелья Кам-Дарваза вблизи Яр-тубе и Ак-рабада - Железных ворот.

Обратимся к данным топонимики. Рукописи сочинения Квинта Курция Руфа, наряду с названием «Gazaba», дают также написание «Габаза» (Gazaba). И.В.Пьянков любезно сообщил нам в письме, выдержки из которого мы приводим ниже, что написание «Gazaba» встречается в большинстве из них, в том числе в наиболее авторитетной (Parisinus 5716). Издатель Hedicre дает в тексте Gazara, но отмечает и чтение «Gazaba» (1908, p.265). Издатель E.Bardon в тексте дает «Gazaba» но отмечает чтение и «Gabaza» и «Gazara» (том II, 1948, p.297). В издании под редакцией В.С.Соколова в тексте «Gabaza», но отмечено чтение «Gazara» (так следует читать вместо «Gavaba» - опечатка) и «Gazaba» (6, с. 314). Так же у исследователей, В.Томашек предпочитает форму «Gabaza», а И.Маркварт пишет «Gazara», в т.н. рукописи Metzger*а-ad-Gazabes. Таким образом, данная область называлась «Gazaba» или «Gabaza» менее вероятно «Gazara».

На русских топографических картах конца XIX - начала XX в., местность к западу от Ак-рабада обозначена как «Габзан». Н.Маев, между кишлаком Тенги-Корам (Дехканмаев) и Ак-рабадом, упоминает урочище Чашмаи-Хафизджан, говоря о нем, что названия этого урочища на картах искажено в не имеющее смысла название «Габзан» (Маев, с. 144). В 1969 г., при проведении здесь археологических разведок, местные старожилы рассказали мне легенду, согласно которой, в давние времена в этом месте правил некий Газабан-шах, которому принадлежала вся горная

местность и по имени которого она, якобы, была названа. В этих наименованиях очевидно явное созвучие с названием древней области Габаза-Габаза Квинта Куршия Руфа. Таким образом, совпадение маршрутных данных, топонимики и легенды делает вышеприведенную локализацию еще более вероятной.

Обратимся теперь к данным средневековых письменных источников. Армянский историк Себеос (VII в.н.э.), описывая поход персидского полководца Вахрама Михревандака говорит, что этот полководец «силой завоевал Балх и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрот, до места под названием Казбион» (Тер-Мкртчян, с. 58). И.Маркварт локализовал Казбион в Бухарском оазисе (Mazqvart, 1938, с. 138-153), однако, как заметил И.В.Пьянков, эта локализация не оправдана (Пьянков, с. 29). Более предпочтительна территориально, предложенная М.Е.Массоном локализация Казбиона на месте городища Каспи (средневековая Кесба) к западу от Карши (Массон, с.19, 47; Кабанов, с.115). Нам представляется однако, что есть основания к локализации этого Казбиона в горном районе к западу от Железных ворот, т.е. там, где в древности находилась область Габаза-Габаза. Не может не обратить на себя внимание созвучие названий Казбион, Газбан, Габаза и Габаза. Передача звука «г» как «к» не редко встречается в ряде языков, что же касается окончания он-ан в словах Казбион и Газбан, Газбан то, вероятнее всего, они передают персидскую форму этих слов (ср. Balaxš = Vadaḫšan, Šaranī = Šarāniyīn). Но еще более достоверным источником для подобного отождествления являются новые археологические данные, полученные нами при реконструктивных работах в районе Железных ворот и кишлака Дербент. В 2 км. к западу от него была выявлена мощная стена кушанского времени, преграждавшая долину Шуробса на трассе основного пути из Согда в Бактрию. Протяженность стены около 1,5 км, ширина немногим более шести метров. Выстроена она из квадратного сырцового кирпича 32х32х10 см, а внутри заполнена бутовым камнем. В южной части стены мощная крепость, возведенная на скалистом гребне, обрывающемся глубоким каньоном к реке Шуроб (Ртвеладзе, 1986, с. 36-37). Не вызывает сомнений, что это пограничная стена, защищавшая северные границы государства. В связи с этим, слова Себеоса о том, что Вахрам Михревандак завоевал всю страну кушан к северу от Амударьи Вехрота, до места Казбион приобретают ясное топографическое определение: северной границей страны кушан являлся район Дербента, отмеченный пограничной стеной, за ним находилась местность Казбион.

Таким образом, можно считать, что Габаза-Габаза-Казбион - название одной и той же горной местности, расположенной между Дербентом - Железными воротами с одной стороны и Яр-тепе и Гузаром с другой стороны.

Вопрос о локализации Габаза-Габаза теснейшим образом, по нашему мнению, связан с вопросом о местоположении местности «Гобзон», «Ореховое дерево», обсуждаемом в науке, начиная с XIX в.

В раннесредневековых источниках местность или область Гобзон упоминается только в армянском географическом сочинении VII в. «Ашхарацуйц», согласно которому «...Гобзон вплоть до реки, называемой Аранг, о которой (персы) рассказывают, что она несет серу-широкую и непроходимой. Кажется, это Фисон, который персы называют Вехротом. А непроходимым его считают в том смысле, что он непреодолим и непроходим для могущественных народов персов и индийцев в силу договора (Marqvart, 1938, S. 137; Minorsky, p. 331).

В свою очередь И.Маркварт показал, что сообщение Ахарацуйца о Гобзоне и Аранге - Вехроте (Амударья) восходит к древне-иранскому эпическому сказанию о пределе иранских земель и искусном стрелке Арише (Ареше), переданном в зороастрийской литературе и ранними арабо-персидскими авторами. Согласно этим источникам: «Менучехр, царь Ирана, и Афрасиаб, владыка Турана, заключили договор, по которому пределы Ирана будут определены полетом стрелы. Стрелу выпустил искусный стрелок Ариш, она пролетела огромное расстояние и возлилась в «ореховое дерево» (gōzbun) (Marqvart, 1938, S. 153; Пьянков, с. 27).

Доказано, что Гобзон «Ашхарацуйц» и «Ореховое дерево» (gōzbun) иранских сказаний, определяемое как местность, соответствуют друг другу (Marqvart, 1938, с. 14-15, 137; Пьянков, с. 28). Созвучие этих двух названий несомненно.

Где же находилась эта местность? В средневековых арабо-персидских источниках стрела Ариша выпущена из Табристана (область на южном побережье Каспийского моря - Э.Р.) и летит на восток, причем по Табри она достигает Джейхуна-Амудары, а по Саалиби местность Гобзон в районе Хульма области Баглан (Пьянков, с. 27). Согласно Беруни, стрела Ариша достигает крайних пределов Хорасана между Ферганой и Тохаристаном (Беруни, V, с. 239; VI, с. 141).

И.Маркварт, а вслед за ним и И.В.Пьянков, понимали Тохаристан в этом сообщении Беруни как небольшую область с центром в

Талекане, а Фергону связывали с районом одного из протоков реки Кундуз между Багданом и Ишкимишем (Marqvart, 1896, s. 31; Пьянков, с. 27).

Однако никаких указаний на трактовку обеих этих областей - Тохаристана и Ферганы в столь узком значении у Беруни нет ни в одном из его сочинении и не что не препятствует тому, что Беруни понимал эти области ~~менее~~ таковыми, какими они были в древности и средневековье. Тохаристан - это обширная область, охватывающая Северный Афганистан, Южный Узбекистан и Таджикистан разделенные Амударьей на две части, как на это указывал Сюань-Цзянь (Waters, 1904, p.102), Фаргона - это Ферганская долина современного Узбекистана. В.Ф.Минорский, опираясь на предложенную им этимологию термина «Gozbon» как «Lying below Goz» - «Лежащий ниже Гуза» локализовал местность «Гобзон» к северу от области Гузган между средневековыми городами Анхуд (современный Андхой на северо-западе Афганистана - Э.Р.) и Керкух (совр. Керки на берегу Амударьи в Туркменистане - Э.Р.) (Minorsky, p. 331).

Заметим однако, что эта область характеризуется в почвенном отношении исключительным распространением серых песков, каменистых, щебенчатых и глинистых пустынь и никаких ореховых деревьев там не растет (Вавилов, Букин⁴, с. 72, карта, рис. 17, и мои личные наблюдения во время маршрутов в юго-восточном Туркменистане). Уже этот важнейший признак распространения флоры снимает локализацию В.Ф. Минорского, так как в этнических сказаниях и письменных источниках ясно указано, что стрела Ариша вонзилась в ореховое дерево. Очевидно так же, что местность Гобзон может быть локализована только там, где произрастает ореховое дерево.

Обобщая вышесказанное, отметим, что запятые исследователи, а вслед за ними И.В.Пьянков локализируют местность Гобзон к югу от Амударьи (в пределах Северного Афганистана и юго-восточного Туркменистана), хотя ни в Ашхарауице, ни в эпических иранских сказаниях, ни в средневековых письменных источниках такой ориентир фактически отсутствует. И более того, правильное понимание употребленных Беруни широких значений терминов Тохаристан и Фаргона позволяет заключить, что эта местность находилась к северу от Амударьи.

На это указывает и несомненное языковое сходство двух топонимов «Гобзон», Армянского географического сочинения, и древней области Газаба-Габаза, греческих источников, где некоторые языковые несоответствия

(наличия «а» вместо «о», и перестановка букв в топониме Габаза) можно объяснить значительной временной разницей (между походами Александра и написанием Ашхарауица прошло около 1000 лет) или переработкой древними авторами названия Гобзон в более удобное для них Газаба или Габаза (и то и другое написание отмечено в разных рукописях Квинта Курция Руфа см. выше с. 4). В этом отношении примечательно зафиксированное Н.Я.Маявым и русскими топографами 70-х годов XIX в. название местности Габзон в районе современного г.Дехканабада (Кашкадарьинская область), о чем сказано выше, почти точно соответствующее термину Гобзон Ашхарауица и иранских эпических сказаний. Перестановка двух букв «б» и «з» не кажется нам существенной, также как и употребление «а» вместо «о», так как это нередко встречается в словах с двумя рядом расположенными буквами.

Выше мы определили, что северная часть области Габаза-Газаба приходилась на горную местность между Железными воротами (Дарбанд) и равнинной частью Кашкадарьинской области. Однако есть основания полагать, опираясь на сведения Ашхарауица, что Гобзон простирался вплоть до реки Аранг-Вехрот т.е. Амударьи, что область Газаба-Габаза-Гобзон захватывала всю обширную горную систему Юго-западного Гиссара состоящую из ряда горных хребтов и гряд, главным хребтом из которых является Кугитанг, простирающийся от Амударьи до Железных ворот.

Характерно наличие в этом горном районе топонимов Гоз или Гозак, в частности название Гоз носит река, начинающаяся в хребте Кугитанг и прорезающая недалеко от к.Пашхурд Келифо-Шерабалскую горную гряду и впадающую, вероятно, в древности в Амударью. Примечательно, что расположенный у входа в гряду мазар согласно опросу проведенному мною в 1968 г. носит название Гоз или Гозон-ата (другое название Кырккыз). Именно на базе этой речки возникло древнее поселение Дабил-Курган у к. Пашхурд, нижние слои которого датируются VI-V вв. до н.э., а в низовьях реки (где её следы ещё прослеживались 30 лет назад) первое древнеземледельческое поселение в Северной Бактрии - Сапалли - тепе (Ртвеладзе, 1975, Аскаров, 1973).

Примечательно также наличие дикого и культурного грецкого ореха - *Juglans regia*, занимающих большие площади, отдельные экземпляры которого, как я убедился во время моих неоднократных маршрутов по Западному Гиссару, достигают нескольких обхватов. Показательно, что некоторые опрошенные

мною местные жители называют грецкий орех термином джуз или гуз. Такое же название носит он и в Афганистане (Вавилов, Букиннич, с.344).

В связи с комплексом поднятых вопросов нелишне обратиться и к данным зороастрийских источников. Так, в «Меногихрат» сказано, что стрела летела от Патишхвара (Табаристан) до Буни-Гозака (т.е. Орехового дерева) (Marqvar, 1938, S. 11, 14, 175) в чем И.В.Пьянков видит намек на выстрел Ариша (Пьянков, 1982, с. 27). По его мнению то же сказание об Арише отражено в Авесте, где стрелок Рахша (Ариш) пустил стрелу от горы Арийская Хштута до горы Хванва (VI-VIII, 6, 7, 37, 38; Пьянков, 1982, с. 27) И.В.Пьянков сопоставляет гору Хванва (Xvanvanant) с городом Хоана (Хоада) упомянутом Птолемеем в перечне бактрийских городов, расположенных по Оксу (Ptol. VI, 11). Он считает, что этот город располагался на левом берегу Окса и локализирует его у Амударьи напротив Термеза или в районе Ишканиша и Кундуза.

Между тем, в Авесте ясно сказано, что свою стрелу Рахша пустил до горы Хванва, а не до города. Если провести условную линию на карте от Табаристана на восток, то первый горный массив, протянувшийся в меридиональном направлении, встретившийся на пути свободного следования стрелы Рахшы будет Западный Гиссар и Кутитанг, который вероятно и можно сопоставить с горой Хванва (Xvanvanant). В таком случае Бактрийский город Хоана - это, возможно, Келиф - город - крепость, располагавшийся у южной оконечности Кутитанга на обоих берегах Окса-Амударьи, где находилась одна из важнейших переправ на этой реке (подробно о Келифе см. Б.А.Ахмедов, 1982, с. 38-40). О глубокой древности его возникновения свидетельствуют найденные здесь В.Н.Пилипко материалы кушанского времени (Пилипко, 1985, с. 181), а также керамика эллинистического времени (и более раннего?) обнаруженная мною во время маршрута по

Оксу. В Келифе располагался и рабад под названием Зу-л Карнайин (Александр Македонский). Примечательно персидское название Келифа-Увайсгард (Ахмедов, с. 38) в первой части которого возможно отражено древнеиранское - хва.

Обратимся теперь к исключительно интересному, но до сих пор не привлекаемому к решению вопроса о Габазе-Габазе-Гозбону, источникам - монетам.

В частности Р.Гёблем были впервые опубликованы два экземпляра серебряных подражаний чекану Варахрана IV (388-399) с бактрийской легендой, которую он читает как PAUO или ROBOZIKO (Söhl, 1967, I, 32: III, таб. 14). Позднее, Б.И.Вайнберг опубликовала две подобные монеты - одна из коллекции ГИМ, вторая найдена в районе Термеза. На термезском экземпляре она читает легенду как RO/WBOZIK, а на монете из ПИМА как RO/WBOZ. Она предполагает, что на данных монетах передано имя правителя одного из хионитских племен, захвативших Северный Тохаристан в конце IV - начале V в. (Вайнберг, с. 130-134). Однако в определении шестого знака этого слова Р.Гёбль и Б.И.Вайнберг называли йоту, но судя по его начертанию на монетах он передаёт не йоту, а омикрон, также как седьмой знак может передавать как каппу так и ню.

Таким образом, легенда в полном её начертании в одном из вариантов может читаться как PAUO или PAO ROBOZONO т.е. - царя Гобозона, в кратком - ROBOZONA или GOBOZ[A], передающая как нам представляется не имя, а топоним, название той же области фигурирующей в древних и средневековых письменных источниках и иранских эпических сказаниях - Габазы - Габза - Габза - Гозбон.

Очевидно, вместе с тем, что эта область охватывала обширную территорию от Южного Согда, где на севере её крайним пределом был город с искаженным Себеосом названием - Казбион, и до Окса-Вехрота-Амударьи.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Арриан. Поход Александра. Перевод М.Е.Сергеевко. М. - Л., 1962
2. Аскарлов А.А. Сапалли-тепа. Ташкент, 1973.
3. Ахмедов Б.А. История Балха. Ташкент, 1982.
4. Беруни Абу Райхон. Избранные произведения ... т. V, VI. Ташкент, 1973, 1975.
5. Беруни Абу Райхон. Избранные произведения ... т. VI. Ташкент, 1975.
6. Григорьев В.В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. ЖМНП, 1881, с. 4. CCXIV.
7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т.1. М., 1963.
8. Вавилов Н.И., Букиннич Д.Д. Земельный Афганистан. В кн. Академик Н.И.Вавилов. Избранные труды. Т.1. М. - Л., 1959.
9. Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запустением Кара-тепе в Старом Термезе). // Кара-тепе. III. М., 1972.
10. Кабанов С.К. Нахлеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
11. Крашенинникова Н.И. Работы в Китабском и Шахрисабском районах // АО - 1981, М., 1983.
12. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.

13. Маев Н.А. Географический очерк Гиссарского края. // МСТК. 1879, вып. 5.
14. Массон М.Е. К вопросу о северных границах Кушанского государства. // ОНУ, 1968, № 8.
15. Marqvart J. Wehrot und Arang. Leiden. 1938.
16. Marqvart J. Ezansahr nach der Ps.Moses Horenci Berlin. 1901.
17. Minorsky V.F. Hudud al - Alam. The region of the world. A Persian Geography 372 A.H. London. 1437.
18. Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
19. Ртвеладзе Э.В. Кала в Шерабаде и Денау. // САУ, 1980, № 3.
20. Ртвеладзе Э.В. Ксениппа - Паретакад // (Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981).
21. Ртвеладзе Э.В. К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана. // СА. 2. 1975.
22. Ртвеладзе Э.В. Стена Дарбада Бактрийского. // ОНУ, 1986, № 12.
23. Сагдуллаев А.С. Древние пути на юге Узбекистана. // ОНУ, 1981, № 7.
24. Сагдуллаев А.С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи. // СА, 1984, № 3.
25. Сагдуллаев А.С. О «второй столице» Согдианы (критерий оценки города Согда и Бактрии периода походов Александра Македонского). // Городская среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда IV в. до н.э. - VIII в. н.э. Ташкент, 1986.
26. Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. М., 1938.
27. On Yuan Chwang's travels in India 629-645 A.D. By Thomas Watters. London. 1904.
28. Tomashek W. Centralasiatische Studien. 1, Sogdiana. Wien. 1877.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ДЖИДЕЛИБУЛАК-1 НА УСТЮРТЕ.

В. Н. Ягодин.

Огромные пустынные пространства лежащие между Аральским и Каспийским морями еще недавно оставались terra incognita для археологической науки. Успешные археологические изыскания, проведенные Институтом археологии РАН, Институтом археологии НАН Республики Казахстан и Институтом истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан выявили здесь большое количество интереснейших археоло-

гических объектов как ранних, так и поздних кочевников и позволили заключить, что Арало-Каспийские пустыни являются подлинной лабораторией для изучения проблем номадизма.

Одним из таких археологических объектов является курганный могильник Джиделибулак-1. Он расположен на северном участке Восточного чинка, в 5 км. к югу от курганной группы Байгуре и в 2 км. к северу от спуска к роднику Джиделибулак (рис. 1).

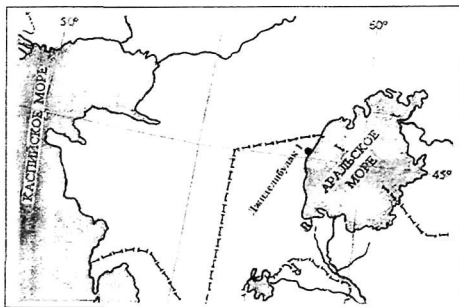

Рис.1. Картограмма местоположения могильника Джиделибулак-1

Обнаружен, описан и нанесен на карту в 1972 году во время работ Устюртского археологического экспедиционного отряда (далее УАЭО) Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекистана [Ягодин, 1975, с.123, рис.19]. Съёмка плана и раскопки части курганов были произведены в 1884 году УАЭО-84. [Ягодин, 1984].

В районе расположения могильника Восточный чинк образует несколько оползневых амфитеатров разделенных мысами. Рельеф амфитеатра, несколькими ступенями

спускающегося к морскому пляжу и отделенного от него обрывом, сглаженный, увалистый, лишь в отдельных местах выступают рваные края древних оползней. Под мысом, на котором расположена группа курганов III, находится источник выделяющийся на склоне густыми, буйно зеленеющими зарослями камыша и трав. Источник слабо минерализован, вода пригодна для питья, со слабым привкусом соли. Вода источника застывает в ложбине и не стекает к морю. Под чинком в районе группы курганов IV находится другой источник,

дающий начало ручью, постепенно исчезающему в карстовых трещинах. Вода в этом источнике сильно минерализована, горько-соленая на вкус.

Местность перед чинком слабо расчленена, находится на абсолютных высотах 170-180 м. Имеет заметный уклон к морю. К чинку открываются обширные котловины, водоразделы между которыми, выходящие обычно к краям чинка, образуют слабовыраженные высоты и мысы.

Курганы могильника расположены полосой вдоль чинка на протяжении 3,7 км. (рис.2). По топографическим признакам выделяются шесть курганных групп. Кроме того, в составе могильника отмечены и одиночно расположенные курганы. В группах обычно один курган превосходит остальные по размерам и располагается на вершине высоты или краю мыса, т.е. в какой-то выделяющей ландшафтной точке.

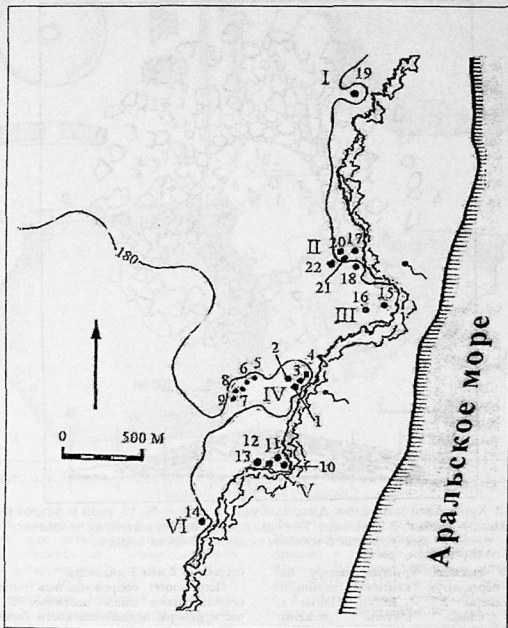

Рис. 2. Курганный могильник Джиделибулак - 1, ген. план. Усл. знаки: - курганы; - источники. Римскими цифрами обозначены №№ групп; арабскими №№ курганов.

В составе могильника насчитывается 22 курганных насыпи. Не исключено, однако, что реальных курганов меньше, т.к. несколько

обозначенных на плане в качестве курганов скопления камней в рельефе выражены слабо и не содержат погребений. По всей

территории могильника, особенно в курганных группах, отмечаются редкие находки фрагментов лепной, слабо обожженной и станковой, красноглиняной керамики.

В могильнике раскопаны курганы № 2,8,9,10,12,19. Иначе говоря, раскопкам подвергнуты все установленные по внешним признакам варианты насыпей и практически все курганы оказавшиеся пригодными для раскопок.

«Группа» I. Расположена на северном конце

могильника. Представлена одиночным курганом №19. Насыпь кургана находится на вершине небольшой высотки отстоящей от края чинка примерно на 100 м. Диаметр насыпи по основанию около 12 м., высота около 1 м. Поверхность щебнистая, на вершине - плиты известняка густо обросшие зеленовато-бурыми лишайниками. По склонам насыпи прослеживаются выходы вертикально стоящих плит известняка, очерчивающих круг диаметром 5-6 м. (рис. 3)

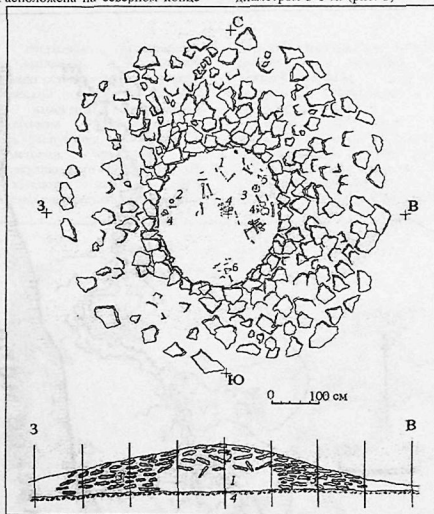

Рис. 3. Курганный могильник Джиделибулак-1, курган № 19, план и разрез В-З.

План: 1- оселок; 2-пряслице; 3-сосудик лепной; 4-фрагменты человеческих черепов; 5-нижняя челюсть; 6-кости барана.

Раскопки выявили круглую камеру на горизонте перекрытую каменной насыпью. Диаметр камеры 2,7 - 2,8 м. Плиты в каменной кладке кургана уложены бессистемно и не образуют ровного края насыпи. Камера выделяется частью лишь по мягкой песчанистой засылке. В камере находятся коллективные или многократные погребения. Курган разграблен, кости сдвинуты с мест и частично уничтожены. Судя по количеству черепов в кургане было

погребено 2 или 3 индивида.

Погребения сопровождалась инвентарем сохранившемся лишь частично. В южной части камеры находились кости барана, судя по составу костей, передняя часть туши без головы. Отдельные находки бараньих костей отмечены и в других частях камеры. В восточной части найден лепной сосудик (рис.4А,3), в северной оселок и пряслице (рис. 4А, 1-2). Все они были смещены с места первоначального залегания.

Погребальный инвентарь

Пряслице (рис. 4А,1). Дискovidное, вогнуто-выпуклое, выточено из стенки станкового красноглиняного сосуда изготовленного из тонко отмученной и тщательно промешанной формовочной массы, без видимых примесей. Обжиг ровный, горновой. На внешней

поверхности сплошная облицовка жидким, светлым, белым или желтоватым ангобом. Канал отверстия сверленный, цилиндрический. Сверление одностороннее. Диаметр диска - 4,3 см., диаметр отверстия - 0,8 см., толщина диска - 0,7 - 0,9 см.

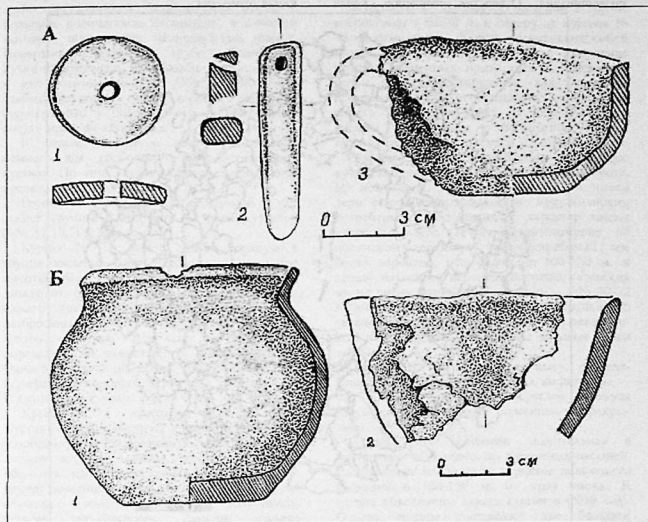

Рис. 4. Курганный могильник Джиделибулак I, погребальный инвентарь: А-курган № 19, Б-курган № 1

Находки таких пряслиц чрезвычайно характерны для устьуртских погребений в каменных ящиках на уровне древнего горизонта, датирующихся в пределах IV-II вв. до н.э. [Ягодин, 1978, с. 103, рис. 28, 1-2]. Известны подобные пряслица в курганах кочевников Присарыкамышской дельты Амударьи, в частности в материалах I-III вв. н.э. могильника Тузгар (Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 128, табл. VI, 1-3). Находки подобных пряслиц обычны в культурных слоях городов и поселений античного Хорезма в V-III вв. до н.э. [Кой-крылган-кала, 1967, с. 169; Воробьева, 1973].

Для кочевников степей Средней Азии и

Восточной Европы они не характерны. Исключением являются находки подобных пряслиц в курганах прохоровской культуры Южного Приуралья. [Смирнов, 1964, с. 107, рис. 59, 35-37].

Я уже отмечал, что подобные пряслица попадали к кочевникам Устьурта в результате обмена с оседло-земледельческим Хорезмом и разносились затем до Южного Приуралья по традиционным трассам сезонных перекочевков.

Аналогичным образом они попадали и в курганы кочевников Присарыкамышской дельты [Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 128].

Оселок (рис. 4А,2) Представляет собой

брусек вытянуто-прямоугольной формы, слегка суживающийся от верхнего к нижнему концу. Поперечное сечение переменной формы - от прямоугольного до овального. Верхний конец - прямо срезанный, нижний - скруглен. На верхнем утолщенном конце сквозное наклонное отверстие для подвешивания. Отверстие сверленное, канал

отверстия цилиндрический, сверление двустороннее. Длина оселка - 75 мм., макс. толщина - 11 мм., макс. ширина - 17 мм., диаметр отверстия - 5 мм. Оселок сделан из тонкозернистого темно-серого песчаника. Индивидуальной особенностью оселка является наклонный, а не горизонтальный канал отверстия.

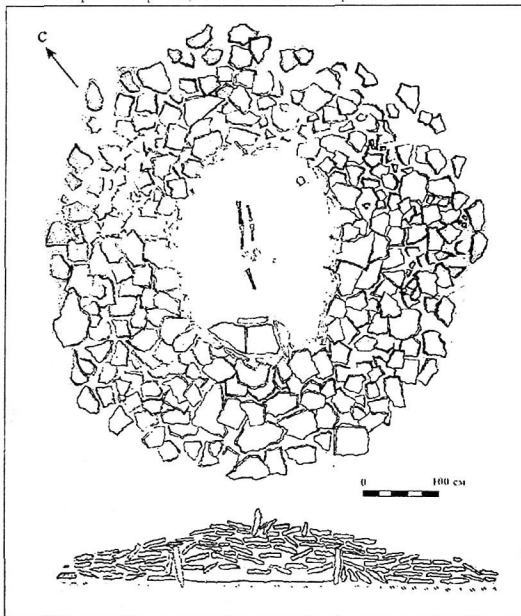

Рис. 5. Курганный могильник Джиделибулак-1. Курган 1, план и разрез А-Б. Усл. знаки: на плане: 1-сосуд горшковидный, 2-фрагмент кубковидного сосуда, 3-тонкий золистый слой.

Каменные прямоугольные или сигаровидные оселки с отверстием для подвешивания в верхней части распространены очень широко. В Средней Азии являются обычной находкой в погребениях последних вв. до н.э. первых вв. н.э. Их находки отмечены в частности в могильнике Тузгыр [Лоховиц, Хазанов, 1979, с. 128, табл. У1, 16-17] и в культурных слоях оседло-земледельческих поселений древнего

Хорезма [Кой-крылган-ката, 1967]. С другой стороны, подобные оселки характерны для сарматской прохоровской культуры Южного Приуралья [Мошкова, 1963, с.39, табл. 23, 1, 8-12, 14].

Кружка (рис. 4А, 3) Сосудик полусферической формы, со слабо уплощенным дном, и слегка загнутыми внутрь краями. Один край выше другого. На высоком крае сохранились

следы верхнего края ручки, оббитая поверхность в этом месте сосулика позволяет предполагать, что здесь находилась вертикально расположенная, петельчатая ручка. Диаметр по устью - 7,5-7,7 см., высота 6,2 см., толщина стенок 0,6-0,8 см.

Сосуд сформован вручную из одного куска грубо промешанной формовочной массы с большим количеством отощителя, в качестве которого использован мелкозолотый шлам. Поверхности бугристые, грубо заглаженные. Ручка формовалась отдельно и примазывалась к уже готовому сосуду. Обжиг неполный, слабый. Черепок в изломе черный в середине, буро-красный у поверхностей. Поверхность сосуда местами закопчена.

В целом инвентарь дает сравнительно немного для хронологического определения кургана. По типу он может быть датирован в пределах V-III вв. до н.э.

Группа II. Расположена примерно в 1 км. южнее группы I. Состоит из пяти курганов №№ 17, 18, 20, 21, 22.

Курган № 18 имеет самую крупную в группе насыпь. Она находится на вершине высотки-мыса расположенного в 50-60 м. к западу от обрыва плато. Основание насыпи изрыто грызунами, камни насыпи частью разбросаны, курган порос целой рощицей кустов саксаула. Все это не позволило определить ни диаметра, ни высоты насыпи. Однако, торчащие на поверхности, по периферии кургана, верушки вертикально в Группе два кургана №№ 15-16.

Курган № 15 находится на краю мыса. Курган имеет каменную насыпь, частично разобранную и разбросанную. По периферии насыпи хорошо заметна, идущая по кругу, обкладка из установленных с наклоном к центру каменных плит. Камни насыпи густо обросли зеленовато-бурыми и голубовато-серыми лишайниками. Размеры насыпи установить трудно, т.к. она густо поросла целой рощицей саксаула препятствующего ее обмеру. В целом насыпь аналогична насыпи кургана № 19 в группе I. Также как в последнем кургане, здесь мы, вероятно, имеем дело с круглой наземной погребальной камерой с погребением (или погребениями) на горизонте, перекрытой каменной насыпью. К раскопкам курган практически непригоден т.к. корни саксаула, почти наверное, безнадежно испортили содержимое погребальной камеры.

Курган № 16. Расположен в 40-50 м к западу от кургана № 15 на краю невысокого каменистого уступа. Видны остатки разбросанной каменной насыпи. Чуть выше уровня горизонта хорошо видна круговая кладка из плитняка, образующая камеру диаметром около 3 м. В данном случае, перед нами тот же тип погребального сооружения

закопанных известняковых плит, повторяют уже хорошо известную ситуацию и позволяют, с достаточным основанием, предполагать, что в данном случае мы имеем дело с большой, круглой в плане, наземной погребальной камерой и погребением (или погребениями) на горизонте, перекрытыми каменной насыпью.

Курган № 17. Второй по величине в группе расположен в 60-70 м. к северу от кургана № 18 на краю плато. Курган представляет собой весьма неопределенное в плане скопление крупных каменных плит, хотя в основании, почти на уровне горизонта, как будто бы прослеживается относительно регулярная кладка идущая по кругу. В целом диаметр насыпи около 6 м. Возможно, имеется круглая погребальная камера на горизонте.

Курган № 20. Представляет невысокую кучку каменных плит, вытянутую по широте. Не исключено, в данном случае мы имеем дело с позднесредневековым, мусульманским погребением. Подобный же характер имеют «курганы» №№ 21-22. Предположение об исламском характере этих погребений тем более вероятно, что рядом, в 100-150 м. к западу находится небольшая группа казахских могил очень похожих на «курганы» №№ 20-22 и имеющих культасы в виде вертикально установленных необработанных известняковых плит, на которых выбиты родовые тамги табынов.

Группа III. Расположена на мысу, разделяющим два соседних оползневых амфитеатра. что и в кургане №15- круглая наземная погребальная камера с каменным перекрытием.

Группа IV. Наиболее значительная в могильнике по количеству курганных насыпей. Расположена на плоской вершине невысокого поднятия в 100-150 м. от края чинка. В группе объединены девять курганов (№№ 1-9). Основу группы составляют две большие каменные насыпи расположенные рядом: курганы №№ 1 и 2.

Курган № 1 имеет насыпь диаметром до 12 м. высотой более 1м. На поверхности многочисленные, лежащие беспорядочно, известняковые плиты. В центре отмечаются плиты стоящие вертикально. По склону насыпи прослеживаются, идущие по кругу, верушки вертикально стоящих каменных плит.

После раскопок было установлено, что курган № 1 имел овальную в плане погребальную камеру сооруженную на уровне древнего горизонта из мощных вертикально установленных необработанных плит известняка. Размеры камеры по осям 3,50 х 2,65 м., ориентация длинной осью СВ-ЮЗ (рис. 5). В ЮЗ конце камеры за головой погребенного часть камеры ограждена вертикально установ-

ленными каменными плитами. Горизонтально уложенными плитами пол в пределах этой

оградки поднят на 20 см. выше по сравнению с уровнем пола камеры.

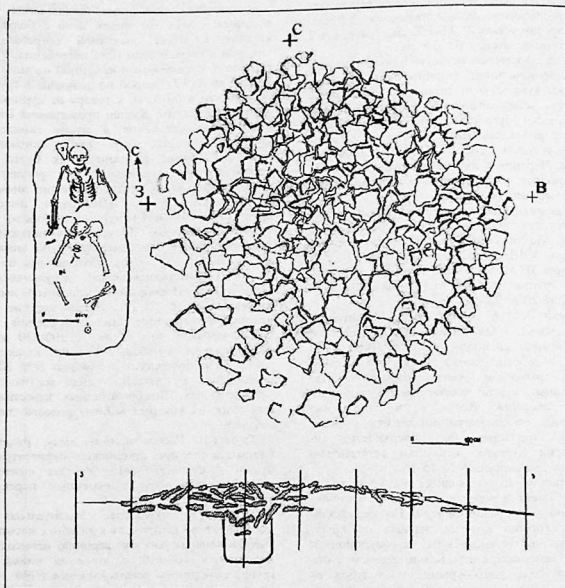

Рис.6. Курганный могильник Джиделибулак-1. Курган № 2. План насыпи, разрез. В – 3, план погребения: 1-пряслице каменное, 2-браслет бронзовый, 3-фрагмент керамики, 4-пряжка бронзовая.

Камера перекрыта необработанными плитами известняка, уложенными без какой-либо системы. В центре, в наиболее высокой части насыпи, часть плит установлена вертикально. Диаметр насыпи около 8 м., максимальная высота от уровня древнего горизонта чуть более 1м.

По всей площади дно погребальной камеры покрыто тонким слоем суглинистого грунта. В центре камеры сохранились остатки человеческого костяка. Соли, корни растений, грызуны почти полностью уничтожили кости. Однако частично сохранившиеся *in situ* остатки длинных костей верхних и нижних

конечностей позволяют реконструировать первоначальное положение костяка. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад. Вокруг костяка суглинистый слой слабо зазолен, однако, следы горения отсутствуют. Зола, вероятно, была принесена со стороны и рассыпана по полу погребальной камеры.

Погребение сопровождалось инвентарем сохранившимся лишь частично. В СВ части камеры у стены в перекопанном грунте, на 0, 3 м. выше дна камеры, лежал на боку миниатюрный горшковидный лепной сосуд сохранившийся не полностью. У середины

западной стенки камеры находились фрагменты бокалообразного лепного сосуда.

Среди прочих находок необходимо отметить фрагменты обгорелых костей животных.

Погребальный инвентарь.

Вследствии ограбления курган почти не сохранил инвентаря. Обнаружены лишь два достаточно характерных фрагмента керамики, на основании которых представилось возможным реконструировать форму сосуда.

Горшок (рис. 4Б,1). Имеет округлое тулово, плоское дно низкую раструбообразную горловину. Высота сосуда 10,5 см., наибольший диаметр 10,8 м., диаметр горловины - 9,5 см., толщина стенок - 0,5 см., дна - 1,0 см. Сосуд изготовлен без применения гончарного круга из плохо промытой формовочной массы с большим количеством ошотителя, в качестве которого использован шамот. Обжиг костровый, неравномерный, черепок в изломе черный. Внешняя поверхность сосуда сильно закопчена.

Чаша, глубокая, грубо конической формы (рис. 4Б, 2). Ширина устья 12 см, толщина стенок 0,7 - 0,9 см. Сосуд изготовлен без применения гончарного круга из очень плохо промытой формовочной массы с обильными примесями мелко дробленого шамота.

Курган № 2. Курган имел сплошную каменную насыпь из беспорядочно уложенных на древнем горизонте необработанных известняковых плит. Диаметр насыпи около 6,

5 м., высота от уровня древнего горизонта - немого более 0,6 м.

Под насыпью находилась могильная яма, прокопанная с уровня древнего горизонта. Яма прямоугольная в плане со скругленными углами и слабо вытянутыми торцовыми сторонами. Размеры ямы по осям 2,10 x 0,80 м. Глубина от уровня древнего горизонта 0,8 м. Длинной осью яма ориентирована по оси С-Ю с небольшим (110) отклонением к востоку. Яма сдвинута от центра насыпи к С-3 (рис. 6).

На дне ямы находился человеческий костяк, лежавший на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела, ноги раскинуты ромбом (поза «всадника»). На кисти правой руки бронзовых браслет. В южной части ямы находилось глиняное грузило или пряслице. В области колена правой ноги бронзовая пряжка с железным язычком. У черепа с правой стороны фрагмент крупного лепного сосуда.

В засыпке ямы - фрагменты лепной керамики, в верхней части засыпки - древесные угольки. Засыпка и грунт вокруг курганной насыпи изрыты норами грызунов, частично сместившими кости скелета из первоначального положения.

Погребальный инвентарь.

Пряслище каменное (рис. 6А,1), сплюснуто-шаровидной формы, нижняя часть плоская, зашлифованная. Диаметр - 5,2 см, толщина 2,9 см, диаметр отверстия 2,0 см. Отверстие сверленое, сверление одностороннее, канал отверстия цилиндрический. Пряслище изготовлено из серого мелкозернистого песчаника.

Браслет (рис. 6А,2), овальный с несомкнутыми слегка расширяющимися концами, гладкий, круглопроволочный, бронзовый, литой. Концы срезаны перпендикулярно к оси стержня. Диаметр браслета 6,3 - 7,3 см, диаметр прута 0,4 см.

Браслеты этого типа распространены очень широко. Их находки отмечены в Северной Бактрии в могильнике Тупхана. [Дьяконов 1950, с. 70; Литвинский, Седов, 1984, табл. 111, 3, 7, 10, 11, 14, 15, 20, 21, 27, с. 49]. М.М. Дьяконов датирует их I в. н.э. [Дьяконов 1950, с.176]. Б.А.Литвинский I-II вв. н.э. [Литвинский, Седов, 1983, с.49]. Находка подобных браслетов, но не из круглого, а плоско-выгнутого стержня отмечены в Бабашовском могильнике, в комплексе I-II вв. н.э. [Мандельштам, 1975, табл. XI, 1-2].

Браслеты интересующего нас типа, но изготовленные из золота, датирующиеся I-II вв. известны в составе дальверзинского клада [Пугаченкова, 1978, с. 94, табл. 73]. Бронзовые браслеты описываемого типа были обнаружены при раскопках погребального сооружения 2 некрополя городища Тепаи-шах. Погребальные сооружения некрополя датируются в пределах I-V вв. [Литвинский, Седов, 1983, с.61-62, 155, табл. XXX, 2,3]. Золотые браслеты описываемого типа в Южной Бактрии известны в составе инвентаря царских погребений Тилля-тепе [Сарианиди, 1979, с. 36. фото].

Помимо Бактрии круглые несомкнутые браслеты с расширяющимися концами найдены в Западной Фергане. Они известны в курганах Исфаринского района в комплексе I-II вв. н.э. [Литвинский, 1973, с. 11] и курумах Наманганской области в погребениях датируемых около рубежа н.э. [Литвинский, 1973, с. 12]. Таким образом, все средне-азиатские параллели нашей находки не выходят за пределы I-V вв. н.э.

За пределами Средней Азии хронологические рамки подобных браслетов еще более

широки. Наиболее ранние их экземпляры отмечены в погребениях V в. до н.э. в Северном Причерноморье [Гайдукевич, 1959, 159, рис. 2]; в каменных ящиках V-IV вв. до н.э. Керченского полуострова [Кругликова, 1973, с. 165, рис. 225]. В то же время в

могильниках крымских готов они встречаются еще в V-VIII вв. [Репников, 1907, табл. XI/7,9,10]. В Нижнем Поволжье они известны в сарматских погребениях среднесарматского (II в. до н.э. - I в. н.э.) периода [Абрамова, 1959, с. 64-65].

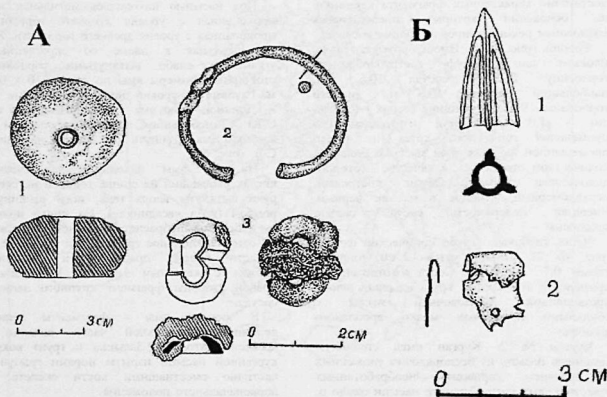

Рис. 6а, 6б. Курганный могильник Джиделибулак -1. Инвентари
А-курган 2; Б-курган 10.

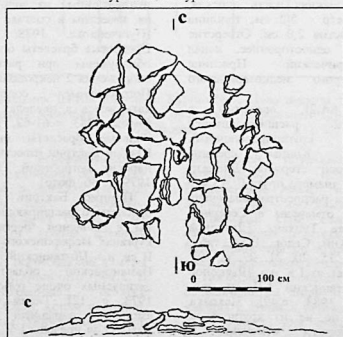

Рис. 7. Могильник Джиделибулак - 1, «курган» 9, план и разрез.

Пряжка (рис. 8, 3). Рамка В - образная по внутреннему и внешнему контуру. литая, бронзовая. Литые небрежные, на передней части наплыв искаживший форму рамки. Язычок железный, длинный, выступающий за передний край пряжки, круглый в сечении, утолщающийся к задней части. Размеры рамки: по продольной оси - 13 мм, по поперечной - 18 мм. Поперечное сечение передней и задней части (дрота) вогнуто-выпуклое.

По В.Б.Ковалевский в Евразии В-образные пряжки появляются в IV-V вв. Наибольшее распространение они получают в VI-VII вв. В единственных экземплярах сохраняются в VIII-IX вв. В.Б. Ковалевская считает их датирующим отделом VI-VII вв. Известны они в Крыму, на Кавказе, в Башкирии, Поволжье, Приднепровье, Сибири, Пермской обл. [Ковалевская, 1979, м. С. 40,44].

Поскольку погребение, в котором найден браслет, по всему комплексу обряда может быть отнесено к погребениям позднесарматского типа, аналогии в сарматской культуре среди приведенного перечня являются наиболее существенными. Северная ориентировка погребения появляется на Устье не ранее II в.н.э. Наиболее ранние В-образные пряжки появляются в IV в. Дата браслета, особенно дата аналогичных браслетов в сарматских комплексах, также не противоречит этому. Все это, вместе взятое позволяет предположить для кургана № 2 могильника Джиделибулак - 1 дату IV в.

Курганы №№ 3, 4. Расположены к востоку от кургана № 1. Выглядят как более или менее круглая выкладка из необработанных известняковых плит практически на уровне не нарушенного древнего горизонта. Диаметр подобных «насыпей» 3-4 см.

Курганы №№ 5-9. Расположены цепочкой вытянутой по линии СВ-ЮЗ в 250-300 м. к западу от кургана № 1 по краю уступа. Полностью аналогичны «курганам» № 3, 4.

Курган № 8. Как уже отмечалось, это один из курганов в цепочке насыпей № 5-9. Представлял собой низкую насыпь из известняковых необработанных плит диаметром около 5 м. Плиты уложены беспорядочно, горизонтально, наклонно и

даже вертикально. Насыпь уложена на ненарушенной древней дневной поверхности, какие-либо находки отсутствуют.

Курган № 9. Полностью аналогичен «кургану» № 8 отличающ от него лишь размерами. Диаметр насыпи кургана 2, 5 (рис. 9).

По внешним признакам можно полагать, что не раскопанные курганы №№ 3-7, аналогичны раскопанным №№ 8-9 и представляют собой также искусственные насыпи на ненарушенной древней поверхности.

Группа V. Расположена на плоском камennom мысу плато, разделяющим два соседних оползневых амфитеатра. В группе 4 кургана (№№ 10-13), вытянутых цепочкой вдоль обрыва плато. В группе раскопаны курганы №№ 10-12.

Курган 10 Самый большой в группе. Находится на оконечности мыса. Имеет насыпь из беспорядочно уложенных плит известняка грубо овальную в плане размером по осям 5,35 x 3,90 м., высотой до 0,35 - 0,40 м. Известняковые плиты кургана густо обросли зеленовато-бурыми и голубовато-серыми лишайниками. По центру насыпи даже без раскопок был хорошо виден прямоугольный каменный ящик, сооруженный из крупных плит известняка установленных вертикально на древней дневной поверхности и обложенных затем камнями. насыпи (рис. 8). Длинной осью ящик ориентирован по линии С-Ю со значительным (до 30°) отклонением к востоку. Размеры ящика установленные после раскопок - 1,25 x 1,40 м.

Можно предполагать, что первоначально ящик имел перекрытие из беспорядочно сложенных каменных плит. В момент обследования плиты оказались сброшенными в южную часть насыпи, а северная часть ящика обнажена. Внутри ящик имел шибнистое заполнение со следами перекопанности. В заполнении хаотически разбросаны остатки погребения и инвентаря: фрагменты лепной керамики, фрагменты бронзовой оковки каких-то, вероятно деревянных предметов, бронзовый наконечник стрелы, фрагменты костей человеческого скелета.

Погребальный инвентарь.

Фрагмент бронзовой оковки (рис. 6 Б, 2). тонкая пластина с дырочкой для заклепки.

Наконечник стрелы (рис. 6Б, 1), трехлопастной, базисный, сводчатый со скрытой втулкой. Основания лопастей срезаны почти по одной линии с втулкой. Длина наконечника 3 см, ширина по основанию 1, 4 см. В классификации наконечников стрел савроматской культуры подобные наконечники

выделены в тип 10, отдела трехлопастных. [Смирнов, 1961, с.49-50]. По наблюдениям К.Ф. Смирнова наконечники типа 10 обнаружены преимущественно лишь в поволжских комплексах VI-V вв. до н.э. В Южном Приуралье находки подобных наконечников единичны [Смирнов, 1961, рис. 24 А,42]. К.Ф. Смирнов полагает, что этот тип наконечников обычен для Скифии. Они

появляются здесь еще в начале VI в. до н.э. и проникли отсюда к савроматам. В Скифии и у савроматов наиболее широкое распространение они получают с конца VI-начала V в. до н.э. С начала IV в. на первое место в колчанных комплексах выходят базисные наконечники стрел с треугольной головкой [По К.Ф. Смирнову - тип 11. Смирнов, 1961.

с. 40]. Находки стрел типа 10 отмечены в Хорезме среди подъемных недатированных материалов. [Толстов, 1948, с. 73, с.130, рис. 74 А]. Стрелы типа 10 были найдены при раскопках сакского городища Чирикбаб в низовьях Сырдарьи (Смирнов, 1961, с. 50), а также в Таджикистане [Литвинский, 1956, стр.44, рис.5].

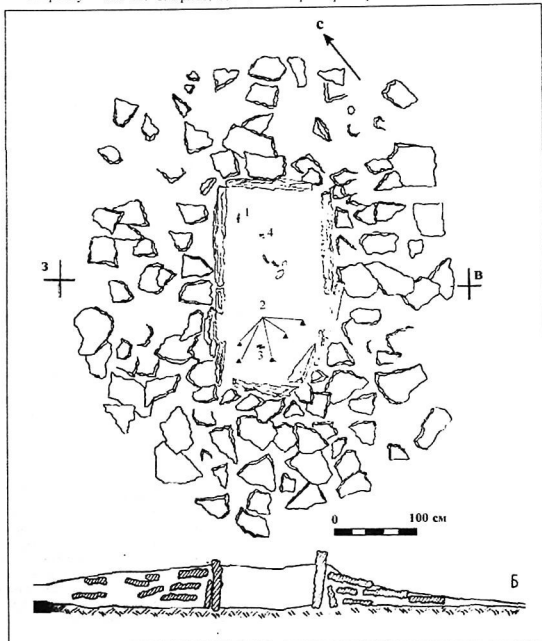

Рис. 8. Курганный могильник Джиделибулак -1, курган № 10, план и разрез АБ. Усл. знаки: 1-бронзовый наконечник стрелы, 2 - фрагменты лепной керамики, 3 -фрагменты бронзовой обкладки.

Принимая во внимание, с одной стороны, что дата анализируемого типа наконечника не выходит за пределы VI-V вв., с другой стороны, что тип погребального сооружения в котором был найден наконечник, на Устьрте

датирован в пределах V-III вв. до н.э. дату кургана и остатков инвентаря из него можно ограничить одним V в. до н.э.

Курган № 11. Остатки совершенно разрушенного прямоугольного меридионально

ориентированного длинной осью каменного ящика.

Курган № 12. Прямоугольный каменный ящик, длинной осью ориентирован по меридиану. Без раскопок была видна лишь его южная часть. Вокруг ящика обкладка из наклонно лежащих плит известняка. Курган ограблен, плиты ящика частично смещены с мест.

Курган № 13. Очень плохо сохранившийся прямоугольный каменный ящик ориентированный длинной осью по меридиану.

Группа VI. С юга курганный могильник замыкает одиночный курган №14

Типология погребальных сооружений.

Раскопки 1984 года позволили установить типологическую неоднородность могильника. Имеющиеся материалы позволяют выделить следующие четыре типа погребальных сооружений:

Тип 1. Круглая погребальная камера с многократными или коллективными погребениями на уровне древнего горизонта. К этому типу относятся раскопанные курганы № 1, № 19, по внешним признакам к этому же типу отнесены не раскопанные курганы № 18, 17, 15, 16, 14. Все курганы этого типа разграблены поэтому характеристику обряда можно дать лишь неполную, обобщенную по нескольким курганам.

Камеры обычно содержали коллективные или многократные погребения (курган № 19). Однако (курган № 1) имеются и одиночные погребения. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой ориентировались на ЮЗ. В одном случае (курган № 1) отмечена зольная подсыпка по дну камеры. В кургане 19 отмечена половина передней части обезглавленной туши барана. Данные о составе инвентаря неполные: в камерах отмечены лепные сосуды, пряслища, оселок.

Тип 2. Каменный ящик на уровне горизонта, перекрытый каменной насыпью,

расположенный на мысу возвышающемся над краем плато. Курган представляет собой насыпь из очень крупных каменных плит. Диаметр насыпи 10-12 м., высота около 1 м. Плиты насыпи, многократно перемещены. На восточной поле насыпи из них сложен высокий кур. Местами по периферии насыпи прослеживаются вертикально установленные каменные плиты образующие круг. Это дает основание предполагать, что также как и в других курганах могильника, имеющих этот признак, в данном случае мы имеем круглую наземную погребальную камеру с погребением на уровне горизонта.

длинной осью ориентированный меридионально (с отклонениями), с южной ориентацией погребенного. К этому типу относятся все курганы группы V, два из них №№ 10, 12 - раскопаны, два других №№ 11, 13 определены по внешним признакам. Схема положения костяка не определена из-за разграбления курганов состав инвентаря также не устанавливается. Обнаружены бронзовые наконечник стрелы, бронзовые оковки деревянных предметов, фрагменты лепной керамики.

Тип 3. Каменная насыпь на горизонте. Насыпи небольших размеров 2-5 м. на не потревоженном грунте. Топографически подобные «курганы» самостоятельно не существуют. Они обычно объединены в группы - цепочки и связаны с центральным в группе большим курганом содержащим погребение. На описываемом могильнике это группа IV где центральным является курган I или 2, а сопровождающими его «курганы» №№ 3-9.

Тип 4. Подпрямоугольная в плане, ориентированная длинной осью меридионально яма под каменной насыпью, с северной ориентировкой погребенного. Ноги ромбом (поза «всадника»).

Хронология могильника.

Тип 1. Погребения подобного типа уже обнаружены и изучались нами в предшествующие годы на Устьюрте. Подобного типа курганы датирующиеся в пределах V-III вв до н.э. обнаружены в курганных могильниках Сулама, Аджибай, Судочье, Караумбет-1, одиночные курганы Тегирмянка 1, 2, 3, одиночный курган Сазкудук, могильник Каскажол, могильник Бернияз [Ягодин, 1982]. За пределами Устьюрта они известны на Узбое [Юсупов, 1986] и в Закаспии [Мандельштам, 1976].

Тип 2. Этот тип погребальных сооружений уже зафиксирован нами ранее в курганных могильниках Дуана, Сулама и Актумсук.

[Ягодин, 1978]. Дата в пределах V-III вв. до н.э.

Тип 3. Не представляют самостоятельного сооружения. Известны только в комплексе. Датироваться эти «курганы» должны по центральному в группе кургану, с которым они составляют единое топографически целое. На Устьюрте аналогичный курган с цепочкой небольших «курганов» отходящих от него, отмечен в группе VII могильника Дуана, где от большого кургана № 4 (каменный ящик на горизонте) следует топографически связанная с ним цепочка малых «курганов», представляющих подобные же каменные насыпи на не нарушенном горизонте.

Тип 4. Аналогичные курганы на Устюрте отмечены в могильнике Дуана, в группе IV, датированной сармато-аланским временем [Ягодин, 1978]. Они известны и более широко в пределах позднесарматского ареала

Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Аналогии к инвентарю, однако, позволяют отнести курган этого типа на могильнике Джиделибулак - I, возможно только к IV в.н.э.

Некоторые вопросы этнокультурной атрибуции.

Заключая предварительный анализ материалов могильника Джиделибулак - I, необходимо, прежде всего, отметить, что могильник топографически, хронологически и видимо этнокультурно неоднороден. Однако, его основное ядро составляют курганы, типов I и 2. А.М. Мандельштам полагает возможным связывать этот тип погребальных сооружений с массагетами [Мандельштам

1976]. В этом случае ареал курганов с погребениями на горизонте в круглых или овальных погребальных камерах, возможно, очерчивает этнические границы массагетов. Что касается курганов типа 4, то можно лишь отметить их близость к курганам сармато-аланского ареала охватывающего районы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБРАМОВА, 1959. Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. - I в.н.э. (По материалам Нижнего Поволжья, Сусловский этап) // Советская археология, 1959, № 1.
2. ВОРОБЬЕВА, 1973. Воробьева М.Г. Дингильдаже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. М.
3. ГАЙДУКЕВИЧ, 1959. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // Материалы и исследования по археологии СССР, № 69, М.
4. ДЯКОНОВ, 1950. Дяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // Труды Таджикско-согдийской экспедиции, т. I. Материалы и исследования по археологии СССР, №15, М.-Л.
5. КОВАЛЕВСКАЯ, 1979. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV - IX вв. Пряжки. // Свод археологических памятников СССР, вып. I-2, М.
6. КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА'1967. Кой-крылан-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в.н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, том V, М.
7. КРУТЛИКОВА, 1973. Крутликowa И.Т. Каменные ящики у дер. Рыбное // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
8. ЛИТВИНСКИЙ, 1973. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.
9. ЛИТВИНСКИЙ, СЕДОВ, 1983. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.
10. ЛОХОВИЦ, ХАЗАНОВ, 1979. Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгир // Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. XI, М.
11. МАНДЕЛЬШТАМ, 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР, вып. 47, М.
12. МАНДЕЛЬШТАМ, 1975. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.
13. МОШКОВА, 1963. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников СССР, Д1-10, М.
14. ПУГАЧЕНКОВА, 1978. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Л.
15. САРИАНИДИ, 1979. Сарияниди В.И. Золото кушанской Бактрии // Наука и жизнь №12.
16. СМЕРНОВ, 1961. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР, № 101, М.
17. ЮСУПОВ, 1986. Древности Узоя. Ашхабад.
18. ЯГОДИН, 1978. Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Таш.
19. ЯГОДИН, 1982. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приуралья, вып. I, Таш.
20. ЯГОДИН 1984. Ягодин В.Н. Отчет о работах Устюртского археологического экспедиционного отряда 1984 года (УАЭО-84). Научный архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.

ҚАДИМГИ ХОРАЗМ ИЛМИЙ МАКТАБНИНГ БОШ АСТРОАРХЕОЛОГИК МЕЗОНЛАРИ.

К. Абгримов

ЎзР ФА минтақавий бўлими - Хоразм Маъмун академияси.
Ал Хоразмий номи УрДУ, физика кафедраси.

Хоразм воҳасининг мовий кенгликларидagi археологик ёдгорликлари Марказий Осиёнинг бошқа ҳудудлари тарихий обидаларидан жўғрофий, меъморий қурилиш режаларининг техник, муҳандислик ечимларини ўзига хослиги билан кескин фарқ қилади.

1) Қадимги Хоразм археологик ёдгорликларининг ўз давридаги фаолияти қуйи Амударё ирмоқларининг ҳолати билан чамбарчас боғлиқ ҳолда, табиий шароитга мос, сунъий сугориш тизимларининг пайдо бўлиш динамикаси, воҳада юксак маданият марказларининг шаклланиш ва ривожланиш мезони бўлаолган. Зеро, м.ав. IV ва янги эрanning II асрларида Қуйи Амударё, Сирдарё ҳудудидagi қадимги деҳқончилик қиланадиган ерлар 3,5-3,8 млн. га тенг бўлган (1, 2). Бу кўрсаткични икки буюк дарё орасидаги пропорцияси қуйидагича: Қуйи Амударё этакларида 1,3 млн га; шундан, 700 минг га доимий интенсив сугорма, (дельта суви билан сугориладиган ерлар 600 минг га); Қуйи Сирдарё ҳавзасида 2,2 - 2,5 млн. га; шундан, доимий сугорма деҳқончилик майдони 1 млн. га, дельта суви билан сугориладиган экинчилик майдонлари 1,2-1,5 млн. гектарини эгаллаган, (1, 2, 3, 4) Чунончи, ўнг қирғоқда Суёрон, Акчадарё ва Бароктом массивидаги Жангадарё Қувондарё-Инқордарёларга ажралиб, қуйи Сирдарёгача етиб борадиган; чап қирғоқда, Давдон, Гозовот, Дарёлик, Сарикамиш, Узбўй-Каспий пастекислигидаги қалъалар силсиласининг ўз хусусиятларига эгалиги (5).

2) Қадимги Хоразм меъморчилигида, Мисрадан кейин, Марказий Осиёда биринчи мартаба Дингилжа, Қалъиқир-1, Ҳазорасп, Жонбосқалъа, Қўйқирилганқалъа, Хива, Гурганч, Тупроққалъа, Кот, Тўққалъаларнинг геометрик қурилишини асоси қилиб квадрат ва унинг диагонали олинган. Булардан ташқари Амударёнинг қуйи оқим ўнг ва чап қирғоғида худди шундай меъморий қурилиш аъёналарини ва хронологик заنجирини давом

қилдирувчи, янги эра бошидан токи XIII аср биринчи чорағида бўлган тарихий қатламларга оид 23та қалъа мавжудлиги (6).

3) Қалъалардаги арк, ҳоналар ва бошқа кузатиш жойларининг географик томонлар битан ўзаро, маълум муносабатда эканлиги.

4) Шунингдек, паҳса ёдгорликларнинг дээрли ҳаммаси ер юзида сақланиб қолганлиги, ҳамда улардан топилган айрим ашёларнинг тузилишини техник, услубий ечимлари илмий текширувлар спектрини кенг қўламда олиб бориш имкониятини беради.

Қалъа обидаларини ўзаро жойлаштирилишидаги, ёки айрим олинган ёдгорлик қурилишининг режасида, шаклида аниқ геометрик, механик, меъморий қонунлар ўзаро уйғуллаша; бу хусусиятларни жойининг жўғрофий қатталиклари билан мутаносиблиги, улардан топилган археологик ашёларнинг ясалиш услубига, хусусиятларига математик, физик, астрономик очкичларни қўллаш ёрдамида аниқланган, ҳозирда шундай мақсадларда ишлатиладиган турдош қурилмалар билан таққослаш натижаларини нисбатлари-идентификацияси мавжуд бўлса бундай маданият ёдгорликларининг маданий-илмий, маърифий салоҳияти астроархеологик мезонлар билан аниқланади.

Чунончи, аниқ ва археология фанининг бевосита ўзаро боғлиқлиги ва таъсирлашуви натижасида қўшилиб ривожланиб келаётган, устивор йўналишларга эга янги фан соҳаси, астроархеология пайдо бўлган.

Зеро, аниқ фанлар тизимида математик, астрономик билимдар қадим-қадимдан қишлоқ ҳўжалигини юрийтишдаги, миробчилик, ҳунармандчилик ва бошқа халқ миллий аъёналарини шаклланиши ва ривожланишида асосий таянч, умумлаштирувчи амалий ўлчов, кузатишлар мезони вазифасини бажариб келган.

Бинобарин, астроархеология фанининг математик, физик ва географик асослари мавжуд. Ҳозирги кунда бизнинг бунга мос

ташкилий, ҳамда, илмий текширувлари-
мизнинг йўриқи ва дастури қўидаги бош
максадни қўзда тутди:

Марказий Осиё, хусусан, Қадимги Хоразм
хўлуидаги археологик ёдгорлик-пахса
ишшоотлар математикаси, астрономияси,
механикасининг, ҳамда географик хўсу-
сиятларини мураккаб асосларига, топи-
лган ашёларнинг ясалиш техникасига, чегарадош
бошқа музофотлардан топишган турдош
қурилмалар билан солиштирма тахлилларига
таянган ҳолда қадимги хоразмликларнинг
фандаги ўз салмоғини, Марказий Осиё,
умуман Шарқ, фан-маданияти, умумбашари-
ят тараққиётига қўшган ҳиссаларини аниқлашдан
иборат. Дарҳақиқат, Хоразм фан тарихининг
бундай чуқур илдизлари, манбаларининг
асослари воқе бўлганлиги биринчидан,
Қадимги Хоразм илмий мактабининг
шаклланиши ва ривожланиш босқичларини;
иккинчидан, бунга чамбарчас боғлиқ,
хоразмлик буюқ фан устуллари - ал-Хоразмий
(783-850), Котиб Хоразмий (X), Абу Наср
Мансур ибн Али ибн Ирок (965-1035), ал-
Беруний (973-1048), аз-Замахшарий (1075-
1143), ал-Чагиний (вафот. 1221), Хўсайн ибн
Хўсайн Кубровий-Хоразмий (XV)ларнинг
яратган мактабларини асл манбаларини
ўрганишни тақозо қилади. Қўйилган
масаланинг тузилиши ва мазмунидан,
ҳозиргача, фанда Марказий Осиё археологик
асори-атиқаларига қўлланилмаган, лекин
илмий, амалий асосли, учта текширув
соҳасидан иборат ахборот банк манбалари
мавжудлиги келиб чиқади:

1 - Хоразм археологик обидаларининг
қурилишдаги геометрик, мезморий, механик,
географик хўсусиятларни очиш; уларнинг
астрономик функцияларини исботлаш;

2 - ёдгорлик ва улarga боғлиқ тизимлардан
топишган ашёларни, у ёки бу соҳага хос
кузатиш, ўлчаш, ҳисобловчи қурилма
эканлигини исботлаш ҳамда шу маданият
марказининг фаолиятини ташқи музофотлар
билан иқтисодий, маданий, маърифий
алоқалар генезисини аниқлаш;

3 - манбашунослик маълумотлари асосида
аниқ фанлар бўйича олинган натижалар,
ҳамда археологик асори-атиқалардан
чиқарилган ҳулосаларнинг солиштирма
тахлиллари ёрдамида идентификациялаш
текширувлари устивордир.

Белгиланган муаммолар, авваламбор
Қадимги Хоразм маданияти генеалогик
динамикасининг илк манбаларини аниқлаш
зарурлигини кўрсатади.

Марказий Осиёнинг тараққиёт босқич-
ларида қадимги Хоразм маданий, маърифий
оқимлари ўзига хос йўналиш ва мавқега эга
бўлган. Зотан, Хоразм маданиятининг чуқур
манбалари мелоддан аввалги IV-II мингичи

йиллардан бошлаб Амударёнинг қуйи
оқимидаги ирмоқлар тўрида овчилик,
байиқчилик хўжаликларини, қайир
майдоналардаги энг қадимги дехкончилик,
чорвачиликни юриштишга, ҳўнармандчиликка
асосланган турмуш анъаналари тарзида
шаклланиб ривожланиб келган, (1-8).

Хоразм воҳасидаги бу ижтимоий генезис
динамикаси учта ўзаро боғлиқ тўхтовсиз
ривожланиб борадиган иқтисодий, сиёсий,
маданий-маърифий тараққиёт мезонлари
доирасида аниқланади:

Биринчидан, буюқ Хоразмнинг илк
маданият босқичларидаги тараққиёт билан
Марказий Осиёнинг бошқа хўлулари ва унга
ёндаш музовотлар билан Хоразм бронза асри,
Қалтаминор ривожланиш босқичидаги
жараёнинг ўзаро типологик таққослашлари;
иккинчидан, Тозабөгёп ва Амударё
тараққиёт тармоқларига Қалтаминор
маданияти анъаналари етакчилик қилганлиги;
ривожланишнинг учинчи босқичида м.ав. XV-
XIII асрлардан бошлаб милонинг XIII асри
биринчи чорачига бўлган узок тарихий
даврада Марказий Осиёнинг жумладан, Хоразм
ҳўкумдорларини Эрон, Ҳиндистон, Юнон,
Ҳитой, Рум, Бобил, Арабистон яриморли ва
Миср мамлакатлари билан иқтисодий, сиёсий,
маданий алоқалар жараёнидаги қадимги
Хоразм маърифий, илмий анъаналарининг
ўрни ва аҳамиятига алоқадор муаммоларни
ажратиш, ҳамда исботлаш муҳимдир. Бу
борада қадимги Хоразм маданиятининг муҳим
бўғини бўлган аниқ фанларнинг илк
манбаларини ўрганиш илмий ва амалий
аҳамиятга эга энг асосий босқичдир.

Бизнинг текширишларимиз асосида
аниқланган қадимги Хоразм аниқ фанлар
мактабининг шаклланиши ва ривожланиш
босқичларини кўрсатиб берувчи, ҳозирда аниқ
исботларини қўтаётган илмий қайдларни
таъкидлаб ўттиш ўринлидир.

1) Марказий Осиёда геометрик алгебра,
санок тизими рақамлари, механика,
астрономия соҳасидаги илмий тасаввурларнинг
пайдо бўлиш заминида қадимги Хоразм тили
(Сўғдий тил билан бир каторда, хоразмча -
шаклларнинг пайдо бўлиши), эраси, шамсий-
камарий тақвим, астрономия соҳасидаги
илмий терминология (7) ва бошқа ўлчаш,
кузатиш тизимларининг амалий, назарий
асосларининг манбаларини мавжудлиги ва
унинг ҳал қилувчи таъсирлари;

2) Шунингдек, қуйи Амударё-Орол
ҳавзасида шу жумладан, Марказий Осиёдаги
биринчи, энг қадимги Хоразм Давлат
тизимининг пайдо бўлиши ва қадимги
Турондаги плоттогенез-тил жараёни, ёзув
маданиятини шаклланиши, ривожланиши
исбот қилувчи Қўйқирилган, Тўққалъа,
Тупроққалъаларидан топишган қадимги Хоразм

ёзувидаги битиклар, тўпламлар билан боғлиқ муаммолар;

3) биргина Кўйқирилганкальанинг (м. ав. IV-III аср) мейморий, геометрик режаси ва ундан топилган сопол кўш халқлар, зодиак доира бўлакларидаги геометрик шакллариининг хусусиятлари, гномон ва компас вазифининг бажарувчи, сопол ва металлга ўхшаб кетадиган моддалар (8) тайёрланган идиш тубидаги 32 румбга бўлинган олам томонларини кўрсаткич (това хизматини ҳам ўтаган) қурилмалар, бошқа чизма, ўлчаш воситалари қадимги хоразмликларнинг математика, геодезия, астрономия, механика каби фанларнинг амалий ечимларининг турмушга таъбирқларининг юксак даражадаги кўрсаткичлари бўлиб қадимги Хоразм абаки, бинобарин ракам белгилар тизими мавжуд бўлганлигининг билвосита исботидир;

4) Фарғона, Шош ва Зарафшон, Марв, Насаф билан хоразмшоҳларнинг иктисодий, сиёсий, маданий-маърифий муносабатлари Қонғлар, Кушонлар, Африғлар параллелида ечилиши муҳим. Бунинг учун милоннинг VIII асригача Марказий Осиё вилоятлари ҳукмдорларининг умумий мақсадларини ечиш борасидаги ҳар йилдаги ййғилишлари Хоразм (Қот) қалъасига яқин қирғоқ йирик (Қандакин деб аталган: С.П.Толстов (6)) шаҳарларининг бирисида ўтказилиши ва ундаги раҳбарлик қилувчи мавке Хоразмга берилиши, ҳамда Хоразмда зарб қилинган тангалар VIII аср Бухоро пул, бозор муомаласида ҳукумронлик қилган (Наршахий)лиги каби қатъи аниқланган иктисодий ва сиёсий далилларни ҳам бизнинг келтирган қайдларимиз, таҳлилларимиз фойдасига таъкидлаб ўтишимиз мумкин.

Илмий генеалогик нуктаи назардан илк ва ўрта аср Шарқ аниқ фанлар тарихи

динамикасини ал-Хоразмий (783-850), Мухаммад ал-Фарғоний (вафот. 861), ал-Форобий (873-950), Котиб Хоразмий (X), Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирок (965-1035), ал-Хасан ибн ал-Хайсам (965-1039), ал-Беруний (973-1048), ибн Сино (980-1037), ал-Хозин (XII), Умар Хайем (1048-1123), ал-Чағминий (вафот. 1221) ва Улуғбек (1394-1449) фаолиятлари билан боғлиқ йирик хронологик, юксак даражада ривожланган маданий даврларга табақалаш мумкин.

Шарқ фан ва маданияти тарихида бу аломаларнинг яратган мактабларининг фаолиятлари натижасида аниқ фанлар эмпирик ва назарий қонуниятларининг ўзаро уйғунлашувидаги янгица илмий текширув услубларининг-методологик негизларининг шаклланиши, ривожланишига олиб келадиган янги математик, физик назарияга кириш даврининг аналитик, тажрибавий асослари пайдо бўлган.

Бу ўринда Птоломей (II аср) ўзининг Мисрлик, Юнон ўтмишдошлари ва замонашлари эришган фан ютуқларини ўзлаштириб, юқори босқичларга кўтариб, ўзидан кейинги илмнинг таракқиётига қандай таъсир қилган бўлса, Мухаммад ибн Мусо ал-Хоразмий, Котиб Хоразмий, Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирок, ал-Берунийлар ҳам бевосита қадимги Хоразмнинг илмий, амалий анъаналарини, услубини, ҳамда Ўрта Шарқ фани салоҳиятини ўзида мужассамлаштирган, ривожлантирган ва ўзларидан кейинги фаннинг ўсиш динамикасини таъминловчи методологик мезонларни озиқлантирган сарчашмаларининг биринчи кўзи эканликларини алоҳида таъкидлаш ўринлидир.

АДАБИЁТЛАР.

1. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
2. Толстов С.П. Қадимги Хоразм маданиятини излаб. Фан, Т., 1964.
3. Жабборов И. Кўхна харобалар сири. Т., Ўзбекистон, 1968.
4. Виноградов А.В. Тысячелетия, погребенные пустыней. М., 1966.
5. уломов Я. Хоразмнинг сўторилиш тарихи. Т., 1959.
6. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
7. Абу Райхон Беруний. I том. Т., Фан, 1968.
8. Кой-Крыланкада - памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н.э. - IV в. н.э. М., 1967.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКЕ ПАЁНКУРГАНА (севрная Бактрия).

К.Абдуллаев.

В процессе археологических раскопок на крепости Паенкурган, расположенной примерно 12 км к востоку от "железных ворот" и 10 км от селения Дербенд Байсунского района (Сурхандарьинская область) был собран археологический материал, отражающий все основные категории археологического комплекса. Здесь хорошо представлена нумизматика - монеты "варварского Гелиокта", Сотер Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки (1) и Хувишки, разнообразная керамика от больших хумов до миниатюрных сосудов, часто со следами декора в виде процарапанного орнамента концентрических линий, зигзагов и насечек. Нередко на стенках керамических сосудов встречаются оттиски печатей и гемм. Во множестве представлены орудия производства как каменные, так и металлические. Наконец, была собрана коллекция терракотовых статуэток, которая отображает наиболее популярные среди местного населения культы. Среди терракот особое внимание привлекают изображения, которые были созданы под влиянием греческой пластики. Образы греческих божеств проникают в самые отдаленные уголки бактрийского государства, что свидетельствует о наличии мощного пласта эллинистической культуры в данном регионе. Выбранный нами круг образов далеко не исчерпывает репертуар местных коропластов, однако они дают достаточно полное представление о греческом влиянии на пластическое искусство Бактрии.

Первая фигурка связана с одним из наиболее популярных героев греческой мифологии Геракла, чей образ получает дальнейшее развитие в произведениях бактрийских мастеров.

Терракотовая статуэтка представляет мужскую обнаженную фигуру в полный рост рис. 1. Не сохранилась лишь голова, а нижняя часть в мелких сколах из-за плохого качества глины. Фигурка выполнена в невысоком рельефе. Атлетически сложенная фигура героя выполнена в довольно реалистической манере с соблюдением пропорций. Не вызывает

каких-либо сомнений определение данной статуэтки как образа Геракла.

На шею показан рельефно выступающий полукругом валик, изображающий, скорее всего, перекинутый за спину шарф-гиматий. Подобная манера изображения шарфа характерна, как мы увидим ниже, для многих изображений в коропластике Бактрии. Правая нога чуть выдвинута вперед и согнута в колене. Правая рука опущена вниз и держит в руке предмет: пальцы растопырены, четко показаны указательный и большой палец, между ними проходит рельефная складка, которая на поверхности колена имеет округлые очертания. Этот круглый рельеф, на наш взгляд, не что иное, как голова льва. В левой руке, прижатой к груди меч. Из под сжатой кисти видно перекрестие рукоятки. По всей длине проставлены три поперечные вдавления, означающие, по всей вероятности планки, нижняя часть меча зауживается и заканчивается шишкой (бутероль). Хотя палица как атрибут Геракла более распространена, но в данном случае атрибутом героя все же является меч.

На некоторых деталях изображения следует остановиться особо. Во-первых, изображение меча прижатом к груди кажется обычным и распространенным среди изображений вооруженных персонажей. На паенкурганском экземпляре представляет интерес такая деталь, как три поперечные полоски, передающие, по всей вероятности, металлические обкладки в средней части. Подобная деталь характерна и для палицы, например, изображенной на статуе Канишки из Матхуры (1). Из-за мелкокомасштабности паенкурганской фигурки и нечеткости оттиска трудно судить о деталях, но поперечные планочки на ножнах, как видно из анализа деталей той же статуи, совпадают с местом их крепления к ремню и доспехам. В этом отношении представляет интерес и другая аналогия - это известный пальмирийский рельеф с триадой божеств (Атлибола, Баал Шамина и Малакбела) (2), на котором четко показаны мечи и способ их крепления. Вышерассмотренные планочки

здесь сбоку оканчиваются кольцами, в которые продеты ремни. Две планочки и два кольца на разной высоте предназначались, по всей вероятности, для регулировки высоты подвешивания меча. Этот же рельеф дает аналогичную позицию левой руки, сжимающей рукоять меча, из под которой видно перекрестие.

Что касается того, что именно шарф изображен на персонаже, то в подтверждение этого можно привести ряд примеров из коропластики Бактрии. Аналогичный шарф показан на фигурке обнаженного музыканта из Бабатага (Термезский музей, передан Т.Аннаевым) (3). Точно таким же рельефом показан шарф на воине из Кампыртепе (4).

Образ Геракла в репертуаре бактрийских коропластов - нередкое явление. Попадая на благодатную почву Бактрии, этот персонаж греческой мифологии становится столь популярным, что, попав в эпоху эллинизма в Среднюю Азию, он доживает вплоть до раннего средневековья (5).

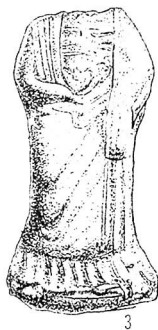
Однако, иконография героя настолько меняется и отделяется от своих изначальных прототипов, что порой трудно разглядеть за массой новых деталей образ греческого полубога (6)¹. Тем не менее, по сравнению с ранее опубликованными терракотами, изображающими Геракла экземпляр из Паенкургана все же легко узнаваем.

Другим сюжетом эллинистического характера является изображение воина рис.2. Оно отгиснуто на прямоугольной заготовке в технике низкого рельефа. Нижняя часть фигуры подрезана на уровне голени; терракота не передает изображения полностью. Неясно, была ли нижняя часть отрезана мастером после оттирка, или же сама матрица была рассчитана на неполное изображение. О том, что мастер вносил свои "поправки" говорит и частичное изображение рук, вернее их внутренней поверхности. Другая часть рук подпала под срез инструмента. Внешняя поверхность покрыта насыщенным красновато-коричневым ангобом. Изображение строго фронтальное, плоскостное. Терракота передает образ воина, облаченного в чешуйчатый доспех. Доспех показан в виде

множества полукружных чешуек в форме ногтевидного вдавления, обращенными концами вниз. Они проставлены по всему торсу (корпусу) вплоть до линии пояса. Чешуйки проходят по рукам, опущенным вниз вдоль корпуса. В верхней части груди показан полукружный валик, передающий складку плаща, перекинутого за спину. Грудь по диагонали пересекают перекрещивающиеся ленты, скрепленные по центру округлой фибулой. Широкий пояс показан тремя горизонтальными линиями, причем показан конец этого пояса в виде вертикального выступа. От пояса вниз опускаются пять складок короткой юбки. Каждая складка вниз раздваивается, образуя угол (ласточкин хвост). Правая нога выступает вперед, между тем как левая намечена слабо, как бы затенена. Между ног проходит прямая вертикальная складка. Руки практически не показаны, лишь наличие чешуек на слабых рельефах по бокам говорят об их положении - опущенном вдоль корпуса.

Манера изображения шарфа, закинутого за спину, как и на предыдущем изображении, уходит своими корнями в эпоху классики. Рельефы Парфенона и другие памятники греческого мира дают массу аналогий к подобной манере ношения плаща. Плащ, закинутый за спину полностью переходит в искусство эллинистической эпохи. Из массы аналогий приведем лишь одну - рельеф "саркофага Александра" из Стамбульского музея археологии (7). Здесь плащ покрывает плечи не только вооруженных воинов, но и обнаженных фигур. Эта традиция нашла широкое применение в римском искусстве. Так, например, близкую аналогию к паенкурганскому изображению дает скульптура, изображающая трофей Домициана на Капитолии в Риме (84-90 гг. н.э.). На доспех надета португеза, шея и верхняя часть груди завернуты в толстые складки плаща. Еще одна деталь сближает наш образец с римской скульптурой - это изображение доспеха в виде полукружной чешуек, находящихся друг на друга (8). Однако на трофее совершенно иным образом изображена опояска. Паенкурганская терракота, следует заметить, демонстрирует довольно оригинальную манеру опояски в виде перекрещивающихся широких ремней. Подобная манера опоясывания для мужских изображений в пластике Бактрии и ближайших регионов не характерна (9). Более того, трудно найти аналогии в памятниках скульптуры эллинистического мира. Если обратиться к религиозной иконографии, то подобный элемент наиболее

¹ Рассмотренная в статье статуэтка из Баратепа (по Г.А.Путаченковой - Зохах) и Кара Пичок (Таджикистан) как изображение Геракла, убивающего в приступе гнева своих детей можно истолковать иначе. Поводом для этого послужила находка рукоятки махайры в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан), украшенной сценой борьбы греческого героя с Ахелоем. Композиционно терракотовое изображение из Кара Пичока полностью совпадает с тахтисангинским рельефом, хотя детали первого значительно отделены от изначальной иконографии (хронологический разрыв).

характерен для изображения богини Афины, хотя среди терракотового материала Южного Согда (10) и Бактрии (11) встречаются изображения обнаженных богинь, украшенных подобной опояской. Весь облик последних, далекий, однако, от воинственной богини и более приближенный к иконографии Афродиты. Как правило, фибула на месте скрещивания ремней (на паенкурганской терракоте она показана в виде рельефного кружка) имеет форму головы Горгоны, а эгида характерна для многих типов изображений Афины (12) начиная от Афины Парфенос Фидия и кончая вариантами более позднего эллинистического и римского периодов. Пеплос и хитон, изображенные на паенкурганской терракоте находят аналогии в изображениях Афины Египетской (Athena in Aegyptio), например статуя из Греко-римского музея в Александрии, выполненная в эллинистических традициях, но относящаяся к римскому времени (13).

Близкую, но более раннюю аналогию дает материал Старой Нисы. Так, например, аналогичное сочетание элементов костюма можно видеть на серебряной с позолотой фигурке Афины (14), с той лишь разницей, что на ней отсутствует широкий пояс. Перекрещивающиеся ленты на груди, соединенные горгонсиейном, складки, ниспадающие из-под эгиды, образуя волнистую линию внизу, центральная массивная складка между ног - все это напоминает паенкурганское изображение. Более поздняя датировка образца из Паенкургана, возможно, объясняет некоторые изменения в иконографии божества и отход от прототипа. В кушанском пантеоне наиболее близкие параллели дают изображения с надписью "Ришто" (Risto, Risti) на монетных кружках. Многие черты в иконографии этой богини переходят от Афины (15). А образ греческой богини доживает в искусстве Средней Азии вплоть до раннего средневековья (16).

Итак, терракоту с изображением воина из Паенкургана можно связать с образом богини Афины, хотя иконография греческого божества претерпевает ряд незначительных изменений в передаче некоторых деталей, но это явление, как мы видели при анализе других терракот, довольно частое явление в коропластике Бактрии, когда изначальный иконографический тип трансформируется и отходит от канона.

Вместе с тем в терракоте прослеживаются черты эллинистических традиций ваяния. В этой традиции выполнена и следующая терракота, представляющая стоящую женскую фигуру.

Статуэтка представляет строго фронтальное изображение фигуры женщины, задрапирован-

ной в длинные складчатые одеяния рис. 3. Оттиснута в глубокой матрице, слегка подрезана с боков, тыльная сторона небрежно сглажена; на поверхность с тыльной стороны налип песок. Внешняя поверхность окрашена светло-коричневым ангобом.

Драпировка передана сочетанием очень тонких длинных вертикальных и косых линий. В нижней расширенной части из-под верхней накладки ряд вертикальных, более крупных складок. Большой интерес представляет драпировка верхней накидки - гиматия. Задни он окутывает плечи, затем правое плечо и руку и подворачивается из под согнутую в локте руку. Левое плечо также окутано плащом, от плеча до самого низа следуют мелкие вертикальные складки. Из-под края вертикальной складки видна кисть руки, придерживающая ткань плаща. От этой кисти следуют более крупные косые складки. Кисть правой руки изображена в аналогичной манере, она прижата к груди и, возможно, держит какой-то предмет. На фоне глубокого выреза прослеживаются вертикальные рельефные линии по центру и отходящие от них горизонтальные (возможно, ветвь).

Подобный тип терракоты с изображением стоящей женской фигуры, задрапированной в складчатые одежды встречается в коропластике Бактрии; нередко они восходят к своим статуарным прототипам (17). Ближайшими аналогиями к этому типу одеяния и драпировки являются терракоты из Хантабадтепа и изображение богини Киблы на серебряном диске из Ай-Ханума. Не останавливаясь подробно на этих изображениях, подчеркнем одну немаловажную особенность, а именно то, что на диске со сценой пришествия малоазийской богини на бактрийскую землю (17), показаны солярный и лунный символы. Это в определенной мере отражает приверженность заказчиков этого произведения к астральным и небесным культурам. Подобную религиозно-культурную картину с ее явной ориенталистической окраской можно было в полной мере связать с политикой селевкидской династии, представители которой были не только веротерпимы к древним восточным религиям и культам, но всячески способствовали их развитию на окраинах своей державы (18).

По всей видимости, определенные изменения происходят и в пластическом искусстве, начиная с эпохи селевкидов. В произведениях этого периода постепенно утрачивается пластическая выразительность образов, накал драматизма, свойственный скульптуре эллинистического времени сменяется более сухим лаконичным рисунком драпировки. В передаче объема в пластике начинает преобладать линейность. Это новая

тенденция в искусстве пластики наиболее ярко проявляется в греко-бактрийский период. Примером тому может послужить скульптурное изображение женской фигуры, найденной при раскопках храма с нишами в Ай Хануме (19). Манера трактовки костюма - бесспорно греческого ансамбля: хитона пеплоса и гиматия, ног драпировка уже утратила ту игру складок, тончайшую моделировку струящихся линий, характерную для раннего периода эллинизма. Рисунок чередующихся крупных фалд с мелкими складками упрощен, фиксируется общая схема, но теряется экспрессия и динамизм. Более того, левая рука, которая должна была опираться о колонку, придавая скульптуре равновесие и в то же время непринужденность всей фигуре, повисла в воздухе. Создается впечатление, что мастер не совсем сознает, для чего нужна эта деталь. Единична ли эта скульптура или она отражает какие-то общие моменты в развитии искусства? Скульптура Ай Ханума доносит, по всей очевидности, общую тенденцию в искусстве пластики, зарождение нового стиля, так называемого "веристского искусства" (20) не только в Бактрии, но других эллинистических государств. Показательно, что она распространяется на искусство ваяния Парфии (как западной, так и восточной), вспомним рельефы Хатры, Дура Европос, Пальмиры и т.д. Это явление в полной мере отразилось и в искусстве Рима первых веков н.э. (время Флавиев, Траяна и Адриана). Этот стиль распространившийся широко по эллинистическому миру, нередко приводил исследователей к нескончаемой дискуссии о доминирующей роли того или иного историко-культурного региона в развитии искусства и его влияния на соседние.

Это "линейно-веристский" стиль наложил свой отпечаток и на малые формы пластики, как это показывают терракотовые статуэтки. Несмотря на мелкомасштабность, терракотовая пластика в полной мере отражает ведущие тенденции монументальной скульптуры. Фигурка из Пасенкуртана во всяком случае, со всей очевидностью демонстрирует это явление.

Еще более упрощенным и огрубленными выглядят две статуэтки, передние стоящую во фронтальной позе женскую фигуру. Первая более крупных размеров рис. 4. Ее внешняя поверхность покрыта краской светложелтого цвета. Тыльная сторона и бока подрезаны после оттиска инструментом. Фигурка оттиснута в неглубокой матрице. Женская фигура закутана в широкий просторный плащ. Он охватывает правое плечо, закрывая руку и пояс, закинут на левое плечо. Складки показаны крупными рельефными линиями, спадающими сверху и

закрутяющимися на живот. В нижней части, не доходя до самого низа, край плаща показан зигзагообразной линией. Из под края плаща показан другой ряд складок - более частых вертикальных полосок, передающих длинное платье типа греческого пеплоса. Левая рука опущена вниз вдоль корпуса. Запястье украшено тройным браслетом, кисть вывернута в обратную сторону - она непропорционально больших размеров. Правая рука согнута в локте и прижата к груди, она спрятана под плащом, и лишь кисть выглядывает из под края, прижимая к груди предмет неясных очертаний (атрибут богини). Шею украшает ожерелье в виде широкой полосы с квадратными пластинками, явно присутствует и второе нагрудное ожерелье, но из-за нечеткости оттиска оно плохо прослеживается.

Вторая фигурка повторяет тот же иконографический тип, что и предыдущая терракота, однако отличается рядом деталей. Из технических отличий можно назвать окраску - терракота покрыта насыщенным красновато-коричневым ангобом. Она значительно меньших размеров и превосходит предыдущую более тщательной выделкой деталей. Несколькими иначе трактована драпировка рис. 5. Складки обозначены лишь на верхней одежде, т.е. плаще, который окутывает всю фигуру. Длинные косые складки, следующие от правого плеча вниз, на уровне пояса и живота образуют полукружия, затем, сужаясь, поднимаются к левому плечу. Судя по расположению складок, конец плаща закидывался на левое плечо, оставляя открытой левую руку. Левая рука придерживает край плаща; от нее следуют косые складки вниз. Кисть правой руки показана из под края плаща, образующего глубокий, закрутяющийся внизу вырез. Кисть прижимает к груди атрибут неясных очертаний. Он имеет форму вытянутого рельефа с закрученным верхом (чаша, хлеб?). Внизу край плаща резко очерчен и выделен рельефно. Далее нижнее платье показано расширяющимся книзу без складок. Отсутствие нагрудного ожерелья, на мой взгляд, указывает на более позднюю датировку. Итак, можно сказать, что две последние фигурки демонстрируют совершенно иную манеру драпировки плаща, что является существенным признаком в иконографии персонажа. Если первая фигурка была задрапирована таким образом, что конец плаща в виде длинных, строго вертикальных складок, спадал спереди вниз, закрывая полностью левую руку, то две последние фигурки показывают плащ, конец которого закинут назад за левое плечо, оставляя открытой левую руку, пальцы сжимают

складку этого плаща, возможно, его угол. Две разные манеры драпировки, возможно, указывают на разные периоды или школы в развитии пластического искусства Бактрии. Попробуем проследить истоки этих двух признаков. На рельефе надгробной стелы с изображением супружеской четы, относящейся к середине I в. до н.э. (Рим, Капитолийский музей) (21) показана аналогичная манера драпировки, но на мужской фигуре. Плащ таким же способом, как на двух последних терракотах, охватывает правое плечо, скрывая руку и толстой складкой заброшен на левое плечо. В качестве еще одной аналогии можно привести рельеф Алтаря Мира в Риме с изображением членов семьи Афгуста (13-9 гг. до н.э.) (21).

Судя по аналогии, драпировка на первой статуэтке имеет более архаичную форму. Она показана на рельефе с тремя фигурами из Хатры (22). Левая и правая фигура композиции задрапированы в длинные платья; левая рука закрыта шарфом, выглядит лишь кисть, правое плечо также окутано шарфом и придерживает складки, которые расходятся косыми линиями от кисти. Рельеф происходит из храма № 2 и датируется второй половиной третьего в. до н.э. (23)

Ко второму типу драпировки можно отнести терракотовое изображение женщины из Селевкии в ксютюме, подобным паенкурганским фигуркам, за тем лишь исключением, что фигурка показана в зеркальном отображении - левая рука согнута и прижата к груди, правая держит свисающий конец плаща. В отличие от паенкурганских терракота фигурки из Селевкии стоит на невысоком пьедестале, датируется она обширно-парфянской временем. (23)

Даже не привлекая множества аналогий к вышеописанным терракотам из Паенкуртана, можно сказать определенно, что традиции эллинистической пластики сохраняются на отдаленном от городских центров памятнике. Эта традиция продолжает развиваться в кушанском искусстве. Все это свидетельствует в пользу того, что эллинистическая культура проникла глубоко в народную среду и отразилась в произведениях местных мастеров.

В коропластике Бактрии довольно заметное место занимают изображения, которые можно было бы связать с дионисийским культом. Это статуэтки, передающие образы сатиров, музыкантов. Часто они изображаются в гротескной манере, подчеркивающей их необузданную страстность и экспрессивность. Нередко, наряду с изображениями так называемого дионисийского круга встречаются зооморфные изображения, которые по характеру и образности можно было причислить к тому же кругу. К таковым

относятся, например, изображения обезьян, изображаемых часто музицирующими или в эротических позах. Сюда же можно отнести фигурку обезьяны из Паенкуртана.

Фигурка вылеплена вручную из единого куска глиняной заготовки, верхняя часть покрыта красным ангобом, тыльная часть покрыта копотью, по всей вероятности, фигурка побывала в огне в горелом слое. Сколы на месте головы левой ноги и хвоста. Хвост толстый, такого же диаметра, что и расставленные в стороны ноги, видимо, он служил опорой для устойчивости. Лапы моделированы, как и вся фигурка, в условной манере. Они прижаты к груди, как бы прикрывая ее; под кистью правой лапы проступает невысокий, слабовыделенный рельеф неопределенных очертаний. Пальцы показаны глубокими продавленными инструментом насечками. Утрированно подчеркнут женский половой орган в виде выступа с вертикальным вдавлением по центру.

Изображение обезьяны близко по тематике к терракоте из Мирзакултепа (24), которая демонстрирует аналогичную манеру передачи с утрированными половыми признаками с той лишь разницей, что мирзакултепская терракота передает самца обезьяны. Разница наблюдается также и в технике изготовления. Если паенкурганская фигурка вылеплена вручную, то мирзакултепская оттиснута в матрице. Следует подчеркнуть, что археологический комплекс Мирзакултепа очень близок материалу Паенкуртана и перекликается с ним во всех категориях находок.

С другой стороны, способ лепки подобных фигурок находит свои ближайшие аналогии в терракотовом Кампыртепа. Так, среди статуэток Кампыртепа имеются два экземпляра, тематически связанные с дионисийским кругом, а именно изображения сатиров (25). Один из них изображен в образе старца с треугольным головным убором и длинной окладистой бородой с подчеркнутыми половыми органами и толстым хвостом. Левая рука находится в области паха, а правая поднята. В аналогичной манере сделана вторая фигурка. Но здесь иное положение рук: правая прижимает к груди предмет удлиненной формы, не поддающийся определению (плод, ритон, музыкальный инструмент?), левая рука поднесена ко рту. Руки выполнены грубо и напоминают более всего лапы животного, нежели человеческие руки. Интересно, что голова персонажа с удивительно точной пластикой лица, оттиснутой в матрице, сильно контрастирует с примитивно трактованным корпусом. Обе эти фигурки принадлежат единому сюжетному

циклу, к которому относится, по всей вероятности и фигурка из Паенкургана

ЛИТЕРАТУРА

1. Posenfield. The Dynastic Art of the Kushans. Los Angeles, Berkely, 1967. Fig. 2, 2 a.
2. Grishman R. arte Persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962, fig. 86.
3. Mechkers V. Les terres cuites de Bactriane. - Dossiers d'Archeologie, 1996, № 2116, p. 67.
4. Культура и искусство Узбекистана. Каталог выставки. Под ред. Абдуллаева К., Ртвеладзе Э., Шинкиной Г.В. 1992, № 125, с. 114.
5. Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии. - ВДИ, 1977, № 2.
6. Абдуллаев К. О культе Гермакла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии). ИМКУ, вып. 22, с. 26-34.
7. Charbonneau J., Martin R., Villard F. La Grecia ellenistica. Milano, 1988, fig. 248.
8. Коллинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982.
9. Скреципающиеся на груди ленты с округлой фибулой встречаются в сасанидском искусстве, например, рельеф из Фирузабада со сценой победы Арташира I. См.: Chirsman R. Arte Persiana. Parti e Sassanidi. Milano, 1962, fig. 164.
10. Воробьева С.Н. Женская терракота из городского храма Еркургана. ИМКУ, вып. 25, 1991, с. 111-116, рис. 1.
11. Древности Южного Узбекистана. Каталог, № 185.
12. Lexicon Iconographicum Mithologiae Classice (далее - LIMC). II, 2. Zurich, Munchen,
13. Idem, p. 1046, fig. 32. Следует заметить, что речь здесь идет о сходстве в общей схеме иконографии: сочетании чешуйчатой эгиды, пояса в виде двойного рельефа и вертикальных складок, трактованных однако иначе, чем на терракоте из Паенкургана.
14. Кошеленко Г.А. Родина Парфия. М., 1977, с. 132. илл. 62.
15. Gobl. System und Chronologie der Munzprägung.... p. 170.
16. Grenet F. "L'Athena de Dil'berzin". - Cultes et monuments religieus dans l'Asie Centrale preislamique. Paris, pp. 41-45 et pl. XXIV-XXV.
17. Абдуллаев К. Эллинистическая традиция в искусстве Согда и Бактрии. ИМКУ, вып. 27, с. 52-61, рис. 1.
18. Бикерман Э. Государство селевкидов. М., 1985.
19. Bernard P. Campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan). CRAI, 1972. Paris, 1973, pp. 628-629, fig. 15.
20. Этот термин применяется Д.Шюмберже для парфянского искусства Ашраи Хатры, но он передает, на мой взгляд, более широкий смысл. См. Шюмберже Д. Эллинизированный Восток. Пер. на рус. М., 1985, с. 123.
21. Коллинский. Бритова. Указ. соч. илл. 97, 128а.
22. La Terra tra i due fiume. Venti anni di archeologia italiana in Medio Oriente. La Mesopotamia dei tesori/ Torino, 1985, n. 236.
23. Idem., p. 424., n. 117.
24. Пидает Ш.Р. Поселения кушанского времени в Северной Бактрии. Т., 1978, с. 46-47.
25. Древности юга Узбекистана. Каталог выставки. №№ 186, 187.

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ОБРАЗА БУДДЫ В КОРОПЛАСТИКЕ БАКТРИИ.

Ш.Р. Пугаев

Буддизм оставил глубокие следы в истории народов Средней Азии. Проникнув сюда в период сложения Кушанской империи, он получил большое распространение в среде местного населения, особенно городского. Сооружаются святилища, храмы, ступы, появляются различные изображения, повествующие о жизни и учении Будды. Расцвет буддизма приходится на позднекушанский период (III - IV вв. н.э.). В этот период буддизм пустил глубокие корни, проникнув во все сферы общественной, культурной, социальной и идеологической жизни населения Центральной Азии. Появляются новые храмы и святилища, получили широкое распространение монументальные и терракотовые изображения Будды, бодисатв, различных зверей, объявленных священными, и другие символы буддизма. Все это стало известно благодаря открытиям узбекских и зарубежных археологов за три последних десятилетия. Вместе с тем, проблема буддизма в Центральной Азии этим не исчерпывается и далека от всестороннего разрешения. Можно лишь сказать, что в настоящее время выявлены только общие контуры этой большой проблемы, имеющей огромное научное и познавательное значение. Не все вопросы данной проблемы изучены равномерно. Одним из малоизученных является вопрос о времени появления образа Будды в коропластике Бактрии, и причина этого - отсутствие терракотовых статуэток Будды, происходящих из древнейших слоев. Подавляющее большинство известных сейчас статуэток являются подъемными и лишь немногие происходят из определенных культурных слоев, но поздних. Поэтому каждая новая находка, происходящая из датированного культурного слоя, имеет огромное научное значение. В нашем случае мы предлагаем рассмотреть две терракотовые статуэтки, найденные на уровне VIII строительного горизонта в стратиграфическом шурфе I на территории цитадели Старого Термеза. Предлагаемая статья ни в коем случае не претендует на полное освещение данного вопроса в виду ограниченности

фактологического материала. Ее следует рассматривать как штрих в решении этого вопроса.

Городище Старого Термеза расположено в 7 км. к северо-западу от современного города. Городище структурно состоит из трех частей: цитадели, шахристана и рабада (рис. 1). Общая площадь городища более 500 гектаров. Древнейшая часть города - цитадель - расположена на берегу Амударьи на естественной возвышенности из песчаника. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую с востока на запад, общей площадью 10 гектаров. В рельефе очень хорошо сохранились следы мощных оборонительных стен различных исторических периодов. В свете новейших археологических исследований установлено, что древнейшее поселение на месте Термеза было основано в середине I тысячелетия до н.э. Шахристан имеет аморфную форму, вытянутую с востока на запад. В настоящее время здесь очень хорошо сохранились средневековые оборонительные стены. К востоку от шахристана расположен рабад, где находились ремесленно-производственные и торговые центры. Огромную территорию рабада занимали хозяйственно-жилые постройки. Эта территория была также укреплена мощными оборонительными стенами. Город был полностью разрушен татаро-монголами осенью 1220 года. Отдельные площадки городища обживались и в позднем средневековье.

Археологические исследования и анализ письменных источников позволяют считать, что город Тармита-Термез играл особую роль в структуре многих центральноазиатских государств поры античности и средневековья. В течение нескольких веков он был политическим, экономическим, культурным и идеологическим центром Бактрии-Тохаристана. Этому процессу благоприятствовало удачное географическое положение города на месте переправы через реку и в участке пересечения торговых дорог, идущих с севера на юг и с востока на запад. Через город Тармита-Термез проходила одна из ветвей «Великого шелкового пути».

На первой статуэтке Будда изображен в горельефе, сидящим скрестив ноги, колени раздвинуты (рис. 2). Голова и правое колено отбиты. Ладонь одной руки на ладони другой. Фигура Будды целиком облачена в складчатую одежду, которая облегает туловище длинными овальными складками. Складки рукавов переданы горизонтальными рельефными полосками. Они полностью облегают руки божества, поэтому положение ладоней выражено очень слабо. Ниже живота складки изображены расходящимися в стороны. Основание статуэтки слегка заостренное, тыльная сторона выпуклая и подрезана ножом. Боковые стороны статуэтки также подрезаны. Сохранившиеся размеры статуэтки: высота 95 мм, ширина у плечика - 105 мм, ширина у колен - 110 мм. Терракота в изломе кирпичного цвета, ангоб плотный, красно-коричневого цвета.

Вторая статуэтка Будды или боддhisатвы - худшей сохранности (рис. 3). Голова, часть левой руки и основание утрачены. Рельеф глубокий. Изображение Будды на второй статуэтке аналогично первой. Здесь те же поза и складчатая одежда, но изображение в два раза меньше и складки одежды ниже живота висают между колен в виде фартука, а колени сильно раздвинуты. Сохранившиеся размеры статуэтки: высота - 60 мм, ширина у плеча - 45 мм, ширина в нижней части - 72 мм. Боковые грани подрезаны ножом. Судя по остаткам, основание статуэтки было плоским. Терракота в изломе кирпичного цвета, тесто с примесью песка. Ангоб отсутствует.

Обе статуэтки выполнены в различных матрицах-кальбах. Техника исполнения статуэток также различна. Первая статуэтка выполнена в высокой технике штампа, и она хорошего качества. Вторая значительно уступает первой как по качеству, так и по технике изготовления. Вместе с тем, их объединяет единый иконографический тип. На обеих статуэтках божество изображено сидящим скрестив ноги.

Аналогичный иконографический тип Будды является наиболее распространенным в коропластике Бактрии. В Северной Бактрии терракотовые статуэтки данного типа известны из Айртаме (1), городища Зартепа (2), сельского поселения Аккуртан (3), буддийского монастыря Каратепе (4), Караултепа (5) и из многих других памятников кушанского времени. В Южной Бактрии и на северо-западе Индии аналогичные по иконографии терракотовые статуэтки Будды были найдены на Шахри-Бану (6), Таксиле (7) и других (8). Однако несмотря на то, что все эти статуэтки иконографически относятся к одному типу, все они разные. Совершенно идентичных

статуэток еще не обнаружено. Сближает статуэтки то, что Будда изображен сидящим скрестив ноги и убранным в складчатое одеяние, покрывающее всю фигуру. Разница же выражается и в самой передаче изображения, и в технике ее выполнения, и в пропорциях фигуры, и в характере складок мантии, и в положении рук. Одни статуэтки этого иконографического типа изображают Будду с поднятой правой рукой в жесте «убеждения», а другие в жесте «размышления». Такое обилие разнообразных по технике исполнения и характеру изображения фигур интересно в том аспекте, что они позволяют говорить о широком распространении образа Будды в коропластике Бактрии и почитании этого культа среди широкого круга населения. Возможно и то, что подобное разнообразие изображений объясняется тем, что они являются продукцией различных центров коропластики или, по крайней мере, нескольких мастеров-коропластов одного центра, которые изготавливали свою продукцию соответственно своему пониманию, мастерству и усмотрению. Вместе с тем, мастера обязаны были придерживаться определенного и характерного для их канона образа «Великого спасителя». Поэтому, видимо, термезские статуэтки, происходящие из одного культурного слоя и помещения и имеющие прототипом единый канонический образ, тем не менее, различны. Вопрос иконографии Будды в коропластике Бактрии-Тохаристана - тема будущих исследований, мы же постараемся в предлагаемой статье подробнее остановиться на датировке обнаруженных статуэток.

Все статуэтки, за исключением Айртамской и Каратепинской, датируются IV - началом V вв. н.э. Отдельные из них происходят из четких стратиграфических слоев, и поэтому их датировка не вызывает сомнений. Несколько более ранним временем датируется каратепинская статуэтка. В.А.Мешкерис, основываясь на двух концепциях относительно утверждения образа Будды, т.е. появления канонического образа Будды в Бактрии не раньше конца I - II вв. н.э. и еще тем, что изображение сидящего Будды в одеянии, покрывающем всю фигуру, является более ранним, чем другие изображения, датирует каратепинскую статуэтку концом I - III вв. н.э. (9). Еще более ранним временем датируется айртамская статуэтка. Она была найдена в слое вместе с монетой Канишки (10). Однако, как известно, точная дата правления Канишки еще не установлена, в виду нерешенности «Эры Канишки». Одни исследователи относят правление Канишки к концу I - началу II вв. н.э. (от 78 до 144 гг. н.э.), а другие - к III в. н.э. (11) Подавляющее

большинство ученых дают предпочтение первой дате. Стратиграфия кушанских памятников Северной Бактрии также говорит в пользу такой датировки, и мы придерживаемся этой даты. Как видно, хронологически диапазон иконографии сидящего Будды был довольно широк. Поэтому, как мы полагаем, при датировке наших статуэток эта особенность в передаче образа Будды решающего значения не имеет. Для датировки более важны стратиграфия находок и такая деталь как одежда. По мнению Н.Инхольта и Лохвизен де Лев, изображение сидящего Будды с оголенным плечом характерно для эпохи Гупта, а с мантией, покрывающей всю фигуру, являются самыми ранними (12). Именно эта особенность хорошо выражена в термезских статуэтках. Обе фигуры одеты в складчатую одежду, которая полностью покрывает тело, включая руки и ноги, что даже не видно ни ладоней, ни пальцев. Поэтому нам трудно твердо судить о положении рук и пальцев. Как мы упоминали выше, эта особенность была учтена и при датировке каратегинской статуэтки (13). При датировке термезских статуэток большое значение имеет керамический материал из слоя, в котором были обнаружены статуэтки. Его мало, но, тем не менее, материал очень выразительный. Это - цилиндро-конические кубки, небольшие тонкостенные круглодонные чаши, большие полусферические чаши с центрическими углублениями у венчика, сероглиняные чаши с горизонтальным полосчатым лошением, венчики кувшинов, столовые тагора, один миниатюрный кувшинчик и детский поильник (рис. 4). Вся керамика находит близкие параллели в керамическом комплексе Мирзакультепа, который датируется первой половиной I в. н.э., (14) с керамикой периода Дальверзин - II (конец II в. до н.э. - I в. н.э.) (15), Айрам II (вторая половина I в. н.э. - первая половина II в. н.э.) (16), с материалами Халчаяна (II-III вв. до н.э.) (17) и с керамикой нижних слоев Шерабадского оазиса (18). Отдельные формы керамики имеют сходство с керамикой городища Тепан-Шах в Южном Таджикистане (19), раннекушанской керамикой Джига-Тепе в Южной Бактрии (20) и во многих кушанских памятниках. Мы видим, что хронологический диапазон керамики, аналогичной нашей, довольно широк. Он охватывает время со II в. до н.э. по II в. н.э. При датировке термезского керамического комплекса мы будем опираться на материалы Мирзакультепа, поскольку посуда сходна как по формам, так и по технике изготовления. К тому же, датировка этого памятника в настоящее время является наиболее убедительной благодаря значитель-

ному количеству находок монет. Причем здесь были найдены монеты только двух разновидностей, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла и «Сотер Мегас» (21). По мнению многих исследователей, монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, находились в обращении с конца II в. до н.э. по I в. н.э. (22) Монеты «Сотер Мегас», отождествляемые учеными с чеканом Куджулы Кафиза, датируются I в. н.э. (23) Здесь следует отметить, что среди термезской керамики есть несколько форм, которые не характерны для Мирзакультепа. В частности, имеются небольшие круглодонные чаши. Эта форма керамики более характерна для II в. н.э. С учетом этого момента есть все основания датировать керамику VIII горизонта и рассматриваемые статуэтки второй половиной I в. н.э. - первой половиной II в. н.э. Если это в действительности так, то предлагаемые статуэтки являются в настоящее время самыми ранними изображениями Будды в коропластике Бактрии. Грубоватость изображений может объясняться тем, что коропласты еще только осваивали продукцию с новой для них иконографией.

В северо-западной Индии самое раннее изображение Будды в коропластике датируется первой половиной I в. н.э. Эта статуэтка была найдена в ступе Джармараджа (24). На монетах образ Будды впервые появляется в чеканах Канишки. Если придерживаться ранней даты для «эры Канишки», т.е. конца I - начало II вв. н.э., то все эти изображения Будды окажутся синхронными. Можно полагать, что в монументальном искусстве этот иконографический тип Будды, да и вообще изображение его в образе человека, возник намного раньше, примерно в конце I в. до н.э. - начале I в. н.э. В этом аспекте очень интересны результаты раскопок буддийского святилища в пригороде кушанского городища Дальверзинтепа, где были найдены великолепные глиняные скульптурные изображения Будд, бодисатв, девагов и т.д. Святилище датируется на основании монет и других находок I в.н.э. (25) Здесь мы уже видим канонические образы как самого Будды, так и других персонажей. Следовательно, в северо-западной Индии, где разрабатывалась иконография Будды, бодисатв и других, она появилась значительно раньше, чем в Северной Бактрии. В противном случае статуарные образы их в Бактрии никак не могли появиться в I в.н.э. и, тем более, стать предметом для копирования коропластами. Ведь коропластка буддийского характера, да и других религий, разрабатывались на базе уже имеющегося изображения в монументальном искусстве. В этом плане все исследователи, изучавшие буддийское

искусство, единодушно. Но чтобы стать предметом для копирования, канонические образы Будды, как и других божеств, в монументальном искусстве уже должны были сложиться окончательно. А это требует времени. Исследователи, изучавшие Гандхарское искусство, сходятся в том, что человеческий образ Будды появился в начале I - II вв. н.э. (26) Окончательное решение этого вопроса остается за новыми открытиями.

Несколько слов хотелось бы сказать о местонахождении термезских статуэток. Как мы уже упоминали ранее, статуэтки были найдены в помещении с алтарем. Последний находился в центре южной стены помещения. Он сделан в виде прямоугольного невысокого постамента (суфы). В центре этого постамента находится небольшой очажок с золой и небольшими тонкими слоями из уголков, которые, судя по всему, образовались в результате возжигания священного огня из душистых трав. Вход, видимо, находился в центре северной стены помещения (эта часть помещения не вскрыта). В целом планировка помещения устроена так, чтобы все внимание находящегося было обращено к алтарю. Общая планировка помещения, наличие алтаря, находки двух статуэток Будды позволяют нам интерпретировать данное помещение как домашнее святилище (рис. 4). Такая интерпретация помещения позволяет нам считать, что в Термезе в I - начале II вв.н.э., наряду с сооружением таких крупных буддийских святилищ как Каратепа, Фаязтепа, при домах горожан строились домашние святилища, где люди совершали ритуальные обряды. Обнаружение домашнего святилища в Термезе лишний раз указывает на широкое распространение буддизма в городах Бактрии уже в I в. н.э. К.А.Абдуллаев, специально рассматривая буддийские памятники Бактрии, отмечает единичность находок терракотовых статуэток буддийского характера в крупных городах и святилищах и принимает это за некую характерную особенность (27). Нам кажется, что здесь нет ничего удивительного.

Отсутствие терракотовых статуэток в святилищах легко объяснимо. Здесь не было в них нужды, так как в святилищах стояли прекрасные скульптурные и живописные изображения Будды и других образов буддийского пантеона, что справедливо отмечает и сам исследователь. Однако это не дает права считать, что в городах, где имеются крупные буддийские святилища, не было необходимости в терракотовых изображениях. Необходимость в них была. Ведь не всегда и не каждый день горожанин мог совершать свой религиозный обряд в городском святилище. А совершать культовый обряд необходимо было каждый день. Следовательно, нужда в терракотовых изображениях Будды и бодисатв была. Этому яркий пример - находки статуэток буддийского характера в Термезе, явившемся самым крупным буддийским центром Северной Бактрии, и в небольшом городском центре, каким является Зартепе. Причем в последнем статуэток буддийского характера найдено значительное количество, хотя и здесь имелось отдельное святилище и ступа. Поэтому следовало бы отнести малое количество находок статуэток буддийского характера в крупных городах за счет степени их изученности. Пример этому - опять же Зартепа, которое в настоящее время считается одним из наиболее изученных памятников Северной Бактрии кушанского времени. Благодаря этому и находки буддийского характера здесь представлены значительно лучше.

В заключении отметим, что благодаря находкам термезских статуэток стал проясняться не только вопрос о времени появления образа Будды в коропластике Бактрии, но и то, что они внесли отдельный штрих в изучение буддизма в Средней Азии, дополнили наши представления о характере культурных контактов Бактрии с северо-западной Индией и дали новые сведения об идеологических воззрениях населения Бактрии в раннекушанский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургунов Б.А. К изучению Айртама. В кн: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 76. Рис. 20, 1. К сожалению, эта статуэтка ошибочно интерпретирована автором как «Великая Бактрийская богиня».
2. Завьялов В.А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепе. КСИИ. 1981, № 167. С. 65-69. Рис. 1, 2; Абдуллаев К.А., Завьялов В.А. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени. Вестник древней истории. М., 1985. № 4. С. 113-114. Рис. 4.
3. Пиддас Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 73-74. Рис. 23.
4. Мейкерис В.А. Терракоты Кара-тепе. В кн: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 131-136. Рис. 23, б.
5. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979. С. 176. Рис. 220.
6. Corl J. Fouilles dans le site de Shahri-Bani et sondage an Zaker-tepe. MDFAFA. Paris, 1959. T.VIII. P. 59-73.
7. Marshal J. Taxila. Cambridge, 1951. Vol. 11.
8. Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan. New-York, 1957; J.E. Van Lohuizen de Leeuw. «Scythian» period. Leiden, 1949.

9. Мешкерис В.А. Терракоты из Кара-тепе.... С. 134.
10. Тургунов Б.А. К изучению Айртама.... С. 60.
11. По данному вопросу существует огромное количество литературы, и ее критическое рассмотрение содержится в работе Е.В.Зеймаль «Кушанская хронология». М., 1968., к которой мы и отсылаем читателя.
12. Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan.... P. 25: J.E. Van Lohuizen de Leeuw. The «Scythian» period.... P. 126-127.
13. Мешкерис В.А. Терракоты из Кара-тепе.... С. 134.
14. Пугаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии... С. 36-42, 93.
15. Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе. В кн: Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 146-150.
16. Тургунов Б.А. Айртам. Автореферат канд.дисс. Ташкент, 1974. С. 16.
17. Пугаченкова Г.А. Халчаи. Ташкент, 1966. С. 37-44.
18. Некрасова Е.Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса. В кн: Бактрийские древности. Л., 1976. С. 76-82.
19. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах, культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983. С. 138-145.
20. Пугаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе. В кн: Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984. С. 118.
21. Пугаев Ш.Р. Монетные находки из Мирзакультепа. В кн: Нумизматика Узбекистана. Ташкент. ФАН. 1990. С. 32-39.
22. Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахи Гелиокла. Эпиграфика Востока. XI. М. - Л., 1956. С. 74: Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология. В кн: Бактрийские древности. Л., 1976. С. 11: Ртвеладзе Э.В., Пугаев Ш.Р. Каталог древних монет южного Узбекистана. Ташкент ФАН. 1981. С. 33-34.
23. Массон М.Е. Происхождение безымянного «царя царей», великого спасителя. Труды САГУ. Вып. XI. Кн. 3. Ташкент. 1950. С. 30-47: Пугаченкова Г.А. К неутраченным дискуссиям; варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас. В кн: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент. ФАН. 1987. С. 98-107.
24. Marshall J. Taxila. Vol. 11. P. 468.
25. Пугаченкова Г.А. Образ Будды в античном и раннесредневековом изобразительном каноне. В кн: Проблема канона. О древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 146: Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Буддийское святилище в загородной зоне. В кн: Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 96.
26. Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan.... P. 25: J.E. Van Lohuizen de Leeuw. The «Scythian» period.... P. 87: Marshall J. The Buddhist art of Gandhara. Cambridge, 1960. P. 7-8.
27. Абдуллаев К.А. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековые эпохи. Автореферат. Канд. дисс. М., 1985. С. 7-9.

ОРОСИТЕЛЬНО-ДРЕНАЖНАЯ СИСТЕМА Г.БУХАРЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

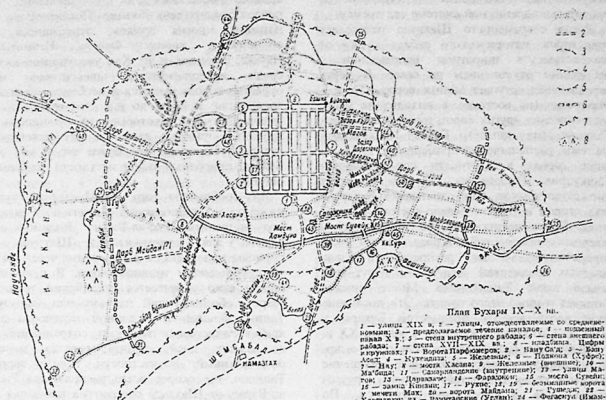
Ш.Т.Абдулов

Со времени возникновения цивилизации на территории Западного Согда орошаемое земледелие занимало и продолжает занимать доминирующее место в хозяйственном укладе жителей региона. Это было предопределено уже природными и географическими условиями данной территории и самым непосредственным образом отразилось на всей ее многовековой истории и культуре. Бухарский оазис, занимающий основную часть территории Западного Согда, представляет собой по существу дельту Зарафшана в его нижнем течении. Климат в данной местности сухой, резко континентальный. Посевы, орошаемые осадками, которые местами практикуют в соседних регионах, здесь попросту невозможны, и поэтому земледелие с древнейших времен базируется на искусственном орошении. Благоприятным фактором является большой уклон местности, который позволяет проводить полив земель самотеком, непосредственно из каналов; различные водоподъемные механизмы здесь широкого применения не имеют. Таким образом, поступательное развитие экономики и уровень культуры жителей области Бухары всегда определялись густо разветвленной ирригационно-мелиоративной системой и ее нормальным функционированием.

В последние годы усилиями целого ряда исследователей (в первую очередь академика АН УзССР Я.Г.Гулямова и член-корр. АН РУз А.Р.Мухамеджанова) история орошаемого земледелия Западного Согда изучена достаточно подробно, и результаты всесторонних комплексных исследований отражены в соответствующих публикациях. В то же время изучению древних городских каналов столицы уделялось меньше внимания. И, хотя заслуги исследователей, разрабатывавших эту тему (В.В.Бартольд, О.Г.Большаков, Л.И.Ремпель и др.) трудно переоценить, тем не менее многие вопросы по данной проблеме все еще остаются дискуссионными или требуют более конкретного решения. В этой публикации автор пытается прояснить некоторые из них, в частности, касающиеся локализации русел отдельных городских арыков и времени окончательного сложения оросительно-

дренажной системы города в том виде, в каком она известна по письменным источникам X в.

Сложная гидросистема Бухары, видимо, существовала уже на самых ранних этапах истории города. В известной книге Наршахи историческая панорама возникновения первого поселения на территории Бухары выглядит следующим образом: "Образовалась большая река Согда, и то место, где сейчас Бухара, понемногу заполнялось землей и выравнивалось, а это заполненное место сделалось Бухарой. Сюда стали собираться люди со всех сторон, и место ожило. Сначала люди строили шалаши и палатки, потом, когда их стало больше, стали возводить дома". Данное сообщение полностью подтверждается на большом археологическом материале. В глубокой древности, еще до возникновения города, через эту местность протекал естественный проток, который в свою очередь являлся рукавом другого протока - Руди-Зара. Руди-Зар (ныне Шахруд) в древности считался основным руслом Зарафшана в низовьях. В IV в. до н.э. по берегам рукавного протока на незначительном удалении друг от друга возникли три массива: два на правом берегу и один на левом. Один из правобережных массивов впоследствии перерос в цитадель города - Арк, а два других, разрастаясь, в конце концов соединились в единый шахристан. Ложе протока, поначалу разъединявшее обе (северную и южную) автономно укрепленные части шахристана, постепенно заполнялось и к VII в. было засыпано полностью. Именно к этому времени и относится возникновение единого шахристана. Все это означает, что поначалу русло городского канала пролегло вдоль территории, на которой сформировался шахристан, и только в VII в. русло было искусственно перемещено к югу за пределы городских стен. Городской канал носит то же самое название, что и основное русло протока (в верховьях), из которого он выведен - Шахруд. В то же время основное русло протока в низовьях называется уже Джуй-Зар, что является явным переименованием древнего названия Руди - Зар. Самое позднее название

План Бухары IX—X вв.

1 — улица XIX в.; 2 — улицы, отходящие к югу от средневековой; 3 — продолжение теплого канала; 4 — стена внешнего бака; 5 — стена XVII—XIX вв.; 6 — площадь Шахруда; 7 — стена XVII—XIX вв.; 8 — площадь Шахруда; 9 — ворота Шахруда; 10 — улица Шахруда; 11 — улица Шахруда; 12 — улица Шахруда; 13 — улица Шахруда; 14 — улица Шахруда; 15 — улица Шахруда; 16 — улица Шахруда; 17 — улица Шахруда; 18 — улица Шахруда; 19 — улица Шахруда; 20 — улица Шахруда; 21 — улица Шахруда; 22 — улица Шахруда; 23 — улица Шахруда; 24 — улица Шахруда; 25 — улица Шахруда; 26 — улица Шахруда; 27 — улица Шахруда; 28 — улица Шахруда; 29 — улица Шахруда; 30 — улица Шахруда; 31 — улица Шахруда; 32 — улица Шахруда; 33 — улица Шахруда; 34 — улица Шахруда; 35 — улица Шахруда; 36 — улица Шахруда; 37 — улица Шахруда; 38 — улица Шахруда; 39 — улица Шахруда; 40 — улица Шахруда; 41 — улица Шахруда; 42 — улица Шахруда; 43 — улица Шахруда; 44 — улица Шахруда; 45 — улица Шахруда; 46 — улица Шахруда; 47 — улица Шахруда; 48 — улица Шахруда; 49 — улица Шахруда.

Шахруд происходит от "Шахр-Руд" ("Городская река").

Уже в IV в. до н.э. населенный пункт на территории Бухары обладал двухчастной структурой, крупными размерами по площади и оборонительными сооружениями; здесь существовало специализированное производство, продукция которого предназначалась для обмена или продажи. Одновременно в окрестностях возникли небольшие поселения, составившие сельскую округу. Таким образом, уже в указанное время Бухара по всем параметрам представляла собой именно городской пункт. Но при этом не следует забывать, что в древности земледелие доминировало в экономике не только села. Немалая часть и городских жителей возделывала поля на территориях, непосредственно прилегающих к городским стенам. Поэтому уже в то время оросительно-дренажная система была необходима как самой Бухаре, так и ее сельской округе. Основа системы, видимо, была заложена самой природой в виде густой сети небольших естественных русел на данной территории. Местным жителям оставалось только дополнить ее многочисленными мелкими рукотворными водоотводами.

По причине своего возвышенного в рельефе положения древнейшая часть города от арыков не зависела и снабжалась водой почти повсеместно из колодцев. Поэтому ирригационно-мелиоративная сеть, которую образуют магистральные арыки и водоемы-хаузы, покрывает только более пониженную территорию баба. Современную гидросистему образуют Шахруд и выведенные из него арыки, из которых шесть отходят влево (в южном направлении), а четыре — вправо (преимущественно, в северном направлении). Глубина русел арыков позволяет предполагать их древнее происхождение. К тому же на многих участках как Шахруд, так и его рукава-арыки перекрыты старыми кирпичными сводами и представляют собой частично подземные каналы — тазары. Многие хаузы, которые подпитываются Шахрудом и его рукавами, тоже в основе могут быть достаточно древними.

В письменных источниках отсутствуют сведения об арыках доарабской Бухары и ее ближайших окрестностей. Тем не менее, анализируя более поздние данные из трудов историков и географов X в. (Наршахи, Истахри, Мукаддаси) и сопоставляя их с современной топографией местности, можно

получить некоторое общее представление об оросительно-дренажной системе тех времен.

Русло современного Шахруда пересекает территорию исторического рабада к югу от шахристана в широтном направлении с небольшим отклонением на север. В черту города канал вступает вблизи ворот XIX в. - Мазарских (на востоке), а выходит на месте расположения других ворот того же времени - Талипоч (на западе). Голова шахрудской системы располагается примерно в 1,5-2 км выше города в местности под названием Ташкуприк. Отсюда из Шахруда вытекает множество арыков. Они охватывают Бухару с двух сторон и текут с северо-востока на юго-запад. Более десятка арыков тянется вдоль северных предместий города, затем они поворачивают на юг, распределяясь вдоль западных предместий. Эти арыки берут свое начало выше Ташкуприка. Много арыков вытекает и ниже этого пункта. Эти последние текут вдоль южных предместий Бухары и далее на юго-запад и юг. Еще в начале XX в. в Ташкуприке располагалось ведомство эмирского мираба, контролировавшее орошение Бухары и ее окрестностей. Данный гидроузел возник еще в глубокой древности. По сообщению Мукаддаси, выше города в местности под названием Фашун имелся шлюз, с помощью которого регулировался уровень воды в основном городском канале. Во время половодий часть воды отводилась от города или текла далее на юго-запад в сторону древнего города Пайкенд по сухому руслу. Скорее всего, этот шлюз представлял собой мост (куприк) со сводчатыми пролетами, которые закрывались связками камыша - фашинами. Вероятно, этот шлюз располагался именно на месте вышеуказанного гидроузла. Показательно, что один из отходящих от Ташкуприка арыков до сих пор называется Фашун. В 5 км южнее Бухары по течению этого арыка расположен кишлак с тем же названием, а на окраине кишлака имеется большое городище - Шанба-тепа (Кош-тепа). Это городище и следует отождествлять с древним селением Фашун (Фашук), упоминаемым географами XII в. Сам'ани и Йакутом. (Имеется в виду именно селение, а не местность, как у Мукаддаси). Хотя сведения Мукаддаси относятся к X в., нет сомнений в существовании этого гидроузла задолго до арабов. По берегам и по течению многих этих арыков на северных, западных и особенно южных окраинах Бухары расположено большое количество археологических памятников: остатки усадеб, замков и даже небольших городов. Даже предвзятые археологические наблюдения указывают на их глубокую в основе древность. То же самое можно сказать о большинстве

арыков, орошавших их в прошлом и продолжающих течь поныне. Показательны и названия многих арыков, относящиеся к согдийскому корню: Фашун, Наумитан, Наухас, Зарманак и др. Как уже упоминалось, среди археологических памятников на окраинах города имеются и особенно древние, восходящие к IV в. до н.э. Это несомненно означает, что некоторые из упомянутых древних арыков являются естественными рукавами Шахруда, тем более что к югу от Бухары природный уклон местности особенно ощутим.

По сообщению того же Мукаддаси, чуть ниже города располагался аналогичный шлюз под названием Рас-ал-Вараг. Видимо, он служил для подпруживания Шахруда в периоды маловодья, а в половодье через него тоже сбрасывали излишки воды. В названии шлюза явно угадывается согдийский термин "варк", обозначающий плотину или запруду. Таким образом, и в данной местности до арабов существовал гидроузел, сохранившийся до наших дней, правда гораздо менее разветвленный. В частности, вблизи ворот Талипоч, где скорее всего располагался Рас-ал-Вараг, от Шахруда отходит на юго-запад и юг несколько арыков: Джизмидан, Джуй-Кози-Муйтоб, Утрар и др. Некоторые из них также являлись естественными рукавами Шахруда, поскольку вдоль их русел тоже отмечены памятники, основанные в IV в. до н.э.

Другой географ X в. Истахри достаточно подробно описал оросительно-дренажную систему самого города. У него нет никаких указаний на происхождение этой системы в доарабское время. Тем более, трудно было бы рассчитывать на ее полное соответствие современному городским арыкам. И все же О.Г.Большаков попытался отождествить часть из упомянутых арыков с современными (см. рис. 1). По его данным, из двенадцати названных Истахри арыков шесть были левобережными, а остальные принадлежали правому берегу. Два арыка брали начало в местности Вараг. Несмотря на сходство в названии, эта местность вовсе не тождественна Рас-ал-Варагу. Скорее всего, она соответствует либо местности Фашун, либо другому пункту, располагавшемуся чуть ниже Фашуна у самых восточных окраин рабада. Судя по названию, здесь тоже была запруда, и возникла она, скорее всего, еще в доарабское время.

Арыки левого берега (сверху вниз по течению Шахруда).

1. Арык Фашидиза. Начинаясь у Варага, протекал в юго-западном направлении и впадал в арык Науканда. В настоящее время, по мнению О.Г. Большакова, арыку Фашидиза

в его головной части соответствует современный арык Каландархона. По предположению автора, более верным является тождество Фашидизы с другим современным арыком под названием Гулобиён. Этот арык вытекает из Шахруда чуть выше Каландархоны. При этом Фашидизе тождественно только среднее течение Гулобиёна, тогда как голова и хвостовая часть арыка описанию Фашидизы никак не соответствуют. Однако именно по среднему течению арыка Гулобиён расположено небольшое и в основе древнее поселение - Гулобиён-тепа (вблизи южных окраин Бухары, недалеко от одноименного кишлака). Оно, скорее всего, и соответствует древнему селению Фашидиза, упоминаемому у Сам'ани и Йакута. Других объектов, подходящих для локализации этого пункта, не имеется, а расположенные поблизости прочие памятники достаточно уверенно отождествляются с другими упомянутыми в источниках древними селениями. В названии "Фашидиза", явно согдийском по происхождению, присутствует топоним "диза" - "замок", "крепость". Параметры Гулобиён-тепы вполне тому соответствуют. В данном случае селение дало название протекавшему рядом арыку (т.е. топоним предшествовал гидрониму), хотя гораздо чаще бывало наоборот.

2. Арык Джуйбар-Бекар ("Полезный проток"). Начинался в середине города, протекал на юго-запад и тоже впадал в Науканда. По мнению О.Г.Большакова, точного соответствия среди нынешних арыков тоже нет, но ближе всего канал, протекающий через Хаузи-Рашид и кончающийся около ворот Намазгах.

3. Арык Джуйбар-Каваририйин ("Проток стекольников"). Начинался в середине города, протекал на юго-запад и впадал в Науканда. Из современных арыков описанию больше всего соответствует большой канал Джуйбар, орошающий юго-западные районы города.

4. Арык Джуйбар Ари (Джуйбар-Гушадж). Начинался вблизи предыдущего канала, протекал на юго-запад и впадал в Науканда. Соответствия в современной системе этому арыку, скорее всего, не имеется.

5. Арык Байканд. Начинался в городе, протекал на юг и впадал в Науканда. Как отмечал еще В.В.Бартольд, несмотря на свое название арык не имел никакого отношения к городу Байканду (Пайкенду). Скорее всего, произношение и написание названия этого арыка в письменном источнике отражено не совсем верно по вине самого Истахри, его поздних редакторов или его переводчика де Гье - составителя "Библиотеки арабских географов". По мнению автора, название арыка происходит от сочетания двух слов:

"Бай" (точнее, "Пай" - "Нижний" на иранских языках) и "канда" (производное от иранского "кандан" - "рыть", "копать"). Широко распространенный на территории Средней Азии древний гидроним "канда" (в сокращенной форме также "канд" и "кан") являлся синонимом понятия "арык", "канал". Таким образом, уточненным названием этого арыка являлось "Пайканда" (в арабизированной форме - "Байканда"), что означает попросту "Нижний канал". И действительно, среди всех левобережных рукавов магистрального городского канала этот арык был самым нижним, если не принимать в расчет арык Науканда. Любопытно, что топоним (точнее, гидроним) "Пайканд" сохранился в названии хауза, располагавшегося в юго-западной части Бухары вблизи медресе Модарихон. Скорее всего, этот арык подпитывал хауз, отсюда идентичность названий. Около ворот Талипоч ныне вытекает небольшой арык, который О.Г.Большаков отождествляет либо с Байкандом, либо с началом арыка Науканда.

6. Арык Науканда ("Вновь выкопанный", "Новый канал"). Начинался на западной окраине города, протекал на юг и терялся в степи. Судя по названию и расположению его головы, канал был выкопан уже после того, как в основе сложилась ирригационная система: как по левому берегу, так и по правому. Науканда был не столько оросительным, сколько дренажным арыком, и притом среди прочих арыков основным в данном качестве. До него эта роль отводилась арыку Байканд (Пайканда). Несомненно, арык Науканда был вырыт уже после того, как Байканд перестал справляться с нагрузкой. Местность на юго-западной окраине города, через которую протекал Науканда, носила то же самое название. Так, Наршахи сообщает о кладбище Наукада, на котором был похоронен "эмир-мученик" Ахмад ибн Исмаил ас-Самани. Это в точности соответствует месту расположения знаменитого мавзолея Саманидов и окрестной территории. Науканда (канал или местность) упоминается Наршахи в связи с событиями 750-751 гг. - восстанием под руководством Шарика ибн Шайха ал-Махри. Кроме того, в исторических источниках есть упоминания и об одноименном селении, окрестности которого упомянутый арык, видимо, орошал. У Табари в сообщении о событиях 85 г.х. отмечено селение Нукан (Наукан), располагавшееся в окрестностях Бухары. В одной из средневековых вакфных грамот упоминается селение Нахри - Науканда, "... которое расположено смежно с прославленным городом Бухарой, в западной стороне от этого города..." и вблизи "... к общественной дороге,

которая идет в местность Каракуль". Это древнее селение можно уверенно локализовать на месте городища Ходжа-Алохиддин-тепа, где располагается одноименный мазар. (На юго-западной окраине современного города, вблизи кирпичного завода).

Правобережные арыки (сверху вниз по течению Шахруда).

1. Арык Тахуна ("Мельничный"). Как считает О.Г.Большаков - это самый верхний правобережный канал. Этот канал вытекал на территории города в местности Наубехар и достигал Байканда. О.Г.Большаков предлагает искать соответствие этому арыку за пределами стен Бухары, либо допустить, что в х в. система орошения северо-восточной части города несколько отличалась от современной. По мнению автора, в некоторой степени (по верхнему и среднему течению) арыку Тахуна может соответствовать современный арык-коллектор Каракуль, предназначенный для сброса излишков воды. Этот коллектор начинается чуть выше города, огибает его северные и северо-западные окраины, затем течет в юго-западном направлении (параллельно или по линии древней "Хорасанской дороги") и примерно в 17 км ниже Бухары на полпути к р/ц. Каракулью впадает в Южнобухарский (Куюмазарский) канал. По обоим берегам коллектора в непосредственной близости к руслу отмечены древние поселения. Это означает, что современный коллектор Каракуль, если не полностью, то хотя бы частично, проложен по сухому руслу древнего канала.

2. Арык Кушна. Арык вытекал тоже в местности Наубехар, проходил через селение Кушна и доходил до Маймурга. Что касается Маймурга, то в этой части сведения письменного источника истинные не соответствуют. Известны два рустака под названием Маймург с одноименными центрами. Один из них располагался в области Кеша на пути из Бухары в Насаф, а другой - в Центральном Согде к юго-востоку от Самарканда. Известно еще одно селение под названием Маймург - в среднем течении Джайхуна (Амударьи). Не исключено, хотя и маловероятно, что вблизи северо-западных окраин города существовало селение под названием Маймург. Тем не менее, в письменных источниках в числе селений области Бухары пункт с таким названием не упоминается. Поэтому данный правобережный арык, протекавший на северо-запад, не мог достигать Маймурга. О.Г.Большаков предлагает отождествление этого арыка с правым рукавом современного канала, орошающего северо-восточную часть Бухары. Этот рукав протекает мимо старого квартала Калабад к Самаркандским воротам.

3. Арык Зугарканда. Начинался в местности Вараг и протекал сначала в широтном направлении до ворот Дарвазача (восточные ворота внутреннего рабада), затем поворачивал на северо-запад к Самаркандским воротам и далее до местности Сапидмаша. О.Г.Большаков отождествляет с Зугарканда левый рукав упомянутого выше современного канала. Судя по предложенному О.Г.Большаковым плану-реконструкции, вблизи ворот Дарвазача Зугарканда делился на два рукава. Левый основной рукав направлялся к Самаркандским воротам, а правый протекал дальше на запад вплоть до ворот Нау - восточных ворот шахристана. Из этого следует, что древнее основное русло городского канала, некогда пересекавшее территорию шахристана в широтном направлении, отчасти (по верхнему и среднему течению) сохранилось в виде небольшого арыка Зугарканда.

4. Арык Безмянный. Это был подземный арык, который начинался в самом городе возле моста Хандуна и в основном подпитывал водоемы-хаузы возле ворот Бану-Асад - западных ворот шахристана на линии средневековой магистральной; остатки воды сливались в ров вокруг цитадели (Арка). Аналогичный подземный арык существует и поньше. Он снабжает водой последовательно три хауза: Аталык, Ходжа-Зайнуddин и Лисак. Они расположены именно в том месте, которое указал Истахри.

5. Арык Рабах ("Доход"). Вытекал из реки около регистана (площадь перед Арком) и доходил до одноименного замка.

6. Арык Регистан. Также начинался из канала в одноименной местности, снабжал водой дворец Саманидов в Регистане, а также Арк. В настоящее время в данном районе имеется только один арык, начинающийся возле старого квартала Мирджон-Али. Основное русло арыка проходит к западу от Регистана, затем поворачивает на восток. От основного русла отходит ответвление, проходящее южнее Регистана и Арка в направлении к шахристану. О.Г.Большаков отождествляет основное русло этого арыка с Рабахом, а ответвление - с Регистаном. Можно добавить, что русло арыка Регистан занимало участок, по которому прежде пролегалo русло основного городского канала. При этом на данном отрезке древнее русло оказалось частично засыпанным с уклоном в противоположную сторону - с запада на восток - и продолжало функционировать.

Подводя итоги описанию древней оросительно-дренажной системы самого города, можно сделать следующие выводы. Дренажный канал Науканда являлся самым нижним среди всех городских арыков. Кроме

того, в него вливались все левобережные арыки. Сама логика подсказывает, что арык Науканда (именно в качестве дренажного канала) позже предыдущих левобережных и, возможно, правобережных арыков. Это обстоятельство отражено уже в самом названии арыка. До Науканда основным дренажным являлся другой нижний арык Байканда (Пайканда). Наиболее раннее упоминание о селении Нукан-Науканда относится ко времени завоевательных походов арабов на Бухару - 85 г.х. И хотя речь идет именно о селении, подобное название ему мог дать только арык, т.е. гидроним явно предшествовал топониму. Таким образом, описанная у Истахри и Мукаддаси оросительно-дренажная система Бухары в основе своей вполне сложилась либо задолго до арабов, либо, по крайней мере, к самому концу VII - нач. VIII вв. Поскольку на городище Ходжа-Алхиддин-тепа (оно же Нукан, Науканда и Нахри-Науканда) отмечены материалы сер. IV-V вв.), стало быть древнее селение уже тогда снабжалось водой из одноименного арыка. На взгляд автора, в то время данный арык представлял собой небольшое, возможно, естественное русло, но

несколько позже с развитием экономики, территории и народонаселения города это русло значительно расширили и удлиннили, приспособив для хозяйственных нужд. В результате этих работ небольшое русло превратилось в основной дренажный канал г.Бухары.

Своеобразным отголоском от тех времен и напоминанием о прежнем русле Шахруда является средневековая магистраль, пересекающая территорию шахристана в широтном направлении (бывшая ул. Коммунаров). Вдоль магистрали по линии расположены известные архитектурные памятники: медресе Абдулазиз-хана, торговый купол Токи-Заргарон, медресе Мири-Араб, минарет Калян, соборная мечеть Масджиди-Джаме. Строительство цепи монументальных сооружений на месте исчезнувшего старого русла было закономерным явлением. Так как земля в скудных условиях средневекового города была очень дорогой, то подобные постройки возводили, как правило, на более дешевых, пустовавших, прежде полуболоченных, но затем осушенных участках.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первоисточники культуры и возникновения орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966; Мухамеджазов А.Р. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978.
2. Абу Бакр Мухаммад ибн Хатф ар-Найшахи. Бухоро тарихи. "Мерос". Тошкент, 1991, 90 б.
3. Мухамеджазов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары. ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986, с. 110, 113.
4. Бартольд В.В. Сочинения, т. I, М., 1963, с. 155.
5. Бартольд В.В. Цит. соч., с. 184.
6. Бартольд В.В. Цит. соч., с. 155.
7. Бартольд В.В. Цит. соч., с. 156-157.
8. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 251.
9. Ш.С. Камалиддинов. "Китаб ал-Ансаб" Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993, с. 70.
10. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Цит. соч., с. 251.
11. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Цит. соч., с. 251.
12. Бартольд В.В. Цит. соч., с. 156.
13. В связи с этим можно предположить, что и название древнего города Пайкенда (по написанию Сам'ани, Истахри, Мукаддаси, Табары, Найшахи, ибн-Хордадбега и автора "Худуд-ал-Алам" - "Байканда", по Якуту - "Биқанд", по ибн-ал-Фахриу - "Беканд" (происходит от "Пайканда"). По версии автора, так назывался канал, который в свою очередь "передал" свое название городу. Окрестности Пайкенда в прошлом орошались разновременными арыками: наиболее ранний из них был выведен из древнего канала Камин-Даймун (он же Фарвиз ас-Суфла) в конце V в. Именно в это время и во многом благодаря этому арыку небольшая крепость на юго-западном окраине Согда (впоследствии стала централью Пайкенда) превратилась в торгово-ремесленный пункт межрегионального значения. Древнему каналу Камин-Даймун соответствует большой современный канал Джукхун (Джайхун), а выведенному из него древнему арыку с предполагаемым названием Пайканда - сухое русло, которое местные жители называют Кызырк. Остатки этого сухого русла до сих пор просматриваются в рельефе в нескольких км к северо-востоку от городища Пайкенд.
14. Возможно еще одно толкование названия древнего города, как исходящее от "Пайкен" - "Нижний город". Несмотря на свою привлекательность (Пайкенд - действительно самый нижний древний город по течению реки Согда - Зарафшана) эта версия менее допустима. Сравнительно поздний и широко распространенный топоним "кенг" восходит к сошедшему "кад" ("селение"). В арабизированной форме древние сошедшие топонимы с таким окончанием писались через "кат"-"кас" (например, Панджжас - Панджжикент). Однако написаний "Бейкат", "Байкас" или "Байкад" ни в одном письменном источнике не зафиксировано.
15. Рехпель А.И. Далекое и Близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Ташкент, 1932, с. 146, № 44.

16. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 252.
17. Наршахий. Бухоро тарихи..., 160 б.
18. Цит. соч., 137 б.
19. История ат-Табари. Ташкент, 1987, с. 100.
20. Чехович О.А. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. Исторические записки. Т. 33, М., 1950. с. 261.
21. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 252.
22. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 253.
23. Бартольд В.В. Цит. соч., с. 189; Камалидинов Ш.С. Цит. соч., с. 103-104.
24. Бартольд В.В., Цит. соч., с. 50, 144, 145; Камалидинов Ш.С. Цит. соч., с. 93.
25. Камалидинов Ш.С. Цит. соч., с. 55.
26. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 253.
27. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 243.
28. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 252-253.
29. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 242.
30. Ремпель Л.И. Далекое и близкое..., с. 146 (№ 59-61).
31. Беленицкий А.М. и др. Цит. соч., с. 252.

ЖИЗЗАХ ВОҲАСИНИНГ VII-VIII АСРЛАРДАГИ КУЛОЛЛИК ИДИШЛАРИ.

М.Паргаев

1980 йилларда «Ўзбекистон археология ёдгорликлари мажмуини тузиш» дастури бўйича ўтказилган тадқиқотлар натижасида Жиззах воҳаси археология ёдгорликларининг аксарият (60-65%) қисмини илк ўрта асрларга оид қишлоқ қурилиш маконлари ташкил қилиши аниқланди. Ушбу давр қишлоқ қурилиши иншоотларининг сон жиҳатдан устуңлиги нафақат Жиззах воҳаси учун, балки Уструшонани барча вилоятлари учун хусусиятлидир.

Сангзор дарёси ҳавзасидаги суғорма дехкончилик мавзёлари билан боғлиқ илк ўрта аср қишлоқ маконларининг сон жиҳати ва нисбатан яхши сақланиш даражаси, ушбу иншоотлар қурилиши тарихини, тараққиёт босқичларини ва айниқса моддий-маданиятнинг оммавий намунаси - кулоллик идишларининг изчил ўрганилишига сабаб бўлди. Ўрта Сангзор ирригация воҳасидаги Кингиртепа, Алмантепа II, Қуйи Сангзор ирригация воҳасидаги Комилбоботепа қалъаларининг, Қалияташа шаҳар ёдгорлигининг VII-VIII асрларга тааллуқли қатламларидан олинган кулоллик идишлари тавсифи ва таҳлили мазкур мақоланинг асосини ташкил қилади.

Хумлар. Бу турдаги идишларининг асосан гардиш қисми қайд қилинган. Хумларнинг тана тузилиши узунчоқ, шиширилган пуфакдек думалоқ. Хумлар ўз гардиш шаклларига қараб 4 тоифага бўлинади.

1-тоифани калта бўйни идишнинг танаси билан мутлоқ тутшиб кетган, гардиши ташқарига кескин қайрилган, гардиш боши думалоқ, эгарчасимон кўринишдаги хумлар ташкил қилади (1-расм, 1, 2, 7с).

2-тоифани узун бўйни идишнинг танасидан кескин ажралиб турувчи, гардиши хиёл ташқарига қайрилган, гардиш боши тўмтоқ, текис кўринишдаги хумлар ташкил қилади (1-расм, 4с; 2-расм, 1-2).

3-тоифани гардиши кескин буралиб қайрилиши сабабли қуш тумшуги кўринишини

олган, баъзи ҳолларда бўйин қисми «бақбақа»симон кўринишда кўтарилган, танаси думалоқ, узунчоқ шакли идишлар ифода тайди (1-расм, 3, 5с).

4-тоифани гардиши тик, тўғри, гардиш боши тўкмоқ учисимон йўғон, узунчоқ, бўйни йўқ, танаси боччасимон кўринишдаги хумлар ташкил қилади (2-расм, 3с).

Хумча л а р ш а к л жиҳатдан хумлардан деярли фарқ қилмасда, уларнинг ҳажм ва ўлчамлари сезиларли даражада кичикдир. Хумчалар 3 тоифага бўлинади.

1-тоифага бўйни калта, гардиш учи қуш тумшуги мисоли ташқарига қайрилган, тана тузилиши узунчоқ хумчалар қиради (2-расм, 4, 6 с.8-расм, 4с).

2-тоифага бўйни йўқ, гардиш боши учбурчасимон бўлиб ташқарига қайрилган, тана тузилиши цилиндрсимон чўзиқ идишлар қиради (3-расм, 15с).

3-тоифага узун тик бўйни, узунчоқ танасидан ҳам, тўғри тўртбурчасимон гардишидан ҳам кескин ажралиб турувчи, гардиши ярим горизонтал ҳолатда ётиб, ташқарига қайрилган идишлар қиради (3-расм, 16с).

Қозонлар кейинги давр, яъни VII-VIII асрларда сифат, сон ва айниқса шакл ўзгаришларига дохил бўлган кулоллик буюмлари сирасига қиради. Қозонлар гардиш шакли, гавда тузилиши ва қулоклари кўринишига қараб 6 тоифага бўлинади.

1-тоифа қозонлари кулоллик чархид а ясалган бўлиб, уларнинг гардиши тўғри, қийиқ горизонтал ҳолатда жойлашган, гардиш боши учли тумшукча кўринишда пастга қайрилган. Бу идишлар нисбатан юпка деворли бўлиб, узунчоқ тана, қиска бўйинча орқали гардишдан кескин ажралган. Қозонларнинг елкасига параллель ҳолатда 2 та тўлқинсимон шаклда япаски қулоқлар ўрнатилган (3-расм, 3с).

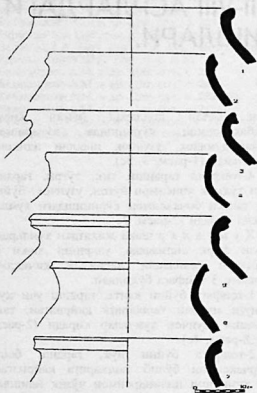
2-тоифани гардиш учи думалоқ, ташқарига қайрилган, қорин қисми пуфакдек кескин қатталашган, бўйин қисмида 2 та тақасимон қулоқ ўрнатилган, қўлда ясалган қозонлар ташкил қилади (3-расм, 1, 4с).

3-тоифага қирувчи қозонлар калта бўйинли, гардиши қалча илон боши мисоли ташқарига қайрилган, тана кўриниши

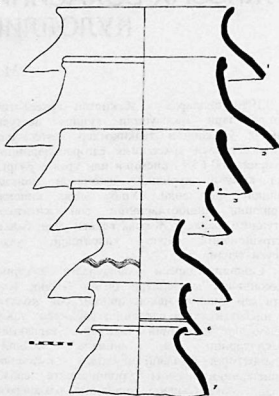
↑ Ушбу мақола ЎММТнинг 29 сонид а М.Пардаев, А.Пардаев томонидан эълон қилинган мақола мавзусининг даярийлик жиҳатидан узвий давомидир.

думалок, ён девори юпка (0,5-0,8см). Бу хилдаги қозонларнинг бирини елкасига уч қатор арқончасимон тасмаларни бир-бирига

эшилишидан ҳосил бўлган 2 та қулоқ ўрнатилган. Бу идишлар қулоқлик чархида тайёрланган (3-расм, 12с; 4-расм, 1, 2).

1-расм. Хумлар

2-расм. Хумлар

4-тоифани гардиши деярли горизонтал ҳолатда ташқарига қайрилган, гардиш учи тўмтоқ, суйри, бўйни бир бармоқ сиғарли даражада калта бўлган, гавдаси думалок қозонлар ташкил қилади (3-расм, 10с).

5-тоифани бўйни узун, гардиши хиёл ташқарига қайрилган, гардиш учи тўмтоқ, тана кўриниши аксарият ҳолларда думалок қозонлар ташкил қилади. Қозонларнинг бири устидан тўқ қизил ангоб оқизилган (3-расм, 11с; 4-расм, 10, 13с).

6-тоифани гардиши тик, гардиш боши учли, калта бўйинли, думалок қоринли қозонлар ташкил қилади (3-расм, 5с; 4-расм, 9с).

Декчалар (қозончалар) 3 нусхада кайд этилиб, 2 тоифани ташкил қилади.

1-тоифага гардиши тик, гардиш учи думалок, узун, бўйни тана қисмида ўткир бурчак ҳосил қилган ҳолда кескин ажралган, тана тузлиши туҳумсимон шаклдаги 2 нусха қозон киради (3-расм, 2-9с). Қозончаларнинг бирини елкасига учбурчак шаклидаги нақшлар ўйиб туширилган.

2-тоифани гардиш учи эгарчасимон суйри, тик бўйинли ўртаси «бужок»симон кўринишда

ташқарига туртиб чиққан, корни пуфаксимон думалок декча ташкил қилади (3-расм, 6с).

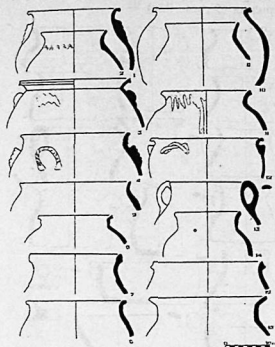
Қозонларнинг гардиш диаметрлари 19-25см, декчаларнинг гардиш диаметрлари 14-16см гача бўлган ўлчамларни ташкил қилади. Бу идишлар айрим ҳолларда қизғиш, тўқ малла рангли ангоблар билан бўялган.

Хурмалар бу даврда сон жиҳатдан кўпайган бўлсада, уларнинг assortименти хиёл камбағаллашган. Хурмалар 3 тоифага бўлинади.

1-тоифани калта бўйинли, гардиши тик ёки хиёл ташқарига қайрилган, гардиш учи тўмтоқ, тана кўриниши узунчоқ шаклдаги хурмалар ташкил қилади (5-расм, 8, 11-12с).

2-тоифани узун бўйинли, гардиши ташқариги қайрилган, гардиш учи текис, думалок, тана кўриниши пуфаксимон чўзинчоқ бўлган идишлар ташкил қилади (4-расм, 10; 5-расм, 24с).

3-тоифани бўйни бир бармоқ сиғарли даражада калта, гардиши кескин ташқарига қайрилган, гардиш учи текис, қиррадор, қуш тумшугисимон, танаси айланасимон думалок шаклли хурмалар ташкил қилади (4-расм, 6с).

3-расм. Козонлар, хумчалар

Хурмачалар 2 тоифани ташкил қилади.

1-тоифани қуллолик чархда ясалган, бўйни калта, гардиши тик, гардиш боши тўмтоқ, учли, тана кўриниши думалоқ, чўзинчоқ бўлган хурмачалар ташкил қилади (6-расм, 2с).

2-тоифага бўйни узун, гардиши тик, тўғри, хиёл ташқарига қайрилган, елкасида тешикчаси бор, танаси шиширилган пуфакдек ёки ноксимон узунчоқ кўринишли хурмачалар қиради (3-расм, 14с; 6-расм, 1, 4-5с).

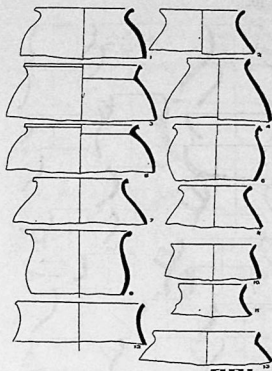
Кўзалар ўз шакли, ўлчамлари ва кундалик турмушдаги фойдаланиш жиҳатларига қараб 7 тоифага бўлинади.

1-тоифа узун, тик бўйинли, тор бўғизли, гардиши тўғри чизиксимон, хиёл ташқарига қайрилган, гардиш учи тўмтоқ, гавдаси ноксимон, дастасиз, ўртача қатталиқдаги кўзалардан тузилган (5-расм, 1, 14, 16, 19).

2-тоифа кўзалари ҳам тор бўғизли, бўйни узун, танаси ноксимон шаклда, лекин, уларнинг гардиш учи чийирилган ҳолда думалокланиб ташқарига қайрилган (5-расм, 13, 14с).

3-тоифани тор бўғизли, бўйни тик узун, гардиши тўғри қуш тумшугисимон қайрилган, танаси чўзинчоқ, шарсимон думалоқ бўлган катта ҳажмли сув кўзалар ташкил қилади (5-расм, 1, 17, 21, 23с).

4-тоифани сув сақлаш учун фойдаланилган кенг бўғизли, калта бўйинли, гардиши

4-расм Козонлар, хурмалар

тўғри тўртбурчаксимон, танаси думалоқ кўринишли идишлар ташкил қилади. Бу идишларнинг баъзиларига жумрак ва даста ҳам ўрнатилган (6-расм, 6, 11с).

5-тоифани асосан сув ташишда ишлатилган бир дастали обдасталар ташкил қилади. Обдасталарни узун бўйни чўзинчоқ, тухумсимон тана қисмидан кескин ажралиб турувчи, гардиши ташқарига қайрилган, дастасининг юқори қисми гардиш устига, пастки қисми елкасига ўрнатилган (6-расм, 7-9с).

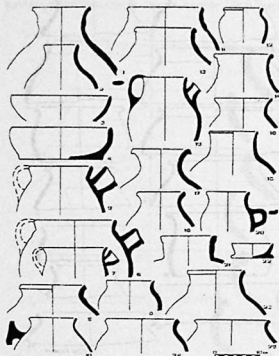
6-тоифани бир дастали, бўйни қисмига жумрак ўрнатилган, гардиши тик офтобалар ташкил қилади (5-расм, 5, 7, 15с).

7-тоифани тор бўғизли, тик гардишли, елкасида дастаси бор бўлган, баъзи ҳолларда тана кўриниши асимметрик ноксимон идишлар кумгонлар ташкил қилади (6-расм, 10, 12с).

Ёғлоғилар - кружкалар шакл жиҳатдан ўзгариб алоҳида тур даражасига кўтарилган бўлсада, аввалги кўринишни сақлаб қолган нухсаларни мавжудлиги ҳам давом этади. Бу хилдаги идишлар 2 тоифага бўлинади.

1-тоифани хурмачасимон кўринишдаги бир дастали ёғлоғилар ташкил қилади. Уларнинг бўйни калта, гардиши тик, гардиш боши тўмтоқ, ташқарига қайрилган, тасмасимон дастаси идишларнинг юқори

кисмига ўрнатилган (5-расм, 10, 20с; 7-расм, 5, 7, 10с).

5-расм. VII-VIII аср кулоллик идишлари

2-тоифани тана қўриниши косасимон, гардиши тик, тўғри, гардиш боши ўткир учли, тагдони текис ясси, дастаси тана ёнига, гардиш устига ўрнатилган, том маънода ҳозирги замонавий «кружка»ларни эслатувчи идишлар ташкил қилади (6-расм, 13-15с; 7-расм, 1-4с).

Косалар ўтган даврга қараганда сезиларли даражада кам қайд этилган бўлсада, уларни шакл ўзгаришлари сезилмайди. Косалар 5 тоифадан ташкил топган.

1-тоифага танасининг ўрта қисми ёйсимон, ташқарига туртиб чиққан, гардиши тик, гардиш учи тўмтоқ, тагдони текис идишлар қиради (5-расм, 4с).

2-тоифага юпка ён девори ўртача қияликда тепага қўтарилган, гардиши тўғри, гардиш боши ўткир учли, кулоллик чархда ясалган косалар қиради (5-расм, 3с).

3-тоифага танаси ёйсимон, эгри, гардиш боши хиёл ичкарига қайрилган чуқур товоқлар қиради (6-расм, 16с).

4-тоифани юпка, ён девори конуссимон шаклда, гардиши тик, гардиш учи текис паймонасимон косалар ташкил қилади (8-расм, 10с).

5-тоифани косаларнинг мўъжаз нусхаси пиёлалар ташкил қилади. Пиёлаларни баъзилари қалин деворли, гардиши тўғри, тагдони текис, тагдон ўртаси ўйик,

баъзиларини девори юпка, гардиши ташқарига қайрилган (5-расм, 22с).

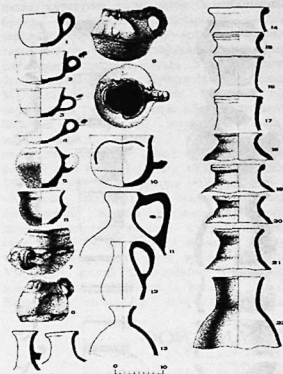
6-расм. VII-VIII аср кулоллик идишлари

Косагуллар. Мазкур турдаги идишлар Комилбоботепа қалъасида қайт этилмаган бўлсада, Қалиятапа шаҳар харабасини VII-VIII асрларга оид қатламларида, Уструшонанинг Марказий Сулға бевосита чегарадош мавзеи ёқори Сангзор воҳаси ёлгорликларида қўплаб учрайди (Бердимуродов, Пардаев, 1988, 7-716, 2-расм, 1, 4с).

Қўшқулоқ. Бу турдаги сопол идишлар халқ орасида мойчува, мўнди деб ҳам номланади. Мазкур идишлар ўсимлик ёғи, мол мойи сақлашда ишлатилган. Идишларнинг гардиши қисмига параллель ҳолатда ўрнатилган қулоқлари, уни «қўшқулоқ» деб номланишига сабаб бўлган. Қўшқулоқнинг гавда тузилиши узунчоқ, гардиши тик, тўмтоқ, хиёл ташқарига қайрилган, узун бўйни идиш танасидан ажралган ҳолдаги қўринишидир (3-расм, 13с).

Дастўй. Фақат бир нусхада қайд этилган бу хилдаги идишлар халқ орасида «чилбчин» ёки бузилган шаклда «дашви» деб ҳам номланади. Бу турдаги идишларни белгилашда этнографик маълумотлардан кенг фойдаланилди. Асосан қўл ювида ишлатиладиган мазкур идишнинг тана тузилиши думалоқ, гардиш диаметри 20 см, узун бўйни кескин равишда ичкарига қирган,

гардиши ташқарига кайрилган, гардиш учи тўмтоқ шаклдадир (9-расм, 5с; 10-расм, 8с).

7-расм. Ёғлоғи кружкалар кўзалар.

Чирогдонлар ўз шакл кўринишлари бўйича 2 тоифага бўлинади.

1-тоифа чирогдонларини муъжаз паймонасимон, «стакан нусха» идишлар ташкил қилади. Идишларнинг тагдони текис-ясси, тагдон учидан ўткир бурчак ясаб тепага кўтарилган ён девор «хипча бел» ҳосил қилган ҳолда кескин ташқарига қайрилган. Чирогдонларнинг гардиши тик, учли ёки тўмтоқ (6-расм, 14, 17с).

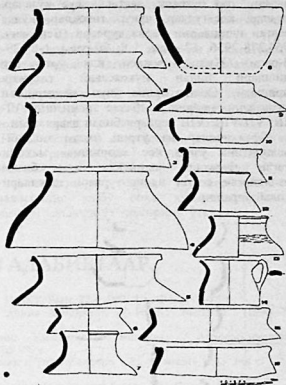
2-тоифа чирогдонлари кичик пиёла нусха кўринишга эга. Уларнинг текис-ясси тагдони идиш ён деворларидан ташқарига тўртиб чиққан, гардиши тик, учли идишларнинг барчаси калта, япаски шаклда (5-расм, 22с; 9-расм, 6с).

Копкоклар. Ўз гардиш айланаси ўлчамларига кўра (7,0-12см) сув ёки суг маҳсулотлари солинган бўғзи тор идишларини оғзини ёпиш учун қўлланилган мазкур сопол буюмлар 3 тоифага бўлинади.

1-тоифани ўтовсимон ёки тўнтарилган пиёлани эслатувчи копкаклар ташкил қилади. Копкокларнинг тепасида бармоқ билан чимдиб ҳосил қилинган чуқурчалар мавжуд (9-расм, 12с).

2-тоифани тўнтарилган кўнғироксимон копкаклар ташкил қилади. Копкокларнинг ичи ўйик «воронка»симон кўринишда, туткич марказида диаметри 1 см бўлган «оғизча» мавжуд (9-расм, 11с).

3-тоифани ярим айланасимон кўринишдаги туткич дастаси копкак сиртидан кескин ажралган, туткич марказида бармоқ ўтказиш учун тешик мавжуд бўлган, пасти томони текис, япалоқ, умумий шакли айланасимон сопол буюмлар ташкил қилади (9-расм, 16с).

8-расм. VII-VIII аср кулоллик идишлари

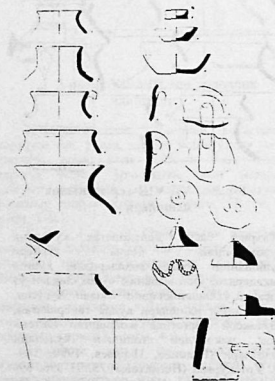
Таъриф баёни келтирилган кулоллик маҳсулотларининг барча турлари Уструшонанинг бошқа воҳаларидан, қўшни минтақалардан, узоқ маданий «ўчоқ»лардан ўз муқојасавий ўхшашликларини топади. Хусусан, аксарият сопол идишлари қўлда тайёрланган, Шурбулоқсой қирғоғида жойлашган Оқтепа қишлоқ маконидан топишган кулоллик маҳсулотлари (Грицина, Пардаев, 1990, 169-171б), Ўртақўрган (Негматов, 1973, 71-89б; 39-42расм), Чилхужра (Пўлатов, 1975, 48-62б; 29-35расм) каби фан оламида таниқли бўлган илк ўрта аср обидаларидан топишган кулоллик идишлари бизнинг ихтиёримиздаги маҳсулотлари кулоллик билан муқојасавий ўхшашдир.

Бу давр кулоллик идишлари шаклларида Сирдарё бўйи кўчманчилари, «Ковунчи маданияти»нинг III даври таъсири давом этади. Қўшқулокли идишлар (мўнди), ёғлоғи, обдаста, хум ва копкаклар Тошкент воҳасини Кутангтепа, Хонобод, Чилонзор, Юнусобод Оқтепаси ёдгорликларида учрайди ва эталон ёдгорлик Шоштепаннинг Шош VI қатлами

билан даврланади (Филанович, 1983, 59-616, 3-расм, 6,14-19, 22-26с).

Шунингдек, Сугднинг Панжикент шаҳри юқори қатламларида қайд этилган хумлар, ён девори юпка, сарпушли қозонлар, хурмалар, туткичи ёнида ўрнатилган ёғлоғилар (Большаков, 1964, 99-1026, 6,8-9расм), катта ҳажмли, тор бўғизли, дастасиз сув қўзалар, косатар, косагуллар, чуқур товоқлар, қўлда ясалган идишларни барча турлари (Бентович, 1964, 278-2936, 17-расм, 1-8; 20-расм, 1-8; 29-33-расм) Жиззах воҳаси илк ўрта аср идишлари билан муқоясавий таҳлилга киришади. Солиштириш учун келтирилган муқоясавий, ашёвий манбалар эрамининг VI-VIII; VII-VIII; VIII асрлари билан даврланади.

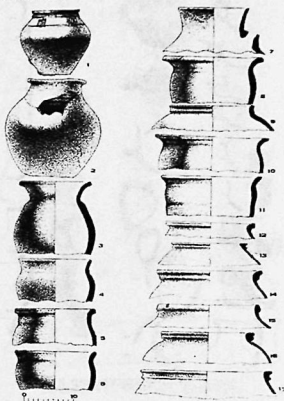
Кучманчилар ва ўтроқ аҳоли моддий-маданиятини ўзига хос «қоришма» макони бўлган Фарғона водийсида ҳам бизни қизиқтирган сопол идиш турлари шакллари кўплаб учрайди.

9-расм. VII-VIII аср қулоллик идишлари

Шунингдек, бу даврда чорвадор аҳоли идишларини ижобий ўзлаштирган Сугд қулоллик хунармандчилигини «акс-таъсири» сезилади. Қулоллик идишлари тимсолидаги бу тескари тўлқин Уструшона орқали Фарғона водийсининг энг ички сарҳадларига етиб боради. Ёттисувнинг Сукулук туманида топилган қўшқулокли идишлар, кружалар (Бернштам, 1950, 119-1236, табл. XI, 4, XIII, 1, 8с), Ок-Бешида ажратилган Сугд сопол гурухлари (Распопова, 1960, 1446) шулар

жумласидан бўлиб, уларнинг даврий санаси эрамининг VII-VIII асрлари билан белгиланган.

10-расм. VII-VIII аср қулоллик идишлари

Бундай ўхшаш идишларни Хоразм воҳасининг Бургут қалъа мавзеи ёдгорликларидан, жанубий Ўзбекистоннинг Сурхон водийси Хайрабод, Қулоғлитена ёдгорликларида учратиш мумкин (Анишев, 1988, 69-726, XVII табл., 37-40, 77-78, 80; XVII табл., 37-39, 138-140с).

Шундай қилиб, Комилбоботепа, Қалнятепа, Қингиртепа, Алмантепа II ёдгорликларининг қулоллик идишлари тимсолид келтирилган Жиззах воҳасининг кейинги давр сопол идишлари комплекси келтирилган кенг миқёсдаги муқоясавий таҳлилларга асосланиб эрамининг VI-VIII асрлари билан даврланади.

Маълумки, бу тарихий сана ўрта Осиёнинг Турк хоқонлигига қўшиб олинishi даврига тўғри келади. Жиззах воҳасида ўтказилган археология қазув-тадқиқотлари натижасига қўра, хоқонлик истилосининг биринчи босқичи шимоли-ғарбий Уструшона-Жиззах воҳаси халқ хўжалиги, ҳусусан қулоллик хунармандчилиги учун турғунлик вазиятини юзага келтирган. Буни VI асрнинг иккинчи ярмида ҳам қулолчиликда эфталлидлар даври сопол идиш шакллариин сақланиб қолиши билан ифодалаш мумкин.

Милодий эрнинг VII асридан бошлаб кулоллик маданиятида кўчманчилар нуфузининг таъсири ошиб идишларда, ўйма нақш, кўрсатгич чизиқсимон безаклар пайдо бўлади. Шунингдек туркларнинг металл, заргарлик буюмлари, қурол-аслаҳа ва безакли тақинчоқлари, юқори сифатли санъат асари сифатида қадрланиб, тезда Ўрта Осиёнинг ўтроқ аҳолиси ҳаёт тарзига кириб боради. Мутахассисларнинг эътирофи этишича турк торевтикаси таъсири остида Сўғд, Уструшона, Фарғона, Тохаристон кулоллари металл идишларнинг сопол прототипларини яратишган. Машҳур сопол кружкалар худди шундай йўл билан вужудга келган (Маршак, 1961, 185-189 б). Бу даврда «Джети-Осор» ва «Ковунчи маданияти»га мансуб кулоллик буюмларини Жиззах воҳасида қўланиши давом этади. Қувурсимон жумракли, сирти суюқ ангоб билан бўялган идишлар турмуш тарзида ҳамон катта ўрин тутди. Бу ҳолни VII асрга келиб Сирдарёнинг ўнг соҳили мавзейларидан Жиззах воҳаси орқали Зарафшон водийсига янги-янги чорвадор

кўчманчи гуруҳларнинг кириб келиши ва ўтроқлашиши билан изоҳлаш мумкин (Пардаев, 1998).

Жиззах воҳаси сопол идишларининг айрим турлари, масалан косағуллар VII асрнинг охири VIII асрларда маҳаллий кулоллик хунармандчилигига Марказий Сўғд, хусусан, Панжикент кулоллик мактабининг акс таъсирини кўрсатади. Бу даврда Панжикент деворий суратларида тасвирланган, маданий катламларда қайд этилган уч, тўрт, беш (япроксимон) айланали косағуллар Жиззах воҳаси ёдгорликларида нисбатан кўп учрайди.

Шундай қилиб, ҳулоса қилиш мумкин, VII-VIII асрда ишлаб чиқарилган Жиззах воҳаси кулоллик идишлари аввало маҳаллий (IV-VI асрдаги) анъаналарни давом этдирган ҳолда ривожланган. Колаверса «Ковунчи маданияти»нинг III даври Марказий Сўғд кулолчилигининг айрим усуллари Жиззах воҳасининг ушбу соҳа хунармандчилигига маълум маънода ўз таъсирини ўтказган.

Фойдаланилган адабиётлар.

1. Бердимуродов А.Э., Пардаев М.Х. Замок Кингиртепа. // ИМКУ. Вып. 22 - 1988. Т., «Фан», 66-75 с.
2. Бердимуродов А.Э., Пардаев М.Х. Раскопки верхнего здания Алматтепа. // ИМКУ. Вып. 23. - 1990. Т., «Фан», 147-160 с.
3. Гридина А.А., Пардаев М.Х. Археологическое изучение Кизилинского массива. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Т., «Фан», 1990. 163-179 с.
4. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртақурган и Тирмизактепа. - Д.; «Дониш» 1973. 144 с.
5. Пулатов У.П. Чилхуждра. -Д.; «Дониш», 1975. - 184 с.
6. Филонович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. - Т.; «Фан», 1983.
7. Большаков О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. МИА, № 124. М.-Л., 1964. 298 с.
8. Бентович И.Б. Керамика Пенджикента. //МИА, № 37. М.-Л., 1953. 133-145 с.
9. Бернштам А.Н. Чуйская долина. // МИА, № 14. М.-Л., 1950. 146 с.
10. Распопова В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда. // УСА. Вып. 4. 1979. 22-26 с.
11. Айнаев Т.Дж. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. -Т. «Фан», 1988. - 135 с.
12. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику в VII-VIII вв. Л., 1961.
13. Пардаев М.Х. Илк ўрта асрларда қўл маданиятини Жиззах ва Бухоро воҳасига таъсири. // ОНУ, Т., «Фан», 1998, № 4-5, 98 с.

ЗДАНИЕ БЛИЗ КАФЫРКАЛЫ ПОД САМАРКАНДОМ-ЗАМОК ИЛИ ДАХМА ?

Т.И. Лебедева

В 1961 г. вышла из печати статья Г.В.Шишкиной "Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом" (Шишкина, 1961), явившаяся результатом археологических раскопок автора 1956-57 гг. у гор. Кафыркалы. Усадьба находилась в 170 м. к юго-востоку-востоку от городища и представляла собой двухэтажное здание на платформе. Во внутренней части здания в стенах помещений располагалось большое количество продухов, признанных Г.В.Шишкиной жаропроводящими в отопительной системе усадьбы, две отопительные комнаты-камеры которой располагались в восточном углу здания. Автор раскопа выделила два строительных периода и несколько периодов обживания усадьбы. В первый строительный период было возведено полностью все здание на платформе, во втором - ремонт разрушенных частей стен и забутовка некоторых помещений здания. В период запустения усадьбы, по её мнению, помещения второго этажа использовались в качестве наусов (Шишкина, 1961).

Интерпретация Г.В.Шишкиной вскрытого здания как сельской усадьбы вскоре была подвергнута сомнению со стороны архитектора В.А.Нильсена и в 1965 г. он опубликовал статью, в которой привёл своё мнение о том, что вышеуказанное здание является дахмой (Нильсен, 1965). Мнения последующих исследователей, столкнувшихся по различным причинам с выбором интерпретации назначения данного здания разделились. Б.И. Маршак, подвергнув критике тот факт, что автором раскопа керамический материал не был разделен по слоям, принял её версию функционального назначения вскрытого объекта (Маршак, 1971, с. 207-208), выделив при этом три строительных периода в существовании замка-усадьбы (Маршак, 1975, с. 116, 117). В 1977 г. Г.В.Шишкина вернулась к вопросу о назначении здания близ Кафыркалы. На конференции по раннесредневековой культуре Средней Азии и Казахстана (Шишкина, 1977) она подтвердила неприверженность своей первоначальной интерпретации этого сооружения как центрального здания

сельской усадьбы и сделала замечание сторонникам культового назначения постройки о полном игнорировании ими стратиграфической ситуации при работе с её материалом.

Несмотря на появление данной публикации в археологической литературе продолжалось появление различных версий назначения и реконструкции планировки периодов существования здания под Кафыркалой. Р.Х.Сулейманов, исследовавший храм Сеталак-1, считает здание под Кафыркалой "ближним по семантике и особенностям конструкции" культовым сооружениям Бухарского и Ташкентского оазисов (Сулейманов, 1979, с.19; 1983, с.116-120; Филинович, 1983) Ферганской долины (Горбунова, 1972) и юго-восточного оазисов (Мершнев, 1970). С.К.Кабанов, поддержав версию Г.В.Шишкиной о назначении здания и единовременности его возведения, в отличие от неё, шели в стенах здания считал световыми, одновременно служившими для вентиляции тёмных и закрытых со всех сторон помещений (Кабанов, 1981, с.127). По мнению Ю.Якубова здание под Кафыркалой - "это усадьба садовника-виноградара, специализировавшегося на заготовке зелёного кишмиша". Для его обработки и сушки и была сделана отопительная система. Ю.Якубов выделяет в сельской усадьбе два строительных периода, в первом из которых была сооружена усадьба, аналогичная зданию Фильмандар (Исаков, 1979), а во втором - обводной коридор и помещения вокруг него. Нижний этаж предполагался производственным, а второй - жилым (Якубов, 1988, с. 57-58). Т.И.Лебедева в своей диссертации приняла версию интерпретации здания под Кафыркалой, предложенную архитектором В.А.Нильсеном, но при этом предложила вариант тепловой обработки трупов в дахме (Лебедева, 1995). В 1996 г. была опубликована книга Г.И.Семенова "Согдийская фортификация V-VIII вв.", в которой он придерживается мнения Б.И.Маршака о назначении здания и приводит реконструкцию планов двух первых

строительных периодов замка-усадьбы. Первый период здания по планировке аналогичен плану замка Фильмандар, второй включает центральную часть, обводной коридор и ряд помещений за ним в пределах стен, толщиной в 1,5 м (Семенов, 1996, с.168, рис. 67, 2, 3). В тексте даётся указание о не приведённом III периоде обживания "с расширением здания за счёт пристройки снаружи к стенам II периода ряда помещений" (Семенов, 1996, с.173).

В 1997 г. автор данной статьи в связи с плановыми работами по написанию части одного из разделов "Археологии Узбекистана" (раннесредневековые замки Самаркандского Пога) вынуждена была вернуться к данным по вскрытию здания под Кафыркалой с целью выяснения аргументов в пользу того или иного мнения о назначении постройки. Учитывая критические замечания, прозвучавшие в публикациях, автор попыталась использовать кроме вышеуказанных публикаций данные рабочих чертежей, дневников и научных отчётов Г.В.Шишкиной по керамике, архитектуре и стратиграфии объекта. К великому сожалению таковых в архиве Ин-та археологии АН РУз не оказалось, - автором рископа в архив был сдан лишь экзemplар текста опубликованной статьи без приложения чертежей. В результате, были использованы только данные публикации (Шишкина, 1961) (рис. I, II, III, V), что обусловило некоторые трудности в работе, о которых будет указываться далее по тексту. Г.В.Шишкина не приводит в своей статье чертежа местоположения вскрытого здания относительно городища Кафыркала, вероятно в связи с тем, что считает его сельской усадьбой, не имеющей отношения к городищу. Но если рассмотреть местоположение всех объектов рядом с Кафыркалой (рис. I, II) можно сделать вывод, что небольшой, княжеского уровня, городок имел цитадель с двумя оборонительными стенами - внутренней и внешней, примыкающее с запада поселение, некрополь с юга (рис. I, II, 1, 2, 3), а на восточном берегу сая гончарное производство и здание, вскрытое Г.В.Шишкиной (рис. 1, II, 4) (Сухарев, 1938, с. 5, 1-80).

Расположение центрального входа в здание (II строительный период) с северо-восточной стороны, предложенное в своей реконструкции Г.Л.Семеновым является неверным (Семенов, 1996, с.168, рис. 67, 3). Вплотную вдоль фаса та стороны, с которой предлагается Г.Л.Семеновым вход в здание, проходило русло оврага Г.В.Шишкиной отвергается наличие подъема с северо-восточной и северо-западной сторон платформы, сохранившихся достаточно для того, чтобы установить отсутствие следов

пандусного или ступенчатого подъема и даётся предположение о возможности такового с юго-восточного или юго-западного фаса. Из двух вариантов Г.В.Шишкиной исключается также юго-восточный фас, в центре здания которого располагалось глухая ниша (рис. I, V с внешней стороны пом. № 20). Единственным местом, где мог располагаться центральный вход в здание с пандусом или ступенями является юго-западная сторона (уничтоженная в своё время постройками чабанов), обращенная в сторону Илансая и некрополя Кафыркалы. В реконструкции В.А.Нильсена ошибочны предложенные острые углы квадратной платформы, так как по археологическим данным края её были закруглены (рис. I, V). Им же предлагается 60° уклон платформы на всю высоту первого этажа (Нильсен, 1965, с.119, рис. 2), что полностью исключается ввиду наличия на северо-восточном айване сохранившейся в небольшом фрагменте стены (рис. I, V) помещения по краю айвана перед пом. № 17. Возведение этих стен было невозможно (рис. I, IV, Б), а загородки (предполагаемой Г.В.Шишкиной) - не имеющей практики в строительстве зданий на платформе в раннесредневековый период. В статье Г.В.Шишкиной вызывает также сомнения сужение стен кверху с наклоном плоскости около 15°. При таком уклоне сторон стены двухметровой толщины сходили бы на "нет" уже на высоте 3,7 м (высота стен первого этажа составляло не менее 4 м (рис. I, IV)).

Благодаря разработанной ранее стратиграфической колонке раннесредневековой керамики (Лебедева, 1994, 1995, 1997), керамика из здания под Кафыркалой делится на 5 периодов: ТБ-I - ТБ-V (рис. 3) с учётом керамики периода ТБ-I, чертежи которой в публикации Г.В.Шишкиной не приводятся (но даётся описание по тексту).

Для того, чтобы выяснить количество крупных строительных периодов здания, были изучены архитектурные разрезы (рис. 2, V, VI), которые были получены многократным увеличением на ксерокопировальной технике (во избежание искажений) приведенных в публикации Г.В.Шишкиной чертежей. По данным Г.В.Шишкиной, здание имело стены разной толщины (2 м, 1,5 м, 1 м), основания которых были опущены под пол первого строительного периода на различную глубину. Опыт исследовательской работы с замками на платформах (Лебедева, 1995) показывает, что практики "утапливания" стен в тело платформы или под пол для раннесредневековых замков Самаркандского Сога не существует. Стены замков устанавливались на площадке платформ с укладкой под ними антисейсмической прослойки (обычно слой

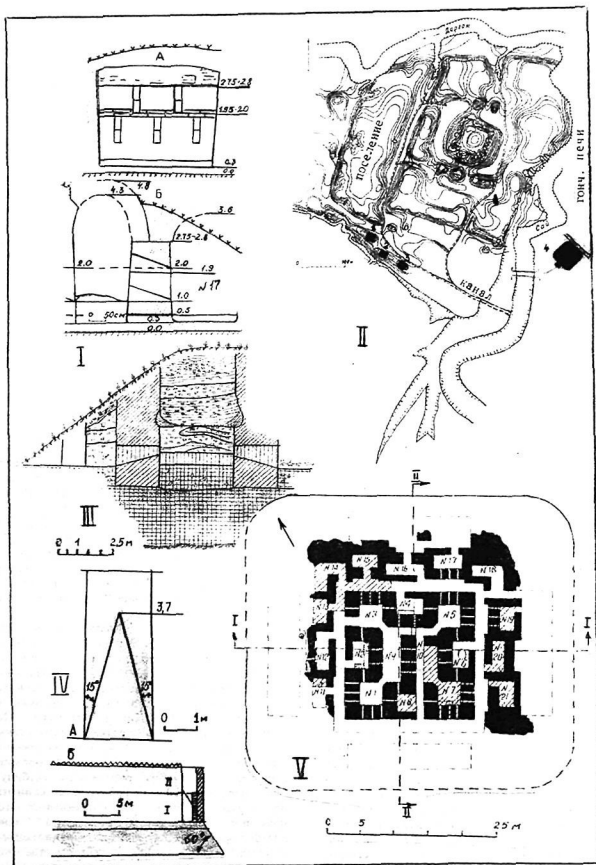

Рис. 1

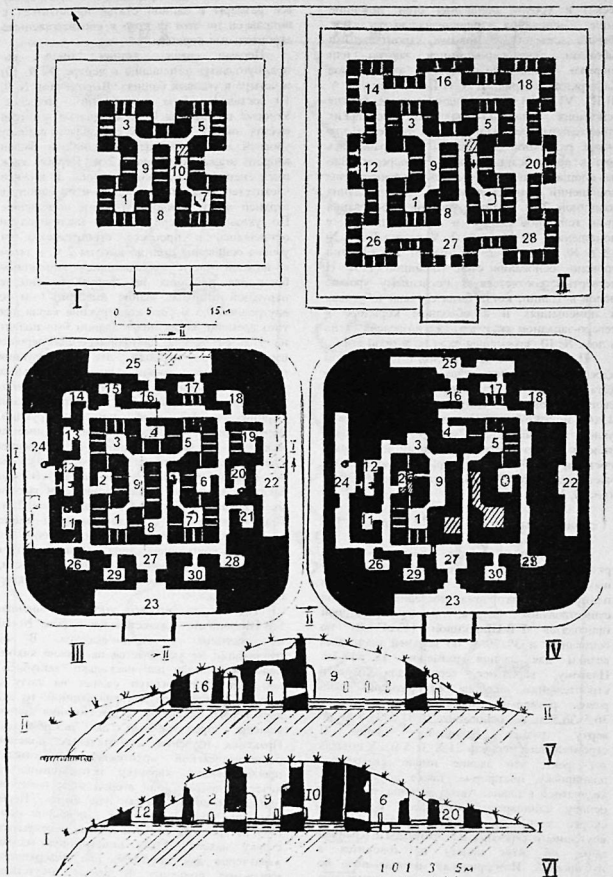

Рис.2

сырцового кирпича без раствора или слой песка) и уровни основания стен, лежащие выше основания первоначальных стен, обычно, связаны с новыми строительными работами, производившимися внутри или снаружи замка. На разрезе здания под Кафыркой (рис. 1, V (I-I, II-II) рис. 2, V (II-II), VI (I-I)) ясно видны четыре уровня основания стен. О наличии нескольких строительных периодов говорит также то, что стены различной толщины пристраивались друг к другу без перевязки. Непосредственно на площадке платформы установлены стены помещений центрального ядра здания толщиной 2 м. Второй уровень - основания стен толщиной в 1,5 м прослеживается в помещениях № 16 (рис. 2, V разрез II-II), № 12 и № 20 (рис. 2, VI, разрез I-I). Третий уровень - основания стен толщиной 1 м. И четвертый соответствует последнему уровню полов в здании, когда была сделана забутовка в помещениях и в обводном коридоре в северо-западном углу, а также возведена стена в пом. № 10, закрывшая вход на второй этаж.

По данным Г.В.Шишкиной в центральном ядре здание имело два этажа и было установлено на пахсовой платформе. По своему основанию платформа имела размер 43х43 м, закругленные углы, высоту 3,6 м и уклон приблизительно в 60°. При таком уклоне размер верхней площадки платформы составит 39х39 м. Размеры сохранившейся части здания 31х29 м, высота в центре 4,95 м (рис. 1, V).

I строительный период (рис. 2, I; рис. 4, I).

Двухэтажное здание замкового типа размером 18,3х18,3 м с четырьмя квадратными в плане башнями. Стоит на пахсовой платформе. Платформа последнего периода существования здания, размеры которой приводятся Г.В.Шишкиной (43х43 м по основанию и 39х39 м по верхней площадке) велики для здания размером 18,3х18,3 м. Поэтому, вероятнее всего, для первого строительного периода её размеры были равны размерам здания или в пределах 36,5х36,5 м по основанию и 31,5х31,5 м по верху (размер основания здания II строительного периода 31,5х31,5 м). Учитывая тот факт, что здание имело квадратную планировку, платформа, также должна быть квадратной в плане. Автор раскопа, приняв за основу единовременность всей постройки, скорее всего, не проводила исследование внутреннего строения платформы. По крайней мере, об этом ничего не говорится в публикации. Игнорируя наличие пола по уровню верха платформы, автор все измерения в здании производил от уровня пола,

лежащего выше платформы на 1 м. Поэтому все размеры в данной статье приводятся с поправкой на этот фактор в соответственные строительные периоды.

Первый этаж здания имел два прямоугольных помещения в центре (№ 9, 10) и четыре в угловых башнях. Высота пом. № 9, 10 составляла 5 м, перекрытие - плоское. Угловые помещения были сводчатые и имели высоту около 7 м, что составляет разницу уровней полов помещений здания и башен второго этажа примерно в 2 м. Первый этаж имел специфическую конструкцию. В нижней части стен имелось 42 продуха и по одному в верхней части каждого углового помещения. По указанию автора раскопа щели-продухи оставались в процессе строительства от уровня основания стен до высоты 2 м, а затем в нижней части закладывались кирпичным боем для придания им формы бойниц, с наружной стороны здания высотой 1 м, с внутренней 0,5 м. Эта конструкция верна для того времени, когда пол в здании был поднят на 1 м от уровня платформы. Для первого строительного периода эта конструкция нерациональна с точки зрения строительных приемов. Исходя из того, что здание было построено из пахсы (0,5-1 м) с прослойками кирпича в 1-2 ряда, при конструкции, приводимой Г.В.Шишкиной необходимости выкладки продухов - бойниц от основания стен не было; отверстия-щели оставались бы во втором по высоте блоке пахсы. До закладки продухов от основания стен высота их в здании составляла 2 м, ширина 0,2 м. При наличии 42 продухов высотой выше человеческого роста с учетом наличия их также во внутренней стене здания - в нем создавалась вентиляция большой мощности, полностью исключающая жилой характер первого этажа.

Подъем на второй этаж, по мнению Г.В.Шишкиной, осуществлялся в пом. № 10 по лестнице у стенки-выступа. В её публикации не указывается на уровне какого пола он возведен или насколько "заглублен" под пол. Если выступ сделан на полу с метровой забутовкой над платформой, то для двух первых периодов существования здания вариант, предложенный ею исключается. Практика изучения строительных приемов раннесредневековой архитектуры показывает преобладающий характер использования в качестве подъёма на второй этаж пандусов или ступеней из пахсы или сырга. Наше внимание привлёк характер заполнения пом. № 7 из прослоек песка и гравия, перекрытых сверху пахсой. Такая конструкция весьма характерна для забутовок под поверхность пандусных подъемов. В случае отсутствия стенки - выступа в I строительный период

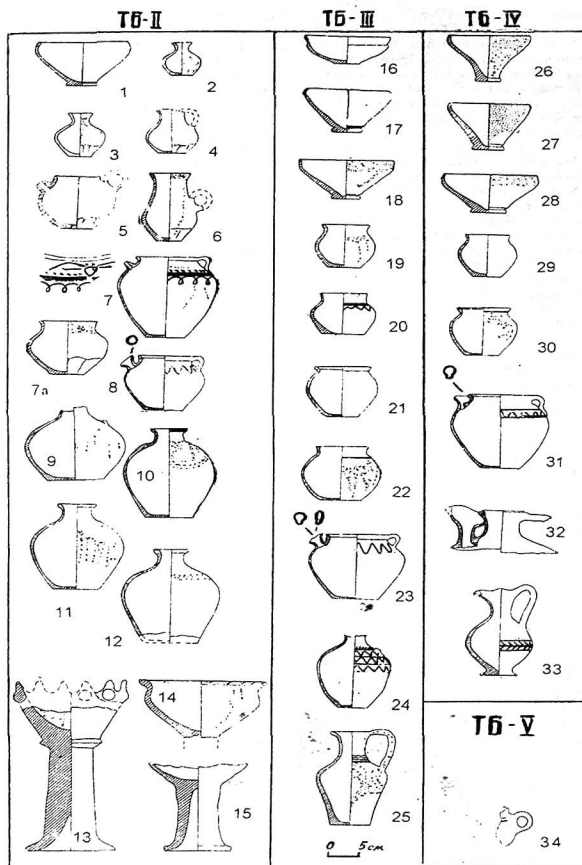

Рис. 3

возможен открытый пандусный подъём, начинающийся от места будущего выступа в пом. № 10 в направлении пом. № 7, внутри которого на подушке из песка, гравия и пахсы должен был иметься в центре пахсовый столб для винтового пандусного или ступенчатого подъёма на второй этаж. Стенка-выступ, скорее всего, являлась шпильной стеной для свода крытого пандусного подъёма и могла быть пристроена в любой период. Г.В.Шишкиной предполагается, что помещения второго этажа имелись лишь над пом. № 9, 10 а угловые башни его не имели. В этом случае при высоте помещений первого этажа 5 м и башенных около 7 м, высота помещений второго этажа была в пределах 2 м. Скорее всего помещения второго этажа над пом. № 9, 10 имели высоту 3,5-4 м, а над башнями небольшие квадратные в плане комнаты-камеры высотой около 2 м. О том, что второй этаж имелся и над башнями указывает то, что в завалах внутри первого этажа высоко над уровнем пола башен наряду с оссуариями имелись керамика периода функционирования здания, падавшая со второго этажа. По нашему мнению, второй этаж здания представлял собой центральное квадратное в плане помещение в пределах 3,5-4 м высотой, имевшее по углам на высоте около 2 м от пола входы в угловые башенные помещения. Столь необычная конструкция второго этажа предполагает подъём в её башенные помещения при помощи лестницы.

II строительный период (рис. 2, II; рис. 4, II).

Во второй строительный период здание ооконтуривается стеной толщиной в 1,5 м. Стена выведена в виде квадратных башен с малыми межбашенными простенками. Башен по три с каждой стороны, общим количеством восемь. Здание размером 31,5х31,5 м было выстроено по краю платформы I строительного периода. Вследствие неизученности внутреннего строения платформы можно предположить два варианта её размеров: 1. использовалась только платформа I строительного периода, 2 платформа была увеличена до размеров 39х39 м по верху. В реконструкции (рис. 2, II) приведен вариант № 2. Вход в сооружение с юго-западной стороны. Здание в пристроенной части могло иметь как один, так и 2 этажа. Второй вариант более реален, т.к. после разрушения в пом. № 6, располагавшемся в пределах здания второго периода, найдено значительное количество оссуариев и посуды, упавших со второго этажа. Перекрытие в пристроенной части должно было быть плоским. Стены построены из пахсы с прослойками из прямоугольного сырцового

кирпича (рис. 1, IA). Уровень основания стен примерно на 0,5 м выше уровня платформы (рис. 1, I, Б; рис. 2, V, разрез II-II, пом. № 16; рис. 2, VI, разрез I-I, пом. № 12, 20). Этот уровень пола автором раскопа не прослежен. Стены имели продухи в два ряда (рис. 1, I, А), система которых прослеживается в пом. № 12, 17, 19 (рис. 1, V). Нижний ряд продухов имел высоту примерно 1,5 м, ширину - 0,2 м. Верхний ряд - 0,8 м и, соответственно, ширину 0,2 м. (рис. 1, I А). Продухи прямые, без уклона. Первый этаж здания имел сквозную вентиляцию.

III строительный период (рис. 2, III; рис. 4, III).

Здание занимает площадь всей платформы. Перед достройкой здания уровень платформы поднимается в общей сложности на 0,8-1 м от первоначального и на нем возводятся стены III периода толщиной в 1 м. Из-за поднятия уровня платформы на 1 м от первоначальной, с учётом её уклона в 60°, верхняя площадка платформы уменьшилась и составила 38х38 м. Т.к. основание стилобата (43х43 м) имело закруглённые углы, здание, построенное по его контуру его верхней площадки также должно было иметь соответственные контуры по углам (рис. 2, III; рис. 4, III). Мощные пахсовые достройки по углам здания предполагают наличие над ними помещений второго этажа башен. Планировка первого этажа представляет собой центральные квадрат с 10 помещениями, обведёнными коридором, серий помещений по периметру, открытыми айванами по четырем фасам здания и с угловыми закругленными выступами-башнями. Помещения и обводной коридор сводчатые, кроме пом. № 9. Вход с юго-западной стороны. На айваны выходы в центре (рис. 2, III, № 23, 25) и в углах (рис. 2, III, № 22, 24). Примерно восстанавливается планировка второго этажа, состоящая из помещений центрального ядра с новыми, пристроенными над пом. № 2, № 4, № 6, широкого обводного коридора и угловых башенных помещений, аналогичных по плану башенному помещению замка Чильхужра (Пулатов, 1975, рис. 7, 9). После возведения новых стен в помещениях делается пол толщиной 0,2 м. В большинстве помещений этот пол из глиносаманной заливки, в некоторых (пом. № 3, 4) выслан сырцовым кирпичом размером 50х30х8 см. В пом. № 17 и 19 уровень полов понижается выемкой нового слоя платформы на 0,75 м по сравнению с остальными помещениями. Косвенно этот прием подтверждается помы

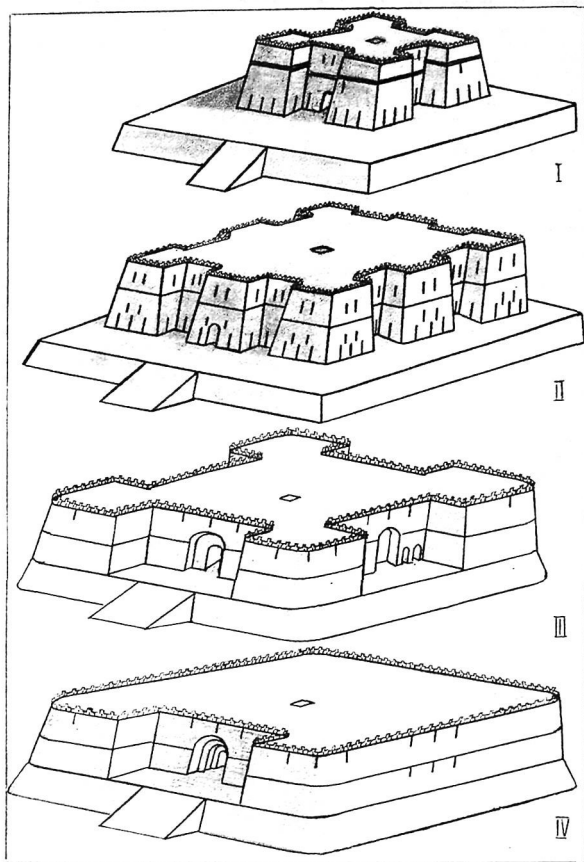

Рис. 4.

шенным уровнем пола у стен помещения № 17 (рис. 2, 1, пом. № 17). В связи с поднятием пола в помещениях, одновременно были заложены нижние части продухов с одной стороны до основания пола, с другой на 0,5 м. выше. В результате, продухи приобрели форму бойниц. С наружной же стороны первый этаж не имел продухов, не считая двух в пом. № 12 с выходом на айван № 24 (рис. 2, III).

Большая часть продухов во внешней стене II строительного периода была замурована. Оставленные продухи в пом. № 17 и 19 оказались внутри здания. Помещения № 17 и 19 стали отопительными камерами, в которых за время функционирования скопился слой золы и древесного угля мощностью 0,2 м. Значительные прослойки золы имелись на полах двух соседних помещений № 20, 21. Зола покрывала пол с обожженными пятнами, ямами и выбоинами. Айваны № 22, 24, 25 могли быть открытыми или с дополнительными помещениями, закрывавшими отопительные комнаты-камеры. Предпочтительнее 1 вариант. В ином случае было бессмысленным делать по центру фасов здания декоративные (на айванах № 22, 24) и входные (на айванах № 23, 25) ниши (рис. 2, III). Отрезок пандусного подъема в пом. № 10 сделала крытым, для упора свода использовалась щипцовая стенка-выступ. Планировка второго этажа предполагает наличие помещений центрального ядра с квадратными в плане по углам и новыми над помещениями первого этажа (№ 2, 4, 6, 8). Центральное ядро окружал обводной коридор и помещения над угловыми башнями. Утверждение Г.В.Шишкиной, что над стенами толщиной в 1 м не могли быть выведены стены 2-го этажа, на наш взгляд несостоятельно, т.к. над такими стенами возможна кладка в длину или даже ширину одного кирпича (47-55x25-34x8-10 см). Перекрытие второго этажа плоское.

IV строительный период (рис. 2, IV; рис. 4, IV).

В III периоде в здании произошли довольно значительные разрушения, особенно в северо-западном углу. В местах разрушения был произведен ремонт, а также дополнительная забутовка значительного количества помещений. В результате частичной перепланировки первого этажа здание разделилось на две части (рис. 2, IV). Из-за сильного разрушения были заложены пом. № 13, 14, 15 и прилегающий к ним участок обводного сводчатого коридора. Забуктовываются отопительная камера № 19 и помещения № 20, 21. Проход между пом. № 9

и 10 заложили тонкой перегородкой, в пом. № 11 сделали частичный ремонт, перекрывший вкопанный в пол хум. Айваны закрыли стенами. Возможны два варианта: частично закрытые айваны (рис. 2, III, стены, показанные штриховкой) или полностью закрытые (рис. 2, IV; рис. 4, IV). Входной айван мог быть оставлен открытым (рис. 4, IV) или закрыт стеной со входной аркой у самого пандуса. В комнате № 3 был пробит дополнительный вход. Судя по разрезу I-I (рис. 2, VI), уровень полов в центральном ядре здания и обводном коридоре был повышен примерно на 0,6 м (кроме пом. № 6), а в остальных помещениях уровень пола оставался прежним.

IV период имел два этапа. К первому можно отнести забутовку помещений, части коридора и поднятие уровня полов. Закладка пом. № 8 и пандусного подъема на второй этаж произошли позже - стена в пом. № 10 поставлена уже на последний пол (рис. 2, разрез I-I, пом. № 10), в то время как ремонтные кладки и забутовки проводили по уровню пола III строительного периода. В пом. № 2 на полу была сложена суфа и вырыты прямоугольные углубления, обожженные затем изнутри. В пом. № 17 над слоем золы в 0,2 м толщиной сделали пол из глиносаманной смеси. На этом втором полу - следы длительного горения огня и слой золы мощностью в 0,1 м, относящийся к последнему этапу существования здания. На последнем этапе IV периода функционирования здания наиболее четко видно деление его на две половины. В одной из них выделяется топочное помещение с продухами внутри здания и обособленное пом. № 5 с девятью продухами в виде бойниц. В это помещение можно было попасть пройдя узким длинным сводчатым коридором в который превратилось бывшее пом. № 10. При этом обращает на себя внимание то, что вход в помещение второго этажа был замурован. Учитывая данные стратиграфии заполнения помещений, приведенные в статье Г.В.Шишкиной, где указывается, что основная масса керамики взята из завалов, можно понять, что второй этаж был замурован вместе с его содержимым - значительным количеством посуды и оссуариев. Во второй части помещений первого этажа выделяется пом. № 2, в котором была сделана суфа длиной 2 м и шириной 0,8 м и рядом - обожженные резервуары, один длиной в 1,75 м и шириной 0,8 м, другой в 1,5 м и шириной 0,8 м. Глубина резервуаров 0,1 м. В пом. № 6 также имелась яма овальной формы длиной не менее 1,75 м, шириной в пределах 1 м и довольно глубокая, судя по чертежу (рис. 2, VI, I-I, пом. № 6) - 1 м. К сожалению, автор раскопа

не приводит данных об этой яме - являлась ли она мусорной или внутренняя поверхность её имела следы обмазки или обожженности и была предназначена для других целей.

Значительные разрушения, которые были получены помещениями первого этажа в III строительный период предполагают аналогичные разрушения на втором этаже. Вероятно, для забутовки помещений первого этажа использовались завалы от разрушенных стен второго. После ремонта здание могло быть восстановлено в двух вариантах: 1. (разрушенные стены второго этажа восстановлены полностью, айваны закрыты; 2. от второго этажа оставлен центральный куб, айваны первого этажа закрыты. В реконструкции приводится первый вариант (рис. 4, IV).

Датирующий материал (рис. 3).

На объекте не был найден нумизматический материал, основу датировки представляет керамика. Керамика из приведенных таблиц делится на 4 периода: ТБ-II, ТБ-III, ТБ-IV, ТБ-V. Эти формы керамики собраны под обмазкой полов, в закладах помещений и в завалах, образованных упавшими перекрытиями и содержимым второго этажа. Кроме этой керамики собрано незначительное количество более ранней (ТБ-I) из кладки стен и забутовки под полом (1м). К периоду заброса здания относится небольшое количество фрагментов керамики XII-XIV вв. найденное в верхних слоях тепа. (Шишкина, 1961, с. 206-207). Как говорилось ранее, наиболее ранняя керамика взята из стен здания и метровой забутовки пола, который Г.В.Шишкина считает первоначальным. Керамика периода ТБ-I найдена также в комплексе керамики периодов ТБ-II - ТБ-V. Это лепные очажные подставки в виде "массивного широкого рога, на противоположных узких сторонах которого имеются крутые углубления" (Шишкина, 1961, с. 212). Практика исследования сельских построек раннесредневекового периода показывает, что лес для строительства брался на месте, с включением часто в пахсу и кирпич керамики с существовавших здесь же поселений. Первоначальное здание под Кафыркалой на платформе (рис. 2, I, рис. 4, I) было, вероятно, выстроено также на основе расположенного рядом поселения раннесредневекового времени (ТБ-I). Забутовка метровой толщины из пахсы с кусками сырцового кирпича могла быть сделана из частично разрушенного здания II строительного периода (рис. 2, II; рис. 4, II) после функционирования которого и был поднят пол в здании кон. V - нач. VI вв. Незначительное количество керамики периода

ТБ-I в здании указывает на то, что здание возведено скорее всего, в конце периода ТБ-I - нач. ТБ-II, т.е. в кон. IV - нач. V в. н.э. Последним периодом его существования стал период ТБ-V. Незначительное количество керамики этого времени также указывает на то, что скорее всего, это произошло в начале ТБ-V, т.е. в первой половине VII в. н.э.

Датировка здания по периодам.

Г.В.Шишкина, сделав вывод, что керамика из всех полов, забутовок и завалов в здании имеет одни и те же формы и проанализировав ее V-VI вв. ограничила точную датировку здания по периодам. Несмотря на то, что в настоящий момент стало возможным разделить комплекс керамики (рис. 3) по отдельным периодам, это не дает возможности соотнести периоды строительства с периодами изменения керамических комплексов. Поэтому датировку периодов функционирования здания под Кафыркалой, предлагаемая нами, будет в какой-то степени условна с привлечением аналогии по датировке замков в округе Самарканда раннесредневекового времени. Исследования в сельской округе Самарканда этого времени показали, что строительство построек замкового типа на стилобатах начинается не ранее конца ТБ-I - нач. ТБ-II. Им обычно предшествует слой поселения, датируемой периодом ТБ-I. Если замок на платформе не имеет слоя поселения под собой, керамика с такого замка обычно бывает не ранее периода ТБ-II. Материал из здания под Кафыркалой вполне соотносится с этими выводами. (Лебедева, 1995). Поэтому здание под Кафыркалой периода I можно датировать кон. ТБ-I - нач. ТБ-II (кон. IV - нач. V вв.). Здание с серией квадратных башен по сторонам периода II датируется не позднее кон. ТБ-II (70-е гг. V в.). Подобная планировка здания замка и оборонительной стены, окружающей его, вскрыта на Тали Барзу Г.В.Григорьевым и датируется им кон. периода ТБ-II. Для конца ТБ-III - нач. ТБ-IV (кон. V - нач. VI вв.) характерно строительство замков с полукруглыми и овальными в плане башнями (Лебедева, 1995). В здании под Кафыркалой этому соответствует период здания с закругленными углами платформы и повторяющими эту конфигурацию угловыми башнями (период III, рис. 2, III; рис. 4, III). К таким же выводам о развитии планировки башен в замках и оборонительных стенах городов пришел Г.Л.Семенов на примерах изучения фортификации Пенджикента, Пайкенда и замков раннесредневекового Согда (Семенов, 1996, с. 164, с. 166-170). Исходя из наличия наиболее поздней керамики периода ТБ-V в

здании под Кафыркалой, последний, IV период строительства можно датировать (ремонт и забутовку сильно разрушенных помещений) кон. ТБ-IV (кон. VI в. н.э.). Второй этап IV строительного периода, когда замуровывается вход на второй этаж, но здание еще продолжает функционировать можно отнести к нач. VII в. и заброс здания не позднее сер. VII в. н.э.

Интерпретация назначения здания.

На настоящий момент существует три версии назначения здания: 1. сельская усадьба или феодалный замок, 2. (постройка для сушки кишмиша, 3. дахма.

I строительный период.

Двухэтажное здание замкового типа с угловыми башнями на платформе имело 42 продуха двухметровой высоты, начинающихся от уровня платформы и 4 свето-вытяжных в угловых башнях на уровне пят свода. Продухи по периметру здания образовывали столь мощную вентиляцию, что полностью исключают жилой характер первого этажа здания. Нельзя согласиться с выводом Г.В.Шишкиной о том, что оссуарии устанавливались в верхние помещения после заброса здания в VII в. н.э. В таком случае с оссуариями имелись бы сопровождающая керамика VII в., которой не имеется в завалах со второго этажа. Стратиграфия заполнения помещений показывает, что оссуарии, поставленные на втором этаже, падали одновременно с обрушением сводов, равномерно распределяясь по всей толще завалов (Шишкина, 1961, с.218). В пом. № 3 вместе с черепами и костями над упавшим сводом "стояли два совершенно целых горшка", датируемые периодом ТБ-II, т.е. временем функционирования здания I-II периодов (рис. 3, 4, 5). Кроме этого, в юго-западном углу комнаты № 3 кости были перемешаны с обломками хума, двумя фрагментами оссуария и нижними челюстями собак. Это говорит о том, что очищенные кости помещались не только в оссуарии, но и в хумы. По исследованиям Л.Ф.Павчинской (Павчинская, 1990, с. 79-80), О.В.Кирилловой (Кириллова, 1982) и Т.И.Лебедевой (Лебедева, 1995) хумные захоронения предшествовали оссуарным и датировка из соответствует периоду ТБ-I и ТБ-II. Следовательно, помещение хумов и оссуариев на втором этаже здания осуществлялись в I-II строительные периоды. Планировка второго этажа I строительного периода, реконструируемая нами, представляет квадратное помещение, в углах которого на

высоте около 2 м от пола имелись входы в квадратные угловые помещения над башенными помещениями первого этажа. В этом случае они выглядят как отдельные наусы, внутри здания, в которые помещались хумы и оссуарии с очищенными костями. Фрагменты оссуариев, человеческие кости найдены в завалах со второго этажа угловых помещений № 1, 3, 5 и № 9 (в прилегающей к пом. № 3 части), кроме пом. № 7, где по нашему мнению, находился пандусный подъем, песчаная и пахсовая забутовка которого предотвратила попадание материала внутрь пом. № 7. Не исключено, что над пандусным помещением № 7 был сделан также выход на крышу и оссуарии в таком случае там не помещались. Исходя из этих данных, можно отклонить также предположение о том, что здание использовалось для производства кишмиша. Единственно возможным является предположение о назначении здания в качестве дахмы, в которой проводилась очистка костей умерших жителей Кафыркалы от мягких тканей и укладка костей в оссуарии для помещения их в наусы. Как известно, наусы Кафыркалы располагались к югу от городища. При этом возникает вопрос о принадлежности захоронений на втором этаже самой дахмы. Из источников известно, что в Самаркандском Согде для обработки трупов существовали специальные семьи, живущие в усиденных местах и воспитывавшие собак для скармливания им мягких тканей. Семьи считались "нечистыми" (Бартольд, 1966, с. 162-163) и скорее всего, их захоронение в городском некрополе исключалось. "Нечистыми" были и собаки, поедавшие человеческое мясо. Вероятно, хумные и оссуарные захоронения в самой дахме принадлежат членам семей, занимавшихся очищением тел умерших от мягких покровов. Более сложной является реконструкция методики процесса очищения костей от мягких тканей. Находки челюстей собак исключают предложенный В.А.Нильсеном вариант помещения трупов в комнатах первого этажа для естественного разложения. При наличии собак, ткани должны были счищать немедленно, пока они не подвергались разложению. На первом этапе исключается и подача в центральное ядро здания горячего воздуха для ускорения процесса разложения мышечных тканей умерших (Нильсен, 1965, с.123). Естественным является вопрос, где производилось расчленение трупов и освобождение костей от мягких тканей. Наличие мощной вентиляции первого этажа отвергает не только проживание, но и работу в его помещениях. Использовать для этих

целей свободные площадки платформы было весьма неудобно, особенно в зимнее время и в непогоду. Поэтому, наиболее приемлемым будет предположить, что очищение костяков проводилось острыми режущими инструментами на втором этаже дахмы. Для этого в здании должен быть удобный пандусный подъем на второй этаж. Очищенные кости могли сразу помещаться в оссуарии, которые выставлялись в помещениях первого этажа до полного разложения остатков тканей и через определенный срок выдавались родственникам для похоронения их в наусы. Центральное помещение второго этажа, где производились работы, должно было хорошо освещаться - в нем могли быть как осветительные щели, так и световой люк в крыше (рис. 4, I). Предпочтение пандусного подъема на платформу дахмы перед ступенчатым (рис. 4, I-IV) объясняется тем, что для процессии с носилками покойного более удобен подъем по пандусу, чем по ступеням. Нежилой характер дахмы предполагает наличие жилых построек вблизи неё, возможно, двор с таковыми, обнесенный стеной.

II строительный период (рис. 2, II; рис. 4, II).

Увеличение площади здания дахмы как во II, так и в III строительный периоды объясняется не только увеличением населения в городе в результате естественного прироста, но главным образом, передвижения кочевых и скотоводческих племен по Средней Азии в V-VI вв. интенсивно оседавших на завоеванных территориях (Лебедева, 1994, 1995). Военные действия также увеличивали приток тел для обработки в дахму. Как видно из планировки (рис. 2, I, II), дахма имела облик, присущий жилым замкам V в. н.э. Во второй строительный период в связи с увеличением площади дахмы требовалось также усиление вентиляции первого этажа, достигнуть которого удалось устройством продухов в два ряда. Нижний ряд был сделан строго по направлению с продухами в здании I строительного периода и практически одинаковым с ними по высоте (1,5 м) с учетом поднятия пола. Второй ряд продухов высотой в 0,8 м на уровне 1,5 м от пола создавал дополнительную вентиляцию в верхней части первого этажа и был вероятнее всего, вытяжным. О том, что здание дахмы имело также второй этаж за пределами здания I строительного периода говорят находки посуды и оссуариев, упавших впоследствии со второго этажа в пом. № 6 (Шишкина, 1961, с. 217-218).

Керамика в данном случае также относится к периоду функционирования дахмы. Из-за того, что в статье Г.В.Шишкиной керамика не разделена не только стратиграфически, но и в пределах отдельных помещений, в настоящее время трудно сказать, с какого периода устанавливались оссуарии и поминальный инвентарь на втором этаже над пом. № 6. Единственно верным будет утверждение - не ранее II строительного периода.

III строительный период (рис. 2, III; рис. 4, III).

Третий период отмечает наивысший подъем и расцвет комплекса по обработке тел умерших и подготовке их костей к погребению в наусах. Здание расширяется в плане, занимая всю площадь верхней площадки платформы. Из насквозь продуваемого, оно становится закрытым комплексом с отопительной системой, а бывшие вентиляционные продухи превращаются в жаропроводящие. Предположение Г.В.Шишкиной о том, что продухи в пом. № 17 и № 19 закрывались, когда в них горел огонь, весьма трудноосуществимо. Внутри помещений - отопительных камер закрыть продухи кирпичами или специальными заслонками можно было, но открыть для пропуск горячего воздуха-невозможно, т.к. добраться к закрытым продухам нужно было по слою раскаленных углей на полу. Если бы продухи закрывались со стороны коридора, то для заслонок или кирпичей имелись бы специальные выемки (как в пом. № 12), которые не отмечены автором раскопа. Более реально, что в камерах разводился большой огонь и через продухи шел горячий воздух вместе с дымом и угарным газом внутрь помещений, где стояли оссуарии со свежеччищенными костями. Применение горячего воздуха ускоряло процесс разложения остатков мягких тканей на очищенных костях. Установить назначение тех или иных помещений в здании сложно, не считая тех, которые служили наусами. Проводилась ли горячая обработка тел до обрезки мягких тканей или горячий воздух использовался только для ускорения разложения остатков на очищенных костях, сказать трудно. С полной уверенностью можно лишь сказать, что часть каких-то операций стала производиться на первом этаже. В пом. № 20, № 11, айване № 24 появились хумы, в пом. № 12 - очаг. В пом. № 20, 21 на полах отмечены прокаленные пятна, выбоины, которые перекрыты довольно значительным слоем золы. Появление признаков проведения каких-то работ на первом этаже указывает также на то,

что отопительные камеры работали периодически, скорее всего в ночное время, в дневное же время после проветривания здания, работы велись на обоих этажах.

IV строительный период (рис. 2. IV; рис. 4. IV).

Период развития здания дахмы завершился сильными разрушениями, возможно, военного характера. Ремонт и забутовка отдельных помещений дахмы значительно сократили рабочую площадь первого этажа. Одновременно, первый этаж был разделен на две изолированные друг от друга части. На этом этапе функционирования здания в общих чертах восстанавливается процесс подготовки оссуарного обряда захоронения усопших: в одной половине первого этажа производилась очистка костей от мышечных тканей, во второй - горячая обработка костей. Для этого в пом. № 2 была сделана суфа длиной 2 м и две обожженные ванны размером 1,75x0,8x0,1 м и 1,5x0,8x0,1 м. Подобные ямы-ванны обнаружены в культово-мемориальном сооружении на гор. Еркурган (Нефедов, 1990, с.19). Тела покойников могли помещать в ванны, где производилась их разделка. В зависимости от роста покойного могли использовать более крупную по размерам, соответствующую взрослому человеку или вторую у входа помещения для детей и подростков.

Очищенные кости переносили во вторую половину здания, где работала отопительная система. Подъем на второй этаж дахмы был замурован и практически закрыл доступ к оссуарным захоронениям.

По данным источников (Бартольд, 1966, с.162-163) уже в начале VII в. китайский паломник в Самарканде наблюдал изменения в обряде захоронения согдийских зороастрийцев: очищенные кости уже не дожили в оссуарии, а захоранивали в ямах. На Дурмонтепа вскрыт наус, в котором археологически подтверждается это сведение источника: оссуарные захоронения сменяются ямой с очищенными костями, а затем труположением. Аналогичные погребения в остатках пригородной усадьбы с ориентацией костяков на ю-в имели монеты Шиншира (вт. четв.VII в.) во рту. (Наймарк, Яковлев, 1990, с.71-74). Последний период существования дахмы гор. Кафыркалы падает на конец VI - сер. VII вв. н.э. и отражает угасание оссуарного обряда захоронений в Согде. Вероятно, перенесение обработки трупов на первый этаж относится к тому времени, когда очищенные кости уже не захоронивались в оссуариях, а замуровывание второго этажа - науса ко времени окончательного заброса дахмы, т.е. во время перехода к обряду труположения. В наусах

гор. Кафыркалы, вскрытых И.А.Сухаревым, последними являются оссуарии со сплюснутой поспышкой, датировка которых соответствует периоду ТБ-V. В одном из наусов обнаружено два труположения на полу, одно из которых головой на запад на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Череп повернут лицевой частью на юг, под головой кирпич. На полу найдена согдийская монета с квадратным отверстием малого диаметра (Сухарев, 1938, с.10). Эти первые труположения в наусах сменяются грунтовыми могилами с подбоями и цистами в завалах и стенах разрушенных наусов. Цисты устроены на дне могиловых ям и имеют плоское перекрытие или перекрытие кирпичами, поставленными наклонно на ребро. Ориентация скелетов подобна ориентации первых труположений в наусе. И.А.Сухарев называет их мусульманскими, что не совсем верно. Не соответствует ориентация костяков, уложенных лицом "к солнцу" (по Авесте в случае невозможности сохранения костей в наусе следует положить под открытым небом лицом к солнцу), о чем упоминает сам И.А.Сухарев (Сухарев, 1938, с.15). Женские погребения совершены в одежде и с богатым сопровождающим инвентарем (золотые серги, браслеты, бусы из драгметалла и полудрагоценных камней). Согдийские монеты с квадратным отверстием, найденные как в наусах, так и на поверхности холмов некрополя, по определению И.А.Сухарева имели имена, отличные от уже прочтенных в то время монет Гурека и Турхуна и являлись монетами их предшественников (Сухарев, 1938, с. 16). Монета же малого диаметра с квадратным отверстием, найденная в наусе с первыми труположениями, судя по каталогу О.И.Смирновой, могла принадлежать мелкому чекану любого правителя в промежуток времени от 625 до 700 гг. Наименьший же диаметр монет этого времени принадлежит Вузургу (15 мм, 650-655 гг. Смирнова, 1981, с. 111, № 99, 100). Последующие грунтовые захоронения в типах могил, получивших столь широкое распространение в исламский период, но с другой ориентацией скелетов и с богатым сопровождающим инвентарем, явно отражают переходный период от труположений в наусах к мусульманским погребениям, начальный этап которых на Афрасиабе датируется не ранее VIII в. н.э. (Брусенко, Буракова, Филанович, 1975, с. 105). Оссуарный обряд захоронений утратил свое значение уже в нач. VII в., а с середины его в Согде начал применяться обряд труположений, что обусловило заброс дахмы под Кафыркалой не позднее сер. VII в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края // Соч., т. IV, М., 1966.
2. Брусенко А.Г. Бурякова Э.Ю., Филинович М.И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // "Афрасиаб", вып. IV, Т., 1975.
3. Горбунова Н.Г. В древней Фергане. Т., 1972.
4. Исаков А.И. Фильмандарский замок // УСА № 4, А., 1979.
5. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-IV вв. Т., 1981.
6. Лебедева Т.И. Сельская округа и её роль в формировании раннесредневекового Самарканда. Автореф. канд. дисс. Т., 1994.
7. Лебедева Т.И. Сельская округа и её роль в формировании раннесредневекового Самарканда. Канд. дисс. Т., 1995.
8. Лебедева Т.И. Керамика сельской округа раннесредневекового Самарканда // 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тезисы докладов. Пенджикент, 1997.
9. Маршак Б.И. Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии // СА № 2, М., 1971.
10. Маршак Б.И. Городская стена V-VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конференции, посвящ. 250-летию АН СССР ч. II, Киев, 1975.
11. Мершиев М.С. Поселения Кызыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронения на нём воина IV-V вв. // По следам культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
12. Наймарк А.И., Яковлев А.А. Согдийское погребение VII в. с труположением из некрополя Дурментепа // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. советско-французского colloquium. Самарканд, 25-30 сент. 1990. Т., 1990.
13. Нефедов Н.Ю. Культурно-мемориальное сооружение Еркургана II-IV вв. н.э. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Т., 1990.
14. Нильсен В.А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыркалы под Самаркандом // ИМКУ № 6, Т., 1965.
15. Пулатов У.П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
16. Семенов Г.А. Согдийская фортификация. СПб., 1996.
17. Сулеймонов Р.Х. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса // УСА вып. 4, А., 1979.
18. Сулейманов Р.Х. Из истории культуры Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья // Культура древнебухарского оазиса III-VI вв. н.э. Т., 1983.
19. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
20. Сухарев И.А. Отчет об археологической разведке 1935-1936 гг. // Архив ГМИКИУ. Д. 559. Самарканд, 1936.
21. Сухарев И.А. Отчет по раскопкам зарострийских наусов городища Кафыркалы. // Архив ГМИКИУ. Д. 568. Самарканд, 1938.
22. Филинович М.И. Древний Ташкент. Т., 1983.
23. Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. // ИМКУ, № 2 Т. 1961.
24. Шишкина Г.В. Функциональное назначение здания в окрестностях Самаркандской Кафыркалы // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26-31 августа 1977 г. Душанбе, 1977.
25. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

"КУПОЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ" В СТЕННОЙ РОСПИСИ ПЕНДЖИКЕНТА

Н.С.Байматова

При выявлении генезиса центрического мавзолея Средней Азии верхний арочный ярус "купольного сооружения" из стеной росписи Пенджикента принят за галерею, что наряду с другими составляло один из важных элементов характеризующих центрические здания (1). Задача статьи пересмотреть данную трактовку "купольного сооружения", легкую в основу многих классификаций и получившую широкий резонанс в специальной литературе. На основе комплексного изучения археологических, этнографических, изобразительных и лингвистических данных сделана попытка наиболее достоверно интерпретировать название "купольного сооружения" из пенджикентской росписи.

За пятьдесят последних лет на городище Пенджикент раскопано около половины территории, определена система благоустройства и фортификации. Здесь открыты памятники изобразительного искусства высокого уровня, к которым относится и стеной роспись в двух храмах (объект II) (или общественных зданиях) городища (Рис. 1, А) (2). Комплекс храмовых построек был исследован на уровне верхнего горизонта в 1948-1952 гг. Остатки более раннего периода под верхними постройками выявили Е. В. Зеймаль, а затем Б. И. Маршак начиная с 1963-64 и 1967 гг. (3).

Храм II, расположенный севернее храма I, сооружен почти в центре прямоугольного двора, главный вход в который находится в середине торцевой восточной стороны. С обеих сторон от входных ворот во двор обнаружены рельефы с изображением необычных водных существ и рыб. Северное здание состоит из прямоугольной целлы и полуоткрытого с восточной стороны квадратного помещения с четырьмя колоннами перед ней. Перед залом с колоннами сооружена низкая платформа, фланкированная с двух сторон мощными стенами. На всех внутренних поверхностях стен здания обнаружены следы росписи (Рис. 1, В). Один из самых примечательных среди них-фрагмент на южной стене зала с колоннами (простенок В)(VI-VII вв. н.э.), известный в литературе

как "сцена оплакивания". Роспись в настоящее время хранится в музее Государственного Эрмитажа г. Санкт-Петербург (Рис. 2). "Сцена"-сохранившаяся часть более сложной композиции и изображает ритуальные действия, происходящие в момент похорон. Роспись храма II по сходству костюмов изображенных персонажей с костюмами росписей V-VI вв. в северной капелле отнесены к этому же времени. Живопись в здании имеет следы подновления, правда оно произведено не позже VI в. н.э.(4)

На переднем плане "сцены оплакивания" изображены три крупные фигуры, на втором-большая группа оплакивающих. Между вторым и третьим планами изображена мужская фигура, держащая на вытянутых руках сосуд. Смысловой центр всего фрагмента-т.н. "купольное сооружение" третьего плана, размещенное по диагонали слева направо. Выше "сооружения" видны зубцы крепостной стены, что соответствует четвертому плану.

Тело покойного изображено внутри "сооружения", который перекрыт гофрированным куполом-багдахином. Видимый фасад "купольного сооружения" образует двухъярусную аркатуру. Верхний ярус состоит из трех сквозных, высоких арок овальной формы. Этому ярусу соответствуют изображения фигур плакальщиц внутри "купольного сооружения", что указывает на наличие глубины. Глубина подчеркнута цветовым контрастом: фигуры под багдахином изображены на черном, а вне "сооружения" на желто-охристом фонах. Последнее, однако, не опровергает мнение Г.А.Пугаченковой, что фигуры плакальщиц в пределах сквозных арок расположены вне купольного сооружения, по ту сторону от симметрично изображенного фасада арок (5), так как в данном контексте художник пытался выделить фигуры заднего плана.

Нижний ярус "сооружения" состоит из пяти малых, глухих арок, зажатых снизу и сверху горизонтальными планками. Аркатура нижнего яруса, скорее, носит характер основания под арки верхнего яруса. Справа от купольного "сооружения" изображен "брус",

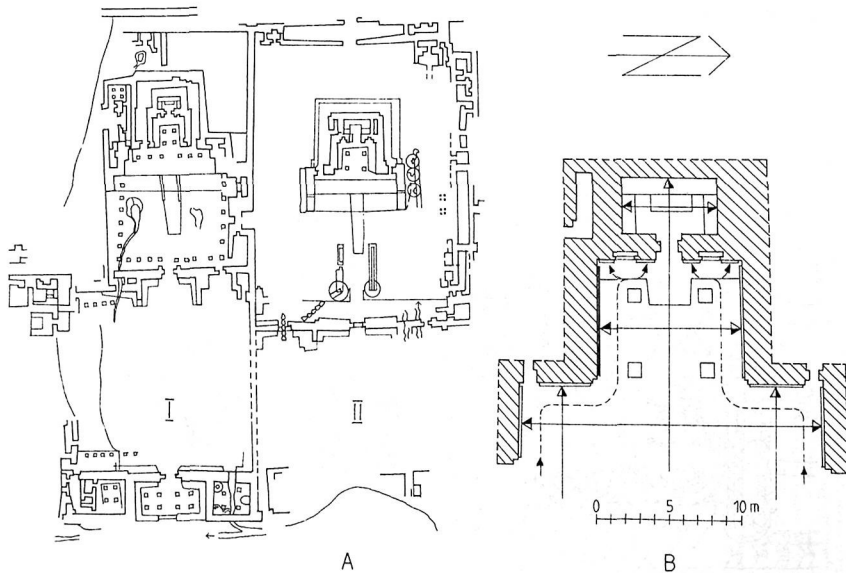

Рис. 1

А. План храмового комплекса (объект II) на городище Пенджикент. По В.И.Распоповой 1990.

В. План храма II с указанием на расположение стеной росписи.

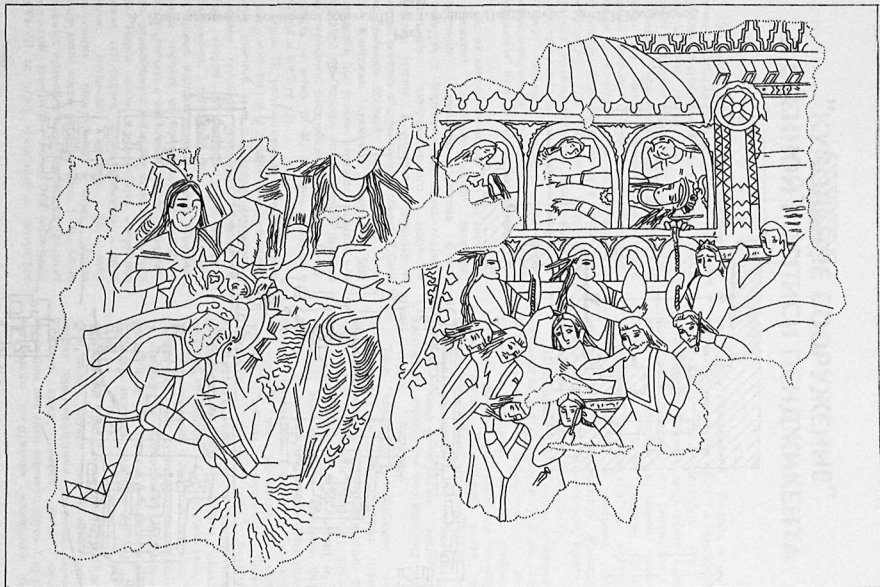

Рис. 2

Схема фрагмента "сцены оплакивания" (объект II, простенок В). По А.Ю.Якубовскому и М.М.Дьяконову 1954.

дователи вкладывают следующие значения:

- "деревянный павильон"
- катафалк
- "купольное сооружение" аналогично "кед"-сырцовому погребальному сооружению
- облик "сооружения" близок формам оссуариев.

Сторонники первого определения А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий и С. Г. Хмельницкий. А. Ю. Якубовский отметил необычность архитектурного сооружения и определил его как "павильон из дерева и тканей, перекрытый ребристым куполом на круге, над полукруглыми арками" (6). Более осторожен в описании "сооружения" А. М. Беленицкий. По его мнению в росписи показана церемония, совершаемая в храме. "Покойник помещен внутри какого-то купольного сооружения, в постройке постоянного типа или в специально построенном для обряда павильоне" (7). С. Г. Хмельницкий подвергая сомнению принадлежность "купольного сооружения" к кирпичным зданиям, считает, что оно, скорее, напоминает деревянно-каркасную постройку (8). Согласно его графической реконструкции количество сквозных арок по фасаду изображенного "сооружения" равно не трем, как сохранилось на фрагменте росписи, а четырем. Соответственно этому реконструированы второй брус с диском, "недостающие" гофры купола и нижние малые арки (Рис. 3, В).

Близкого первому определению, но не совсем идентичного, мнения придерживается М. М. Дьяконов. В изображенном "сооружении" он видит "катафалк в виде деревянного павильона(?) с арочками и красным матерчатым куполом, натянутом на деревянный каркас" (9). Причем катафалк рассматривается им как транспортное средство-повозка. Хотя под словом "катафалк" (итал.) следует понимать обшитою черной тканью "возвышение" для торжественной утановки гроба с телом покойного (10).

Иного мнения придерживаются П. И. Костров, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель и К. А. Абдуллаев. Первыми двумя исследователями "купольное сооружение" определено как стационарное здание-"кед", служившее у зороастрийцев временной обителью тела покойника (11). Это предположение обосновано схожестью облика и размеров "сооружения" с сырцово-кирпичными погребальными зданиями, что подкреплено Г. А. Пугаченковой графической реконструкцией. Вертикальный брус с диском в правом углу сооружения она отождествляет с многогранным фланкирующим столбом, завершенным округлой капителью или, скорее, куполком. Исследователь считает, что изображенному брусу

соответствовал такой же столб на несохранившейся части фрагмента, а все сооружение перекрывал рубчатый купол полусферического очертания (Рис. 3, А).

Л. И. Ремпель, дополняя реконструкцию Г. А. Пугаченковой, проводит параллель между траурным "купольным сооружением" и оссуарием-костехранилищем. Графически свое мнение он изобразил в виде модели "оссуария", где трехарочная композиция "купольного сооружения" повторена на фасадной стороне (Рис. 3, С). Вслед за ним К. А. Абдуллаев считает, что "близость как отдельных деталей, так и облика "пенджикентского сооружения" с согдийскими остотками (оссуариями) наталкивает на мысль о передаче [непонятно, какой тип передачи имеет в виду исследователь-Н.Б.] единого погребального сооружения, близкого по функциям к наосу" (12).

Как видим изображенное "купольное сооружение" не имеет точного определения и в основном, трактуется двояко. Кроме того, различия наблюдаем и в методе исследования. Например, в отличие от историков и археологов исследователи-архитекторы дали пространственную оценку "купольного сооружения", его графическую реконструкцию, и даже в поисках симметрии восстановили как-будто "недостающие части".

Неопределенным остается терминологическое определение "купольного сооружения", сохраняющееся вплоть до последних лет (13). Изложенное указывает, с одной стороны, на отсутствие однозначной интерпретации "погребального обряда", изображенного в росписи. Последнее связано, очевидно, с двусмысленностью понятия "погребальный обряд" в археологической литературе, где в одном случае, под ним понимается "совокупность инвентаря, способ захоронения, устройство могилы"; в другом же, "погребальный обряд" состоит "из одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них" (14). Под последним определением имеются в виду также материальные элементы, характеризующие общественное положение умершего: погребальное сооружение, набор погребального инвентаря и тд.

С другой стороны, хотя Г. А. Пугаченковой и оговаривается, что слово "кед" имеет широкое значение, исследователь при реконструкции опирается на такие значения слова как: "дом", "погребальное здание специального назначения" (15). Так как, глухие звуки "т" и "д" при произношении взаимозаменяют друг друга, то при написании, слово "кед/кад/каде" может иметь форму "кат/ката", т.е. иметь иные значения (16). В

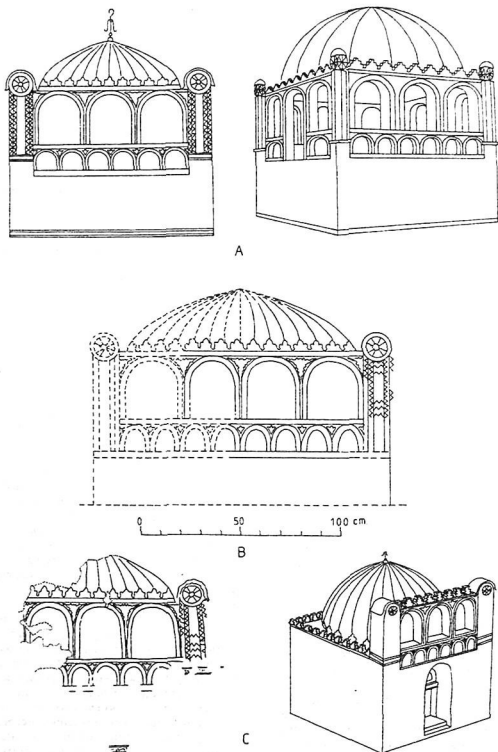

Рис. 3

А. Согдийский погребальный "кед". По Г.А.Пугаченковой 1963.

В. "Кед". По С.Г.Хмельницкому 1989.

С. Реконструкция модели "оссуария". По Л.И.Ремпелью 1987.

персидском словаре М. Муни слово "кат" определяется как: "тахт"-возвышение, царский трон (богато украшенный трон), "китф, шона"-плечо, предельце (17). В персидско-немецком словаре "кат" передано в значениях "канал, трон, плечо" (18). В "Видевдате" V.10-14 сообщается о специальным "помещении"- "ката", куда временно помещали покойника по зороастрийскому обычаю. Согласно М. Б. Мейтгарциан "ката"- "закрытое помещение" для временного выставления трупа, которое она отождествляет с обособленной пристройкой у замка N36 (Беркут-Кала, Хорезм), с "помещением" у Кампыртепе (Кушанское время) и с т.н. Наусом-II (некрополь, Пенджикент) (19).

Как видим, в самом древнем источнике "Видевдате" говорится о помещении, а не о здании. Другое, наиболее близкое к формам изображенного "купольного сооружения" значение-"трон", можно понимать как "богатое ложе".

Почти все исследователи пенджикентской "сцены" солидарны в том, что в росписи показано стационарное, прочно установленное на поверхности земли "купольное сооружение", и только М. М. Дыконов видит в нем одновременно и транспортное средство (20). Часть исследователей в качестве "материала" изготовления "сооружения" рассматривают: дерево (павильон, катафалк в виде павильона, каркасная постройка), а другая-глину (сырец, битая глина)("кед", оссуарий). Иными словами, речь идет либо о возрождении покойного в виде растения-помещение тела покойного на "деревянном ложе", либо о его последующем погребении в рукотворной могиле-в виде "жилища" или сосуда-оссуария (21). Одним, сюжет пенджикентской "сцены" трактуется как подготовка тела покойного к сожжению, а "купольное сооружение" отождествляется с местом для содержания покойника перед кремацией (22). Другие, выдвинули идею о зороастрийском "погребальном ритуале" (23), тем самым предопределив реконструкцию "купольного сооружения" в виде сырьевого погребального сооружения-"кед" и в виде костехранилища.

Принятое в литературе определение фрагмента росписи как "сцены оплакивания", очевидно, не дает полной исчерпывающей картины изображенной реальности. Скорее, здесь, кроме ритуального "оплакивания" изображено похоронное шествие вне городских стен. То есть стенописец совместил, по крайней мере, два следующих друг за другом события, предшествующих "погребению" усопшего: оплакивание и перенос тела покойного к месту погребения. Это подтверждают четырехплановость

композиции фрагмента (24) и относительная симметричность каждой группы изображений.

Наблюдения над графическими приемами пенджикентской росписи показывают (Рис. 4) (25), что она изображена одновременно с двух позиций (или из двух фокусов): с точки зрения зрителя, т.е. спереди, и сверху, как если бы наблюдатель "парил в воздухе" (26). Благодаря этому, изображенное воспринимается в фас, хотя, одновременно, фигуры и объекты показаны в глубину, т.е. мы их видим сверху. В пенджикентской стенописи также как и в более поздней миниатюрной живописи глубина показана следующими друг за другом и развернутыми вверх по плоскости стены планами. Принимая во внимание графический метод изображения можно предположить, что на третьем плане "сцены" изображено не стационарное "купольное сооружение", а "переносное носилки с паланкином" (или "переносное ложе-трон"). Обоснованием этому, кроме графических средств, служит и изображение тела покойного сверху. Об особом статусе покойника, возможно, царевича (царевны-?) (27), свидетельствуют богато украшенная одежда и головной убор (Рис. 5, А, В, С) (28); о его возрасте и поле-возможно, конструкция носилков. Носилки несет мужчина, изображенный справа от нас и держащий перекладину на уровне плеча, а также их придерживают две фигуры, изображенные между вторым и третьим планами, и описанные А. М. Беленицким как "факелоносцы". На самом деле, каждый из этих персонажей держит в руках витые веревки, названные Ш. М. Шукуровым "витыми стержнями". Вербки прикреплены к верхней горизонтальной планке (к верхнему краю борта) носилки и показаны сверху в натянутом положении. Возможно, ими придерживали носилки с боковых сторон при опускании на поверхность земли. Для придания эпизоду временной остановки носилки определенной симметрии и значимости, художник обратил фигуры, держащие веревки, лицами друг к другу.

Справа от "купольного сооружения" изображен "брус", который А. М. Беленицкий относит к косяку ворот городской стены (29). "Брус" завершен диском с изображением креста в круге-"солнечный символ", отождествляемый Ш. М. Шукуровым с солнечным божеством древнего Хорезма-Митрой. Между тем, изображенный "брус" можно интерпретировать как деревянную "штангу" с двумя дисками на концах, укрепленную на консольных выносах-карнизах у торца носилков. На "штанге" крепилась занавесь, прикрывающая торец паланкина в изголовье покойного. С двух сторон от занавеси ниспа-

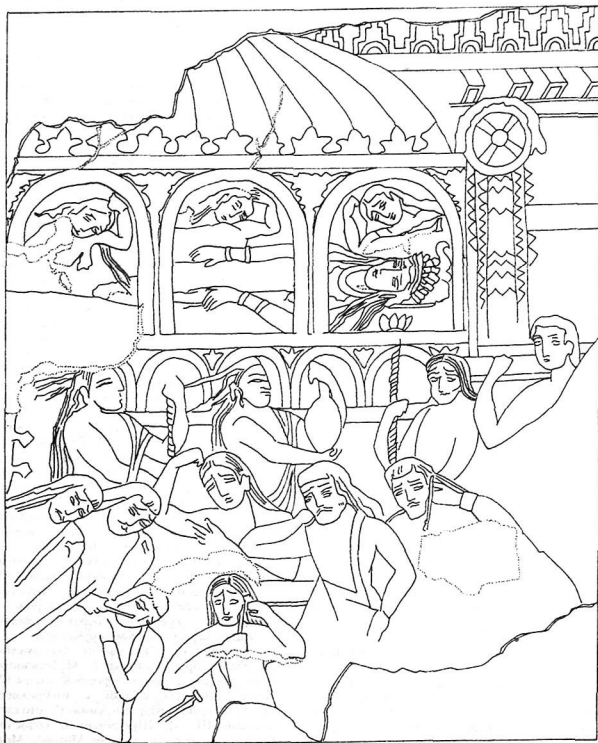

Рис. 4

Прорисовка фрагмента "сцены оплакивания" по цветной иллюстрации. По
А.Ю.Якубовскому и М.М.Дяконову 1954.

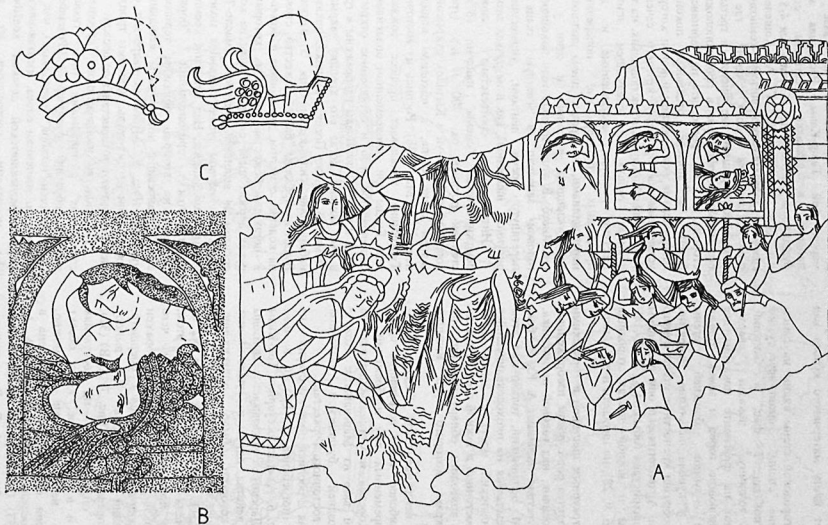

Рис. 5

А. Схема "сцены оплакивания" по А.М.Беленицкому 1980.

В. Детальный рисунок головы покойного из "сцены оплакивания". По А.М.Беленицкому 1980.

С. Сравнение головного убора покойного с короной Бахрама IV. По Гёбль 1961.

дают ленты, показанные зигзагообразным рисунком. Дополнительно, поверх занавеси был перекинут кусок ткани, цвет которого соответствует цвету матерчатого купола над паланкином.

Зубцы городской стены видны на самом дальнем плане "сцены". Задний ярус зубцов художник показал в фас, а ближний, имеющий толщину, показан сверху. Следовательно на фрагменте показаны две стены, окружающие город и замок, только изображение зубцов ближней стены прерывается у купола паланкина. Вероятно, художник изобразил крепостные стены самого Пенджикента. Археологически они раскопаны в пределах шахристана (объекты 3, 7, 12, 14), в восточной и южной частях городища (объекты 5, 6, 9, 28), на цитадели и в Кайнаре (30).

Между траурным шествием и городскими стенами находится ров с водой, изображенный справа от носилок, над головой носильщика. На его присутствие указывают А. Ю. Якубовский и А. М. Белицкий, только при этом последний ссылается на плохосохранившийся "мост" (Чинватский мост) в левой части росписи. У восточной и южной стен городища Пенджикент археологи обнаружили ров, по внешнему краю которого был насыпан галечный вал.

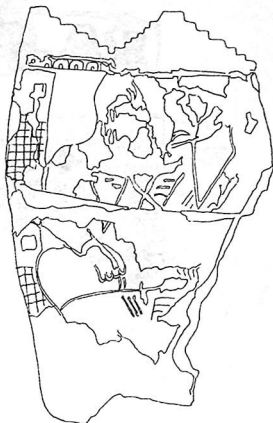
Сюжет пенджикентской "сцены оплакивания" наиболее часто встречается среди почти одновременных ему изображений на оссуариях Хорезма и Согда, обнаружен на более ранней вазе из Маргианы и схож с немного поздней буддийской настенной росписью из восточного Туркестана.

Сюжетная роспись на оссурии из Миздахкана (погребение Б-г-I-3) (6 в. н.э., Хорезм) (Рис. 6, А) и на оссуриях Ток-Калы (древний Дарсан) показывает эпизоды ритуального действия, одним из существенных моментов которого было оплакивание, сопровождавшееся самоистязанием его участников (31). На оссуриях N1 и N2 из Ток-Калы тела покойников, при этом, показаны на ложе и в платях, из чего следует, что в обоих случаях изображен момент прощания близких умершего, предшествующий обмытию и выносу умершего за пределы дома (Рис. 7, А, В) (32). Ритуальное "оплакивание" на оссуриях показывают и в том случае, когда объект оплакивания не изображен. Возможно, сходная "сцена оплакивания" изображена в рельефе на оссурии, опубликованном А. А. Потаповым (33). С этим ритуалом связаны две терракоты из собрания Н. В. Веселовского, опубликованные К. В. Тревер (34).

Пенджикентская "сцена оплакивания" отождествляется с таким же ритуальным действием, изображенным на вазе из маргианской Гаюр-Калы. Расписная ваза найдена в закладке лестницы ступа буддийской "сангарамы" и датируется 4-5 вв. н.э. (Рис. 6, В) (35). Г. А. Кошелев отмечает поразительную близость композиционного решения обоих "сцен", где к покойнику обращены две фигуры, а третья, у его изголовья, обращена в противоположную сторону (36). Интересно, что на маргианской "сцене" в эпизоде отпевания покойник изображен на ложе, видимый конец которого установлен на бревне(?) круглого сечения. Голова покойника лежит на подушках, на теле длинная рубаха. В следующем эпизоде шествия носилки, составленные из двух продольных брусьев с поперечными перекладинами, на уровне плеча поднимают два носильщика в голове и один у ног покойного. В этом эпизоде тело покойного с головой запелено в светлую ткань и перетянуто тремя лентами, украшенными рисунком "шевროнов", как и на ручках вазы.

Интересное соответствие сюжету пенджикентской "сцены" найдено (37) в стенной росписи ок. 700 г. н.э. (третье сооружение, Минг-уй в Кызыле), открытой на задней стене ступа, в обходном коридоре пещеры-5 "Мая" (38). Роспись из восточного Туркестана показывает процесс сожжения тела Будды при одновременном оплакивании. Запелененное тело и оставленное открытым лицо и предплечья Будды изображены в гробу в тот момент, когда его крышку закрывает "темный" монах. Поверх крышки показаны набирающие силу языки огня. У изголовья Будды изображены "белое" божество, стоящее на коленях с зонтом, два монаха и божество, в ногах-два божества, одно из которых в руках держит шест с укреплённым на конце сосудом и выливает жидкость (масло-?) в огонь. На первом плане показаны молодой монах и молящийся. Над эпизодом кремации простирается горизонтальный "бордюр" балкона, на котором показаны терзающие себя и наносящие ножом раны женщины и мужчины (Рис. 8). Мужчины надрезают себе лоб, а один из них-грудь. Костюмы троих из них напоминают тохаристанскую одежду.

На сходство буддийского "купольного сооружения" с носилками типа "гахвора" впервые обратила этнограф А.З.Розенфельд (39). Носилки-"гахвора" (перс.тадж.), как это и передано значением слова, изготавливали в форме среднеазиатской детской колыбели. Над носилками, состоящими из двух продольных брусьев и поперечных перекладин, устанавливали несколько дуг из

A

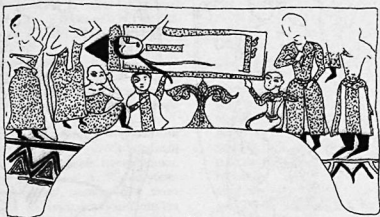

B

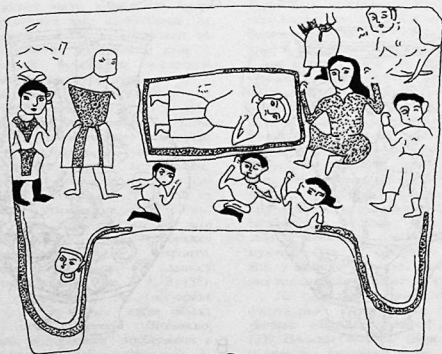
Рис. 6

А. Прорисовка изображений на керамическом оссуарии из Миздахкана. По В.Н.Ягодину и Т.Ходжайлову 1970.

В. Прорисовка изображений на вазе из Гаюр-Кала (Старый Мерв). По Г.А.Кошеленко 1966.

A

B

Рис. 7

А. Осуарий N1 из Ток-Кала. По А.В.Гудковой 1964.
 В. Осуарий N2 из Ток-Кала. По А.В.Гудковой 1964.

Рис. 8
Прорисовка плачущих в "сцене сожжения Будды" из росписи в Кизиле. По Грюнвелелю 1975.

веток, скрепленные сверху продольной перекладной. Согласно данным А. З. Розенфельд такие носилки имеют дополнительное значение как "богатое ложе", "мягкая постель" и их изготавливают лишь в том случае, когда умирает юноша, девушка или молодая женщина. По Н. С. Бабаевой носилки-"тахвора" использовали для погребения умерших в молодом возрасте, хотя согласно А. К. Писарчик в Дашти-Джуме, Кабадиане (таджики, арабы) и в Дарвазе их использовали независимо от возраста (40). Н. С. Бабаева отмечено, что до места, где читается заупокойная молитва, такие носилки несут на опущенных вдоль тела руках. И только после совершения панихиды их поднимают на плечи (41).

По всей видимости, на пенджикентской "сцене оплакивания" изображены носилки с паланкином, схожие с несомым треном-"тахти равон" (тадж.-перс.), которые вплоть до начала XX в. использовали при переносе царственных особ (Рис.9) (42). Хотя они археологически не зафиксированы, своей конструкцией очень близки обычным деревянным носилкам и ящикам-носилкам. Их несущую часть образуют два горизонтальных бруса. Они соединены поперечными досками и их концы утоняются. Ко дну носилок снаружи прикреплены невысокие доски-борта, лицевая поверхность которых украшена резьбой-глухие арочные ниши, горизонтальные тяги и декор. Продольные доски-борта подвешены к несущим брусам; они приподнимают дно носилок над поверхностью земли. Угловые стойки паланкина, установлены на несущих брусках и связаны сверху рамой прогонов.

Несомый остов паланкина скрыт за сквозными арками, которые в действительности могли быть выполнены из скрепленных друг с другом из легких дощечек (или камышовых стеблей), вертикально пригнанных друг к другу и скрепленных в паз. Вдоль прогонов рамы паланкина, установлены деревянные рейки, согнутые и стянутые сверху металлическим кольцом. Кольцо могло поддерживать стойка, установленная на диагональных связях в "подкупольном" уровне прогонов. Своеобразный прямоугольный в плане "каркасный купол" из гнутых реек перекрывала ткань. Провисание ткани между рейками создавало эффект гофрированной поверхности.

Обоснованием для такой реконструкции "купольного сооружения" может служить конструкция археологически раскопанных носилок и ящиков-гробов. Сравнивая конструктивные особенности среднеазиатских и восточнотуркестанских дощатых гробов и

приспособлений по Б. А. Литвинскому можно выделить несколько типов и подтипов (Рис. 10, А) (43):

- погребальное ложе-стационарный настил из деревянных досок, собранный в могильной яме
- носилки: 1) погребальная доска
2) два несущих бруса, связанные поперечными досками
- тип 1: 1) обкладка покойника досками
2) рама из досок, к которой дно и крышка не крепятся
- тип 2- ящик без несущего каркаса, доски которого скреплены в паз
- тип 3- ящик из досок, несущей струг турой которого являются угловые стойки-ножки
- тип 4- ящик, угловые стойки которого по низу и верху связаны рамой прогонов, на которые навешены доски сторон.

Конструкция нижней части реконструированного паланкина может быть отнесена к группе носилок, точнее, ко второму подтипу этой группы. Его верхняя, несомая часть, вероятно устроена по типу ящика с угловыми стойками, связанными по верху прогонами (тип 4). Таким образом, изображенное "купольное сооружение" сочетает в себе тип простейших носилок, и каркасную систему дощатого ящика.

Материалом для изготовления погребальных носилок и гробов по археологическим данным служила арчевая древесина. Длина тесанных досок, из которых они изготавливались, колеблется в пределах от 1,50 до 2,50 м; ширина-от 10 до 52 см; толщина-от 4,5 до 7 см. (44). Размеры угловых стоек-ножек гроба из Лобнора (погребения-6В, 7С) 55х11х9 см. Высота такой же угловой стойки гроба из Карабулак (Фергана) достигает 70 см. Доски, планки и стойки крепились в паз и на "шип" с помощью квадратных шпонок. Гвозди для этой цели использовали редко.

Использование отдельных досок, дощатого настила, носилок и деревянных гробов при погребении наблюдаются в могильниках Чорку-1 (курган 41), Ворух (курганы KB-I-a, KB-I-8, KB-24) и на Карабулаке (курганы 62 и 106) (Рис. 10, С) (45).

Немного иную, но очень близкую к типу 4 конструкцию имели носилки, обнаруженные в захоронении пом.7 дворцового здания на Чардара (конец 4-рубеж 4-5 вв. н.э.)(Рис. 10, В) (46). Они реконструированы по сохранившимся пустотам и остаткам деревянных частей. Носилки имели решетчатую структуру

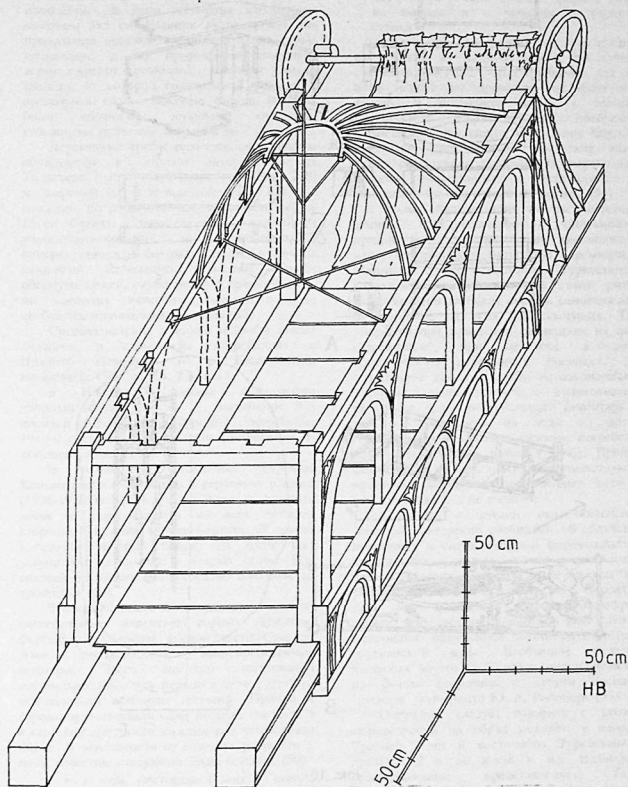

Рис. 9

Реконструкция "носилок-паланкин" из "сцены оплакивания" в Пенджикентской росписи.

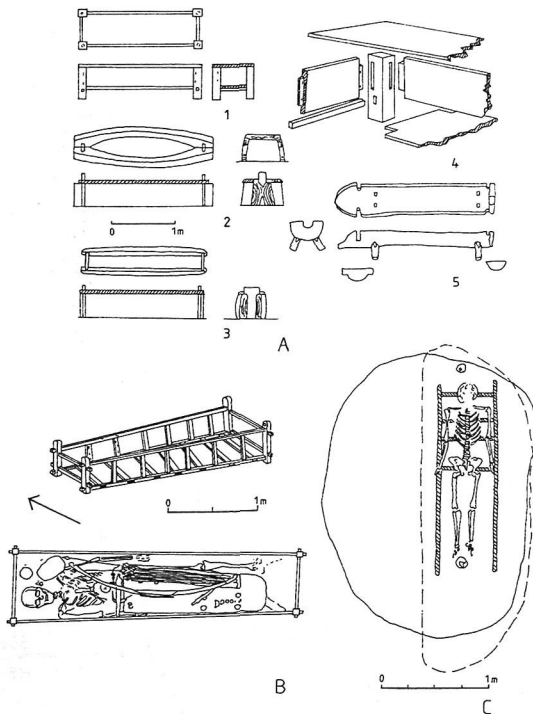

Рис. 10

А. Деревянные гробы и ящики. По Ф.Бергману/Б.А.Литвинскому 1995.

1) Лобнор, некрополь N6, могила 6В.

2) Лобнор, некрополь N5, могила 5А.

3) Лобнор, некрополь N5, могила 5В.

4) Конструкция гроба. Лобнор, некрополь N6, могила 6В.

5) Лобнор, некрополь N7, могила 7В.

В. Деревянные носилки из Чардара. По А.Г.Максимовой и др. 1968.

С. Захоронение на носилках из кургана 41 (Чорку I). По Б.А.Литвинскому 1972.

и были длиной 2,10 м, шириной в изголовье 60 см, в ногах—42 см. Верхняя и нижняя рамы соединялись в углах четырьмя столбиками сечением 5х5 см. Немного выше уровня дна продольные прогоны соединены в паз семью дощечками, а по продольным сторонам—вертикальными стойками. Носилки имели крышку, от которой сохранилась лишь одна продольная плаха. Боковые стенки носилок были обмотаны четырьмя, очевидно, кожаными полосами шириной до 7 см.

Деревянные гробы прямоугольной формы обнаружены в богатом захоронении на Тиллятепе (напр. погребение 4) длиной 2,20 м, шириной 0,7 м и высотой около 0,5 м с ножками, по углам отстоял от пола на высоту 15 см. Стенки с дном скреплены железными угольниками-скобами и, дополнительно поперек днища и боковых стенок, охвачены длинными железными полосами. Гробы обернуты кожей, окрашенной в красный цвет, по которому нанесена роспись в виде скобчатых извивающихся узоров (47).

Среднеазиатские носилки и гробы имеют аналогии в сарматских погребениях с Нижнего Поволжья и в Кенкольском могильнике (2 в. до н.э.—2 в. н.э.).

В Нижнем Поволжье обнаружены дощатый настил (курган 19, погребение 26), носилки второй группы (курган 12, погребение 19) и, очевидно, первый тип (погребение 1, станция Сайхин) (48).

В одном из изученных курганов Кенкольского могильника в верховьях р.Талас (1936—1939 гг.) обнаружено ложе из арчевых досок с укрепленными на всех четырех сторонах брусками в виде бортика. В другой катакомбе арчовый помост из досок был установлен на камнях и покрыт сеном. Под головой покойного было сделано изголовье из тростника (49).

Этнографические данные по погребальному инвентарю горных таджиков, ферганцев и народов южной части Средней Азии подтверждают вышеприведенные примеры. Здесь носилки изготавливали специально, либо для переноса тела умершего использовали обычную лестницу. Причем в городах использовали одни носилки на всех, а в сельской местности каждый раз изготавливали новые. В зависимости от возраста умершего и пола, известны следующие виды носилок (50):

- в виде лестницы ("зина", "шоту", "занги"), состоящей из двух продольных жердей, соединенных нечетным количеством перекладин; иногда на ножках
- носилки с навесом (в виде колыбели—"тахвора"), где в несущих жердях сверлили отверстия для установки дуг из прутьев; количество дуг варьируют

- носилки типа ящика с крышкой или без ("тобут", "аспи чубин", "мофа"); иногда на ножках и с ручками в торцовых стенках.

Этнографы свидетельствуют, что носилки изготавливали из любого дерева, но лучшим считалась ива ("бед", "тол"). Обычно, для этой цели используют древесину не фруктового дерева. В настоящее время в сельской местности Сурхандарьи поперечные перекладки носилок с несущими брусками связывают при помощи доскутков ткани. После совершения захоронения, перекладки носилок разъединяют и используют для закладки входного отверстия могилы (51).

Таким образом, судя по рассмотренным данным "ритуальное оплакивание" предшествует переносу тела покойного к месту погребения и сопутствует кремации. В Марглане, Согде, в восточном Туркестане, а возможно и в Тохаристане, этот ритуал характеризуют глубокая скорбь, самоистязание и нанесение на себя ран плачущих. Тело умершего при прощании размещали на ложе (деревянном), при переносе к месту погребения на деревянных носилках, при сожжении—в дощатом гробу. Археологический материал свидетельствует о существовании различных видов погребального инвентаря из дерева: захоронение на ложе из досок, обкладка тела умершего досками, погребение на носилках или в дощатом гробу. Причем, захоронения на Тилля-Тепе свидетельствуют о практике погребения царственных особ в богатой одежде, а не в саване.

В связи с дугами над носилками—"тахвора", интересно сообщение об облачении покойника в саван, который перевязывали в трех местах: у головы, колен и шиколоток. Тесемки савана развязывали перед тем как уложить покойного в могилу (52). Вероятно, дуги над носилками "тахвора"—парафраза именно этих тесемок, которые в виде "лент с шевронами" охватывают покойного в росписи маргианской вазы. Необычное сходство напелных жгутов на корпусе цилиндрических по форме оссуариев с дугами носилок—"тахвора" подчеркнул Ю. А. Рапопорт (53).

Очевидно, следует говорить о схожем мировоззрении на обряд похорон у народов Средней Азии и восточного Туркестана в пределах 2 в. до н.э.—8 в. н.э. Возможно, преобладающим представлением было возрождение умершего в виде растения-дерева.

Художник пенджикентской росписи создал свои образы реалистично и показал их в двух измерениях. Анализ графических методов указывает на стремление поместить их в трехмерное пространство. Так как, объем и глубина изображения воспринимаются лишь

в движении, выбраны два фокуса: спереди и сверху. Зритель воспринимает изображенное как в состоянии покоя, так и в движении. Четыре плана росписи распределены не иллюзорно в глубину, т.е. перспективно (как принято теперь), а по плоскости стены вверх. Так фигуры плакальщиц, носильщиков и паланкин показаны фронтально, а тело покойного, веревки и ближние зубцы стен развернуты в условной, ортогонально-аксонометрической проекции.

Роспись указывает на несколько интересных моментов, связанных с "погребальным обрядом" и инвентарем среднеазиатских народов. Так, по конструкциям "носилки-паланкин" занимают среднее положение между носилками и "царским трон" на ножках. Отсюда удивительная проработанность внешних форм паланкина и его покрытия. Однако, в "семантической" цепи (ствол, гроб, погребальная доска, носилки, ящик-носилки)

носилки-паланкин занимают последнее место. Вероятно, установление паланкина над носилками символизировало земную власть царевича (царевны), переходящего в иной мир.

Схожесть внешних и смысловых форм разных по функциям: носилок-паланкин, однокамерного "кеда" и костехранилища, свидетельствует о существовании устойчивой "единой архитектурной модели", так как и в прямом и в переносном смысле речь идет о переносе тела усопшего в иной мир. Вместе с тем, различно трактуемый образ "модели" зависит от конечного назначения, в данном случае инвентаря, или "сооружения", в которых она воплощена. По всей видимости, нельзя исходя из внешних форм или наличия "аркады" рассматривать "купольное сооружение" на "сцене оплакивания" как прототип центральных сооружений Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.А. Литвинский. Среднеазиатский центрический мавзолей-проблема генезиса. Этнография и археология Средней Азии. Москва 1979, 68, Рис. 4.
2. Здания I и II до настоящего времени обозначаются как храмы (напр. см. В. Г. Шкода. Генезис согдийской культовой архитектуры. Древние цивилизации Евразии. История и культура. Москва 1998, 99-101), хотя они интерпретированы С. Г. Хмельницким (исслед. из А. А. Семеновым и Б. Г. Тафуровым) как общественные сооружения (см. С. Г. Хмельницкий. Общественные здания в древнем Пенджаикенте. Памятники культуры. Новые открытия. Москва 1977, 407-416; S. G. Chmel'nikij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Berlin 1989, 138-141).
3. М. Белецкий. Раскопки на городище древнего Пенджаикента (1970 г.). Археологические работы в Таджикистане. 1973, 10, 106.
4. М. Белецкий, Б. И. Маршак. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград 1979, Вып. 4, 34, 32-37.
5. А. Пулатчикова. Мавзолей Араб-Ата. In: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент 1963, II, 72, Рис. 39.
6. Ю. Якубовский. Древний Пенджаикент По следам древних культур. Москва 1951, 252.
7. М. Белецкий. Монументальное искусство древнего Пенджаикента. Москва 1973, 11-12.
8. G. Chmel'nikij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Berlin 1989, 184-185, Abb. 125.
9. М. Дьяконов. Росписи Пенджаикента и живопись Средней Азии. Живопись древнего Пенджаикента. Москва 1954, 111, табл. XIX, XX.
10. M. Textor. Das Fremdwörterlexikon. Hamburg 1996, 155.
11. А. Пулатчикова. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент 1963, II, 71-73, Рис. 38, 39.
12. I. Rempel. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie centrale préislamique. In: Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris 1987, Pl. XLVII, Fig. 2, 3; K. A. Абдуллаев. К символике архитектурных деталей на оссуарных рельефах. ИМКУ, Ташкент 1991, 25, 121-122.
13. И. Наймарк. Типы аркадных композиций в искусстве Согда VI-VIII вв. (к постановке вопроса) Древний и средневековый Восток. Москва 1988, 2, 284. Исследователь определяет "купольное сооружение" одновременно как "катафалк", "кед" и "деревянный мавзолей".
14. С. Ольховский. Погребальная обрядность и социологические реконструкции. Российская археология. Москва 1995, 2, 86-87.
15. А. Пулатчикова. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент 1963, II, 70-71.
16. До настоящего времени долготное население Средней Азии (напр. в Фергане) словом "кат" обозначает деревянное возвышение-кроватку, которое устанавливается во дворе и используется в летнее время как для сна, так и для всевозможных хозяйственно-бытовых дел [Н.Б.].
17. Mohammad Mo'in. An intermediate Persian Dictionary. Tehran 1978, V, 3, 2898.
18. Persisch-deutsches Wörterbuch (von H. F. J. Junker und B. Alavi). Leipzig 1989 (1368 H.).
19. Б. Мейтартинг. Зороастрийский погребальный обряд (хронологические и локальные варианты). Москва 1992, 9-10, Автореф. канд. дисс.
20. М. Дьяконов отождествляет катафалк-повозку со стационарным павильоном.
21. Л. Кыласов. Мировоззренческая основа погребального обряда. Российская археология. Москва 1993, 1, 98-111.
22. М. Белецкий. К вопросу идеологии и культов Согда (по материалам пенджаикентских храмов) Живопись древнего Пенджаикента. Москва 1954, 25-82.
23. В. Дьяконов, О. И. Смирнова. К вопросу об истолковании Пенджаикентской росписи. Исследования по истории культуры народов Востока. Москва-Ленинград 1960, 167-184.
24. М. Шукровым описана пространственная структура росписи и выявлена её вертикальная и горизонтальная "трехчастность", тогда как по трактовке автора стелы росписи "нетрехчастная": см. Ш. М. Шукров. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии. Средняя Азия в древности и средневековье. Москва 1977, 104-110.
25. Стоит отметить, что в существующих публикациях прорисовка "сцены оплакивания" различна. Последнее способствовало разнотолку и без того фрагментарно сохранившиеся "сцены". Поэтому автор статьи опирается на личную прорисовку, сделанную на основе цветной репродукции "сцены" по табл. XX, по А. Ю. Якубовскому и М. М. Дьяконову 1954.
26. Виттнер. Введение в историю искусств (Курс лекций) Москва 1930 (?)
27. Вслед за А. А. Семеновым, С. Г. Хмельницкий полагает, что в купольном сооружении изображена усопшая.

28. Gubl. Die Krone des "Beweiten"-eine paraphrase der Krone des Sasaniden Bahram IV. Central asiatic journal. Wiesbaden 1961, VI, N4, 267-269. Исследователь предполагает, что прототипом головного убора покойного на пенджикентской "сцене" могла служить сасанидская корона Бахрама IV.
29. М. Белецкий. Монументальное искусство древнего Пенджикента. Москва 1973, 12.
30. Л. Семенов. Согдинская фортификация (V-VIII вв.). Санкт-Петербург 1996.
31. Н. Ягодин, Т. Ходжайлов. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент 1970, 138-140; А. В. Гудкова. Ток-Кала. Ташкент 1964, 94-103.
32. Последнее противоречит предположению А. В. Гудковой, согласно которой "сцена оплакивания" на оссурии N1 происходит не внутри помещения, а снаружи, т.е. на фоне архитектурного сооружения. Показ дверного проема не может быть веским обоснованием этому.
33. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы, 129, рис.1.
34. Trever. Tetrastotas from Afrosiab. Moscow-Leningrad 1934, 21, 49, Tabl. XIII, fig. 186-187.
35. А. Путченкова, З. И. Усманова. Буддийский комплекс в Гиур-кале Старого Мерва. Вестник древней истории 1994, 1, 142-172.
36. А. Кошленко. Уникальная ваза из Мерва. Вестник древней истории. Москва 1966, 92, 102-103, 105.
37. напр. см: K. Jettmar. Zur "Beweinungsszene" aus Pendzikent (Die Verbrennung der Leiche Buddhas als Kompositionsvorbild?). Central asiatic journal. Wiesbaden 1961, VI, N4, 262-267.
38. Le Coq. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Graz 1975, VI, 81, Kat. No. IB 886 I; Размеры фрагмента росписи: 346x379 см.
39. З. Розенфельд. "Товораи ноз"-древний погребальный обряд на Вандже (Таджикская ССР) и траурные рубои. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Ленинград 1974, 251, 253.
40. К. Писарчик. Итоги и задачи этнографической работы в Таджикистане. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых этнографических и археологических исследований 1974-1975 гг. Душанбе 1976.
41. С. Бабаева. Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX-начало XX в.). Душанбе 1993, 93.
42. Farhangi zaboni tojik (Толковый словарь таджикского языка). Москва 1969, II.
43. А. Литвинский. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Москва 1995, 329-338. Гробы и погребальные приспособления систематизированы мной на основе главы "Деревянные гробы в восточном Туркестане и Средней Азии". При этом, гробы-колоды и плетенные футляры намеренно не рассматриваются.
44. Зафиксированная длина досок: 1,50; 1,73; 1,80; 1,83; 1,90; 2,05; 2,10; 2,15; 2,20; 2,30, 2,35; 2,50 м; ширина досок: 10, 15, 20, 30, 31, 32, 34, 35, 42, 44, 52 см; их толщина: 4,5; 5; 6; 6,5; 7 см.
45. А. Литвинский. Курганы и курумы западной Ферганы (раскопки, погребальный обряд в свете этнографии). Могильники западной Ферганы. Москва 1972, 49, 53, 82-84; Табл. 62.
46. Г. Максимова, М. С. Мершиева, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне чардаринского водохранилища). Алма-Ата 1968, 71-79.
47. И. Сариниди. Храм и некрополь Тиллатепе. Москва 1989, 84, Рис. 30.
48. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.): К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политоттальское Сталинградской области. Древности нижнего Поволжья. Материалы и исследования по археологии СССР. Москва 1959, N60, I, 141, Рис. 47-1; 270, Рис. 24-1; 283, Рис. 27-4.
49. Н. Бернштам. Археологические работы в Семиречье (Археологические исследования в долине р.Талас). КСИИМК IV, Москва-Ленинград 1940, 45-46.
50. С. Бабаева. Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX-начало XX в.). Душанбе 1993, 86-87.
51. Личное сообщение археолога Ш. Б. Шайдуллаева, ноябрь 1998 г.
52. П. Васильева. Туркмены-Нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. Москва 1954, I, 207-208.
53. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма. Москва 1971, 96.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ.

Б.Абдулгазиева

Политические изменения, происходившие в эпоху раннесредневековья, нашли отражение и в материальной культуре Ферганы. Особенно ярко они отразились на таком виде распространённого ремесла, как гончарство. Анализ керамического материала показывает, что в V-VI вв., особенно в VII-VIII вв., в технике керамического производства, а также в самих типах сосудов происходят изменения. На основе исследований в Согде Б.И.Маршак отмечает, что в VII-VIII вв. почти полностью заменяются ведущие формы керамики (Маршак, 1964, с. 241).

Раннесредневековая керамика Ферганы специально не рассматривалась, хотя к настоящему времени в разных местах раскопкам подвергнуты около двух десятков поселений со слоями этого времени (Бернштам, 1952, с. 239-244, 244-247; Давидович, Литвинский, 1955; Латынин, 1961; Салтовская, 1962; Козенкова, 1964; Горбунова, 1979, с. 30-31; 1983, с. 35-44; 1986; 1987; Брыкина, 1962, с. 93-100; 1966, с. 116-122; 1982), но керамический материал в них представлен в незначительном количестве. Материалы для характеристики раннесредневековой керамики содержатся в статьях, посвященных истории и культуре Ферганы (Козенкова, 1964; Брыкина, 1962; 1966; Горбунова, 1987; Вархотова, 1990), монографических работах (Литвинский, 1973; Брыкина, 1982; Горбунова, 1986). В работе Б.А.Литвинского о керамике могильников Западной Ферганы, есть глава, посвященная генезису отдельных типов сосудов (Литвинский, 1973, с. 93-149). Большая работа проводится Н.Г.Горбуновой по изучению древней керамики Ферганы, периодизации комплексов с древнейших времен до VI в. н.э. (Горбунова, 1986, табл. XXII, XXIII, LXXXV). Много сосудов, столового и хозяйственного назначения IV-VI вв.

н.э. приведено в материалах раскопок усадьбы Кайрагач, расположенной в Юго-Западной Фергане (Брыкина, 1982). Представляет интерес публикация комплекса керамики городища Кува, четко датированного большим количеством монет второй половины VII - первой четверти VIII в. (Вархотова, 1990, с. 144-158), специальная статья Н.Г.Горбуновой, где рассматриваются отдельные формы лепной и станковой керамики и некоторые направления культурных связей Ферганы (Горбунова, 1979а, с. 67-71).

Новые материалы автора из раскопок раннесредневековых поселений Ферганы позволяют вновь вернуться к этому вопросу. Керамические комплексы получены при вскрытии многослойных поселений Чордона, Сартепа, Шортепа, Заурактепа, Актепа-5 и др. (Абдулгазиева, 1988, с. 9-14; 1978, с. 148-155; 1983, с. 126-131; 1986, с. 40-44; 1987, с. 66-71).

Остатки гончарных печей вскрыты южнее крепости Сартепа и на городище Хилля. От сартепинских печей сохранилось только дно топочной камеры круглой формы, вырытой в лессе. Относительно лучшей сохранности печь из Хилля, которая позволяет судить и конструкции раннесредневековых печей (Козенкова, 1958, с. 219). Обжиг посуды производился, видимо, в двухъярусных печах. Топочная камера круглая в плане, бочковидной формы диаметром дна 1,70 м без опорного столба, с топочным ходом с юга. Под обжигательной камеры диаметром 2,25 м имел по периметру 12 жаропроводных отверстий (Козенкова, 1958, с. 219).

Кроме керамического материала из вышеупомянутых поселений, в нашей работе использованы также результаты работ и других исследователей Ферганы. Керамический материал подразделяется на два комплекса, относящиеся соответственно к двум

хронологическим периодам: V-VI и VII-VIII вв. н. э.

Первый комплекс включает керамику первого (нижнего) этапа верхнего строительного горизонта Сартепа, Тепа-2, Актепа-5, нижние слои Зауратепы и Шорттепа, второй строительный период Гайрат-тепа (Козенкова, 1964, рис. 6,7). Керамика в основном изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, из глины хорошей отмучки, черепок светлоресничного цвета, ангоб красновато-коричневый и черный тусклый. Ангобом покрывалась обычно столовая посуда. Качество ангоба уже не такое, по сравнению с эпохой античности ухудшается. Ангоб жидкий тусклый непрочный. В первом периоде еще встречается в украшении сосудов процарапанный орнамент, столь характерный для первых веков н.э. Отмечается появление нового типа орнамента с применением иной техники - волнообразный узор прочерченный гребенчатым инструментом вдоль плечика сосуда, производившийся в процессе формовки на станке. Широко применялось и горизонтальное рифление поверхности, отмеченное почти у всех типов сосудов, кроме котлов и хумов, а гребенчатый орнамент - у горшков и кувшинов. Выделено 8 категорий сосудов: миски, кружки, кувшины горшки, баночные сосуды, кубки, котлы, хумы. Первые четыре категории ведущие.

Миски (сюда включены и чаши) - подразделяются на 8 типов (рис. 1. 2-11): 1. Миски с преломлением (перевалом, перегибом) по центру тулова с развернутым бортиком, имеются экземпляры с двумя небольшими ключевидными ручками (типы Id¹⁰, Id⁷ по Горбуновой, см. 1986, табл. XXII). 2. Миски с преломлением тулова в нижней части и с широким развернутым бортиком, нижняя часть может быть конической, округлой (тип d⁹ по Горбуновой, см. 1986, табл. XXII): 3. Миски с волнистым, горизонтально гофрированным туловом. Имеются варианты: венчик может быть вогнут, прямой, отогнут. 4. Миски с округлым туловом с преломлением в верхней части стенок с отогнутым наружу бортиком. 5. Миски округлой формы с плавным отогнутым наружу краем (тип I c⁴ по Горбуновой, 1986, табл. XXII). 6. Миски усеченно-конической формы. 7. Миски глубокие на кольцевом под-

доне (тип I a⁵ по Горбуновой) (Горбунова 1986, табл. XXII): 8. Полусферической формы с вогнутым краем.

Кружки подразделяются на 3 типа: 1. Сферической формы с цилиндрической вытянутой горловиной, петлевидная ручка прикреплена в верхней части тулова (рис. 1.17, 18); 2. Тулово сферической формы призмистое, профилированное горизонтальными четкими линиями, придающими стенкам ребристый профиль, горловина низкая цилиндрическая, петлевидная ручка с прямоугольной пятой прикреплена в верхней части тулова. Видимо, профилировка тулова производилась специальным лекалом. Форма кружек этого типа вызывает явное подражание металлу (рис.1,14); 3. Кружки цилиндрической формы, слегка расширяющейся в нижней части (Брыкина, 1982, с. 70, тип III).

Кувшины (рис. 2.2, 9-14) разной емкости, высотой 20-30 см, некоторые покрыты черным или красным тусклым ангобом, делятся на 8 типов: 1. Безручные яйцевидной формы с невысокой горловиной, завершающейся плавным отогнутым венчиком. Некоторые украшены горизонтально опоясывающими широкими ангобными полосами (тип IIIa по Горбуновой, 1986, табл. XXIV). 2. Аналогичной формы, но с высокой горловиной (Козенкова, 1964, рис. 7.18). 3. Безручные грушевидной формы с утяжеленной нижней частью, широким дном, вытянутой цилиндрической горловиной с напылом. Венчик с плавным отогнутым краем. 4. Одноручные кувшины с носиком-сливом, округлым туловом, резко сужающимся к воронкообразной горловине. Край венчика утончен, слабо вогнут внутрь, ручка дуговидная, подтреугольная в сечении верхний конец ее прикреплен к венчику и слегка возвышается над ним, нижний конец опущен на плечико. Носик трубчатый сильно расширяется вверх и приплюснут (др. варианты см. Брыкина, 1982, табл. 22). 5. Одноручный яйцевидной формы, узкая цилиндрическая горловина, венчик профилированный заканчивается вытянутым слегка оттянутым вниз сливом, ручка коленчатой формы, верхним концом прикреплена к венчику, нижний опущен на плечико; 6. Яйцевидной формы, широкая низкая горловина завершается вертикальным

профилированным венчиком с уступом изнутри для крышки, ручка дуговидная; 7. Окружной формы с цилиндрической широкой горловиной с рельефной полосой в основании, венчик прямой чуть шире горловины, ручка дуговидная и, отличие от вышеописанных типов, верхний конец ее прикреплен к горловине чуть ниже венчика; 8. Тулово сильно раздутое, горловина цилиндрическая широкая, венчик профилированный с оттянутым сликом, некоторые по плечу украшены полосами волнистого гребенчатого орнамента.

Горшки (рис. 2, 1, 3) разной ёмкости. Отмечены 3 типа: 1. Окружное тулово с цилиндрической горловиной, венчик отогнут в виде валика. У некоторых вдоль плечика имеются по 3-4 конусовидных выступа; 2. Крупный сосуд (корчага) с округлым, почти шаровидным туловом, цилиндрическая горловина заканчивается утолщенным профилированным венчиком прямоугольной формы в разрезе. На тулове две петлевидные вертикально прикрепленные ручки. В верхней части сосуда на уровне ручек проходит пояс гребенчатого орнамента: зигзагообразный, волнистый, в виде фестонов. 3. Яйцевидной формы с резко отогнутым вертикальным профилированным венчиком. С внутренней стороны уступ для крышки. Вдоль плечика имеются небольшие сквозные отверстия для вентиляции (Козенкова, 1964, рис. 6.15).

Баночные сосуды (кринки, иногда называют горшками) цилиндрической формы, подразделяются на три типа: 1. отличается резким перегибом в месте перехода к шейке. Под венчиком имеют отверстия для вентиляции. Некоторые сосуды были покрыты красным ангобом, с рельефным горизонтальным валиком на тулове (рис. 2.7, 8). 2. Тулово гофрированное (рис. 1.1, тип Па⁶ по Горбуновой, 1986, табл. XXIII). Вариантом этого типа является сосуд, украшенный поясами процарапанного зигзагообразного орнамента поверх тусклого красного ангоба (тип Па³ по Горбуновой, 1986, табл. XXIII). 3. Вдоль тулова рельефные полосы, между которыми процарапанный поверх красного ангоба орнамент в виде спиралей, треугольников, сеток (Козенкова, 1964, рис. 6.9, рис. 7.15,

16, тип Па⁷ по Горбуновой, 1986, табл. XXIII).

Кубки немногочисленны, но разнообразны. Они покрыты тусклым коричневатокрасным или черным ангобом, порой жидким непрозрачным. Выделено 3 типа: 1. Усеченноконической формы резервуар с преломлением тулова по центру, верхняя часть украшена рифлением (рис. 1.12); 2. С округлым туловом, слегка сужающимся к отогнутому венчику, у некоторых на ножке кольцевой валик (рис. 1.13). На стенках этих кубков имелись тамги в виде овала или косоугольного креста; 3. Тулово в виде усеченного конуса плавных очертаний (рис. 1.15, 16; см. также Брыкина, 1982, табл. 30). Этот тип продолжает свое развитие и во втором периоде (рис. 3.1-3, 12).

Крышки отмечены двух типов: 1. Полусферической формы со сплошной прямоугольной ручкой. Размеры: д.-17, высота-8,5 см; 2. Небольшие дисковидной формы диаметром 10-13 см, с петлевидной или цилиндрической ручкой. Судя по величине, крышки могли использоваться для закрывания кружек и кушников (Абдулгизиева, 1983, рис. 3.8, 26).

Тагара - глубокие сосуды усеченноконической формы с двумя или тремя петлевидными ручками под венчиком. Несколько целых сосудов происходят из раскопок усадьбы Кайрагач (Брыкина, 1982, с. 63-64, табл. XIII, 2, 5-8).

Котлы - выделяются на два типа (рис. 2.4-6). 1. Сферическое тулово с цилиндрической горловиной и двумя округлыми в сечении петлевидными ручками под венчиком 2) глубокий котел с цилиндрическим туловом, венчик плавно отогнут наружу (вариант см. Кзенкова, 1964, рис. 7. 19). Котлы были как с плоским, так и с округлым дном. Целые сосуды найдены в усадьбе Кайрагач (Брыкина, 1982, табл. 16, 17).

Хумы разной емкости, высотой 60-80 см и более. В основном выделяются 3 типа: 1) яйцевидной формы, тулово сужается к узкому дну, а в верхней части крутым изгибом переходит к венчику, отогнутому наружу в виде валика. Самая широкая часть сосуда - плечико. Венчики зачастую обработаны рифлением; 2) яйцевидной формы с выделенной невысокой горловиной. Хумы этих

типов имеют узкое или округлое дно;
3) тулово боченковидной формы
(Абдулгалиева, 1987, рис. 1.10;
Брыкина, 1982, табл. 1-7).

Второй комплекс включает материалы второго этапа Сартепа III, Шортена II, III, Чордона II, Заурактепа III-III, и др. памятников. Количество категорий сосудов, по сравнению с

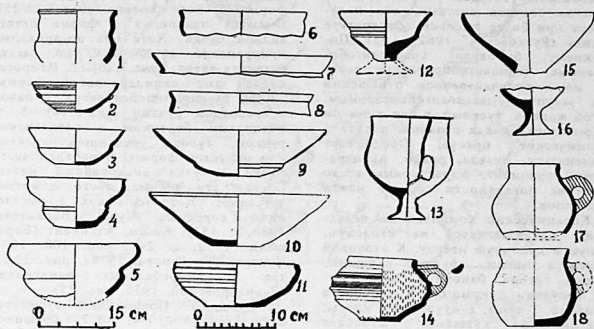

Рис. 1. Таблица керамики V-VII вв. н.э. 1-5-Гайраттепа; 6-8,16-Сартепа; 10,13,15-Тепе-2; 11,12,14,17,18-Шортена; 9-Актепа-5

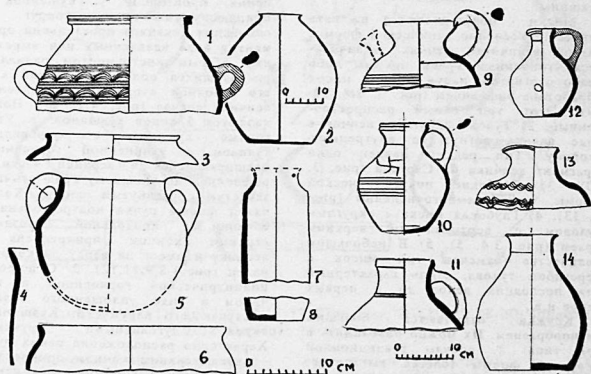

Рис.2. Таблица керамики V-VII вв. н.э. 1,9-14-Шортена; 2-Актепа-5; 3,5-8-Сартепа; 4-Тепе-2;

первым этапом, не изменилось, многие типы продолжали бытовать, что свидетельствует о преемственности. Между тем заметны изменения как в типах, так и в технике и технологии изготовления сосудов. Черепок большинства сосудов светлый, что получалось при более высокой температуре обжига (Рутковская, 1962, с.68). По-прежнему бытовали красноангобированные, черноангобированные сосуды, но в количественном отношении они уступали светлоангобированным. Ангоб жидкий, тусклый, в основном им покрывалась мелкая столовая посуда и керамические прясли. Продолжает применяться, правда, редко, процарапанный орнамент. Характерным стало рифление поверхности сосудов почти всех типов.

Керамический комплекс по назначению подразделяется на столовую, тарную и кухонную посуду. К столовой относятся миски, кружки, кувшины, горшки, тагора, баночные, миниатюрные сосудики и крышки. К тарной, в основном, - хумы, к кухонной - котлы, котелки и кувшины. Столовая керамика в основном формована на станке, тесто средней отмучки. Ведущими категориями продолжали оставаться миски, кружки, горшки и кувшины.

Миски - подразделяются на пять типов: 1) Усеченно-конической формы, разной величины, венчик заканчивается утонченным краем прямым либо слабо отогнутым наружу. Часть мисок обработана рифлением (рис. 3. 6-8, 17-19). Этот тип самый распространенный. 2) Тулово округлое, венчик в виде валика вогнут во внутреннюю сторону. Тип редкий найден один фрагмент венчика на Сартепа (рис. 3. 20). 3) Глубокие полусферической формы, также немногочисленные (рис. 3. 13). 4) Глубокая миска с округлым туловом с вертикальным верхним краем (рис. 3.4, 5). 5) В небольшом количестве отмечен тип мисок с перегибом тулова, столь характерный для последних веков до и первых веков н.э.

Кружки отличаются большим разнообразием. Их можно объединить в три типа: 1. сосуды традиционной округлой формы (слегка вытянутые, шаровидные и более призматические) с одной петлевидной или фигурной ручкой. Размеры их стандартны: высота равна или больше диаметра

венчика: дв. 10-12 см, дд. 6-8 см (рис. 3.21-28). Среди них имеются подражающие металлическим образцам: тонкостенные, рельефные линии, опоясывающие сосуды, стенки с четким рифлением, посадка ручки и ее форма в виде кольца (рис.3.22-25). Имеются изменения в форме петлевидной ручки. Хотя она по-прежнему прикреплена к плечу, но слегка оттянута вверх. (рис.3.26). 2. Немногочислен тип цилиндрической формы, слегка расширяющейся вверх, с одной петлевидной ручкой (рис.3.14). 3. С волнистым бортиком и петлевидной ручкой, тулово усеченно-конической или округлой формы. В верхней части ручки имеется дисковидный налп. Сосуды эти лепные, тесто шамотно-дресвяное. Встречены как в поселениях: городища Кува, (Вархотова, 1986, с. 152), Касан, Ахсикент (Бернштам, 1952, с. 241, рис. 100, 103), Чунтепа (Горбунова, 1979а, рис. 23.1), так и погребальных памятниках (Заднепровский, 1975, рис. 25).

Кувшины. Продолжают существовать типы 1, 4, 5-7 кувшинов предшествующего периода (рис. 2.2, 9-13), что говорит о генетической связи между комплексами. В то же время имеются новшества. Некоторые изменения произошли у кувшинов с приплюснутым носиком-вокруг его основания появился простенный орнамент в виде вдавленных или вырезанных острым инструментом радиально расходящихся полос, а верхний край его с одной стороны прикреплен к венчику сосуда (рис. 4.1, 10). Новым являются 5 типов кувшинов: 1. Узкогорлые кувшины с шаровидным туловом с удлинённой горловиной, расширяющейся в верхней части, с рифлением по внешнему краю венчика, зачастую с оттянутым сливом. Коленчатой формы ручка подтреугольная в сечении с продольной бороздкой, верхним концом прикреплена к венчику и имеет на верш дисковидный налп (рис.4-8,9,11,12). 2. С широкой цилиндрической горловиной и венчиком в виде уплощенного валика, выступающего наружу. 3. Кувшины с двумя дуговидными ручками. Характерно расположение самих ручек - ручка верхним концом прикреплена не к венчику, как обычно, а к центру горловины, напоминая греческие амфоры (рис.4.3-5). 4. Грушевидное тулово, дно широкое, невысокая горло

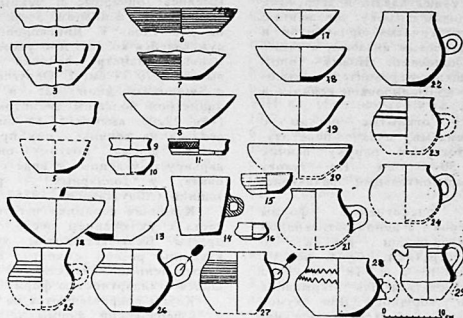

Рис.3. Таблица керамики VII-VIII вв. н.э. 1-11,16-25,27,28-Сартеп; 26-Заурактепа, Сартеп, Чордона; 14,15,29-Шортеп; 12,13-Заурактепа

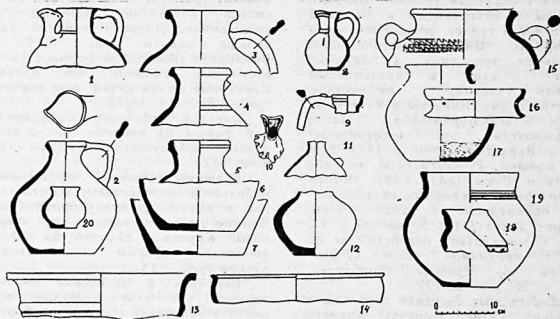

Рис.4. Керамика VII-VIII вв. 1,8,13,15-17-Шортеп; 2-7,10-12,18-20-Чордона; 9-Заурактепа; 14-Сартеп

вина завершается отогнутым утолщенным краем, с одной пластинчатой ручкой коленчатой формы (рис.4.2,6,7). 5. Узкогорлые кувшины с сильно вытянутым треугольным сливом,

аналогичным найденным в Куве (Вархотова, 1990, рис. 2. 32, 33). Этот тип возник на основе подражания металлическим изделиям.

Горшки округлой формы. Некоторые украшены ангобными полосами. Продолжали существовать и двуручные с носиком-сливом на боку, украшенные волнистым гребенчатым орнаментом и непрочным охристым ангобом, а также ангобными полосами. Новым типом служили горшки со сравнительно высокой шейкой, профилировкой венчика и плечика (рис. 4.15-19).

Тагора - открытые сосуды с прямыми стенками, плавню переходящими в отогнутый наружу венчик диаметром 30-40 см. По тулову проходил горизонтальный валик (рис. 4.13, 14).

Крышки дисковидной формы разных размеров, с одной петлевидной или цилиндрической ручкой со сквозным отверстием. Судя по их диаметрам (10-13 и 17-18 см.), они могли использоваться для закрывания кувшинов и горшков. Для хумов использовались алебастровые массивные крышки.

К редким формам относятся: чайник-поилка с трубчатым носиком и ручкой (рис. 3.29). Он небольших размеров с округлым туловом. Цедилки - сосуды с отверстиями в дне или нижней части тулова, разной величины и формы. Они немногочисленны. Выделяются три типа: 1) крупные сосуды - хумы с призматическим округлым туловом, с множеством отверстий в дне. Найдены в Куве и по мнению Д.П.Вархотовой, могли использоваться для изготовления творога (Вархотова, 1990, с. 147); 2. В виде плоски с отверстием на дне диаметром 1 см (рис. 3.11). Поверх красного ангоба украшены процарапанным орнаментом в виде сетки. Размеры: диаметр-10, 5, высота - 2,2 см. 3. С множеством отверстий не на дне, а придонной части стенки. Найдены на Чунтепа (Горбунова, 1979а, с. 70, рис. 22.17).

Миниатюрные сосудишки типа чаш и горшочков. Размер чашечек: диаметр венчика 5-6, д.дна - 4-5, высота - 3-4 см. Некоторые имели ручки-выступы. Встречались и соединенные вместе три сосуда. В быту они имели широкое применение: использовались как чираги (светильники), для хранения соли, специй, как кормушка для птиц. Горшочки с высотой и наибольшим диаметром тулова - 8-9 см (рис. 3. 9, 10, 15, 16; рис. 4. 20).

Хумы изготовлены из теста средней отмучки, черенок плотный, твердый. Имелись гончарные и лепные разной емкости. В основном подразделяются на два типа: 1. Яйцевидной формы, сужающейся ко дну. Дно узкое (18 см), меньше диаметра венчика (36 см), высота - 70-77 см; 2. Округлой формы с широким дном (25 и 32 см) диаметром большим диаметра венчика (18 и 22 см), высота 57-65 см. Акцент делался на венчик - ему придавалась разная форма, поэтому он сильно варьирует: у лепных в виде отогнутого овала, у гончарных - рифление, защиты (Абдулгизиева, 1986).

Кухонная керамика изготовлена из теста с включением песка, кварца и дресвы. Включает котлы, котелки и кувшины разной емкости, лепные и изготовленные на станке, отличающиеся стандартностью форм.

Котлы подразделяются на три типа: 1. Сферической формы с выпуклым либо плоским дном, тулово плавно переходит в отогнутое устье. Диаметр венчика равен или чуть больше высоты (рис. 5.1-4, 6, 8, 9, 12, 14); 2. Округлой формы, призматическое тулово сужалось к сильно отогнутому венчику, дно уплощенное. Диаметр венчика вдвое больше высоты (рис. 5.19); 3. Вытянутой яйцевидной формы с сильно отогнутым венчиком, дно плоское. Некоторые имели ручки под венчиком (рис. 5.5, 7, 13, 16-18).

Котелки небольшие цилиндрической формы на плоском дне с одной ручкой прямоугольной формы (рис. 5.10, 11).

Кувшины лепные представлены небольшим количеством, изготовлены, как и котлы, из огнеупорной глины. Видимо, использовались для нагрева воды. Крупные, высотой до 30 см, яйцевидной формы с петлевидной ручкой (рис. 5.15).

Перейдем к датировке рассмотренных комплексов. Между ними имеется некоторая общность в формах. Первый комплекс имеет связи с керамикой первых веков нашей эры, что выражается как в формах сосудов, так и в наличии цветного ангоба, но качество последнего уже иное. Блеск и плотность исчезли - он тусклый, жидкий. В целом комплекс на основе сравнительного анализа датируется V-VI вв. н.э.

Баночный сосуд с прямыми стенками по форме восходит к первым

векам н.э. Аналогичные сосуды были найдены на ряде памятников Ферганы (Горбунова, 1971, с. 83, рис. 4, IIIг). Сосуды канслированными профилем тулова характерны для керамики Ферганы, наиболее широкое распространение получают в первых веках н.э. Гофрировались многие формы сосудов: миски, кринки, банки, кувшины и др. Они широко представлены из раскопок как поселений первых вв. н.э. (Козенкова, 1964, с. 232, рис. 6.13, 14, 17; с. 233, рис. 7.5-7, 11; Абдулгазиева, 1987, рис. 1.18-21), так и могильников (Литвинский, 1973, с. 66, табл.34.9,15). Б.А.Литвинский связывает их происхождение с металлическими изделиями, в частности, с сасанидским серебром (Литвинский, 1973, с. 148).

Кувшины с раструбообразно расширяющимся венчиком и носиком-сливом на тулове в виде приплюснутого рожка являются характерным типом, получившим широкое распространение в Средней Азии в VI-VIII вв. (Литвинский, 1973, с. 120-121, табл. 35.2; Буряков, Зильпер, 1960, табл. 5.9; Горбунова, 1987, рис. 13.2). Их возникновение исследователи относят к III-V вв.н.э. (Литвинский, 1973, с. 120).

В том же комплексе выявлены фрагменты стенок сосудов, украшенных ангобными потеками - типичный орнамент для памятников каучинской культуры (рубеж или I в. до н.э. - VII-VIII вв.н.э.; см. Левина, 1971, с. 178, рис. 59). Кубки на поллой ножке также ведут к каучинской культуре периода Каучи II¹. Кубок из нижнего слоя Шаушукумте отличается от рассматриваемого тонкостью черепка¹. Он был покрыт красным ангобом с лощением (Левина, 1971, с. 145, рис. 51.24).

Котлы со сферическим туловом и петлевидными ручками под венчиком, аналогичны найдены на Минг-Урюке в Ташкенте в слоях V-VI вв. (Древний Ташкент, 1973, с. 30, рис. 6.3).

Для датировки второго комплекса важным является наличие в нем характерных форм сосудов, получивших широкое распространение в VII-VIII

вв.н.э. на территории Средней Азии. Это все типы кружек, кроме второго, миски усеченно-конической формы, кувшины с оттянутым сливом и коленчатой ручкой, горшочки со сферическим туловом, которые находят близкие аналогии в керамике Ферганы VII-VIII вв. (Брыкина, 1962, с. 97, рис.3), верхнего слоя Пенжикента VII-VIII вв. (Бентович, 1964, с. 279, рис. 17.2, 4, 6, рис. 19.8, 9, с. 293; с. 21.2, 6, 9, 16, 17). Шаша (Буряков, Зильпер, 1960, табл. 5.5, 9; Тереножкин, 1948, с.115, рис. 17). Уструшаны (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, рис. 39-41). Горного Согда (Якубов, 1988, табл. VII, VIII, XV, XVI). Чуйской долины (Распопова, 1960, рис. 3).

Большинство описанных типов керамики второго комплекса находят прямые аналогии к керамике городища Кува, датируемого нумизматическими данными второй половины VII-первой четвертью VIII вв. (Вархотова, 1990, рис.1,2).

Кружки, аналогичные цилиндрической с петлевидной ручкой, в комплексе Ахсикента датируются монетой второй половины VIII вв. (Анарбаев, 1988, с. 178). Однако сама форма этой кружки более древняя - она встречается в памятниках шурабашатской культуры, усуньских погребений.

Кружки с волнистым бортиком в датируемых монетами комплексов Ферганы относятся ко второй половине VII - концу VIII вв. городища Кува 9Вархотова, 1990, с. 145, 152), Чунтепа (Горбунова, 1979а, с. 70, рис. 22.6, 23.1). Обращает на себя внимание то, что в этот период отмечается массовое производство их в лепном варианте не только в Фергане, но и в Согде (Якубов, 1988, с. 183, табл. XIV, XVI; Бентович, 1964, с. 230, рис. 22. 4). К этому же времени относится распространение кувшинов и кружек в таких элементах, как дисковидный налп на верхней части ручек, овальные в основании ручек кружек и кувшинов (Горбунова, 1979, с. 60), известны они и в Согде (Бентович, 1964, рис.19,12-14;21.16,17; Якубов, 1988, табл. VII, 16-19, XIV, 5).

¹ Датировка слоя Каучи-II до сих пор вызывает споры среди исследователей: А.М.Левина датирует IV (с конца III) по V вв. н.э. - 1971, с. 182; Ю.Ф.Буряков считает возможным датировать от II до IV вв.н.э. - 1982, с. 79; М.И.Филанович VI вв.н.э. - 1983, рис. 14, с. 144

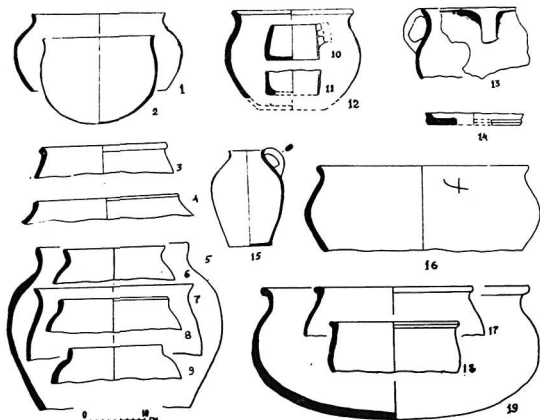

Рис.5. Кухонная керамика VII-VIII вв. н.э. 1,3-12,14,16-Сартепы; 2,15-Заурактепы; 13,17-19-Чордона

Сравнительный анализ керамических комплексов показывает более тесные, особенно в VII-VIII вв. Культурно-экономические связи Ферганы со среднесазиатскими владениями в эпоху раннего средневековья. В керамике

Восточной и Центральной Ферганы еще сохраняются черты древней самобытной культуры в V-VI вв., а в Западной Фергане - явно прослеживается каунчинское влияние.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. // МИА, 1964, № 124.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. // МИА, 1952, № 26.
3. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. // Труды Института истории, археологии и этнографии Тадж.ССР. т. XXXV, Сталинабад, 1955.
4. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934г. // АСГЭ, вып.3. 1961.
5. Салтовская Е.Д. Раскопки на поселении Тудай-Калон в 1960 г. // АПТ, вып. VIII. Душанбе, 1962.
6. Козенкова В.И. Гайрат-тепе // КСИА, № 3, 1964.
7. Горбунова Н.Г. Итоги исследований археологических памятников в Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА, 1979, № 3.
8. Горбунова Н.Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // УСА, 1983, № 3.
9. Горбунова Н.Г. Памятники керкидонской группы в Южной Фергане (Мыкты-Курган и Чун-тепе) // АСГЭ, № 28, 1987.
10. Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana VI century A.D. // BAR International Series 281. Oxford, 1986.
11. Брыкина Г.А. Земледельческие поселения юго-запада Ошской области. // Археологические памятники Баткена и Айляка. Фрунзе, 1962.
12. Брыкина Г.А. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. // КСИА, вып. 108, 1966.

13. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
14. Вархотова Л.П. Керамика VII-VIII вв. с городища Кува. // ИМКУ, вып. 24, Ташкент, 1990.
15. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
16. Горбунова Н.Г. О раннесредневековой керамике Ферганы // УСА, вып. 4, 1979 а.
17. Абдулгазиева Б. Раскопки Сар-тепе // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
18. Абдулгазиева Б. Шортепа. // ИМКУ, вып. 18. Ташкент, 1983.
19. Абдулгазиева Б. Поселение Заурактепа в Восточной Ферганы. // ОНУ, № 2, 1986.
20. Абдулгазиева Б. Новые памятники эпохи раннего средневековья в Восточной Ферганы // ИМКУ, вып. 21, Ташкент, 1987.
21. Абдулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье. Авт. канд. дис. Самарканд, 1988.
22. Козенкова В.И. Гончарная печь из Хилля. // СА, 1958, № 3.
23. Г.А. Брыкина датирует печь из Хилля более поздним временем - XI-XII вв. См. Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с. 106.
24. Рутковская Л.М. Античная керамика Древнего Мерва // ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962.
25. Заднепровский Ю.А. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии // УСА, 1975, вып. 3.
26. Горбунова Н.Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом // АСГЭ, 1971, вып. 13.
27. Бураков Ю.Ф., Зильбер Д.Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте // Труды ТашГУ. Археология Средней Азии. Вып. V. Ташкент, 1960.
28. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. 1971.
29. Бураков Ю.Ф. Генезис и пути развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
30. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1989.
31. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
32. Бентонич И.Б. Керамика верхнего Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА, № 124.
33. Тереножкин А.И. Холм Ак-тепа близ Ташкента // Тр. ИИА АН УзССР, т. I. Ташкент, 1948.
34. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепе. Душанбе, 1973.
35. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Сога. Душанбе, 1988.
36. Расопова В.И. Гончарные изделия Чуйской долины. // ТКАЭЭ, т. IV. М., 1960.
37. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье. // СА, 1988, № 1.

ТЮРКИ В ТОХАРИСТАНЕ В VI-VIII вв.

А.М.Маликов.

В данной публикации мы коснемся отдельных моментов истории тюрков в Тохаристане, области, где контакты с кочевыми племенами имели значительные последствия для всей Центральной Азии. Вспомним, например, создание юечжами Кушанской империи и т.д. Различных сторон истории тюрков в Тохаристане в своих публикациях касались такие исследователи как А.Н.Бернштам, Л.И.Альбаум, Э.В.Ртвеладзе, Х.Дукс, А.Абдуллаев, В.С.Соловьев, В.Д.Жуков, Л.С.Баратова и другие. Однако они рассматривали лишь отдельные тюркские памятники, предметы материальной культуры, монеты тюркских правителей. Некоторые исследователи приводили сведения письменных источников о тюрках в Тохаристане (Бернштам, 1952; Гоилов, 1989; Маливкин, 1989 и др.). Но имеющийся археологический материал и данные письменных источников в целом не рассматривались, и на сегодняшний день отсутствует какая-либо обобщающая работа по этому вопросу.

Поэтому мы лишь попытаемся проанализировать имеющиеся основные сведения о тюрках в Тохаристане в рамках данной статьи.

Первые известия о тюрках в Тохаристане относятся ко второй половине VI века, когда северная часть региона была включена в состав Тюркского каганата. На раннем этапе правители владений Северного Тохаристана, хотя официально признавали власть тюрков, фактически были независимы.

Следует отметить, что еще до прихода тюрков на территорию среднеазиатского междуречья в том числе Тохаристана, здесь проживало население, часть которого была тюркоязычной. Эта проблема требует отдельного специального рассмотрения, поэтому здесь мы на ней не останавливаемся.

Несмотря на то, что территория Южного Тохаристана не была включена в VI в. в состав Тюркского каганата, сюда проникают отдельные группы тюрков, которые приходят к власти в некоторых областях, например, в VI в. в Кабуле начинает править тюркская династия с титулом "кабулшах". Об этом свидетельствуют как нумизматические материалы, так и данные Абу Райхона Беруни о первом тюркском правителе Кабула по

имени Бархатакин (Баратова, 1995, с. 18; Беруни, 1963, с. 359). VI веком датируются монеты других ранних тюркских правителей Тохаристана. Это сасанидские драхмы и подражания им с согдийскими надчеканами "каган" и "тегин" (Баратова, 1995, с. 9-10).

В период правления западнотюркского кагана Тон-ябгу (618-630) усиливается центральная власть и верховным ябгу - наместником в Тохаристане был назначен сын кагана Тардушад. В этот период верховная власть тюрков распространилась и на южный Тохаристан, а также современные территории Южного Афганистана и северо-западной части Пакистана.

Однако несмотря на усилия Тон-ябгу кагана Тохаристан не был объединен в одно целое, а остался раздробленным на 27 мелких владений, правители которых номинально подчинялись верховному ябгу (Боровкова, 1989, с. 140).

При Тардушадзе усиливается процесс проникновения тюрков в Тохаристан из Семиречья и Согда. Тардушад основал династию тохаристанских джабгуи, царствовавших вплоть до арабского нашествия. В этот период в ряде тохаристанских владений утверждаются тюркские династии лишь официально признававшие власть Тардушад и его потомков. Многие из них чеканили свои монеты.

Заслуживают внимания сведения китайского буддийского паломника Хой Чао (первая половина VIII в.) о тюрках в Тохаристане. Как сообщает Хой Чао: "в Каписе, одном из центров Гибина, так же как и в Хутале, половина жителей - тюрки, половина из племени Ху. Однако, князь и его воины тюркского происхождения. Князь кочует из Каписы в Гандару, ибо зимой в Каписе глубокий снег, и он остается в ней только летом. Зимой он откочевывает в Гандару, где теплее" (Бернштам, 1952 б, с. 190). Таким образом, подчеркивается кочевой быт правителя тюрка, который несмотря на кочевой характер жизни управлял областью, населенной в основном, оседлым населением.

Хой Чао также дает любопытные данные о тюркском княжеском роде Забулистана: "Князь Забулистана является племянником

князя Каписы, он самостоятелен со всеми своими племенами и дружинами, происходящими из этой страны. Он не подчиняется другим странам и своему дяде" (там же, с. 191). На основе этого описания мы можем предполагать, что подобная ситуация была характерна и для всей территории Тохаристана в целом.

Хой Чжоу отмечает отличия между тюрками южных областей - современных территорий южного Афганистана и Пакистана и тюрками северных районов. Мы предполагаем, что в южные области в более ранний период проникало древнейшее тюркоязычное население Средней Азии и переселившиеся сюда тюрки просто растворились среди них или, оказавшись в меньшинстве, восприняли их культуру и обычаи. Не исключено также, что Хой Чжоу применял этноним "тюрк" по отношению ко всему тюркоязычному населению этих территорий.

Кроме тюрков, письменные источники дают сведения о других тюркоязычных племенах, живших на территории Тохаристана.

Присутствие же тюрков в Тохаристане фиксируется в археологическом материале и памятниках искусства.

Одним из ярких памятников живописи Северного Тохаристана являются фрески Балалык-тепе. Согласно последним данным живопись Балалык-тепе датируется концом V! - первой половиной VII в. (Соловьев, 1997, с. 120), т.е. совпадает с периодом господства тюрков. Персонажи росписей полностью соответствуют определенной группе древнетюркских изваяний (Альбаум, 1960, с. 196). Например, определенное сходство с деталями мужских костюмов росписей Балалык-тепе заметно в одежде каменного изваяния из ущелья Кегеты в Чуйской долине. Одежда некоторых каменных изваяний из Семиречья очень напоминает одежду фигур в росписях Балалык-тепе. Это костюмы с правосторонними треугольными отворотами и свисающими рукавами. Даже кубки в руках некоторых древнетюркских каменных изваяний по форме очень похожи на чаши в руках фигур росписей (там же, с. 192). В целом, надо отметить, что требуется дальнейший анализ этих аналогий, что может привести к совершенно новым выводам.

На территории Тохаристана были обнаружены собственно древнетюркские каменные изваяния. От двух из них, происходящих из Обикинской долины, сохранились торс и голова. Изваяния были выполнены в натуральную величину из мергелистого известняка. Фигуры были объемными, обработанными в точечной

технике с подшлифовкой лицевой части. Великолепна по своим художественным достоинствам скульптурная голова юноши. Судя по наличию шаровидных серег скульптура вероятно датируется концом VI в. В облике скульптуры сочетаются две художественные традиции. Манера передачи глаз типично тюркская. Правильность пропорций и четкость черт лица, рельефность надбровных дуг, манера передачи границы лба и прически - характерны для буддийской скульптуры. В.С.Соловьев полагает, что в данном случае проявляется влияние местных тохаристанских художественных традиций на древнетюркскую скульптуру (Соловьев, 1997, с. 124). Однако мы знаем, что тюрки познакомились с буддизмом, в том числе буддийским искусством достаточно рано. Влияние буддийских канонов проявляется в древнетюркских каменных изваяниях на территории Семиречья и более восточных областях. Поэтому для окончательного разрешения этого вопроса требуются специальные искусствоведческие исследования.

Второе изваяние, вернее его туловище принадлежит по мнению В.С.Соловьева скульптуре мальчика. Одежда его с левым запахом. Одна рука персонажа покоится на поясе, другая на груди. Такое положение рук соответствует тому, когда одна из них держит у груди сосуд с напитком, а другая лежит на рукоятки кинжала или держится за пояс. У обикинского персонажа этих предметов нет (Соловьев, 1997, с. 125).

Третье целое древнетюркское изваяние обнаружено в районе поселка Калайдашт Файзабадского района (Южный Таджикистан). Оно изображает мужчину. Материалом для изваяния послужил серый гранит, лицевая его поверхность обработана в точечной технике. Лицо с явными монголоидными чертами, безбородое, с усами. Глаза и рот показаны углублениями. В правой руке у персонажа - кубок, левая рука покоится на поясе (Жуков, 1978, с. 120-121). Если принять классификацию древнетюркских изваяний, предложенную А.Н.Бернштамом, то найденное изваяние попадает во вторую группу (Бернштам, 1952а, с. 195). По классификации, предложенной Я.А.Шером, калайдашское изваяние может быть сопоставлено со 2-ой группой УН первого типа этой классификации (Шер, 1966, с. 29).

Вышеперечисленные каменные изваяния, видимо, стояли около культовых оградок или около мотил, однако они, будучи разрушенными, до нас не дошли.

С тюркской погребальной традицией связаны также каменные оградки Сурхандарьинской долины около кишлака

Доилаган. Они имеют круглую и прямоугольную форму. Под насypью, на дневной поверхности, встречены фрагменты кремнированных костей, из паходок - железный наконечник стрелы, явившийся основой для датировки оградок ранним средневековьем (Дукe, 1975, с. 76).

Предметы материальной культуры тюрок обнаружены на различных памятниках: городских и сельских поселениях, могильниках на территории Тохаристана. Рассмотрим тюркские древности в Тохаристане в следующей последовательности: вооружение, поясные наборы, керамика.

Из наступательного оружия тюрок в Тохаристане найдены наконечники и костяные накладки на лук.

В курганных захоронениях могильника Байтудашт встречены наконечники стрел с надетыми на черешке шариками-свистунками и крытыми отверстиями в полостях. При полете стрел, снабженных этими наконечниками, издавался свист, оказывающий психологическое воздействие на врага. Здесь же обнаружена серия долотовидных наконечников стрел (Абдуллаев, 1990, с. 273). Если наконечники-свистуны были рассчитаны на незасиженного противника, против его конницы, то долотовидные наконечники выполняли роль броневой части оружия. В основном наконечники такого типа встречены в тюркских памятниках или памятниках древнетюркской эпохи.

К тюркским же наконечникам относится и наконечник с выемками в головке из Кафыркалы (Соловьев, 1997, с. 53).

В Байтудашских захоронениях, связываемых некоторыми исследователями с тюрками, найдено защитное вооружение - фрагменты пластинчатого доспеха и кольчуги. Пластинчатый доспех состоял из пластин длиной 10-11 см, шириной 1-1,5 см. На пластинах имеются отверстия для крепления их между собой и тканой основой. Отдельные кольца кольчуги имеют диаметр 8-15 мм. По всей вероятности они относятся к кольчужной броне, которая цеплялась к шлему, спускалась и на грудь и защищая шею воина (Соловьев, 1997, с. 60).

Вооружение тохаристанцев VII-VIII вв. так же как и содийцев развивалось под сильным влиянием тюркского. К сожалению до сих пор не проведена работа по анализу вооружения населения Тохаристана особенно в сравнении с другими областями Центральной Азии.

Тюркским был поясной набор Тохаристана. В соседнем регионе - Согде массовое распространение наборных поясов относится к концу VII-VIII вв. Части

наборного пояса тюркского типа найдены на поселениях почти всех областей Центральной Азии. Видимо, в этот же период тюркские наборные пояса распространяются в Тохаристане.

При раскопках могильника Харкуш были найдены железные, костяные и медные пряжки. Все железные пряжки имеют круглую рамку, изготовленную из стержня заготовки. Подвижный язычок крепился в месте соединения концов заготовки или же на противоположной ее стороне. Диаметр рамок колеблется от 4 до 8 см.

Одна из пряжек была позолочена. Медная пряжка изготовлена литьем, ее подвижный язычок изготовлен отдельно и прикреплен к рамке в том месте, где сделано специальное утолщение. Диаметр рамки равен 5 см, толщина в сечении 7-8 мм.

На Кафыркале найдена железная поясная пряжка в составе небольшого клада деталей поясного набора, диаметр ее равен 5 см. Язычок прикреплен к рамке вместе с пластиной, согнутой пополам. С помощью этой пластины пряжка крепилась к концу ремня - конец зажимался между двумя пластинами. В целом, клад, найденный на Кафыркале состоит из 11 предметов: 7 бляшек, 2 пряжек, наконечника ремня и 1 подкладки для бляшки. Две бляшки 2-го типа найдены в замке Чорматтепа и на поселении Ширкент. Бляшки 5-го типа происходят из могильника Байтудашт (Соловьев, 1997, с. 63).

Две медные пряжки найдены на Аджинатепе. У одной из них овальная, у другой - круглая рамка. В курганных захоронениях могильника Байтудашт найдены железные пряжки круглой и прямоугольной формы. Отсюда же происходят небольшие серебряные (иногда с позолотой) пряжки с подквадратной рамкой. С ней соединяется шиток, между половинками которого с помощью заклепок крепится конец ремня (Абдуллаев, 1990, с. 273, рис. 2). Из этих же курганов получены другие детали поясного набора, изготовленные из золота (там же, с. 63).

Поясные бляшки - пяти видов: 1. Квадратная с прямоугольной прорезью, четырьмя шпеньками для крепления, пластинками-подкладками. У некоторых бляшек скруглены углы. Лицевая сторона бляшек украшена стилизованными изображениями виноградной лозы. 2. Полуокруглые, со срезанной нижней частью и прямоугольной или овальной прорезью. 3. Овальные с фестончатым краем. 4. Сердцевидные. 5. В виде трилистника. 6. В виде четырехлепесткового цветка. Бляшки 6-го типа прикреплены к поясу царственного

персонажа, изображенного в настенной живописи Калаишодмон.

Донаторы в настенной живописи Аджинатепа опоясаны поясами, украшенными золотыми накладками (Соловьев, 1997, с. 63).

Некоторые виды украшений из городища Кафир-кала, например, серьги находят аналогии среди тюркских видов украшений (Литвинский, Соловьев, 1985).

Тюркские изобразительные мотивы четко прослеживаются в памятниках культуры Тохаристана. На одном из образков, найденных в Гисарской долине, изображена женщина в короне, увенчанном тремя зубцами. От короны вниз, по обе стороны головы спускаются концы лент. В мочках ушей двухчастные шаровидные серьги, на шее гривна с крупной каплевидной подвеской в центре (Соловьев, 1997, с. 126). Возможно, что образ этой царственной женщины или божества сложился в коропластике Тохаристана под влиянием тюркской иконографии. На известном изваянии - ватуле из Кудырге имеется изображение главного женского персонажа: на голове у нее головной убор или корона с тремя острыми зубцами

(Гаврилова, 1965, табл. VI). Изображения женщины с подобным головным убором отмечены в женских каменных изваяниях Семиречья и Тянь-Шаня, а также, на каменных накладках из курагна могильника Суту-Булак I на центральном Тянь-Шане (Худяков, Табальдиев, Солтобаев, 1997, с. 142, 145-146).

Распространение лепной керамики с примитивной росписью, встречающейся в долине Шерабдарья, связывается с притоком в этот регион тюркского этноса. Тюркским мастерам принадлежит видимо, и грубая лепная керамика кроющего слоя Калаи Кафирниган (Соловьев, 1997, с. 38).

Воздействие местной культуры на тюрков выразилось прежде всего в переходе части из них к земледелию, овладению строительной техникой.

Таким образом, даже лишь общее ознакомление с материалом, связанным с тюркским присутствием в Тохаристане, показывает, что дальнейшее изучение этой проблемы имеет перспективы в понимании не только этнокультурной истории Тохаристана, но и Центральной Азии в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллаев А. Работы Пянджского отряда в 1982 г. - Археологические работы в Таджикистане, вып. XXII, Душанбе, 1990.
2. Абу Рейхан Бируни. Индия. - Избранные произведения. т. 2. Т., 1963.
3. Альбаум А.И. Балахы тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Т., 1960.
4. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э. М., 1989.
5. Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии (VI-IX вв.). АКД. Т., 1995.
6. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26, М.-Л., 1952.
7. Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао. // Вестник древней истории, № 1, 1952.
8. Гонбов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию (644-704 гг.). Душанбе, 1989.
9. Духе Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3, Л., 1975.
10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
11. Жуков В.Д. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // Материальная культура Таджикистана. Вып. 3, Душанбе, 1978.
12. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
13. Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
14. Худяков Ю.С., Табальдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане. // Российская археология, № 3, 1997.
15. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.

ШАХНАМЕ, КАК ИСТОЧНИК К ПОЗНАНИЮ ДОИСЛАМСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАНА И ТУРАНА.

Г.А. Пугаченкова.

Археологическое изучение Ближнего Востока протекало с начала XIX в., а среднего Востока - в XX в. Оно принесло многочисленные открытия в области материальной и художественной культуры этих обширных регионов периодов древности и средневековья. Однако есть еще одна область, способная пополнить ее познание - литературные памятники, особенно произведения эпического характера. Среди них особое место принадлежит Шахнаме Фирдоуси, законченного им в XI в., поэтическая канва которого основана как на исторических сведениях, так преимущественно на материалах народного эпоса. В поэме есть конкретные сведения, касающиеся культуры отдаленных времен, начиная с эпохи эпических шахов и кончая временем утверждения ислама. Культура эта была отдалена от Фирдоуси веками, но многое еще при нем было доступно для познания, а многое сохранялось в современных поэту традициях.

В этом плане представляется плодотворным посмотреть Шахнаме с точки зрения содержащихся в поэме данных о материальной и художественной культуре иранского и среднеазиатского региона. Некоторые из них находят свое подтверждение в археологических открытиях, а некоторые вообще остаются единственными конкретными данными о том, что не дошло до нас даже в остатках. Разумеется, при привлечении этих данных, всегда следует учитывать роль в поэме художественного вымысла, поэтических образов и гипербола. При всем том Шахнаме позволяет извлечь определенную конкретность в отношении творческих явлений отдаленных эпох, упоминаемые попутно с сообщениями об исторических событиях, получить хотя и фрагментарные, притом прошедшие сквозь поэтический кристалл и преломленные в духе эпохи соиздания поэмы, сведения о некоторых

чертах древней и раннесредневековой культуры этого обширного региона.

Шахнаме начинается с истории мифических процарей - здесь в мифологизированной форме запечатлены представления о тех процессах становления древнейших цивилизаций ираноязычных народов, которые в наши дни наглядно предстают благодаря археологическим изысканиям на территории Ирана, Северного Афганистана, Средней Азии. Так, о Хуршенге сказано, что он "сначала к познанию направив труды, владыка железо извлек из руды" (1/28-29). Как известно "железный век" пришедший на смену "бронзовому", отмечает важнейший поворот в истории древних обществ. В ирано-среднеазиатском регионе начало железного века приходится на первую треть I тысячелетия до н.э. Но далее Фирдоуси смешает даты, приписывая Хуршенгу, согласно мифологической традиции, открытие добывания огня, которое в действительности много старше железного века, восходя к заре человечества. Но, он близок к истине, сближая железо и огонь, с которыми были связаны, согласно Шахнаме, кузнечное ремесло, изготовление топора и пилы, как важных орудий труда. Хуршенг также предстает, как инициатор сельскохозяйственного дела и связанного с ним создания оросительных систем (1/30). Он обучает также людей одомашниванию животных и искусству охоты - здесь процессы опять смешены, поскольку в действительности охота предшествует приручению животных. При всем том, Шахнаме дает на основе древних представлений в общем верную картину эволюции человеческой деятельности - от стадии охотников-собирателей к оседло-земледельческому хозяйству, освоению и разработке разных материалов и на этой основе возникновению ремесел.

Дело Хуршенга продолжает его сын и наследник Тахмурас. Он обучает людей одомашниванию кур и дрессировке

охотничьих соколов, выпасу скота и стрижке шерсти, изготовлению из нее нитей и тканью ковров (1/30-32). Далее очень важное сообщение об обучении людей дзэмами, взятых Тамурасом в плен, письму "на тридцати наречиях - фарси, пехлеви и согди, руми и тизи и китайскую речь, все в четкие знаки сумел он облечь" (1/33-34).

В развитие культуры, согласно Шахнаме, великий вклад внес Джемшид. "Он взялся сперва за военную снасть", изготовление доспехов - кольчуги, брони для воинов и коней, шлемов и щитов (1/35). Затем изготовление тканей - полотняных, шерстяных, шелковых (это - анокронизм, ибо шелкоткачество приходит из Китая в Среднюю Азию лишь в V в., а в Иран еще позднее). Тогда же люди научились изготовлению из них одежды. Добыча самоцветов, изготовление лекарств и возникновение архитектуры - все это приписывается мудрости и деятельности Джемшида. Любопытно, что так же, как письму, людей обучали архитектуре дэвы - духи тьмы, слуги Аримана:

*И дивам работу нашел он под стать:
Заставил их глину с водою мешать,
Лепить кирпичи одного образца,
И не было этой работе конца.
Из камня с известкой див стену воздвиг,
Мир зодчества тайну впервые постиг,
Воздвигнулись бани, громады дворцов,
Дома - человеку испытанный кров. (1/37)*

В последующих главах цари уже выступают не в столь обширно-собираетельных, но в более индивидуальных деяниях.

Уже первые цари владеют четырьмя главными атрибутами, как признаками царского достоинства:

*Достоин владеть я престолом, дворцом,
И палицей царской, и царским венцом. (1/30)*

Общей для спевявших друг друга шахов становится палица. Ее роль была той же, что скипетр у европейских правителей. Впервые она упомянута у Феридуна:

*И лучшие молотобойцы страны
Пришли к Феридуно, усердия полны.
Взял циркуль в могучие руки боец
И палицы той начертал образец:
Возникла на глади доски булава,
Корова венчает ее голова. (1/66)*

На приеме у Залы царь восседает на троне:

И вот богатырь на престоле резном,

*Венец, словно солнце горящий, на нем.
Он с палицей быкоголовой, литой,
Заплетая на нем и кушак золотой*

То же у Кей-Хосрова в описании его приема:

*Хосров восседает на троне в венце,
В уборе верховных царей, с булавой
Увенчанной тяжкою бычьей главой,
В венце излучающем свет жемчугов. (1/344)*

Быкголовая палица - атрибут Рустама, который с нею совершает ряд своих подвигов. С такой палицей герой представлен на многих миниатюрах XV-XVII вв. к Шахнаме.

Другой царственный атрибут - престол. В Шахнаме описан первый трон Каянидов:

*Вознесся в чертоге престол золотой,
Работы китайской он был, не проспой.
Искусной резьбой он радовал взор.
По золоту чистому хитрый узор,
Лучами алмазными, ладами цвел:
То был драгоценный каянский престол.*

Далее описаны царские троны Каянидов (1/74), Сиявуша (1/180). Кей-Хосрова (1/344). Во дворце Феридуна посол увидел троны на фигурах львов и слонов (1/128).

О троне Сиявуша сказано:

*Доставлен туда и престол золотой,
Украшенный алой китайской тафтой,
На буйволовых головах золотых
Стоящий, и много сокровищ иных.*

Здесь прямое указание на золоченый трон, установленный на скульптурных фигурах животных, игравших роль магических охранителей царя. Реальность таких тронов подтверждают памятники искусства. Так, трон Кушанов покоился на фигурах львов, о чем свидетельствует трон Васудевы (2), в скульптуре II в. из Махтуры, а также терракотовый медальон кушанского времени с тронной сценой из Халчаяна (3). В сасанидское время зооморфные основания нередки в изображениях на серебряных чашах правителя, восседающего на троне или полувозлежащего на пиршественной тахте. Здесь можно видеть пары львов, крылатых коней, крупных птиц с распахнутыми крыльями (4). Китайские хроники IV - начала VII вв. Бэйшу и Шэйшу в разделе о "Западном" (по отношению к самому Китаю) крае свидетельствуют, что владельцы определенных областей восседали на золоченых зооморфных престолах. А именно - владельцы областей Вохань (в Фергане), Хэ или Гуйшуннига (находившиеся к западу от

Самарканда в районе Катта-Кургана), Унаге (в Мервском оазисе), Босы - (в Иране) восседали на тронах, представлявших барана (возможно разных пород - домашнего или горного архара). Впрочем в Босы хроника Сейшу называет и престол, покоящийся на фигурах львов, каковым были также престолы Гуйцы (Куча), Сула (Кашгар). Владелец Цао (Кашмир) восседал на престоле с фигурами коня, а Ань (Бухара) - с крупными фигурами верблюда (5). Подтверждение последнему дали раскопки дворца Бухар-худдатов в Варахше в Бухарском оазисе, где в настенной живописи VII-VIII вв. сохранились остатки профильного изображения трона, основанного на крупной фигуре верблюда (6). Этот верблюд крылат - явное указание на то, что у таких зооморфных тронов имелись в виду не простые животные, но вероятно восходящие к древним тотемам и наделявшиеся сверхъестественными качествами. В этой связи большой интерес представляет, изваянная из бронзы нога верблюда, найденная в Самарканде, очевидно часть зооморфного трона (7). Среди находок в Иране есть нога грифона, также составлявшая часть царственного сиденья (8).

Во времена древних египетских царей трон передавался по наследству. Так престолом Феридуна последовательно владели Манучехр, Кей-Хосров, Лохрасп, Гоштасп, Джамасп. При этом

*Джамасп лишь увидел наследный престол,
Ключ знания к нему хитроумный нашел:
На нем весь порядок небесных светил
И строй и движения их отразил.
Так все от Кайвана до самой луны
По воле властителя воплощены.
И так до времен Искандера-царя
Владыки престол украшали, даря
На это и золото и серебро,
Словесную кость и другое добро.
А царь /Александр/ все сорвал и престол
разорил (II/479).*

Лишь много позднее Парвиз, собрав обломки, созвал мастеров, чтобы трон отреставрировать.

*Ирана искусники все собрались,
Престол Ардашира чинить принялись
Прислали умельцев и Чин и Мекран,
и Рум и Багдад, не один лишь Иран.
Всех тысяча двести сошлись мастеров
Престол восстанавливать каждый готов*

Работы были завершены через два года.

*Сто царских в нем рашей-так был он высок,
До семьдесят рашей имел поперек,
И рашей сто двадцать притом ширины -
Ведь больше была ширина высоты.*

*Все тридцать дней месяца, с каждой зарей
Покров на престол возлагали другой.
Сто сорок в нем тысяч витков золотых,
Узор бирюзовый на каждом из них.*

Далее следует описание драгоценных украшений престола. В течение года его обращали по странам света по четырем знакам Зодиака. Вверху были изображения месяца и созвездий, в которые в данное время "вступал" трон. Зимой вблизи калиты золотые шары, обогревая помещение. Было три престола. Меньший, украшенный овечьей головой именовался Мишсар, на нем восседал главный дишкан, второй престол Лавжард, украшенный лазуритом, был предназначен для главы воинства, а третий, оформленный бирюзой, служил престолом везира-дастура (VI, с. 480-481).

Согласно Шахнаме царские сиденья и трон покрывали (или в них была вмонтированы) драгоценные ткани. Вот некоторые описания:

*На ложе Хосрова - богатый покров,
Там образы ткани овец и волков.
Алмазы на поле горят золотом,
Искусный узор образуя притом,
Сиденье - под желтой блестящей парчой,
И цвета ладжарда оплот за спиной. (IV, 506)*

Изображение ткани на троне в живописи Варахши подтверждает украшение престола декоративной тканью с изображениями. Здесь характерны образы орлеподобных птиц с ожерельями из перлов (9).

Шахнаме дает картину торжественных царских приемов, свершавшихся со времен Феридуна вплоть до арабских времен:

*Когда повелитель об этом узнал,
Он свой шахиншахский престол приказал
Убрать драгоценной румийской парчей,
Украсит каянский венец золотой.
Воссел он на тот бирюзовый престол:
Ты скажешь, над тополем месяц вошел.
В венце его дивные камни цвели,
Как это пристало владыке земли.
Бок о бок с ним, взоры дивя красотой,
В венце восседал Менучехр молодой.
У трона - прославленных витязей ряд,
В одежде они златотканной стоял,
Все с копытами, все в поясах золотых,
Земля, словно солнце сияла от них. (I, 123-124).*

Здесь зримая картина строго разработанного придворного этикета, который сохранялся в ирано-среднеазиатской среде на протяжении веков. Это описание находит прямые аналогии в раннесредневековой

живописи Пенджикента (10), в иранских наскальных рельефах (11) и драгоценных пиришественных чашах так называемого сасанидского металла" (12).

Третий атрибут царской власти - корона. Она отличается у государей иногда самой формой, иногда деталями оформления. Типы и принадлежность их историческим правителям достаточно установлены нумизматами по монетам, на которых на лицевой стороне обычно представлен профильный бюст (реже фигура) царя, чье имя начертано здесь же или на обороте.

И, наконец, четвертый атрибут царской власти - дворец. Иногда он передавался по наследству, но большинство правителей предпочитали индивидуальное строительство нового дворца, как доказательство своего могущества. В случае военных завоеваний считалось неблагоприятным пребывание во дворце покоренного правителя и при закреплении новой власти строился новый дворец.

Археологами выявлены дворцы Ахеменидов в Персеполе и Сузах, парфянские дворцы в Нисе и Хатре, греко-бактрийский дворец в Ай-Ханум, кушанский в Халчяне, дворцы шахов Хорезма на городище Топрак-кала, сасанидские в Фирузабаде, Сарвистане и Ктесифоне. В большинстве они дошли в виде археологических руин, но те, что частично сохранили свои объемы, донны поражают величием и разнообразием своей архитектуры. Шахнаме упоминает о ряде древних дворцов, которые еще ждут своего археологического открытия. Вот, например, описание дворца Феридуна:

*Ответил посол: "Лучезарней весны
Дворец властелина великой страны.
Он весь несказанной блесит красотой;
В нем глина из амбры, кирпич золотой,
И раем отрадным глазам предстает
Чертог, неоглядный, как сам небосвод.
Вознесся он выше высоких хребтов,
Раскинулся шире просторных садов.
На купол я снизу взглянул, изумлен,
Сказал бы, со звездами шепчется он. (1/128)*

По своей гиперболизации сравнений - а это право поэтического изложения, тем более, когда речь идет об эпических временах, именно так воспринимались в давние времена роскошные резиденции древних правителей. И в наши дни поражают открытые археологами, давно опывшие и все же исполненные гордого величия руины дворца Топрак-кала в Хорезме. Впечатляющ дворец Хозроя Ангушривана в Ктесифоне, столь многое утративший за ходом веков, не сохранивший свой главный фасад с величавой аркой входа.

Интересен в Шахнаме рассказ о постройке Хосровом Парвизом дворца в Мадаине (VI/455). По его приказам были собраны искусные мастера из Рума, Чина, Индустана. Главный архитектор был румиец, т.е. зодчий из Византии. После возведения стен он замерил их веревкой и, опечатав, вручил ее на сохранение казначею. Затем он сообщил шаху, что следует выждать, пока стены дадут осадку и тогда продолжат работы, однако властитель в гневе велел строительство продолжить. Но мастер исчез из страны, а другие не решились это сделать. Лишь через семь лет зодчий появился и замерив стены веревкой показал, что "семь рашей уже не хватало в стене". Шах убедился в его правоте, одарил архитектора, и дворец был завершен. В его куполе была закреплена цепь и на ней над троном из слоновой кости была подвешена корона, снявшая над головою царя, когда он на нем восседал (VI/455 сл.).

Легенда ли это, или в ней есть элементы исторической правды? Любопытно, что аналогичный рассказ много позднее был связан с дворцом Амира Темура Ак-Сарай в Шахрисабзе. Здесь зодчий, якобы не вывел арку входного портала, хотя Амир Темура торопил с завершением дворца, но закрепив в пролете веревку с грузом, исчез и появился лишь через три года. К тому времени устои портала дали осадку, так что груз коснулся земли, зодчий показал это Амиру Тимуру, который убедившись в его правоте, наградил мастера. Последний вывел обширную 23-метровую арку - увы, все же не сохранившуюся до наших дней (13).

Среди деяний шахов особо подчеркивается создание ими укрепленных городов и районных стен. Последние не просто обозначали границы крупных владений. Они служили средством обороны земельных оазисов от наступления кочевников, являясь преградой для конных воинов, но также и препятствовали надвиганию песков. Остатки таких районных стен обследованы археологами в области Самарканда (в народе получавшей название Дивара-Киямат) (14), Бухары (Кампырак), Мерва ("Чим") (15) - термин, обозначающий возвышенную задернованную поверхность), Кеша-Шахрисабза (также называемый населением "Чим") (16) и ряд других.

Составители эпических сказаний, на которых основана Шахнаме, знали о древности таких районных стен. Постройка одной из них приписывается Искандеру - Александру Македонскому. Будто бы она была основана против обитавших на северо-востоке от Ирана обитателей степей яружей и маджуджей, наносивших немалое зло

районам оседлой цивилизации. Здесь уместна большая цитата:

*Владеющих знанием с собою привел
Доставить велел венценосный мудрец
(т.е. Александр)*

*Тяжелые молоты, медь и свинец,
И гдѣжа, и леса, и камня - всего,
Что нужно для замыслов смелых его.
И вот в изобилии все припасли
И помысли в должную ясность пришли.
Клич брошен повсюду, и с разных сторон
Все те, кто в работах таких искушен -
Кузнец, камнетес, что сноровкой богаты,
На помощь деянию такому спешат.
Собравшись, умельцы за дело взялись,
И скоро две мощных стены поднялись.
Сравнились с горою они вышиной
И в добрых сто рашей они толщиной.
Сложил в локоть железа; слой угля под ним,
Заложена медь над одним и другим,
И сера слоями меж ними лежит -
Ум царский нередко находкой дивит.
Вот так слой за слоем росли две стены;
И вскоре горе они стали равны. (V/70)*

Далее эти слои заливают нефтью, поджигают огонь и сплавляют железо с медью.

*Весь край Искандеровой славной стеной
Был так огражден от напасти лихой.*

Разумеется здесь налицо черты сказочного вымысла о якобы применении слоев из сплава железа и меди. В действительности материалы крепостных стен тех древних времен были традиционны: глина, а в горных районах камень. Но примечательно указание, что стена была двойной. Речь идет о внутренних казематах, проходах и камерах, соединенных наверху балочными или сводчатыми перекрытиями, на которых покоилась кладка верхней боевой дорожки.

Археологическое изучение упомянутых районных стен, проводившееся в Средней Азии, показало, что они выводились из битой глины-пахсы сплошным массивом, представляя высокий глинобитный вал. Между тем конструкции крепостных стен поселений и городов были значительно сложнее. Так уже во II тысячелетии до н.э. в поселении Сапаллитепе эпохи бронзы стены двойные с внутренними замкнутыми помещениями (17).

Исторически достоверны сведения Шахнаме о возведении Хосровом-ануширваном районной стены, отделявшей Иран от Турана (остатки ее следует искать на востоке Прикаспийских земель):

*Сказал он дастуру - "Из каждой земли
Цветущей, как Хинд или Рум, повели
Мужей отрядить с изощренным умом,*

*Искусных, испытанных в деле таком -
Здесь мощные стены из глубы речной
На десять арканов возвесть, вышиной
До звезд, с основанием широким под ней
Для стройки взяв известь, громады камней.
Коль стену подобную соорудим
К Ирану дорогу врагу преградим".
Мобед во главе им поставлен седой
И вот уже степь за надежной стеной.
Железные здесь врата возвели... (VI/53)*

В поэме фигурируют акты создания шахами и героями новых городов. Так основателем Балха назван мифический царь Лохраон, который согласно Шахнаме:

*По свету гонцов разослал властелин,
И в Хинд, и в румийскую землю, и в Чин...
И вскоре умельцы из каждой страны,
Которые в зодчестве изощрены,
К владыке Ирана явились на зов,
Вершит его замыслы каждый готов,
И к Балху затем вместе к ним поспешив,
Немало познаний и сил приложив,
Построили новый, блистательный град,
Со множеством улиц, базаров, палат.
И храмы огня засветили везде. (IV/9)*

Дальнейшие работы по благоустройству Балха продолжили ахеменидские шахы, используя при этом пленных рабов.

Археологическими исследованиями центрального ядра Балха - Бала-Хисара установлено, что нижние культурные слои восходят ко второй трети I тысячелетия до н.э., что при Ахеменидах его сложившийся к тому времени округлый контур обводят глинобитной стеной и рвом, упорядочение же фортификации осуществляется в античное время, от которого дошли местами остатки стен, фланкированных прямоугольными башнями. Усиление и перестройки стен неоднократно осуществлялись и позднее. Работы археологов, таким образом, подтвердили правильность сведений, почерпнутых Фирдоуси из каких-то ранних источников.

В Туране активным создателем городов был Сиявуш. Один из таких городов - Канг лежал за рекой (очевидно Амударьей), за пределами его области простиралась безбрежная пустыня (Кара-Кумы или Кызылкумы?). В наименовании Канг запечатлено название одного из крупных народов Центральной Азии - Кангой=Кангха, который во II в. до н.э. двинулся на юго-запад завоевая на пути обширные земли Согдианы и Хорезма.

По распоряжению Сиявуша, гласит предание, разросся укрепленный, с цитаделью город Канг, обведенный стенами с единственными в них вратами. Здесь

... увидишь ты град,
Где взоры чарует то замок, то сад,
Роскошные бани, журчание вод,
Украшены улицы, весел народ. (I/201)

Сиявшу распоряжился возвести вокруг
разросшейся заселенной части города вторую
стену-чрезвычайно прочную, где использовали
камень, извест, какой-то со временем
позабитый состав раствора. Вокруг
располагались сады и загородные дворцы.

Сиявшу строит в солнечном
Харрембехаре еще один город, запечатлевший
его имя - Сиявшуград:

Там град заложили, украсив страну,
В длину два фарсаха и два в ширину.
Высокий дворец в этом граде возник,
Сад полный прохлады и пестрый цветник.

Подобного града средь ведомых стран
Не знаешь, хоть Чин обойди, хоть Туран,
Там замки, дивящие разум и дух... (II/203)

В поэме неоднократно упоминаются
могучие крепости - отдельно стоявшие или
являвшие собой цитадели городов. Таковой,
особенно неприступной была в Туране
крепость Руин-дашт, которую взял приступом
Исфендиар:

Поднялся на холм и на крепость глядит,
Поистине трепет внушающий вид!
Вишь сорок фарсангов и три - высота,
Вся сплошь из железа она отлита,
Стена же такой ширины, что по ней
Верхом трое-б рядом промчалось мужей.

Сам видишь: огромна; ворота одни
В Иран, в Чин другие ведут искони. (IV/183-184)

Другую крепость в Туране,
располагавшуюся в горах, осаждал Исфендиар.
Здесь находился храм язычников, который он
уничтожил (IV/253).

При основании городов большая роль
придавалась строительству шахами дворцов и
храмов. Еще говоря о благоустройстве мира
Кей-Кавусом, Шахнаме дает описание целого
архитектурного ансамбля, созданного им на
склоне Эльбруса. Здесь были высечены в
скале две пещеры для коней и мулов, далее
следовал "чертог хрустальный, с зарей
слепивший глаза изумрудной игрой". Была
особая палата для трапез, обитель для некоего
мудреца, ее оружейные палаты, а за ними:

Престольный чертог золотой,
Что взор поражает своей высотой.
Он весь бирюзовым узором цветет,
Украшены лалами арки ворот,

Направо - покоя высокого сень... (I/437)

А вот описание города Бехештканг:

Сокровищам счета не знает твой град.
Четыре фарсага земли в ширину
Он занял и восемь фарсангов в длину.
А выси такой не видали и в снах,
Орла не приметилиш на древних стенах.
С них глянешь на 20 фарсангов кругом,
Коня различишь с меченосным врагом.
Там водоволь припасом, там царский дворец,
Богатство и власть и престола венец,
И ширь водоема...

Недаром зовется он именем "Рай".
Воистине райский приют возвели
Умелцы из Рума и Хиндской земли (I/423)

Город этот был атакован и взят царем
Турана Афрасиабом, который здесь "воссел
среди светлых хором".

В числе построек, возведение которых
вменялось в одну из заслуг мифических и
реальных правителей, были храмы огня -
аташгоха. Среди наиболее знаменитых храмов
исторические источники называют Атур
Фарабие, Атур Гушнасп, Атур Барзинг Михр
(18). Согласно поздним зороастрийским
комментариям первый был посвящен жрецам,
второй воинам и их предводителям, третий
земледельцам, причем согласно тем же
источникам первый находился в Балхе, а
третий в горах к северо-востоку от Нишапура.

Исследования, проведенные в Иране,
выявили следующую картину. Для
ахемнидского времени характерны платформы
с алтарями огня на них. Лишь со временем
после походов Александра, при Селевкидах,
Аршакидах, особенно Сасанидах возводятся
аташгохи-здания. Наиболее крупные и богатые
из них были уничтожены в эпоху ислама. Но
в Иране сохранились руины небольших
храмов огня в виде ч а р т а к а - квадратного
сооружения с угловыми устоями, открытого по
фасадам арками и перекрытого куполом.
Выведены они из камня или жженого
кирпича. В центре, очевидно, находился
алтарь, на котором поддерживался вечный
огонь (19). В областях Бактрии и Согдианы
пока обнаружены лишь немногие аташгохи.
Такое Пашмок-тепе в северной Бактрии, где
археологами исследована высокая земляная
платформа, служившая основанием для алтаря
огня, датируемая временем Ахеменидов (20).
Храм огня обнаружен в святилище Кушан в
Сурх-Котале (21). Еще один храм огня
исследован у Курган-тепе к западу от
Самарканды (22). Оба представляют замкнутое
квадратное помещение с алтарем в центре, в
обводе коридора.

Шахнаме характеризует храм, построенный Кей-Хосровом после взятия им в Туране крепости Бахман (по Якуту это цитадель Бахманшах близ Ардебилля) именно как чартак:

*В том граде просторном велел Кей-Хосров
Храм выстроить куполом до облаков,
С высокой аркой пред каждой стеной.
..... Священный огонь
Владыка возжег для благих мудрецов,
Седых звездочетов, почтенных жрецов,
Год целый еще оставался он там,
Когда же достойно украсили храм,
В дорогу собрать повелел он обоз. (II/351-352)*

Фирдоуси доносит сведения древних хроник о храмах огня - драгоценные указания археологам к поиску их возможного местоположения. Так, в сказании о Рустаме упомянут Навенд - "краса городов, где множество было дворцов и садов. Теперь он в прославленном городе том священное пламя хранится жрецом" (I/442). Храм этот был назван "огнем высокого Барзина" жреца при дворе Хосрова Парвиза.

Храмы огня были хранителями немалых богатств и последующее разрушение их арабами было вызвано не одной лишь борьбой преверженцев ислама с инакобожием, но возможностями немалого обогащения.

В Балхе - главном городе Бактрии-Тохаристана - с древних времен славился храм Наубехар. По Шахнаме Лохрасп

*двинулся в Балх к Навебехару, что был
Для тех, кто Иездана бессмертного чтит,
Святыню; в нынешние времена
Так Мекку арабские чтут племена. (IV/65)*

Огромный холм Наубехар поныне высится в Балхе. Однако, имеются ли там остатки храма огня, или как полагают огромный буддийский комплекс, упоминаемый Ат-Табари, пока не установлено - дело за древними археологическими исследованиями. Когда уже после Лохраспа, туда прибыл Гошнасп, здесь был будто бы выстроен храм:

*Царь выстроил храм над священным огнем,
Индийские жечь благоговения в нем,
Велит он, из золота пол настелить
И амброю те половицы скрепить.
Вознесишь тот храм красотою слепец
И храмом Гошнасповым назван он был.
(IV/112-113)*

После него Исфендиар распространяет зороастризм в разных странах, в том числе в Хинде, Руме, северных странах.

*В святилищах древних кумиров сожгли,
На месте их вечный огонь разожгли.
(IV/114)*

Гошнаспом зороастризм был также утвержден в Сиестане - в Забуге и Раташвос (?) были созданы храмы и в них зажжен вечный огонь (IV/123).

Чрезвычайно важно указание на храм огня в Бухаре, где Кей-Хосров:

*.....новой одеждой затем облачен,
В раздумьях о прошлом, главу преклоня,
Вступает с молитвой в храм вечный огня.
В том городе столпном возвел его встарь
Тур-сын Феридуна, прославленный царь.
И золотом, и серебром оделив,
Мобедов, алмазы в огонь опустив,
Хосров продолжает свой дальний поход.
(III/475)*

О храме огня в домусульманской Бухаре говорит в IX в. Наршахи. Храм этот именовался Мох, будучи как-то связан с божеством Луны, занимавшим немалое место в пантеоне авестийских богов (23). Предполагается, что он был расположен на месте мечети Макоги-Аттари. Остатки храма погребены где-то в нижних культурных слоях Бухары, которые местами достигают десяти метров.

Не менее существенно указание на храм в Пайкенде. В повествовании об Афрасиабе, сказано:

*Туранский, богатый познаниями царь
В том граде решил поселиться, что встарь
Воздвиг Феридун; храм священный Огня
Тот мудрый воздвиг, веру предков храня
И в дар Зенд Авесте богатства принес.
Тот град в пехлевийском названьем Кандоз,
По-новому ныне Пайкендом зовем. (III/358)*

Городище средневекового Пайкенда в Бухарском оазисе исследовалось археологами. Пока оно дало лишь средневековые слои - древний Пайкенд или погребен ими, или располагался поодаль и его открытие дело будущего¹.

В Шахнаме названы также два храма в Азербайджане - знаменитый храм Азергашаст и храм Бердаа. Их посетил Кей-Хосров, который затем побывал также в храме в Парсе. (III/478-479, 484, 489).

В заслугу большинства шахов ставилось покровительство зороастризму. Так об Ардашире сказано:

¹ Раскопками археологов в последние годы на городище Пайкенд получены материалы конца IV-II вв. до н.э. Прим. редакции.

*Повсюду он храмы огня возводил,
Мехранг и Седе в том краю возводил.
(V/123)*

Шахнаме повествует о том, как в Бахрам-Гуру пришли

*Чагана, Хутталя и Балха вожди,
Мобеды Герче, Бухары впереди -
Все с бажем явились, барсомы в руках
И благословенья у всех на устах
Огня почитательно.
Дань в меру сил
С тех пор всякий царь ежегодно платил.
(V/299)*

Подробно излагается посещение храма Азербайджанского почти тысячелетием позднее Хозроом Ануширваном:

*Вот стены святыни очам предстают,
По лику венчанного слезы текут,
Седло покидает, взяв в руки басман,
Землем сотворил и направился в храм.
Главу пред связанным огнем преклонил,
Молитвою долгой творца восхвалял,
И золота, и драгоценных камней
В том храме сполна получил казначей.
Немало мобедам раздал золотых
И жемчугом шитых одежд дорогих.
Тогда в богачей превратились они,
С молитвой огня поклонились они. (VII/143-144).*

В ранних частях Шахнаме упомянуты древние погребальные постройки. Таков был мавзолей Феридуна, возведенный Манучехром. Описывается обряд, когда мертвого царя посадили на трон, над его головой был подвешен династический венец, а затем, согласно древнему закону, "закрыли гробницу, где царь был сокрыт" (II/151). Это обряд, предшествующий зороастризму, видимо частично существовавший еще при первом из Ахеменидов - Кире, похороненном в Масагардах в мавзолее. Однако зороастрийский обряд предусматривает выставление трупа усопшего вдали от населенных пунктов на дахме, где его расклеивали птицы и объедали специальные собаки-группы. Через год ошнские кости собирали и помещали в специальных хранилищах - наусах, семейных или общественных. Для царских останков были особые наусы - таковыми, видимо, являются высеченные в скале Бисутуна хранилища останков Дария и других ахеменидских царей.

В областях Турана костные останки представителей верхних общественных слоев помещали в глиняные урны - оссуарии, которые ставили в наусах. Оссуарии получены в большом числе в Согде, Хорезме, северо-

туркестанских областях. Для широких слоев населения использовали для сохранения костей крупные сосуды-хумы, наполнявшиеся до краев по мере их поступления.

Шахнаме дает представление о древних обрядах похорон царей и героев. Они радикально отличались от привычных для Фирдоуси использовавшихся в мусульманской среде и видимо были ему известны по историческим источникам. Так, об умершем Сохрабе сказано:

*С поляны в гробу исполнн унесен,
В шатре у Рустама покоится он,
А ставку погибшего в битве вождя
Сожили, вековые обряды храня.
Предали огню и седло и шатер,
И трон, и доспехи, слепившие взор. (II/87)*

Дома Сохраба оплакивает мать, после чего

*Затем с возвышения низринули трон.
Окрасили в черное своды дворца,
Разрушили арки и своды дворца,
Цветник разорили, где сын пировал. (II/95)*

Для сохранения трупа погибшего царя или втиязя использовали частичное мунифицирование. Так, поступил Гив с телом убитого Бехрама:

*Его хоронили, он как будто царя,
Мозг амброй и мускусом он уберег,
От тленья, китайской тафтой облек,
На троне из кости слоновой боеи,
Над бледным челом - драгоценный венец,
Базирцем покрытая дверь заперта,
И нет уж Бахрама - исчез, как мечта.
Оплакала рать окружавшая склеп
Воителя славного, жертву судеб. (II/458)*

Вместе с тем, когда Исфандиар находит тело убитого брата Фермидверда,

*Он мыслит: "Что в этом безлюдье найду,
Какую гробницу тебе возведу?
Не даст ничего мне наяга гора -
Ни злата, ни жемчуга, ни серебра,
Ни каменница не найдешь, ни воды...
Он брата от панцыря освободил,
Зарыл его в землю. (IV/143-144)*

Позднее, после смерти самого Исфандиара, его тело подготавливают увезти для захоронения так:

*И вот уже гроб из железа готов,
Тончайший для савана взят из шелков;
Железо внутри покрывает смола,
Что смешана с амброй душистой была.
Над гробом не меркнут рыдания и стон.*

*В покров златотканый герой облачен,
Покоится доблестный в саване том,
Венец бирюзовый блестит над челом.
Вот наглухо гроб заколочен... (IV/300)*

После смерти Рустама и Заваре, упавших в предательски устроенную им на пути врагами волчью яму, Ферамарз достает их тела, с которых сняли одежду, воскурив благовония, зашили раны шелком, омыли тела камфарой, окропили водой, покрыли парчевым покрывалом, надели саваны, уложили в гробы и на деревянных носилках на протяжении десяти дней и ночей несли на руках в Зебул. Там

*Гробницу в цветущем саду возвели,
Два трона поставили в ней золотых*

Далее шли обряды оплакивания, после чего

*Гробницу замкнув разлучились потом
С великим и доблестным богатырем,
У самого входа коня погребли. (IV/324-326)*

Этот древний обычай погребения коня рядом с владельцем имел древнюю традицию у скифских и тюркских народностей - в основном кочевых и воинственных, что подтверждено многочисленными археологическими раскопками.

Древнеиранский погребальный обряд запечатлен в Шахнаме в рассказе о похоронах Дария, организованных Александром:

*Гробницу для брата воздвиг своего,
В согласьи с обрядами веры его,
.....
Воздвигли престол в усыпальнице той,
Над ним водрузили венки золотой.
И вот уже Дарий в золоченном гробу*

*.....
Вот подняли гроб и в печали несут,
И в руки из рук его передают.
И вот усыпальница уж перед ним.
По воле его на престол водружен
Гроб шахский, как требовал древний закон.
(IV/395-396)*

Согласно Шахнаме по смерти самого Александра для него был сделан золотой гроб, просмоленный с добавкой амбры. Завернув тело в саван из чачской парчи (Чач - область современного Ташкента), гроб закрыли и повезли в Бабул, где тело омыли мускусом и розовой водой. Здесь его "епископ, молитву творя, кафуrom осыпал", после чего гроб закрыли и отвезли в Искандерию-Александрию. (V/84-85).

Об убитом Издигерде аналогичный рассказ:

*Вот грудь рассекают владыке тому,
И чрево и мозг наполняют ему
Кафуrom и мускусом руки врача,
И накрепко тело стянула парча.
.... На сажже точеном во гробе златом
Направился в Парсу владывший венцом.
(V/215)*

На склоне лет, в предчувствии приближающегося конца Хосров Ануширван направляет большое наставление своему сыну Хормазду, о том, как ему следует управлять государством. Здесь есть и расписание, касающееся возведения для него (Ануширвана) мавзолея и детальное описание траурного церемониала.

*Как время придет мне из мира уйти,
Высокий чертог надлежит возвести
В глуши неприступной, где ястреб и тот
Стремительных крыл развернуть не дерзнет.*

*И дверь, уходящая в небо главой,
Чтоб в десять арканов была вишиной
Там должно слова про меня начертать,
Про двор мой, величие, богатство и рать.
Внесите богатый ковер за ковром,
Шедрей благовонья рассыпьте кругом.
Все тело покрыв камфарой, под конец
Из мускуса мне сотворите венец.
Парчи златотканой нетронутых пять
Одежд из сокровищниц должно достать.
В них с ног до главы оберните меня
По чини владык облачите меня.
Из кости слоновой престол водрузив,
Венец над престолом потом укрепив,
Сосудов расставьте ряды золотых
Тазов и жаровень, и чаши дорогих.
Иные с голябом, шафраном, вином,
В других камфара, амбра, мускус притом.
По левую руку стоять двадцати,
По правую двести их должно внести.
Не ставьте ни больше, ни меньше сего,
Веления не преступив моего.
От крови утробу сперва осушив,
И мускусом, и камфарой умятив,
Закроете наглухо двери дворца.
Никто да не узрит царя лица.
Дворец лишь такой, не иной мне под стать,
Дорогу куда никому не сыскать. (VI/236-237).*

Хозрой Ануширван скончался год спустя. Действительно ли был по его воле построен в указанном месте парадный мавзолей? Быть может будущие исследования и найдут его следы где-то в далеких горах.

Вместе с тем Хозрой не посмел бы нарушить предписания зороастризма о сохранении лишь костей покойного. Вероятно для шахов сооружался индивидуальный,

дворцу подобный, богато обставленный наус, где хранились его костные останки.

Помимо ценных данных о древней архитектуре в Шахнаме приводятся сведения о живописи, украшавшей дворцы. Хотя автор поэмы жил и творил в эпоху полного закрепления ислама, он мог видеть еще сохранившуюся древнюю настенную живопись доаравских времен. Но еще и при нем она практиковалась - остатки такой живописи XI в. сохранились в Хульбуке (на юге Таджикистана) (24), в газневидском дворце в Лашкери-Базаре (Афганистан) (25).

В древние времена живопись украшала стены дворцов и богатых домов. Так, Мехрб говорит жене:

*Из доблестных витязей в целом краю
Никто не ослил бы Залы в бою.
На росписях стен ты искала бы зря
Подобного всадника - богатыря. (II/179)*

В сказании о городе Сиявуша - Сиявушгарде читаем:

*И роспись везде на стене галерей:
Сраженья, охоты, забавы царей.
Там шахов иранских престол золотой,
Кавус на престоле в венце, с булавой,
И подле престола Рустам - великан.
И Заль, и Гудерз - весь воинственный стан.
Там царь Афрасиаб с грозной ратью своей,
(II/209)*

В описании замка Гоштаспа сказано:

*И стены, сияньем слепившие взор,
Хитро изукрашил алмазный узор.
Царей живописец там изобразил:
Вот гордый Джамиш - почитатель светил,
А вот Феридун, повелитель благой,
Вздымающий палицу с бычьей главой.
Царь многих прославленных древних вождей
Велел воплотить к вящей славе своей.
(VI/68)*

О городе Бабуле времен Искандера сказано:

*В том граде дворца ни единого нет,
Чтоб костью словую не был одет.
На росписях краски лишь солнцу под стать;
Сражается там Афрасиабова рать,
И сам Кей-Хосров, тот воинственный царь,
Разумно и доблестно правивший встарь,
Рукою искусною изображен. (V/80)*

В III в. н.э. на Среднем Востоке появляется прославленный Мани - основатель секты манихеев и выдающийся художник. В Шахнаме сказано о нем:

Пришел красноречьем отмеченный муж

*Из чина. Он был живописец к тому ж,
Которому не было равных. В те дни
Уж славился всюду. Он звался Мани. (VI/191)*

Как известно, ислам ставил запрет на изобразительное искусство. В комментариях к Корану есть такое: - "Несчастье тому, кто будет изображать живое существо! В день последнего суда лица, которых художник представил, сойдут с картины и придут к нему с требованием дать им душу. Тогда этот человек, не могущий дать своим созданиям душу, будет сожжен в вечном пламени". Тем не менее в эпоху ислама запрет этот был обойден, например, в книжной миниатюре. Известно, что во дворцах Амира Темура была настенная живопись с изображениями его в походах и на пиру, членов его семьи, придворных и воинов.

В доаравские времена изобразительное искусство имело самое широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке. Таковы в Иране наскальные рельефы от времени Ахеменидов до Сасанидов, прославляющие могущество и победы шахов. Живопись в богатом составе представлена в Туране - во дворце II-III вв. Топрак-кала в Хорезме (26), но особенно в постройках от V до VIII вв. в Согде - каковы богатые жилые дома и храмы Пенджикента (27), дворцы Варахши и Самарканда (28), богатая усадьба в Тохаристане (Балалык-тепа) (29), во дворце Кала-Кахха в Уструшане (30). Живопись эта поражает многообразием сюжетов, великолепной техникой письма и владением изобразительными средствами. Как и в Шахнаме здесь переданы сюжеты древней истории, прошедшей через фильтр эпического творчества. Характерно, например, что роспись усадьбы Балалык-тепа в северном Тохаристане со сценой придворного пиришества, расшифровывается одним из сюжетов Шахнаме, повествующем о сватовстве трех сыновей шахиншаха к дочерям йемского правителя Серва (31). В росписях Пенджикента есть выразительная сцена оплакивания Сиявуша (32). В росписях других названных выше зданий предстают также или эпические или же исторические сюжеты - например, сцены прибытия послов и свадебного каравана в украшении главного зата дворца самаркандского царя Вархумана.

Таким образом, сведения Шахнаме о роли живописи в украшении дворцов правителей, благодаря археологическим открытиям, находят себе подтверждение в многочисленных памятниках, притом не только дворцов правителей, но и резиденций высших слоев общества.

Очень любопытны в Шахнаме сведения об изобразительных мотивах на стягах богатырей - в большинстве это изображения

животных. Очевидна их связь с какими-то очень древними племенными тотемами. Но иногда это также космогонические знаки. При этом играет роль также цвет ткани - различный на разных стягах. (II/53 сл., 379, III/286, 376-377, IV/80, 152).

Так стяг Рустама был темнолиловый, у Афрасиаба - черный. У Кавуса

*Стяг желтого шелка, диск солнечный - герб,
На древке блестит полумесяца серп.*

На знамени Туса изображен слон, у Гутерза "Лиловое знамя со львом", у богатыря из Чина (т.е. Китая).

*На стяге дракон, извергающий дым,
А древко увенчано львом золотым*

У Гива - сына Гутерза

*На знамени волк, золотою главой
До неба вознесся тот стяг боевой.*

У Готарза - сына Гива

*Стяг с вепрем лесным вознесен над шатром
И месяц на древке блестит серебром.*

Далее мы узнаем, что у Фербарза "стяг, солнцем украшенный", у Гударза "Стяг с образом льва", у Шейдума - "На стяге его лев ярий", у Гива "Знамя черно, отмечено образом волка оно", у Бахмана - барс, у Гостехеша на стяге луна, у Хомаха "Тигр, украшающий стяг боевой, Могучую лапу вознес, как живой", "у Ферхада на стяге серна, У Зенге - птица Хомай, у Фермарза и Рустама - семиглавый дракон, стяг Афрасиаба - желто-багряно-лиловый. Цвет этих стягов, как уже сказано, варьировал.

*Ограда вокруг из знамен боевых -
Лиловых и огненных и голубых. (III/342)*

В Шахнаме нередко упоминаются изделия художественных ремесел - ткани, сосуды, предметы из дерева, металла, кости, из драгоценных камней. Разумеется составить суждение об их формах и украшениях затруднительно, но кое-какие реальные сведения о них все же есть. Так, например, говорится о редкостной ткани, которую выполнял в течение семи лет мастер из Чина - Китая для Хосрова Парвеза, которая украсила его трон:

*Покров златотканый на троне лежит.
В нем раией с семью пятьдесят. Перевит
Жемчужными нитями, сплошь золотой,
К тому же обшит по краям бахромой.
Небесных светил с отражением там -*

*Диск Солнца, Хормоз, и Кайван и Бахрам,
И Тир, и Назид, и движение Луны
Все сплошь для властителя воплощены.
Семь также земных там показано стран;
Из Рума вожди, из державы дихкан...
Видны еще сорок и восемь царей.
И каждый на троне, в короне своей.
Короны из нитей свиты золотых.
На свете одежд не видали таких. (VI/481)*

При всех поэтически-сказовых преувеличениях, создание подобной ткани с изобразительными мотивами, притом специально для шахского трона, вполне вероятно. Сошлемся на изображение тканей в одеждах персонажей живописи Афрасиабского дворца и Балапык-тепе, здесь есть головы мужчин, изображения крылатых коней, архаров с лентами на шее, птиц, стилизованных растений (29).

Характерны в поэме перечни дарственных предметов, поступавших к шахам, или, наоборот, подносившихся ими. Несомненно, что перечни эти фиксируют определенный состав даров - рабов, коней, изделий прикладного искусства, в его лучших образцах, драгоценностей.

Вот, к примеру, перечень даров, врученных Рустему Кей-Кавусом:

*Престол бирюзовый, пленяющий взор,
Алмазный венец, ослепляющий взор.
Одежду из золототканной парчи,
Алмазы, в которых дробятся лучи,
Сто юных рабов в поясах золотых,
Сто дев златокудрых в венцах золотых,
В цветных чепраках сто коней вороных,
Сто мулов отмеченных в уздах золотых,
Груженных лишь царственной тканью одной
Румийской, китайской, персидской парчей,
Набитых динарами сто кошельков,
И красок немало, и лучших духов,
Из ххонта чашу, где мускус дышал,
С настоем из роз бирюзовый фиал. (I/408-409)*

Вот дары Сохраба:

*Великое множество мулов, коней,
Динаров, престольных уборов, камней.
Доспехов, какие нужны для бойца. (II/10)*

А вот дары Афрасиаба:

*Десятки коней, мулов с разным добром,
Престол бирюзовый с подножьем резным
Сверкающей кости слоновой, и с ним
Горящий рубинами царский венец. (II/20-21)*

Среди даров Искандеру от "фагфура Чина" - китайского императора названы трон слоновой кости, пятьдесят венцов,

украшенных самоцветами, тысяча верблюдов, серебряные и золотые изделия, амбра, кафер и алой, меха, шелка с изюмом каймой, соболь, куница, песец, горностай, мускус.

В числе даров Йездегерда Бахраму - арабские скакуны, йеменские сокровища, ткани, клинки, динары, ковры, рабы, парча, благовоения (V/209). А когда Бахрам сватает дочерей Борзина, он шлет дары - десять верблюдов, в драгоценных пополах, парчевые шатры, слона и на нем престол, гулямов, которые

..... при мечах,

На седлах богатых, в златых поясах,

Сто мулов для царских певцов, игроков, а также сокольников со 160-ю соколами, гепард на золотых цепях и т.д. (V/283).

Поэма содержит подробное описание свадебного эскорта с богатыми дарами при направлении дочери хахана в гарем Ануширвана (VI/137-138). То же, когда Нейсар посылает дочь в гарем Хосрова Парвеза (VI/388). Дары, направлявшиеся в качестве приданного царских невест, отличались чрезвычайным богатством. Таково описание приданного Ференгис -

Из Китая парча,

на тысячу мантий; и множество блюд,
С которых саффиры сияние льют,
Иранских подносов, ковшей дорогих
На спинах верблюжих - сосудов драгоцен;
Два дивных венца, ослепляющих взор,
Цепь, серги подвески - весь царский убор;
Ковры расписные - выюков шестьдесят,
Три царских одежды, что дивно блестят
Узорами лалов на поле златом...
Нет счета дарам, как посмотришь кругом!
Престол и скамьи золотые с боков,
Три пары алмазно-златых бацмаков.
Две сотни нарядных рабынь - у любой
Две чаши, в них мускус и лучший алой;
И триста рабов - все в шеломах они,
Взяв чаши с шафраном и амброй, пошли.
(II/196)

Блестящее художественное произведение и вместе с тем документальную картину такого сватовства являет роспись в главном зале Афрасиабского дворца. Здесь представлен караван невесты, которую везут в гарем самаркандского правителя. Она и две сопровождающих ее знатных женщины - на конях, за ними два знатных мужчины на верблюдах, а затем пешие слуги с повязками на губах, дабы не осквернять кавалькаду своим дыханьем. Они ведут дарственных коней, один из которых под роскошным вышитым чепраком, а сверху целый табун лошадей, крупные птицы (дрофы ?).

В перечне богатств туранского хахана, на которого замыслил поход иранский шах, сказано:

Покуда с Ирана не смоет позор,
Мы знамя хахана, венец вырезной,
Щиты золотые и трон костяной,
Убранство слонов и венцы вожаков,
И серги, и золото их кушаков,
И те колокольцы, что дух веселят,
Трезвонят - таких не видала земля -
И царский из перьев павлиньих навес,
Где камни бесценные - чудо чудес -
И много захватим добычи другой. (II/531)

В описаниях даров из состава военной добычи Фирдоуси перечисляет те изделия прикладного искусства, которые особенно ценятся, причем даже не столько за их материальную, сколько за художественную ценность. Так, в богатом дарственном караване Заля названы индийские мечи с золотой резьбой, одеяния "ласкающие взгляд", ковры, драгоценные камни, что "как солнце горят".

Румийских рабов и на каждом убор,
где поле златое, алмазный узор,
Сафировых чаш и тяжелых, литых
Сосудов серебряных и золотых... (II/169-170)

Доспехов для битв и удалых забав,
И копий, и луков, и стрел, и булав,
А также венец и печать-сердолик,
Престол бирюзовый и пояс владык. (I/247)

В описании чертога Рудабе, убранного к приезду Залы, упомянут широкий ковер, где

Рубины-цветы, изумруды - листва,
В другом было поле из жемчуга сплошь -
За капли воды эти перлы сочтешь (I/247)

Среди даров Залы Кей-Кобад - пять слонов, несущих голубые паланкины, узорная ткань, драгоценный ларец, "вся в булате одежда - владычества знак, И в лалах венец, и в сафирах кушак" (I/347).

Позднее шах одаривает Сиявуша:

Здесь перстень, и шлем, и престол, и печать,
Арабские кони, оружие, броня,
Седло боевое щитки для коня,
Динары, дирхемы в сумках расписных,
Алмазы, парча, и немало иных
Сокровищ заветных: все кроме венца (I/347)

Между тем через семь лет

..... несут, наконец,
Из золота цепь, и кушак, и венец.

*На шелке указа блестят письма,
Так в мире велось у владык издавна.
Сын в дар Курдистан получил от отца
Так звали обширный тот край искин,
Но Мавераннахром зовут в наши дни.*

В перечне даров, которые Афрасиаб отправил Сиявушу, кони, индийские мечи в золотых ножнах, жемчужный венец, рабы и рабыни.

Такие же дары были отправлены Рустему. А когда Афрасиаб вручал царство Сиявушу

*Готовит владыка для князя дары -
Немало коней и овечьих отар,
Кольчуг и шеломов, горлицх, как жар,
Алмазов, булав и одежд дорожих,
И земли ему до Чин-моря даны
Где грады богатые возведены. (III/197)*

Позднее Рустам, разорив Туран, возвращается в Иран и везет шаху табуны туранских коней, десять тысяч рабов и рабыни, мускус, прославленную пушнину - соболей, песцов, горностаев, благовония, золото, цветные одежды, узорные ковры, оружие, престолы, венцы (II/296). Среди ответных даров Кей-Хосрова Рустаму - трон, слоны, верблюды, дорогая сбруя, парча, одеяла, ковры, перстни, корона (III/167). Позднее в перечне даров вновь названы алмазы, одежды из парчи, трон слоновой кости, корона, ковры, шелка, динары, рабы и рабыни. Со временем Хосров одаряет Гугарза венцом, конями, и золотом. Тот же перечень даров Хосрова (II/64, 109, 252, 474-475).

В Шахнаме неоднократно предстает описание шахских приемов, свершавшихся по определенному церемониалу. Вот, к примеру, такой прием Феридуна:

*Когда повелитель об этом узнал,
Он свой шахиншахский престол приказал
Убрать драгоценней румийской парной,
Украсть келянский венец золотой.
Воссел он на тот бирюзовый престол.
Ты скажешь - над тополем месяц взошел.
В венец его дивные камни цвели,
Как это пристало владыке земли.
Бок о бок с ним, взоры дивя красотой,
В венец восседал Менучехр молодой,
У трона - прославленных витязей ряд,
В одеждах они златотканнхы стоят.
Все с копыями, все в поясах золотых;
Земля словно солнце пылает от них. (II/123-124)*

Здесь зримая картина строго разработанного придворного этикета, который сохранялся в ирано-среднеазиатской среде на протяжении веков. Он отображен в согдийской живописи и на драгоценных

сосудах так называемого "сасанидского металла".

Неоднократно описываются пиршества, устроенные для шахов или героев. Вот, к примеру, пир у Кей-Хосрова:

*Запелась чашам пора подошла,
С владыкою гости сидят у стола.
Певцы-повелители струн золотых
Поют им, порхает ряд дев молодых.
Стоит молодых виночерпиев ряд. (II/159 сл.)*

Изображения таких пиршеств были широко распространены в более поздние времена в иранской и среднеазиатской миниатюре. Но им предшествуют пиришественные сюжеты в домусульманской живописи. Таковы росписи Баталык-тепе и Пенджикента, где показаны пирующие, чинно сидящие с чашами в руках, изображены музыканты с инструментами в руках, танцовщицы, кравчие с графинами. Музыка услаждала слух и в интимных сценах приема героя красивой. Таково описание приема Бижана у дочери Афрасиаба Мениже:

*И слышится рокот певучей струны,
В руках у прелестных невольниц поют
И сладостный чанг и чарующий руд.
Что барсова шкура - в динарах ковер.
Что перья павлина - на тканях узор.
Алмазов и лалов мерцают лучи;
Дыхание амбры, сверканье парчи. (II/125)*

Шахнаме дает представление об идеале красоты, сложившемся на ирано-среднеазиатской почве, который неоднократно повторялся и в поэзии последующих веков. У мужчин это физическая стать и прекрасные черты лица, у женщин - изящество, свежесть, сравнение с цветком или Луной, красивые одеяния, украшения. Вот образцы:

Про Залю служанке Рудабе докладывают своей госпоже:

*Он ростом высок, и красив, как цветок,
И тонок в охвате, и грудью широк,
Два ока - нарица вселяют любовь;
Уста - что кораллы и щеки - что кровь.
И львиная мощь, и величие в нем есть...
(I/189)*

А вот Мениже увидела Божана:

*Увидела юношу-богатыря,
Ночь - кудри его, лик - Йемена луна,
Лилейность фиалками оттенена. (II/122)*

Особенно часто восхваляется красота героинь поэмы:

Невиданной прелестью дева цвела,

Ее красота безупречна была;
Стройней кипариса, прекрасней луны -
Красавицей витязи ослеплены. (II/99)

Чьи кудри как мускус, лицо - как луна!
(IV/35)

А вот еще: о "тюльпановидной" жене
шаха:

Ресницы, сказал бы, Кабула клинки,
Две пряди - бабульских писем завитки,
Искусно кольцо перевито с кольцом
Над ясным, пленяющим взоры лицом. (VI/166)

То же о дочери шаха, которая

.....ты сказал бы равна
Луне, если б кудри имела луна,
Черты - письменам клинописца под стать,
Кораллам - смеяться, нарциссам - смущать.

Идеал красоты, сформулированный в Шахнаме определенно с далеких времен в ирано-туранской среде, сохранившись на этих землях в поэзии и в изобразительном искусстве на много веков.

В данной статье далеко не исчерпана информационная сторона Шахнаме. Разумеется, главное в поэме ее эпическая манера и поэтическое совершенство. Но и те познавательные данные, которые в ней содержатся, также имеют непреходящую ценность, запечатлев черты культуры Ирана и Турана давно ушедших веков.

И дальше:

И деву в покой царедворец отвел.
Из кости слоновой поставлен престол;
Увенчана дева короной резной,
Украшенной жемчугом и бирюзой;
В парчу, где горит золотое шитье,
В топазы и лалы убрали ее. (II/101)

О Ферангис сказано:

Красавицу пышно Гульчехра убрала,
Венец состязался с сияньем чела,
Свежа, как весны благовоной рассвет,
Парчей, самоцветом и златом монет
Блистая, и взору отраду даря,
Явилась невеста пред взоры царя. (II/190)

Особо выделена красота женщин Турана:

Туранские девы, как тополь стройны,
Их кудри, что мускус - душисты, черны,
Их лиц под фатою нежна красота
И розою алою пахнут уста. (III/121)

Одно из наиболее ходовых сравнений лица красавицы - округлого, как луна:

Моя сереброкудрая - слышит она -

ЛИТЕРАТУРА

1. По мере цитирования отрывков из Шахнаме при них даны в квадратных скобках ссылки на соответствующие тома и страницы изданий Фирдоуси. Шахнаме, тт. I-VI, Пер. В.В.Бану и В.Г.Борзнева. М., 1957-1989.
2. Vogt J. J. La sculpture de Mathura. Ars Asiatique, t. XV, p. 1-11.
3. Пугаченкова Г.А. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаая. Вестник древней истории, 1962, № 2, с. 88-95.
4. Ghirshman R. Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1942, pl. 242, 244, 246, 255; Grabar O. Sasanian silver. University of Michigan, 1961, pl. 12, 14-16; Harper P. Silver Vessels of the Sasanian Period. New-Jersey, 1981, pl. 15, 24.
5. Бичуриин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., с. 261, 275, 282, 284, 285, 287.
6. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963. С. 159, табл. XV.
7. Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши. (К вопросу о природе согдийского искусства). В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1972.
8. Chirchman R. Iran. Parthes et Sasanides, pl. 255.
9. Шишкин В.А. Варахша, табл. XV.
10. Belenitskii, Marshak B.I. Azarpay G. Sogdian Painting. The pictorial Painting of Oriental Art, Berclay - Los Angeles - London, 1981, pl. 12, 13, 29-36.
11. Цит. соч. fig. 25.
12. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1900, табл.
13. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Тимуре и тимуридах. Труды САГУ, т.XLIX, кн. 6. Ташкент, 1963, с. 45.
14. Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, с. 160.
15. Вязигин С.А. Стена Антиоха Сотера древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1948, с. 260 сл.
16. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисабз, с. 29.
17. Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент, 1972. с. 15 сл., рис. 4-6.
18. Шахнаме. Т. IV, прим. к разделу 405-406.
19. Athar-e Iran l'annales de Service archeologique a l'Iran, t. VI, fasc. 1, Paris, 1936.
20. Пидваев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. Древняя Бактрия. А., 1974, с. 37-38.
21. Le temple de Surch Krtal en Bactriane, Journal Asiatique, t. III, fasc. 1. Paris, 1933.
22. Пугаченкова Г.А. Древности Мнганкая. Ташкент, 1989, с. 83 сл.

23. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Н.С.Лыкошина. Ташкент, 1897, с. 36.
24. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985, с. 282-283.
25. D.Schlumberger. Lashkari Bazar - Une residence royale G vide et Gouride - Paris, 1978, t. XXV, ill. 121-124.
26. Рапопорт Ю., Неразик Е.Е. Топрак-кала. Дворец. М., 1984, рис. 27, 34, 43, 47, табл. I-IV, 73, 77, 81, 82.
27. См. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
28. Шишкин В.А. Варахша. Альбаум А.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
29. Альбаум А.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
30. Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Открытие Уструшаны. Наука и человечество, 1975. М., 1977, с. 51-71.
31. Путаченкова Г.А., Ремпель А.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века. 1955, с. 138.
32. Дьяконов М.М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XI, 1951; Живопись древнего Пенджикента. С. 33-35, табл. XIX-XXIII.

КОРХОНА - ЎРТА ОСИЁДАГИ ҚАДИМИЙ НАСРОНИЙЛАР ЧЕРКОВ - МОНАСТИРИ.

А.А. Раимқулов

Тошкент вилоят Охангарон тумани тоғли Норбексой водийсида, Норбексойга Қизотасойнинг қуйилишидан 6 км юқорида. Қизотасойдан 200 м чамаси тепада диаметри 50 м атрофида бўлган тепалик мавжуд. Бу тепаликнинг ичида сунъий равишда қавланган горлар тизими бўлиб у ерли маҳаллий аҳоли томонидан «Қорхона» номи билан юритилади. (Массон, 1953, с. 100-103) (1-расм).

Норбексой водийсида Қорхонадан ташқари яна бир нечта археологик ёдгорликлар ҳам мавжуд. Қорхонадан 160-200 м чамаси жанубда Холбойтепа номли тепалик илк ўрта асрларда фаолият юргизган қаср - қўшқнинг харобалари бўлса, 0,5 км жанубий гарбада жойлашган Мўминтепа қандайдир саройнинг қолдиқлари деб тахмин қилинади. 300 м жанубий - шарқда 1,5 га майдонни эгаллаган қадимги қабристон ва ундан 1 км жанубда VIII асрларга оид қишлоқнинг харобалари бор. Ушбу ёдгорликларга эга бўлган Норбексой водийси ўрта асрларда Мовароуннахрнинг йирик вилоятларидан бири-Илокнинг марказий шаҳри Тункетдан 6 км чамаси жанубда жойлашган (Шаповалова и др., 1994, илл. 3).

Бу ерда 30-йилларда М.Е.Массон томонидан кузатишлар олиб борилган ва Қорхонанинг планлари қозғога туширилган (Массон, 1953, с. 100-103). М.Е.Массоннинг маълумотида Горлар мажмуаси қавланган тепалик археологик ёдгорлик бўлиб ундаги маданий қатламларнинг қалинлиги 6 м га етади ва бу маданий қатламлар илк ўрта асрлардан бошлаб бир неча юз йиллар давомида ҳосил бўлган. Горларнинг асосий қисми илк ўрта асрларнинг бошларининг бошларидан бошлаб қавлана бошланган.

Қорхона жойлашган Норбексой водийсида иншоотлар қуриш учун қурилиш хом ашёсининг етарли даражада эканлигини бу водийда жойлашган, юқорида айтганимиз қўшқ - қаср, сарой ва қишлоқ харобаларининг мавжудлиги рўй - рост кўрсатиб турибди. Бундай шароитда Қорхона ер ости Горларининг ниҳоятда қийинчилик билан қавлаб бунёд этилиши бу иншоотнинг бажиз қурилмаганлиги ва у бу ерда қадимда яшаган аҳоли учун алоҳида аҳамиятга эга

бўлганлигидан далолат беради. Охирига пайтда яъни М.Е.Массон борган 30 - йилларда Қорхонадан масжид сифатида фойдаланилган ва аниқроғи ўша давр сиёсати оқибатида бу масжид ҳам ўз фаолиятини тўхтатиш арафасида бўлган.

Қорхона мажмуасининг асосий кириш жойи унинг шимол томонида бўлиб у ерда 14 м узунликдаги айвон барпо этилган. Айвондан эшик орқали масжиднинг асосий хонаси ҳисобланмиш жануб томонидаги катта залга кирилган. Катта зал ҳоҷсимон планировкага эга. Айвон томонидан кирилганда ўнг ва чап томонидаги бир-бирларига қарама - қарши қурилган хоналар унга шу кўринишни беришади. Асосий залнинг узунлиги 17 м, эни эса 4 м бўлиб унинг ўртариғида Гарбий деворига меҳроб ўйиб ишланган.

Мажмуада асосий залдан ташқари яна кўплаб горсимон хоналар бўлиб уларнинг асосий қисми турлича йўлақлар орқали асосий зал билан боғланганлар. Ундан ташқари яна бир нечта алоҳида қурилган ва ҳоҷсимон планировкага эга бўлган хоналар ҳам мавжуд. Қорхонадаги асосий залдан бошқа хоналардан яшаш хоналари, омборлар ва бошқа мақсадларда фойдаланилган.

Лекин М.Е.Массон Қорхонанинг қадимда қай мақсадда фаолият юргизганлигини таҳлил қилар экан айрим эътирозга сабаб бўлувчи тахминларни айтади. Унинг фикрича бу горларнинг айримларида «иштон солди», «чироқ ўчди» каби оммавий, интим муносабатларга асосланган расм-русумлар амалга оширилган бўлиши мумкин. Бу фикр албатта эътирозли, биринчидан, М.Е.Массон бу ҳақда маҳаллий қариялардан сўраганида улар буни қатъиян рад қилишган. Иккинчидан, агар ўша одатлар амалга оширилган бўлса бу албатта маҳаллий аҳолининг хотирасида қолган ва бу жойлардан ҳеч қачон муқаддас, покиза жой - масжид сифатида фойдаланилмаган бўлур эди.

Бизнинг фикримизча бу саволга Қорхона горларининг планлари ҳам жавоб беришлари мумкин. Горларнинг барчаси деярли бир хил - яъни ҳоҷсимон (крестсимон - Р.А.) кўринишга эга. Бу ушбу ёдгорлик қадимги

насронийлар томонидан қурилмаганимикин ? - деган табиий савол туғдиради. Қолаверса унинг қурилиш даври илк ўрта асрларга, яъни Ўрта Осиёга қадимий насронийларнинг кириб кела бошлаган ва бу ҳудудда насронийлар қишлоқларининг, ибодатхоналарининг ва бошқа иншоотларининг таркиб топа бошлаган даврларига тўғри келади. Ғорларнинг барчасида бир хил кўриниш, яъни ҳочсимон кўриниш ҳукмронлик қилади. Бу тасодифий эмас албатта. Агар мисол тариқасида ер остидан қавлашиб бунёд этилган бошқа бир мажмуа - Эски Термиздаги Коратепа ёдгорлигининг планировкасини Корхона планировкаси билан солиштирганимизда улар бир-бирларидан тамоман фарқ қилишларини гувоҳи бўламиз (Ставиский, 1990, с. 6-18; Лелекова, 1990, с. 14-21; Неглинская, 1990, с. 22-29) ва бу оддийгина солиштиришданок Корхона ғорларининг махсус режа асосида қавланганлигига яна бир бор ишонч ҳосил қиламиз. Лекин бу ғорлардан бир неча юз йиллар (балки минг йилдан ҳам зиёдор - Р.А.) давомида фойдаланилганлигини ҳисобга олсак улардаги насронийлик билан боғлиқ қадимги дастлабки белгилар йўқолиб кетган бўлишлари ва кейинги асрларда йўқотилган бўлиш ҳам мумкин. Ундан ташқари Ўрта Осиё ва бошқа ҳудудларда қазиб ўрганилган христианлар черковлари харобаларида айрим ҳолларда христианлик билан боғлиқ топилмалар умуман учрамаганлигини мутахассислар кўп мартабала эътироф этишган.

Қадимги насронийларга оид археологик ёдгорликларни тадқиқ қилишда шу нарса ойдинлашдики, қадимги насронийлар ер устида турлича иншоотлар бунёд этишлари билан бирга айрим ҳолларда ер остидан ва тепалиқлар ичидан ҳам черковлар ва бошқа вазифаларни бажарувчи иншоотлар қурганлар. Ер остида бунёд этилган насронийлар черкови ва монастыри олдиқлари Форс кўрфазидagi Карк оролида асримизнинг 30 - йилларида Е.Херцфельд бошлиқ археологик миссия томонидан очиб ўрганилган (Herzfeld E., 1935, p. 1-16). Ундан ташқари ушбу сатрлар муаллифи томонидан Қарши шаҳар Шайхали қишлоғи ҳудудидаги Қўштепа ёнида очиб ўрганилган ер ости иншооти ҳочсимон шаклдаги кириш жойи, ҳочсимон кўринишдаги тасвирга эга бўлган манқаддон ва бошқа айрим жиҳатлари ҳисобга олинган ҳолда VII аср бошларида фаёлбег юргизган ва тез орада ташлаб кетилган насронийларнинг диний иншооти деган хулосага келинди (Раимкулов, 1997, с. 110-116). Бизнинг ҳозирги фикримизча Қўштепадаги иншоот насронийлар монастырининг қолдиқларидир. Қўштепа

иншоотининг таҳлили асосида С.К.Кабанов томонидан 40 - йилларнинг ўрталарида Қарши шаҳри яқинидаги Қожартепа аркининг тагида 6 м чуқурликда топилган ва муаллифнинг кузатишча «қавлашиб ҳосил қилинган» деб ҳисобланган хоналар (Кабанов, 1977, с. 14-15) биз томонидан насронийлар саждагоҳи деб фикр билдирилди (Раимкулов, 1997, с. 112).

Қўштепа монастыри билан Корхонанинг ланировкаси ва яна кўлгина жиҳатлари бир-бирларига мос. М.Е.Массон ёзади, - Масжиднинг асосий залидан ўнча кенг ва тушиб чиқиш учун жуда ноқулай даражада баланд бўлган ва торашиб борган зиналар юқорида жойлашган хоналарга олиб чиқади ва зиналарнинг охирига бу хоналарни ажратиб турувчи эшик ўрнатилган (Массон, 1953, с. 101). Бу эшикдан ўтиб бир нечта коридорсимон хоналарга чиқилган. Бу хоналар (бизнинг хомаки ҳисоб - китобларимиз бўйича агар ўнча зинанинг ҳар бирининг баландлиги тахминаи 35-40 см. бўлганда) асосий залдан тахминаи 3,5 - 4 м. баландда жойлашганлар, яъни асосий зал ушбу хоналардан ана шунча чуқурда бўлган.

Бизнинг фикримизча мажмуанинг шимол томониини эгаллаган айвон кейинчалик, яъни Корхона масжидга айлантирилгандан кейин бунёд этилган. Унчага унинг кириш жойи жануб томондан бўлиб асосий зал - саждагоҳга юқорида айтиб ўтилган ўнча зина орқали тушилган. Бу зиналар М.Е.Массон айтганидек юқорида қараб торашиб эмас, балки пастга қараб кентайиб борган.

Корхонанинг жануб ва жанубий - шарқ томонларини унинг ҳовлиси эгаллаган бўлиб ҳовлининг мавҳудлигининг ўзи ҳам унинг асосий кириш жойи ўша томонда бўлганлигининг исботидир. Ундан ташқари шимолий айвон билан асосий зал ўртасидаги деворнинг қалинлиги 3 м дан ортиқроқ. Агар дастлабки кириш жойи шу томонда бўлганда орада бунчалик қалин девор қолдирилмаган бўлур эди.

Ўрта Осиё ҳудудида ўрганилган Хароба Кошук (Пугаченкова, 1954). Оқ Бешим (Кизласов, 1959), Тош Работ (Пантусов, 1902) ва Эски Термиз (Альбаум, 1995) каби насронийлар иншоотларининг асосий коридорга ҳочсимон кўриниш берадиган хоналари ва бўлмалари ҳаминша марказий коридорларнинг энг тўрида жойлашганлар. Бу ҳусусиятини Корхона асосий залида ҳам, фақатгина унга жануб томондан кирилгандагина кузатиш мумкин.

Саждагоҳнинг энг тўрида ва энг чуқурда жойлашуви Қўштепа иншоотида ҳам кўзга ташланади. Бу ерда ҳам асосий кириш жойидан кирилганда ҳар бир кейинги хонанинг поли олдинги хонанинг полидан 50

см чуқурроқ. Шу тахлитда чуқурлашиб бориш натижасида саждагоҳнинг поли кириш жойидаги коридорнинг полидан салкам 2 м чуқурлашиб кетган. Шуниси қизиқки Корхонада асосий залга жануб томондан киришда ўнг томонда ўчоқ бор ва худди шундай ўчоқ Қўштепа монастыридаги саждагоҳнинг кириш жойида ҳам ўнг томонда мавжуд. Саждагоҳларнинг энг тўрда ва энг чуқурда жойлашиллари ҳам Корхона, ҳам Қўштепа учун хос бўлиб бу тасодифий эмас, балки насронийларнинг ер ости иншоотларининг энг характерли хусусиятларидан бири бўлса керак.

Тепаликнинг шарқий ёнбағирларида қавланган бошқа алоҳида хоналар ҳам айнан ҳочсимон кўринишда эканликлари билан эътиборни тортади.

Кожартепадаги иншоотда ҳам хоналарнинг ичи худди Қўштепадаги каби юмшоқ қум билан кўмилганлиги кузатилади. Лекин С.К.Кабанов бу хоналардан қай мақсадда фойдаланилганлиги тўғрисида бирон-бир фикр айтмаган.

Ер ости иншооти Самарқанддаги ҳозирги Регистон майдони худудида ҳам учраган бўлиб бу иншоотнинг полига майоликали пишиқ Гишлар ҳоч кўринишда териб чиқилган. Қазимша муаллифларнинг фикрларига кўра у насронийлар ибодатхонасининг бир қисми бўлса керак (Буракова, Бураков, 1973, с. 209-210). Иншоот эрамизнинг IX асри билан даврланган.

Кожартепадаги каби ер остида иншооти Афросиёбда ҳам топиладиган бўлиб у бу ерда мавжуд бўлган бир ҳовлининг тағида 4,5 м чуқурликда қавланган. У ҳам Кожартепадаги каби қум билан кўмилган ҳолатда учраган. Муаллифлар бу иншоотни эрамизнинг IX асри билан даврлашганлар (Джуржулов, Крикис, 1969, с. 313). Ундан ташқари яна Афросиёбнинг 31 - қазимшасида олтин хонадан иборат хонадоннинг тағидан ертўласимон хона ҳам топиладиган ва бу хонанинг ичидан ҳоч кўринишидаги босма нақш туширилган кўчма ўчоқ ва тиббиётда ва алкимёда ишлатилган шиша идишчалар - реторт ва аламбик топиладиган. Топилмалар бу хўжаликнинг IX - X асрларда фаолият юргизганлигини кўрсатадилар (Гулямов, Бураков, 1969, с. 277-278).

Қарши шаҳри яқинидаги Култепада олиб бориладиган қазимшаларда ёдгорлик аркида қаср-қўшқнинг харобалари ўрганилган. Бу қўшқнинг бир қисмидан ҳам ертўласимон хоналар очилган. Шуниси диққатга сазоворки бу ертўласимон хоналар ҳочсимон планировкага эга. Мажмуа VI - VII - VIII асрларда фаолият юргизган (Алимов, 1969, с. 106-108).

Ер остида бунёд этилган диний иншоотлар тўғрисида фақатгина археологик маълумотлар эмас балки ёзма манбалар ҳам озми - кўпми шохидлик берадилар. В.Л.Вяткиннинг хабар беришича «Кичик Кандия» да айтилишича Самарқандда ер ости саждагоҳлари сифатида фойдаланилган катакомбалар мавжуд бўлган (Вяткин, 1906, с. 206).

Фарғона водийсидаги Ўзган III - шахристонида ҳам ер остидан қавланган Горсимон иншоот топиладиган ва у қазимша муаллифи А.Н.Бернштамнинг тахминича буддавийларнинг ҳужраси деб тахмин қилинган (Бернштам, 1952, с. 256). Лекин бу Горнинг айнан ҳочсимон планировкаси унинг насронийларга тегишли бўлганлигига бирон - бир шубҳа қолдирмайди.

Яна Корхона тўғрисидаги масалага қайтсак. Корхона қурилиш хусусиятларига қура Форс кўрғазидида бунёд этилган насронийларнинг ер ости черковлари жумласига қиради. Насронийларнинг черковлар қуриш амалиётига қўлланган бу услубнинг Карк оролидан тахминан икки минг километр масофада жойлашган Корхона. Қўштепа ва Кожартепа ва бошқаларда қўлланилиши тасодифий ўхшашлик эмас ва бу ёдгорликлар мана шундай черковларда ўз тоат - ибодатларини бажо келтирган Яқин Шарқ, Сурия, ва Эрон томондан Ўрта Осиёга келиб қолган насроний миссионерлар ва тарбиётчилар томонидан ёки уларнинг савийи ҳаракатлари боис бунёд этилганлар.

Христианлик пайдо бўлган Ўрта ер денгизининг шарқий ҳудудларида ер остида турли мақсадларга мўлжалланиб қурилган иншоотлар христианлик пайдо бўлмасдан илгариги минг йилдан зиёдрок давр мобайнида ҳам мавжуд бўлган. Кейинчалик бу қурилиш анъанаси христиан архитектурасининг энг характерли хусусиятларидан бирига айланган ва шу тахлитда христианлик ёйилган мамлакатлар ҳудудларига етиб борган. Мисол тариқасида ушбу маълумотларни келтиришимиз мумкин. II асрнинг ўрталаридан бошлаб Ватикан криптиларига (ер ости катакомбалари - Р.А.) христиан алтарлари ўрнатиш расм бўла бошлаган (Ленцман, 1960, с. 48). III асрларда Римдаги Каллиста катакомбаси бутун бошли хабристондан иборат бўлиб христианлар ундан таъбиб ва қувғин қилинган пайтларида фойдаланишган. Унинг деворларида балиқ (илк христианларнинг энг сеvimли тасвири - Р.А.) қўзичоқ, қўқинтириш санъати, «Библия» даги эхтиросли воқеаларнинг тасвирилари бўлган (Ленцман, 1960, с. 51).

431 йилдаги Эфес, 451 йилдаги Халкедон соборларида насронийчилигининг

христианликнинг Иисус Христоснинг икки табиатга - ҳам одам, ҳам ҳудуд табиатига эгаллигини тан олувчи маъзаб сифатида ажралиб чиқиш уларнинг бидъатчилар сифатида Византиядан қувгин қилинишларига сабаб бўлди. Насронийлар Суриянинг энг қадимий маданият марказларидан бўлган ва ўша пайтда Сосонийлар кўли остида бўлган Нисибиндан паноҳ топадилар. Насронийлар Эрондаги бошқа маъзабга христианларга ўз таъсирини зўрлаб ўтказишга эришадилар ва Эрон христианлар черковига асос соладилар. Эрон черкови 484 йилда қақирилган соборда насронийликни (яъни несторианликни - Р.А.) ўз диний ақидаларининг бош йўналиши сифатида қабул қилади ва Константинопол соборидан тўла ажраганлигини эълон қилади, насронийлар патриархининг қароргоҳи сифатида Ктесифон шаҳри танланади. Сосонийлар давлатида насронийлар давлатининг энг юқори лавозимларида жуда кўпчиликни ташкил эттидилар. Улардан дипломатлар, юқори малакали мутахассислар, врачлар, сиёсатшунослар сифатида кенг фойдаланилган. Христиан - насроний савдогарлар Буюк Ипак йўли воситасида халқаро савдода актив фаолият курсатганлар.

Христианликнинг ва кейинроқ насронийликнинг Ўрта Осиё, Шарқий Туркистон, Хитой ва Узоқ Шарққа тарқалишида Сосонийлар давлатининг энг йирик ва марказий шаҳарларида бири бўлган Марв шаҳри асосий ролни ўйнаган. Насронийларнинг Сосонийлар давлатидаги ахлоли ҳамisha бир хил бўлмаган. Айрим шоханшоҳлар уларга хомийлик қилишган бўлсалар, айримлари уларни таъкиб қилганлар. Мана шундай таъкиблар даврида насронийлар жамоа - жамоа бўлиб Буюк Ипак йўли орқали шарққа йўл олганлар ва шу тариқа Ўрта Осиё ва бошқа шарқий ҳудудларда уларнинг қишлоқлари пайдо бўлган. Насронийларнинг бундай қишлоқлари Ўрта асрларда ҳам мавжуд бўлганлигини ёзма манбалар ҳам тўла тасдиқлайдилар.

Араб сайёҳи Абул Қосим ибн Хавқал Х асрда Самарқанднинг жанубида Шавад деб аталмиш тоғли жойда Вазкард деб аталувчи йирик қишлоқ бўлганлиги, бу қишлоқ аҳолиси асосан ироклик насронийлардан иборатлиги, қишлоқда черков ва монастир фаолият юргизганлиги тўғрисида маълумот беради (Ibn Hauqal, 1964, p. 478; Бетгер, 1957, с. 18).

Ибн Хавқал ва яна бошқа араб сайёҳи ал Истахрийлар айнан мана шу даврда Чоч вилоятининг Гарбий чегарасида Винкард номи насронийлар қишлоғи тўғрисида маълумот берадилар (Бартольд, 1964, с. 279; Ibn Hauqal, 1964, p. 485).

Ал Истахрий «Китаб масолик ал-мамолик» да шундай ёзади, - (Чочнинг) бир чегараси Чоч дарёсининг Хоразм денгизига (Сирдарё бўлса керак - Р.А.) қуйилишига, бошқа чегараси Сафиджоб сарҳадларидаги темир конларига чўзилади, (бошқаси) насронийлар Винкардигача боради». Араб олимнинг Чоч қаби йирик вилоятнинг чегараларини таърифлашда айнан шу қишлоқнинг номи тилга олишнинг ўзидек бу қишлоқнинг Х асрда жуда йирик ва машхур бўлганлигини белгилайди.

Ёзма манбаларда насронийлардан чиққан машхур кишилар тўғрисида ҳам кўплаб маълумотларни учратиш мумкин. VIII - IX асрларда Марвада Али ибн Саҳл Раббойи яшаган. XII асрда яшаган араб олими ал Киндийнинг ёзишча Али ибн Саҳл Раббойи йирик файласуф, математика ва геометрия фанларининг чуқур билимдони бўлган. У бир неча тилларни ҳам билган, Птолемейнинг «Алмагест» асарини ва бошқа кўплаб асарларни юнон тилидан таржима қилган. Ундан ташқари Ўрта Осиё, Қадимги Юнон, Византия ва Яқин Шарқ медицинаси тўғрисида ўнлаб китоблар ёзган. Шунинг учун у «раббойи» яъни ўқитувчи, устоз деган ном олган. Бошқа бир насроний олими Ибн Маса ҳам Марвада яшаган бўлиб у ўз даврининг йирик фармакологи ва ботаниги бўлган ва унинг асарларидан Беруний ҳам кенг фойдаланган (Булгаков, Вахабова, 1978, с. 45-47). Абу Али ибн Сино даврида Гурганж шаҳрида ўз замонасининг машхур олими, машхур ҳаким Абу Саҳл ибн Яҳё ал Масихий яшаган. Бу насроний олими ибн Сино ўзининг устози деб билган. Султон Махмуд Газнавий хоразмлик олимларни Газнага олиб кетайтганда ибн Сино ва ал Масихийлар бундан катъиян бош тортишиб Гурганждан қочиб чиқиб кетишган (Ахмедов, 1994, 49-50 бетлар). Байҳакийнинг ёзишча ал Масихий насроний бўлсада черковга бормаган ва насронийлик тоат - ибодатларини ўз уйида бажо келтирган. У Хоразмдан қочиб кетаятганда Қорақумдан ўтишда касалланиб йўлда вафот этган (Багирова, 1987, с. 64).

Христиан олимлари Қадимги Юнон антик давр табиий фанларининг, юнон фалсафасининг ва юнон медицинасининг энг машхур юзлаб асарларини юнон тилидан сурия тилига таржима қилишиб ўрта асрлар Шарқ фалсафасининг, табиий фанларининг ва медицинасининг асосларини яратишда беқийс хизмат қилганлар. Мисрнинг Искандария шаҳрида VI асрда ўз замонасининг буюк энциклопедик олими Сергий Рашайнский яшаб ижод қилган. Решайнский Искандария академиясининг асосий тиббий қўлланмаси бўлган «Гален

мажмуаси»ни юнон тилидан сурия тилига таржима қилган. Мажмуа йигирма олти китобдан иборат бўлган (Пигулевская, 1979, с. 159). У мантик бўйича «Архиатрос Сергий Решайскийнинг Арасту категориялари тўғрисидаги асари» ёзиб уни яна бошқа бир қанча асарлари билан биргаликда Марвада яшаган дўсти, машхур олим Феодорга юборган (Пигулевская, 1979, с. 155). Марвада сурияликларнинг катта жамоаси ўрнашган бўлиб улар ичидан жуда кўплаб зиёлилар, олимлар, ёзувчилар, табиблар етишиб чиққанлар. Машхур ёзувчи Ишодад ҳам асли суриялик бўлган.

Умуман олганда, бу ўринда шуни ҳам айтиб ўтиш лозимки, антик давр юнон фасофасининг, табиий-аниқ фанларининг ва медицинасининг юзлаб асарларини юнон тилидан сурия тилига таржима қилиниши ва уни Якин Шарк, Эрон ва Ўрта Осиёга йиғилиши ва кейинчалик Ўрта Осиёда Абу Наср Форобий, Абу Райхон Беруний, Абу Али ибн Сино, ал Фарғоний ва яна ўнлаб жаҳоншумул олимларнинг етишиб чиқишларида насроний олимларининг рад қилиб бўлмас хизматлари бор. Бу каби илмий сарфмалардан баҳр олган улуг бобокалонларимиз уларни Қадимги Хитой ва Хинд медицинаси, фалсафаси ва табиий фанлари билан уйғуллаштирган ҳолда бу фанларни янада юксалтириб жаҳоншумул чўққиларга олиб чиқдилар.

Насронийлар Сурияда ҳам, Эронда ҳам, Ўрта Осиёда ҳам ва кейинчалик бу мамлакатлар ҳудудларида ўз ҳукмронлигини ўрнатган Араб ҳалифалиги даврида ҳам олимлар, табиблар, доришunosлар, ўқитувчилар ва бошқа зиёлилар сифатида жуда қадрланганлар. Улар орасида врачлар - табиблар айниқса кўпчиликини ташкил этишган. Бунинг тарихий сабабларидан бири - илк ўрта асрларда Якин Шарк мамлакатларида табиблар ва ўқитувчилар жамиятдаги энг юқори ижтимоий табақа ҳисобланишган. V асрдаги Сурия қонуноуслигига биноан улардан бирон-бир солиқ олинмаган ва улар ҳатто жон солиғидан ҳам озод этилганлар (Пигулевская, 1979, с. 151). Бу эса насронийлар ичиди медицинанинг жуда кенг тарқалишига замин яратган. Ўрта асрлардаги Ўрта Осиёдаги насроний олимларнинг кўпчилигининг врач сифатида ном қозonganликларининг сабаби ҳам ана шунда. Ҳатто улуг Ибн Сино ҳам насроний олимни ўзига устоз деб билиши бежиз эмас. Афросиёбдаги 31-қазимшада очилган ертўла ва у ердан топилган босма хоч тасвири туширилган кўчма ўчок ва тиббиёт идишлари - аламбик ва реторта бу ерда насроний врач - ҳаким яшаганлиги тўғрисида тахмин қилишга асос бўла олади.

Энди Корхона ва бошқа ер ости иншоотларининг тахлилига қайтсак. Бизнинг тадқиқот доирамизга кирган ёдгорликларнинг жуда кўплаб жиҳатлари бир-бирларига мос бўлиб улар қандайдир маънода ўзаро узвийлик кашф этидилар. Корхона, Ўзган шаҳри III-шахристионидаги Горсимон хона, Қарши яқинидаги Қултепа қасри остидаги хоналар ва Қўштепадаги иншоотнинг кириш жойидаги коридор қабила ҳосимон планировка асосида қурилган. Бу иншоотлар шак-шубҳасиз аввалдан махсус тайёрланган тарх асосида ҳосимон қилиб бунёд этилганлар. Бу биринчидан, иккинчидан, Афросиёбдаги 31-қазимшада олти хонадан иборат хўжалик остидаги ертўладан хоч тасвири ўчок, Регистондаги қазимшаларда эса хоч тасвири ҳосил қилувчи Гиштил терилма топилган. Учинчидан, Қўштепадаги иншоотнинг айнан муқаддас деб ҳисобланган саждагоҳларигина (олтита хонадан иборат - Р.А.) махсус кўмилиб кетилган. Саждагоҳларнинг ташлаб кетилишидан олдин кум билан кўмиш одати Қўштепадан ташқари Қарши яқинидаги Қожартепа арки остидаги иншоотда ва Афросиёбдаги ер ости иншоотида кузатилади. Биз тадқиқотимиз доирасидаги бу ер ости иншоотларининг кўплаб жиҳатларининг умумийлигини, бир-бирларини такрорлашларини ва уларнинг кўпчилигида христианлик билан боглик элементларнинг мавжудлигини ҳисобга олган ҳолда ушбу ер ости иншоотларининг аксарияти христиан динига мансуб насронийларга тегишли деган фикрга келдик. Бизнинг фикримизча насронийларнинг ер ости иншоотлари ўз ҳусусиятларига ва вазифаларига кўра икки турга бўлинадилар: биринчи тур - Корхона ер ости Горлари мажмуаси, биз томонимиздан очилган Қўштепадаги ер ости монастыри, Қожартепа кишлок харобаларидаги арк остидаги иншоот ва Самарқанд Регистонидаги қазимшалар даврида бир қисми очилган иншоотлар. Бу иншоотлар насронийларнинг жамоалари учун мўлжалланиб бунёд этилган черков, солиқ тохона, монастыр ва бошқа диний иншоотларнинг қолдиқлари бўлсалар, иккинчи турга мансуб бўлган Афросиёбдаги ертўласимон иншоотлар. Қарши шаҳри яқинидаги Қултепа аркидаги қаср остидан топилган ҳосимон-ертўласимон иншоот ва Ўзган шаҳри III-шахристионидаги ҳосимон Гор бизнинг фикримизча насронийларнинг битта оила ёки битта патриархал хўжалик учун мўлжалланган хонаки саждагоҳларидир. Байхаққийда бизнинг ушбу фикримизни қувватлашга хизмат қиладиган маълумот бор. Бу маълумотга кўра насроний олими Абу Саҳл Ибн Яҳё ал Масхий Гурганжада яшаганида насроний бўлганлигига қарамасдан

черковга бормаган ва диний тоат-ибодатларини ўз уйида адо этган. Байхакийнинг бу маълумотидан икки нарса ойдинлашди: биринчидан, ал Масихийнинг уйида ҳам хонаки саждаҳо бўлиши мумкинлиги ва иккинчидан Гурганджа ҳам насронийлар черкови мавжуд бўлганлиги.

Диний иншоотларнинг махсус кўмилиши тўғрисида фикр юртасак бу одат Якин Шарқда христианлик пайдо бўлмасдан бир неча асрлар илгари ҳам мавжуд бўлган ва христианлар уни ўзларидан олдинги диний урф одатлардан мерос сифатида қабул қилганлар. Бу одатга биноан диний иншоотлар ўз фаолиятларини қандайдир сабабларга кўра тўхтатаётган ёки улар мажбуран ташлаб кетилаётган пайтларда қум, туپроқ, лой ёки Гишлар билан махсус кўмилганлар. Лекин бошқа айрим ҳолларда, айниқса араблар томонидан истило қилинган мамлакатлардаги христиан черковлари ва ибодатхоналари мусулмонлар масжидларига айлантирилганлар.

Корхонанинг 30-йилларгача масжид сифатида фаолият юргизганлигининг ўзи ҳам унинг дастлаб насронийлар черкови бўлганлигига ишорадек кўринади. Корхона дастлаб насронийларнинг черков-монастири бўлгани ҳолда кейинчалик арабларнинг исломлаштириш сиёсати натижасида мусулмон масжидига айланиб кетган бўлиши мумкин. Араблар томонидан босиб олинган ҳудудларда улар келгуналарига қадар мавжуд бўлган христианлик, зардуштийлик, манихейлик ва будда ибодатхоналари ва саждаҳолари мусулмонлар масжидларига айлантирилганлиги тўғрисида ўрта асрлар ёзма манбаларида кўплаб маълумотлар учрайди. Наршахийнинг маълумотича Бухородаги Аттарон дарвозаси яқинида жойлашган насронийлар черкови араблар келгуналаридан кейин Бану Ханзала деган араб қабиласининг масжидига айлантирилган (Наршахий, 1991, 128-бет). Кейинчалик эса унинг ўрнида машхур Калон масжиди қурилган. Ас Самъонийнинг хабарига кўра мана шу масжид «Масжиди аш-Шом» (Бизда ўрта асрларда Сурияни Шом деб аташган - Р.А.) деб аталган (Камалиддинов, 1993. с. 62).

Исмоил Самоний 893-894/280 йилда Таласни босиб олгандан кейин у ерда мавжуд бўлган насронийлар черковини ва Мирки шаҳридаги черковни жоме масжидларига айлантирган (Бартольд, 1964, с. 287). Насронийларнинг черков-монастири сифатида илк ўрта асрларда бунёд этилган Корхона шу йўсинда мусулмон масжидига айланиб кетган бўлса керак. Бу иншоотнинг нима учун Корхона деб аталганлиги тўғрисида бирон-бир фикр айтиш мушкул. Унинг кўплаб

хоналарининг айримларида кейинчалик хунарамандчилик билан боғлиқ айрим фасилатлар ҳам амалга оширилган бўлиш эҳтимолдан холи эмас.

Ёзма манбаларда тилга олинган Ўрта Осиёдаги насронийлар қишлоқлари, қишлоқлардаги ва шаҳарларидаги черковлар тўғрисидаги маълумотлар тугал эмас, қолaversа ўша даврларда ёзилган қозлаб асарлар бизгача етиб келмаган. Ўрта Осиё тарихидаги бу бўшлиқни қисман ҳозирги замон археологияси тўлдиришда ва ёзма манбаларда учрамаган Термиздаги ибодатхона, Хароба Кошук, Ок Бешим черковлари, Марва ва Тош Работдаги монастырлар археологик казишмалардан қийингина фанга маълум бўлди. Ўрта Осиёга ташриф буюрган сайёҳлар ва журофий олимлар бу ўлкадаги насронийлар қишлоқлари тўғрисида хабар берар эканлар улар аксарият ҳолларда ўз йўлларида учраган қишлоқлар тўғрисидагина маълумот қолдирганлар ва уларнинг қадами етмаган қишлоқларда яшаган насронийлар тўғрисидаги маълумотлар уларнинг қундалиқлари ва қайдномаларига тушмасдан қолган. Ундан ташқари шаҳарлардаги маҳалларда ва қишлоқларда аввал зардуштийлар ёки манихейлар билан, кейинчалик мусулмонлар билан насронийларнинг ёнма-ён яшашлари ўша давр учун одатий ҳол бўлган ва бу ҳудудга ташриф буюришган хорижий сайёҳлар бу ҳолатга алоҳида эътибор бериб ўтиришмаган.

Мана шундай насронийлар қишлоғи ёки насроний аҳоли кўпчилигини ташкил этувчи қишлоқ биз фикр юргизаётган Корхона жойлашган Норбексой водийсидаги археологик ёдгорликларнинг бири ўрнида мавжуд бўлган бўлиши мумкин. Корхона Горлари жойлашган тепалик эса юқорида айтганимиздек археологик ёдгорлик бўлиб ундаги маданий қатламларнинг қалинлиги 6 метрга етди. Бу маданий қатламлар бу тепаликда фаолият юргизган насронийлар монастырининг қолдиқлари бўлиши мумкин. Бу монастырининг давоми ёки иккинчи қисми тепалиkning ичидан қавланиб ҳосил қилинган. Корхона Горларининг кўплаб хоналарилан монастыр сифатида фойдаланилган бўлсалар, асосий катта хона уларнинг черкови бўлиб хизмат қилган.

Бу ерда яшаган насронийлар ушбу ер остида черков-монастирда ўзларининг диний маросимларини бемалол амалга оширишлари мумкин бўлган ва баъзида маълум таъйиққа учраган пайтларда ҳам унинг ҳовли томонидаги ягона кириш жойини яшириш улар учун қийин бўлмаган. Бундай ер ости иншоотларининг кириш жойлари мўъжазгина, баландлиги эса бир метр атрофида бўлиб

одам Ҳақатгина энгашиб кириши мумкин бўлган. Карк оролидаги ер ости черковининг кириши жойи ҳам бир метр атрофида. Кўшпадаги иншоотнинг кириш жойидаги коридор полининг бирданига пастлашиб кетиши сингувчи унга энгашиб кирганлигидан далолат беради ва бу ерда ҳам кириш жойининг баландлиги бир метрдан ошми, бўлмаганлигини кўрсатади.

Эзма манбаларда тилга олинган Вазкард ёки Винкард номли насронийлар қишлоқлари тўғрисидаги маълумотлар Ўрта Осиё тарихини ва бу ўлкадаги қадимий динлар тарихини ўрганишда бениҳоя катта аҳамиятга эга бўлсаларда, лекин уларда ўша қишлоқлар тўғрисида узук-юлук маълумотлар - бу қишлоқлар аҳолиси, уларда черков ва бошқа диний иншоотларнинг мавжудлиги ва бу қишлоқларнинг қайси ҳудудда жойлашганлиги тўғрисидаги маълумотларгина сакланиб қолган ҳолос. Бу қишлоқларнинг айнан қаерда жойлашганликлари тўғрисида олимлар ўртасида турлича фикрлар мавжуд бўлсаларда бу фикрлар турлича тахминлардан нарига ўта олганлар йўқ ва бу қишлоқлар ҳаробалари ҳисобланмиш бирон-бир археологик ёдгорлик шу пайтгача топилмаган. Бу қишлоқлар ҳаробаларини топиш ва қазималар асосида ўрганиш Ўрта Осиёда христианлик тарихини ўрганишда қанчалик аҳамият касб этмасин бу вазифини бажариш бутунги кунда ниҳоятда мушкуллигича қолмоқда. Шу пайтгача археология фанида бирон-бир насронийлар қишлоғи ўрганилмаган ва Ўрта Осиё археологиясидаги бу бўшлиқни Норбаксай водийсидаги ёдгорликлар устида қазималар олиб бориш йўли билангина тўлдириш мумкин. Бу тадқиқот Ўрта Осиё археологиясида шу пайтгача умуман ўрганилмаган мавзу - қадимги насронийлар қишлоғининг ҳусусияти, ички тузилиши, насронийларнинг турмуш-тарзлари ҳаёти тўғрисида фанга гоёт қимматли маълумотлар бериши шубҳасиздир.

Қорхона жойлашган ҳозирги Тошкент вилояти ҳудудида ҳам қадимда насронийлар қўллаб яшаганликлари археология фанида қўлдан бери маълум. 1922 йилда Солор ариги бўйида тасодифан топилган «насронийлар даффинаси» номи билан машҳур бўлган буюмлар мажмуаси (Анбосев, 1959, с. 39-40). Қонқа шаҳар ҳаробаларидан топилган тилла бранкетат, Рим солидларига тақлид қилиб ясалган тилла медалён (Массон, 1972, с. 35), ундан ташқари яқинда Қонқа шаҳри Ш-шаҳристон ҳудудида очиб ўрганилган насронийлар хонадонини қабила бизнинг фикримизни қувватлашга хизмат қилади (Богомолов, 1994, с. 73-77).

Насронийларнинг Ўрта Осиёдаги ер устида қурилган черковлари ва бошқа

иншоотлари анъанавий христиан меъморчилигининг Ўрта Осиё шароитидаги ўзига хос ҳусусиятлари, қурилиш усуллари ва бошқа жиҳатлари тўғрисида жуда қимматли маълумотлар ва тасаввурлар беради. Ундан ташқари қадимги сайёҳлар ва тарихчи олимлар ўз эсдаликлари ва асарларида асосан ўз кўзлари билан кўрган ёки этишган ер устида жойлашган иншоотлар тўғрисидагина маълумот берганлар.

Ер устида бунёд этилган черковлар ва бошқа диний иншоотлар ҳар бир даврда ўша давр ва маълум мамлакатлар ҳукмрон доиратарининг розиликлари ва қароратлари билангина бунёд этилганлар. Қурилган ҳар қандай диний иншоотлар ўша пайтда ва улар қурилган ҳудудда насронийлар Ҳақият ҳаётида сезиларли мавқега эришганликларидан ва тўла диний эътиқод эркинлигига эга бўлишганлигидан далолат беради.

30-йилларда Форс қурғазидagi Карк оролидан топилган черков-монастир насронийлар Ҳақат ер устидагина эмас, балки ер остидан ҳам черковлар ва монастирлар қурганлигини кўрсатади.

Насронийларнинг ер остидан черковлар, монастирлар ва бошқа диний иншоотлар қуришларининг сабабларидан биринчиси шуки, ер остида иншоотлар бунёд этиш анъанаси қадимги Месопотамия, Сурия ва бошқа Ўрта ер денгизининг шарқий қирғоқларидаги мамлакатларда христианлик пайдо бўлмасдан бир неча асрлар муқаддам ҳам мавжуд бўлган ва кейинчалик эса христиан меъморчилигига мерос сифатида ўтган. Иккинчидан эса бу дин Эронда ҳам, Ўрта Осиёда ҳам, Шарқий Туркистон ва Хитойда ҳам ҳеч бир даврда давлат ҳокимияти ўз ҳимоямига олган расмий давлат дини даражасига кўтарила олмаган. Насронийчилик мана шу ўлкаларда вақт-вақти билан бирон-бир ҳукмдорнинг хайрроҳлигига эришган бўлса ҳам, тахтга чиқаётган навбатдаги ҳукмдорнинг бу динга муносабати номаълум бўлган. Шу сабабли насронийлар маълум ўлкаларда ҳам қўллаб-қувватлашга, ҳам таъқибу қувғинга учрашлари табиий ҳол бўлган. Шунинг учун бундай иншоотлар кўп ҳолларда эҳтиёт чора юзасидан бунёд этилганлар. Карк оролидаги юқорида эслаб ўтилган ер ости черкови ва монастирининг ҳам таъқибга учраган насронийлар бунёд этишган. Римдаги Каллиста катакомбасидан ҳам қувғинга ва таъқибга учраган христианлар фойдаланишган (Mancinelli F., 1999).

Христианларнинг таъқибга ва христианликнинг таъқиққа учраши ҳоллари Ўрта Осиё ҳудудида ҳам тез-тез рўй бери турган ва бундай ҳолларда Марвдаги Ҳароба

Кошук, Киргизистондаги Оқ Бешим ва Эски Термиздаги ер усти черковларида ўз тоатибодатларини адо этаётган насронийлар бу диний расм-русумларини вақтинча ва номаълум муддатгача Корхона, Қўштепа ва Кожартепадаги каби ер ости иншоотларига кўчиришган. Бизнинг фикримизча ер ости черковлари, монастырлари ва бошқа диний иншоотлари Ўрта Осиёнинг кўплаб ҳудудларида ҳам мавжуд бўлишган. Лекин бундай иншоотларнинг кам учрашларининг сабаби, улар ташлаб ёки кўмилиб кетилганларидан кейин улардан қолган харобалар бошқа ер усти иншоотлари каби тепалик ёки дўнглик ҳосил қилмасдан ер юзаси билан бирдай текисланиб кетганлар. (Бу фикрга Қўштепа иншооти мисол бўла олади - Р.А.). Бизга Корхона ва Кожартепадаги каби тепалик ва сунъий баландлик ичига қурилган ва бўзилиб кетиш хавфидан холи бўлган иншоотларгина стиб келганлар. Афросиёбдаги, Регистондаги ва Ўзгандаги кичик-кичик саждагоҳлар эса тасодифан топишганлар.

Бизнинг фикримизча Корхона жойлашган Норбексой водийсида ёки Илоқ вилоятининг маркази Тункетда, Жанубий Сугдиёнанинг марказий шаҳри Нахшабада (Насафда) ёки Кожартепа ўрнидаги қадимий қишлоқда насронийларнинг ер устида қурилган иншоотлари ҳам мавжуд бўлган. Бу ҳудудларда яшаган насронийлар жамоалари маълум таъинққа учраган даврларида биз фикр юритаётган ер ости иншоотларидан фойдаланганлар. Бундай шаронгда ибодатлар албатта яширин ҳолатда амалга оширилган.

Шундай қилиб Илоқ воҳасининг марказий шаҳри Тункетдан 6 км жанубда жойлашган Корхона Горлар мажмуаси, Жанубий Сугдиёнанинг маркази Нахшаб (Насаф) шаҳридан 1,5 км шарқда жойлашган

Қўштепа, шу воҳанинг йирик қишлоқларидан бирининг харобалари бўлиши Кожартепа арки остидаги иншоот. Қўштепа аркидаги қаср остидаги ҳочсимон планировкали хоналар, Самарқанддаги Регистон майдонида очилган ер ости иншооти, Афросиёбдаги хонадонлардаги ер ости иншооти ва ертўлалар, Ўзган шаҳри III-шаҳристонидаги ҳочсимон планировкали Гор, қолаверса В.Л.Вяткин тилган олган «Кичик Кандия» да ёзилган Самарқанддаги ер ости саждагоҳлари сифатида фойдаланилган катакомбалар ўз қурилиш усуллари, меъморий хусусиятлари ва бошқа кўплаб жиҳатлари билан бир-бирларига бевосита алоқадор ёдгорликлардир. Бу диний иншоотлар Яқин Шарқ, Месопотамия ва Сурияда эрамиздан аввалги I минг йилликнинг бошларидаёқ қўлланила бошланган ер ости, Горсимон. Гор-дахма иншоотлари қуриш амалиётидан кейинчалик христиан меъморчилигига мерос тарикасида ўтган анъаналар таъсири остида ёки бевосита ўша анъаналарнинг давомий сифатида бунёд этилганлар. Тадқиқотимиз доирасига киритилган юқоридаги иншоотлар тахлили шуни кўрсатмоқдаки. Ўрта Осиёда илк ўрта асрларда ва ўрта асрлардан яшаган насронийлар томонидан бунёд этилган ер ости иншоотлари иккита турга бўлинади. Биринчи турга Корхона, Қўштепа, Кожартепа ва Самарқанд Регистонидаги ер ости иншоотлари мансуб бўлиб улар насронийлар қишлоқлари аҳолисига ва насронийлар жамоаларига хизмат қилган черков, монастыр ёки ибодатхоналар бўлсалар, иккинчи турга эса Қўштепадаги, Афросиёбдаги ва Ўзган шаҳри III-шаҳристонидаги асосан бир хонадан иборат бўлган иншоотлар мансуб бўлиб улар насронийлар хонадонларининг оилавий хонаки саждагоҳларидир.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР РЎЙХАТИ:

1. Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе // История материальной культуры Узбекистана, вып. 8. Ташкент. 1969.
2. Анбеев И.А. Древний несторианский клад (?) в г. Ташкенте // Известия АН УзССР, серия «Общественные науки», 1959, № 6.
3. Альбаум А.И. Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент. 1995.
4. Ахмедов Б. Тарихдан сабоқлар. Тошкент. 1994.
5. Багирова С.Г. Сочинение «Татимма сиван ал хикма» ал Баихаки как образец средневекового энциклопедического справочника. Ташкент. 1987.
6. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей) // Сочинение. Т. II, часть 2. Москва. 1964.
7. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центральной Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. Москва - Ленинград. 1952.
8. Беттер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абуль-Касыма ибн Хаукаля // Труды Среднеазиатского Государственного Университета, Археология Средней Азии. Том. IV, Ташкент. 1957.
9. Богомолов Г.И. О христианстве в Чача // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент. 1995.
10. Булгаков П.Г., Вахабова Б.А. Средневековые ученые из Мерва // Труды ЮТАКЭ, т. 16. Ашхабад. 1978.
11. Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969-1971 гг.) // Афрасиаб, вып. II. Ташкент. 1973.

12. Вяткин В.А. Кандия Малая // Справочная книга Самаркандской области. вып. VIII. Самарканд. 1906.
13. Гулямов Я.Г., Буяков Ю.Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб, вып. 1. Ташкент. 1969.
14. Джуракулов М.Д., Крикис Я.К. Раскопки здания IX-X вв. на городище Афрасиаб // Афрасиаб, вып. 1. Ташкент. 1969.
15. Кабанов С.К. Нахшб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент. 1977.
16. Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал Ансаб» Абу Саида Абулкарима ибн Мухаммад ас-Сам'ани, как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент. 1993.
17. Кызласов Л.Р. Археологические исследования на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. Москва. 1959.
18. Лелеков Л.А. Буддийский культовый центр Кара-тепа на перекрестке мировых культур // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Москва. 1990.
19. Ленцман Я.А. Происхождение христианства. Москва. 1960.
20. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого- топографический очерк. Ташкент. 1953.
21. Массон М.Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана // Общественные науки в Узбекистане. 1972. № 7.
22. Наршахий. Бухоро тарихи // Мерос. Тошкент. 1991.
23. Неглинская М.А. Художественные особенности сюжетной росписи буддийского культового центра Кара-тепа // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Москва. 1990.
24. Пантусов Н.Н. Таш-Рабат // Известия Императорской археологической комиссии, вып. 4. 1902.
25. Пигулавская Н.В. Культура сирийцев в средние века. Москва. 1979.
26. Путаченкова Г.А. Хароба Кошук // Известия АН ТССР. 1954. № 3.
27. Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана, вып. 28. Самарканд. 1997.
28. Ставиский Б.Я. Исследования Кара-тепа в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Москва. 1990.
29. Шаповалова В.В., Ростовцев О.М., Аскаров М.А. Отчет о проделанной работе на памятнике Корхона за 1992-1994 годы // Архив Института археологии АН РУз. 7. 01. Д 147.
30. Herfeld E. Archaeological history of Iran. London. 1935.
31. Ibn Haugai. Configuration de la terre (Kitab surat al-ard). Introduction et traduction, avec index par. I.H.Kramers et O. Wiet, tome II. Beyrouth. Paris. 1964.
32. Mancinelli F. The catacombs of Rome and the origins of Christianity. With an Introduction by Umberto M.Fasola. Roma. 1999.

О ПОГРЕБЕНИЯХ В ХУМАХ В ЗААМИНСКОМ ТУМАНЕ.

А.А. Грицина

Зааминский туман Джизакского вилоята являлся в средневековые одним из самых густозаселенных в Уструшане. К настоящему времени здесь зафиксировано около 200 памятников. Иначе говоря, он являлся самым обжитым в той части Уструшаны, которая ныне располагается в пределах Узбекистана (Джизакской и Сырдарьинской вилояты). Большинство памятников относятся к раннему средневековью (1, с. 6-13, 34).

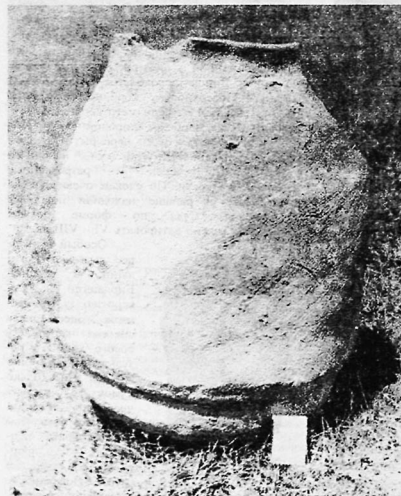

Рис.1. Погребальный сосуд из Коштепе

В ходе археологических разведок выявлены и места погребений в сосудах (хумах). В горной местности захоронения в крупных

лепных корчагах и хумах отмечены в верховьях Зааминсу и Пшагарсай (2, с. 455; 3, с. 101). В непосредственной близости от райцентра Заамин известно три могильника. Один из них - Коштепе - расположен в селении Кизилсай в 3 км к западу от Заамина. Памятник вытянут с востока на запад, и состоит из двух разновеликих лессовых холмов, высотой до 2 м. Примерно в 200 м к востоку, от него находится Азляртепе на

котором, Сырдарьинским отрядом проводились раскопки (4, с. 22-26). Поселение привлекло наше внимание не совсем обычной планировкой. В основе - это широко распространенный тип двухъярусного тепе (замок с прилегающей с юга территорией укреплённого двора) (5, с. 117; 6, с. 100). Однако вскоре, не ранее VII в. н.э., к ним (к замку со двором) пристраивается почти квадратная в плане пристройка (100х100 м). Материалы, полученные при раскопках, позволили предположить, что эта пристройка являлась крупным постоянным двором, предшественницей позднейших караван-сараяв. Несомненно, что могильник Коштепе напрямую связан с ним, т.к., в ближайшей округе нет памятников этого времени.

Сосуды с человеческими костями найдены местными жителями при разрушении южного склона Коштепе (4, рис.5). Один из них был передан нам. Это крупный сосуд с подковообразными ручками, изготовленный ручным способом из глины, характерной для жаростойкой посуды (рис. 1). Сосуд специально готовился для погребения, т.к. подобных сосудов при раскопках Азляртепе и других ранне-средневековых памятников Уструшаны не находили. Интересно отметить, что наш сосуд

напоминает сосуд с погребением из Мунчактепе 11 в Фергане, отнесенный к VIII в. (7, с. 84).

В 1996 г. на Коштепе найден оссуарий (рис. 2-4).¹ Следовательно, Коштепе являлся могильником в котором совершались погребения как в сосудах, так и в оссуариях. Следует отметить, что в 1975 г. У.Алимову житель селения Кизилсай передал оссуарий овальной формы с крышкой, увенчанной какой-то фигуркой. Скорее всего, этот оссуарий также был найден на Коштепе (8, с. 22).

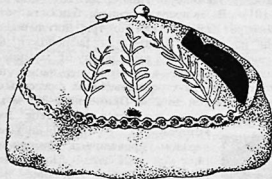

Рис.2. Оссуарий из Коштепе (рисунок)

Анализ всех найденных оссуариев в Уструшане (в пределах Джизакского и Сырдарьинского вилоятов их найдено всего два) и Фергане показал их слабое распространение. Здесь предпочитали хоронить своих сородичей традиционным способом - в крупных сосудах, который, наоборот, был распространен очень широко (3, с. 101-102; 11, с.16, 12; с. 4). Этот обряд начал практиковаться, по крайней мере с IV-III вв. до н.э. (9, с. 27-28). Способ погребений в оссуариях не получил широкого распространения в этих областях в силу устойчивой консервативности древних обрядов. Захоронения в сосудах здесь прослеживаются вплоть до монгольского завоевания, о чем будет сказано ниже.

Что касается самих оссуариев, то в Уструшане и Фергане, естественно, так и не выработался собственный стиль их внешнего оформления. Все найденные оссуарии и их обломки свидетельствуют о том, что они либо заимствованы из соседних областей (Согда и Чача), либо изготовлены в подражание им. В связи с этим встает вопрос, а не хоронили ли здесь в оссуариях только выходцев из Согда? Могильник Коштепе с Караван - сараем Коштепе располагались на большой торговой трассе, связывающей Согд с Ферганой и

Чачем, близ крупного торгового и административного центра, каковым являлся в это время Замин. И естественно, здесь всегда было много согдийцев. В таком случае можно предположить, что в сосудах на Коштепе хоронили местных жителей - уструшанцев, тогда как в оссуариях - согдийцев.

Рис.3.Оссуарий из Коштепе. Вид сбоку.

Следующий могильник зафиксирован на южной окраине Заамина недалеко от места пересечения обводной дороги с дорогой Заамин-Санатория. Погребение также обнаружено местными жителями при заборе грунта из лессового холма. Хум сформован с помощью круга, яйцевидной формы, со слабовыраженной шейкой и несложной закраиной. Днище шероховатое, со следами от самана. Поверхность коричневого цвета. Высота сосуда 45 см, диаметр венчика 25 см, днища - 27 см, наиболее широкой части 42 см (рис. 5). Сосуд был перекрыт крупной плоской галькой. Внутри хума находился раздробленный череп и разрозненные человеческие кости. По словам очевидцев, на этом месте и раньше находили подобные захоронения. Судя по форме сосуда, погребение можно датировать VI - VIII вв.

Особый интерес вызывает могильник в селении Бирлашген к северо-западу от Заамина. Здесь была снесена часть лессового холма в результате чего обнажилось несколько хумов с человеческими костями. Один из них удалось собрать полностью. Сосуд сформован с помощью круга?. Поверхность тщательно затерта.

Глина средней плотности, с примесью дресвы. Тулово яйцевидной формы, с короткой шейкой, переходящей к венчику, нижняя часть которого украшена заплатами. Высота хума 55 см, диаметр устья 26 см, днища - 27,5

Рис.4. Оссуарий из Коштепе. Вид сверху

¹ Подробнее об оссуарии и сосуде с Коштепе см. Гридина А.А. Об оссуарном обряде в Уструшане // ОНУ. 1998. № 1. С. 89-90.

см, наиболее широкой части тулова - 42 см

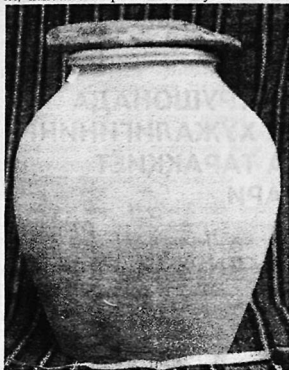

Рис. 5 Погребальный сосуд из могильника на южной окраине Заамина

(рис.6). Сосуд был перекрыт плоским камнем.

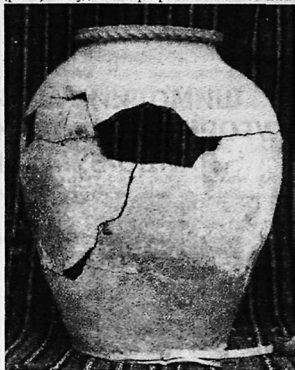

Рис. 6. Погребальный сосуд из могильника в селении Бирлашган

Подобные сосуды хорошо известны и датируются XI - XII вв.

Таким образом, полученные материалы свидетельствуют о широком распространении в раннем средневековье именно обряда погребения в сосудах, а не в оссуариях. И в этом отношении Зааминский туман не

является исключением из других регионов Уструшаны. Этот обряд, имея глубокие корни, продолжал практиковаться вплоть до монгольского нашествия, что зафиксировано и для некоторых других регионов Средней Азии (10, с. 253, 258-259).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицина А.А. Отчет о работах Зааминского отряда в 1995 г. // Архив ИА АН РУз. Самарканд, 1996.
2. Алимов У.А., Сверчков Л.М. Работы в Джизакской области // АО 1984 г. М., 1986.
3. Грицина А.А. К локализации рустака Бушагар // ОНУ. 1996. № 4-5. О находках хумов с человеческими останками нам рассказывали жители селения Бешпшагар. Один такой хум мы видели в лесовом холме близ местной школы.
4. Древний Заамин // История, археология, нумизматика, этнография // Ташкент, 1994.
5. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V - VIII вв.). Ташкент, 1966.
6. Ростовцев О.М. Изучение сельских поселений Самаркандского Сога // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
7. Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
8. Алимов У.А. Отчет Джизакского археологического отряда за 1975 г. // Архив ИА АН РУз. Ф.б, оп. 1, дело 2. Самарканд, 1975.
9. Грицина А.А. Об оссуарном обряде в Уструшане // Вера и культы домусульманской Средней Азии. Государственный музей Востока. Тезисы конференции. М., 1997.
10. Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА. 1961. № 3.
11. Пардаев М.Х. Северо-западная Уструшана в эпоху раннего средневековья // По материалам нижнего течения р. Сангзар. Автореф. канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
12. Рахимов С.Р. Краткий полевой отчет об археологических разведочных работах Института истории и археологии АН РУз в зоне Джизакского массива. Архив ИА АН РУз. Самарканд, 1967.

ШИМОЛИЙ-ҒАРБИЙ УСТРУШОНАДА СУФОРМА ДЕҲҚОНЧИЛИК ХЎЖАЛИГИНИНГ ПАЙДО БЎЛИШИ ВА ТАРАҚҚИЁТ БОСҚИЧЛАРИ

М.Х. Паргаев, С.С. Суёнов, А.Х. Паргаев

Қадимги халқлар тарихий тараққиётининг қонуниятларидан маълумки, жамиятда ишлаб чиқаришнинг илғор соҳаси вужудга келиб у хўжалик юртишда устувор мавқеига эга бўлганда моддий неъматлар яратишда катта сифат ва сон ўзгаришлари содир бўлади. Бу воқеийлик жамият тараққиётида муҳим ижтимоий, иқтисодий, маънавий силжишларни юзага келтиради ва ҳатто жамият тузумини бир шаклдан бошқа шаклга ўтишига олиб келади. Ибтидоий жамият ўз тарихи давомида оддийликдан мураккаблик сари элтувчи катта йўлни босиб ўтди. Бу нарсани хўжалик ва ҳаёт тарзида босқичма-босқич вужудга келган - термачилик, овчилик, чорвачилик, деҳқончилик, ҳунармандчилик каби моддий неъмат етиштириш ва ишлаб чиқариш соҳаларида ўз ифодасини топади. Сунъий суғориш тизимларига асосланган деҳқончилик соҳаси эса инсоният тарихий тақдирининг маълум даврида қилинган энг муҳим кашфиётлардан биридир. Чунки, суғорма деҳқончилик жамият тараққиётини тезлатди, дастлабки меҳнат тақсмотини вужудга келтирди, илк сиёсий тузумлар - давлатларни ташкил топишига асос бўлди. Шу нуқтаи-назардан кўҳна Шарк, жумладан, Турон юрти халқларининг ижтимоий-иқтисодий, моддий-маданий ҳаёти тараққиётида сунъий суғориш тизимларига асосланган деҳқончилик хўжалигининг ўрни бекиёс аҳамиятга эга бўлган, ўз ичига бир неча минг йилларни олган улкан тарихий жараёндир.

Демак, сунъий суғориш тизимларини пайдо бўлиши ва ривожланиши масалалари инсоният умум тарихи билан ҳамбарчас боғланган ҳолда ўрганишни тақозо қиладиган илмий муаммодир. Айни пайтда Ўрта Осиё сунъий суғориш хўжалиги тарихини худди шу нуқтаи-назардан ўрганиш қонуният тусини олган. Лекин, ушбу сунъий суғориш масалалари катта географик минтақа Ўрта Осиё, хусусан, Ўзбекистон тарихи, археологияси

фанида изчиллик билан ўрганилмоқда деган фикрдан йироқмиз. Таъкидлаш жоизки, Ўрта Осиё маданий минтақалари суғорма деҳқончилик тизимларининг ўрганилиши турли воҳаларда турлича даражададир. Хусусан, Оролбўйи, Хоразм, Зарафшон, Жанубий Қозоғистон ва Ёттисув воҳаларида бу мавзуда комплекс тадқиқотлар асосида изчил ва анча мукаммал илмий натижалар олинган бўлса, Фарғона, Уструшона ўлкаларидаги тадқиқотлар «камтарона» илмий изланишларни касб этади (Андрианов, 1969; Гулямов, 1957; Мухамеджанов, 1978; Грошев, 1997; Латынин, 1956; Билалов, 1980).

Ўрта Осиёнинг қадимги ўтрок, тарихий-маданий ўлкаларидан бири Уструшона ҳам (айниқса унинг шимолий-ғарбий, яъни Ўзбекистон қисми) суғорма деҳқончилик маданияти тарихи кам ва қучси ўрганилган регионлардан бири ҳисобланади. Ўзбекистон ФА Я.Ғуломов номли археология институти Жиззах отрядининг 1980-1990 йилларда мазкур воҳада ўтказган қидирув, қазув тадқиқотлари натижасида қадимги сунъий суғориш тизимларини ўрганиш борасида бир қадар изланишлар қилинди (Бердимуратов, 1985; Пардаев, 1995; Суёнов, 1998). Таъкидлаш керакки, шимолий-ғарбий Уструшона географик атамаси замирида худудий жиҳатдан Сангзор ҳамда Зоминсув дарёлари ўртасидаги суғорма деҳқончилик воҳаси назарда тутилади. Туркистон тоғининг Чумқартов тизмаларидан бош олиб Ҳайдарқўлгача (150 км) оқувчи Сангзор, ўрта аср Уструшонасининг уч рустоки - Бурунамад, Харақана, Фағнонни кешиб ўтган ва қадимдан бу маданий воҳаларнинг асосий сув манбאי ҳисобланган.

Зоминсув эса Уструшонанинг бош шаҳри Бунжикатдан кейинги мавқеига эга бўлган Зомин - Сарсанданинг ичимлик суви эҳтиёжи ва суғорма деҳқончилигига сарфланган. Тадқиқотларнинг кўрсатишича дарё суви Мирзачўл

сарҳадларида жойлашган Қоратепа шаҳар ёдгорлигига (60 км) етиб борган.

Археология тадқиқотларининг энг сўнгги натижалари воҳода ўтрок ҳаёт шаҳар маданияти билан узвий боғлиқ ҳолда антик даврда вужудга келганлигини шаҳодат беради. Истикболда самарали археология изланишларини давом этдирилиши суғурма деҳқончилик маданияти илдишларини янада қадимдан бошлангичлигини исботлаши мумкин. Ушбу мақолада шимолий-ғарбий Уструшона суғурма деҳқончилик ҳўжалиги тарихининг антик, илк ўрта аср, ривожланган ўрта аср ва сўнгги ўрта асрлардаги асосий хусусиятлари устида тўхталамиз.

Антик давр. Уструшонанинг марказий қисмида ўтрок ҳаёт ва суғурма деҳқончилик қадимдан вужудга келганлиги тадқиқотчилар томонидан эътироф этилган. О.И.Смирнова таъкидаганидек - «юнон муаллифларининг шохидлик беришича, Ўрта Осиё, хусусан, Уструшонада милодий эр.авв. IV асрдан шаҳар ҳаёти тараккий этган, сунъий суғориш тизимларида асосланган деҳқончилик ривожланган. Ўрта Осиё шаҳарлари орасида ўша давр учун энг улкан ва таникли бўлган Кирополь шаҳри Уструшонада жойлашган. Тарихчилар Кирополдан ташқари Александрнинг лагерь-қароргоҳи билан Сирдарё ўртасида жойлашган яна бешта шаҳар ҳақида хабар берадилар, ва бу шаҳарлардан фақат бири Газа шаҳри номини эслатиб ўтишадир». - (Смирнова, 1953, 188 с.).

Антик давр муаллифлари ўз эсдаликларига Уструшонанинг шимолий, шимолий-ғарбий вилоятлари ҳақида, афсусли, фикр билдиришмайди. Шу сабабли бу давр ҳаёт тарзи ва ҳўжалиги тарихини аввало географик шароитларни ҳисобга олган ва уни таққослаган ҳолда, қолаверса фақат археология тадқиқотлари натижасида яратиш мумкин.

Сангзор ва Зоминсув дарёлари водийсига, Туркистон, Моргузар тизмалари, Нуротанинг шарқий ўнгирлари тоғ этакларидаги текисликларга, Мирзаўл билан туташ дашт ҳудудларга ҳўжалик юриғининг воҳа типини хусусиятлидир. Ҳўжаликнинг воҳанинг асосий сув манбалари Сангзор ва Зоминсув ҳудуди тасарруфидаги Қили, Хўжамушкентсой, Шўрбулоксой, Равотсой, Пишағарсой, Жалойирсой, Туркмансой ва бошқа оқар сув ҳавзалари ер тузилиши геологик ўрталмачи даврнинг унумдор аллювиал катламлари билан қопланган. Шунингдек, бу водийлар ҳудудидаги антик давр ёдгорликлари атрофидаги ер юзини оқар сув таркибиде «қўчиб» келган ва тарқалган лойтупроқ ва кумтупроқ бирикмаларидан иборат қатламнинг бир неча сантиметрдан 2,5 м. гача этакдан унумдор, маданий агроирригация катлами

қоплаган. Тупроқшунос мутахассисларнинг аниқлашича Зарафшон ва Сангзор воҳаси суғурма майдонларида агроирригация катламининг бир йиллик ўсиши 1,3 мм.га, 150-200 йиллик ўсиши 20-30 см.га тенг (Алибеков, Нишонов, 1978, 25 с.). Бундан келиб чиққан ҳолда қалинлиги 2,5 м. га этакдан агроирригация катламли воҳаларда, хусусан Қалиятапа суғурма деҳқончилик мавзёида илк ирригация тизимлари 2000 йилдан кам бўлмаган даврий санада пайдо бўлганини тахмин қилиш мумкин (Пардаев, 1995, 10 с.).

Шимолий-ғарбий Уструшонадаги ҳозиргача археология тадқиқотлари асосида аниқланган энг қадимги суғурма деҳқончилик воҳаси Хўжамушкентсой ҳавзасидаги Хонтепа, Сағанақтепа кишлоқ маконлари билан боғлиқ маданий мавзёидир. Бу икки ёдгорлик сойнинг ўнг қирғоғида, унинг қуйи оқимида жойлашган бўлиб милодий эр.авв. V-IV асрлар билан даврабланиб (Гришина, 1990). Хўжамушкентсойнинг қуйи оқими ҳозирги пайтда бетон шох ариққа солиниб Хонтепа мавзёи яқинидан ғарб-шарқ йўналиши бўйича буриб юборилган бўлсада, эни, 50-60 м. га, чуқурлиги 3-5 м. га тенг, жануб-шимоли томонлари бўйича йўналган эски, қуруқ ўзан ҳозиргача сақланиб қолган.

Сангзор ва Зоминсув оралиғидаги воҳада илк антик даврга оид Хонтепа ва Сағанақтепага ўхшаш ёдгорликлар ҳозирча бошқа қайд этилгани йўқ. Бу аввало ушбу даврга оид ёдгорлик умуман йўқ деган маънони бермайди, қолаверса ўтмишда бўлганлари ҳам А. Македонский истилоси муносабати билан вайрон этилган бўлиши мумкин.

Шимолий-ғарбий Уструшонада Хонтепа йил санаси билан маълум даврий узилтишдан кейин бир гуруҳ аҳоли маконлари қад кўтарди. Бу маконлар суғурма деҳқончиликнинг оддий қонуниятига амал қилган ҳолда, катта сой ва булоқлар ўзани ёқасида, воҳанинг асосий сув манбаи икки дарё қирғоғида қурилади. Уструшонанинг маълум ва машҳур шаҳарларидан бири Зоминнинг ўрни Қўронтёпадан (Ўрдатепа), милодий эр.авв. II-I асрларга оид археологик материалларни шаҳарни иччиллик ва деҳқончилик суви билан таъминлаш учун Зоминсувдан чиқарилган шох ариқ ёқасидан топилиши тасдиқий ҳол эмас (Буряков, Гришина, 1994, 63-66 с.). Антик даврнинг ушбу босқичида Сангзор дарёси билан боғлиқ деҳқончилик ҳудудларида аҳоли маконлари қурилиши нисбатан оммавий тусни олган. Бу даврда воҳанинг энг улкан ва бизнинг давримизгача яхши сақланиб қолган Қалиятапа шаҳар макони бунёд этилган. Ёдгорлиқни бир неча жойида ўтказилган

казув-тадқиқотлари натижасига кўра бу ерда эр.авв. III-II асрлардаёқ шаҳар қурилиши хусусиятлари - арки аъло, мудофаа девори, шахристон (майdonи 5 га) яққол намоен бўлади. Стратиграфик тадқиқотларни ниҳоясига етмаганини ҳисобга олсак мазкур даврий сана янада қадимийлаштиши мумкин (Пардаев, 1995, 87-89 с). Қалиятёпа ва унинг теграсидаги деҳқончилик воҳалари сугорма тизимларини аниқлаш бир қадар муҳаммалликка эга. Мазкур шаҳар ёдгорлиги Сангзорни ҳозирги ўзанининг энг яқин жойидан 3 км масофа узоқликда, Жиззах воҳасининг шарқий нишаблик мавзёида жойлашган. Айни қунларда ҳам фаолият кўрсатаётган қадимги «Мўлканлик» шох ариғи Қалиятёпа аҳоли маконини, унинг атрофидаги зироатчилик пайкалларини сув билан таъминлаган. «Мўлканлик» шох ариғи сув юртишининг қадимги иншоотидир. Ушбу фикрлар фойдасига қуйидаги омиллар хизмат қилади. Биринчидан, «Мўлканлик» шох ариғи ўрта асрларда Сангзорда қурилган «Беш қувур» сув айирғич тўғонидан эмас, балки дарёнинг юқори қисмидан бош олган. Сув дамба орқали эмас, табиий равишда Қалиятёпа томон оққан. Иккинчидан, «Мўлканлик» шох ариғи ҳавзасида кейинчалик 10 га яқин илк ўрта аср қалъа-рабодлари қад кўтарган. Демак, сув сийғими 2,0-2,5 куб.м. бўлган «Мўлканлик» ариғи антик даврдан бошлаб фаолият кўрсатишни бошлаган ва ўз фаолиятини кейинги давр илк ўрта ва ривожланган ўрта асрларда ҳам давом этдирган.

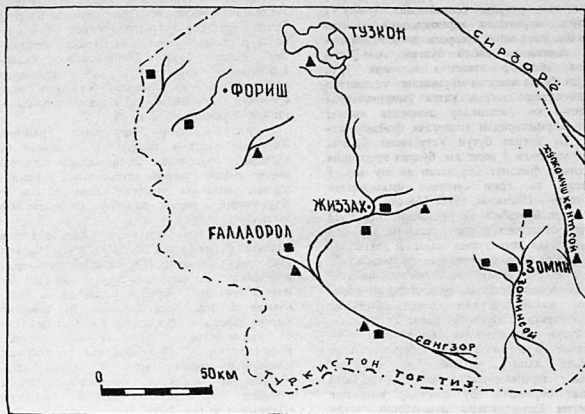
Маълумки, Қалиятёпа шаҳристонини уч томондан эни 25-50 м, сақланиб қолган чуқурлиги 1,5-3 м.га тенг, маҳаллий аҳоли томонидан «сой» деб аталадиган ҳандақлар билан ўраб олинган. Ёдгорликнинг тўртинчи, шарқий томонида ҳам ҳандақ мавжуд бўлган, лекин, у ўтган аср охирида темир йўл қурилиши, кейинги даврларда бошқа ер ишлари сабабли сақланиб қолмаган. Айнан ушбу ҳандақларнинг шимолӣ қисмида агроирригация қатлами қалинлигини ўрганиш учун казув тадқиқоти ўтказилди. Натижада қалинлиги 2,48 м.га тенг, оқш қўнғир тусли лой ва қумтупрокдан иборат агроирригация қатлами аниқланди. Мутахассисларни таъкидлашча Туркистон тизмаларидан бош олувчи Сангзор қучли лойқа сувли дарё ҳисобланади. Туркистондан бош олувчи дарё ва сойлар унинг ён бағри қияликларидати худудларнинг 1 кв.км.дан ўртача 250 т лойқа ётқизиклар оқизади (Максудов, 1995, 80-81 с). Демак, сув таркибиди лойқа оқизиклар қанча кўп бўлса, сугориладиган пайкалининг нишаблиги қанча кам бўлса, агроирригация қатлами мумкин қадар қалин ҳолатда ҳосил бўлади. Қалиятёпа мудофаа ҳандақлари худди

шундай сифатларга эга бўлишдан ташқари бу ҳавзани узлуқсиз равишда сувга тўлдириб қўйилганини ҳисобга олсак юқоридаги натижани бежиз эмаслигини тасаввур қиламиз. Тўғри, Қалиятёпада XVI асрнинг ўрталарида ҳаёт тўхташи билан ҳандақлар ўз фаолиятларини тўхтатишган. Лекин, умумий майdonи 5 га. дан ошик бўлган ҳандақлар ўрни кейинги даврдан ҳозирга қадар деҳқончилик ери сифатида ишлатилган ва узвий равишда сугорилиб келган. Демак, Қалиятёпанинг агроирригация қатламини ўрганиш ҳам мавзёида сугорш ишлари антик даврларда йўлга қўйилганини кўрсатади.

Сангзорнинг ўрта оқими ҳавзасида қайд қилинган Кўргонтёпа, Қилининг қуйи оқимида жойлашган Дунётепа ёдгорликлари даврийлик жиҳатидан региондаги ўтроқ ҳаёт тарзи ва деҳқончилик ҳўжалигининг узвий давомчилири бўлиб юзага келган. Кўргонтёпа эр.авв. II-I; Дунётепа милodий эранинг I асри билан даврланади (Пардаев, 1996, Гулямов, 1961). Дарёнинг юқори оқимида эса худди шу даврларга оид Кўргон ва Ойдинсойтепа бунёд этилади. Таъкидлашимиз керакки. Ойдинсойтепа харобалари Сангзорнинг икки қирғоғида жойлашган. Ушбу аҳоли маконларининг иқтисодий ҳаёти сугорма деҳқончиликка асосланган бўлган ва бунинг учун қулай табиий шароитларга эга бўлган. Кейинги даврларда улар Уструшона давлатининг маъмурий худудий бўлинмалари-рустоқларнинг бош шаҳри бўлиб тарих саҳнасидан ўрин олган. Хусусан, Қалиятёпа-Дизак (Фағнон), Кўргонтёпа-Харакана (Харакана), Кўргонтёпа (Урдатепа)-Зомин-Сарсаанда (Зомин), Хонтёпа-Сағанақтепа, Қултепа-Сабат (Сабат).

Шундай қилиб қисқа хулоса қилишимиз мумкин, яъни, аниқланишича шимолӣ-ғарбий Уструшона сугорма деҳқончилик ҳўжалиги муқаддаси Хонтёпа аҳоли макони билан боғлиқ. Қичик даврий танаффусдан кейин мазкур маданият Сангзорнинг қуйи оқими Қалиятёпа мавзёида вужудга келган, бу жараён дарёнинг ўрта ва юқори оқими волийсига, Зоминсув, Қили дарёчалари ҳавзасига қўчган ва давом этган (1-расм).

Илк ўрта асрлар. Бу даврда, айниқса унинг охиридада Уструшонада аниқ маъмурий-худудий чегараланиш юз берди. Мамлакатнинг маъмурий, маданий ва сиёсий маркази - Бунжикат ажралиб чиқди. Бунжикат Уструшонанинг ҳокимлари - афшинлар қароргоҳи, пойтахт шаҳар сифатида фаолият кўрсата бошлади. Аввалдан маълум сув манбалари ҳавзасида, чул-дашт мавзёйлари билан чегарадош жойларда янги шаҳар ва кишлоқ турар жойлари вужудга келди. Дизак-Зомин-Сабат-Ховос-Бунжикат рустоқлари йўналиши бўйича кўп сонли транзит савдо

1 - расм. Антик давр ёдгорликлари харитаси

карвонлари фаолияти йўлга қўйилди. Бу нарсаларнинг барчаси илк ўрта асрларда Марказий Осиёнинг қадимдан шаклланган икки хил маданияти, турмуш тарзига мансуб ўтроқ деҳқон ва чорвадор кўчманчи халқларнинг моддий-маданий хусусиятларини янада яқинлашуви, этник жиҳатдан аралашувининг янада кучайганлиги, ижтимоий иқтисодий жабҳаларда ўзаро таъсир доирасини кенгайганлиги билан изоҳланади (Пардаев, 1995, 159 с).

Маълумки янги эранинг III-IV асрларида чўл халқларининг «буюк кўчиш даври» бошланади ва бунинг натижасида Ўрта Осиёнинг катта ҳудудий бирликлари янги аҳоли туркуми кириб келади. Бу жараёнлар Сирдарёнинг ўрта оқими ҳавзаларида ниятда фаол равишда кечган. Хўжалиги, турмуш тарзи Сангзор ва Зоминсув манбаи асосида ўтроқ деҳқончиликка асосланган шимолий-ғарбий Уструшона ўзининг географик ўрни жиҳатидан ўрта Сирдарё бўйи чорвадор халқлари учун энг қулай ижтимоий-иқтисодий алоқа макони бўлиб фаолият кўрсатган.

Тадиқотларимиз таҳлилига кўра, илк ўрта асрларда кўчманчи чўл халқларини шимолий-ғарбий Уструшонага таъсирини, умумий алоқа меъзонлари ва моддий-маданий

алмашувларини даврийлик жиҳатдан икки босқичга ажратиш мумкин. Биринчи босқич IV-VI асрлар билан иккинчи босқич VII-VIII асрлар билан даврланади. Бизнингча, чўл халқларининг III-IV асрларда маданий, деҳқончилик воҳалар томон силжиши аксарият ҳолларда уларнинг ўтроқ ҳаёт тарзига ўтиши билан низоҳланган. Бу ҳолат V-VI асрларда оммавий тус олган.

Оммавий ўтроқлашув жараёнини кўчманчилар жамиятининг ички ижтимоий тизимларидаги ўзгаришлар билан боғлаш мумкин. Яъни, чўл жамиятидаги мулкый ва ижтимоий табақаланишни кучайиши, асосий омманинг камбағаллашуви, яйловларнинг етишмаслиги каби сабаблар, аксарият ҳолларда чорвадорларнинг юксак маданиятли ўтроқ аҳоли таъсирига тушиб қолиши оқибатида уларни ўтроқлашувига сабаб бўлган (Пардаев, 1994, 68-69 с). Дарҳақиқат, ўрганилаётган воҳада мавжуд бўлган археология ёдгорликларининг 60-65 фойизи илк ўрта асрларга тааллуқли кишлоқ маконларидир. Мазкур кишлоқ маконлари кўпгина ҳолларда антик даврдан бери фаолият кўрсатиб келаётган шаҳарлар атрофида тўпланган ва алоҳида мўъжаз суғорма деҳқончилик воҳасини ташкил қилган.

Илк ўрта асрларда оммавий ўтроқлашувни амалга оширилиши табиий равишда суғорма деҳқончилик ерларини кенгайтишига, бу эса ўз навбатида ирригация тармоқларини ривожланишига, янги-янги суғориш шахобчаларини бунёд этилишига сабаб бўлган. А.И.Билаловнинг эътирофи эътишога - «илк ўрта асрларда бунёд этилган ирригация тизимлари ва ишшоқлари деярли катта ўзгаришларсиз бир неча юз йилликлар давомида хизмат қилган, айримларидан ҳозиргача фойдаланилмоқда. Бу даврда бутун Уструшона бўйича умумий узунлиги 3 минг км. бўлган ирригация тармоқлари фаолият кўрсатган ва шу асосда 200 минг га. ерни суғориш имкониятига эришилган» - (Билалов, 1980, 138 с).

Шимоллий-ғарбий Уструшолада илк ўрта аср суғорма деҳқончилик ҳўжалиги ҳар бир кичик воҳа ва унга туташ маданий текисликларда, айнан ўша мавзейнинг сув манбалари (дарёча, сой, булок), зироатчилик пайкалларининг геоморфологик тузилиши хусусиятларидан келиб чиққан ҳолда мустақил равишда тараққий этган. Бу ҳолат Уструшонанинг бутун деҳқончилик мавзейлари учун хусусиятли бўлгани сабабли ўрганилаётган минтақада яхлит, умумий, марказлашган суғориш тизимларини барпо қилишга имконият бермайди. Бу фикрлар воҳанинг археология ёдгорликлари мажмуини тузиш учун кидирув ишлари олиб борилганда ўз тасдиғини топди. Ёдгорликлар маълум кичик воҳанинг маъмурий, маданий маркази сифати фаолият кўрсатган шахар атрофида тўпланган. Бу бизнингча юқорида таъкидланган кичик воҳаларнинг муваққат ҳўжалик юритиши, айниқса марказий шахар мудофаси, ҳарбий стратегиясини ҳисобга олиб амалга оширилган.

Шимоллий-ғарбий Уструшонанинг асосий сув ҳавзаларида ўта гавжум, зич жойлашган археология ёдгорликлари ташкил қилган кичик маданий воҳалар суғорма деҳқончилигини қуйидагича ирригация районларига бўлиб ўрганиш мақсада мувофиқдир.

Юқори Сангзор ирригация райони. Сўнгги археологик маълумотлар натижаси бўйича бу ҳудудни 2 та суғориш шахобчасига ажратиш мумкин. Биринчиси Сартўзи қишлоғидаги Кўргон ёдгорлиги атрофида тўпланган 13 та илк ўрта асрларга оид қишлоқ маконларидан иборат суғориш шахобчаси. Бу мўъжаз воҳанинг суғориш тармоқлари Сангзордан эмас, балки унинг ирмоқлари Тағобсой, Тангатописой, Окхўргонсой, Жум-жумсой манбаларидан сув олган. Тағобсойдан Кўргонга тортилган 1,0 км. га яқин сопол қувор тизими диққатга сазовордир (Пардаев, Суенов, 1993, 50-51 с).

Ёдгорликларнинг илк ўрта ва ривожланган ўрта асрларга оид 10 дан ортик

иккинчи гуруҳи Сангзорнинг ўнг қирғоғида жойлашган Бўзтепа шахар харобаси атрофида тўпланган. Мўъжаз воҳанинг маркази Бўзтепа ўрнида ўрта аср Уструшонисининг маълум ва машҳур шахарларидан бири Нўжкет жойлашган деган фикр билдирилган. Ҳисоб-китобларга қараганда ушбу ирригация районида ила ўрта асрларда 5-6 минг га ердан суғорма деҳқончилик ҳўжалигида фойдаланилган (Суенов, 1998, 13 с).

Ўрта Сангзор ирригация райони. Харакана русети тасарруфига кирувчи бу ҳудуддаги археология ёдгорликлари қадимий шахар ҳаёти, суғорма деҳқончилик давомийлигини ўзида акс этдирган Ойдинсойтепа ва Кўргонтепа суғориш шахобчалари мавзейида тўпланган.

Ойдинсойтепа суғориш шахобчасига Галларол тумани Гулистон жамоа ҳўжалиги ҳудудида, Сангзорнинг икки қирғоғи бўйида жойлашган ёдгорликлар гуруҳи қиради. Бу мавзей мил.эр. I асрдан ўзлаштирила бошланган ва илк ўрта асрларда бу фаолият юқори даражага кўтарилган. Қайд этилган 15 та ёдгорликдан 9 таси V-VIII асрларга тааллуқлидир. Ойдинсойтепа суғориш шахобчаси дарёга яқин ва қулай ерда жойлашгани сабабли мураккаб усулдаги суғориш тармоқларига эҳтиёж бўлмаган (Пардаев, Суенов, 1993, 51 с).

Кўргонтепа суғориш шахобчаси Ойдинсойтепадан 15 км шимолда жойлашган шахар обидаси атрофида тўпланган 21 та (шундан 15 таси V-VIII асрга оид) археология ёдгорликлари билан боғлиқ. Кўргонтепа атрофида қадимий шох ариқ ўрни, суғориш тизимлари ва кориз системасининг иккита қудуғи қайд этилган. (Суенов, 1998, 14 с).

Бу мавзейда илк ўрта асрларда йирик ер эгалари феодал-деҳқонлар томонидан қурилган қалъа, кўргонлар-Кингиртепа, Алмантепа I, II, Жалмантепа, Лапахтепа тарихи, моддий-маданияти шимоллий-ғарбий Уструшонанинг бошқа воҳаларига нисбатан яқши ўрганилган (Бердимуродов, Пардаев, 1988, 1990). Кингиртепа комплексига кирувчи ҳудуддан узумдан мусаллас тайёрлашга ихтисослашган кичик қорхонани топилиши бу ўлкада нафақат деҳқончиликни, балки, боғдорчиликни ҳам юқсак тараққий этганидан далолат беради (Бердимуродов, 1986, 210-215 с.).

Умумий ҳисобларга қараганда Ўрта Сангзор ирригация районида илк асрларда 8 минг га дан кўп деҳқончилик ерлари сўнғий равишда суғорилган.

Қўян Сангзор ирригация райони. Бу районни Жиззах шахри ва тумани ҳудудидаги мавжуд археология ёдгорликлари ташкил қилади. Ўз суғориш тармоқларининг қадимийлиги, муқаммаллиги ва ханузгача давом этиб келаётган узвий фаолияти билан бу ирригация

райони бошқалардан ажралиб туради. Қуйи Сангзор ирригация райони ҳам даврийлик жиҳатдан иккига Қалиятапа ва Ўрда суғориш шаҳобчаларига бўлинади.

Қалиятапа суғориш шаҳобчасини Жиззах воҳасининг шарқий қисмида диаметри 3,5-4,0 км айлана, худудий бирлик ичида жойлашган 20 та ёдгорлик ташкил этади. Бир-биридан 600-800 м масофа узокликда жойлашган бу

ёдгорликлар ўрта аср Уструшонси Фағнон рустокининг бош шаҳри Дизак деб талкин қилинаётган Қалиятапани ўраб туради ва ўзига хос «мудофаа занжири»ни ҳосил қилади. Қалиятапа суғориш шаҳобчаси тизимига илк ўрта асрлардан бошлаб «Мўлканлик» аригидан ташқари Сангзордан бош олган «Қангли» ариғи ҳам қўшилган (2-расм).

2 - расм. Қалиятапа ва унинг атрофидаги суғорма ерлар.

Ўрда суғориш шаҳобчаси Қалиятапа суғориш шаҳобчасидан кейинги даврда вужудга келган. Ўрда шаҳар ёдгорлигининг илк қатламлари IX-X асрларга тааллуқли. Қалиятападан 6 км шимолий-ғарбда жойлашган Ўрда суғориш шаҳобчаси тасарруфиди 13 та (шундан 8 таси илк ўрта асрларга оид) ёдгорлик қайд этилган. Мазкур суғориш шаҳобчаси ўзининг том маънодаги фаолиятини ривожланган ўрта ва сўнгги ўрта асрларда курсатган.

Қуйи Сангзор ирригация районида ўрта асрларда Қалиятапа ва Ўрда суғориш шаҳобчалари бир-бирига қўшилиб бир бутун яхлит суғорма деҳқончилик воҳасини ташкил қилган. Бу даврларда тахминин 30-32 минг га. деҳқончилик ери суғорилган (Суёнов, 1998, 16 с).

Зоминсув ирригация райони. Зоминсув ҳавзасида 32 та археология ёдгорлиги қайд этилган. Мазкур суғорма деҳқончилик худудиди илк ўрта аср қишлоқ маконлари Кўргонтепа (Ўрдатепа) шаҳар ёдгорлиги атрофида тўпланган. Шунингдек, Хўжамушкентсойнинг ўрта оқимида қайд этилган. Қултепа шаҳар ёдгорлиги атрофида ҳам 10 га екин илк ўрта аср қалъа, кўргонлари қурилгани қайд этилган. Пишагорсой, Жалойирсой, Қизилломасой каби сув манбалари ҳавзасида, тоғ олди худудларидаги ерларда ҳам суғорма деҳқончилик ишлари йўлга қўйилган (3-расм).

Илк ўрта асрларда содир бўлган ўтроқлашув жараёнлари Зоминсув ҳавзасида ҳам суғориладиган ерларни максимал тарзда ўзлаштирилишига сабаб бўлган. Бу давр Зомин суғорма деҳқончилик хўжалигининг юксак тараккий этган даври бўлиб ҳисобланади. Ривожланган ўрта асрларда Уструсона рустоклари орасида Зомин деҳқончилиги етакчи нуфузга эга бўлган ва бунга илк ўрта асрларда замин тайёрланган. Бу даврда Зоминсув ҳавзасида 14-16 минг га. ерга суғорма деҳқончилик экинлари экилган (Суёнов, 1998, 16 с).

Равотсей ирригация райони. Бу суғорма деҳқончилик худуди Морғузар тоғининг шарқий ўнгирларидаги булоқлар йиғинидан ҳосил бўлган Равотсей ҳавзасида (Жиззах тумани, Учқиз, Равот қишлоқлари) ташкил топган. Равотсейнинг чап қирғоғида жойлашган Номсизтепа шаҳар ёдгорлиги атрофида V-VIII; X-XII асрларга оид 11 та қишлоқ макони қайд этилган. Равотсей воҳасидан Сўғдни Уструсона, Фарғона, Чоч билан қарвон савдоси бўйича боғловчи Буюк Ипак йўлининг бир тармоғи ўтган. Бу йўлдан кўчманчилар оқими ҳам Сўғд томон силжиган. Уларнинг айрим гуруҳлари Равотсей худудида ўтроқлашган. Илк ўрта асрларда Равотсейда 3,5-4,0 минг га. ер суғорма деҳқончилик учун ўзлаштирилган.

3 - расм. Зоминсувнинг қуйи оқими эски ўзани

Мажрумсой ирригация райони. Жиззах воҳасининг ғарбий томонидан жойлашган мазкур суғорма деҳқончилик мавзеини ўрта асрда бунёд этилган Хонбанди тўғони тасарруфидаги ҳудудларни ўз ичига олади. Илончисой, Қизилқиясой, Ухумсой, Сўлокисой ҳавзаларида 15 га яқин ёдгорлик қайд этилган. Милодий эр.авв. II-I асрларда бунёд этилиб, айрим тўхталишлар билан XIII аср бошига фаолият кўрсатган Эски Қўрғонтепа ва Хонқелдипепа шаҳар ёдгорликлари атрофида ўзлаштирилган ерлар бу воҳада ҳам суғорилиш тизимларига асосланган деҳқончилик илдиэлари антик даврдан бошланганлигидан далолат беради.

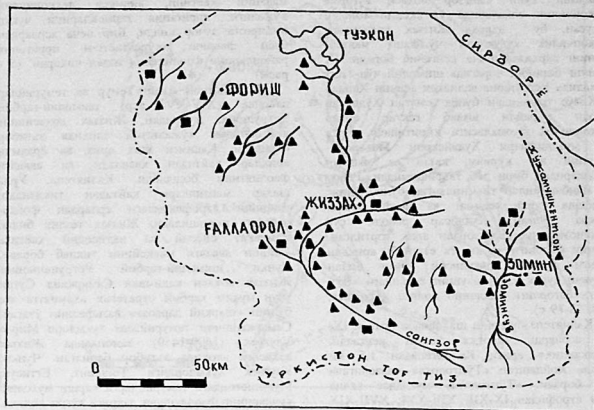
Археология маълумотларига кўра шимолий-ғарбий Уструшонанинг бошқа суғорма районларидан фаркли ўлароқ Мажрумсой ирригация райони деҳқончилик ҳўжалигининг тараққий этган даври IX-XII асрларга тўғри келади. Йил мавсуми давомида, муқим оқувчи сув манбанларининг деярли мавжуд эмаслиги бу ўлкада қадимдан сув танқислигини келтириб чиқарган ва деҳқончилик ривожига салбий таъсир кўрсатган. Ўрта асрларда Хонбанди сув тўғонини (X аср) қурилиши қориз тизимларини йўлга қўйилиши орқали сув танқислиги муаммосини бир қадар ҳал қилишга эришилган. Археологик картография ҳисоб-китоблари натижасига кўра бу даврда Мажрумсой ирригация районида 4-6 минг га. суғорма деҳқончилик ерлари оқар сув билан таъминланган (Суюнов, 1998, 17 с, 1998).

Шимолий-ғарбий Уструшонанинг илк ўрта асрлар суғорма деҳқончилиги учун

қуйидагиларни ҳулоса қилишимиз мумкин. Демак, бу давр суғорма деҳқончилик ҳўжалиги, айнан ушбу давр учун ҳусусиятли бўлган сиёсий, ижтимоий-иқтисодий, маданий муносабатлар билан узвий боғлиқ ҳолда тараққий этган. Юқорида таъкидланганидек, бу давр ўрта Сирдарё бўйи қорвалор халқларининг оммавий тарзда ўтроқлашув жараёнлари билан характерланади. Сирдарё бўйи халқлари учун энг яқин «контакт зона» ҳисобланган Уструшона мазкур ўтроқлашув жараёнларига биринчилардан бўлиб тортилган ва бу жараёнларда фаол иштирок этган.

Археология тадқиқотлари орқали аниқланишича Санғзор, Зоминсув ва бошқа тоғ сойлари ҳавзаларида айнан ушбу даврларда ўнлаб кишлоқ манзиллари бунёд этилади ва улар атрофидаги унумдор ерлар ўзлаштирилади. Оқибатда IV-V асрларда кичик-кичик деҳқончилик воҳалари шакллана бошлайди. Бу жараёнлар Турк ҳоконлиги ҳукмронлиги даврлари VI-VII асрларда шимолий-ғарбий Уструшонада бир қатор компакт, мўъжаз маданий воҳаларни юзага келиши, суғорилиш тизимларига асосланган деҳқончилик ҳудудлари - ирригация районларини муқаммал ҳолда шаклланиши билан яқунланади (4-расм).

Ривожланган ўрта ва сўнгги ўрта асрлар. Ушбу давр суғорма деҳқончилик ҳўжалиги ва ирригация тармоқлари ҳақида фикр билдириш учун бизнинг ихтиёримизда нафақат даврий санаси ишончли аниқланган археология ёдгорликлари, балки, узук-юлук баъзи ҳолларда бир-бирини инкор этадиган ўрта аср

4 - расм. Илк ўрта аср ёдгорликлари харитаси.

арабзобон муаллифларининг ёзма маълумотлари мавжуд. Ўрта аср географ-сайёхларининг ёзишча бу даврда Уструшона Мовароуннахрнинг Сўғд, Фарғона, Шош вилоятлари каби тараккий этган, кўп тармоқли деҳқончилик вилоятига айланган. Истахрий бу вилоятлар ҳақида ёзар экан «сув билан таъминланмаган шаҳар, кишлоқ, экинзор ва яйловларнинг ўзи йўқдир. Энг тоза, энг юмшоқ, энг хуштаъм сув улардадир».... деб тасдиқлайди. Ибн-Хавқал эса бу ўлкада меваларни жуда кўп етиштирилишини, хатто мевалар билан «уй-ҳайвонлари боқилиши» ҳақидаги хайратомуз маълумотларни келтиради (Билалов, 1980, 109).

Ёзма ва археология маълумотларига кўра бу даврда уструшонликлар асосан ғаллакорликда - бўғдой, арпа, сули, шол, кунжут, нўхат ловия, богдорчиликда - узум, ўрик, олма, олча, шафтоли, ёнғок, бодом, полизчиликда - ковун, тарвуз, ковоқ етиштирганлар. Пахта етиштириш деҳқончилик ҳўжалигида муҳим ўринда турган (Данилевский, Кононов, Никитин, 1940, 489-490 с). Кўриниб турибдики, экинларнинг асосини кўп сув талаб қиладиган ўсимлик ва мевалар ташкил қилган.

Ўрта асрларга оид ёзма манбалар муаллифлари, афсуски, Уструшонанинг сўғориш тизимлари ҳақида аниқ ва тўлиқ маълумотларни ёзиб қолдиришмаган. Муал-

лифлар пойтахт Бунжикатнинг сув таъминоти ҳақида нисбатан анча тўлиқ маълумот беришсада, қолган рустоклар ва уларнинг бош шаҳарлари сув ҳўжалиги ҳақида қисқа ва умумий тарзда «оқар сув манбаи мавжуд» лигини эслатиб ўтишган холос. Дарвоқе, Истахрий «Уструшонада кемалар суза оладиган дарё ва кўллар йўқ» деб хабар берса, Ёкут Зоминнинг «мўл оқар суви, чексиз ғаллазорлари, анвойи боғлари, сонсиз чорва моллари» ҳақида маълумот беради. «Худуд ал-Олам»нинг номтаълиму муаллифи эса Жиззахни- «оқар сув яқинидаги шаҳар»- деб таърифлайди. Таъкидлаш жоизки, сайёхларнинг ушбу қисқа эътирофларидан ҳам ўрта асрларда Уструшонада, хусусан, унинг шимолий-ғарбий рустокларида ирригациянинг кенг тармоқ отган тизимлари мавжуд бўлганлигини, суғорма деҳқончиликда мўл ҳосил олинганини билса бўлади. Уструшонада етиштирилган деҳқончилик маҳсулотлари қўшни вилоятларда, хусусан, Хужанд бозорларида сотилган (Бетгер, 1957, 17-22 с).

Археология тадқиқотларининг натижалари бу даврда аҳоли яшаш маконлари сон жиҳатдан илк ўрта асрларга қараганда камайган бўлсада, маконларнинг хусусий майдони ва улар тасарруфидаги мавзёлари, деҳқончилик ҳудудларини анча кенгайганлигини кўрсатади.

Бу ҳолат аввало шимолий-ғарбий Уструшонанинг куйи Сангзор воҳаси суғорма деҳқончилик воҳаларида ўз аксини топади. Хусусан, бу даврда Жиззах воҳасидаги деҳқончилик ҳудудлари чўл-дашт мавзейларнинг сарҳадларигача кенгайиб боради. IX асрининг биринчи чорагида шимолий чўл-дашт сарҳадида Уструшона валиаҳди афшин Хайдар б. Ковус томонидан бунёд этилган Худайсар рабоди туфайли юзлаб гектар ерлар деҳқончилик муомаласига киритилади. Ўрта аср муаллифлари Худайсарни Мовароуннахрнинг энг кўркам, катта ва машҳур рабодларидан бири деб таърифлашади. Рабод сув манбаи билан таъминланган бўлиб унинг атрофида турли жамоат ва вақф ерлари мавжуд бўлган. Худайсар рабоди сув таъминоти учун Сангзордан ариқ тортилган. Умумий узунлиги 15 км. га етган бу ариқдан бүгунги кунда Уркулисой номи билан аталувчи курук ўзан ва унинг ёқасидаги «Кўк рават» ёдгорлиги сақланиб қолган. (Пардаев, 1990, 78-79 с).

Қалятепа суғориш шаҳобчаси ерлари IX-XII асрларда шарққа томон кенгайди. «Мўлканлик» ариғи Қалятепадан 1,5 км шарқда жойлашган «Тўптолота» мавзейигача етиб боради. «Тўптолота» муқаддас авлиё жойи атрофидан IX-XII; XIV-XVI; XVII-XIX асрларга оид кўплаб қулоллик идишларини топилиши ушбу фикрларни тасдиқлайди.

Ўрда суғориш шаҳобчаси бу даврда тўлик шаклланиди ва унинг суғорма деҳқончилик ерлари шимол ва шимолий-ғарб томонларга Каттаепа (3,74 га), Сарайликтепа (2,24 га), Илонлитепа (2,25 га) каби IX-XII асрларда «Яхтанлик» ариғи ҳавзасида фаолият кўрсатган қишлоқ маконлари ва уларнинг зироатчилик пайкаллари мисолида кенгайди.

Ўрта асрлар суғорма деҳқончилик ҳўжалиги тараққиётида мукамал ирригация иншоотлари ва уларни бунёд этишда комуний гидротехник билимлар муҳим аҳамият касб этган. Ўрта Осиё гидротехник иншоотлари қурилишининг мавжуд усул ва анъаналари асосида X асрда бунёд этилган мумтоз Хонбанди сув тўғони қурилиши муносабати билан Нурота тоғларининг шимолий ён бағрида қўшимча яна бир, Қалтепа ирригация райони вужудга келади. Мазкур суғориш тармоқлари орқали X-XII асрларда Қизилқум ва Мирзачўл сарҳадларидаги 1500 га ерга сув чиқарилади (Мухаммаджанов, 1972).

Бу даврда Зоминсув, Хўжамушкентсой, Сангзорнинг ўрта ва юқори оқими ҳавзаларида илк ўрта асрларда вужудга келган ирригация районларида ҳам суғорма деҳқончилик ҳудудларининг кенгайиши жараёنлари кузатилади.

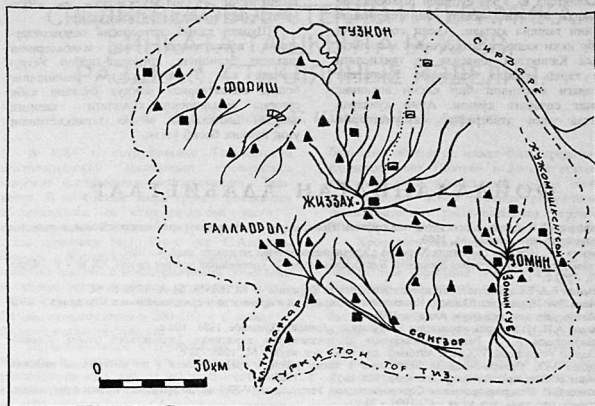
Муғуллар истилоси ва уларнинг бир ярим асрлик ҳукмдорлиги Ўрта Осиёнинг,

жумладан, Уструшонанинг иқтисодий ва маданий ҳаётини, айниқса деҳқончилик ҳўжалиги, ирригация тармоқларини чуқур инкирозга дучор қилди. Бир неча асрлардан буён фаолият кўрсатаётган ирригация районларини фаолиятини издан чиқарди. (5 - расм)

Соҳибқирон Амир Темури ва темурийлар даврида (XIV-XV аср) шимолий-ғарбий Уструшона, жумладан, Жиззах воҳасининг деҳқончилик ҳўжатиғига алоҳида эътибор берилди. Қадимги шох ариқ ва ёрдамчи ариқлар қайтадан қазилди ва аввалги фаолиятини бошлади. Қалятепа, Ўрда шаҳар манзиллари қайтадан тикланади, уларнинг атрофларидаги ерлардан фойдаланишга киришилди. Жиззах тезлик билан мамлакат сиёсий ва иқтисодий ҳаётида ўзининг аввалги мавқеини тиклаб боради. Чунки, шимолий-ғарбий Уструшонанинг Жиззах воҳаси қадимдан Самарқанд Сўғди учун муҳим ҳарбий стратегия аҳамиятга эга бўлган «шарқий дарвоза» вазифини ўтаган. Самарқанднинг темурийзода ҳукмдори Мирзо Улуғбек (1409-1449) замонасида Жиззах воҳасига алоҳида эътибор берилган. Чунки, Улуғбек ҳукмдорлиги Тошкент, Етгисув, Муғулистондаги темурийларга қарши муҳолиф қучларнинг фаоллашуви даврига тўғри келади. Шу сабабли Қалятепа, Ўрда шаҳарлари Молтоптепа қўрғонлари тезлик билан таъмирланади, ҳўжалик ишлари йўлга қўйилади. Бобур Мирзонинг «Дизакта ... семиз этлар ва майда этмақлар арзон, чучук қовунлар ва яхши узумлар фаровон... очлик ибтилосининг халос бўлиб, амонли роҳатиға ва арзонлиг фароғатиға етуштук» - деб ёзган ёсдаликлари орқали юқоридаги бунёдкорлик ишларини самарасини тасаввур қилиш мумкин. (Бобур, 1989, 86 с).

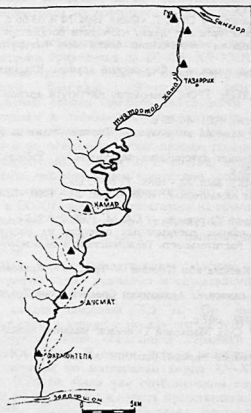
Шимолий-ғарбий Уструшонада бу даврда Жиззахдан фарқли ўлароқ Зомин жуда секинлик билан аввалги эски жойида қад ростлайди, лекин ўтмишдаги ўз мавқеини асло тиклай олмайди. Сабаб ўз ўрнида янгитдан тиклана олмайди ва кичик қишлоқча сифатида Хўжамушкентсойнинг ўнг қирғоғига қўчиб ўтади. XVI асрдан кейинги ёзма манбаларда қайд этилмайди. Харакана рустанкининг тарихий тақдири ҳам худди шундай кечади.

XVI аср шайбонийлар ҳукмдорлиги даврида ҳам шимолий-ғарбий Уструшонанинг Жиззах воҳасидан йирик маъмурий марказ ва айниқса қулай ҳарбий қароргоҳ сифатида фойдаланилган. Шайбонийхон юришлари туфайли Дашти-Қипчоқдан келган ўзбек уруғлари катта қисмининг Жиззах воҳасида ўтроқлашуви туфайли аҳоли демографияси кескин ўсади, янги экин ерларини ўзлаштири

5 - расм. Ривожланган ва сўнгги ўрта аср ёдгорликлари харитаси

шга, унинг сув таъминоти муаммосини ҳал қилишга эҳтиёж туғилади.

Бухоро хони Абдуллоҳон II (1557-1598) даврида Жиззах воҳаси, қишлоқ ҳўжалиги сув таъминоти Зарафшоннинг Равотҳўжа тўғонидан бош олган умумий узунлиги 97 км бўлган Туятортар шўх ариғини бунёд этилиши билан анча яхшилланган (6-расм). Бу даврда Сангзорнинг қуйи оқими ҳозирги Жиззах шаҳри ҳудудида «Беш қувур» сув айирғичи қурилган ва бу сув айирғичдан Жиззахнинг 12 даҳаси номи билан аталувчи 12 ариқ сув олган (Пардаев, Суюнов, 1993, 49-50 с).

Ўрта Осиё ҳонликларининг илк давриданок шимолӣ-ғарбий Уструшона вилоятлари Бухоро амирлиги тасарруфига ўтади. Бухоро амирлиги таркибида ташкил топган Жиззах беклигининг маъмурий маркази бўлиб Ўрда фаолият кўрсата бошлайди. Бу даврда умумий майдони 100 га. га яқинлашган ушбу шаҳар атрофида гавжум маҳаллалар вужудга келади. Маълумотларга кўра бу даврда воҳанинг шимолӣ ҳудудлари қўл-дашт мавзейларини ўзлаштириш давом этган. Дехқонлар экин экиш, йиғим-терим мавсумида узок далада бўлишган ва фақат киш ойлари Ўрдага қайтишган (Пардаев, Пардаев, 1999, 73 с).

6 - расм. Туятортар канати ҳавзасидаги ёдгорликлар харитаси

Қалятепа ва Ўрда сугориш шаҳобчалари бу даврда қўшилиб яхлит бир ирригация райониини ташкил қилади. Аҳоли сони ўсган сари бу икки қадимги деҳкончилик мавзеида айниқса Қалятепа зонасида ер танқислиги кучли тарзда сезила бошлайди. Қалятепа атрофидаги аҳолининг бир қисми воҳанинг чўл-дашт ерларига кўчади. Айни кунларда Жиззада ушбу этнографик маълумотларни

тасдиқловчи «Қаля-Мўлканлик» ва «Чўл-Мўлканлик» маҳаллалари мавжуддир.

Шундай қилиб, археология тадқиқотларининг кўрсатишича, ёзма манбаларнинг шаҳодат беришича, шимолий-ғарбий Уструшонада ҳам Турон-Туркистон заминининг бошқа вилоятларида мавжуд бўлгани каби сугорма деҳкончилик хўжалиги қадимги даврдан шаклланиб ва ўз тараққиётининг узок йўлини босиб ўтган.

ФҲЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР.

- Андрянов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.
- Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Т., 1957
- Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до нач. XX в.). - Т., «Фан», 1978. - 292 с.
- Латынин Б.А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. // КСИИМК, М.-Л., 1956, № 64.
- Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана и Семиречья в древности и средневековья в V в. до н.э. - XVIII в. Автор. дис. док. ист. наук. Алматы, 1997.
- Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны. «Дониш», Душанбе, 1980. - 192 с.
- Бердимуродов А. Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса (Северо-Западной Уструшаны V-X вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. - М., 1985. - 23 с.
- Пардаев М.Х. Северо-Западная Уструшана в эпоху раннего средневековья (по материалам нижнего течения р. Сангзор). Автореф. дис. канд. ист. наук. - Т., 1995. - 33 с.
- Сулонов С.С. История орошения Северо-Западной Уструшаны (V-XVI вв. по археологическим материалам. Автореф. дис. канд. ист. наук. - С., 1999. - 24 с.
- Смирнова О.И. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // МИА, № 37, - М.-Л., 1953. 188-230 с.
- Алибеков Л.А., Нишанов С.А. Природные условия и ресурсы Джизакской области. Т., «Ўзбекистан», - 105 с.
- Пардаев М.Х. Шимолий-ғарбий Уструшона илк ўрта асрларда (Қуйи Сангзор воҳаси материаллари асосида). Номзод. дис. қўлаёзма. С., 1995. - 180 с.
- Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тыс. до н.э. - начало XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф. дис. канд. ист. наук. - С., 1990. - 24 с.
- Буржас Ю.Ф., Грицина А.А. К открытию античного ядра Заамини. // ОНУ, Т., «Фан», 1994, № 8, 63-66 с.
- Пардаев М.Х. Шимолий-ғарбий Уструшонанинг антик ва илк ўрта аср шаҳар маданияти босқичлари. // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Матбуазалар баёни. С., 1995 а. 87-89 с.
- Максудов А.М. К истории образования агроирригационных наносов в Ферганской долины. Юқоридаги матбуазалар баёни тўпламида. - 80-81 с.
- Пардаев М.Х. Жиззах отрядининг 1996 йили илмий ҳисоботи. ЎРФА археология институти архиви. С., 1997., - 15 с.
- Гулямов Я.Г. Кладбище Куали-Сар. // ИМКУ, Вып. 2, Т., «Фан», 1961. - 92-96 с.
- Пардаев М.Х. Қадимги Фаргона ва Уструшонанинг моддий-маданий алоқалари. // Фаргона қадим ва ўрта асрларда. С., 1994. 66-71 с.
- Пардаев М.Х., Сулонов С.С. Шимолий-Ғарбий Уструшонанинг сугорилиши тарихидан. // Ўзбекистон қадимда ва ўрта асрларда. Матбуазалар баёни. С., 1993. - 49-50 с.
- Бердимуродов А.Э., Пардаев М.Х. Замок Кингиртепа. // ИМКУ. Вып. 22. - 1988. -Т. 66-75 с.
- Бердимуродов А.Э., Пардаев М.Х. Раскопки верхнего здания Алмантипа. // ИМКУ. Вып. 23. - 1990. -Т. 147-160 с.
- Бердимуродов А.Э. Винодельная мастерская в Северо-Западной Уструшане. // СА. М., 1986. 210-215 с.
- Данилевский В.В., Кононов В.Н., Никитин А.А. Исследование растительных остатков из раскопок согдийского замка VII вв. на горе Мут в Таджикистане. // Растительность Таджикистана и её основание. М.-Л., 1940. - 489-550 с.
- Беттер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абул-Касима ибн Хаукаля // Тр. САГУ, Археология Средней Азии. Вып. IV., Т., 1957, 17-22 с.
- Пардаев М.Х. К археологическому изучению Джизакского оазиса. // Археология Средней Азии. Тез.докл. Т., 1990. - 78-79 с.
- Бобур Захириддин Мухаммад, Бобуринома. Т., «Юлдузча», 1989. - 367 с.
- Пардаев М., Пардаев А. Жиззах сўнги ўрта асрларда. // Сўда Марказий Осиёнинг маданий алоқалари тизимида. Матбуазалар баёни. - С., 72-75 с.
- Мухамеджанов А.Р. Қуйи Зарафшон воҳасининг сугорилиши тарихи (қадимги даврдан то XX аср бошларигача). Т., «Фан», 1972. - 375 с.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СТЕКЛО И КЕРАМИКА БИНКАТА-ТАШКЕНТА IX-XI ВВ. РАЗДЕЛ 1. СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

Д.К. Мирзаахмедов, С. Ильясова, Ш.Т. Агьлов

В 1984 г. сотрудниками Ташкентской археологической экспедиции проводились широкие исследования на территории г.Ташкента. В ее составе наша группа занималась обследованием ее старгородской части - средневекового Бинката и территории шахристана городища Минг-Урюк (ул. С.Азимова, бывшая Жуковская). Все работы были целиком связаны с новостроечными объектами и прежде всего наиболее крупным из них - зоной строительства крытого рынка - Эски Джува, находившемся в 250-300 м к западу от бывшей цитадели Бинката.

Представленный к публикации материал получен из котлована под овощехранилище расположенного к югу от центрального здания базара, имевшего подпрямоугольную форму (60х105 м) и глубиной 4-6 м. Уровни культурных горизонтов сильно пострадавших при строительстве проследить не удалось, тем не менее здесь по стенам траншеи было расчищено в общей сложности десять бадрабов большей частью разрушенных и сохранившихся на различную высоту. Забегая вперед отметим, что на основании материалов бадрабов систематическое обживание данной территории приходится на IX-XII, XV-XVII и XIX века (рис. 1). Судя по отметкам расположения бадрабов наблюдается резкое понижение уровня дневной поверхности от восточного к западной стенам котлована и затем лишь частичный ее подъем. Исходя из этого и на основании работ предшествующих исследователей (1, с. 110; 2, с. 152) можно отметить, что при общем понижении уровня к западу, основная часть исследуемого котлована в IX-XII веках располагалась на границе шахристана и первого рабада Бинката, видимо, вытянутого здесь по направлению север-юг.

На факт существования склона в топографии также указывает и спускающийся с юго-восточных стен котлована сток арыка или канала шириной 3,5 м. Он имел направление к западу, а по дну его на 5-10 см фиксируется слой обкатанной керамики и стекла X-XII вв. В целом, первые результаты исследований по материалам конца XV-XVI (3) и XVII вв. были уже опубликованы нами ранее (4). Остальная же часть представляющая из себя значительный комплекс предметов материальной культуры IX-XI вв. из-за

большого объема не может быть представлена одновременно. Поэтому в данной статье мы коснемся лишь компактной группы стеклянных изделий этого периода полученных с последовательно расширявшейся территории Минг-Урюк - Бинкат-Ташкента. (5, с. 116).

Хронологически наиболее ранний образец кувшинчик-поильник обнаружен в бадрабе из шахристана городища Минг-Урюк на месте котлована под жилой дом (рис. 3:7) и по комплексу глазурованной керамики может быть датирован серединой - второй половиной IX в. Сосуд изготовлен из прозрачного желтого стекла в технике свободного выдувания с вращением. Из мелких разрозненных фрагментов удалось только частично восстановить его форму: ручки, часть горловины и носик утрачены. Судя по очень тонким стенкам, сосуд мог носить и декоративное назначение. Форма изделия достаточно традиционная: высокая расширяющаяся кверху горловина, сравнительно небольшое тулово сферических очертаний, дисковидный поддон, ручка крепившаяся одним концом где-то ближе к закраине, а другим к тулову. Очертания носика-слива, узкого и с легким наклоном у основания, к сожалению не восстанавливаются.

В том же бадрабе обнаружен керамический сосудик аналогичной формы и назначения, но лучшей сохранности. В научной литературе среди изделий IX-XII вв. наиболее близкой аналогией можно считать образец из Самаркандского музея (6, рис. 2:21). В собрании Ташкентского музея также имеется форма похожих очертаний, но это стеклянный рукомяйник с более длинным и изогнутым носиком, относящийся к позднему средневековью (7, рис. 21). Мы полагаем, что небольшие размеры, сходная форма с таким же керамическим образцом найденным в комплексе из одного бадраба, предполагает возможную покупку этих двух сосудов, несомненно единого назначения, видимо, хозяином данного домовладения для своего грудного ребенка. То есть, скорее всего это сосуд-поильник IX века, хотя как для более ранних керамических VII-VIII вв. (9, рис. 11:1; 10, с. 285), так и для последующих X-XI вв. мы также располагаем, как для стеклянных (8, рис. 1:7), так и керамических

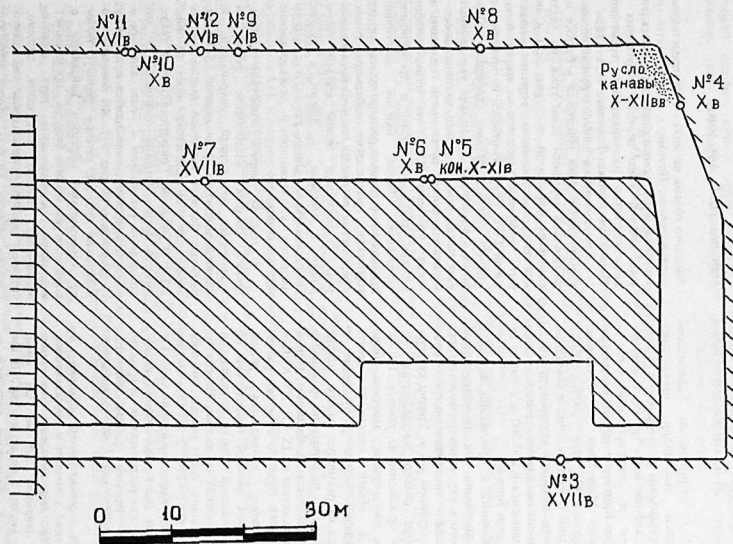

Рис. 1. ТАО-84 Крытый рынок. Южный котлован овощехранилища
Схема расположения бадрабов

образцов и несколько видоизмененными формами - носиком, располагавшимся сбоку.¹

Значительно большее количество стеклянных изделий было обнаружено в бадрабе 5 датируемого X - серединой XI вв. из вышеотмеченного котлована здания овохехранилища рынка Эски-Джува, в силу чего этот комплекс является опорным в данной публикации. Многие сосуды из этого бадраба удалось собрать до археологически целого состояния. Еще в нескольких бадрабах, выявленных на том же участке, отмечались небольшие комплексы стеклянных изделий, чаще всего фрагментированных. В частности, из бадраба 8 (X в.) происходит колба с внутренним уступом на устье (рис. 3:2), а из бадраба 10 (X в.) - небольшая колба (рис. 3:1), графин (рис. 2:14) и сосуд-тувак с рельефным орнаментом (рис. 3:8).

Большинство изделий из стекла бутылочно-зеленых и бутылочно-голубых оттенков, реже из желтого стекла. Отмечены также фрагменты из совершенно черного непрозрачного стекла. Качество изготовления сосудов в целом достаточно высокое, пузырьков в структуре шихты сравнительно мало. По своему функциональному назначению изделия распределяются на четыре категории: посуда столового назначения, посуда хозяйственно-бытовая, посуда парфюмерно-аптекарская, посуда химическая. Большинство сосудов изготовлено в технике свободного выдувания с вращением, поэтому выделяются прозрачностью и блестящей поверхностью. Лишь небольшая часть сработана "тиходутным" способом (т.е. без вращения в форму) - это, как правило, сосуды со сложным рельефным орнаментом.

Столовая посуда, скорее всего, использовалась не только по своему прямому назначению, но также и для украшения интерьера. Это наиболее многочисленная и разнообразная по ассортименту группа сосудов. Она включает в себя чашевидные сосуды, миски, стакан, рюмку, кружку, кувшинovidные кружки и кувшинчики.

Чашевидные сосуды (рис. 2:1,2). Изготовлены из сравнительно прозрачного стекла бутылочно-зеленого оттенка, имеют слегка матовую поверхность, призматическую подцилиндрическую форму и слегка выпуклое тулово. Техника изготовления - свободное выдувание с вращением, но с последующим выдуванием в форму для получения рельефной орнаментированной поверхности. На одном из сосудов орнамент в виде чередующихся по тулову кружков, а на другом - также чередующиеся миндалевидные фигурки. На

обоих сосудах каждая отдельно взятая рельефная фигурка как бы концентрируется. Сосуды подобной формы на территории Средней Азии пока не имеют широких аналогий, их разновидностью является форма с манжетовидными ободками по краям. Можно отметить более или менее близкие аналогии в синхронных комплексах из Пайкенда (11, рис. 1:1-10); Афрасиаба (12, рис. 4:23; рис. 5:14), Ахсикета (13, рис. 1:17, 18, 21) и Хульбука (7, рис. 12:2-4). Кроме того, сосуды подобных очертаний в IX-XII вв. на территории Ирана тоже были весьма распространены (7, рис. 38:4, 9; 14, рис. 77). В научной литературе эту форму обычно именуют чашами, однако, данный термин, как нам представляется, не точен. Это название применимо для тех сосудов, которые употребляются в быту для напитков и жидких видов пищи. Между тем оба данных сосуда для этих целей однозначно непригодны, также как и многие из тех, что аналогичны им. Широкие, призматические очертания и почти вертикальные стенки создают некоторые удобства для желающих из них выпить, однако, как нам кажется, они более пригодны при сервировке дастархана. К примеру, можно предположить, что в таких сосудах подавали различные приправы и специи, деликатесы, мелкие фрукты, сухофрукты, различные виды ореховых и твердые кондитерские изделия.

Миски (рис. 2: 3-5). Изготовлены из относительно прозрачного стекла бутылочно-зеленого и бутылочно-голубого оттенков, имеют усеченную коническую форму. Все три сосуда орнаментированы по всей площади стенок. Техника изготовления - свободное выдувание с вращением и последующим адуванием в форму. На одной из мисок орнамент представляет собой расположенные в шахматном порядке эллипсоидные фигурки, а на двух других - концентрирующиеся ромбы и треугольники. Кроме того, у двух последних краями украшены спирально закрученными стеклянными нитями, причем в одном случае вишневого цвета, а в другом - под цвет самого изделия. Аналогичные сосуды отмечены в Государственном музее Самарканда (6, рис. 1:18), в синхронных комплексах из Афрасиаба (12, рис. 4; 16, 29, 30), Канки (15, рис. 1:29), Гурмали-тепа (в Сурхандарьинской области (16, рис. 4:4), Египта (14, с. 79). Данные миски безусловно носили парадное назначение, призванные украшать интерьер, будучи установленными в вертикальном положении. Но в то же время, они безусловно использовались для сервировки дастархана при приеме гостей или по праздникам (например, подавать в них фрукты, жидкие или полужидкие кондитерские изделия -

¹ Такая керамическая форма поименка была встречена и среди наших закрытых комплексов конца X-XI вв.

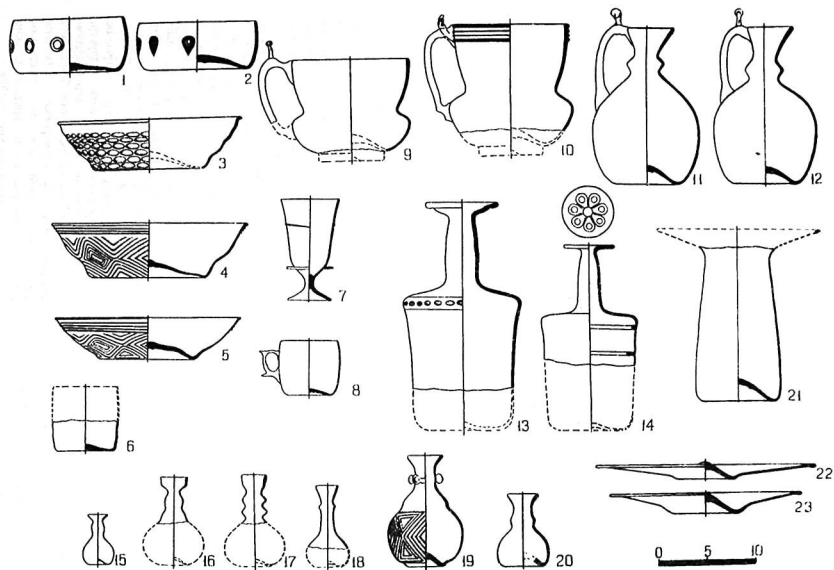

Рис. 2.

виноградное варенье - шинни, мёд, нишолда и т.д.).

Стаканчик и кружечка (рис. 2:6, 8). Небольшие хрупкие сосудики одинаковой цилиндрической формы, диаметр примерно равен высоте. Стаканчик изготовлен из бутылочно-голубого стекла, а кружечка - из желтого. Ручка кружечки петлевидного очертания с двумя горизонтальными выступами; они предназначены для того, чтобы введя в кольцо указательный палец можно было удобно зажать их большим и средним пальцами. На территории Средней Азии и Ирана эти формы распространены повсеместно с большим кругом аналогий (12, рис. 4:24; рис. 5:10; 7, рис. 13:19; рис. 38:10; 6, рис. 2:19).

Рюмка (рис. 2:7). Очень напоминает аналогичные современные сосуды, изготовлена из желтого стекла. Имеет невысокую раструбчатую ножку и вытянутый резервуар колоколовидной формы. В нижней части резервуара дисковидный ободок, накрученный спирально из стеклянной нити под цвет изделия. Подобные рюмки на территории Средней Азии и Ирана также являются обычной формой (12, рис. 10:15, 16; рис. 11:4, 5); 17, с. 22-28). По всей видимости, они предназначались для употребления различных видов напитков (гулоб, мусаллас). Объединяет их не только малые размеры, емкость, но также одинаковый цвет стекла - желтый. Стаканчик, кружечка и рюмка изготовлены в технике свободного выдувания с вращением.

Кувшиновидные кружки (рис. 2:9, 10). Оба сосуда изготовлены из бутылочно-зеленого стекла, относительно прозрачного, в технике свободного выдувания с вращением. Днища сосудов подобрать по фрагментам не удалось, но, судя по отдельным осколкам, они были дисковидно-вогнутыми. Венчик одного из сосудов был украшен спирально накрученной нитью вишневого цвета. Ручки изготовлены из толстых стеклянных шнуров, ближе к закраинам имеются характерные выступы. Данные кружки тоже относятся к числу распространенных форм, причем встречаются образцы как с поддонами так и без них. Аналогии отмечены в Самаркандском музее (6, рис. 1:17), на Афрасиабе (12, рис. 5:7, 8; рис. 7:3, 4), в Ахикете (13, рис. 1:20), на Канке (15, рис. 1:28), из Египта (14, рис. 11). В научной литературе эти сосуды обычно именуются широкогорлыми кувшинами. На наш взгляд, это определение неверное. У кувшины, как формы сосуда, диаметр тулова должен намного превышать параметры венчика, тогда как у рассматриваемых сосудов они равны. Для кувшины также свойственно и то, что основной объем вмещаемого приходится на резервуар, а не на горловину,

тогда как в данном случае картина обратная. Кувшины предназначены для хранения жидкости, ее разлива, для сыпучих продуктов. Ни то, ни другое для данных сосудов не подходит. Поэтому именовать эти сосуды кружками предпочтительней. Но в то же время не может быть сомнений в том, что исходной формой для данных сосудов был кувшин. Можно добавить, что эти стеклянные кружки, как и однотипные керамические, изготавливались явно в подражание металлическим изделиям. Этим отчасти объясняется наличие выступа на ручках сосудов, ведь у керамических и металлических сосудов часто имелись крышки крепившиеся к ручкам. На стеклянных же кружках этот элемент помимо декоративных функций, играет практическую роль, а именно - при держании сосуда в руке в этот выступ упирался большой палец.

Кувшинчики (рис. 2:11, 12) представляются двумя совершенно одинаковыми образцами, изготовленными из бутылочно-голубого прозрачного стекла в технике свободного выдувания с вращением. У сосудов короткий раструбчатый слив, напоминающий рожок, очень короткая горловина в виде желобка и маленький сферический резервуар. Функционально желобок-горловина предназначен для замедления скорости стекания и утончения струи жидкости при выливании. Подобные желобки часто используются и в современном бутылочном производстве. Ручки изготовлены в виде толстых стеклянных шнуров, ближе к закраине венчика на ручках имеется характерный выступ, о назначении которого уже упоминалось. Эти сосуды, видимо, предназначались для разлива, прежде всего, вин, фруктовых соков и других напитков.

Графины (рис. 2:13, 14). Из бадраба 5 происходит большой графин, изготовленный из бутылочно-голубого прозрачного стекла. Малый графин из прозрачного желтого стекла обнаружен в бадрабе № 10. Оба сосуда изготовлены в технике свободного выдувания с вращением и по форме напоминают бутылки. У сосудов подцилиндрический или суживающийся ко дну резервуар и узкая высокая горловина с горизонтально отогнутой закраиной. По тулову большого графина имеется орнамент в виде вмятин, у малого по бортику нанесен вдавленный орнамент в виде 7-лепесткового цветка. Оба орнамента были нанесены штампами еще в то время, когда глина сохраняла пластичность. Желобок под венчиком отсутствует, стало быть, сосуды предназначались не столько для разлива, сколько для хранения напитков, особенно принимая во внимание узость горловины и горизонтально отогнутый бортик, вполне

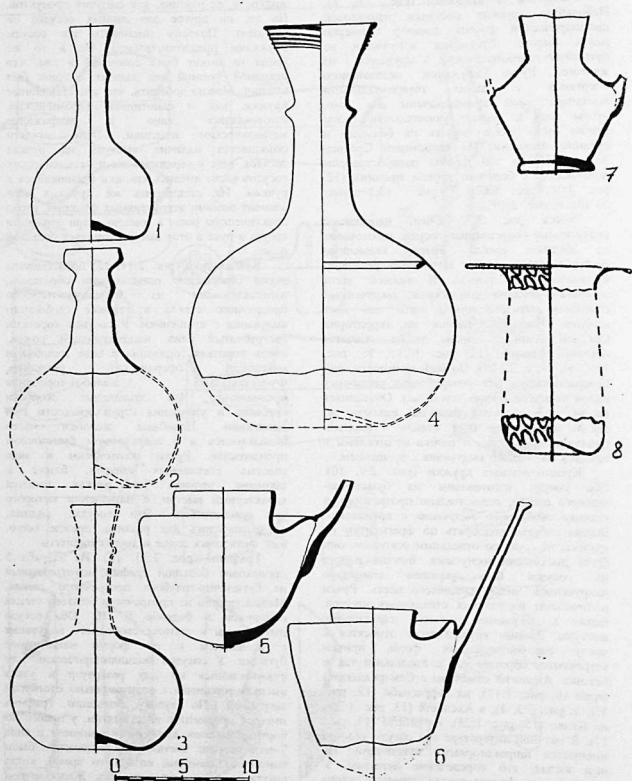

Рис. 3.

пригодный в качестве упора для крышки. Также необходимо отметить, что стеклодув при выдувании тулова малого графина, для большей практичности изделия, дважды небольшой узкой полосой умял стенки внутри емкости и образовав ребра технически способствовал укреплению ее резервуара. Аналогичные графины имеются в коллекции Самаркандского музея (6, рис. 1:14, 15), а также известные происходящими из Египта или Сирии (14, с. 9).

Посуда хозяйственно-бытового назначения представлена двумя парами туваков и оконных стекол. Туваки представляют собой сосуды довольно вытянутой формы, их венчики отогнуты почти под прямым углом и имеют ободки в виде припаянных к стенкам закраин. Форма является достаточно консервативной, и аналогичные очертания сохраняют даже современные туваки. Один из туваков, происходящий из бадраба 10 (рис. 3:8) изготовлен из малопрозрачного желтого стекла в технике свободного выдувания с вращением и последующим вдуванием в форму. По этой причине он весь покрыт орнаментом, который аналогичен тому, что отмечен на одной из мисок - чередующихся в шахматном порядке эллипсоидных фигурок. Другой тувак из бадраба 5 (рис. 2:21) изготовлен из малопрозрачного бутылочно-зеленого стекла в технике свободного выдувания с вращением. Кроме того, в том же бадрабе отмечены мелкие фрагменты тувака из совершенно непрозрачного черного стекла. Стекланные туваки из малопрозрачного стекла с орнаментацией и без нее относятся к числу широко распространенных форм (7, с. 129). Широкое использование малопрозрачных или совершенно непрозрачных черных стекол, видимо, являлось характерной особенностью эстетики культурных традиций при изготовлении этих специфических изделий ремесла, а также показателем массового распространения детских люлек (бешик) современного образца уже с IX-X вв.

Оконные стекла представляют собой изделия дисковидных очертаний с тенденцией к уплощению (рис. 2:22, 23). Изготовлены из малопрозрачного бутылочно-голубого стекла в технике свободного выдувания с вращением. Несомненно, оба диска являются частью набора оконных стекол и удобно вкладываются друг в друга. Аналогичные изделия отмечены в синхронных комплексах из Афрасиаба (12, рис. 12:1; рис. 13).

Парфюмерно-аптекарская посуда выделяется малыми размерами. По своему назначению она делится на две группы: посуда для хранения лекарств и парфюмерии и посуда для их изготовления. Первая группа представлена флаконом (рис. 2:19). Он

изготовлен из относительно прозрачного бутылочно-зеленого стекла в технике свободного выдувания с вращением и последующим вдуванием в форму. Горловина сосуда декорирована напелами, а тулово украшено знакомым рельефным орнаментом в виде концентрирующихся ромбов и треугольников. В сосудике, скорее всего, хранили порошки, парфюмерию в виде пахучих или косметических жидкостей (розовая вода и т.д.). Но в то же время нельзя полностью исключать и совершенно иное предназначение сосудика, определяемое цветом стекла и знакомым орнаментом. По этой причине возможно причисление его к столово-декоративному гарнитуру из бутылочно-зеленого стекла, где он мог играть роль емкости для приностей. Вторая группа представлена миниатюрными колбочками, изготовленными из прозрачного бутылочно-голубого (рис. 2:15, 16, 20) и желтого (рис. 2:17, 18) стекла в технике свободного выдувания с вращением. Как правило, шейки сосудов снабжены желобками, иногда даже двумя. Этими сосудиками пользовались при изготовлении лекарств и парфюмерии, а возможно, с их помощью смешивали в малых дозах различные компоненты, причем строго дозировано, что облегчалось наличием желобков. С тем же успехом эти колбочки можно отнести к разряду химических сосудов, поскольку изготовление лекарств и парфюмерии - явления чисто химического порядка. Аналогии сосудикам имеются в собрании Ташкентского музея истории (6, рис. 3:3-6, 10, 17, 24).

Химическая посуда представлена четырьмя колбами и двумя алембиками.

Колбы. Одна из них выделяется крупными размерами (рис. 3:4). Изготовлена из прозрачного голубого стекла в технике свободного выдувания с вращением. На горловине имеется характерный желобок, устье в виде рожка, причем венчик украшен спирально накрученной нитью под цвет изделия. Резервуар по верхней части тулова, также как и на малом графине, укреплен ребром-ободком способствовавшим его большей прочности.

В данном сосуде не просто смешивали или растворяли какие-то компоненты холодным способом, но также безусловно вещества подвергались и термической обработке. Оказалось, что обнаруженные в том же бадрабе 5 алембики (рис. 3:5, 6) очень удобно насаживаются на эту колбу. Таким образом, данная крупная колба в комплексе с насадкой-алембиком служила для конденсации каких-то жидкостей, например, руты или дистиллированной воды. Подтверждением данного мнения может также служить и

извлечение из бадраба 5 вместе с фрагментами стекла кусочков чистой, видимо, сильно отвердевшей под воздействием жара, жирной в своей основе и блестящей при разломе глины. В ее кусочках имелись мелкие, налипшие к ней, обломки стекла. Первоначально мы не придали этому значения, но при рассмотрении ее в контексте с находкой большой колбы без дна и плотно сдвигавшихся к горловине сосуда больших алеймовиков полученных из одного бадраба, можно предположить, что это особый, отмеченный в источниках тип глины. Ар-Рази называл ее "глиной мудрости" и специально описывал ее изготовление (18, с. 156, прим. 358). Ар-Рази и армянские источники рекомендовали покрывать ею днища стеклянных и керамических сосудов, чтобы они не лопались от огня, а также уплотнять ею края насаживаемых друг на друга приборов, для придания им большей герметичности, при проведении химических операций (19).

В тот же комплект химического набора, видимо, входила и другая колба из такого же стекла, изготовленная в той же технике, но небольшая по размерам (рис. 3:3). Поскольку у этой колбы устье довольно узкое, то возможность насадки на них алеймовиков исключается, тем более, что таких маленьких алеймовиков практика среднеазиатской археологии не знает. Стало быть, в данной колбе, прежде всего, смешивали жидкости, хотя и термическая обработка для осуществления химической реакции тоже не исключена. Из бадраба 10 происходит однотипная колба, но из желтого стекла (рис. 3:1). Колба из бутылочно-зеленого стекла, обнаруженная в бадрабе 8 (рис. 3:2), предназначалась, видимо, не столько для обработки, сколько для хранения реактивов, поскольку устье сосуда явно рассчитано на крышку. Аналогии колбам отмечены в комплексах из Афрасиаба (12, рис. 6:1, 7, 10) и в коллекции Самаркандского музея истории (6, рис. 3:16). Алеймики (рис. 3:5, 6), изготовленные в технике свободного выдувания с вращением из прозрачного голубого стекла, предназначены для конденсации жидкостей. Эти сосуды имеют внутренний желобок, в котором накапливалась жидкость с последующим стеканием по трубочке в другой сосуд. Аналогичный алеймик, происходящий из Бухары, имеется в коллекции Ташкентского музея истории (20, рис. 2), подобные же сосуды были широко распространены в тот же период и в Иране (7, рис. 42:5).

В заключение необходимо подчеркнуть на необычно большое количество стеклянных форм из бадраба 5 и их значительно меньшее присутствие в соседних закрытых комплексах.

В то же время в соседних бадрабах X в. комплексов керамики было не меньше, а в отдельных случаях значительно больше, чем в бадрабе 5. Разновременность, а также расстояние более чем в 30 м от ближайшего идентичного по времени бадраба не позволяют объединять те или иные комплексы в состав единого домовладения, хотя нельзя и исключать этого.

Таким образом, на основании полученных материалов можно сделать первые, в отдельных случаях условные выводы:

1. Расцвет стекольного производства Бинката-Ташкента приходится на конец X-середины XI вв.

2. Большое количество различных по форме, а также цвету и орнаментации изделий из стекла позволяют утверждать, что их основная часть располагалась на полках украшая интерьер мехманханы. В то же время нет сомнений в том, что при приеме гостей и по торжествам ею несомненно сервировался стол.

3. Материалы из бадраба 5 показывают, что мы имеем дело с домовладением зажиточного человека имевшего пристрастие к гигиеничной, яркой, стеклянной посуде.

4. Наличие отдельных идентичных по формам изделий - рис. 2:1,2; 3-5; 11, 12, а также 7 и 9, 10 обуславливает возможные их исполнение в сервизном варианте.

5. Находка двух археологически целых оконных стекол может быть показателем присутствия в доме решетчатых алебастровых оконных проемов и еще раз подтвердить обеспеченность хозяина домовладения.

6. Туваки, происходящие из данных комплексов и никак по своим функциональным признакам не носящие декоративного характера, свидетельствуют о присутствии в семьях грудных детей и широком распространении в исследуемую эпоху очень гигиеничных и значительно облегчавших труд женщины детских люлек - бешик.

7. Необходимо также отметить на исключительность случая, когда в твердо датированном комплексе был получен твердо установленный комплекс стеклянной химической посуды, т.е. большой колбы и двух сдвигавшихся к ее горловине насадок - больших алеймовиков. Эта находка еще раз подтверждает уже высказанное нами ранее мнение о специфическом характере назначения больших и малых алеймовиков (10, с. 45-47). Мелкие фрагменты днища колбы со слоем твердой налившей, особого сорта глины, безусловно подтверждают использование сосуда для термических операций.

Также необходимо остановиться на происходящей из этого же комплекса (бадраба

5) мелкой парфюмерно-аптекарской посуде, шейки которых специально снабжены одной (рис. 2:15, 16, 18, 20), а в отдельных случаях двумя желобками (рис. 2:17 и колба из бадраба 8 (рис. 3:2). Эти желобки предназначались для дозированного разлива или смешивания, содержащихся в них жидкостей. В этом же аспекте необходимо рассматривать и специальное выделение устья отдельных из этих сосудов явно предназначенных для установления в них пробок (рис. 2:16, 17; рис. 3:2), т.е. для

хранения быстро улетучивающихся ароматических или неприятных запахов и опасных при испарении химических препаратов.

8. Все представленные выше материалы и в том числе большой колбы с насадками из двух больших алембиков, а также набора из различных по размерам пузырьков несомненно указывают на то, что хозяин домовладения (бадраб 5) в той или иной степени занимался химическими операциями, связанными с фармакологией, парфюмерией или медициной.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Массон М.Е. Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк) // Известия АН УзССР, 1954, № 2.
2. Филинович М.И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
3. Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Ташкента конца XV-XVI вв. // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992.
4. Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Ташкента XVII в. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
5. Филинович М.И. Бинкат-Ташкент и его округа // Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
6. Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. // ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
7. Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
8. Шарахмидов Ш. Новые стеклянные сосуды с Афрасиаба // Афрасиаб, вып. II, Ташкент, 1973.
9. Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л.Ф. Керамические комплексы Афрасиаба конца VII-VIII вв. // ИМКУ, вып. 27. Самарканд, 1996.
10. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.). // МИА, № 124. М.-А., 1964.
11. Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Мухамеджанов А.Р. Стеклянные изделия из Пайкенда // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
12. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
13. Папахристу О.А., Ахраров И. Стекло из раскопа в Арке домонгольского городища Ахсикент. // ИМКУ, вып. 16. Ташкент, 1981.
14. Islamische kunst. Loseblattkatalog Unpublizierter werke aus Deutschen museen. Band I. Glas. Mainz/Rhein, 1984.
15. Брусенко А.Г., Гагиева З.С. Материалы раскопок квартала X - начала XI вв. на городище Канка. ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1982.
16. Ртвеладзе Э.В., Исхаков М. Два средневековых чаганианских селения. // ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1978.
17. Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы // Изв. АН Узб., Серия общественных наук. Ташкент, 1960, № 4.
18. Каримов У.И. Неизвестное сочинение Ар-Рази "Книга тайны тайн". Ташкент, 1957.
19. Казанджян Т.Т. Очерки по истории химии в Армении. Ереван, 1955.
20. Аминджанова М. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра // ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.

МОНЕТНЫЙ ЧЕКАН КУБЫ (X-XI ВВ.)

Б.Д.Кочнев.

Нынешняя Кува даже не является областным центром, а тысячу лет назад этот город, именовавшийся тогда Куба, был вторым по значению в Ферганской долине после Ахсикета, столицы Ферганы. По данным Мукаддаси, который посетил Мавераннахр в конце X в., Куба даже превосходила Ахсикет красотой и размерами (1, с. 351). Тем не менее в рукописных источниках домонгольского времени Куба упоминается не часто. Вполне вероятно, что при таких обстоятельствах особое значение приобретают нумизматические данные. Саманидские монеты Кубы, выпущенные в X в., детально рассмотрены Е.А.Давидович (2, с. 254-257), ею же выявлен караханидский чекан Кубы XI в. (3, с. 67-68), более полно освещенный автором этих строк (4, с. 199-204). К настоящему времени число выявленных монет Кубы X-XI вв. существенно увеличилось, что побуждает вновь обратиться к чекану Кубы.

Саманидский чекан Кубы представлен только фельсами (медными монетами). Для наглядности данные об основных "видах" фельсов Кубы X в. сведены в таблицу 1 (5). Как видно из этой таблицы, самой ранней известной монетой Кубы является фельс, битый в 336 году хиджры (947-48 гг. н.э.). В его надписях определенно назван тогдашний саманидский государь Нух б.Наср, в центре поля его лицевой стороны помещен крестообразный эпиграфический орнамент, образованный четырьмя повторным словом, для которого наиболее вероятным чтением представляется "Ахмад". Такое чтение тем более правдоподобно, что точно такой же орнамент занимает аверное поле некоторых фельсов Кубы 356/966-67 г. - того самого гола, когда в Кубе определено чеканились монеты с именем Ахмад. Последний несомненно идентифицируется Ахмаду б.Али, упомянутому на фельсах Ахсикета 355-57/965-68 гг., Ферганы 358/968-69, 359/969-70 гг. (6, с. 111-117), 362/972-73 (7), 364/974-75 (8, с. 71), 366/976-77, 367/977-78 гг. (6, с. 120-122); скорее всего, он тождествен также Ахмаду б.Али, названному на фельсах Бухары 385/995, 386/996 (9, с.168, № 12440, 388/998 гг. (10, с. 19, № 887). Если это так и если на фельсе Кубы 336/947-48 г. действительно

стоит имя Ахмад, то, выходит, носитель его прослужил Саманидам полвека. Столь длительная карьера, тем более запечатленная в монетных надписях, отнюдь не невозможна (знаменитый караханидский правитель Ибрахим б.Наср упомянут на монетах 408-61/1017-1069 гг. (11, с. 38-45; 12, с. 30), но все же выглядит очень редким исключением. Данное обстоятельство и не позволяло настаивать на правильности чтения "Ахмад" на фельсе Кубы 336/947-48 г.

Как бы там ни было, в 341/952-53 г. фельсы здесь чеканились только от имени Саманида Нуха б.Насра, в 348/960-61 г. - с упоминанием наследовавшего ему сына Абдалмалика б.Нуха и амира Ашаса б.Мухаммада. Согласно "Истории Бухары", Ашас б.Мухаммад б.Мухаммад был послан Абдалмаликом б.Нухом (343-350/954-961) в Хорасан и вел военные действия в Герате и Исфагане, а Мансуром б.Нухом (350-365/961-976) был отправлен против Алптегина, с которым сражался в Балхе и Газне (13, с. 121-122, № 4, с.98-99). По Гардизи, Ашас б.Мухаммад Йешкери Мансур б.Нух послал в Нису, чтобы тот двинулся оттуда на Гурган против Зийаридица Бисутуна б.Вушмагира (356-367/967-978) (15, с. 79). Во всех этих случаях речь идет, судя по всему, об одном и том же сановнике, который был видным военачальником и служил на военном поприще Абдалмалику б.Нуху и Мансру б.Нуху. Как показывают монеты Кубы 349/960-91 г., Абдалмалик за службу пожаловал ему этот город (очевидно, с округой). Возможно, Ашас б.Мухаммад сохранил некие позиции в Ферганской долине и после этой даты. Дело в том, что низам ал-Мулк называет правителем Ферганы при Мансуре б.Нухе Абу Йахйу б.Ашаса (16, с. 221). Учитывая достаточную редкость имени Ашас, можно допустить, что Абу Йахйи приходился сыном Ашасу б.Мухаммаду.

Независимо от того, насколько правдоподобно это предположение, Абу Йаха мог владеть Ферганой не позже 355/965-66 г.: начиная с этой даты в пределах Ферганской долины чеканились монеты с именами совсем других лиц. Так, на фельсах Ахсикета 355-57/965-68 г. и на фельсах Кубы 356/966-67 г.

упомянут, помимо Саманида Мансура б.Нуха, хаджиб Мансур б.Байкара и Ахмад б.Али. Как подчеркнула Е.А.Давидович, Мансур б.Байкара еще при Абдалмалике занимал высокое положение: при Мансуре б.Нухе он стал великим хаджибом, т.е. достиг одного из самых важных военно-административных постов (6, с. 131). Что касается Ахмада б.Али, то, судя по местоположению его имени на фельсах Кубы и Ахсикета, он был вассалом Мансуром б.Байкара. Подобно Мансуру, Ахмад являлся жалованным владетелем, но, естественно, занимал менее высокую ступень на иерархической лестнице (6, с.134-135). На монетах Ферганы 358-67/968-78 гг. Ахмад б.Али назван наместником, заместителем (ал-халифа) сперва Хаджиба Кылыча, затем хаджиба Таша. Очевидно, аналогичными были функции Ахмада и при Мансуре б.Байкара. Иначе говоря, Мансур, находясь на государственной службе и будучи пожалован за эту службу Кубой и Ахсикетом, мог пребывать сколь угодно далеко от объекта пожалования, с которого получал доход, тогда как Ахмад замещал его в Фергане, являлся непосредственным наместником, правителем и в свою очередь получал за эту службу часть дохода с объекта пожалования. Можно думать, что ему причиталась меньшая, чем Мансуру, доля прав, привилегий и доходов. На это намекает не только менее почетное место, отведенное Ахмаду б.Али в надписях монет Кубы (и Ахсикета), но и тот факт, что на некоторых фельсах Кубы 356/966-67 г. он вовсе не упоминает.

Нельзя не заметить, сколь неоднозначное отражение нашла в чеканке Кубы 356/966-67 г. нижняя ступень иерархической лестницы, занятая Ахмедом. Действительно, при стабильности упоминания Мансура б.Нуха (поле реверса) и Мансура б.Байкара (круг. лег. реверса), Ахмад фигурирует то на аверсе и реверсе, то только на реверсе, то лишь на аверсе, то вовсе не назван. Если рассматривать каждый из вариантов изолированно (как бы не зная о существовании прочих), можно оценить их следующим образом: 1) Ахмад располагал в Кубу весьма значительным объемом прав (обозначен дважды); 2) объем его прав не очень велик (упомянут только в поле реверса); 3) объем прав Ахмада незначителен (фигурирует лишь на лицевой стороне, менее почетной); 4) Ахмад б.Али в 356/966-67 г. не имел никаких прав на Кубу (его имя отсутствует). Даже обращаясь ко всей совокупности монет Кубы 356/966-67 г., можно было бы заключить, что на протяжении этого года ситуация в Кубе не оставалась неизменной, объем прав Ахмада менялся - то ли уменьшался от весьма значительного до нуля, то ли наоборот. И

опору для такого рода заключений можно найти в предложенном специалистами истолковании некоторых близких хронологически нумизматических фактов. Так, Е.А.Давидович, не обнаружив на одном из фельсов Ферганы 358/968-69 г. имени второго члена иерархии, упомянутого на прочих ферганских фельсах этого года, предположила, что отсутствие его имени может быть связано с попыткой отнять или сократить его права и привилегии (6, с. 133). По мнению Э.В.Ртвеладзе, проставление имени саганианского владетеля Насра б.Ахмада на двух разнотипных фельсах Саганиана 365/975-76 г. в двух различных позициях "безусловно свидетельствует о том, что в 365 г.х. политическое положение Насра б.Ахмада, его отношение к центральной саманидской власти изменились" (17, с. 234). Чтобы вернее оценить все эти и многие другие аналогичные случаи, полезно обратиться к караханидской нумизматике, которая многое унаследовала от саманидского времени. Как показывают монеты Караханидов XI в., перемещение упоминания владетеля из одной позиции в другую далеко не всегда не связано с изменением его статуса, а при наличии многочисленной иерархии (например, трехступенчатой) синхронные, но разные монеты одного и того же денежного двора могут фиксировать разные уровни иерархии: то все три ступени, то первую и вторую, то первую и третью (18, с. 121; 19, с. 22, № 262-264, с. 223, № 282-285). Очевидно, и в Кубе на протяжении 356/966-67 г. положение Ахмада б.Али не менялось, объем его прав оставался неизменным; равно как и ситуация в целом, но разные фельсы по-разному отразили эту ситуацию, в частности, зафиксировали разные стороны одной и той же ситуации. Как предстает, данный вывод может быть распространен и на многие другие случаи, в том числе только что упомянутые (Фергана 358/968-69 г., Саганиан 365/975-76 г.).

До 380/990-91 г. включительно Фергана (а значит, и Куба) оставалась саманидским владением. Как раз в это время в конце X в., на широкую политическую арену вышла новая сила в лице правителей из тюркской династии Караханидов. Один из них, Бутра-хан Харун (Хасан), в 381/991-92 г. завоевал Фергану и выпустил там серебряные монеты (дирхемы), а в 382/992 г. захватил прочие среднеазиатские владения Саманидов. В том же году Бутра-хан вынужден был очистить Мавераннахр, куда возвратился саманидский государь. Очевидно, ему удалось вернуть и Ферганскую долину. Но ненадолго: в 384/994-95 г. Ферганой овладел караханидский князь Тонга-тегин Наср б.Али и стал регулярно чеканить там фельсы. Вскоре он принял более высокий титул

Арслан-илек (или просто илек), а в 389/999 г. захватил все владения Саманидов к северу от Амударьи (12, с. 24-25). С этого года и начинается караханидский чекан Кубы, данные о котором сведены в табл. 2; почти все включенные в нее монеты опубликованы (19, с. 208, № 77; с. 209, № 100; с. 215, № 176; с. 216, № 184; с. 218, № 209; с. 222, № 268; с. 223, № 289; с. 249, № 670; с. 252, № 712; с. 278, № 1202, 1204; с. 279, № 1207; с. 280, № 1227-1229; с. 281, № 1242; с. 282, № 1254, 1255; с. 284, № 1279), не издана только монета № 12, оказавшаяся в кладе, найденном в 1997 г. в Заамине и поступившем в Зааминский районный краеведческий музей.*

От саманидских монет караханидские отличаются прежде всего обилием титулатуры. Поэтому первым делом необходимо установить ее принадлежность. Проще всего с фельсами 389-402/998-1012 гг., на которых упомянут только Наср б. Али - то под своим именем, то под тюркским титулом илек, то под арабскими титулами амир и маула амир ал-муминин, то под арабским лакабом (почетным прозвищем) Муаййид ал-Адл. На фельсах № 12-14 фигурируют Йусуф б. Харун, носитель титулов Кадры-хан, (ал-) Малик ал-Машрик ("царь Востока") и ал-амир ал-аджалл ("амир преславный"), а также его брат Сулайман и Мухаммад б. Наср б. Али, пользовавшийся тогда лакабом Адуд ад-Даула и титулом Куч-тегин ("могучий князь"). Прочие караханидские монеты Кубы именуются в легендах дирхемами, но, в отличие от высокопробных дирхемов конца X - первой четверти XI в., они почти совсем или вовсе не содержат серебра. На дирхемах № 15, 17-23 в реверсном поле обозначен арслан Кара-хакан, или Арслан-хан ("Царь-лев"), к которому относятся также титулы малик и амир ал-умара ("амир амиров", "великий амир"), лакаб Шафар ад-Даула и куныя Абу Шуджа; вся эта титулатура относится к Сулайману б. Йусуфу б. Харуну. На последующих монетах Кубы в той же позиции представлена еще более пространная титулатура его брата Мухаммада - тюркский титул Бутра Кара-хакан, или Бутра-хан ("царь-верблюд"), арабские титулы ал-малик ал-музаффар ал-адил ("царь победоносный, справедливый") и ал-малик ал-ислам ("царь ислама"), лакабы Мушаййид ад-Даула, Муаййид ал-Милла, Сафи Амир ал-Муминин. Под Абу-л-Музаффаром Арслан-тегином подразумевается его двоюродный брат Ахмад б. Мухаммад б. Харун. Лакаб Имад ад-Даула определенно был у сына Арслан-хана Сулаймана - Йусуфа (12, с. 21-23).

Требуют специального рассмотрения упоминания правителей, фигурирующих на дирхемах Кубы. Лакаб Адуд ад-Даула,

помещенный, в частности, на монетах Кубы 442/1050-51 и 445/1053-54 гг., М.Н. Федоров приписывал сперва Ибрахиму б. Насру (21, с. 149), затем его брату Мухаммаду (22, с. 48). Первая атрибуция связана с тем, что этот лакаб есть на тех дирхемах, которые несут титул Бури-тегин ("князь-волок"), одно время действительно принадлежавший Ибрахиму б. Насру. Однако задолго до их появления Ибрахим сменил княжеский титул Бури-тегин на царский титул Табгач-хан и, естественно, именовался Бури-тегином принципиально не мог. Как сказано выше, у Мухаммада б. Насра около 416/1025-26 г. определенно был лакаб Адуд ад-Даула. На монетах Кубы 442/1050-51 г. взаиморасположение этого лакаба и титула Бури-тегин таково, что лакаб может принадлежать либо носителю титула, либо его вассалу. Но еще в 433/1043 г. Мухаммад б. Наср был держателем самого высокого княжеского титула илек (23, с. 120-122) и, разумеется, не мог быть ни Бури-тегином, ни его вассалом, а значит не мог быть и носителем лакаба Адуд ад-Даула. Судя по надписям узгенских дирхемов 440-41/1048-50 гг. (на аверсе вверх - "Адуд ад-Даула", внизу - "Бахрам"), этот лакаб относится к Бахраму, с чьим именем на монетах Кубы 444-45/1052-54 г. точно так же связан лакаб Фахр ад-Даула. Очень вероятно, что ему же принадлежал титул Бури-тегин. Независимо от решения этого частного вопроса, несомненно, что Бахрам был одним из Караханидов: во-первых, к середине XI в. из монетных надписей исчезли упоминания правителей некараханидского происхождения (12, с. 36), во-вторых, у Бахрама было одновременно два почетных прозвания с компонентом "ад-Даула", что не характерно для владетелей, не принадлежавших к царствующей династии. Правда, имя Бахрам - не тюркское, а иранское, но иранские по происхождению антропимы изредка встречаются и у Караханидов (Шах-Малик, Хусрау-шах). К сожалению, совершенно не ясны конкретные родственные связи Бахрама, не известно даже имя его отца.

В отличие от него с "отчеством" упомянут владетель Кубы 443/1051-52 г. - Харун б. Али. По мнению М.Н. Федорова, Харун приходился сыном знаменитому Али-тегину, т.е. Али б. Хасану (Харуну), владевшему до 426/1034 г. центральным Мавераннахром (21, с. 149-150). Если это так, то в 443/1051-52 г. Куба находилась в руках двоюродных братьев - Ахмада б. Мухаммада б. Харуна (Хасана) и Харуна б. Али б. Харуна (Хасана). Между тем по монетам известны и другой носитель (или носители) имени Али: Шаш 404/1013-14 г. - Али (19, с. 229-230, № 372), Шаш 410/1019-20 г. - Тонга-ога Али (19,

с. 242, № 539-542), Хумрак (город в Илаке) 415/1024-25 (?) г. - Али б.Наср (19, с. 247, № 634), Ахсикет 419/1028 г. - Бадр ад-Даула Али (19, с. 251, № 696, 697). По столь кратким упоминаниям невозможно установить, имеется ли в виду одно лицо. Али б.Наср, или несколько одноименный персон. Во всяком случае, очевидно, что еще в 419/1028 г. определенные позиции в Фергане имел Али, безусловно тождественный Али-тегину, чья власть ни тогда, ни позже не распространялась на Ферганскую долину. Харун б.Али вполне мог быть сыном Али б.Насра, т.е. внуком завоевателя Мавераннахра Насра б.Али, в свое время владевшего и Ферганой. Такое предположение тем более допустимо, что на протяжении нескольких десятилетий сохраняли свои позиции в Фергане два потомка Насра, его сын Мухаммад (упомянутый и на некоторых дирхемах Кубы) и внук Насра Аббас б.Мухаммад.

Если самые поздние монеты с упоминанием Мухаммада б.Насра датируются 447/1055-56 г., то бесспорный чекан Аббаса доходит до 434/1042-43 г., хотя он фигурирует еще надписи в мавзолее Шах-Фазил (Северная Фергана), созданной не ранее 447/1055-56 г. Данное обстоятельство позволило публикаторам надписи (В.Н.Настичу и Б.Д.Кочневу) высказать предположение, что какие-то неатрибутированные элементы монетной титулатуры, помещавшейся на ферганских дирхемах середины XI в., относятся к Аббасу б.Мухаммаду (24, с. 75). Конкретизируя эту мысль, можно допустить, что Аббасу принадлежал лакаб Шихаб ад-Даула, представленный на монетах Кубы 445-47/1053-56 г. Позиция этого лакаба сама по себе позволяет относить его либо к вассалу Мухаммада б.Насра, либо к самому Мухаммаду (см. табл. 2). М.Н.Федоров и приписал данное почетное прозвание Мухаммаду б.Насру (21, с. 148, примеч. 50). Но поскольку у последнего определенно были лакабы Айн ад-Даула, как раз маловероятно, что он воспользовался в чекане 445-47/1053-56 гг. еще одним почетным прованием с компонентом "ад-Даула" (во всяком случае, ни у одного из Караханидов не засвидетельствовано более трех однородных лакабов). Таким образом, лакаб Шихаб ад-Даула правильнее отнести не к Мухаммаду б.Насру, а к его вассалу, каковым вполне мог быть его сын Аббас. Само собой разумеется, при отсутствии каких-либо дополнительных данных (лакаб Шихаб ад-Даула на монетах ничем не сопровождается) настаивать на такой атрибуции не приходится.

Лакаб Джалал ад-Даула, связанный на некоторых ахсикетских дирхемах середины XI в. с титулом Тонга-тегин, О.Прицак приписал

тому правителю, который прежде выступал на монетах под титулом Тонга-хан; этим правителем был, по его мнению, Ахмад б.Хасан (23, с. 39). Одно время, когда М.Н.Федоров еще не был знаком с этой работой О.Прицака, он считал носителем титулатуры Джалал ад-Даула Тонга-тегин Ибрахима б.Насра (21, с. 149). Е.А.Давидович показала полную несостоятельность такой точки зрения, находящейся в вопиющем противоречии со всеми наличными данными, в том числе нумизматическими (3, с. 75). М.Н.Федоров признал критику Е.А.Давидович "справедливой" и, ознакомившись с работой О.Прицака, перешел на его позицию: Джалал ад-Даула Тонга-тегин - это бывший Тонга-хан (24, с. 116-117). Между тем ни О.Прицак, ни М.Н.Федоров не привели ни одного примера подобного "разжалования" караханидского правителя из хана (царя) в тегина (князя). Такие случаи не известны и по сей день. Не выявлены до сего времени и монеты, которые позволили бы связать лакаб Джалал ад-Даула или титул Тонга-тегин с какой-то определенной персоной. Поэтому вопрос о том, кто именно упомянут на дирхемах Кубы 448/1056-57 г. под почетным прованием Джалал ад-Даула, приходится оставить открытым. Ясно лишь, что это некий караханидский князь, носивший титул Тонга-тегин.

Как видно из табл. 3, в 389-402/998-1012 гг. монетный чекан в Кубе осуществлялся от имени одного правителя - Насра б.Али, завоевателя и фактического владельца Мавераннахра. Наср, и только Наср, выступает в надписях фельсов Кубы владельцем монетной регалии: он постоянно упоминается в круг. лег. об. ст. после вводной формулы "Из того, что приказал /выбить/...". В той же надписи он обычно назван "маула амир ал-муминин", т.е. "клиент амира верующих" (=халифа), и лишь в одном случае (табл. 2, № 11) вместо ал-муминин стоит иное слово, напоминающее имя Мухаммад. Если б тут действительно оказалось имя, это был бы беспрецедентный в караханидской нумизматике случай, когда караханидский правитель называет себя клиентом не халифа, а другого лица. Поэтому наиболее правдоподобно видеть здесь ошибку монетары, неточно передавшего окончание реверсной круговой надписи. Итак, насколько позволяет судить наличный материал, Наср б.Али никому не передавал Кубу, во всяком случае никому не пожаловал привилегию чеканить там собственную монету.

После смерти Насра б.Али (403/1012 г.) Фергана оказывалась в руках разных караханидских правителей. В 416/1025 г. в Мавераннахр вторгся владетель Восточного Туркестана Кадыр-хан Йусуф б.Харун и подчинил многие среднеазиатские области. Он

и упомянут в качестве сюзерена на фельсах Кубы 416-20/1025-29 гг. В надписях фельсов 416/1025-26 г. в роли его вассала и непосредственного владельца Кубы выступает Мухаммад б.Наср, сын Насра б.Али. Более чем вероятно, что права на Кубу Мухаммад получил несколькими годами ранее: его лакаб Айн ад-Даула стоит на фельсе Ферганы: 411/1020-21 г. (неизданная монета из упомянутого выше Зааминского клада). На фельсах 420/1029 г. в качестве вассала Кадыр-хана обозначен не Мухаммад, а брат Кадыр-хана Сулайман б.Харун. Последний занимал более высокое положение и обладал в Кубе большими правами, нежели прежде Мухаммад б.Наср: как показывает упоминание Сулаймана в реверсной крутовой легенде, ему принадлежала монетная регалия. Впрочем, не исключено, что и Мухаммад сохранял тогда какие-то права на Кубу, но известные на сегодняшний день монеты не зафиксировали этот факт.

Кадыр-хану Йусуфу, скончавшемуся в 423/1032 г., наследовал его старший сын Арслан-хан Сулайман, названный на большинстве дирхемов Кубы 442-47/1050-56 гг. В 442/1050-51 г. этот город принадлежал его вассалу, караханидскому князю Бахраму. В следующем году ситуация существенно изменилась: вместо Бахрама упомянут Харун б.Али, вместо Арслан-хана - его двоюродный брат Ахмад б.Мухаммад, который даже не достиг царского сана, а был лишь одним из князей, Арслан-тегином. Неупоминание Арслан-хана едва ли случайно и связано, возможно, с тем, что Ахмад б.Мухаммад овладел частью Ферганы силой, во всяком случае без санкции верховного государя. Так или иначе, это был кратковременный эпизод, и монеты 444-45/1052-54 гг. зафиксировали ситуацию, имевшую место до 443/1051-52 г.: Бахрам-вассал Арслан-хана в Кубе. В 445/1053-54 г. часть прав на Кубу была передана сыну Арслан-хана, Йусуфу б.Сулайману, в силу своего происхождения занимавшему более высокую ступень иерархической лестницы, нежели Бахрам. В том же году Куба оказалась в руках Мухаммада б.Насра, который в 445-47/1053-56 г. своим сюзереном признавал все того же Арслан-хана. Часть прав на Кубу он, возможно, передал своему сыну Аббасу. До 447/1055-56 г. включительно в большей части Ферганской долины признавалась власть Арслан-хана Сулаймана, лишь Северная Фергана (с Ахсикетом) принадлежала его младшему брату Бутра-хану Мухаммаду. В 447/1055-56 г. в результате междоусобной войны между братьями младшему доставалась вся Фергана, что отразилось и в монетном чекане. Так, на дирхемах 448/1056-57 г.

вместо Арслан-хана фигурирует Бутра-хан, в роли его вассала и непосредственного владельца Кубы - караханидский князь Тонга-тегин.

Этими монетами завершается известный пока караханидский чекан Кубы. Он важен не только для воссоздания политической истории XI в., но и для понимания некоторых сторон организации монетного дела. Прежде всего имеются в виду те фельсы, на которых место выпуска обозначено дважды: в круговой легенде аверса - Фергана или Узгенд, в поле той же стороны - Куба. Выявив и опубликовав фельсы с подобным двойным обозначением места производства - Фергана/Ахсикет и Фергана/Мартинан, пишущий эти строки выразил надежду, что будут обнаружены и такие фельсы, местом чеканки которых названы одновременно Фергана и Куба (27, с. 62-63). Предсказание сбылось. Важнее, однако, другое. Как показали наблюдения, некоторые ошские фельсы 387/997 г. и часть ферганских фельсов того же года биты общим реверсным штемпелем, т.е. чеканены в Оше, где выпускались монеты с тремя обозначениями места производства: 1) Ош; 2) Ош/Фергана; 3) Фергана. Иначе говоря, определенная часть раннекараханидских фельсов, чьим местом выпуска названа Фергана, чеканены не в Узгенде, тогдашней столице области, а в Оше. (28, с. 55). Учитывая наличие фельсов с двойным обозначением места производства Фергана/Куба, данный вывод можно распространить и на Кубу. Другими словами, среди многочисленных караханидских фельсов конца X - первой половины XI в., местом чеканки которых названа просто "Фергана", какой-то процент приходится на долю Кубы. Какой именно процент, сказать трудно, но несомненно, что объем продукции монетного двора Кубы был больше, чем может показаться на первый взгляд (т.е. принимать в расчет лишь монеты со словом "Куба").

Монеты, на которых кроме названия области указано имя одного из городов той же области, известны в чекане и других династий, например, тех же Саманидов (Шаш/Бинкет). Подобные явления объяснить нетрудно: указанием на конкретный город просто уточнялось, где именно бита данная монета. Гораздо труднее разобраться с другими, пусть очень редкими, случаями, когда на одном монетном кружке и даже на одной его стороне обозначены сразу два города. Во всей караханидской нумизматике мне известны всего два таких фельса: Узгенд/Ахсикет 392/1001-02 г. и Узгенд/Куба 416/1025-26 г. Столкнувшись с первым из них, автор этих строк объяснил это странное явление следующим образом. Поскольку в Узгенде,

тогдашней столице Ферганы, располагался самый продуктивный из ферганских денежных дворов со штатом квалифицированных монетариев, в том числе резчиков штемпелей, вполне вероятно, что именно там осуществлялось централизованное изготовление штемпелей для всех монетных дворов области. Иначе говоря, название "Узгенд" на фельсе 392/1001-02 г. обозначает место производства соответствующего штемпеля, наименование "Ахсикет" - место выпуска самой монеты. (29, с. 144-145). Такое объяснение, как представляется, вполне приложимо и ко второму случаю - фельсу Узгенда/Кубы 416/1025-26 г. Если оно справедливо, то, выходит, штемпеля фельсо изготавливались в Узгенде для прочих ферганских денежных дворов, в том числе Кубы, не только при Насре б.Али (умер в 403/1012 г.), но и позднее. Подобная практика не была чем-то исключительным. Так, пишушему эти строки удалось установить, что штемпеля дирхемов, битых в 411/1020-21 г. в Будухкте, одним из испиджабских городов, резаны мастером монетного двора Испиджаба, работавшим в столице области (30, с. 54). Более того, в Англии начиная с X в. все штемпеля изготавливались на королевском монетном дворе в Лондоне, откуда рассылались по провинциальным денежным дворам (31, с. 63), насчитывавшимся десятками.

В заключение следует остановиться на важном вопросе о значимости и экономическом состоянии Кубы в домонгольское время. В.В.Бартольд, подчеркнув, что после X в. Куба не упоминается, выразил недоумение по поводу того, "почему расцвет этого города был столь непродолжительным" (1, с. 534). О.Г.Большаков по существу повторил заключение В.В.Бартольда, полагая, будто в XI-XII вв. Куба "постепенно угасает" (32, с. 205). Е.А.Давидович справедливо указала, что "вывод этот не учитывает новейших археологических и нумизматических материалов", привлекла те и другие (особенно последние) и на основании монетных данных пришла к совершенно иному заключению: по ее мнению, "по крайней мере до третьей четверти XI в. с экономической точки зрения город был значительнее, чем в IX-X вв." (33, с. 133-134). Приведенные материалы, коих намного больше, чем было известно Е.А.Давидович, окончательно убеждают в правоте исследовательницы, когда она не соглашается с тезисом О.Г.Большакова о постепенном угасании Кубы в XI-XII вв.; во всяком случае, для первых двух третей XI в. об угасании говорить приходится. Казалось бы, те же материалы существенно усиливают и достоверность вывода Е.А.Давидович о том, что в экономическом отношении Куба в XI в. была значительнее, нежели в IX-X вв. И

действительно, разница между объемом монетного производства X в. и объемом монетного производства XI в. теперь еще более заметна, чем прежде; чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить таблицы 1 и 2. Но не все здесь так просто и очевидно, как может показаться на первый взгляд.

Прежде всего, не следует забывать о том, что производство монет при Саманидах было организовано не так, как при Караханидах. В Саманидском государстве с его стремлением к централизации выпуск медной монеты, фельсов, был сосредоточен преимущественно на бухарском, т.е. столичном монетном дворе. Немало меди чеканилось и в Фергане, на монетных дворах Ахсикет, Куба, Насрабад, Узгенд, Ходженд, Фергана, но все же меньше, чем в Бухаре. Главное же заключается в том, что большинство фельсов, битых в пределах Ферганской долины, относятся к числу монет удельного чекана, т.е. выпуск их связан с разного рода пожалованиями за службу. В этом отношении не были исключением ни Куба, ни Насрабад, ни Узгенд, ни Ходженд. Саманидский чекан X в. представлен в Кубе четырьмя датами, в Насрабаде - десятью, в Узгенде - шестью, в Ходженде двумя, в Оше - ни одной (34, с. 53-54). По данным арабских географов X в., крупнейшими после столичного Ахсикета ферганскими городами были Куба и Ош, на треть меньше Оша был Узгенд (35, с. 203-204), а Ходженд, то причислявшийся к Фергане, то считавшийся центром отдельного округа, являлся одним из важнейших городов Мавераннахра, тогда как Насрабад, хотя и считался "большим" (35, с. 220), равняться с ними не мог. Между тем именно Насрабад по числу монетных дат опережает и Кубу, и Узгенд, и Ходженд, не говоря уже об Оше. Очевидно, объектом пожалования за службу мог явиться город (округ), не обязательно самый значительный и наиболее экономически развитый. Одной из важнейших привилегий при таком пожаловании была монетная регалия, право помещать на фельсах свое имя. Однако, наличие, продолжительность, а тем самым и масштабы выпуска таких фельсов определились не столько внутренними потребностями рынка в пределах объекта пожалования, сколько сроком и самим фактом пожалования, а если не было пожалования, то не было и чекана (как, например, в Оше). Как представляется, саманидский чекан X в. в Фергане не дает возможности сравнивать значимость и уровень экономического развития отдельных ферганских городов, а значит, и сопоставлять по этим показателям X и XI в.

Принципиально изменилась ситуация с приходом Караханидов. На протяжении 384-403/994-1012 гг. Фергана принадлежала

завоевателю Мавераннахра Насру б.Али, при которой ни один из перечисленных городов не

становился объектом пожалования, а значит, все они, кроме ставшего столицей Узгенда,

Табл. 1. Саманидский чекан Кубы 336-356/947-967 гг.

№№ п/п	год выпуска	Л.с., поле	О.с., поле	О.с. круговая легенда
1	336	Ахмад (?)	ал-амир ас-сайид Нух б.Наср	нет
2	341	нет	нет	ал-малик ал-муайид Абу Мухаммад Нух б.Наср
3	349	нет	ал-амир ас-сайид Абдалмалик	ал-амир вшас б.Мухаммад маула амир ал-Муминин
4	349	нет	Абдалмалик б.Нух	" "
5	356	Ахмад	Мансур б.Нух, Ахмад	ал-амир Мансур б.Байкара ал-хаджиб
6	356	нет	" "	" "
7	356	Ахмад	Мансур б.Нух	" "
8	356	нет	" "	" "

Табл. 2. Караханидский чекан Кубы 389-448/998-1057 гг.
(№ 1-14 - фельсы, № 15-26 - дирхемы).

№№ п/п	Годы выпуска	лиц. Сторона	оборотная сторона, поле	об. ст., круг. лег.
1-11	389-402	Наср б.Али	Наср б.Али	Наср б.Али
12	416	Мухаммад б.Наср б.Али	Иусуф б.Харун, Мухаммад б.Наср б.Али	Иусуф б.Харун
13	416 (?)	" "	Иусуф б.Харун	" "
14	420	нет	" "	Сулайман б.Харун
15	442	Бахрам	Сулайман б.Иусуф б.Харун Бахрам (?)	нет
16	443	Харун б.Али	Ахмад б.Мухаммад б.Харун	нет
17-18	444-45	Бахрам	Сулайман б.Иусуф б.Харун	нет
19	445	Иусуф б.Сулайман б.Иусуф, Бахрам	" "	нет
20	445	Мухаммад б.Наср (?)	" "	нет
21-23	445-47	Аббас б.Мухаммад б.Наср (?)	Сулайман б.Иусуф б.Харун, Мухаммад б.Наср	нет
24	447 (?)	Мухаммад б.Иусуф б.Харун	Мухаммад б.Иусуф б.Харун	нет
25	448	Тонга-тегин	" "	нет
26	44(7-9)	"-2	" "	нет

Табл. 3. Лица, упомянутые на караханидских монетах Кубы 389-448/998-1057 гг.

№№ п/п	годы выпуска	Лицевая сторона	Оборотная сторона, поле	Оборотная сторона, круговая легенда
1	389	Наср	илек	ал-амир Наср б.Али маула амир ал-муминин
2	390	"_"	"_"	"_"
3	390	нет	Муаййид ал-Адл илек	"_"
4	391	Наср	илек	"_"
5	397	нет	Наср	"_"
6	399	нет	Муаййид ал-Адл илек	"_"
7	399	нет	илек	"_"
8	401	нет	нет	"_"
9	402	нет	нет	"_"
10	402	нет	ал-Муаййид ал-Адл илек	ал-амир Наср б.Али маула амир Мухаммад (?)
11	402	нет	"_"	Кадыр-хан маула амир ал- муминин
12	416	Адул ал-Даула	Кадыр-хан, Куч-тегин	Кадыр-хан маула амир ал- муминин
13	416	Куч-тегин	ал-Малик ал-Машрик Кадыр-хан	ал-амир ал-аджалл ЙусуфНасир ад-Даула (?)
14	420	нет	Малик ал-Машрик хан	ал-амир Сулайман б.Харун маула амир ал-муминин
15	442	Адул ад-Даула	ал-малик Арслан кара- хакан, Бури-тегин	
16	443	Харун б.Али	Абу-л-Музаффар Арслан-тегин	
17	444	Фахр ад- Даула Бахрам	ал-малик Арслан кара- хакан амир ал-умара	
18	445	"_"	"_"	
19	445	Имад ад- Даула, Адул ад-Даула	"_"	
20	445	...Мухаммад	ал-малик Арслан кара- хакан Шараф ад-Даула	
21	445	Шихаб ад- Даула	Арслан-хан, Мухаммад б.Наср	
22	446	"_"	"_"	
23	447	"_"	"_"	
24	447 (?)	Мушаййид ад-Даула	ал-малик музаффар ал- адил Бутра-хакан Сафи Амир ал-Муминин	
25	448	Джалал ад- Даула	ал-малик ал-ислам Бутра кара-хакан	
26	44(7-9)	"_"	Мушаййид ад-Даула Муаййид ал-Милла Бутра-хан Сафи Амир ал-Муминин	

находились в этом отношении в равном положении. Иначе говоря, выпуск медных монет, предназначенных в первую очередь для внутренних нужд, в таких условиях должен был осуществляться прежде всего там, где в них имела наибольшая потребность, т.е.,

очевидно, в достаточно развитых экономических центрах. Соответственно, объем производства фельсов должен был зависеть от масштабов такой потребности, от уровня экономического развития соответствующего пункта.

Место выпуска	год выпуска														Всё го
	384	387	389	390	391	392	393	396	397	398	399	400	401	402	
Ахсикет				2	2	1					1		1	1	8
Куба			1	2	1				1		2		1	3	11
Маргинан									1	1					2
Ош		4			2		1					1			8
Узгенд			4	1		1		1		1	1	3	1		14
Ходженд	2			2							1				5

Табл. 4. Число "видов" фельсов, битых в городах Ферганы в 384-402/994-1012 гг.

Как видно из таблицы 4, при Насре б.Али в Ахсикете были выбиты фельсы 8 "видов" (в пределах одной даты "виды" различаются особенностями упоминания эмитентов), в Кубе - 11, Маргинане - 2, Оше - 8, Узгенде - 14, Ходженде - 5 (19, с. 203, № 11, 12; с. 206; 45-47; с. 208, № 77-81; с. 209, № 100; с. 210, № 102-106; с. 211, № 120; с. 215, № 176; с. 216, № 184; с. 217, № 194; с. 218, № 209, 214, 215; с. 221, № 254, 255, 261; с. 222, № 268; с. 223, № 280, 289). Если добавить сюда серебряный чекан Ферганы, представленный дирхемами Ахсикета и Узгенда 392-402/1001-1012 гг. (19, с. 210, № 112, 113; с. 211, № 115, 122; с. 212, № 130; с. 218, № 213), то станет очевидным лидирующее положение именно этих городов, что и естественно: Узгенд являлся тогда столицей не только Ферганы, но и всего огромного удела Насра, Ахсикет еще недавно, при Саманидах, был центром области и, конечно, не мог так быстро утратить свое значение. За "лидерами" непосредственно следуют Куба и Ош, затем Ходженд, на последнем месте - Маргинан. Если не принимать в расчет Узгенд, чье значение выросло прежде всего благодаря новому высокому статусу, то медный чекан Ферганы конца X - начала XI в. рисует, в сущности, ту же картину, что и географы X в. И это тоже естественно, ибо приход Караханидов не мог мгновенно привести к радикальному изменению экономического состояния ферганских городов. Другими словами, ранне-караханидский чекан отражает не только современную ему ситуацию, но в значительной мере и предшествующую эпоху. Получается парадокс: значимость и уровень экономического развития городов позднесаманидской Ферганы лучше изучать не на саманидском, а на раннекараханидском нумизматическом материале.

Перемены в этой сфере, конечно, произошли, но не сразу и не везде одно-

временно. Раньше и быстрее всех вырвался вперед Узгенд, который довольно скоро стал подавлять другой восточно-ферганский город, Ош, где после 400/1009-10 г. производство монет больше никогда не возобновлялось (правда, местом выпуска некоторых танга Тимура обычно принято считать Ош, но на самом деле, как теперь установлено, что не Ош, а Ушни - город в Иранском Азербайджане (36, с. 166)). Коснулись изменения и Южной Ферганы, где монетные дворы имелись в Кубе, Маргинане и Риштане (см. табл. 5). Неизвестный автор "Худуд ал-алам" (конец X в.) при перечислении ферганских городов называет Кубу и Риштан, но даже не упоминает Маргинан (37, с. 44-45), тогда как к началу XIII в. Маргинан стал "одним из знаменитейших городов." Риштан же - всего лишь селением в окрестностях Маргинана (1, с. 534). Насколько позволяют судить монеты, в первой трети XI в. последний стал опережать Риштан, но еще несколько отставал от Кубы. Во второй трети XI в. Куба и Маргинан находятся примерно на одном уровне. Очень показателен чекан 453-67/1061-75 гг., производившийся Табгач-ханом Ибрахимом и Шамс ал-Мулком Насром. Если не считать монет Узгенда 458-60/1065-68 гг., все остальные ферганские дирхемы - монеты общегосударственного чекана, на них нет упоминаний удельных правителей, а значит, все города Ферганы находились, как и при Насре б.Али, в одинаковом положении. И среди монетных дворов, работавших в 453-67/1061-75 гг., есть Ахсикет, Маргинан, Узгенд и Ходженд, но нет Кубы (38, с. 250, № 895, 896; с. 251, № 900, 903, 908; с. 253, № 930; с. 254, № 936, 937; с. 255, № 950; с. 256, № 960, 962, 964). Очевидно, уже к этому времени Маргинан заметно опередил Кубу и сохранял первенствующее положение в южной части Ферганской долины до XIII в. включительно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартольд В.В. Фергана // Соч. Т. III. М., 1965.
2. Давидович Е.А. Саманидские монеты Кубы // Советская археология, 1960; № 2.
3. Давидович Е.А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки, 1968, № 1.

4. Кочнев Б.Д. Караханидский чекан Кубы // прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987.
5. Фельсы "видов" 2, 3, 7 опубликованы Е.А.Давидович (2, с. 254-256), неизданные монеты "видов" 1, 4 хранятся в Институте археологии АН РУз (Самарканд), "видов". 5, 6, 8 - в частной коллекции Мухаммада Лимбады (Лондон).
6. Давидович Е.А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972.
7. Монета из Мунчактепского клада, найденного близ г.Пап (показана автору археологом Б.Х.Матбабаевым).
8. Кочнев Б.Д. Тюрки в удельной системе саманидской Ферганы (X в.) // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
9. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
10. ⁵⁰ Auktions-Katalog von A.Weyl. Berlin, 1885.
11. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М., 1980.
12. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореферат докторской диссертации. М., 1993.
13. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Перевел с перс. Н.Лыкошин, под ред. В.В.Бартольда. Ташкент, 1897.
14. The History of bukhara. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R.N.Frye. Cambridge, Mass., 1934.
15. Гардизи Абу Саид. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана. Пер. с перс. А.К.Арендса. Ташкент, 1991.
16. The Book of Government or Rules for Kings. The Siyar al-Muluk or Siyasat-nama of Nizam al-Mulk. Transl. from the Persian by H.Darke. London, Henley and Boston, 1978.
17. Ртвеладзе Э.В. Саганианские медные фельсы Мухтаджидов // Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. М., 1980.
18. Кочнев Б.Д. К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока (Бартольдские чтения - 1981). М., 1984.
19. Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 1) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М., 1995.
20. Ознакомиться с кладом довелось благодаря любезности А.А.Грицины, сотрудника Института археологии АН РУз.
21. Федоров М.Н. Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. [по нумизматическим данным] // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. Ташкент, 1966.
22. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М., 1980.
23. Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. XXXI/1. Berlin, 1953.
24. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2 (Караханиды) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1979.
25. Насири В.Н., Кочнев Б.Д. К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // Эпиграфика Востока XXIV. А., 1988.
26. Федоров М.Н. Очерк истории Восточных Караханидов конца X - начала XIII в.: по нумизматическим данным // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1984.
27. Кочнев Б.Д. Новые данные о караханидском монетном дворе Ферганы // Сообщения Государственного Эрмитажа. XLIX. А., 1984.
28. Кочнев Б.Д. Средневековый Ош в свете нумизматики // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.
29. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 11 (Караханиды. Великие Сельджуки) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Ташкент, 1992.
30. Кочнев Б.Д. Бузрукет - новый казахстанский монетный двор (XI в.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1986. № 1.
31. Муха М.В. Монеты английского короля Эдуарда II (1307-1327) в собрании Эрмитажа // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1996.
32. Белицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. А., 1973.
33. Давидович Е.А. Дискуссионные вопросы в книге А.М.Белицкого, И.Б.Бентович, И.Б.Большакова "Средневековый город Средней Азии" // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
34. Кочнев Б.Д. Домонгольский город северо-восточного Мавераннахра в свете нумизматики // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии"). Тезисы докладов. Ташкент, 1989.
35. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963.
36. Cnibb J., Cook B., Carradice J. The Coin Atlas. The World of Coinage from its Origins to the present Day. London, Sydney, 1990.
37. Худуд ал-алам. Извлечения в пер. с перс. З.Н.Ворожейкиной // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
38. Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (ч. 2) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997.

ИЗУЧЕНИЕ ОДНОГО ИЗ РЕМЕСЛЕННЫХ КВАРТАЛОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО АХСИКЕНТА.

А.А.Анарбаев.

Столичный город Ахсикент как и все средневековые города Средней Азии, состоит из трех частей: цитадели, шахристана и рабада. При этом следует отметить, что шахристан состоит из двух частей: Ахси IА и Ахси IБ (1, с. 172, прим. 4). Во втором шахристане (Ахси IБ) на трех объектах (раскоп IV, раскоп - VII, раскоп - XV) исследовались ремесленные кварталы связанные с металлургией и металлообработкой. В статье излагаются результаты раскопочных работ на объекте IV.¹ Он расположен в северо-западной части Ахси IБ, на так называемой башне 4 (1, с. 179). Здесь выявлено четыре периода обживания (2), в них прослежены следы металлургического и металлообрабатывающего производства и остатки жилого дома (рис. 1), которые относятся к XI-XII вв. (может быть нач. XIII в.).

Первый период представлен небольшим участком (северная часть помещения I и южная часть помещения 3) с тремя уровнями полов, где обнаружены следы железодельного производства и фрагменты керамики, относящиеся к концу X-XI в. Выделяется целый глазурованный сосуд - тарелка, покрытая двухсторонним белым ангобом (рис. 7, 1). Изнутри сосуд полностью, а снаружи по венчику, покрыт прозрачной свинцово-щелочной глазурью. Внутри под глазурью сохранились следы псевдонадписи.

Второй период представлен сравнительно хорошо. В это время происходит довольно большая перестройка, то есть мастерская возводится почти заново. Теперь она состоит из пяти помещений (№ 1-5) (рис. 1) с пятью уровнями полов. Но они сохранились очень плохо, так как полы и стены мастерской уничтожены местами до основания. Зафиксировано более 10 ям (рис. 1). Некоторые из них представлены в виде ямы-зольника, четко определенных стенок. Мастерская расположена над опившей крепостной стеной, поэтому, судя по остаткам стен, ее комнаты располагались террасами. В помещениях и ямах обнаружены железные

шлаки, фрагменты тиглей, ошлакованный и закопченный грунт, зола, обмазки горнов. На некоторых полах и в завалах найдены остатки различных по своей конструкции и назначению очагов и горнов (рис. 2).

К востоку от мастерской раскопано еще пять помещений (№ 6-10), которые также сохранились очень плохо (рис. 1). Из них помещение 6 раскопано до уровня второго периода, а остальные (№ 7-10) изучены только на уровне третьего периода.

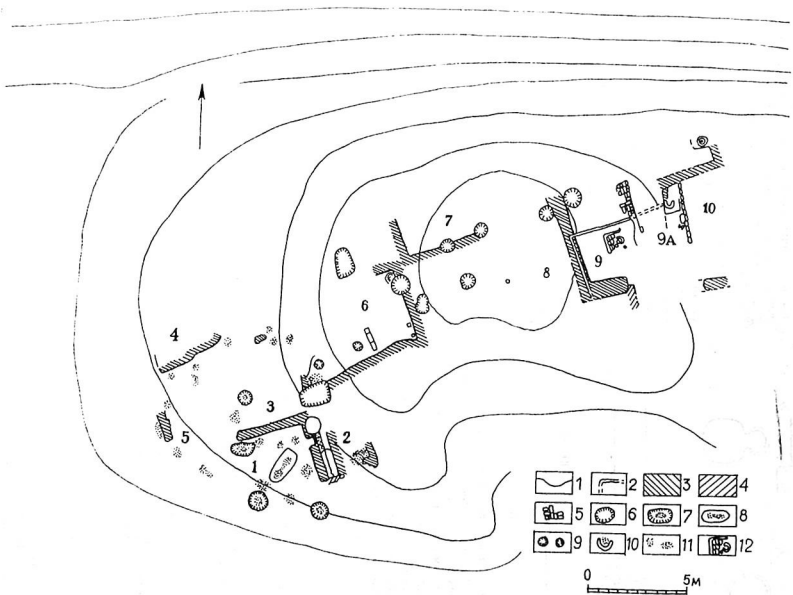
В помещении 6 обнаружен ошлакованный и закопченный грунт, зола, фрагменты тиглей и т.д. Все это свидетельствует о том, что первоначально помещение 6 являлось составной частью мастерской, а остальные помещения (№ 7-10) были жилыми, причем помещение 8, видимо, служило в качестве дворового.

В третьем строительном периоде мастерская и прилегающие к ней жилые помещения, капитально ремонтируются: стены изнутри облицовываются сырцовым кирпичом (36-38х17-18х6 см), возводятся новые стены из жженного (26-28х14-16х3-3,5 см) и сырцового (36-38х17-18х6-6,5 см) кирпича (рис. 1). Причем, эти стены были каркасные. Сохранились их нижние части на высоту двух или трех кирпичей. Судя по остаткам, можно предположить, что полы всех помещений были вымощены жженным (26-28х14-16х3-3,5 см) и местами сырцовым кирпичом (36-38х17-18х6-6,5 см). Именно в это время в жилых помещениях сооружаются сандалы с пристенными очагами. Сравнительно хорошо сохранился сандал в помещении 9, сооруженный полностью из жженного кирпича (26-28х14-15х3-3,5 см).

Последний, четвертый период, связывается с грандиозными ямами аморфных очертаний и отдельными бадрабами. Последние прорезают южную стену пом. 7 и восточную стену пом. 6. От самой постройки сохранились лишь жалкие остатки стен (рис. 1).

При раскопках мастерской в заполнении помещений и ямах второго и третьего периодов обнаружено большое количество керамики, которая относится к XI-XII вв.

¹ В раскопочных работах принимали участие Г.В.Шиликина, О.Н.Иневаткина и О.А.Палахристу.

Здесь нам не удалось четко отделить керамику второго периода от керамики третьего периода. Потому что, во-первых, постройки сильно разрушены; во-вторых, на полах второго периода почти отсутствуют находки.

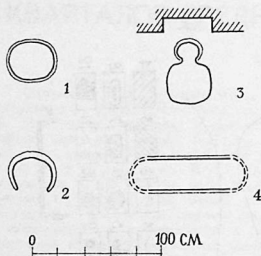

Рис.2.

Глазурованная керамика обнаружена, в основном, в ямах-зольниках, завалах, производственных отвалах и бадрабах, которые находятся в пределах помещения 3. Только в одном бадрабе (пом. 3) найдено 4 глазурованных сосуда (рис. 6, 1-4). Особый интерес представляет фрагмент (донная часть лягана) глазурованного сосуда с изображением попугая (рис. 6, 1). Сосуд имеет двухсторонний сплошной белый ангоб и прозрачную свинцовую глазурь. Причем последняя покрывает сосуд изнутри полностью, а снаружи - по венчику, которая имеет местами желтоватый и зеленоватый оттенок. Изображение птицы натуралистическое и нанесено желтовато-черной краской. Фрагмент аналогичного сосуда с изображением попугая был найден на городище Мингирюк (3, с. 71), который датируется XI-XII вв.

Отметим, что зооморфный сюжет занимает большое место в декоративном оформлении художественной керамики Средней Азии и Ирана X-XII вв. Например, в Хорасане и Самарканде в это время изображения птиц входили в сложение орнаментальных композиций (4, с. 17-19, fig. 20, A; fig. 21, B; fig. 16; 6, с. 60-61, табл. LXXIII, 1-2). Другой сосуд (миска) тоже имеет сплошной двухсторонний белый ангоб и внутри и снаружи по венчику покрыт прозрачной свинцовой глазурью (рис. 6, 2). Изнутри миска расписана геометрическим и растительным орнаментом желтовато-черной краской. Края окаймляют два кольцевых

пояса: один тонкий, другой толстый с невысокими зубцами. Между ними имеются геометрические линии. В пространстве, незанятом ими, расположен треугольник и другие геометрические рисунки. Внутри треугольника - яйцевидный рисунок с крестиком. Аналогичные глазурованные сосуды с рисунками в более упрощенном варианте встречаются в Лашкари-Базаре (7, с. 112, Pl. XXV; 468; с. 82, Pl. 284-285; 6, табл. LXVII, 6).

Остальных два сосуда - небольшие широкогорлые кувшины с надглазурным орнаментом в виде псевдонадписи. У обоих сосудов отсутствует ангоб. Один из них имеет прозрачную щелочно-свинцово-оловянную глазурь с мутноватым оттенком (рис. 4, 3). Другой сосуд имеет прозрачную щелочно-свинцово-оловянную глазурь (рис. 6, 4). Следует отметить, что сосуды, имеющие полупрозрачную щелочно-свинцово-оловянную глазурь, обычно датируются более ранним периодом. Но, вышеупомянутые глазурованные сосуды в комплексе относятся ко времени не ранее XI в.

Глазурованная керамика обнаружена также в зольниках-ямах. Выделяются четыре глазурованных сосуда (рис. 4, 1-4). Небольшая чашечка-пиала (рис. 4, 1) внутри и снаружи покрыта сплошным белым ангобом. Поверх ангоба изнутри полностью, а снаружи по венчику она покрыта прозрачной свинцовой глазурью, имеющей желтоватый оттенок. Остальных три сосуда не имеют ангоба. Непрозрачная бесцветная щелочно-оловянная глазурь нанесена прямо по черепку (рис. 4, 2-4). Они украшены подглазурной росписью в виде псевдонадписи и геометрического орнамента.

Вместе с тем, представлено большое количество станковой неглазурованной керамики в виде кружек (рис. 4, 6), кувшинов (рис. 4, 9-10; рис. 6, 5-12, 8; рис. 8, 1, 4-11), горшков (рис. 4, 5; рис. 7, 2; рис. 8, 2, 3), горшикообразных кувшинов (рис. 5, 1; рис. 4, 7), различных котлов (рис. 4, 11-12, 16-18; рис. 5, 2-3, 8; рис. 7, 3-6), хурмы и хурмачи (рис. 8, 2-3), хумов (рис. 5, 9; рис. 7, 10-11), тагоры (рис. 7, 9), дастархана (рис. 6, 13), крышек (рис. 4, 13-14; рис. 5, 4-7) симабкузача (рис. 4, 8) и копилки (рис. 7, 7). Здесь трудно отделить керамику второго периода от третьего периода. Потому что мастерская и жилой комплекс находились на ольшейшей крепостной стене, а их помещения располагались террасообразно, каркасные стены местами разрушены до основания. Поэтому было сложно раскладывать керамические находки по периодам. Но изучение самой керамики дало возможность

нам отделить более раннюю посуду (рис. 4, 10) от более поздней (рис. 6, 5).

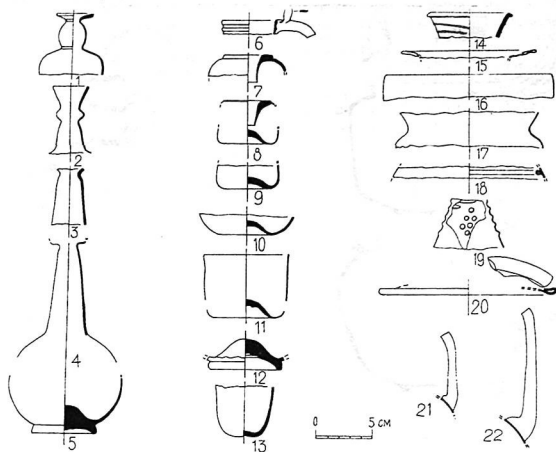

Рис.3.

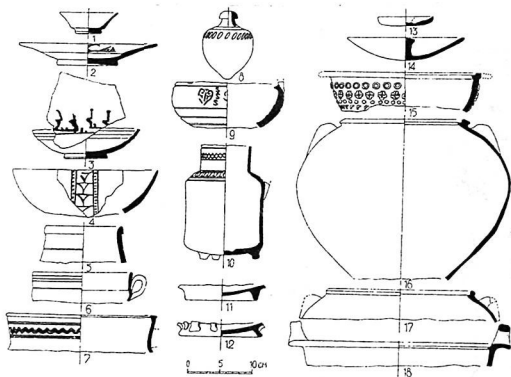

Рис.4.

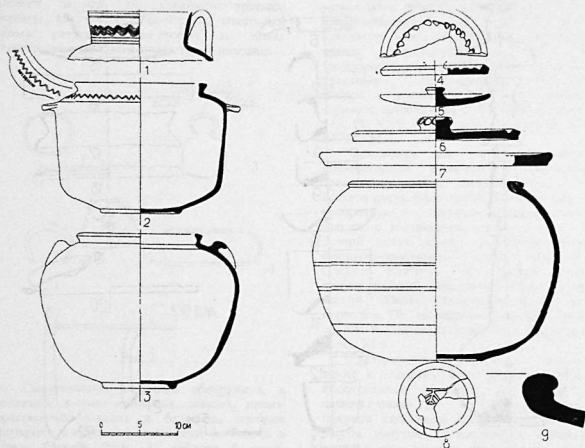

Рис.5.

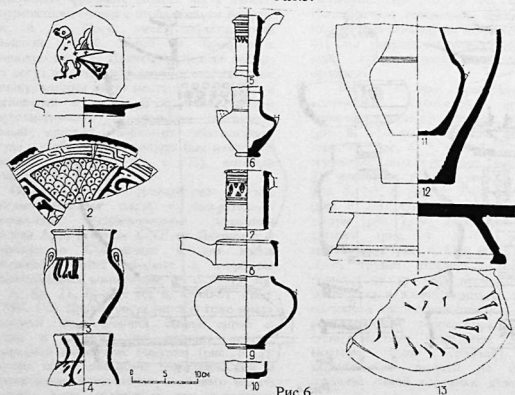

Рис.6.

Среди подъемных материалов выделяется фрагмент от штампованного котла (рис. 4, 15), который обнаружен к югу от мастерской вблизи хауза.

Наряду с керамикой найдена стеклянная посуда: графины (рис. 3, 1-5, 12), кувшины (рис. 3, 6, 14), чаши (рис. 3, 11, 16), чернильницы (рис. 3, 7-9), горшки (рис. 3, 17), алеmbики (рис. 3, 13), тувак (рис. 3, 15), крышка (рис. 3, 20). Из них некоторые

сосуды изготовлены из цветного стекла. Например, один кувшинчик (рис. 3, 6) из зеленого, другой (рис. 3, 14) из зеленовато-голубого стекла. Выделяются сосуды, изготовленные из светло-голубого (рис. 3, 13), ярко-синего (рис. 3, 16) и светло-зеленого (рис. 3, 20) стекла. Аналогичные стеклянные сосуды были зафиксированы в Куве (9), Самарканде (6, табл. XXXI, 1-3; табл. XXXV, 9) и др. городах Средней Азии.

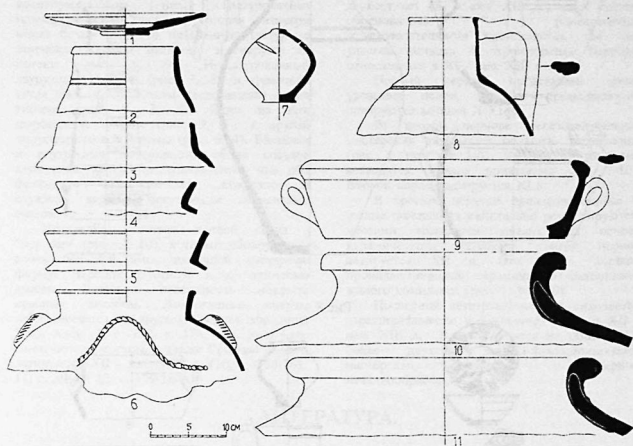

Рис.7.

При раскопках жилых помещений тоже найдена керамическая и стеклянная посуда. Приведем пример: выделяются два глазурованных сосуда, которые относятся к третьему периоду, полусферическая чашечка (рис. 9, 1). Она с обеих сторон покрыта белым ангобом. Изнутри сосуд украшен косыми мазками, образующими треугольники и рядами крапин. При этом использованы красные, оливковые и черно-коричневые краски. И, только изнутри поверх рисунка он покрыт прозрачной глазурью с желтоватым отливом, плохого качества. Такой многоцветный рисунок был известен в северо-западной Фергане (10, рис. 5,5) и широко

распространен в XII в. в Чаче (3, с. 66, табл. 42, 15).

Другой глазурованный сосуд - полусферическая миска (рис. 9, 2). Внутри сосуд декорирован подглазурной гравировкой по белому ангобу. Глазурь прозрачная, плохого качества, цвета слоновой кости. С внешней стороны - потеки глазури. Глазурованные сосуды с аналогичным орнаментом имеются в Чаче (3, табл. 43, 5) и Согде (6, табл. LI, 1).

Третий - миниатюрный глазурованный горшочек (рис.9,5), который относится, видимо, к четвертому периоду. Голубая глазурь

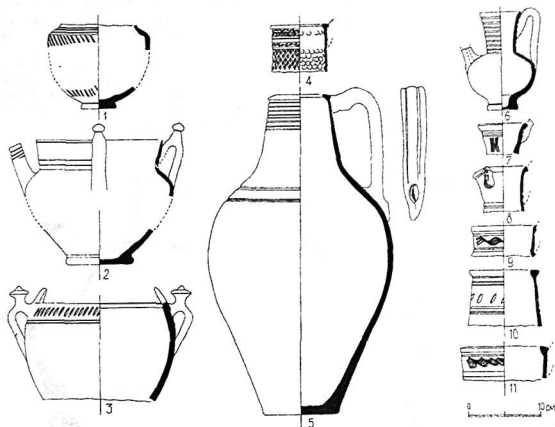

Рис. 8.

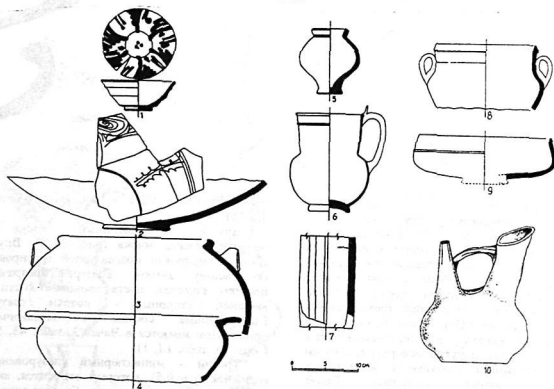

Рис. 9.

нанесена снаружи до донца, а внутри по венчику, причем, сосуд имеет ангоб.

Обнаружена также стеклянная посуда. Выделяется целая кувшиновидная кружка, изготовленная из зеленовато-желтого стекла (рис. 9, 6). Ее венчик украшен широкой наварной полосой, окаймленной двумя горизонтальными валиками.

В оплывах, где перемешаны слои вышеописанных периодов со слоями четвертого периода, найдены фрагменты керамики и стекла. Приведем описания некоторых из них. Глазурованная полусферическая чашка, которая изнутри имеет белый ангоб и прозрачную глазурь с зеленовато-желтым отливом, а снаружи ее потеки (рис. 9, 9). Неглазурованный двуручный горшок (рис. 9, 8) и фрагмент тигля (рис. 9, 7). Котлы представлены двумя типами (рис. 9, 3, 4). Один из них шаровидной формы (рис. 9, 3), а другой полусферической формы (рис. 9, 4). Внешняя и внутренняя поверхности обоих сосудов закопчены. Создается впечатление, что оба фрагмента использовались вторично и служили, видимо, составными элементами очагов.

Интересно отметить лепной сосуд - "мургаби" (рис. 9, 10), который обнаружен в слоях большой ямы, имеющей аморфную форму. Черепок плотный и с примесью дресвы. Внешняя поверхность покрыта красным ангобом. Аналогичные сосуды зафиксированы на других объектах городища Эски Ахси (1, с. 172, с. 173, рис. 3) и ряде памятников Ферганы, а также Средней Азии и датируются XII - нач. XIII в. (10, с. 255-261; 11, с. 39-45; 12, с. 179-184).

Таким образом, стратиграфическое изучение и анализ археологического материала дали нам возможность прийти к следующим выводам.

Судя по стратиграфическим наблюдениям, которые проводились в ямах и зольниках, можно предположить, что здесь на объекте IV во втором, шахристане (Ахси I Б) в X в. уже не функционировала крепостная стена. Об этом свидетельствуют следы производственных остатков.

В последующие периоды в течение более двухсот лет (XI - нач. XIII в.) здесь прочно обосновались ремесленники железоделательного производства, где нам удалось выявить 4 строительных периода, относящихся к XI - нач. XIII в.

Первый период представлен тремя уровнями полов, которые предварительно датируются концом X-XI в.

Во втором периоде железоделательная мастерская охватывает большую территорию (рис. 1, пом. № 1-6). Именно в это время возводятся жилые помещения (№ 7-10). Второй период датируется XI в.

В третьем периоде производственные и жилые помещения капитально ремонтируются, местами возводятся заново. На основе керамического материала третий период датируется XII в. Это очень хорошо проиллюстрировано керамическим материалом жилого комплекса (рис. 7, 1-2, 10).

Последний четвертый период выделяется стратиграфически и датируется концом XII - нач. XIII в. В целом, здесь на объекте IV более двухсот лет функционировала мастерская, связанная с черной металлообработкой.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье. [Итоги и перспективы исследования] // СА, 1988, № 1.
2. Раньше было предварительно выделено два периода, относящихся к XI-XII вв. (1, с. 179).
3. Брусенко А.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII веков // Ташкент, Фан, 1986.
4. Lane Arthur. Early Islamic pottery // Mesopotamia, Egypt and Persia. London, 1947.
5. Wilkinson Ch. K. The Glazed Pottery of Nishapur and Samarkand // Metropolitan Museum of Art. Bulletin, vol. XX, 1961.
6. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII - начало XIII в.). Ташкент, Фан, 1979.
7. Gardin Jean-Claude/ Lashkari bazar // Memories de la deiegation archeologique Francaiseise en Afganistan. Tome XVIII. Paris. 1963.
8. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда // Стекло. Керамика. Вторая половина VIII - начало XIII в. Ташкент, Фан, 1986.
9. Ширинов Т.Ш., Матбобоев, Иванов Г. Ахмад ал-Фаргоний даврида Кубо шахри. Тошкент, 1998.
10. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшяня и Памиро-Алая // МИА. 1952, № 26.
11. Зацепковский Ю.А. Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА, вып. 120, 1969.
12. Атаханов Т.Н. Расписная керамика из средневекового городища Туткаул. // Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1978.

ДОБЫЧА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Ю.Ф.Бураков.

С глубокой древности золото и серебро играли важную роль в торгово-экономическом потенциале различных стран, являясь мерилом ценности. Роль эта возросла в средневековую эпоху в связи с быстрым ростом торговли, сложением денежных систем Сасанидского Ирана, Византии, а затем стран арабского мира.

В халифате возрастает роль восточных регионов, известных сырьевыми богатствами - Хорасана и особенно Мавераннахра. Не случайно средневековые арабо- и персоязычные географы Востока, характеризую страны халифата, отмечают рудные богатства и в первую очередь, благородные металлы. Особо следует отметить труд известного географа ал-Истахри (840/850-934) "Китаб ал-Масалик ва-и мамалик", в котором были учтены данные предшествующих ученых. Но Истахри, в отличие от кабинетного ученого Абу Зайда Балхи, объездил много стран от Египта до Мавераннахра и дополнил труд материалами своих наблюдений. Он сообщает о горах, "которые простираются в пределах Хорасана до границ Бамиана вплоть до Панджира, пока не входят в страну Ваххан и не разветвляются в Мавераннахре до внутренних пределов тюрок вплоть до Илака и Шаша, вблизи от хырхызов. В этих горах от начала до конца рудники серебра и золота и самые богатые из них те, что близки к стране хырхызов пока они не достигают Мавераннахра со стороны Ферганы и Шаша.

Далее он более подробно останавливается на источниках сырьевых ресурсов Мавераннахра: "Горы, отроги которых доходят до самого селения Варка, это те, которые тянутся в сторону Самарканда между Кешем и Самаркандом, пока не смыкаются с горами ал Буттем, поворачивая к Уструшане в сторону Ферганы и выходят к области Шельджи и Тараза.... И эти рудники, которые находятся в Уструшане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабанае до страны хырхызов, все они находятся в главном хребте этих гор и в примыкающих к ним горах". (2)

Не менее интересные данные содержатся у Ибн Хаукаля, объехавшего ряд стран Востока, у анонимного автора Худуд-ал-Алема.

Анализ текстов восточных географов позволяет выделить в Мавераннахре 4 наиболее крупных узла извлечения благородных металлов: а) Согд-Усрушана; б) Илак - Фергана; в) Шельджи и Лобан в пределах тюрок близ хырхызов; г) на южной границе Мавераннахра, уходящей в основном на Хорасан-Вахан, Бадахшан и Панджшир.

К числу наиболее детально изученных центров Мавераннахра по добыче золота и серебряных руд принадлежит область Чач-Илак и Фергана, охватывающая горы бассейна верхнего и среднего течения Яксарта - Сырдарьи.

Могучий Яксарт - Жемчужная река, вторая по величине в Средней Азии с глубокой древности был зоной активных контактов земледельцев и скотоводов Востока. Формирующие его западные разветвления Тянь-Шаня - Чаткальский и Кураминский хребты служили богатой сырьевой базой разнообразных рудных ископаемых, среди которых важнейшую роль играли рудники по добыче благородных металлов.

Ибн Хаукаль, описывая Илак отмечает, что тыловая часть его гор доходит до Ферганы, в них находятся золотые и серебряные рудники. В Илаке - монетный двор, в котором в больших объемах чиканится монета и такие дворы в Мавераннахре есть лишь в Бухаре и Самарканде. (3) О содержании золота и серебра в горе Илака, тянущейся до пределов Ферганы, сообщает и Истахри, отмечающий, что во всем Мавераннахре нет монетного двора за исключением Самарканда и столиц Илака Тункета. (4) Здесь помещался серебряный рудник Кухисим, а в период борьбы с арабами упоминается "серебряный рудник Чача", на который после завоевания владения был наложен специальный налог, который более чем вдвое превышал налог на самую область. (5)

В IX в. на руднике Чача был специальный монетный двор, запечатленный в надписях на серебряных дирхемах. (6)

Конкретные материалы о объектах добычи и объемах работ получены при археологических исследованиях.

Ядром Илака является долина реки Ахангаран в южных районах Ташкентского

оазиса. В него включаются Южный Чаткал и Кураминский хребет, южные склоны которого уходят в Фергану, а западные отроги - Карамазар, частично входят сегодня в пределы Таджикистана. (7)

Южный Чаткал является в основном золоторудным регионом. Здесь выявлено несколько рудников, крупнейшие из которых Кызылталма, расположен в бассейне одноименного правого притока р. Ахангаран, к западу от г. Ангрен. (8).

В окварцованных зонах здесь выявлены обогащенные рудные столбы, в которых золото скапливалось в висячих изгибах разломов, особенно в их сопряжениях, четкообразно заходя друг за друга в виде линз. Протяженность их составляла 40-100 м, мощность 10-15 м. Это и определило преимущественно шахтный характер древних выработок. Выявлен лишь один древний карьер размером 25х70 м, но в древности он был значительно уже и, возможно, также включал несколько выработок. Шурф, пробитый на глубину 10 м прошел лишь через отвалы древних пород, так что глубина отвала не ясна. Но серия древних шахт, устья которых выявлены на поверхности, подсечена геологами на глубине 100 метров, а в восточной части на Ташасе на глубине 180 м.

Вскрыты штольни, сбитые между собой внизу, т.е. обработанная штольня служила затем вентиляционным колодезем. Найдены керамические трубы-кубуры для водопровода, обломки деревянного крепления, раскрыты ниши для защиты рудокопов.

К югу от выработок изучено поселение рудокопов, включавшее помещения с паховыми стенами, дворики, полы которых вымощены каменными плитами, бытовой и производственный инвентарь - керамическую посуду, в т.ч. глазурованные чиряги, сосуды из стекла, фрагмент серебряного сосуда, поливные и неполовинные чиряги, среди которых наряду с обычными встречены крупные, диаметром до 8 см и длиной носика до 10 см, т.е. рассчитанные на очень длительное горение, вероятно, в рудниках. Найдено более 40 монет, в основном черных дирхемов, которыми уплачивался налог в казну. Керамика датируется VIII-XI вв. Из производственного инвентаря следует отметить находку трех железных проушин кайл с одним острым, другим молотовидным рабочим краем. Состав находок, в т.ч. обилие монет, позволяет предполагать работу свободных мастеров-рудокопов с высокой организацией труда и хорошим инструментарием.

Наряду с добычей, вероятно, шло и частичное обогащение рудной породы, следами чего являются плиты для растирания

руды, обилие тазообразных сосудов - тагора, для промывки размельченной породы.

Судя по отвалам, предварительно древние объемы добычи руды были определены в 200 тыс. м³, а извлеченное золото в 2,5 тыс. тонн. Однако, вновь открыты крупные шахты в Самарчуге, которые значительно увеличивают общие объемы рудодобычи.

Еще один золоторудный комплекс выявлен в бассейне Каракии, притоке Шавасая в урочище Катыранга (9). Рудные тела представлены сериями коротких маломощных ветвящихся жил и прожилков с наличием золота в кварцевых породах. В центре площади выявлены крупные выработки в виде траншей общей длиной до 700 м, вероятно, шедшие открытые карьеры, переходящие в камеры по падению рудных тел, т.е. сочетались открытые и закрытые разработки.

Всего выявлено 35 выработок с объемом добычи только в главной выработке более 20 тыс. м³.

Разнообразны находки комплексов. Это керамика VII-VIII и особенно IX-XII вв.: чиряги - производственные и бытовые глазурованные, горшки, кувшины - для воды и масла, симбокузача; железный клин, масса каменных молотов от 1 до 3,5 кг.

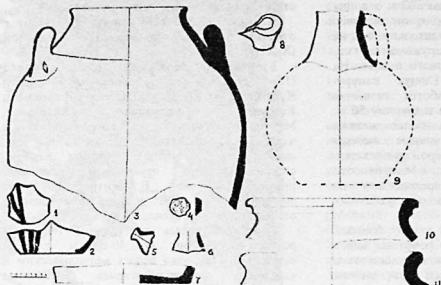
Рудодобыча датируется в пределах VII-XII вв. Общий объем пока не установлен.

Третий рудник выявлен в 15 км к северу от г. Ахангаран близ с. Кайнар. В высоких известняковых отрогах с круто падающими склонами разломов выявлено 14 выработок в виде карьеров, наклонных штолен. иногда соединявшихся между собой. Обследованная нами наклонная штольня была пройдена на глубину 25 м. Далее от нее началась серия новых штолен. На стенках следы работы металлическими орудиями типа кайл и клина. Вблизи выработок в отвалах рудной породы, на площадке рудоразборки и обогащения руды найдены каменные молоты с желобками для привязки и углублением для упора. Представлена керамика XI-XII вв. н.э. Общий объем добычи пока не превышает 50 тыс. м³.

Но основным центром добычи серебра и золота Илака являлся Кураминский хребет, окаймляющий р. Ахангаран с юга. Крупнейшим является серебряный рудник Лашкерек, расположенный в его бассейне и левом притоке Лояка (10). Месторождение базируется в зоне Лашкерского разлома и включает серию рудных тел в изгибах и трещинах, оперяющих разлом на протяжении 4-5 км.

Работы последних лет показали, что Лашкерек представлял собой гигантский рудный узел, включающий не менее 4-х крупных участков, разработка которых начиналась в разное время:

Самый крупный - Центральный Лашкерек на северо-востоке, западное него - Тезкуль, Кульсай и на юго-западе - Малахитовое поле. В них морфологически рудные тела Лашкерек - линзующиеся кварцевые и кварцкарбонатные крупные жилы, вытянутые с северо-востока и на юго-запад различной глубины. Выделяются участки с интенсивным оруднением, богатым серебром вплоть до самородного.

Самый древний - Центральный Лашкерек, где выявлен карьер до 200-х 40-50 м. Помимо него на всех участках - траншеи до 400 м. с наклонками, системой камер.

Настоящий размах древних работ был выявлен при глубинной геологической разведке (11). Выяснено, что кроме карьеров, отработавших рудные тела, многие выработки уходят на глубину до 300 м, не имея себе равных в Средней Азии. В зависимости от формы рудного тела они переходят в многоярусные крупные камеры, делятся на рукава, смежные ходки. Все это требовало сложной системы крепления, вентиляции водоотлива, рудоподъема.

В выработках выявлены все виды крепления от стойки с поперечной планкой до полного окала. У устья одной выработки найден бронзовый ворот. При стратиграфических раскопках отвалов выявлено 10 культурных слоев, характеризующих этапы разработки от I вв. н.э. до XI-XII вв. причем наиболее интенсивная работа проводилась в VII-VIII и IX-X вв. Есть незначительные материалы (включая монеты) XIV в. н.э. Общий объем разработок до 500 тыс. м³. Содержание металла в руде от нескольких грамм до более 2 кг на тонну.

Выявлены пункты централизованной плавки, к сожалению использованные до начала наших исследований.

На Центральном Лашкереке раскрыты жилища рудокопов в виде бедных охраняемых казарм, позволяющие говорить о использовании принудительного труда.

Ниже по течению реки Илака выявлен крупный золотой рудник, известный под названием Кочбулак-Тогберды (12). Он включает серию параллельных рудоносных жил в кварце в виде воронок шахт и карьера. При геологических исследованиях выявлено, что разработка велась и открытыми карьерами и штольнями с вертикальными и наклонными колодцами, уходящими на глубину до 120-130 м. Встречаются крупные камеры на линзообразных складчатых руды. Выявлены следы металлических орудий типа кайты, обильная копыт от проходки пожомом.

Из находок интересен полз саней, сосуд из тыквы, вероятно, для масла, каменные молоты. Ранняя группа керамики датируется VI-IV вв. до н.э., но основная относится к IV-VII и особенно к VIII-XII вв. н.э. При месторождении открыто три поселения рудокопов. Следует отметить медный фельс Исхака бен Ахмада, чеканенный в 284 г.х./897 г. н.э. Есть монеты X в. Объем работ оценивается не менее 200 тыс. м³.

В юго-западных отрогах Кураминского хребта - Караамазаре золотые рудники зафиксированы в бассейне Алтынтюпканская. а) Основная группа сосредоточена в центре и на периферии горного хребта Алтынтюпкан и включает штольни и щелевидные выработки.

б) Вторая группа связана с кварцевой жилой г.Мискан, где выявлено более 20 выработок-карьеров, наклонных штолен, шурфов, связанных с разработкой жил, вытянутых на северо-восток. в) Третья группа - в Тузгомгенсая, где более 15 выработок, образующих сложную систему подземной добычи, подсеченной на глубине 60 м. Выработки выявлены и в бассейне сая Акджен-Актурпак.

На выработках найдены железные и каменные молоты, керамика в основном IX-X

вв., хотя встречаются отдельные фрагменты IV-VI вв. н.э. Объем работ лишь для Акджен-Актурпакского района определен не менее чем в 100 тыс.м³.

Но основные древние рудоразработки Карамазара связаны с добычей серебра. Самым крупным рудником является Каннимансур, расположенный в левобережье Карамазар сая в гряде Кальмакыр.(14)

Рудные тела, вытянутые на северо-восток, уходят на большую глубину. Выделяется Большой карьер, вытянутый до 300 м в длину и до 50 в ширину. Возможно, он включал открытые разработки, щели и штольни, т.к. на глубине 60 м здесь обнаружены детали деревянного крепления неполного оклада. На востоке он переходит в Гивную камеру-систему многоступенчатых разработок, основная из которых имеет длину 60 м и ширину 50 м. Далее к востоку - группа более мелких карьеров и штолен. Различные методы отработки определены характером рудных тел: в западной части - близко к поверхности залегала крупная жила, переходящая на востоке в серию гнезд и прожилков, уходящих на большую глубину.

Руда полиметаллическая с богатым содержанием серебра. Объем работ не менее 250 тыс.м³. Выявлены поселения рудокопов и охраны. Отдельные находки из района датируются серединой I тыс. до н.э. Но основной материал с VI-VII до XII вв., преимущественно X-XII вв. н.э.

Вокруг Каннимансура группируются Караташкутан, Тарыэкан и группа более мелких рудников, также разрабатывавшихся в средневековую эпоху.

К западу, юго-западу тянутся цепочки выработок, условно объединенных в систему Канджол ("дорога рудников"), полиметаллические руды которых, также связаны с добычей серебра. На западе они завершаются двумя крупными участками. Это - Табашар, в среднем течении одноименного сая.

Здесь сконцентрировано более 50 выработок в основном вдоль одной жилы, вытянутой более чем на 1 км. Сохранились наклонки и шахты прослеживаемые на глубину более 70 м. Руда полиметаллическая, обогащенная серебром с наличием мышьяка. Среди находок - чачская литая монета VI-VII вв. н.э. керамика VI-X вв. Объем работы Канджол-Табашарского района превышает 450 тыс. м³.

К юго-западу от него Кансай. Это большой древний участок, где сосредоточено более 30 выработок открытого и закрытого типа, повторяющих форму рудных тел, вытянутых на северо-восток. Здесь шла добыча серебра. Объем добычи превышает 100 тыс.м³.

Общие объемы древней добычи рудников Илака были определены в 2,5 млн.м³, из которых 50% отнесено к извлечению серебряной руды, а 25% - золотой.

В северной Фергане на Ангреском плато в бассейне рек Кенкола и Ирису открыты древние серебряные рудники Аккан, Кенкол, Ирису.

В Аккане выявлен карьер и 5 глубинных выработок. Интересна находка каменного противовеса рудоподъема. В Кенкола открыты выработка и жилья рудокопов.

В Ирису - траншеи длиной до 140 м с отвалами вдоль бортов, керамика в основном IX-XI вв.

Крупнейший серебряный рудник Актепа (15) раскрыт в юго-восточной части Кураминского хребта в бассейне Джусалы и Кентула, слагающих Актепасаи. Минерализованная зона сосредоточена в чашевидном манчонитовом массиве д-8 км², окруженном с трех сторон габбро сконцентрировано оруднением площадью примерно 4,5 км². В центральной чаше выявлено более 200 древних выработок в основном шахтного типа.

Отработка велась по рудным телам на различную глубину до 40-60 м, т.е. до основания. Проходка велась металлическим и каменным инструментарием. Найдены железные клинья и скобы, каменные молоты.

Выявлена система водоотвода с помощью керамических труб-кубуров. Около выработок раскрыты площадки для дробления, сортировки и обогащения руды со скоплением рудных отвалов и каменных молотов весом от 240 гр. до 4,5 кг и целых и расколотых и выброшенных в отвалы. Вариации размеров заставляют предположить применение детского труда. Около выработок раскрыты подпорные стены, навесы-землянки, вероятно, для отдыха рудокопов. Найдены чираги, в т.ч. очень крупные как в Лашкереке и Кызылате, диаметры чаши с носиком до 18 см, для освещения, определения времени и проверки отсутствия угарных газов. Раскрыто большое (500x150 м) поселение рудокопов с хозяйством из нескольких комнат, с производственным и бытовым инвентарем в т.ч. глазуранной и стеклянной посудой, монетами, сурматашами, парадными комнатами. Все это позволяет утверждать о работе артелей свободных мастеров. Керамика рудника - фрагменты VII-XII вв. на стационарном поселении IX-XII вв. н.э.

От рудоразборной площадки прослежены вывочные тропы, вероятно, для транспортировки обогащенной руды к пунктам централизованной плавки.

Небольшой плавильный пункт выявлен около выработок на берегу Джусалыса.

Вскрыт плавильный горн д. 1,2-1,6 м с соплом в стенке, шлаки. Но горн связан с плавкой железа из небольших залежей магнетита. Вероятно, продукция использовалась рудокопами для изготовления инструментов, т.к. на поселении найдены железные сработанные клинья, кресало, наконечники стрел.

Общий объем добычи на руднике оценивается от 450 до 1 млн. м³, свидетельствуя о больших масштабах горных работ.

Небольшие золотые рудники зафиксированы в Гавасае - Восточный Савдобулак, Опарсай I, II, Кушагуль, Харджактал, Самранг и Девальсай. Детальное изучение их не проводилось, но по сопутствующему материалу они могут быть датированы VII-IX вв. н.э.

2. Шельджи. Второй известный по археологической изученности район - Шельджи. Это название носила округа города Тараза (Джамбыл), располагавшаяся на восточной окраине Таласской долины. В Таласском Алатау и Киргизском хребте в пределах бассейна р.Талас сосредоточены полиметаллические месторождения с повышенным содержанием серебра, служившие объектом древней добычи. При геолого-археологических исследованиях (16) выделены

три группы древних выработок. 1) Основная группа сосредоточена на северных склонах Таласского Алатау; 2) Пять рудников в южных склонах Таласского Алатау; 3) Группа выработок выявлена также на южных склонах Киргизского хребта. Наиболее крупные древние рудники Джангызарча, Чаткарагай, Сарымсак, Бабакан, Текели.

Разработки сочетают горизонтальную и вертикальную проходку, связываемую с характером рудных тел. Объект добычи свинцово-серебряная руда, из которой затем добывалось серебро методом купеллирования. Сохранились следы проходки металлическим инструментом.

Интересны следы полостей, при помощи которых руда доставлялась к устью выработки.

Около рудника Текели зафиксирован высеченный на камне план древней выработки, представляющий собой основы маршейдерского дела. Открыты поселения рудокопов. Материал изредка IX в., но в основном конец X-XI вв. н.э.

3. Согд. По сравнению с описываемыми работами добыча благородных металлов в Согде-Уструшане изучена не столь детально. В Центральном Согде выработки золота были выявлены в районе Нурагинского хребта. Здесь открыто 16 древних рудников, основная группа которых была сосредоточена в Северо-Нурагинском хребте. Наиболее крупным из них является рудник Сентаб, расположенный в левобережье среднего течения Сентабасая. Он включает более 30 разнотипных выработок общей длиной более 2-х км, уходящих на глубину до 40 м.

Общий объем добычи не менее 35 тыс. м³.

Начальные этапы разработки могут быть отнесены к V-VI вв., но расцвет и основные объемы добычи связываются с IX-XII вв.

В Южно-Нурагинском хребте наиболее крупным является Алтын Казган на южном склоне Каратау в бассейне среднего течения р.Алтынсай, правого притока Лангара. Здесь разрабатывались два крупных рудных тела - одно длиной до 240 м, другое до 375 м.

Добыча велась в форме карьера, переходящего в систему подземных выработок, уходящих до уровня подземных вод.

Общий объем работ не менее 25 тыс. м³. Время работы, судя по керамическому материалу XII - нач. XIII вв.

Из древних 14 рудников 2 с внушительными объемами добычи, остальные - мелкие выработки. Тем не менее исследователи считают Нурагинский район наиболее крупным центром добычи золота в Согде (17).

В Южном Согде, Кеше в бассейне верховьев Кызылдары выявлено 8 древних

полиметаллических рудников. Крупнейший Закша, с серией различных форм выработок, размеры которых достигают 210х44 м, глубиной до 40 м. В 1 км южнее - рудник Вуара, включающий 3 крупных участка с многочисленными выработками. Далее рудник Уалсах - 13 выработок в кварце. Крупные открытые и закрытые разработки в руднике Тутаката. Здесь обрабатывались жилы столбообразной формы, богатые сульфидной рудой. Полиметаллы добывались в рудниках Кельтыкуль, Чуяли, Сулукуль.

Здесь же плавильные пункты. Общий объем работ более 100 тыс.м³. Среди объектов добычи было серебро, особенно из галенита. (18) Основное время добычи - X в.

Древние выработки на золото и серебро выявлены и в восточном Соде и Уструшане (Буттем по Истахри) в верховьях Зарафшана и его притоках. Это выработки на склоне Зарафшанского хребта в Казнок-Мушистонском районе, где в частности выявлена добыча серебра в Кони-Нукра, возможно, Мушистоне. Золотые и серебряные месторождения есть на Мангиадаре. На южном склоне Туркестанского хребта - древние рудники в золотосульфидных по обоим берегам р.Учкуль и в Канчоче. Вдоль Искандердари - следы обогащения и плавки золота, добывающегося дроблением рудных жил с промывкой в реке. К сожалению точной датировки рудников не приведено, т.к. детальное археологическое изучение не проводилось. (19)

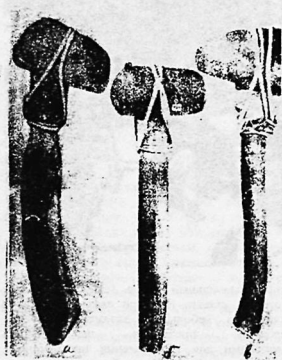
4-й район начинается на южной границе Мавераннахра и уходит в основном в Хорасан. Как отмечалось выше, Истахри отмечает богатые серебряные рудники Вахана. Однако ни геологические, ни археологические изыскания не выявили на территории Вахана древних рудников, хотя встречается серебряная минерализация, она очень незначительна и не могла привлечь внимания древних.

Но исследованиями геологов и археологов открыты крупные серебряные рудники в высокогорном Восточном Памире на высоте от 3600 до 5000 м, за пределами собственно Вахана. Предполагается, что обогащенная руда или сам готовый продукт, транспортировался с гор через Вахан, почему мог войти в сообщения географов как ваханское серебро.

В бассейне горной реки Акджилга геологами выявлено пять участков с древними рудниками - Южноакджилгинский, Акджингинский, Элгисайский, Карасайский и Теплоключенский, вытянутые цепочкой длиной в 20 км и шириной до 1 км вдоль гранитного массива. Мощность рудных жил в зонах достигает 1,5 м. Отработки велись и

щелевидными траншеями и подземными камерами.

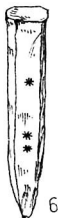
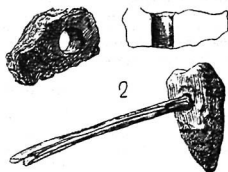
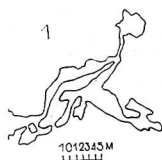
На Южноакджилгинском участке щелевидные выработки достигают длины 200-250 м, на Акджилгинском вытянуты до 1,5-2,5. В Элгисае выработки объединяются по небольшим зонам, в виде карьера и штолен. на Карасайском участке разрабатывалась кварцевая жила длиной 300 м. В Теплоключенском выявлены не только выработки щелевидной формы, но и следы древней плавки.

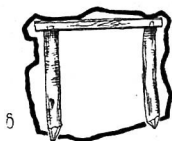
Канские молоты (реставрация).

В долине Западного Пшарта древние выработки открыты в бассейне р.Сасык. Рудные тела связаны с известняками. Это также и щелевидные разработки и более глубокая проходка. Один из рудников расположен на высоте около 5 тыс. м. Выделены две зоны отработок с блеклыми рудами в кварце. В основном здесь добывали серебро, хотя есть немного и золота.

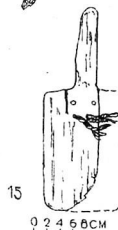
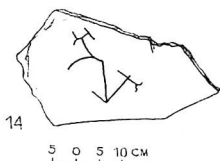
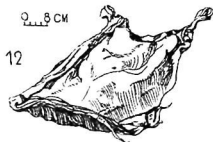
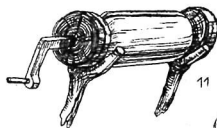
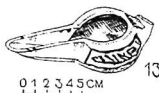
Конечно, добывать руду в высокогорных условиях было очень трудно. Предполагалось, что работы здесь проводились сезонно. Но М.А. Бубиова выявила рудный поселок городского типа со стационарной застройкой, караван-сараем-хранилищем, некрополем не только с мужскими, но и с женскими и детскими захоронениями.

0 1 2 3 4 5 CM

100 20 40 CM

Интересно, что материальная культура его очень близка Фергане, включая стеклянные изделия, технологически связанные с ферганским стеклом, специфические формы керамики (ферганский тип росписи, формы котлов и т.д.).

Условия высокогорного города сохранили уникальные находки - от зерна и плодов до тканей и обрывков документов на бумаге, позволивших предполагать централизованный характер отработки и транспортировки руды в период XI-XII вв. н.э. (20).

Наряду с центральным поселением выявлен ряд более мелких, привязанных к отдельным рудникам и стационарных и временных "вахтового типа".

В целом, полученные геолого-археологические материалы позволяют считать крупнейшим центром средневекового Мавераннахра по добыче серебра и золота район Илака и Северной Ферганы. Отдельные древние находки в этом районе относятся еще к середине I тыс. до н.э. Но наиболее стабильная и активная разработка начинается с V-VI вв. н.э. и связана с извлечением золота в районе Кызыл-Алмы и Кочбулака и особенно серебра Лашкерка. Именно в этот период Илак выдвигается в качестве самостоятельного владения с преимущественной добычей благородных металлов.

Изучение дорожников караванных путей восточных географов в Ходженде, Фергане, время, объем и характер рудодобычи позволяют нам разместить в Лашкерек - Лояке "серебряный рудник Шаша", периода арабского завоевания и раннеарабского халифата, на котором чеканились государственная серебряная монета и рудник Кухисим, близ которого в устье "реки серебряного рудника" располагался городок Кухисим, руины которого локализованы на городище Кургантепе на Нишбашсае (21).

С IX в., но особенно в X-XI вв. н.э. начинают активно разрабатываться серебряные рудники Карамазара, особенно крупными из которых являлись Канмансур и Канджол и золотые рудники южного Чаткала и Карамазара.

Однако, анализ экономической истории показывает, что в X в. эти объемы добычи далеко не удовлетворяли потребностей государства Саманидов, что приводит к активизации разработок в восточных областях, в частности, в Шельджи. М.Е.Массон связывает с этим поход одного из саманидских эмиров в долину Таласа. Именно с этого времени, как показывают археологические исследования, достигает наивысшего расцвета

добыча серебра в Шельджи и М.А.Бубнова считает, что илакские рудные мастера участвовали в разработке серебро-свинцовых руд этого месторождения. Крупный рудник Шельджи по ее мнению не был равноценен Илаку но "серебряный кризис" XI в. изменил промышленную оценку серебряных месторождений и добывали руду везде где только была малейшая возможность. С этим же его связывают и Южные рудники-Западного и Восточного Памира Шугнана-Базардара и Токубулак.

Вахшские рудники известны по источникам первой трети X в. (Истахри), но по археологическим материалам они разрабатываются в основном с конца X, и особенно в XI-XII вв. Исследователи считают, что сами шучинский и ваханский владетели не могли поднять эту работу. Материальная культура Базардары находит тесные аналогии с Ферганской и связывается с караханидским правлением Мавераннахра, когда уже ни мощный Илак, ни крупный Шельджи не удовлетворяли нужд государства и приходилось использовать очень тяжелые условия работы и не столь богатые по содержанию рудники.

По археологическим материалам серебряные рудники Восточного Памира за время эксплуатации пережили два периода: 1 - нач. XI в., когда они возникли и находились под властью восточных караханидов, 2 - после 1041 г., когда в Ферганской долине утвердился Тамгач Бограхан и рудники Восточного Памира перешли под эгиду западных Караханидов. Они стали активно эксплуатироваться, что позволило Тамгач Бограхану провести денежную реформу. Рудники Западного Памира вошли в эксплуатацию позже базардарьинских (23).

Это несколько расходится с данными письменных источников, упоминающих рудники Вахана с первой трети X в. X веком (вероятно, его концом. Ю.Б.), когда основной поставщик серебра Мавераннахра Илак уже не удовлетворял спроса на этот благородный "металл" датирует Е.Б.Прутер и основные рудники серебра Южного Кеша (24). М.А.Бубнова в определенной мере правопреемником Илака и Шельджи по извлечению серебра в XI в. считает Памир.

Рудокобы Мавераннахра накопили богатый опыт в области поисковых признаков, техники проходки с универсальным инструментарием, сложной системой вентиляции, водоотвода, методов крепления и технологии обработки благородных металлов, однако это отдельная тема исследования, выходящая за рамки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истахри. Кутаб масалик ал-мамалик. Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit my de Goeje pars I-VIII. Lugdun, batavorum. 1924. Parsi. p. 281.
2. Там же, p. 312-313. См.: Материалы по истории киргизов и Киргизии (МИКК), вып. I, М., 1973, с. 17.
3. Bibliotheca geographorum... pars II, p. 281.
4. Кутаб ал масалик ал-мамалик ал-Истахри. МИКК, с. 29.
5. Налог на Чач составлял 180 тыс. дирхемов мусейяби, а с "серебряным рудником Чача" он возрастал до 607 тыс. дирхемов.
6. Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 75-78.
7. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
8. Мажи О.П., Буряков Ю.Ф. Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе. (Древний золотой рудник Кызылалма) // История материальной культуры Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1974, с. 110-126.
9. Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А. Новые данные по истории горного дела и металлургии древнего и средневекового Чача // История развития горной науки и техники. М., 1984, с. 110-114.
10. Буряков Ю.Ф. Древний и серебряный рудник Лашкерек. СА, 1965, с. 282-289. Дунин-Барковский Р.А. О сереброносности месторождения Лашкерек. Узб. геологический журнал № 2 за 1959.
11. Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., указ. соч. с. 98-110.
12. Буряков Ю.Ф. Горное дело..., с. 23-29.
13. Литвинский Б.А. Предварительный отчет о работах в Карамазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты. Обследование рудников Карамазарских гор. Труды АН Тадж.ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, с. 51-58. Он же, находки в старинных рудниках Карамазара. Труды АН Тадж.ССР, т. 12, Сталинабад, 1956.
14. Исламов О.И., Рутковская Л.М. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кашимансур. Труды ТашГУ. Археология Средней Азии, вып. IV, Ташкент, 1957, с. 155-175.
15. Буряков Ю.Ф., Бакиев Р.А., Дудаков С.А. Новые данные по истории горного дела и металлургии Северной Ферганы. ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991, с. 200-204. Дудаков С.А. История горнорудного дела средневековой Ферганы. Автореф. к.и.н. Ташкент, 1996.
16. Бубнова М.А. Добыча серебро-цинковых руд в Шельджи в IX-XII вв. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 225-240.
17. Прутер Б., Дресвянская Г.Я. Средневековый горный промысел Нура-Тай // История и археология Средней Азии, Алшбад, 1978, с. 213-214.
18. Прутер Е.Б. Горный промысел Южного Согда-Кёша. Ташкент, 1986, с. 3-5.
19. Безенваль Р., Раззаков А.Р. Поиски источников сырья и поселения эпохи палеометалла в бассейне верхнего Зарафшана. Таджикистан. - Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995, с. 80-82.
20. Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. Душанбе, 1993, с. 19-37, 73-77.
21. Буряков Ю.Ф. О местонахождении серебряного рудника Шаша. ОНУ, 1965, № 12, с. 28-30.
22. Бубнова М.А. Древние рудознатцы..., с. 66.
23. Там же, с. 53-64.
24. Прутер Е. Горный промысел..., с. 26.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ДВУХ ПЕЧЕЙ ИЗ ЭСКИ АХСЫ (АХСИКЕТ) В ФЕРГАНЕ

О.А. Папахристу.

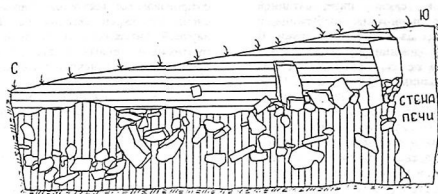
В археологической литературе последних лет неоднократно освещались разработки отдельных аспектов по тигельной металлургии сталей в Фергане (городище Эски Ахсы - Ахсикет). Основным объектом исследования являлись многочисленные фрагменты тиглей и другие производственные отходы, относящиеся к IX - XII вв. н.э. (Папахристу. 1985: Papachristou, Swertsch-kow, 1993. S. 122-131; Папахристу. 1995. С. 86-90). Поскольку в археологии Средней Азии упомянутые находки на сегодня являются уникальными, то многие археологические объекты трудно интерпретировать. Так, в 1982 году в восточном рабаде городища Эски Ахсы А.А. Анарбаев, начальник Ахсикетского отряда Института археологии Академии Наук Республики Узбекистан, обнаружил остатки двух печей, которые впоследствии были раскопаны автором настоящих строк.

Первая печь одноярусная, прямоугольная в плане, размером 4,5 х 3 м, глубиной 4 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 1 В). Площадь печи ко дну уменьшается до 3,25 х 2 м. Перекрытие, видимо, было арочным: всего восемь арок, перекинутых с западной стены на восточную. Ширина каждой 25 - 30 см. Сохранилось несколько слоев футеровки стенок печи. Они сильно оплавлены. Вход в печь был с юга и зафиксирован на высоте 2,1 м от уровня дна. Датировочного материала нет. Внутри одного из фрагментов футеровки обнаружен медный королек, который, скорее всего, попал случайно. Печь по своему устройству очень похожа на известные на Ахсикете кирпичеобжигательные печи начала нашего столетия, но отличается от последних невероятно сильно оплывшими внутренними стенками, что подразумевает достижение в печи температур гораздо более высоких, чем те, которые требуются для обжига кирпичей. Следует оговорить, что упомянутые кирпичеобжигательные печи расположены комплексом в северо-западной части восточного рабада городища Эски Ахсы, наша же печь находится далеко к югу от этого комплекса и нет никаких сомнений,

что она относится к периоду IX начала XIII вв., поскольку данная часть городища позже начала XIII вв. не обживалась.

От второй печи сохранились только под и слив. В статье приводится рисунок этой печи, так как фотографии и план не могли передать ее характер (рис. 3. А). Конструкция печи указывает на то, что в ней плавил металл. Первоначально на месте расположения нашей печи находилась печь, в которой обжигали неглазурованную керамику. Фрагменты недообожженной керамики сохранились в культурном слое между подом ранней керамической печи и подом построенной на ней металлургической печи. Стены поздней печи ошлакованы на значительную глубину. Восточная часть сооружения превращена в желоб, по которому готовый продукт производства стекал в специальную яму. Диаметр пода металлургической печи 1,5 х 1 м, высота сохранившихся стен 20 - 40 см, длина желоба 110 см, его ширина 35 см, диаметр верхней части сливной ямы 50 см, глубина последней 50 см. Примерная датировка печи, судя по производственному керамическому браку и фрагментам керамики хорошего качества, обнаруженным между ранней керамической и поздней металлургической печами, - IX в. н.э. (рис. 4). Нам представляется, что временной разрыв между функционированием керамической печи и постройкой на ее месте новой металлургической печи был незначительным. Исходя из этих соображений, печь следует датировать IX - X вв.

Вопрос о принадлежности обеих раскопанных печей к металлургии не вызывает сомнений. Но с производством какого вида металла они были связаны? Грандиозные размеры дают основание предполагать, что печи связаны с производством железа. Более определенно в функциональном назначении вторая печь. Летка, зафиксированная в конструкции печи, указывает на то, что черный металл получали литьем. Таким образом, есть основание считать, что уже в IX - X вв. на городище

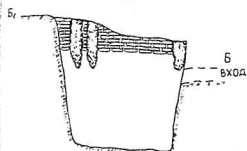
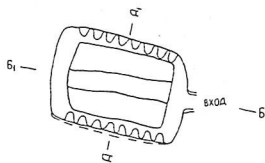

— очень рыхлый грунт
свстлоричнcвого цвста

— плотный грунт свстлоричнcвого
цвста, забав

М 1:20

А.

В.

Рис. 1.

А. Заполнение печи 1 из Эски Ахсы.

В. План и разрезы печи 1 из Эски Ахсы.

Эски Ахсы производили чугуны. О производстве чугуна в Центральной Азии в XI - XI вв. уже было высказано предположение в связи интерпретацией черных металлов: нармахана, шабуркана и дауса, упоминаемых ал-Кинди и Беруни. В настоящее время доминирует версия, что нармахан - ковкое железо, шабуркан - сталь, а даус - чугун (Колчин, с. 73-76; Allan, 1979. P. 75). Однако археологи Средней Азии не обладают ни одной достаточно обоснованной находкой предмета из чугуна. Проблемой времени появления в Средней Азии чугунолитейного производства и этапов его развития занималась в свое время О.А.Сухарева, которая пришла к выводу о том, что это один из наиболее нерешенных вопросов в культуре среднеазиатских народов. О.А.Сухарева в своей статье «К вопросу о литье металлов в Средней Азии» (1971. С. 147 - 167) приводит данные Н.Я.Бичурина, который, ссылаясь на источник II в. до н.э., пишет, что жители Ферганы и владений, расположенных от него на запад, «... не умели отливать чугунных изделий» (Бичурин. 1950. С. 188). Она же пишет, что вопрос о раннем производстве чугуна в Средней Азии окончательно решает находка Б.А.Литвинского, который обнаружил чугунный котел в насыпи древнего могильника III - IV вв. н.э. (Сухарева. 1971. С. 149). Котел найден при раскопах Чорку (Чорку I, Курган I). Он имеет типичную для поздних среднеазиатских котлов биконическую форму с отогнутым наружу краем. Б.А.Литвинский любезно показал О.А.Сухаревой эту находку до публикации. Вместе с тем, публикуя данный материал, Б.А.Литвинский выразил свое недоумение по поводу данного абзаца в работе О.А.Сухаревой и пишет, что он сомневается в датировке рассматриваемого фрагмента (Литвинский, 1978. С.).

Основной продукцией чугунолитейщиков являлись котлы, а в археологическом материале городища Эски Ахсы присутствуют, по данным И.А.Ахрарова, 5 типов керамических котлов с большим количеством вариантов внутри типов, а по данным Г.Мирзалиева - 7 типов и их варианты (Ахраров, 1966. С. 149-154; 1976. С. 88-97; Мирзалиев, 1988. С. 8). Это трудно объяснить при наличии такой объемистой металлургической печи на чугун, которая найдена на городище Эски Ахсы. Конечно, следует учитывать, что до настоящего времени нет металлографического исследования серьезной серии археологических предметов из Средней Азии, которое могло бы выявить объекты из чугуна. Еще труднее объяснить сочетание одновременного присутствия металлургической печи по производству чугуна и грандиозных отходов

тигельного производства стальной, зафиксированных в слоях XI - XII вв., на городище Эски Ахсы. Тем не менее, поскольку вопрос о производстве восточных тигельных стальной очень популярен сегодня на Западе, и в научной литературе то и дело появляются публикации новых материалов, имеется статья, которая в некотором смысле поясняет археологические материалы по индустрии железа в средневековом Ахсикете. Статья написана японским исследователем Зенширо Хара, называется «Тигельная плавка в Манчжурии» и опубликована в американском журнале «Археоматериалы» (Zenshiro Hara, 1992. P. 131-139).¹

В предисловии Зенширо Хара пишет (на основе письменных отчетов китайских и европейских исследователей), что тигельная плавка впервые использовалась в Китае в провинции Шанси- Shanxi в X в. н.э., и те же сообщения показывают, что практика такой плавки была распространена в других провинциях (Шандонг - Shandong и Манчжурии - Manchuria) из Шанси. Из-за языкового барьера западные ученые не всегда имеют доступ к письменным источникам. Поэтому две статьи, первоначально опубликованные в японском журнале «Тетсу ту Хагане» - «Tetsu to Hagane» (Железо и сталь) и один отрывок из отчета о рудниковом деле в Манчжурии, переведены им на английский язык и дополнены собственными данными и рассуждениями.²

Тигельная плавка железной руды в Шанси - Shanxi (Китай) упоминается несколькими авторами: фон Рихтофеном (von Richthofen, 1877), Шокли (Shockley, 1904) и Ридом (Read, 1912). Фон Рихтофен исследовал многочисленные храмы, построенные династиями в Хонан - фу - Нопан - фу (Лаоян - Luoyang), и заключил, что железная индустрия в юго-восточном Шанси процветала более тысячи лет. Другой западный исследователь, который опубликовал свои наблюдения по металлургии в Китае, Шокли, услышал от одного владельца тигельной печи, что его семья производит железо здесь, начиная с эпохи правления династии Тан - Tang (923-926 гг. н.э.). Ведя свои собственные исследования, Зенширо Хара встретил описание сходных процессов в других провинциях. Одно сообщение касается

¹ Мне хотелось бы выразить свою благодарность и признательность американской исследовательнице Thelma L.Lowe, которая указала мне на цитируемую статью и любезно прислала мне ее копию.

² Во избежание неточностей при переводе на русский язык все имена, название журналов и статей, а также географических пунктов в настоящей публикации хотя бы однажды даются на русском и английском языках.

плавки в Шандуне - Shandong, а два других описывают тигельную плавку в Манчжурии. Из этих записей следует, что процесс распространился из Шанси в другие провинции Китая.

Описание плавки в городе Шандуне Зенширо Хара взял из местного географического справочника Кинзу - Qingzhou (Hua, 1985). Он сообщает, что во втором году правления Канси - Kangxi (1662 г.) Сан Тинкуан - Sun - Tingquan пригласил людей из Шанси для открытия железного цеха. Добывалось два вида железа, лучшее из которых называлось Хуан ши - Huan shi (восхитительная руда), а другое называлось Ин - ши - Ying - shi (твердая руда). Железная руда раскалывалась, смешивалась с углем и помещалась в тигли, которые затем помещались в прямоугольную печь, подогреваемую углем. Если руда не превращалась в железо в плавильне, то смесь в тиглях вновь разбивалась, помещалась в новые тигли и нагревалась до более высоких температур по сравнению с первым заходом. Если производимое железо было неудовлетворительным по качеству, оно помещалось в дровяную пудлинговую печь и накаливалось до очень высоких температур. Рабочий, при пудлинговании («puddled») железо, используя длинный железный брус-шест, превращал его в ковкое железо. При этом 20% железа терялось.

Зинширо Хара предполагает, что этот метод плавки проник в Манчжурию в 1917 г., судя по статье в журнале «Tetsu to Hagan» - «Tetsu to Hagan» («Железо и сталь»). В то время это был новый журнал, издаваемый при содействии японского Института железа и стали Риотаро Шимаока - Ryotaro Shimaoka, главой японской железной и угольной компании, которая активно действовала в Манчжурии в 1910 - х годах. Статья явилась результатом исследования, выполненного Йоихиро Ишимату - Yoichiro Ishimatu, членом этой компании в мае 1916 года. Сообщение содержало подробное описание процесса китайской тигельной плавки и иллюстрации печей, использовавшихся при этом. По мнению Зенширо Хара, иллюстрирование процесса является особо ценным для современных исследователей, поскольку более ранние сообщения о тигельной плавке не содержали планов печей с измерениями. Кроме того, Зенширо Хара приводит и другую статью о традиционном производстве железа в Манчжурии из того же номера «Tetsu to Hagan».

Повторим описание металлургических печей в г. Дабу для плавки железа традиционным китайским способом, данное в тексте статьи Зенширо Хара.

Наблюдается наличие двух печей. Первая печь с высокими температурами (рис. 2. В). Она, на первый взгляд, похожа на бункер для хранения руды и имеет прямоугольный в плане очаг размером 4,6 x 2,8 м. В одной из коротких стен (толщина стены 50 см) два квадратных ветровых отверстия (13 x 20 см), которые ведут воздух к ветровым каналам под очагом. Другая - короткая сторона очага - открыта. Каждая длинная сторона очага отделена с наружной стороны кирпичной стеной 50 см толщиной и 1 м высотой. Поверхность стены покрыта глиной. На дне очага уложены железные листы 12 см шириной и 50 см длиной (ширина та же, что и ширина очага) на расстоянии 12 см между ними. Они поддерживаются керамическими столбами 9 см высотой. Каждый из мехов помещен в ветряную коробку, которая состоит из передней кирпичной стены печи, двух стен сторон, цилиндрического земляного пола и вентиляционной пластины. Вентиляционная пластина имеет прямоугольную форму (90 x 76 см), а также квадратное клапанное окно (12 x 12 см) и клапанную пластину в центре. Один из длинных краев (верхний край) прикреплён к передней стенке печи петлями. К центру нижнего края прикреплен брусок-ручка. Один конец ручки соединен висцей веревкой к вентиляционной пластине и, когда ручка движется вперед и назад, вентиляционная пластина приходит в качательное движение.

Тигли изготавливаются из глины (рис. 2. А). Глина сушится, опрыскивается, смешивается с водой, замешивается и ей придается форма. Перед использованием сформованные тигли покрываются тонким глиняным раствором и сушат в тени.

Плавильная печь более низкой температуры - в виде цилиндра, изготовленного из глины, сравнимой по качеству с тиглями, но только с добавлением небольшого количества коксового порошка (рис. 3. В). Цилиндр имеет отверстие в центре для вставки фурмы (последняя изготовлена из чугуна) и три места на нижнем крае для разжигания кокса. Очаг печи, сделанный из гранита, имеет неглубокую полость в центре и выпускное отверстие - летку, для выплавленного железа. Внутренняя сторона имеет глиняное покрытие 3 см толщиной.

Другие инструменты: длинные железные шести, лопатки с длинными ручками, ухваты, железные молоты и литейные ковши.

Плавка. Железная руда, смешанная с топливом, загружается в тщательно просушенные тигли. Руда разламывается и просеивается для получения мелких (менее 15 мм) и средних (15-30 мм) частиц. Загруз тигля состоит из 10 - 11 частей руды и трех

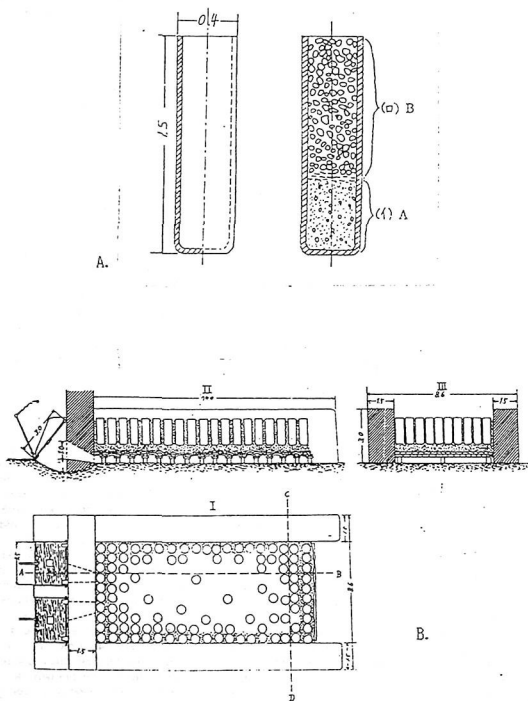

Рис. 2.

А. Тигли из г. Дабу.

В. План и разрез печи с "высокими температурами" из г. Дабу.

частей угля. Тигель заполняется на одну треть общей высоты мелко измельченной рудой, остальной объем - средними частицами руды. Каленый магнетит или лимонит, в основном, используется для мелкоизмельченной руды, но небольшое количество лимонита может использоваться для руды обоих размеров.

Загруженные тигли помещаются в очаг. Сначала на дно очага помещаются железные пластины. Затем битые осколки использованных тиглей грудой насыпаются на железные пластины, чтобы не допустить утечки коксового порошка. Слой сухих древесных веток 6-9 см толщиной стелится сверху, и 9-12 см угольного порошка насыпается на ветки. Загруженные тигли ставятся рядами на угольную постель. Обычно 190 тиглей (10 рядов по 19 в каждом) ставятся в один заход. Угольный порошок заполняет пространство между тиглями.

После этого угольная постель поджигается несколькими связками горящих дров, брошенных в очаг. Огонь воспламеняет слой веток и угольную постель, пока постепенно пламя не появится вокруг тиглей. Через несколько часов горения пепел между тиглями трамбуется длинными железными шестами, и вновь загружается уголь с помощью лопаток с длинными прутьями. Когда огонь вновь возгорается, тигли покрываются обломками использованных тиглей, и открытая часть печи закрывается пеплом и землей. Во время этой операции непрерывно действуют два вентилятора. Через 24 часа горения вентиляция прекращается, и печь оставляется для охлаждения и опрыскивается водой. После того как печь охлаждена, тигли вынимаются. На этом плавка кончается. Тигли разбиваются, и железо вынимается.

Полученный продукт - пористое, как губка, сырье - железо - болванка, содержащее дутые дырочки. Железо получается смешанным с коксом, пеплом и частичками шлака.

Химический анализ в %

C	Si	Mn	P	S	Fe	Пыль
1,2	1,69	0,20	0,122	0,186	93,65	2,852

Литье. Сухой плавильный цилиндр ставится на гранитный очаг. Сто джинов сырьевого железа-болванок и сто джинов кокса смешиваются, груз ставится в цилиндр. После этого кокс поджигается. Когда загорается кокс, печь запечатывается и вентилятор приводится в действие. Когда железо выплавляется, открывается отверстие-летка. Вытекающий металл набирается в ковш и натиивается в формы. Обычно требуется 4 - 5 часов на плавку и разливание.

Плужные лемехи - основное производимое литье. Иногда чайники, кастрюли,

сковороды. Тонкие кастрюли можно лить только в том случае, если железо очень высокого качества.

Сырьевой материал для плавки. Основная руда - магнетит, есть небольшие примеси лимонита, который также используется. Магнетитовая руда, которая является контактной рудой, доставляется из железных рудников Хуапийиу и Шуйподжитоу (в 24 км к западу вверх по приходу Таизихэ, Тангоу) и Лютоубеизи (в 8 км к югу).

Были проанализированы образцы магнетитовых руд: руда из Хуапийоу содержала в %

Fe	SiO ₂	S	P
37,97	4,31	0,049	0,013

Руда из Лютоунбеизи содержала в %

Fe	SiO ₂	S	P
48,01	13,54	0,029	0,025

Лимонит, контактная руда, сформированная между глинистым сланцем и гранитом, не так восхитительна. Половина магнетита нагревается до образования гематита и затем смешивается с остальной частью. Все количество затем загружается в печь. Лимонит используется нечасто, хотя иногда небольшое количество из залежей лимонитной руды в Панладжиаози (4 км к западу) смешивается с магнетитом. Содержание железа в получаемой таким образом руде выше, но не рекомендуется к плавке.

Уголь, кокс и дрова используются как топливо. Уголь, добываемый на коях Дабу, - нескольких типов, таких как Дагинхан, Кабери, Чоужа и Эрджиетоуджи. Уголь Эрджиетоуджи смешан с рудой, он разбивается и загружается в тигли. Угли Дагинхан и Кабери используются для горения в пространстве между тиглями и для их нагрева. Когда горит уголь Эрджиетоуджи, он немного дымит, но угли Кабери, Чоужа и Дагинхан не дымят, и пламя их низкое, как у кокса. Кокс редко используется для плавки руд. Сделанный из угля из угольных копий Дабу он, в основном, используется для плавления железной болванки во время литья. Коксовый порошок иногда также добавляется при загрузке в тигли. Дрова используются для разжигания угля в тигельной печи. Они обычно хорошо высушены, имеют тонкие ветки диаметром от 6 до 15 мм. Флюс не используется, хотя малое количество флюса добавляется в глину, из которой изготавливаются тигли.

Во второй статье, которую приводит Зенширо Хара («Традиционный железный завод в Манчжурии, выдержка из сообщения

Рудникового отделения Южно-Маньчжурской Железнодорожной компании», содержатся очень важные для нас сведения о том, что в Маньчжурии индустрия железа существовала с древнейших времен. Сырьевое железо-болванка, которое производилось в Шанси, первоначально продавалось в Хуолу - тие и импортировалось в Маньчжурию. Уголь и железная руда добывались на месте. Продукция из железа производилась только для того, чтобы удовлетворить насущные потребности в мелких железных изделиях в Маньчжурии. Использовались два железо-производственных процесса. Один - посредством тиглей, - перелет лимонита и гематита в железо с коксовым порошком и назывался мензи. Затем железо вновь плавилось до качества железа-болванки и литья изделий. Это был единственный китайский процесс, использовавшийся в Маньчжурии, и сейчас он используется в Саймаджин. В другом процессе, происхождение которого из Кореи, гематит накаливается и окисляется в «стенной» печи. Каменная руда затем плавилась в железе в земляной печи с дутьем. Оба процесса были примитивны, и изготовление железа оставалось мелкой семейной индустрией.

Сопоставление археологических материалов из Эски Ахсы с данными из статьи Зенширо Хара показывают, что обе раскопанные в Ахсикете печи могут быть связаны с процессом производства железной продукции аналогичной той, которая описана по этнографическим материалам в г. Дабу. Совпадают и размеры печей. Вместе с тем следует учитывать, что Зенширо Хара представляет материалы начала нашего столетия и территорию Китая. О том, что технологический процесс производства тигельных высококачественных сталей средневекового Ахсикета очень близок к китайской схеме доменной металлургии, автор этих строк отмечал неоднократно (Папахристу, 1985; 1995. С. 89 - 90), однако, следует сразу оговорить, что эта близость не означает полную аналогию. Нельзя сказать, что ферганский процесс имеет свое происхождение из Китая, поскольку оба процесса при всей схожести схем развивались каждая своим путем. Складывается такое впечатление, что они оба могли происходить из одного центра. Сходство обеих процессов заключается в использовании искусственного полуфабриката, полученного посредством первого металлургического процесса для целей второго металлургического процесса. В археологических материалах городища Эски Ахсы был выделен такой объект, который условно назвали агломерат. Нам представляется, что агломерат производили в пунктах первого передела (первого металлургического

процесса) в печах низкой конструкции (сыродутных печах) (см. Папахристу, 1991. С. 149-154; 1995. С. 89). Однако материалы, представленные в статье Зенширо Хара, показывают, что в Китае в этнографический период аналогичный полуфабрикат получали в тиглях. Исходя из этого, можно заключить, что нами могла быть допущена ошибка при реконструкции тигельного процесса в Ахсикете, и агломерат мог являться не сырьем для тигельной металлургии, а конечным ее продуктом, который затем использовали в доменных печах (типа печи 2 из Эски Ахсы и печи для литья из материалов г.Дабу) для получения чугуна. Поскольку для нас этот вопрос принципиально важен, попробуем подробно остановиться на анализе имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Для начала следует оговорить, что в археологических материалах городища Эски Ахсы нет находок железной руды, и само географическое расположение средневекового города, удаленного от пунктов железорудного сырья и топлива, при учете масштабов железной индустрии, предполагает наличие товарного искусственного полуфабриката. Мы предположили, что таким полуфабрикатом для второго металлургического процесса в тиглях был агломерат.

Нам повезло, что в своей статье Зенширо Хара демонстрирует химический анализ железа - болванки, и мы имеем возможность сопоставить этот материал с аналитическими исследованиями археологических материалов, полученными при физическом моделировании черной тигельной металлургии средневекового Ахсикета.

Химический состав ахсикетского агломерата (археологический объект) в %

SiO ₂	MnO	CaO	MgO	FeO	Al ₂ O ₃	V ₂ O ₅	C
12,14	0,13	3,75	1,51	38,2	3,02	0,5	оста
8,76	0,72	8,68	1,08	61,3	2,61	2,14	оста

оста - остальное

Химический анализ железа - болванки из г. Дабу в %

Si	Mn	P	S	Fe	C	Пыль
1,69	0,20	0,122	0,186	93,65	1,2	2,852

Химический состав металла, полученного при физическом моделировании из ахсикетского агломерата в %

Si	Mn	P	S	Fe	C	V
1,0	-	0,052	0,41	97,45	1,46	-
0,42	0,13	-	0,130	97,93	0,25-0,7	1,14-1,78

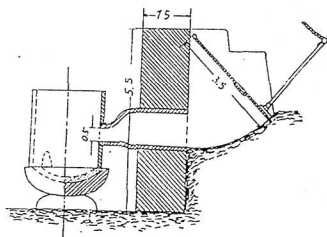
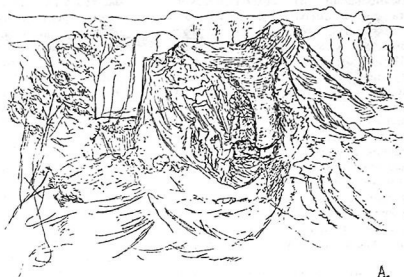

Рис. 3.

А. Печь 2 из Эски Ахсы.

В. Печь для литья из г. Дабу.

Из приведенного сопоставления видно, что тигельная железо-болванка из г. Дабу более соответствует металлу, полученному при моделировании из археологического агломерата, а не агломерату. Исходя из этого, следует заключить, что агломерат является полуфабрикатом железа, полученным не в тиглях. И мы были правы, относя его к конечному продукту металлургии в печах низкой конструкции (сырпунный процесс). О том, что агломерат действительно был сырьем для тигельной металлургии в Ахсикете, указывает фиксация во время физического моделирования в археологическом агломерате оксидов ванадия, ванадия в экспериментально полученном металле и присутствие оксидов ванадия в химическом составе трех из девяти проанализированных фрагментов раскисленных кислых тигельных металлургических шлаков из Ахсикета (Папахристу, 1995. С. 88-89).

Во время моделирования мы вели плавку всего 40 минут, то есть не выдержали технологически древнего процесса до конца, так как нашей основной целью было проверить, возможно ли из археологического объекта-агломерата хоть что-либо выплавить. В результате получили в тиглях металл, перемешанный со шлаком, но он намного чище по всем параметрам, чем железо-болванка, которую получали в тиглях в г. Дабу. Естественно, к тому же, что агломерат был не единственным материалом, который могли закладывать в тигли при плавке.

Анализ двух печей из восточного рабада Эски Ахсы показывает, что в X - начале XIII вв. в средневековом городе могли существовать два направления в черной вторичной металлургии. Одно было связано с получением тигельной стали, а второе - с получением литого черного металла, возможно, процессом, аналогичным тому, который описал Зенширо Хара. Сырьем для получения литого металла мог быть и агломерат, и металл, полученный в тиглях (аналогичный железу-болванке из г. Дабу). Конечным продуктом этой металлургии был чугун.

Мы уже оговаривали, что исследователи в Средней Азии не имеют в археологических коллекциях предметов из чугуна. Очень может быть, что такие предметы и есть, но до настоящего времени они не выявлены, так как не проводилось аналитического исследования серьезной серии археологических предметов из черного металла. В то же время автор этих строк совместно с технологами в различных лабораториях провел металлографическое исследование небольшой коллекции предметов из черного металла, происходящих из разных археологических

памятников (Старый Термез, Шахджувар, Актепе Юнусабадское, Канка, Мык, Ахсикет). Анализ показал, что местные мастера в IX - начале XIII вв. использовали в своей практике различные сорта черного металла: железо, отличающееся низкими показателями микротвердости феррита; малоуглеродистую сталь, полученную непосредственно в горне (сырпунная неравномерно науглерожженная сталь), высокоуглеродистую сталь, полученную путем цементации полосовых заготовок и, видимо, литую сталь. Последняя, возможно использовалась при изготовлении зубила из поселения Мык II (анализ 6424), сабли и гвоздилины из городища Шахджувар (анализы 6438 и 6433), сердцевины напильника из Канки (анализ 6442), а также предмета (бритва?) из Актепе Юнусабадское (анализ 6440). Металлографическое исследование перечисленных предметов осуществлено в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН России Н.Н.Тереховой и автором настоящей статьи. Микроскопическое исследование проводилось на металломикроскопе МИМ - 7, измерение микротвердости - на микротвердомере ПМТ - 3.

Анализ 6424. Зубило (Бахмальский отряд. Поселение Мык II. Двор. Пол. 4. У входа в помещение 2. Начало XI в., по определению автора раскопок Сверчкова Л.М.). Предмет плохой сохранности. Сохранилась лишь форма изделия и металлическая сердцевина. Металл остальной части уничтожен коррозией. Образец для исследования вырезан из сердцевины. Шлиф изготовлен на поперечном сечении. На нетравленном шлифе под микроскопом выявляются крупные шлаковые включения, вытянутые в продольном направлении (двухфазовые - темные со светлыми включениями). Травление выявило однородную ферритную структуру (величина зерна 4-5 баллов). Микротвердость феррита низкая: 105-116 кг/мм, 128-151 кг/мм. Вывод: сердцевина откована изделия из железа, отличающегося повышенной мягкостью. Уничтоженная коррозией оболочка, видимо, была более твердой. Последняя была приготовлена из другого вида черного металла, иначе материал не соответствовал бы функциональному назначению предмета.

Анализ 6438. Сабля (Городище Шахджувар. Подземный материал. Примерная дата, которую назвал нам автор находки Тихонин М.Р., - XIII в., однако имеются версии о более ранней датировке этого предмета). Образец взят с полного поперечного полотна клинка. На нетравленном шлифе шлаковых включений почти нет, металл очень чистый. Травление обнаружило на всей

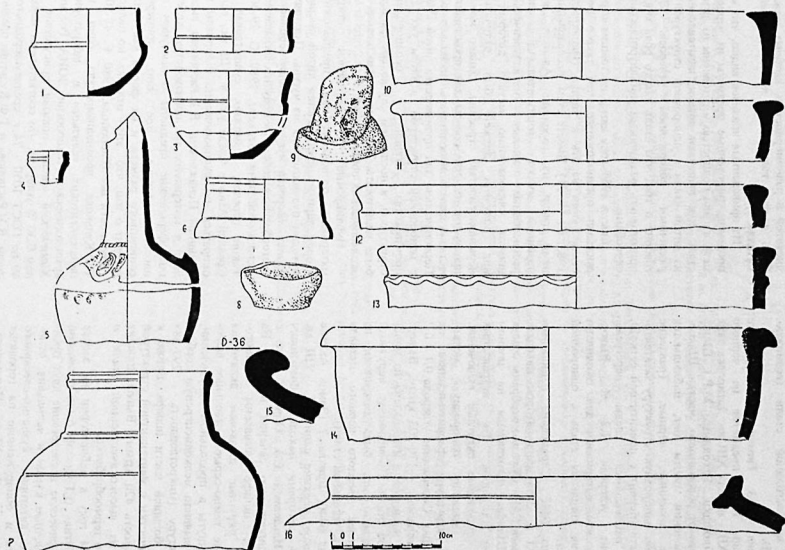

Рис. 4. Керамика, обнаруженная между уровнями ранней керамической и поздней металлургической печами.

поверхности шлифа однородную структуру с цементатной сеткой и выделением цементатных игл (микротвердость 254-350 кг/мм). Вывод: изделие отковано из высококачественной заэвтектоидной стали (возможно, тигельной).

Анализ 6433. Гвоздильня. (Городище Шахджавар. Клад предметов из черного металла XII - начала XIII вв. Датировка дана автором находки, Тихониним М.Р.). Шлиф взят вблизи от обломанного участка. Шлаковых включений почти нет, наблюдаются отдельные точечные, черные. Травление обнаружило однородную структуру заэвтектоидной стали (перлит с цементитной сеткой). Иногда наблюдаются следы перегрева. Содержание углерода 1,2 %. Вывод: возможно, что материалом для гвоздильни была литая тигельная сталь с однородной структурой.

Анализ 6442. Сердцевина напильника (Канка, XI в. Дата дана автором находки. Богомоловым Г.И.). Образцы отобраны с двух концов. Шлифы изготовлены на полном поперечном сечении. На нетравленных шлифах - отдельные округлые включения. Травление выявило однородную мелкозернистую структуру феррито-перлита на обоих шлифах. Содержание углерода 0,1 - 0,2 %, микротвердость - 170-203 кг/мм. Вывод: сердцевина напильника изготовлена из малоуглеродистой стали. По-видимому, наружный слой (оболочка) мог быть изготовлен из другого, более твердого черного металла (может быть, тигельной стали).

Анализ 6440. Брита ? (Замок Актеле Юнусабадское, верхние слои VII - VIII вв. Дата дана авторами находки, Филинович М.И. и Ильясовой С.). Образец взят с полного поперечного сечения изделия. На нетравленном шлифе выявлены незначительные округлые шлаковые включения (однофазные темно-серые), отдельные включения вытянуты в продольном направлении, травление выявило мелкодисперсную сорбитную структуру (микротвердость - 297-383 кг/мм) на большей части шлифа. Ближе к острию - участки с мартенситной структурой (микротвердость 420 кг/мм). Вывод: изделие отковано из высококачественной стали и подвергнуто термообработке.

В 1984 году в лаборатории на заводе «Красная Этна» (г.Горький) было проведено металлографическое исследование двух предметов: кузнечные клещи и напильник, относящиеся к категории кузнечно-слесарного инструмента и обнаруженные на городище Эски Ахсы в слоях X - XI вв. (Папахристу, 1984, С. 34-37). Напильник дополнительно был подвергнут металлографическому исследованию в лаборатории Курганского машино-

строительного института (Папахристу, 1994, С. 71-73). Исследования показали, что клещи и сердцевина напильника изготовлены из стали, отличающейся необыкновенной чистотой и равномерностью, которых можно было достичь только при полном расплаве металла.

Из приведенных анализов видно, что все продомонстрированные предметы из черного металла или полностью изготовлены из литой стали, или включают детали, изготовленные из литой стали с однородной структурой и различным содержанием углерода. Это говорит о том, что сталь такого рода могли готовить различными металлургическими способами.

Еще в 1985 году автор настоящих строк высказал предположение, что такого рода сталь могли варить в тиглях (Папахристу, 1985, С. 15, 21). Вместе с тем, исследованные нами тигли на городище Ахсикет, как правило, имеют горизонтальный слой раскисленных кислых металлургических шлаков, следовательно, металл, который в них получали должен был отличаться неравномерностью строения. Однако можно предположить, что сосуды для производства металла могли использовать несколько раз. Первоначально для производства литой стали с однородной структурой, а затем уже для производства сталей с неоднородной структурой, в последнем случае сосуды надо было уничтожать. Это справедливо, исходя из экономических соображений.

Публикуемые в настоящей статье материалы позволяют нам предположить второй вариант производства литой стали - методом пудлингования из чугуна. Пудлингование - передел чугуна в малоуглеродистое тестообразное железо на поду так называемой пудлинговой печи (Беккерт, 1980, С. 29-30). Такой передел, возможно, существовал в Средней Азии в Согде уже в VIII в., если опираться на археологические материалы из городища Пенджикент. В.И.Распопова выделяет в материалах по производству железа полусферические предметы с выступом на плоской стороне. Все они примерно одинакового размера и их форма как будто говорит о том, что это - отливка, но полной уверенности нет (Распопова, 1980, С. 48-50). Т.Ф.Кулькова проанализировала один из пенджикентских «слитков» в лаборатории археологической технологии ЛОИА России. Химический анализ показал присутствие в нем 0,30 % углерода, что соответствует марке 40 по ГОСТ 1050 - 74 г. среднеуглеродистой стали. В.И.Распопова и Т.Ф.Кулькова предположили, что «слитки» могли являться признаком существования в городе тигельного

производства стале (Кулькова, Распопова, 1972. С. 372-373).

В заключение, нам бы хотелось подчеркнуть, что материалы и версии, публикуемые в

настоящей статье, ни в коем случае не являются утверждением. Это - постановка проблем, которая назрела и которую необходимо решать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахраров И.А. Кухонная керамика Ферганы IX - X вв. // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент. 1966. С. 117-123.
2. Ахраров И.А. Кухонная керамика Ферганы XI - XII вв. // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент. 1976. С. 28-97.
3. Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II М. - Л., 1950.
4. Беккерт М. Мир металла. М., 1980.
5. Колчин Б.А. Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируня. // КСИИМК. Вып. 33. М., 1950.
6. Кулькова О.Ю., Распопова В.И. Черная металлургия Пенджаикента VIII в. // (Тезисы докладов на сессиях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.). М., 1972. С. 372-373.
7. Литвинский Б.А. Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
8. Мирзалиев Г. Неглазурованная керамика Ферганы как источник (по материалам городища Ахсикет VII - начала XIII вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд. 1988.
9. Палахристу О.А. Кузнечно-слесарный инструментарий со средневекового городища Ахсикет. // ОНУ. 1984. № 5.
10. Палахристу О.А. Черная металлургия Северной Ферганы. (По материалам археологического исследования городища Ахсикет IX - начала XIII вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд. 1985.
11. Палахристу О.А. Сырье для черной тигельной металлургии Ахсикет (городище Эски Ахсы). ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
12. Палахристу О.А. Ферганский инструментарий. // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.
13. Палахристу О.А. Опыт реконструкции черной тигельной металлургии Ахсикета (IX-XII вв.). ОНУ. 1995. № 9.
14. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
15. Сухарева О.А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии. // Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971.
16. Ailan J.W. Persian metal technology 700-1300 A.D. Oxford, 1979.
17. Zenshiro Hara. Crucible Smelting in Manchuria. Archeomaterials. Vol. 6. No 2 (Summer 1992).
18. Hya Jueming. Shijie Fazhanshi. Kexue - Jishu - Wenxian - Chubian - She, Beijing. 1985. Взято из цит. статьи Zenshiro Hara.
19. Papachristou O.A., Swertschcow L.M. Eisen aus Ustruschana und Tiegelstahl aus dem Fergana-Becken. Der Anschnitt Zeitschrift fur Kunst und Kultur im Bergbau. 1993. № 4.
20. Read T.T. Mineral Production and Resources in China. Transactionsof the American institute of Mining Met. And Engineers. Vol. 43. 1912.
21. Von Richthofen F.F. China: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Dietrich Reimer. Berlin. 1877.
22. Shokley W.H. Notes on the Coal and Fields of Southeastern Shansi. Transactions of the American Institute of Mining Met. And Engineers. Vol. 34. 1904.

КЕРДЕРСКАЯ ЧАША

М. Мамбетуллаев

В 1998 г. в средневековом городе Кердер на раскопе IV, в третьем строительном горизонте обнаружен фрагмент чаши с изображением птицы. Чаши изготовлена из лессовидной глины без ярко выраженного дисковидного поддона. Диаметр донца 13 см, толщина стенок - 0,7 см. Она украшена коричнево-темной росписью по белому фону подгрунтовки. находка датируется IX-X вв. Внутреннюю часть сосуда занимает фигура птицы-орла, изображенного в фас. Судя по фигурке, голова обращена влево и украшена трехлепестковым цветком. Оперение на туловище показано однообразным вертикаль-

но-косыми пересекающимися полосами. Шею от туловища отделяет «ожерелье» из белой линии; такие же полосы отделяют плечевую часть крыла от маховой. Перья плечевой части крыла показаны в виде рыбьей чешуи. Перья на маховой части крыла изображены в виде семи-восьми узких продольных перьев с косыми поперечными линиями. Так же изображен и хвост. В когтях (?) птица держит змею. Длинное тело змеи в трех местах украшено трехлепестковыми цветами. Параллельно вдоль крыла птицы изображена фигура рыбы (рис. 1).

Крылатые звери вообще представляют собой излюбленный мотив орнаментации Сасанидской утвари. На блюдах и кувшинах обычно встречаются Семурав (1), лошадь (2), орел (3), павлин и различные сказочные животные. Все эти образы сближает между собой одна и та же трактовка крыльев: обычно в виде овала или круга, обработанных чешуйками, оканчивающиеся перьями. Таковы крылья орла, несущего женщину, происходящего из Перма (4), датируемого I-ой половиной VII в. Таковы крылья орла, украшающего чашу, датируемую VII-VIII вв., найденную в г. Уфе в Башкортостане (4). Сходство заметно в композиции и таких деталях, как передача оперения на хвосте и крыльях, грива на шее птицы, чешуйчатые крылья. Тот же характер имеет Семурав, изображенный на одной из Сасанидских чаш (4). Приведенные аналогии показывают, что крылатые существа, широко распространенные в орнаментике памятников прикладного искусства, удерживали одну и ту же трактовку крыльев на протяжении весьма длительного времени, начиная с III в. до XI в. Единственным различием является то, что на Сасанидском блюде орел показан удерживающим женщину или вцепившимся в спину молодых животных, а на Кердерской чаше орел в когтях держит змею.

В Средней Азии и Иране мотив орла, когтящего животное - астральный символ. В нем видят орла Митры, который несет на небеса Хаому-персонификацию воды и растительности (5). В ведийской мифологии орел Индры приносит напиток бессмертия из сока растения сома («Ригведа», IV, 18). Орел с газелью или другим животным - символ осеннего равенства, праздника урожая. В Авесте хищная птица Варган - одно из воплощений божества победы Вретрагны (заменившего ведийского Индры):

*И в седьмой раз предстал ему Вретранга
В образе птицы Варган
Хватающий снизу (добычу) когтями,
Клюющий ее сверху,
Из всех птиц быстрейшей,
Проворнейшей из летающих (5).*

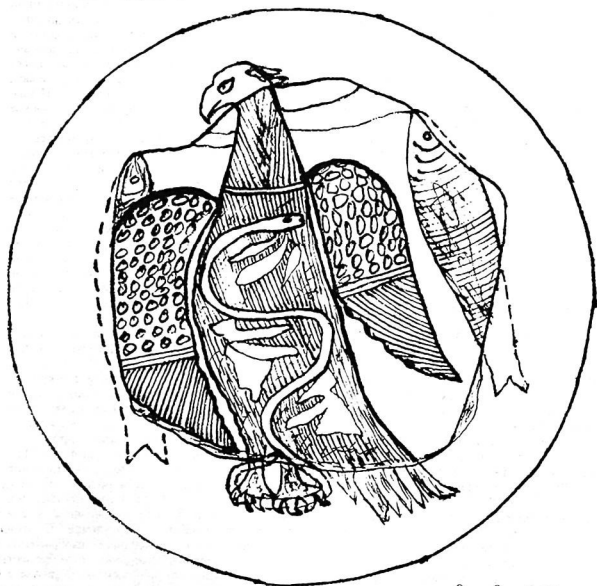
В Ригведе с орлом сравнивается бог солнца Сурья, солнце постоянно называется «небесной птицей», солнечные птицы - это орел и лебедь. В образе хищной птицы орла, сокола может выступать божество царской удачи Хварна (6). Поэтому в III в. хорезмийский царь Вазарм носил корону в виде орла. Найденный в слоях II-I вв. до н. э. из Нисы парфянский щит также был оформлен изображением орла (7). Образ орла, входивший уже в геральдику селевкидов, а позднее в инсигии римских легионов, был

популярен и в парфянской среде. Во многих сказках мира орел считается помощником человека. У телеутов орел называется «птица - хозяин неба» - он непрерывный спутник и помощник шамана. На облачения шамана фигурируют части орла: кости, перья, когти (8). Люди верили, что когда они умирают, душа подхватывается птицей. Птица, следовательно, уносит душу в потустороннее царство. Представление о душе - птице или душе, уносимой птицей, сохранилось в Египте, Вавилоне и Греции. Об этом, говорят, например, рассказ Псевдокаллиста о том, что после смерти Александра взвился орел (8). В Риме после смерти императоров отпускали орла, чтобы он уносил душу властителя к небу (8). В Средней Азии часто встречается оссуарии с изображением на крышке птицы (9). Птица - символ души, отлетающей от тела в горные дали. Каракалпаки также верили, что после смерти человека душа улетает в небеса - как птицы (10).

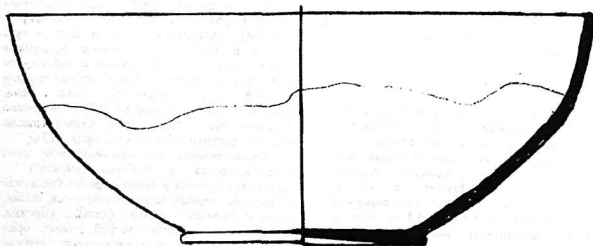
Интересно, что знаменитая мечеть Омейядов (601-750) в Дамаске носила название «Купол орла». «И если ты повернешься к тому куполу, то тебе откроется зрелище чудесное и величественное. Люди верят, что видят здесь летящего орла: купол является его головой, главный пролет - грудью, половина стены правого пролета, а также левого образуют два крыла.....» (11). Можно полагать, что совмещение представлений в сакральном облике мечети с образом птицы не было случайностью, но, скорее, закономерным явлением для средневекового сознания мусульман. С этой точки зрения многочисленные изображения птиц на мусульманской керамике приобретают свою осмысленность и логичность в свете существовавших представлений о птице, как образе обжитого мусульманского мира.

Средневековые источники содержат сведения о древних религиозных верованиях огузов. Огузские племена имели свои онгоны (тотемы), каковыми в основном были ловчие птицы. В качестве их тотемов выступают соколы, орлы и др. Очевидно, с тотемизмом был связан и древний обычай установления в ханской орде изображений птиц (орла, сокола) из золота и серебра (12). Интересно отметить, что в темуридских ставках также имелись фигурки птиц (сокола-орла) (13).

Представления о сакральной силе птиц прослеживаются в наборах амулетов - украшений, причем у одних народов (таджики, узбеки) на первый план выдвигаются фазан, петух и павлин, у других (казахи, киргизы, каракалпаки) - филин, ястреб, сокол, орел (14). Культ орла у каракалпаков, прежде всего, был связан с рождением и воспитанием

0 2 4 cm

детей. Истоки этого культа восходят к сакскому периоду.

Под телом орла изображено животное с длинным змееобразным телом, по-видимому, змея. Культ змеи имел двойное значение. Змея олицетворяла доброе и мудрое начало - неадаро в Древней Греции изображенные змеи украшали шлем Афины - богини мудрости. Легенды и предания говорят о змеях и драконах, охраняющихклады и священные деревья, земные недра и древние могилы. Считалось, что им подвластны источники, они могут вызывать дождь (15). По китайским верованиям процветание земли зависит от небесного дракона. В Индии змеи «Наги» - божества хранителя вод и растительности, от них зависит урожай. Интересна иезидская легенда о спасении Ноя змеей, заткнувшей своим телом отверстие ковчега, пробитое скалой, являющейся попыткой объяснения роли змеи в иезидских верованиях (16). Рядом со змеем в иезидском культе особое место занимает Малик-Таус, «царь Павлин», изображение павлина, в образе которого почитается сатана - «дух зла, который, однако, может делать добро» (16). Дракон или змея иногда символизирует врага. Фердуси в поэме «Шах-наме» приводит миф о змеях, вырастающих из плеч Захака, которые питались мозгами человека (17). Согласно легендам, многие города погибли из-за змей. Изображения змей встречаются и в археологических находках IV-III вв. до н.э. - VII-XIII вв., оставленных ирано-тюркскими язычными племенами. С.П.Толстов справедливо усматривает в этом существование культа змей (18). Ритуальные изображения пресмыкающихся, земноводных, насекомых на различных украшениях известны с глубокой древности, как и вера в их сакральную силу. Стилизованный мотив змеи мы находим на браслетах таджиков и узбеков. Браслеты, с изображениями змеинных головок, бытовали у населения Каракалпакии (19). Изображения змеи на украшениях служили оберегами.

Интересные параллели наблюдаются в шаманских представлениях тувинов. Костюм тувинского шамана увешан из разноцветных лоскутков материи узкими полосами, символизирующими змей; к верхнему концу средней из этих полос приложены два рога; этот ремешок имеет название «Алтын быштыг Амырга жылан» (Шестиглавая змея Амырга); на шапку шамана нашиваются в два ряда раковины - каури, носящие название «жылан быш» (змеинная голова). В нижней части рукояти шаманского бубна вырезается изображение змеи; плетть-камча шамана воспринимается как змея, ею он обороняется от своих врагов - злых духов (20). В данном

случае змея, стало быть, выступает главным защитником и покровителем шамана. Примечательно, что в поверьях каракалпак, казахов, киргизов, алтайцев и целого ряда других тюркских народов демонические существа (албагы и др.) и духи панически боятся плетки-камчи. Точно так же раковины - каури («змеинная голова») используются каракалпакцами в качестве оберега от напасти.

Приведенные факты с несомненностью указывают на существование у тюрков в прошлом тотемического культа змеи, равно как и у сакских племен, населявших территорию Средней Азии и Приаралья, и сыгравших определенную роль в этногенезе целого ряда тюркских народов.

По бокам орла изображены рыбы. Пара рыб со змеей может означать супружескую чету, так как рыба - символ плодородности. Рыба считалась особенно чистой, так как была связана с водной стихией, ее наделяли сверхъестественными свойствами. В Авесте мы встречаем достаточное количество примеров почитания водной стихии и вместе с ней рыб, с которыми у народов Средней Азии связано немало легенд и поверий. Как и в других местах Средней Азии, в Каракалпакии имелись водоемы со священными рыбами. Особенной известностью пользовались огромные сазаны, жившие в хаузе при мазаре Султан-бобо (Султан Ванс). Люди, совершавшие паломничество к этому мазару, кормили священных рыб, совершенно апатичных и разжиревших, и даже гладили подплывавших к берегу рыб (21). Культ рыб был распространен по всей Центральной Азии, захватывая Закавказье и Кавказ (22) и своими корнями сплетался с аналогичными верованиями древнего населения Передней Азии и Средиземноморья. Пережитки этого культа имели место в зороастризме, который, видимо, способствовал тому, что культ рыбы еще долго существовал, сохраняясь в виде реликтов даже в мусульманское время.

Излюбленный сюжет в искусстве Древнего Востока, истоки которого уходят в пласты космогонических представлений, мотив борьбы и победы сильного над слабым, часто символизировавший идею царского могущества, довольно реалистично запечатлен на Кердерской посуде. Связь этого мотива с древними космогоническими, мифическими и этическими представлениями становится очевидной при сравнении памятников этой эпохи с образцами доисламского времени с изображением птиц и рыб. Значение этих мотивов, как древнейших и наиболее долговечных, подчеркивала А.Ройс (23). Столкновение различных стихий, воплощенных в образах животных, птиц, змей, рыб и т.д., было распространенным

мотивом древнего искусства на стадии анимистических и космогонических представлений. Нам представляется, что изображение птиц, змей и рыб на Кердерской керамике символизировало борьбу воздушной и водной стихий. А.Л.Якобсон, опубликовавший материал о красноглиняных поливных чашах из Херсонеса XII-XIII вв. с изображением птиц, окруженных змеями, также подчеркивает связь этого сюжета в древней символике с представлениями о борьбе воздушной и водной стихий (24). На смысловую связь мотивов рыбы и птицы указывают два керамических изделия из Фарса и Хузистана (25). Таким образом, древний сюжет, имевший различные стадии смыслового развития и интерпретации в IX-XI вв., обретает значение сказочного сюжета, выраженного на изделиях этого времени с соответствующим изобразительным

фольклором в ярких, декоративных - орнаментальных формах.

С другой стороны, представленные на сосуде птицы - рыбы - змея можно интерпретировать с точки зрения мифологии. Здесь их можно рассматривать в плане вертикальной структуры мира, представленной мировым деревом (верх/крона-птицы; середина/ствол - копытные или рыбы; низ/корни - хтонические животные - змея) (26). Здесь основообразующим персонажем в модели мира становится змея. Естественно, привлеченные таксономические ряды не исчерпывают всех возможностей истолкования. Скажем, за пределами исследования осталась астрологическая символика птиц, которую подмечают исследователи в некоторых изображениях. В этом случае интерпретатор должен учитывать спектр символических значений конкретных видов птиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тревер К.В. Собака-птица-Сенмурв и Паскудж. - Из истории докапиталистических формаций, Л., 1933, с.293
2. Орбели И.А., Тревор К.В. Сасанидский металл. Л., 1935, табл.49
3. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. / Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987, иллюстр. 5-97
4. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро, М., 1987, с.114,116, рис.22,29,73
5. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VII-XIII вв. М., 1976, с.25
6. Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы, Л., 1963, сс. 35, 37
7. Путаенкова Г.А. Искусство Туркменистана, М., 1967, с. 68, рис. 42
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 131,150, 192.
9. Путаенкова Г.А. Искусство Туркменистана, с.90, рис.65
10. Есбергенов Х. К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпков. Автореферат канд. дисс., М., 1963, с.8
11. Ибн Джубайр. Путешествие. Пер. с араб., вступит. Статья и примеч. Л.А.Семенов, М., 1984, с.188
12. Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. (историко-этнографический очерк). Страны и народы Востока. М., 1971, с.181, сноска 8.
13. Захедер Ю.Н. Империя Темура, - «Исторический журнал», 1941, №6, с.85.
14. Борозина Н.Г. Некоторые материалы об амулетах - украшениях населения Средней Азии. - / Домусульманские верования и обряды в Средней Азии, М., 1975, с.281
15. Путаенкова Г.А. Драконы мечети Анау. «Советская этнография», 1956, № 2, с.126
16. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с.335
17. Жакинова Н.В. Терракотовая фигура Захака. Труды отдела Востока т.3, Л., 1940, с.204
18. Толстов С.П. Древний Хорезм. С. 292-306
19. Есбергенов Х. Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпков. - / Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана, Нукус, 1989, с.60, рис. 1
20. Потапов А.П. Очерки народного быта тувинцев, М., 1969, с. 351 - 351
21. Снесаров Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма, М., 1969, с.325-326
22. Робакидзе А.Н. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы. «Советская этнография», 1948, № 3
23. Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства. /Художественная культура Средней Азии в IX-XIII вв., Ташкент, 1983, с. 93
24. Якобсон А.Г. Кашгарское блюдо XII-XIII вв. -/ Памятники эпохи Руставели., Л., 1936, с. 200-201
25. Хакимов А.А. Указ.раб., с. 94
26. Цивьян Т.В. Змея-птица. К истолкованию тождества.-/Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов., Л., 1964, с.53

К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ГОРОДИЩА ДЖАНПЫК-КАЛЫ.

О.Т.Доспанов, Н.Ж. Торежанова.

Городище Джанпык-Калы - один из наиболее сохранившихся памятников средневековья Правобережья Хорезма. Более 20 лет на нём проводятся стационарные археологические исследования сотрудниками Каракалпакского Государственного музея искусств РК им. И.В.Савицкого. В результате был собран огромный материал, свидетельствующий о высокой материальной культуре этого города. Среди него значительное место занимают изделия из металла. Они представлены украшениями, бытовыми предметами, орудиями труда и вооружением. Все описываемые предметы, за исключением подъемных, по монетным данным датируется в пределах XIII - XIV вв.

Специальное изучение металлических изделий Джанпык-Калы даёт возможность пополнить сведения о металлообрабатывающем ремесле Хорезма в эпоху средневековья. Среди металлических изделий имеют хорошую сохранность украшения и бытовые предметы из бронзы и серебра.

На Джанпык-Калы найдены фрагменты и целые формы дисковидных бронзовых зеркал следующих типов. Зеркала с бортиком в виде дугообразной каймы с рельефными фигурками рыб. Парные изображения рыб направлены головой к хвостам следующих. Ручки отломаны. Обратная сторона гладко отшлифована. Диаметр 7 см., толщина - 0,25 см. Подобные зеркала на территории Хорезма впервые найдены в 1966 году В.Н.Ягодиным во время раскопок подсобных помещений мавзолея Мазлумхан Сулу. Другой экземпляр найден в 1988 году в квартале керамистов Миздакхана. В золотоордынских городах Поволжья их находят повсеместно (1., с. 163). Более ранние аналоги мы находим в материале из памятников Дальнего Востока (2, рис. 6).

Другое зеркало - с растительным и геометрическим орнаментом. Узоры, в основном, покрывают центр. Неполные переплетенные круги отходят от валика. Размер зеркала 6,1 см, толщина 3 мм. Аналогичные образцы найдены в Миздакхане и в столицах Золотой Орды (3., с. 269, рис. 16).

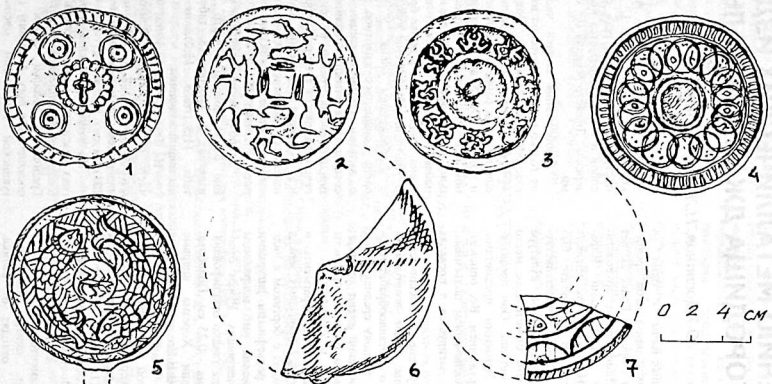
Следующее зеркало - с изображением четырех рогатых животных, возможно горных козлов или оленей (рис. 1, 2). Композиция построена так, что их рога сцеплены между собой и в итоге образуется квадрат по центру зеркала. Диаметр зеркала 6,3 см, толщине 3-4 мм.

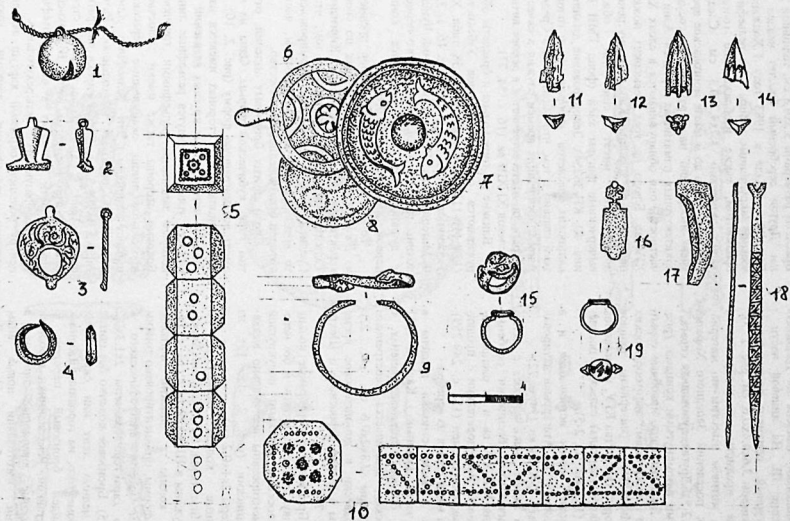
Изображения оленей часто встречаются не только на металлических изделиях, но и на глазурованной керамике. Подражание металлическим изделиям в керамике наблюдается еще в период раннего средневековья (4., с. 75) и позже, в IX - X вв. Образ оленя в прикладном искусстве имеет глубокие корни, уходящие в древность. На юге Средней Азии найден фрагмент керамики с изображением оленя, относящийся к эпохе бронзы (5., с. 73). В Анатолии обнаружены культовые предметы с изображением оленя. У древних хеттов олень - священное животное, тесно связанная с культом богини солнца. Перед оленями совершали жертвоприношения. Образ оленя широко распространен в прикладном искусстве евразийских степных народов с I тыс. до н.э. и нашел отражение в художественных изделиях, выполненных в так называемом зверином стиле у скифских народов (6., с. 9, рис. 2, 7, табл. XX, 4, 7, 14 - 16).

В эпоху раннего средневековья изображение оленя довольно часто встречается на изделиях из серебра (8, табл. XXIV; 9, 5, табл. 11,3, табл. 12,2), на тканях и на настенной живописи.

На Топрак-Кале в одном из залов нижняя часть стен украшена «Фризом с фигурами оленей, пасущихся в свободных позах», они изображены в натуральную величину (10, с. 201).

По этнографическим данным в мифологиях различных народов олень почитался как благородное священное животное. В древней Греции он являлся одним из животных, посвященных богу Аполлону (11. С. 176). В тувинской мифологии олень-хозяин тайги (Там же., с. 107). У киргизов олень, как объект религиозного почитания, являлся их тотемом (12., с. 16). У китайцев это животное - символ долголетия, они верили, что только

олень способен найти священный гриб бессмертия (9. с. 13).

Среди часто встречающихся бронзовых изделий - серги различной формы. Плоская серга - подвеска каплеобразной формы, с ушком для подвязки, найдена на Джанпык-кале в раскопе III. На лицевой части - рельефно-фигурный орнамент растительного характера (размеры 3,6х4,4х0,6 см. рис. 2, 3).

Подобные предметы с изображением растительных мотивов известны по материалам сельских поселений Западного Хорезма (13, рис. 59, 2-3). Другая, луновидная серга - с заостренными разомкнутыми концами. (рис. 2, 4). Кроме Джанпык-кала, подобные серги известны по материалам золотоордынских кварталов Миздахкана (материалы фондов кафедры Истории Отечества КГУ, из раскопок золотоордынского квартала) сельских поселений Хорезма (13, рис. 62, 2-5).

Аналогичные серги встречаются и в Южной Туркмении. Е. Атагарьев датировал подобные серги X-XIII вв. (14, с. 72).

Серги в форме знака вопроса с пятью мелкими жемчужными бусинками особенно характерны для XIII-XIV вв. и их распространение связывается исследователями с продвижением кипчакских племен (15, с. 249-259). Нами найдена нами серга из серебра.

Подвеска в виде сапожка найдена в центральной части Джанпык - Калы в 1981 году. Она с боковой стороны граненая, с лицевой плоская, завершается заостренным носиком (размеры 2,8х2х0,6 см, рис. 22). Подобные подвески в домонгольское время были известны в Мерве, Афрасиабе и Шехр-Исламе (14, с. 71).

Кольца. Бронзовые и серебряные кольца встречаются двух типов: с шитком и без него. Кольца с плоскими шитками полукруглой формы орнаментированы вертикально выдавленными надписями (рис. 2, 15, 19), из серебра (размеры 2х1х0,2 см).

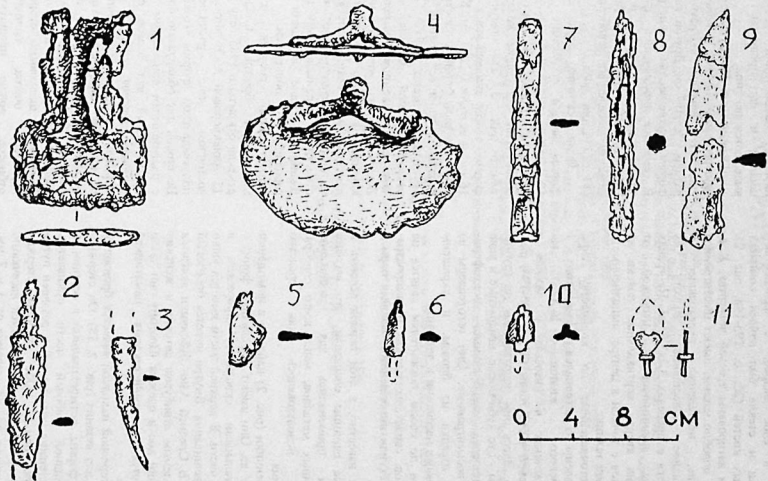
Аналогичные кольца известны по материалам Миздахкана. За пределами Хорезма они обнаружены в Шехр-Исламе (14, с. 74-75). Другое кольцо с плоским шитком, ромбовидной формы, орнаментировано тонким гравированным узором эллигфического и растительного характера (размеры 2х1,3х0,2 см., рис. 2, 15). Бронзовое колечко без шитка сделано из медных лент или скрученных проволок. Кроме того, на городище Джанпык - Кала найден бронзовый перстень с бирюзовой вставкой. Ремесленники городища освоили сложные ювелирные приемы, в частности они, изготавливали новые виды женских украшений - браслеты (3 экз.). Два парных бронзовых браслета изготовлены литьем в разной форме (рис. 2, 9, 16). После литья поверхность браслетов подвергалась

ковке, опиловке, чеканке. Браслеты разомкнутые, концы их оформлены в виде головок змей с высунутым раздвоенным язычком. Пуансонами показана чешуя на коже змей у их головок и по всей поверхности. Браслеты размерами 5,5х0,8 см, толщиной 2-3 мм. Другой серебряный браслет найден на Джанпык - Кале в 1983 году Г.Ходжаниязовым. Закругленные концы - с рельефным орнаментом, также изображающие головки змей, размерами 4,7х4,3х0,3 см. Следует отметить, что в до и после монгольское время змеем изображали на керамических сосудах, архитектурных памятниках Средней Азии. В частности, они обнаруживаются в слоях XIII-XIV вв. Бюкло на трех невысоких ножках, найденное на Джанпык-Кале, на внутренней поверхности имеет еще до обжига вычерченные фигуры змей (фонд ГМИ РК, инв. 40, КП-36254). Декорирование джанпык-калинских браслетов изображениями головок змей связано с тем, что образ змей в Средней Азии с древнейших времен служил в качестве оберега, он часто встречается в декоре витных браслетов XI-XIII вв. (16, с. 54, 77).

Близкие по типу кольца и браслеты обнаруживаются среди материалов Узбекистана (17.с.116-117), Киргизии (18. с. 58, табл. ХУ), Таджикистана (19. с. 239-242, рис. 16, 1, 3, 7-9). Материалы из Чиназа и поселений Чуйской долины типичны для караханидского периода, а душанбинский клад датируется концом первой-второй четвертью XIII в.

То обстоятельство, что набор предметов из Джанпыккала наиболее близок по своему характеру к набору предметов из Киргизии и Таджикистана, свидетельствует о том, что в Средней Азии и Казахстане формировался в то время единый вариант культуры, частью которой было ювелирное искусство.

Среди других бронзовых изделий, отметим гирию кубической формы. Одна из них имеет восьмигранную форму (рис. 2, 10). На двух приплюснутых сторонах имеются изображения пяти крупных круглых вдавлений. От каждого угла куба тянутся рельефные линии, которые заполнены рельефными точечками. Боковые стороны также имеют полосчатые продольные линии, окаймленные пересекающимися линиями. Эти рельефные линии, пересекаясь, образуют треугольники. Размер гири 1х2х1,8 см. Другая гирия квадратной формы (рис. 2, 5). Четыре стороны стенок имеют по три выемчатые точки. В верхней и нижней части орнамент в виде рельефных точек, образующих четырехугольник. По центру большой округлый картуш заполнен мелкими рельефными точками (размер 1,5х1,6х1,5х1,6 см). Аналогии к этим находкам встречаются в золотоордынском квартале Миздахкана. Точное название дан-

ных предметов не ясны, однако можно предположить, что они использовались для игры в нарды или для взвешивания цветных металлов. В различных местах находились подобные предметы и интерпретировались по-разному. Так, при исследованиях шахрстана Бухары в слое бадраба с фрагментами керамики и стекла был найден комплект игральные кости (20., с. 193-198, рис. 2). Находки датированы третьей четвертью X в. Фишки, подобно нашим, имеют шестигранное основание, постепенно переходящее в конусовидное завершение. Высота их колеблется в пределах 3,2х3,6 см. На гранях нанесены поднимающиеся цепочкой от основания кверху вертикальные пояска из кружочков с точкой в центре, выполненные в пунсонной технике.

Многочисленные по количеству гири представлены из материалов с Измерского и I Семеновского жилищ X-XI вв. расположенных в низовьях р. Ахтай в приустьевой части Камы (21, с. 185-194, рис. 1, 1-29). Здесь они подразделены на группы по типам - это кубические, квадратные в виде параллелепипеда, шайбовидные, полусферические восьмигранные. Они изготовлены из железа, изредка из бронзы, и украшены вдавленными насечками и линиями.

Гири по своим показателям делятся на ряд типов, свидетельствующих о распространении тех или иных денежно-весовых норм в X-XI вв.

Как известно, в этот период весовые и денежные единицы совпадали, что весовые единицы применялись для взвешивания драгоценных металлов, чаще всего серебра, которое использовалось как средство обращения.

Бубенчики (рис. 2) найдены в помещении XIII-XIV вв. Они имеют шаровидную форму с горизонтальными сквозными прорезами в нижней части. В верхней части имеется ушко для подвешивания. Внутри имеется бронзовый шарик. В Средней Азии бубенчики являются неотъемлемым атрибутом детских и женских украшений кос и одежды. Поэтому они часто встречаются в средневековых памятниках Хорезма.

Интересной находкой является бронзовый крючок для вязания (рис. 2, 18). Он стержневидной формы, четырехгранный в сечении, к крючковой рабочей части суживается. Концы стержня сплюснуты и разделены путем среза по центру. Обе стороны стержня ориентированы пересекающимися насечками. Длина крючка 14 см., сечение от 3 н 7 мм. (Шифр, ДЖ-к 1987. р. -7, ин -310. КП -40022) (22, с. 80).

Стрелы. Наконечник бронзовой стрелы вытянуто-пластинчатой формы, длиной 3,2 см.

Он был обнаружен в 1987 году в раскопе 7 (ГМИ РК, ин-318, КП - 40030) (рис. 2, 11-14).

Предметы из железа. Среди металлических изделий, выявленных при раскопе Джанпык-Калы, встречаются целые экземпляры железных ножей, фрагменты поясных наборов, наконечники, гвозди с круглой шляпой и др. предметы. Среди ножей выделяются два типа:

Первый тип. Ножи вытянутой формы, с заостренными концами и односторонним лезвием. В сечении подтреугольной формы, размер 17х3х0,7 см. Другой тип - удлиненной формы, двулезвенный с заостренным концом. В сечении ромбовидной формы, размеры 14х2,5х1 см. Аналогичные ножи найдены в Шемахе-Кале, Шахрлике (23, с. 123-124) и сельских поселениях левобережного Хорезма (13, с. 111, рис. 64).

Один экземпляр серпа слегка согнутой формы найден в раскопе 7, размерами 10,3х2х1 см (рис. 2, 3, 5).

Кроме того, на Джанпык - Кале обнаружены следующие железные предметы: зубило (рис. 3, 7), пластинчато-вытянутой формы, слегка сужающаяся к острию длиной 16 см, в сечении 0,22х1 см. Кол (рис. 3, 8) - стержневидной формы с заостренным концом, верхняя часть имеет ровный срез, в сечении круглый, размеры 17х2 см. Копье - раструбообразной формы в сечении с заостренным концом, размеры 4,5х2,4 см. Железо и бронза употреблялись для облицовки каменных котлов, а иногда и для облицовки каменных и деревянных предметов. Большое количество металлических изделий можно отнести и к ремесленному производству на Джанпык - Кале. В одном из помещений городища обнаружен миниатюрный керамический сосудик с плавными крапинками бронзы. Следы ювелирного ремесла открыты в 1985 году в помещении № 15 Алиакберовой А. В юго-западном и юго-восточном углах расчищены глубокие, полуквадратной формы хозяйственные ямы. Во второй яме обнаружено бронзовое зеркало с растительным орнаментом. Вдоль северной стены целый ряд очагов округлых форм. Наиболее крупные очаг, диаметром 0,60 м. Огражен от остальных стеной, возведенной из жженного кирпича и находится в северо-западном углу. На полу найдена медная монета, бирюзовая вставка от перстня. Культурный слой на полу насыщен бронзовыми шлаковыми отбросами. Судя по характеру очагов, наличию бронзовых отбросов, можно предположить, что в помещении № 15 осуществлялось производство ювелирных изделий. Это подтверждается результатами горно-геологических исследований. Доказано, что

жители Джанпык-Калы занимались горным промыслом, обрабатывали полудрагоценные камни (25, с. 77). Вокруг Джанпык - Кала, в горах Султануздага обнаружены древние штольни для выработки металлических руд (26, с. 16-17; 27, с. 23-25).

Судя по анализируемым материалам, можно предположить, что часть населения Джанпык-Калы в XIII-XIV вв. занималось металлообрабатывающим ремеслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1967.
2. Алиакберова А. Ремесленный комплекс Джанпык-Калы. // ВКФ. 1988.
3. Брусенко А.Г. Художественная керамика Чача IX-XII вв. Т. 1986.
4. Болиева Г.Д. Домусульманские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе. 1972.
5. Вактурская Н.Н. О средневековых городах Хорезма. // МХЭ. Вып. 7. М. 1963.
6. Вархотова Д.П. Два серебряных браслета X-XI вв. из Чиноза. // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент. 1963.
7. Валиев Р.М., Казанова П. Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X-XI вв. в низовьях р. Ахтай. // РА. 1993. № 1.
8. Даркевич В.П. Художественный матаал Востока. М. 1976.
9. Доспанов О.Т. Джанпык-Кала орта асирлер естелиги. Нокис, 1992.
10. Дудаков С.А. Памятники горного дела Султануздага. // Тезисы докладов НТК. Нукус. 1992.
11. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. // МИА. Вып. 9. М.-Л. 1949.
12. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе. 1959.
13. Кадрыязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус. 1989.
14. Маршак Б.И. Влияние торевтики на содийскую керамику VII-VIII вв. // ПТЭ. Т. 5. Л. 1961.
15. Мухамеджанов А., Мирзаахмедов Ж., Некрасова Е. К вопросу о некоторых настольных играх средневековой Бухары. // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент. 1980.
16. Манылов Ю.П., Кадрыязов М.Ш. Городище Джанпык-Кала. // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент. 1984.
17. Манылов Ю.П. Археологические памятники Султануздага эпохи античности и средневековья. // АҚД. Ташкент. 1972.
18. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме. М. 1976.
19. Руденко А.Г. Искусство Алтая и Передней Азии. М. 1961.
20. Смирнов Н.М. Восточное серебро. Атлас серебряной посуды восточного происхождения. СПб. 1909.
21. Самонов З.П. Культ животных в религиях. М. 1972.
22. Соловьев В.С. Денежно-вещевой клад из Душанбе. // СА. 1992. № 1.
23. Толстов С.П. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. Т. 2. М. 1958.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М. «Искусство». 1976.
25. Федоров - Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг. // СА. 1966. № 2.
26. Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Мавереннахр. Киев. 1983.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЛЮСТРОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ БУХАРЫ.

А.К.Мирзаахмедов.

При археологических исследованиях Бухары в 1977-78 гг. сотрудниками Института археологии АН РУз к северу от медресе Мири Араб был получен значительный комплекс материалов эпохи средневековья, среди которых выделяются небольшой группой фрагменты кашиновых изделий с люстровой росписью (1).¹

Находки были выявлены у северо-западного угла раскопа 50х50 м у южной кромки пришедших в разрушение остатков раннесредневековых стен древнего шахристана представляя из себя более тридцати небольших фрагментов от донца и стенок блюд и чаш. Проклейка материалов показала, что комплекс состоит в основном из приблизительно равного по количеству форм - чаш (7 экз.) и блюд (6 экз.). В единственном образце фиксируется фрагмент стенки банкообразного сосуда, или, возможно, горловины кувшина.

По составу теста подавляющая часть люстровых изделий выполнена из кашина принявшего после обжига теплый светло-бежевый оттенок, а единичный фрагмент банкообразного сосуда светло-коричневый цвет. Также, в одном случае - на донце чаши традиционная люстровая роспись выполнена по глиняной основе черепка желтоватого цвета, а во втором, встречен не столь массовый для данного периода фрагмент люстровой чаши покрытый синей поливой и имевший белый черепок. Формы донца, как чаш, так и блюд кольцевые.

На большинстве фрагментов, как по внутренней, так и по внешней поверхности изделий нанесена богатая, тончайшая роспись коричневым люстром по белому фону поливы. Сюжеты росписей состоят в основном из растительных, эпиграфических, зооморфных и антропоморфных мотивов.

Слой, в котором были найдены фрагменты люстровой посуды, на основании наиболее характерных образцов керамики с бирюзовой глушеной поливой и красным ангобом по внешней поверхности стенок,

датировался второй половиной XII - нач. XIII вв. Здесь же в теле полуразрушенных раннесредневековых стен были выявлены частично сохранившиеся остатки обожженной в красный цвет вертикально поднимавшейся кирпичной стенки, по всей видимости, гончарной печи. При этом сохранились лишь ее внешние контуры, примыкавшие непосредственно к раннесредневековой стене на высоту около полутора метров. Таким образом, наличие в слое XII - нач. XIII вв. на незначительном пространстве, примыкавшем непосредственно к гончарной печи находок комплекса с люстровой посудой предполагает здесь ее возможное местное производство.

Чаш. Донца кольцевые. Стенки имели полусферическую форму, завершающуюся прямым или несколько отогнутым наружу венчиком. Сменявшая друг друга растительная, эпиграфическая или зооморфная и антропоморфная орнаментация делила сосуды на концентрические ленточные пояса - по кругу донца, стенок или венчиков, исходя из форм чаш и блюд. По закраине венчика часто отмечается техника «коричневого рта».

Среди наиболее выразительных отметим два фрагмента от стенок и венчика полусферической чаши с рельефно выделяющимся отгибом закраины венчика наружу, донце отсутствует, диаметр венчика достигает около 20 см. Закраина чаши оформлена в технике «коричневого рта». По венчику проходит концентрическая ленточная полоса из эпиграфических мотивов почерком цветущее куфи, а по стенкам более широкой полосой, в изысканно исполненных растительных медальонах повторяющийся сюжет скачущего на коне всадника. Мастерски переданное в очень схематической абстрактной форме изображение всадника показывает на выполнение сюжета профессиональным художником (рис. 1). При этом, несмотря на неполноту сохранности, к характерным особенностям рисунка необходимо отнести не только очень схематизированную абстрактную передачу сюжета, но и такие детали как шапку с длинными ушами на всаднике, наличие на одном из них нимба вокруг головы. Завязанный в узел хвост коня, а так же четкая прорисовка верхней и нижней части его головы в белый, и темный цвет

¹ Предварительную публикацию по результатам первых находок смотрите в статье: К.Абдуллаев. «Два фрагмента люстровой керамики из Бухары». ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979 г. с. 76-78.

может указывать на наличие палубного защитного панциря, часто встречающегося на сценах сражений позднесредневековых миниатюр XV-XVI вв. (2. Илл. 155), а также и на самой люстровой посуде исследуемого периода

(3, рис. 48, 50). Присутствие нимба вокруг головы одного из всадников показывает на то, что перед нами очень хорошо известный, популярный в народе легендарный образ скачущего на подвиги воина - героя.

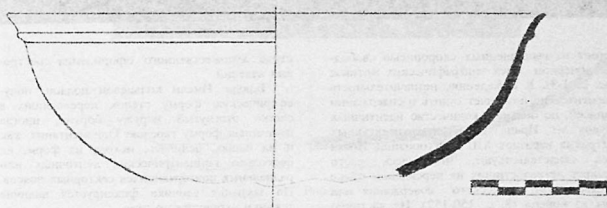

Рис.1.

Необходимо также отметить, что в XII - нач. XIII вв. изображения подобных всадников, неся традиционный канонизированный характер, были очень популярны, чаще всего, на люстровой посуде (4, илл. 155; 5, илл. 113; 3, илл. 39, 41, 43), а также в металле (6, илл. 281, 282), и даже стекле (7, илл. 515) на всем пространстве Ближнего и Среднего Востока и, прежде всего, городах Ирана. Изображения подобных воинов этого же периода с ушанками на голове были встречены и на фаянсовой посуде типа «минаи» из Дахистана (Юго-Западный Туркменистан (8, рис. 34). По внешней поверхности орнаментация стенок состоит из повторяющихся схематических спиралевидных абстрактных растительных

композиций типа завиточков и усиков виноградно-лозы, заключенных между двойными радиальными секторными линиями. Роспись люстром светло-коричневого цвета, глазурь белая со слегка желтоватым оттенком.

Следующий наиболее крупный фрагмент представляет из себя донце чаши на глиняной основе диаметром 7 см. Глухая полива белой с голубоватым оттенком цвета покрывает всю поверхность включая поддон. На внутренней центральной части донца люстровой росписью светло-табачного цвета нанесен треугольный мотив, от которого вверх в стороны радиально отходят, видимо, деля чашу на три сектора повторяющиеся растительно-цветочные композиции. Обратный

кольцевой пятючок поддона сплошь замазан люстрам табачного цвета, видимо являясь знаком мастера (рис. 2: 4).

На следующих нескольких мелких фрагментах стенок и венчиков чаш концентрическая ленточная орнаментация по венчику

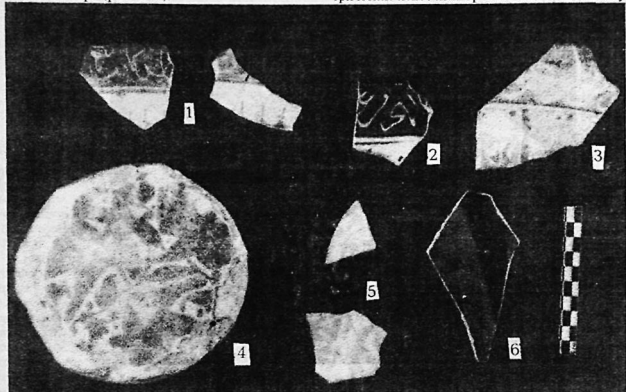

Рис.2.

состоит из выполненных скорописью свободным почерком насх эпиграфических мотивов (рис. 2: 1-3). К сожалению, незначительность фрагментов не позволяет судить о содержании надписей, но большое количество идентичных сосудов из Ирана и даже архитектурных люстровых изразцов XIII в. с горюшница Новая Ниса свидетельствуют, что здесь часто писались четверостишия на персидском языке любовного (9), эпического содержания или суры из корана (3, с. 150-152). На частично сохранившихся стеночках радиальная или концентрическая орнаментация состояла из растительных или псевдорастительных мотивов (рис. 2: 5).

В единственном экземпляре представлен фрагмент стеночки чаши на белой кашиновой основе с синей поливой и росписью люстром табачного цвета, а также кобальтом и черной краской (рис. 2: 6). Необходимо отметить, что кашинны с кобальтовой поливой были встречены и среди материалов Самарканда (10, с. 197) и Мерва (11, с. 355), но без росписи.

В целом, касаясь характера орнаментации, наличие отдельных мотивов и приемов в передаче зооморфных, антропоморфных, эпиграфических и растительных композиций можно отметить, что представленные чаши в большинстве своем напоминают кашанский

стиль художественного оформления люстровых изделий.

Блюда. Имели кольцевой поддон, полу-сферическую форму стенок переходящих в слегка отогнутый наружу бортик, иногда напоминая форму тарелок. Орнаментация, как и на чашах, делилась, исходя из форм, на несколько концентрических ленточных или радиальных повторяющихся секторных поясов. По закраине венчика фиксируется наличие техники «коричневого рта».

На первом наиболее крупном фрагменте донца и части стенки роспись люстром коричневого и темно-коричневого цветов выполнена по белому глушному фону поливы. При этом совершенно контрастно ощущается разница в выцветшем облике люстровой росписи донца, видимо, подвергшейся выщелачиванию во влажной водно-солевой среде и стенки этого же блюда сохранившегося очень хорошо с блестящим отливом коричневой росписи и белой поливы. На различное качество сохранности люстровых изделий зависевшей от среды упоминали и предшествующие авторы (12, с. 308).

По части внешней поверхности, на месте стыка стенки и донца сосуда, грубо выделяются ошлакованные налеты тестовой массы кашинна. Это указывает, что перед нами изделие с небольшим дефектом, но вполне

приемлемое для продажи. Блюдо имело кольцевое донце диаметром 12 см., по центру внешней поддонной части которого нанесено размазанное в виде кляксы люстровое пятно темно-коричневого цвета, видимо служившее, как и на поддоне чаши, отличительным знаком мастера.

Но наибольший интерес вызывает живописная композиция оформления внутренней поверхности изделия (рис. 3). Здесь по центру блюда, в очень тонкой изысканной манере

передано изображение влюбленной романтической пары - юноши играющего на струнном инструменте типа уда, и молодую девушку, склонившуюся в сторону музыканта (1, с. 76). Крутой овал лица, узкий разрез глаз, очертания рта, а также нимб вокруг головы даны тонкими едва заметными в отдельных случаях линиями. В левой руке юноши гриф инструмента, несколько выше на полукруглой части грифа нанесены несколько белых пятен напоминающие колки (1, с. 76).

Рис.3.

Вторая фигура юной девушки характеризуется широким разлетом бровей сходящимися у переносицы, прямым носом, узким разрезом глаз и нимбом вокруг головы, во многом сближая облик персонажей. Прямой пробор делит темные волосы девушки на две половины. Две косы, ниспадающие на плечи изящный головной убор. От верхней части последнего за голову ниспадает белоснежная в коричневых крапинках легкая вуаль. На лбу поверх головного убора читается схематическое изображение диадемы (тилла кош) широко встречающиеся на миниатюрах, при передаче образов аристократических вельможных дам (2, илл. 115-116).

В пышных одеждах юноши и девушки, в первом случае использованы растительно-цветочные, а во втором, наряду с растительными псевдоэпиграфические мотивы. Широкое использование эпиграфического орнамента на одеждах встречаются не только на люстрах исследуемого периода, но и упоминаются в источниках и известны по музейным собраниям (6, каталог 408-411).

В целом необходимо отметить, что лишенные индивидуальности и тиражированные в тысячах экземпляров изображения подобных склонившихся друг к другу влюбленных пар, также как и отмеченные выше изображения всадников, являлись одной из наиболее излюбленных центральных композиций на люстровой керамике стран Ближнего и Среднего Востока в этот период (3, рис. 41, 65, 68; 12. Табл. VII : 2).

Классификация типов изображений и в том числе антропоморфных проведенные предшествующими исследователями на иранских и ближневосточных люстрах позволяет отнести наш образец к стилю кашанских мастеров. Обычно этот центр характеризуется типом лица с утяжеленным, большим подбородком, сросшимися бровями, узкими глазами и высокопоставленным ртом (13, с. 166; 14, с. 114). Нимб вокруг голов, видимо, не только выделяет лица влюбленной парочки в сплошном растительно-цветочном композиционном окружении но и, как в предшествующем случае со всадником, показывает что перед нами хорошо известные в устном народном творчестве, воспетые поэтами легендарные образы любовных героев сказаний.

Выше представленного изображения парочки на стенке блюда сохранилась часть следующего concentрического ленточного орнаментального пояса из эпиграфических мотивов. Здесь, обычно, выписывались лирические четверостишия посвященные описанным персонажам.

Орнаментация по внешней поверхности стенок из-за фрагментарности не дает представление о характере изображения. Можно лишь отметить, что он также состоял из concentрических круговых ленточных поясов, нижнего более широкого, отходящего от кольцевого поддона и части верхнего на котором возможно помещались эпиграфические мотивы.

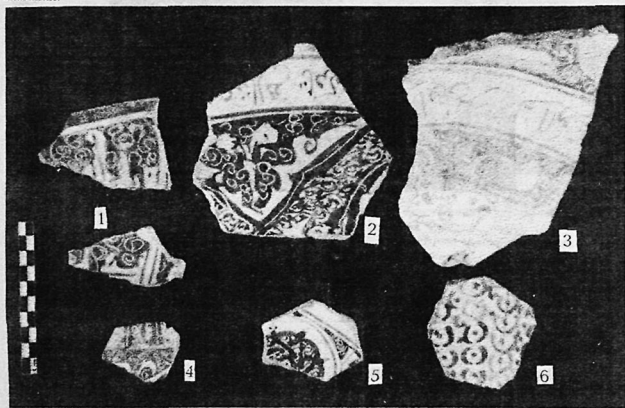

Рис. 4.

Среди фрагментов от остальных блюд выделяется часть массивного донца (рис. 4: 3) и несколько фрагментов от стенок и венчика которые, к сожалению, не дают целостную характеристику композиции (рис. 4: 1, 2, 4, 5), но указывают на традиционный набор тончайших растительно-цветочных и изящных эпиграфических мотивов характерных для исследуемого периода. В двух случаях по внешней поверхности фиксируется очень распространенный на иранских люстрах повторяющийся мотив из радиально отходящих от донца к венчику тонких вертикальных

линий, на которые нанизаны точки и мотивы жирных скобок по краям (12, с. 308).

Эта композиция, видимо являлась условной передачей побегов с лепесточками и ягодками.

Этот же мотив орнаментации был нанесен по внешней поверхности, встреченного в единственном экземпляре, фрагмента стенок банкиобразного сосуда. По внутренней поверхности стенок орнаментация отсутствует, тесто кашина светло-коричневого цвета (рис. 4: 6). Исходя из широких параллелей среди иранских люстровых кувшинов можно отметить, что подобная орнаментация обычно

наносилась по горловине (к венчику) или от основания к середине тулова изделия (3. Рис. 76, 78, 83, 84).

В заключение подытоживая результаты наших изысканий, можно отметить следующее:

1. Представленный комплекс люстровой керамики делится по формам на чаши, кувшины и блюда. На последних в отдельных случаях наблюдается перегиб стенок в бортик, напоминая тарелки.
2. Наряду с подавляющим большинством люстровой посуды на кашиневой основе, встречен единственный экземпляр донца чаши на глиняном черепке.
3. Практиковались глушоны оловянные глазури белых, слегка желтоватых (цвета слоновой кости) и голубоватых оттенков. В единственном экземпляре отмечена глазурь, цвета кобальта.
4. Роспись люстрам наносившаяся поверх поливы (15, с. 42), имела светло или темно-коричневые цвета и в одном случае кобальтом и черной краской.
5. Большинство экземпляров люстровой посуды на основании мотивов и характера живописи могут быть отнесены к кашанскому стилю художественного оформления.
6. Наличие в слое, рядом с нашим комплексом люстровых изделий, остатков керамической печи предполагает их местное производство в Бухаре. В пользу этого мнения может указывать и то обстоятельство, что такое производство разнообразной люстровой посуды было широко налажено в ближайших к Бухаре крупных центрах ремесла как Самарканд (10, с. 198-199), Мерв (16, с. 84-86) и Дахистан (17, с. 137). В то же время отсутствие такого производства в одном из крупнейших городских центров Центральной Азии как Бухара, расположенного в промежуточной трассе между этими центрами и имевший значительный потенциал покупательского спроса, был бы нереален. Другой вопрос в том, что исходя из стиля художественного оформления, по крайней мере, на первоначальном этапе производства, люстровую посуду могли производить приезжие кашанские мастера.
7. Впервые на употребление и частичное производство люстровой посуды в Средней Азии и на Кавказе было отмечено еще в 30-х годах М.М.Дяконовым (18, с. 197). Им же, одним из первых, было отмечено наличие на фаянсовых сосудах иллюстраций на поэтические темы и в частности на сюжеты поэм «Хосров и Ширин», «Шах-наме», давая на блюдах, чашах, кувшинах, иллюстрации к поэмам, украшая сосуд

гирляндами из надписей, содержащих отрывки из любимых произведений (18, с. 196).

8. Интересно также отметить, что, несмотря на значительную схематизированность тип лица представленный на изображении романтической пары во многом напоминает типично тюркские черты. При этом, по данным исследователей, этот тип был характерен для кашанского стиля (утяжеленный подбородок, узкие глаза, высокопоставленный рот, сросшиеся брови (13, с. 168; 14, с. 114). Исходя из этого можно сделать два не исключающих, а возможно, взаимно дополняющих друг друга вывода: во-первых, принимая во внимание, что изображения на люстрах, как и, чуть позже, на миниатюрах, передавали наиболее характерные черты окружающего населения, то можно предположить о значительных в этот период процессах тюркизации соседних с Центральной Азией и, в том числе Ирана, регионов; и, во-вторых, кашанские мастера, а в дальнейшем кашанский стиль сформировался с учетом продажи своей дорогостоящей парадной люстровой посуды под вкусы стран импортирующих ее.
9. Археологические исследования последних десятилетий на территории Центральной Азии подтвердили мнение о передаче на первоначальном этапе новейших технических достижений в керамическом производстве, как для исследуемого времени (20, с. 89), так и для более позднего, но хорошо зафиксированного источниками периода XIX в. (21, с. 72), путем производства новых видов посуды на местах, приезжими мастерами. Это объясняется тем, что представляемая керамика была очень дорогим и хрупким товаром, ее перекупка, караванная транспортировка на большие расстояния, с частичным боем, повышало цену этих изделий. Производство же на местах значительно удешевляло ее, расширяло рынок сбыта и в сравнительно короткие сроки одного, двух десятилетий намного увеличивало ареал его географического распространения (21, с. 72).
10. И в заключение нам еще раз хотелось бы подчеркнуть, что блестящие образцы люстра с интереснейшими иллюстративными сюжетами относились к дорогим парадным видам посуды, являлись украшением полок михминханы и обычно подавались на стол при приеме гостей и на торжествах. Несомненно также, что первоначально импортировавшаяся, а затем производившаяся на местах приезжими мастерами посуда, впоследствии стала

широко исполняться местными мастерами. Датировка комплекса на основании наших материалов, а также приведенных выше

параллелей по соседним регионам может быть отнесена к последней четверти XII - нач. XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев К. Два фрагмента люстровой керамики из Бухары. // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент. 1979.
2. Миниатюры к «Хамсе» Низами. Ташкент. 1985.
3. Oliver Watson. Persian Lustre Ware. London-Boston. 1985.
4. Ernst J. Grube. Islamic Pottery of the eighth to the fifteenth century in the Keir Collection. London. 1976.
5. Jean Soustiel. La Ceramique Islamique. Paris. 1985.
6. Islamische Kunst. Loseblattkatalog unpublishierter werke aus Deutschen museen. Band 2. Mainz/Rhein. 1985.
7. Museum fur Islamische Kunst Berlin. Katalog. 1979. Berlin-Dahlem.
8. Атагарьев Е. Средневековый Дехистан. А. 1986.
9. Гюзальян Л.Т., Дьяконов М.М. Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад. 1949 г.
10. Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. 1969.
11. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - нач. XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад. 1962.
12. Шелковников Б.А. Фаянсы расписные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен Кала. // МИА. Вып. 67. М.-Л. 1959.
13. Pope A. Suggestion towards the Identification of Medieval Iranian Faience // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М. - Л. 1939.
14. Бяшимова Н.С. Поливная керамика Южного Туркменистана. Ашхабад. 1989.
15. Квертфельд Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л. 1947.
16. Путаенкова Г.А. К открытию люстровой керамики Мерва XII в. // ИАН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад. 1960. № 1.
17. Путаенкова Г.А. Искусство Туркменистана. М. 1967.
18. Путаенкова Г.А. Мастер керамист Махаммед - Али Иноятон из Мерва. // СА. 1958. № 2.
19. Дьяконов М.М. Люстровое блюдо с изображением царского двора. // Памятники эпохи Руставели. Л. 1938.
20. Дьяконов М.М. Фаянсовый сосуд с иллюстрациями к Шахнаме. // ТОВЭ. Т. 1. 1939.
21. Мирзаахмедов Д.К. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент. 1990.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИГРУШКИ ТАШКЕНТА И ЕГО ОКРУГИ

Г.И. Богомолов, С.Р. Ильясова

В результате изучения археологических памятников Ташкентского оазиса собрана небольшая коллекция детских терракотовых игрушек. Как показали раскопки на территории самого Ташкента и на ряде памятников региона, игрушки являлись устойчивым компонентом бытовой культуры, так как их находки в абсолютном большинстве связаны с жилыми комплексами. Хронологически самая ранняя группа находок игрушек относится к V-VIII вв. н.э., следующая по времени группа относится к IX-XII вв. наиболее поздняя - к XV-XVII вв.

Детские игрушки независимо от их хронологической принадлежности являются одним из наиболее изученных артефактов бытовой и духовной культуры древнего населения Средней Азии. Правда, в последнее время заметно увеличилось количество находок, намечается локализация их по регионам. Особенно малочисленны игрушки позднего средневековья. Причем необходимо учитывать то, что археологически зафиксированы лишь терракотовые изделия, которые в свою очередь, безусловно, составляли лишь необходимую часть игрушек, изготовлявшихся из недолговечных материалов - деревянных, тряпичных, соломенных и глиняных, точнее из плохобожженной или необожженной глины. Однако именно это обстоятельство породило среди исследователей тенденцию включения определенных групп игрушек, например, фигурок в виде животных, всадников, на ранних этапах в число культовых предметов, а среди исследователей позднесредневековых комплексов - в число элементов художественного оформления ручек крупных сосудов и крышек.

Вместе с тем, легко доступная, пластичная глина была в Средней Азии одним из популярных материалов, а в сочетании с гончарным производством, которое было развито почти повсеместно, все это обуславливало изготовление наряду с посудой для повседневного спроса и глиняных игрушек. Анализ собранного в Ташкенте и его округе за последние годы материала позволил выделить следующие группы - погребушки, зооморфные и антропоморфные фигурки,

всадники, свистульки и миниатюрные сосуды. Правда, среди позднесредневековых игрушек пока зафиксированы лишь три группы - свистульки, копилки и фигурки животных. Среди материалов Ташкента, в основном, представлены лишь последние. Все они были найдены в процессе археологического наблюдения за работами на территории Крытого рынка в центре старгородской части Ташкента. Характер культурных отложений показал интенсивность обживания этой части Ташкента в тимуридскую эпоху.

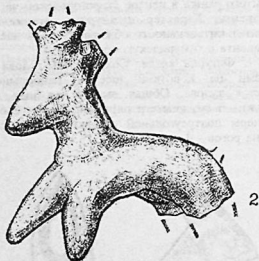
1. Фигурка козла. Сохранилась голова с рогами на короткой шее и наибольшей участок тулова. Общая высота (от шеи до рогов) - 6 см, диаметр округлой шеи - 2 см, размеры подтреугольной головки - 2,5x2 см, длина рогов - 4 см.

Черепок в изломе желтого цвета, хорошо отмучен с небольшой примесью растительных добавок (камышового пуха), обжиг нормальный. Внешняя поверхность фигурки была покрыта слоем белой мелкопористой подгрунтовки, поверх которой уже нанесена полупрозрачная глазурь блекло-голубоватого цвета. Изображение схематично - небольшая головка с острой подтреугольной мордочкой и длинными слегка изогнутыми рогами (причем концы их над спиной животного смыкаются). Характер подгрунтовки и глазури позволяет отнести фигурку к XVI -XVII вв.

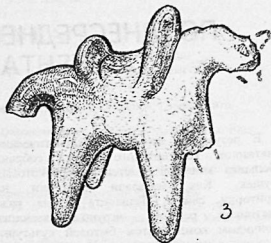
2. Фигурка оленя. Более лучшей сохранности, утрачены часть рогов, задние ноги и небольшая часть крупа. Общие

размеры: высота - 8,2 см, длина - 10 см (из них собственно самого тулова - 7 см). Черепок в изломе желтого цвета, отмучка средняя, тесто с примесью мелких растительных добавок. Обжиг нормальный. Внешняя поверхность покрыта подгрунтовкой белого цвета, мелкопористой структуры, поверх которой нанесена полупрозрачная глазурь голубоватого цвета. Изображение очень схематизировано - крупная голова подтреугольной формы посажена на длинную массивную шею. Тулово тоже длинное с (небольшими) короткими ногами. Рога сохранились на небольшую высоту, но видны короткие острые отростки-веточки. Олень показан не в статичной, а в бегущей позе. По манере и технике исполнения близка к предыдущей фигурке. Как и первая датируется XV-XVI вв.

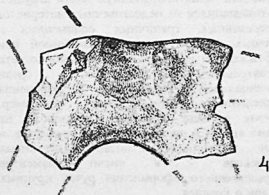
3. Фигурка коня. К сожалению, тоже сохранилась неполностью: утрачена часть головы и передняя нога. Общие размеры: высота - 7,8 см, длина - 10 см, из них тулова - 7,7 см. Длина ног - 3 см. Черепок плотный, в изломе желтовато-розового цвета. Тесто средней отмучки с небольшой примесью мелких растительных добавок. (камышовый пух), обжиг нормальный. Внешняя поверхность фигурки покрыта тонким слоем белой, пористой подгрунтовки, поверх которой, в свою очередь, нанесена полупрозрачная бесцветная глазурь. В результате кажется, что фигурка покрыта белой глазурью с отдельными светлоресничеватыми пятнами, там, где подгрунтовка осыпалась или не легла ровным слоем. Видимо, фигурка перед нанесением поливы была плохо просушена, и глазурь впиталась через подгрунтовочный слой, поэтому при обжиге глазурованная

поверхность тулова покрылась мелкими кавернами, которые расположены хаотично.

Нижняя часть (концы) ног не подгрунтовкой, ни глазурью не покрывались. Само изображение очень схематично. Небольшая головка (сохранившаяся неполностью) помещалась на тонкой изящно изогнутой шее. Хвост - короткий, передан в виде небольшого валика, вытянутого из тулова и опущенного вниз. Возможно, здесь показан элемент моды - подстрижка хвоста скакуна. На спине животного несоразмерно крупное седло с высокой овальной передней лукой. Датируется XV-XVI вв.

4. Сильно фрагментированная фигурка коня. Практически сохранилось только тулово и часть хвоста, все остальное утрачено.

Сохранившаяся высота - 4,6 см, длина - 6,2 см. Черепок плотный, в изломе розоватого цвета, хорошего промеса с небольшими добавками мелкотолченного гипса и растительных добавок. Обжиг нормальный. Внешняя поверхность покрыта тонким слоем белой мелкопористой подгрунтовки, поверх которой нанесена полупрозрачная глазурь голубоватого цвета. Глазурованная поверхность покрыта участками хаотических

мелких каверн. Спина, задние ноги и хвост были дополнительно украшены мазками темной краски. Вообще фигурка вылеплена несколько грубовато, хвост вытянут из тулова и передан в виде массивного валика (диаметром - 1,9 см). Снизу в центре живота еще до обжига аккуратно проточено коническое углубление (вращательным движением острого конца стэка). Возможно - это технический прием для лучшего обжига массивного тулова лошади. Но не исключено, что это рудимент - следы использования магического приема, согласно которому верили, что игра ребенка с подобными фигурками вызывает рост плодоносящих сил природы. Датируется XVI-XVII вв. (характерно наличие каверн на глазурованной поверхности и сочетание голубоватой поливы и мазков темной, коричнево-марганцевой, краски). Этот экземпляр любопытен тем, что он как бы продолжает традицию тимуридской эпохи, когда поверх глазурованной фигурки наносили росписью изображение узды.

Ряд игрушек получен при раскопках на городище Ишкуртан - современный Паркент Ташкентской области. Все они происходят из жилых комплексов и помимо собственных датировочных признаков зажаты керамическим материалом. Как и в предыдущей группе, это в основном фигурки животных. Но в отличие от ташкентских, где преобладают лошади и олень, здесь присутствуют в основном фигурки барана (возможно сказывалось одно из основных занятий населения).

5. Головка от небольшой фигурки барана. Ее сохранившаяся высота - 2,9 см, ширина - 2 см. Черепок в изломе желтоватого цвета, плотный, в качестве отощителя использованы мелкие растительные добавки. Обжиг нормальный. Поверхность фигурки была покрыта белой пористой подгрунтовкой, поверх которой нанесена полупрозрачная глазурь блекло-голубого цвета. Голова животного предельно схематизирована, мордочка имеет клювовидную форму. Глаза, уши и другие детали не проработаны. Небольшие рога плотно прилегают к голове.

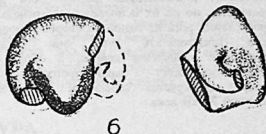

5

Голова была посажена на короткую шею. От тулова сохранился небольшой кусок, судя по которому можно предполагать, что внутри оно

было полым. Качество черепка, цветовая гамма поливы, техника изображения животного не противоречат общей датировки XV-XVI вв.

6. Головка фигурки барана. Головка имеет подтреугольную форму, высота ее - 3,1 см, ширина - 2,8 см. Черепок в изломе кирпично-розоватого цвета, отмучка и обжиг нормальные. С внешней стороны фигурка покрыта слоем мелкопористой подгрунтовки белого цвета, уже поверх которого нанесена глухая (полупрозрачная) глазурь голубовато-синего цвета. Само изображение животного хотя и очень стилизовано, тем не менее легко узнаваемо и живо передает характерные черты кучкара - барана-производителя. Небольшие закрученные вперед рога плотно прилегают к голове. Датируется XV-XVI вв.

6

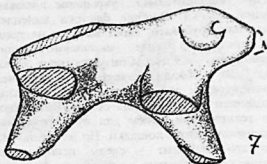
7. Небольшая фигурка барана более лучшей сохранности. Ее общая высота - 4,5 см, при длине - 6,5 см. К сожалению, кусочек задней части фигурки и две ноги обломаны и утрачены. Черепок плотный, в изломе желтоватого цвета, отмучка средняя, тесто с небольшой добавкой камышового пуха и естественной примесью речного песка. Обжиг нормальный. Поверхность фигурки полностью покрыта полупрозрачной поливой грязно-белого цвета, поверх которой нанесены мазки темно-коричневой (марганцевой) краски. Изображение барана очень схематизировано, шея слабо профилирована. Голова - небольшая, глаза, уши, рот не проработаны. Маленькие рога плотно прижаты к голове. По ряду характерных деталей сопутствующего материала датируется XVI-XIII вв.

Еще один фрагмент детской игрушки в виде головы барана происходит с городища Шахрухия. Жилые комплексы этого периода здесь только начинают изучаться, поэтому сделаны лишь первые находки игрушек.

8. Головка фигурки барана, сохранившаяся высота - 3,2 см, ширина 3 см. Рога и туловище отбиты и утрачены. Черепок плотный, в изломе желтоватого цвета, тесто хорошего промеса с небольшой примесью песка и мелких растительных добавок. Обжиг нормальный. Поверхность поделки была сразу (без предварительной подгрунтовки) покрыта глухой мелкозернистой глазурью бело-серого цвета. От кончика носа к затылку проведена узкая полоса блекло-голубого цвета. Само изображение очень схематизировано. Глаза не выделены, шея короткая. Морда имеет удлиненную, клювовидную форму. Рога не сохранились, но по их основанию и отпечатку острого конца рога на одной из сторон головы можно предполагать, что они были традиционно закручены вперед, а образ в целом изображает барана-производителя (кучкара). Датируется серединой - второй половиной XVIII века.

Единичной находкой другой группы игрушек является сосудик-копилка. Она происходит с территории Старого Ташкента из мусорной ямы. Игрушка оформлена в виде небольшого сосудика, изготовленного на гончарном круте с сильно раздутым в плечиках (почти шаровидным) туловом с вытянутым основанием на плоском днище. Размеры: высота - 7,2 см, диаметр дна - 3,8 см, наибольший диаметр тулова (по плечикам) соответствует высоте сосуда - 7,2 см. Черепок в изломе желтовато-розоватого цвета, отлущка средняя, в качестве отощителя использованы добавки песка. Обжиг нормальный. Ангобное покрытие отсутствует. Внешняя поверхность отглажена рукой или тряпкой. На ней сохранились следы песка и гумусных отложений - залегания копилки в мусорной яме. Верхняя часть сосудика полностью закрыта и оформлена в виде небольшой шишечки, которая прямо по центру еще до обжига прорезана узким шелевидным

отверстием для монет, длина его - 4 см. Датируется XVI-XVII вв. Видимо, этот тип копилки был устойчив в течении длительного времени. С территории Ташкента происходит еще одна копилка аналогичной формы, но немного крупнее и датирующаяся XI-XII вв. В Отраре известно несколько близких по форме копилочек, датированных XIII-XIV вв. Правда, исследователи называют их округлыми коробочками и прорези у них сделаны наискось или горизонтально в районе плечиков.

Обнаруженных игрушек немного, в большинстве своем это фрагменты терракотовых фигурек животных. Основываясь на этнографических материалах, Е.М.Пешерева отмечает, что в сельских местностях Ягноба, Дарваза и долины Зеравшана "глиняные игрушки, изображающие животных, распространены гораздо меньше, чем деревянные. Абсолютное преобладание среди публикуемых находок именно терракотовых статуэток можно объяснить, либо тем, что игрушки из органических материалов попросту не сохранились, либо тем, что все наши находки происходят их городских центров, где гончарное производство было более развитым, чем в сельских местностях.

Интересен типовой состав ташкентских игрушек: это - конь, олень, баран и козел. Причем, видимо, преобладание той или иной игрушки было обусловлено ориентацией населения на сельскохозяйственное или городские промыслы. В маленьких городских центрах, тесно связанных с сельским хозяйством преобладали игрушки в виде барана-производителя. Поэтому среди находок с Ишкургана (Паркента) преобладает образ барана, как и в соседнем с ташкентским регионом - Отраре, а в самом Ташкенте - кони, козлы, олени.

Анализ этих находок показывает, что в позднесредневековых игрушках продолжают традиции предшествующего времени, но отличаются прежде всего дальнейшей схематизацией, тенденцией в известной мере к огрублению обработки поверхности изделия,

теста, ухудшением качества поливы. Так на образцах XVII века исчезает подгунтовка и качество поливы ухудшается. Но тем не менее, все они изготовлены профессионально. Даже такие мелкие сосуды, как копилки изготавливались на гончарном круге. В то же время, хотя игрушки и продолжают линию приемственности, все больше происходит схематизация образов. Исчезают такие детали - как изображение глаз, рта, ушей. Выделяются лишь самые основные характерные черты - рога у барана, седло у лошади. Сходная тенденция наблюдается и у современных мастеров-керамистов". Дальнейшее развитие идет по линии превращения узнаваемого животного в образ "зверя" вообще, скомпонованного из элементов, взятых от разных животных. По этим деталям иногда можно узнать, кто изображен: если седло, то лошадь, если колокольчики - верблюд, когти - лев".

Вместе с тем, игрушки сохраняют и известную преемственность с архаическими магическими приемами и культовыми представлениями. Интересно, что мастера старались изготавливать их к весенним праздникам (Наврзу, Курбанбайраму). Как

отмечает Е.М.Пещерева: "В день праздника весеннего равноденствия все население кишлаков выбиралось на крыши домов. Взрослые, сидя на разостланных на крышах войлоках угощали друг друга праздничными блюдами, а дети играли в разные игры. Взрослые в этот день особенно внимательно наблюдали за тем как играют дети. так как по характеру детских игр и по тому во что играют, гадали о том, как пройдет предстоящий год. Если игры у детей ладилась и они играли дружно и не ссорясь, год должен был быть спокойным и удачным; если дети ссорились или играли в слишком шумные игры, переходящие в свалку, год будет беспокойным".

Кроме того, сами образы игрушек были тесно связаны с представлениями древнего населения о производящих силах природы. Именно поэтому основным образом был кучкар - баран-производитель.

Таким образом, находки позднесредневековых игрушек Ташкента и его окружи являются важным связующим звеном, без изучения которого невозможно проследить развитие народного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 37; Акишев К.А., Байпаков К.А., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987, с. 169.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. ..., с. 169.
3. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв..с.162, рис. 60, 2, 5
4. Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков материалам 1924-1935 гг.//Сборник Музея антропологии и этнографии. Том XVII. М.-Л., Изд. АН СССР, 1957, с.34.
5. Г.Дервиз, Д.Митянский. Керамическая игрушка. // Современная керамика народных мастеров Средней Азии. Издательство "Советский художник". М., 1974, с. 27.
6. Е.М.Пещерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков..., с. 65.

ФАУНА ДОМАШНИХ И ДИКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ГОРОДИЩА СТАРЫЙ ТЕРМЕЗ.

А.Р.Батыров.

В течении 1981-1988 гг. В Термезе сотрудниками Института археологии АН РУз под руководством Ш.Р.Пидасва произведены раскопки на городище Старый Термез. Основные силы были обращены на стратиграфический шурф № 1 и № 2 на цитадели, которая расположена в юго-западной части городища, над самым берегом Амударьи. Шурф № 1 заложен в северо-восточной ее части на одной из возвышенностей. Общая площадь шурфа 30 м². В шурфе выделено 5 горизонтов, которые датируются следующим образом:

I горизонт - XVI в. н.э.

II горизонт - VI-VII вв. н.э.

III горизонт - V-VI вв. н.э.

IV горизонт - V в. н.э.

V горизонт - IV в. - начало V в. н.э.

Шурф № 2 заложен у южной стены в восточной половине цитадели. В нем выявлено 13 строительных горизонтов. Материалы происходят из 4 горизонтов. Они соответственно датируются:

X горизонт - I в. до н.э.

XI горизонт - I в. до н.э.

XII горизонт - первой половиной II в. до н.э.

XIII горизонт - второй половиной III в. до н.э.

Вся фаунистическая коллекция собрана и обработана строго по горизонтам. В частности, из шурфа № 1 (5 строительных горизонтов) определена 891 кость от 108 особей. А из шурфа № 2 (4 строительных горизонта) 645 костей от 103 особей.

Нам удалось установить 15 видов млекопитающих (табл. 1).

Мелкий рогатый скот (*Ovis, Capra*).

По обилию костных остатков овцам и козам принадлежит первое место. Они встречаются во всех горизонтах. Всего определена 691 кость от 82 особей.

В III¹ - № 1 (552/38) и XIII горизонт в III - № 2 (210/27)².

Данные о составе костных останков приведены в таблице 2. Среди них мы находим все элементы осевого и периферического скелета. Наиболее незначительными экземплярами являются стержни рогов и фрагменты черепа. Среди коллекции также единичны фаланги пальцев, тогда как из других памятников аналогичные кости, как правило, многочисленны. Сохранность костей, найденных в кухонных отходах, довольно плохая, что связано с использованием костного мозга из длинных трубчатых костей в пищу. Исключением являются лишь астрагалы, пяточные и метаподиальные кости, в которых, костный мозг незначителен или отсутствует.

Возраст животных, судя по их костным останкам, очень различен. Состояние изношенности коренных зубов позволяет предположить, что есть и старые особи. Но они единичны.

Для определения возраста мы использовали хорошо сохранившиеся экземпляры нижних челюстей (табл. 3). Приведенные в таблице цифры показывают, что овцы и козы старше двух лет составляют 48,1% (26 шт.). Вторую по численности группу образуют животные в возрасте от года до двух лет - 33,3% (18 шт.). Еще меньше в останках особей в возрасте от трех до 12 месяцев - 14,9% (8 шт.). Наконец, совсем мало в материале животных моложе трехмесячного возраста - 3,7% (2 шт.).

Это обстоятельство объясняется тем, что челюсти молодых животных еще очень хрупкие, сохраняются в культурном слое археологических памятников несколько хуже, чем челюсти взрослых животных.

¹ III - шурф

² Кости / особи

ТАБЛИЦА № 1

Видовой состав, количество костей и особей диких и домашних животных из цитадели городища Старый Термез

		Шурф № 1 1981 - 1982 гг.					
№	Виды	I-II горизонт		III горизонт		IV-V горизонт	
		кости	особи	кости	особи	кости	особи
ДИКИЕ							
1	Лисица	5	1	-	-	-	-
2	Кулан	-	-	-	-	-	-
3	Кабан	-	-	2	1	-	-
4	Олень	1	1	1	1	6	2
5	Джейран	1	1	7	1	1	1
6	Сибирский козел	5	1	-	-	-	-
7	Баран	-	-	-	-	4	1
		12	4	10	3	11	4
ДОМАШНИЕ							
8	Собака	-	-	-	-	3	2
9	Лошадь	39	12	-	-	34	4
10	Осел	6	1	7	2	19	5
11	Верблюд	4	1	2	2	6	2
12	Свинья	-	-	1	1	2	1
13	Коза	6	3	-	-	-	-
14	Крупный рогатый скот	23	9	98	6	209	8
15	Мелкий рогатый скот	68	14	58	8	279	16
		146	40	166	19	552	38
	ИТОГО	158	44	176	22	563	42
	Дикие в %	7.5	9.0	12.7	13.6	1.9	9.5

Шурф № 2 1981 - 1982 гг.										
№	Х горизонт		XI горизонт		XII горизонт		XIII горизонт		Всего	
	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи	кости	особи
ДИКИЕ										
1	-	-	-	-	2	2	-	-	7	3
2	-	-	-	-	-	-	3	1	3	1
3	6	2	1	1	-	-	1	1	10	5
4	-	-	2	1	1	1	5	1	16	7
5	-	-	-	-	1	1	2	2	12	6
6	-	-	-	-	-	-	-	-	5	1
7	-	-	-	-	1	1	-	-	5	2
	6	2	3	2	5	5	11	5	58	25
ДОМАШНИЕ										
8	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2
9	3	3	-	-	5	2	8	2	89	23
10	4	2	3	1	7	4	4	2	50	17
11	-	-	-	-	-	-	1	1	13	6
12	2	1	4	2	6	3	2	1	17	9
13	2	1	4	2	-	-	7	1	19	7
14	7	2	49	4	54	7	63	5	503	41
15	68	10	20	5	83	18	115	11	691	82
	86	19	70	14	155	34	200	23	1385	187
	92	21	83	16	160	39	211	28	1442	212
	6,5	9,5	3,6	12,5	3,1	12,8	5,2	17,8	3,5	11,3

ТАБЛИЦА 2.

Состав костных останков домашних животных обнаруженных при раскопках цитадели
Старого Термеза в 1981 - 1982 и 1985, 1988 гг.

№	Виды	Шурф № 1 1981 - 1982 гг.						
		лошадь	осел	верблюд	свинья	КРС	МРС	козы
1	Стержень рога	-	-	-	-	3	3	-
2	Фрагмент черепа	1	-	1	1	5	18	5
3	Нижняя челюсть	3	1	-	1	7	56	-
4	Отдельные зубы	2	-	-	-	10	2	-
5	Позвонки	7	-	1	-	58	72	-
6	Рёбра	7	2	2	-	45	41	-
7	Лопатка	4	1	-	1	6	30	-
8	Таз	5	-	1	-	9	32	-
9	Плечевая кость	-	1	-	-	10	28	-
10	Лучевая-локтевая	1	4	1	-	13	30	-
11	Берцовая	3	2	-	-	9	3	-
12	Бедренная	5	1	2	-	8	16	-
13	Пяточная	1	2	-	-	9	3	-
14	Астрагал	2	1	2	-	15	3	-
15	Метаподий	7	8	-	-	19	38	1
16	I фаланга	7	4	2	-	11	2	-
17	II фаланга	4	1	-	-	-	-	-
18	III фаланга	3	-	-	-	-	-	-
19	Запястье и предплюсна	5	2	-	-	17	-	-
20	Фрагмент трубчатой кости	-	3	-	-	79	14	-

№	Шурф № 2 1985 - 1988 гг.						
	Лошадь	осел	верблюд	свинья	КРС	МРС	козы
1	-	-	-	-	2	2	2
2	1	-	-	4	2	10	4
3	2	-	-	2	3	25	1
4	-	6	-	-	5	6	-
5	1	-	-	-	47	46	2
6	1	-	-	-	13	14	2
7	-	-	-	3	4	18	1
8	-	1	-	2	4	18	1
9	-	2	-	-	3	22	1
10	-	1	-	1	7	21	-
11	-	-	-	2	2	12	1
12	-	1	-	-	-	11	-
13	2	-	-	-	2	3	-
14	3	-	-	1	4	1-	-
15	2	2	-	-	10	21	2
16	2	4	1	-	4	2	-
17	-	1	-	-	6	-	-
18	1	-	-	-	-	-	-
19	-	-	-	-	4	-	-
20	10	-	-	-	53	29	-

КРС - Крупный рогатый скот

МРС - Мелкий рогатый скот

ТАБЛИЦА 3

Возрастной состав овец и коз на цитадели городища Старый Термез

Состояние ситемы коренных зубов нижней челюсти	Возраст в месяцах	Количество исследованных челюстей	
		абс.	%
Отсутствует М1	До 3	2	3,7
Есть М1 - Отсутствует М1	3 - 12	8	14,9
Есть М2 - Отсутствует М1	12 - 24	18	33,3
Есть М3	старше 24	26	48,1
ИТОГО		54	100,0

Полученные данные показывают, что основной контингент животных, использованных в пищу, образуют особи старше двух лет. Вместе с годовалыми они составляют 81,4 % овец и коз.

Известно, что мы часто находим в останках кости овец и коз в перемешанном виде. Они хорошо различимы по строению костных стержней рогов и мозгового отдела черепа. Различия имеются и в костях пост-

краниального скелета, описанию которых посвящена обстоятельная работа В.И.Громова (2, с. 1-122). Однако, определение костей домашних форм значительно труднее, чем у диких, а у молодых особей еще труднее, чем у взрослых. Надежные результаты дает изучение фрагментов черепов с рогами, метопидиальные кости, на основании которых мы попытались установить наличие костных останков коз и овец (табл. 4).

ТАБЛИЦА 4

Название костей	Козы		Овцы	
	Количество		Количество	
	костей	%	костей	%
1. Фрагменты черепа, стержни рогов	9	31,0	19	69,0
2. Пясть	3	25,0	9	75,0
3. Плюсна	1	16,7	5	83,3

Из приведенной таблицы видно, что по всем сопоставленным костям в стаде преобладают овцы.

Костных стержней рогов *Ovis* обнаружено мин. - 4 экз. Размеры и структурные особенности указывают на их принадлежность баранам.

Изучение фрагментов мозгового отдела черепа показывает, что большинство фрагментов принадлежит камолым особям. Из 16 изученных фрагментов мозгового отдела черепа в 13 случаях были безрогими, в 2 случаях прослеживались небольшие шероховатые буторки (1,5-4 см) на поверхности лобных костей. По-видимому, эти экземпляры принадлежат самкам и в отдельных случаях - камолым самцам.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о преобладании камолых особей, на их долю приходится примерно 75-80 % найденных фрагментов мозгового отдела *Ovis*, тогда как на долю рогатых - 20-25 %. Одновременное существование камолых и рогатых особей отражено и в изобразительном искусстве Старого Термеца.

О существовании в стаде мелкого рогатого скота и камолых особей отмечается

и Цалкиным в Древнем Хорезме (2, с. 120-124), тогда как Громова утверждает исключительную комолость мелкого рогатого скота из Каунчитела (3, с. 54-56). Морфологическая характеристика овец изучалась на основе промеров, наиболее хорошо сохранившихся костей скелетов овец. (табл. 5).

Сравнение промеров некоторых субфосильных костей скелета овец из Старого Термеца (пясть, плюсна, лучевая кость, 1 фаланга) с костями из других памятников и с костями современных видов подтверждает предположение о существовании в стаде двух пород овец - каракульских и курдючных. При этом, все-таки преобладала каракульская порода овец. Курдючная порода, видимо, содержалась в незначительном количестве, исключительно для мясных целей.

Как отмечалось выше, среди мелкого рогатого скота 20-25 % костей принадлежат козам. По нашим данным, самцы и самки были рогатыми. По некоторым подсчетам (лобная часть черепа с рогами, стержни рог) в стаде козлов самки составляли 70-75 %, а самцы - 25-30 %.

ТАБЛИЦА 5
Размеры костей скелета мелкого рогатого скота (МРС)

Показатель	Экз	Предел	В среднем
Длина			
альвиолярного ряда нижнекоренных зубов	11	65,0-84,5	77,0
моляр	11	44,5-58,5	52,8
примоляр	11	18,0-27,5	23,8
диостемы	10	31,5-56,0	42,2
высота челюсти на уровне М2	10	24,5-41,0	32,3
Ширина			
суставной впадины лопатки	17	34,0-41,5	37,3
нижнего эпифиза плечевой кости	22	28,5-36,0	30,5
Длина			
лучевой кости	6	152,5-169,5	160,8
верхнего эпифиза	24	28,0-38,5	34,7
нижнего эпифиза	8	30,0-33,0	31,9
диафиза	11	16,5-22,5	
Ширина			
нижнего эпифиза большой берцовой кости	15	25,5-31,0	28,8
верхнего эпифиза	3	30,5-45,0	39,0
Длина			
пясти	10	125,0-148,0	135,15
плюсны	5	129,0-147,0	138,7
Ширина			
верхнего эпифиза пясти	13	22,5-27,5	25,2
передне-заднего диаметра	14	16,5-21,5	18,6
нижнего эпифиза	12	25,5-31,0	28,1
передне-заднего диаметра	11	16,5-19,0	17,9
диафиза	14	14,0-17,0	16,0
верхнего эпифиза плюсны	16	19,0-24,5	22,7
передне-заднего диаметра	16	21,0-25,0	22,5
нижнего эпифиза	6	25,0-29,0	26,9
передне-заднего диаметра	6	16,0-18,0	17,2
диафиза	10	12,5-15,5	13,9
Длина			
пяточной кости	5	57,5-65,0	13,9
астрала	9	28,0-35,5	31,0
I фаланги	3	40,0-40,5	40,7
Ширина			
метаподий	6	23,0-28,5	26,0
передне-заднего диаметра	6	15,5-18,5	17,2

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*).

Второе место по обилию костных остатков животных, после мелкого рогатого скота занимает крупный рогатый скот. Из двух шурфов определено 503 фрагмента костей скелетов от 41 особи (табл. 1). Среди костных фрагментов наиболее многочисленными оказались позвонки, ребра, астрагалы, отдельные зубы, дистальные и проксимальные части длинных трубчатых костей (табл. 2). Редко встречаются фрагменты черепа, стержня рога и они, как обычно, для измерения не пригодны. Судя по характеру, структуре и сросренности эпифизов, швов на костях крупного рогатого

скота, две трети материала принадлежит взрослым особям. Встречаются и фрагменты относительно старых особей, но количество их незначительно. Сильная раздробленность краниологического материала, рогов и челюстей затрудняет характеристику морфометрических особенностей. В нашем распоряжении для морфометрического измерения пригодными оказались лишь большое количество костей скелета - пясть, плюсна, астрагал, I, II фаланги пальцев и пяточных костей (табл. 6). Если мы сопоставим вышесказанные кости с аналогичными костями из Древнего Хорезма (3, с. 112-114), то увидим, что минимальные и максимальные размеры костей крупного

рогатого скота из Старого Термеза на 2-5 мм больше, а по некоторым промерам (пять и

плюсна) они близки из Каунчи-тепа (4, с. 49-53).

ТАБЛИЦА 6
Размеры костей скелета крупного рогатого скота (КРС)

Показатель	Экз	Предел	В среднем
Длина			
альвиолярного ряда нижнекоренных зубов	2	143,0; 151,5	147,0
моляр	2	87,5; 91,0	89,2
примоляр	2	54,0; 55,0	54,5
диостемы	1	73,5	-
высота челюсти на уровне М2	2	61,5; 64,0	62,7
Ширина			
нижнего эпифиза плечевой кости	1	72,5	-
верхнего эпифиза лучевой кости	8	68,5 - 78,5	73,3
нижнего эпифиза большой берцовой кости	9	54,5 - 76,0	67,7
верхнего эпифиза большой берцовой кости	2	68,5; 85,0	76,7
Длина			
пясти	4	182,5 - 211,0	198,3
плюсны	3	231,0 - 247,0	240,3
Ширина			
верхнего эпифиза пясти	6	46,0 - 61,0	54,1
нижнего эпифиза пясти	3	46,5 - 57,0	52,6
диафиза	3	24,0 - 29,0	27,0
верхнего эпифиза плюсны	4	38,5 - 49,5	45,5
нижнего эпифиза плюсны	2	53,0; 59,0	56,0
диафиза	4	21,0 - 29,5	25,0
Длина			
пяточной кости	3	129,5 - 135,0	132,0
астрала	15	53,5 - 73,0	64,5
I фаланги	11	55,0 - 65,5	59,7
II фаланги	9	37,0 - 46,5	41,6
Ширина			
метаподий	7	47,0 - 68,0	55,3

Лошадь - *Equus caballus*.

Костных останков, принадлежащих лошади, определено 89 минимально от 23 особей. В горизонтах они были распределены по-разному (табл. 1). Основная масса костей скелета сильно раздроблена, хорошо сохранились лишь метаподиальные кости I-III фаланги и отдельные изолированные коренные зубы (табл. 2). Из таблицы видно, что в горизонтах среди обнаруженных костей замство преобладающих по количеству экземпляров нет. Ни одна кость скелета по количеству не достигает 10 экземпляров. В слой, в основном, попали фрагменты массивных костей и костей малонасыщенных и лишенных костного мозга. 70-80 % костей принадлежат взрослым особям. Фрагменты костей старых или молочных особей встречаются в единичных экземплярах. Морфометрические измерения удалось произвести лишь на некоторых конечностях целых костей скелета.

Из таблицы 7 видно, что кости лошади из Старого Термеза по некоторым размерам сходны с костями лошади из слоев кушанской эпохи и Каунчитепа (5, с. 93; с. 46-48), а по средним размерам уступают хорезмийским (3, с. 136-137).

Осел.

Из двух шурфов Старого Термеза нами определено 50 костных фрагментов, принадлежащих 17 особям. Костные останки осли имеются во всех горизонтах, но в ограниченном количестве (табл. 1). В отличие от мелкого, крупного рогатого скота и даже лошади, они сравнительно меньше раздроблены и лучшей сохранности. Подавляющее большинство костей принадлежит взрослым особям. Это, видимо, связано с неиспользованием мяса осли в пищу. О морфологической характеристике можно судить по некоторым промерам костей наконечностей. Так, например, длина плюсны варьирует (п-3)

184,5-203,5 мм, в среднем 198,6 мм; длина пясти (п-3) - 155,5-171,5 мм, в среднем 163,1 мм. Длина I фаланги (II-4) - 60,0-69,5 мм, в среднем 63,9 мм. Тогда как промеры аналогичных костей из Древнего Хорезма соответственно - (п-13) 204-224 мм, в среднем

211,75 мм; (п-10) 170-189 мм, в среднем 175,9; (II-14) 63-73 мм, в среднем 67,14 мм (3, с. 139). Сравнения показывают, что ослы Старого Термеза по своим размерам несколько уступали хорезмийским.

ТАБЛИЦА 7
Размеры костей скелета лошади

Показатель	Экз	Предел	В среднем
Длина			
альвиолярного ряда нижнекоренных зубов	1	168,5	-
моляр	1	79,0	-
примоляр	1	85,0	-
Ширина			
суставной впадины лопатки	4	60,5 - 63,0	61,6
нижнего эпифиза метоподий	1	48,0	-
нижнего эпифиза большой берцовой кости	2	67,0; 76,0	71,5
Длина			
пясти	5	212,5 - 236,0	219,1
плюсны	4	266,0 - 274,0	269,0
Ширина			
верхнего эпифиза пясти	5	47,5 - 52,5	49,9
нижнего эпифиза пясти	5	46,5 - 52,5	48,4
верхнего эпифиза плюсны	4	48,0 - 52,0	33,8
нижнего эпифиза плюсны	4	48,5 - 50,0	49,2
диафиза	4	29,0 - 34,0	31,0
Длина			
пяточной кости	2	107,5; 110,0	108,5
астрала	3	55,0 - 64,0	58,2
I фаланги	7	82,0 - 91,5	86,2
II фаланги	4	41,0 - 52,0	47,6
III фаланги	3	75,5 - 86,0	81,8
высота подъема копыта	3	44,0 - 60,0	54,0

Свинья - *Sus serofa domesticus*.

Костные остатки свиньи из культурных слоев городища Старого Термеза были обнаружены, в основном, в горизонтах, которые датируются до VI в. н.э., но абсолютно отсутствуют в более поздних. Это, несомненно, связано с распространением ислама, запрещавшего употреблять свинину в пищу. Число костей свиньи в горизонтах незначительно, всего 17 костей от 9 особей. Если их разложить по своим слоям, то можно проследить тенденцию - чем древнее горизонт, тем больше костей (табл. 1). Как обычно, в слоях эпохи античности и средневековья Узбекистана остатки домашней свиньи незначительны: обычно встречаются фрагменты лобной части черепа или нижней челюсти, фрагменты посткраниального скелета (табл. 2).

Характер костей указывает на преобладание молодых особей (60-70 %), что характерно для Каунчи-тепа, Древнего Хорезма, Древнего Ташкента и памятники юга

Узбекистана (6, с. 152; с. 49-56). Эти данные еще раз подтверждают, что в древности и средневековье жители Узбекистана специально разведением свиней в больших масштабах не занимались.

Верблюд - *Camellus*

Костей, принадлежащих верблюду, найдено немного (13/6). Они обнаружены во всех горизонтах, но их количество различно (табл. 1). Обычно встречались черепа и отдельные части посткраниального скелета (табл. 2).

Известно, что в Среднеазиатском регионе существует два вида верблюдов - одногорбый и двугорбый. За недостаточностью и фрагментарностью остеологического материала не всегда удается определить действительную видовую принадлежность. Размеры костей скелета верблюда:

- общая длина I фаланги - 96,0 мм.
- общая длина астрала - 82,0 мм.

Сравнивая их с костями скелета верблюда из Древнего Хорезма - длина I фаланги - 63-73 мм, в среднем 67,14 мм и из Каунчи-тепа - общая длина астрагала - 87,0; 75,0; 68,0 мм, можно говорить о принадлежности костей верблюда из Старого Термеза к виду *S.bactrianus*, или же к гибриду между двумя видами (3, с. 141-142; 4, с. 56).

В.В. Донченко пишет, что рост обоих видов существенной разницы не имеет, но кости двугорбого выглядят относительно мощнее, чем у одногорбого, а еще мощнее выглядят у гибридов.

Собака - *C.familiaris* L.

Найдено всего 3 кости от двух особей (табл. 1). Это нижнечелюстная ветка (2 экз.) и ребро (1 экз.). Их размеры: альвиолярная длина нижнекоренных зубов - 75,5 мм; длина моляр - 37,0; 36,5 мм; длина примоляр - 38,0 мм. Отдельные из этих промеров (длина нижнекоренных зубов) совпадают с размерами собаки из Каунчи-тепа (75,00 мм) (Громова, 1940), тогда как материалы из Туркмении (Алтын-депе) - 68,0 мм, несколько уступают (4, с. 58).

Дикие животные.

В культурных слоях шурфов № 1 и № 2 Старого Термеза обнаружены костные останки 7 видов диких млекопитающих. Все эти виды являлись объектом охоты древнего населения юга Узбекистана. Число костных останков в горизонтах по видам различны (табл. 1).

Лисица - *Vulpis vulpis* L.

Кости лисицы обнаружены в I-II горизонтах шурфа № 1 и XII горизонте шурфа № 2 в общем количестве 7 костей от 3 особей. Это фрагменты черепа и нижней челюсти. Их размеры:

- верхняя мозговая длина - 63,0 мм
- скуловая ширина - 71,0 мм
- длина моляр - 27,0 мм
- общая длина нижней челюсти - 102,0; 102,5 мм.

Кулан - *Equus himionus*.

Вид этот для данной территории известен с древних времен. Многочисленные костные останки обнаружены в слоях Сапаллитепе, Джаркуган, Кучуктепа, Талашкантепа и других поздних памятниках. Из Старого Термеза выявлены лишь останки из XII горизонта (3/1).

В настоящее время этот вид для данной территории считается вымершим.

Кабан - *Sus scrofa* L.

Кабан в бассейне Амударьи в древности был довольно обычен, однако, судя по костным останкам, охота на него не была широко распространена в Термезе даже в доисламское время. Найдено всего 10 костей минимально от 5 особей (табл. 1).

Среди обнаруженных останков есть фрагменты лобной части черепа, челюсти, зубы и отдельные кости конечностей. Они резко отличаются от костей домашней свиньи гораздо более крупными размерами.

Бухарский олень - *Cervus*.

Определено 16 костей минимально от 7 особей. Все обнаруженные кости сильно раздроблены, сохранились лишь основания рогов, дистальные и проксимальные части трубчатых костей, астрагалы. Морфометрические измерения некоторых костей - рогов, метоподий, фаланг, астрагала указывают на его принадлежность бухарским оленям. Бухарский олень с древнейших времен являлся объектом охоты древних обитателей юга Узбекистана. Обнаружение костных останков оленя во всех горизонтах шурфов Старого Термеза говорит об интенсивной охоте на него в период с III в. до н.э. - XVI в. н.э.

Джейран.

В Узбекистане ископаемые костные останки джейрана известны со времени среднего плейстоцена до современности. Эта своеобразная антилопа являлась одним из основных охотничьих животных, обитавших в пустыне степях. Изображение этой антилопы найдено на керамике из поселения Джаркуган, расположенного в Шерабадской степи. Из раскопок Старого Термеза нами обнаружено 12 костей минимально от 6 особей (табл. 1). В слоях обычными являются стержни рогов, отдельные зубы и фрагменты посткраниального скелета. Судя по морфологическим промерам некоторых костей, джейран из Старого Термеза существенных отличий от ранее известных находок Узбекистана не имеет. Отличия прослеживаются лишь в половой принадлежности и в возрасте. Это можно проследить даже в промерах стержней рогов из слоев Старого Термеза, например:

	1 экз.	2 экз.	3 экз.
Обхват у основания рога	98,0	100,0	125,0 мм
Поперечник у основания рога	24,0	24,5	27,0 мм
Ширина у основания рога	34,0	34,0	39,0 мм
Длина рога по внутренней кривизне	168,0	175,0	170,0 мм
Длина рога по внешней кривизне	175,0	200,0	192,0 мм

Сибирский козел - *Capra sibirica*.

Обнаружено 5 фрагментов костей от 1 особи. Сибирский козел - характерный представитель высокогорных ландшафтов.

Баран - *Ovis*.

Определено 5 костей от 2 особей. По величине и по некоторым морфометрическим признакам мы эти кости предварительно отнесли к диким формам.

Выводы.

Археологические находки из стратиграфических шурфов № 1 и № 2 городища Старый Термез дали нам возможность определить и установить наличие 7 диких и 8 домашних млекопитающих. Несомненно, этот перечень млекопитающих для исследуемого региона далеко не полон. Несмотря на это, они могут в какой-то степени охарактеризовать некоторые хозяйственные стороны древних и средневековых термезцев. Так, например, по костным останкам - 96,0 % по особям - 88,7 % костей принадлежит домашним видам, тогда как 4,0 %; 11,3 % костей принадлежит диким видам. По горизонтам эти цифры представлены в таблице 1. По ним видно, что термезцы преимущественно занимались

скотоводством. При этом основное место среди домашних животных занимал мелкий рогатый скот (51,3 %; 47,5 %). Последующие второе и третье места занимал крупный рогатый скот (36,3%; 22,4 %) и лошади (6,4 %; 12,3 %). Эти три вида в общей сложности составили 94,0 % по количеству костей и 82,2 % по количеству особей из выявленных домашних млекопитающих. Термезцы также занимались охотой, но судя по костным останкам, она играла второстепенную роль. Охота была преимущественно направлена на дополнительное добывание мясной пищи. Термезцы охотились на относительно крупных стадных копытных - оленя, джейрана, кабана, кулана. Они также добывали и представителей горного ландшафта - сибирского козла, диких баранов. Незначительное количество костей горных видов связано, видимо, с удаленностью и труднодоступностью мест их обитания. Из перечисленных 7-ти диких видов полностью исчезли с данной территории кулан, единицами можно встретить в отдельных местах джейрана, кабана, сильно сократилась численность бухарского оленя, еще выше в горы вытеснен сибирский козел и баран.

Ни один из этих видов в настоящее время промыслового значения не имеет.

ЛИТЕРАТУРА.

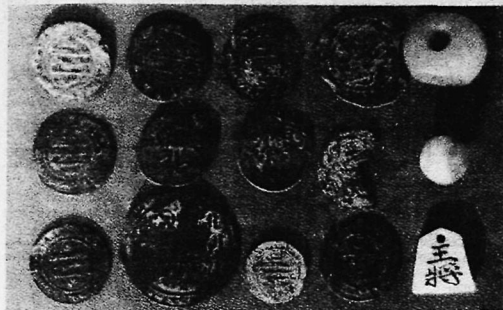
1. Пидзев Ш.Р. Отчет Термезского археологического отряда за 1987 г. // Архив Института археологии АН РУз. Самарканд, 1988.
2. Громова В.И. Остеологические отличия родов *Сарча* (козы) и (бараны) // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1953. X вып.
3. Цалкин В.И. Фауна Древнего Хорезма в свете данных археологии // Древние животные в племенах Восточной Европы и Средней Азии. МИА, М., 1966.
4. Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Кауничи-тепа (раскопки 1935 года). Ташкент, 1940.
5. Батыров Б.Х. Костные останки животных из слоев Кушанской эпохи на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
6. Худайбердиев Т.Н. Фауна древнейших поселений Ташкента // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
7. Батыров А.Р. Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана // ИМКУ, вып. 18, Ташкент, 1983.
8. Донченко В.В. Верблюды Кара-Калпакии // Труды Туркменского сельхозинститута. т.IV, 1940.
9. Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению останков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракалпакские древности. в. III, Ашхабад, 1970.

ҚУЛДОРТЕПА ВА ТОПИЛГАН ИЕРОГЛИФ ЁРЛИҚ

Н. Бегалиев.

Ўзбекистон ўтмишига доир мавжуд ҳар бир моддий маданият ёдгорлиги мозий

Басиста шахрининг ушбу ёдгорлик билан бир эканлиги ҳақидаги фикрларига ҳам эътибор

бериш кераклигини эслатиб ўтишга тўғри келади. Жумладан, антик давр муаррихлари асарларида тилга олинган Басиста шахри ҳақида 1899 йилда махсус мақола ёзган Томашек Диодор ва Квинт Курций Руф маълумотларига таяниб: «Басиста - ўрмон ва чашмаларга бой бўлган тоғлик вилоят бўлиб, Мароканд

саҳифасидан ўз ўрнини эгаллаши, тўғри баҳоланиши ва ниҳоят, шу асосда тарихга хизмат қилиши керак. Шу туфайли Ватанимиз ўтмишига доир ҳар бир топилдик катта аҳамиятга эга. Самарқанд вилояти ҳудудида қўллаб ўтмиш моддий маданияти ёдгорликлари учрайди. Шундай йирик археологик кўрикхоналардан бири Ургут туманидаги Қулдортепа ёдгорлигидир. У анчадан бери археолог-тарихчи олимларнинг диққатини ўзига жалб қилиб келмоқда. Мазкур объект В.И.Сарианиди (1954-1955), Б.Я.Ставиский, М.Х.Урмановлар (1955-1957) томонларидан ўрганилган бўлиб, бу ҳақдаги ахборот илмий ва илмий-оммабоп нашрларда ўз аксини топган.(1)

Археологик адабиётларда Қулдортепа номи билан машҳур бўлган бу ёдгорлик (махаллий аҳоли Куллартепа деб атайди) Суғднинг қадимий Маймуғ вилояти ҳокимининг қароргоҳи бўлиб, мазкур шаҳар хитой манбаларида Босидэ номи билан тилга олинган. Шу ўринда айрим олимларнинг антик давр муаррихлари асарларида қайд қилинган ва Александр Македонский юришлари муносабати билан тилга олинган

(Самарқанд) ҳудудида жойлашган» дейди. Шунингдек, олим Басиста Панжакент, Мағиён ёки сойларга бой бўлган Ургутда бўлиши мумкинлигини кўрсатади ва мазкур сўзнинг этимологиясини эронча *bazista* - "серб, мўлкўл" маъносидалар деб қайд қилади.(2)

Кейинги давр тарихчи олимларининг хитой манбаларида қайд қилинган Босидэ шахри ҳақидаги маълумотларга эътибор бермаганликлари мазкур топонимнинг ўрни турлича талқин қилиниб келинаётганлигига сабаб бўлган бўлса ажаб эмас. (3) Хитойнинг Тан сулоаси даври (618-907) йилномаси "Син Тан-шу" ("Тан давлатининг янги йилномаси")-да Ми (ми ёки Мимохэ деб ҳам атайди)лар) ҳокимлиги Кан (Самарқанд)дан 100 ли (30 км) масофада жойлашган бўлиб, ҳоким резиденцияси Босидэ шахридадир. Юн-хуэй ҳукмронлиги даврида (650-656) араблар томонидан таланди. Сянь-цин ҳукмронлигининг (6.11.658-28.6.659) учинчи йилида Наньми округи деб номланди, унинг ҳокими Чжоу Кайчжога вилоят вани (ҳукмрони, князи) унвони берилди, деб қайд қилинади.(4)

Шахристонда археологик изланишлар олиб борган Б.Я.Ставиский Босидэнинг йирик

арк ва бақувват мудоффа деворларига эга бўлганлигини кўрсатади.(5)

Кулдортепадан топишган моддий маданият ёдгорликлари ҳамда уларнинг тарихий қиммати ҳақида ўз вақтида бир қатор фикрлар билдирилган бўлиб, эндиликда улар тарихимиз саҳифасидан ўзининг мустақкам ўрнини эгаллаган. Бироқ ёдгорликнинг археологик жиҳатдан кенг ўрганилмаганлиги унинг қаърида яшириниб ётган сирларнинг ёритилишини такоза қилмоқда. Кулдортепадан топилаётган турли нумизматик материаллар, коропластика намуналари ва бошқалар фикримизнинг далилидир. Жумладан, 1972 йили бу қадимий шаҳар харобаларидан мактаб ўқувчилари хитой иероглифи битилган VI-VII асрларга мансуб ёрлик топишган эди (мазкур ёрлик археолог Г.В.Шишкина қўлида сақланмоқда). Бу топилиш тарихий асарларда қайд қилинган хитой-суғд муносабатлари ҳақидаги хабарларни тасдиқлайдиган далилий ашё сифатида муҳим аҳамиятга эга.

Ўзбекистон ва қўшни республикалар археологиясида хитой иероглифлари битилган палеографик ёдгорликлар жуда кам. Агар Тан династияси билан сиёсий ва иқтисодий алоқаларнинг кенгайиши натижасида мазкур ҳудудда Хитой пулларига айнан ўхшаш тангаларнинг зарб қилиниши (Панжакент харобаларидан топишган нумизматик материаллар) (6). Муғ қалъасидан топишган учта хитойча ҳужжатни ҳисобга олмасак, бундай топишмаларнинг жуда кам учраши Кулдортепадан топишган ёдгорликнинг қиймати катта эканлигини кўрсатади.

Мазкур ёрликдаги ёзувларни ўқишга муваффақ бўлолмаганимиз туфайли узоқ вақт у ҳақда фикр билдираолмадик. Топилманинг Г.В.Шишкинага беришдан мақсад ҳам уни кенг илмий жамоатчиликка маълум қилиш ва тарихий баҳосини белгилаш эди. Афсуски, натижа биз кутгандай бўлиб чиқмади. Фақат 1991 йилдагина новосибирсклик синолог А.Г.Маявкин кўмаги билан мазкур иероглиф сирларидан воқиф бўлдик. Олимнинг қайд қилишича, мазкур ёрликдаги (А.Г.Маявкин

уни пайцза деб атайди) иероглиф иккита бўлиб, уларни қуйидагича ўқиш ва талқин қилиш мумкин: "Биринчи, юқоридаги иероглиф атоқли от бўлиб, "Ван" деб ўқилади. Шунингдек, "ван" сўзи "князь, ҳоким, ҳукмдор ҳамда шу сўзларга яқин маъноларда ишлатилади.

Иккинчи, пастдаги иероглиф "Цзян" деб ўқилиб, исм маъносидан ва бундан ташқари "саркарда, йўлбошчи" ва бошқа маъноларда ҳам қўлланади. Шунингдек, ёрдамчи сўз бўлиб қелиши ҳам мумкин.

Шундай қилиб, иероглиф атоқли от сифатида Ван Цзян деб ўқилиши ёки унвон маъносидан "Ван цзян", яъни "ҳукмдор саркарда" (командующий князь) тарзида ўқилиши мумкин.

Олим ёрлик ҳақида яна шундай дейди: "Мазкур топилиш тарихий ёдгорлик бўлиб, унинг ёшини аниқ белгилаш янада муҳим"(7). Ҳақиқатан ҳам, хитой йилномаларида император ҳокимиятининг ўз саройини улуғлаш ва халқаро обруйини мустаҳкамлаш мақсадида қўшни ўлкалар ҳокимларига "Ван" - князь, ҳукмдор, ҳоким унвонини бериши жорий қилганлиги ҳақидаги маълумотлар мавжуд.

Ёрликнинг қадимий суғд еридан топилиши эса ўзига хос тарихга эга бўлиши мумкин. Бунда қайд қилганимиздек, ёрликнинг хитой императори томонидан шаҳар ҳокимига "ван" (князь, ҳоким) берилиши муносабати билан юборилган бўлиши ҳам, ёки 751 йилда Таласда тор-мор қилинган хитой қўшинларидан асир тушиб, мазкур шаҳарга қелиб қолган жангчиларга мансуб бўлиши эҳтимол ҳам бор. Харҳолда мазкур ёрлик Буюк Ипак йўлида жойлашган Самарқанд шаҳрининг қадимий халқаро алоқалари ҳақида гувоҳлик берувчи ёдгорлик сифатида Туркистон тарихига ноёб манбадир. Шунинг учун ҳам тарихчи олимларимиз ушбу ёрликка, унда битилган сўзларнинг тарихига (тарихий манбаларда унга ишора бўлиши мумкин) эътибор берсалар яхши бўлар эди.

АДАБИЁТЛАР:

1. Б.Я.Ставицкий. М.Х.Урманова. Гороdice Кулдортепа (Работы 1955 г.), СА № 1, с. 231-235.
2. PE, III, 1899, cm, b. 178, S. V. Basista, Tomaschek.
3. Е.А.Мончакская О "царском городе" или "второй столице" Согдианы. ВДИ. 1959, № 2, с. 118-121.
4. А.Г.Маявкин. Танские хроники о Государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989, с. 83-84.
5. Б.Я.Ставицкий. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956-1957 гг. СА, 1960, № 4, с. 113-121.
6. О.И.Смирнова. Сводный каталог содгийских монет. Бронза. М., 1981, с. 35-44.
7. А.Г.Маявкиннинг мақола муаллифи қўлида сақланган хатидан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Хуан Ибаррече Дуке	
К 70 - летию со дня рождения (биографический очерк)	7
Г.П. Деревянко, У.И. Исламов, В.Т. Петрик, Р.Х. Сулейманов, Ж.К. Таймагамбетов, А.И. Кривошапкин, А.А. Анайкин, А.Н. Зенин, К.А. Крахмаль, К.А. Алимов	
Результаты возобновления исследований грота Оби-Рахмат	10
Н.Х. Тошкенбоев	
Самарқанд вилоятининг юқори палеолит ёдгорликларини ўрганиш муаммолари	15
Дитрих Хуфф, Ш.Б. Шайдуллаев	
Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан	19
Н.А. Аванесова, Н. Ташпулатова	
Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустан VI)	27
В.Д. Рузанов	
К вопросу о истоках оловянистых бронз в металлообрабатывающих производствах племен юга Средней Азии в эпоху бронзы	37
Б.Х. Матбабаев	
Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чустской культуры	41
М.Э. Хужаназаров	
Вопросы периодизации и сюжетно-стилистического анализа наскальных рисунков Варзика	55
М.Х. Исамиддинов, К. Рапен	
К стратиграфии городища Коктепа	68
К.А. Alimov, N. Boroffka, Ju. F. Burjakov, J. Cierny, J. Lutz, H. Parzinger, E. Pernicka, V. Ruzanov, T. Sh. Shirinov and G. Weisgerber	
Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign	80
В.М. Массон	
Цивилизация древнего Хорезма (этапы и пути самоидентификации)	88
И.Д. Иваницкий, О.Н. Иневаткина	
Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996-1997 гг.)	96
Э.В. Ртвеладзе	
Газаба - Гозбон	104
В.Н. Ягодин	
Курганный могильник Джиделибулак-1 на Устюрте	110
К. Абдримов	
Қадимги Хоразм илмий мактабнинг бош астроархеологик мезонлари	123
К.А. Абдуллаев	
Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкургона (Северная Бактрия)	126
Ш.Р. Пидаяв	
К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии	133
Ш.Т. Адылов	
Оросително-дренажная система г.Бухары в древности и средневековье	138
М.Х. Пардаев	
Жиззах воҳасининг VII-VIII асрлардаги кулоллик идишлари	145
Т.И. Лебедева	
Здание близ Кафыркалы под Самаркандом - замок или дахма ?	152
Н.С. Байматова	
"Купольное сооружение" в стенной росписи Пенджикента	166
Б. Абдулгазиева	
Раннесредневековая керамика Ферганы	184
А.М. Маликов	
Тюрки в Тохаристане в VI-VIII вв.	194
Г.А. Пугаченкова	
Шахнаме, как источник к познанию доисламской материальной и художественной культуры Ирана и Турана	198

А.А. Раимқулов	
Корхона - Ўрта Осиёдаги қадимий насронийлар черков - монастыри	213
А.А. Грицина	
О погребениях в хумах в Зааминском тумане	223
М.Х. Пардаев, С.С. Сутонов, А.Х. Пардаев	
Шимолий-ғарбий Уструшонада сугорма дехқончилик хўжалигининг пайдо бўлиши ва тараққиёт босқичлари	226
Д.К.Мирзаахмедов, С.Ильясова, Ш.Т.Адылов	
Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 1. Стекланные изделия	237
Б.Д. Кочнев	
Монетный чекан Кубы (X-XI вв.)	246
А.А. Анарбаев	
Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента	255
Ю.Ф. Буряков	
Добыча золота и серебра в Средней Азии в средневековье	364
О.А. Папахристу	
К вопросу о функциональном назначении двух печей из Эски Ахси (Ахсикет) в Фергане	274
М. Мамбетуллаев	
Кердерская чаша	286
О.Т. Доспанов, Н.Ж. Торежанова	
К изучению металлических изделий из городища Джанпык-Калы	291
Д.К. Мирзаахмедов	
Новые находки люстровой керамики из Бухары	298
Г.И. Богомоллов, С.Р. Ильясова	
Позднесредневековые игрушки Ташкента и его округи	305
А.Р. Батыров	
Фауна домашних и диких млекопитающих городища Старый Термез	310
Н. Бегалиев	
Қуддортепа ва топилган иероглиф ёрлик	319

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ИМКУ !

В ИМКУ принимаются статьи объемом до 1 п.л. в 2 экземплярах, напечатанные на пишущей машинке через 2 интервала или соответственно на компьютере (статьи, набранные на компьютере, принимаются на дискетах). К статье прилагается список иллюстраций, список сокращений и краткое резюме на английском языке. Ссылки на литературу в тексте делаются с указанием фамилий автора, года издания и страниц. Например: (Грязнов, 1963, с. 12). Статьи со сносками не принимаются. Список использованной литературы дается в конце статьи в следующем порядке:

Фамилия автора, название работы, место и год издания.

Например:

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. М., 1963.

Некрасова Е.Г. Хазиры Бухары // ОНУ, 1998, № 3.

Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы // ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962.

Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII-начала XX вв. Как исторический источник. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1987.

Иллюстрации должны быть четкими с соблюдением всех правил их оформления, размерами не более 16х24 см., ксерокопии иллюстраций не принимаются. Ссылки на иллюстрации в тексте обязательны. Количество иллюстраций не ограничивается.

**СТАТЬИ, НАБРАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ УКАЗАННЫХ ПРАВИЛ
РАССМАТРИВАТЬСЯ НЕ БУДУТ.**